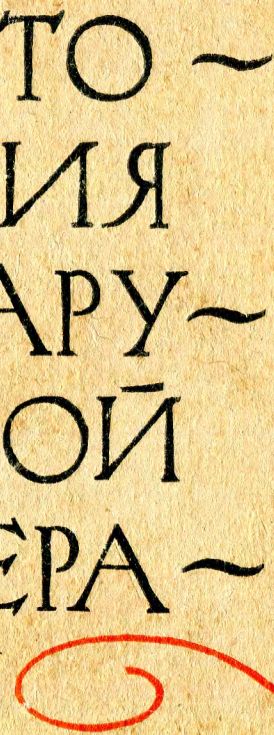

ХРЕСТО ~
МАТИЯ
ПО ЗАРУ ~
БЕЖНОЙ
ЛИТЕРА ~
ТУРЕ

A red decorative flourish consisting of a vertical line with a small loop at the top and a larger, more complex loop at the bottom, extending from the right side of the text.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Для VIII—IX классов средней школы

Составитель
В. А. Скороденко

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

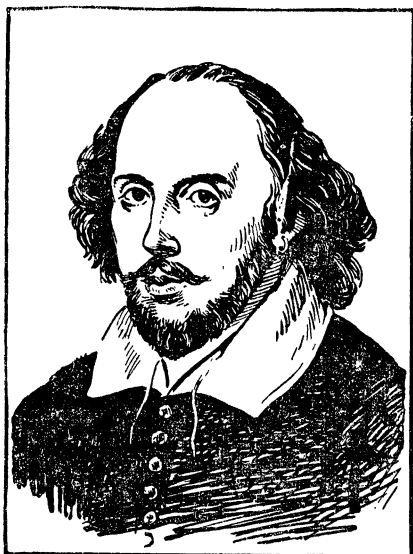
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»
МОСКВА 1972

УТВЕРЖДЕНА
МИНИСТЕРСТВОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО
ПОСОБИЯ ДЛЯ VIII—IX КЛАССОВ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

В «Хрестоматии по зарубежной литературе для VIII—IX классов средней школы» собраны тексты произведений, изучение которых предусмотрено учебной программой по литературе для средних школ. В соответствии с этой программой в VIII классе учащиеся знакомятся с творчеством французского классициста Мольера (по одной из двух предложенных на выбор пьес — «Скупой» или «Мещанин во дворянстве») и английского романтика Байрона (лирика и одна из двух поэм на выбор — «Паломничество Чайльд Гарольда» или «Корсар»), в IX классе — с величайшими творениями человеческого гения — шекспировским «Гамлетом» и гётевским «Фаустом» (первая часть), а также с одним из произведений классической французской литературы XIX века — новеллой Стендаля «Ванина Ванини» или новеллой Бальзака «Гобсек».

Текстам произведений, помещенных в хрестоматию, предисланы краткие литературно-биографические справки о писателях и краткая библиография работ на русском языке.

Хрестоматия построена по принципу хронологического расположения материала.

ШЕКСПИР

Вильям Шекспир (William Shakespeare, 1564—1616), великий английский драматург и поэт эпохи Возрождения, родился в городке Стрэтфорд-на-Эвоне, где сейчас находится Мемориальный Шекспировский театр. Когда отец будущего поэта, зажиточный по тем временам торговец, разорился, пятнадцатилетний Вильям вынужден был самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Около 1585 года молодой человек отправился в Лондон, где, сменив, как об этом гласит предание, несколько профессий, решил стать актером. В 1599 году он сделался одним из пайщиков только что основанного знаменитого театра «Глобус».

Как драматург Шекспир начал выступать с конца 80-х годов XVI века. Исследователи считают, что сначала он обрабатывал и «подновлял» уже существовавшие пьесы и лишь затем перешел к созданию своих собственных произведений. Впрочем, многие драмы Шекспира — и среди них такие известные, как «Король Лир», — являются глубоко оригинальными переделками более древних пьес либо созданы на сюжеты, использовавшиеся в дошекспировской драматургии.

Наследие Шекспира составляют тридцать семь пьес. Наиболее известны из них комедии «Укрощение строптивой» (1593), «Много шума из ничего» (1598), «Как вам это понравится» (1599), «Двенадцатая ночь» (1600), исторические хроники «Ричард III» (1592) и «Генрих IV» (1597), трагедии «Ромео и Джульетта» (1594), «Отелло» (1604), «Король Лир» (1605), «Макбет» (1605), «Ан-

товий и Клеопатра» (1606), «Буря» (1612). Величайшей трагедией Шекспира является «Гамлет» (1601), или «Трагическая история о Гамлете, принце датском».

Эта трагедия воплотила горький исторический парадокс, согласно которому эпоха Возрождения, раскрепостившая личность и освободившая ее от гнета средневековых предрассудков, явилась началом перехода к новому общественному укладу — капиталистическому, с его предрассудками, с его экономическим и духовным гнетом. «Так на рубеже двух миров,— писал советский исследователь творчества Шекспира М. Морозов,— дряхлеющего мира феодализма и нового, рождающегося мира капиталистических отношений — возникает перед нами скорбный образ датского принца. Эта скорбь не случайна. Ее переживал и сам Шекспир, в произведениях которого не раз звучат скорбные мотивы, переживали и многие из его современников. Распадение феодальных связей породило величайший расцвет освобожденной мысли и живого искусства. Но на смену феодальному миру шел мир капиталистический, несший новое рабство для народа, новые оковы для мысли. Гуманисты той эпохи могли только мечтать о счастье человечества, они могли толковать жизнь, но создать это счастье, изменить жизнь они были бессильны. Они создавали утопии. Но они не знали и не могли в ту эпоху знать реальных путей к осуществлению своих благородных мечтаний. И разлад между мечтой и действительностью порождал в них «гамлетовскую» скорбь. Трагедия Гамлета по существу своему является трагедией гуманизма той эпохи, расцветшего на холодной утренней заре капиталистической эры».

В пьесах Шекспира действуют живые люди; в его драмах раскрыты все характернейшие проявления человеческой природы — честность и предательство, благородство и низость, бескорыстие и зависть, любовь и ненависть, самоотверженность и коварство, ум и страсть — в их диалектическом единстве, т. е. в том виде, как они существуют в жизни.

Великий гений Шекспира сообщил бессмертие всему, что им создано. Его пьесы не сходят с театральных подмостков на протяжении нескольких столетий, каждое новое поколение считает его своим современником: огромный поэтический дар Шекспира, бескомпромиссность в постановке и решении им острейших моральных проблем и напряженнейших нравственных конфликтов не могут устареть. «Душа нашего века, чудо нашей сцены, он принадлежит не одному веку, но всем временам»,— писал о Шекспире его младший современник, английский драматург Бен Джонсон.

Трагедия «Гамлет» дается в классическом переводе русского советского поэта *Бориса Пастернака*. Историко-литературные справки и примечания принадлежат *М. Морозову*.

Произведения Шекспира можно прочитать в издании:

Уильям Шекспир. Полное собрание сочинений, в 8 т. М., «Искусство», 1957—1960.

О жизни и творчестве Шекспира см:

А. Аникст. Вильям Шекспир. М., «Молодая гвардия», 1964. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

А. Аникст. Творчество Шекспира. М., Гослитиздат, 1963.

Г. Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир, изд. 2. М.—Л., «Искусство», 1964.

М. Морозов. Предисловие к книге: Вильям Шекспир. Гамлет. М., Детгиз, 1956.

ГАМЛЕТ

ИСТОРИЯ СЮЖЕТА

Легенду о Гамлете впервые записал в конце XII века датский летописец Саксон Грамматик. В древние времена язычества — так рассказывает Саксон Грамматик — правитель Ютландии был убит во время пира своим братом Фенгом, который затем женился на его вдове. Сын убитого, молодой Гамлет, решил отомстить за убийство отца. Чтобы выиграть время и казаться безопасным в глазах коварного Фенга, Гамлет притворился безумным: валялся в грязи, размахивал руками, как крыльями, кричал петухом. Все его поступки говорили о «совершенном умственном оцепенении», но в его речах таилась «бездонная хитрость», и никому не удавалось понять скрытый смысл его слов. Друг Фенга (будущего шекспировского Клавдия), «человек более самоуверенный, чем разумный» (будущий шекспировский Полоний), взялся проверить, точно ли Гамлет безумен. Чтобы подслушать разговор Гамлета с его матерью, этот придворный спрятался под лежавшей в углу соломой. Но Гамлет был осторожен. Войдя к матери, он сначала обыскал комнату и нашел спрятавшегося согладата. Он его убил, разрезал труп на куски, сварил их и бросил на съедение свиньям. Затем он вернулся к матери, долго «язвил ее сердце» горькими упреками и оставил ее плачущей и скорбящей. Фенг отправил Гамлета в Англию в сопровождении двух придворных (будущие шекспировские Розенкранц и Гильденстерн), тайно вручив им письмо к английскому королю с просьбой умертвить Гамлета. Как и в трагедии Шекспира, Гамлет подменил письмо и английский король вместо него послал на казнь двух сопровождавших Гамлета придворных. Английский король ласково принял Гамлета, много беседовал с ним и дивился его мудрости. Гамлет женился на дочери английского короля. Затем он вернулся в Ютландию, где во время пира напоил Фенга и придворных пьяными и зажег дворец. Придворные погибли в огне. Фенгу Гамлет отрубил голову. Так восторжествовал Гамлет над своими врагами.

В 1576 году французский писатель Бельфоре пересказал эту древнюю легенду в своих «Трагических повестях». В 80-х годах XVI века на лондонской сцене была поставлена пьеса о Гамлете, написанная, вероятно, драматургом Томасом Кидом. Пьеса эта потеряна. В ней был выведен призрак отца Гамлета (это все, что мы знаем об этой пьесе). Таковы были источники, пользуясь которыми, Шекспир в 1601 году создал своего «Гамлета».

ВРЕМЯ И МЕСТО ДЕЙСТВИЯ

Легенда о Гамлете, как мы видели, принадлежит глубокой древности: если действительно произошли события, описанные Саксоном Грамматиком, они, вероятно, относятся к IX веку. Но в шекспировском «Гамлете» мы находим множество деталей, относящихся к значительно более позднему времени. Например, в трагедии упоминается пушечная пальба, а порох был изобретен лишь в XIV веке. Местом действия трагедии является находящийся в датском городке Эльсиноре (на берегу пролива, отделяющего Данию от

Скандинавского полуострова) укрепленный замок, который был здесь построен лишь в XVI веке. Шекспир указывает, что Гамлет учился в Виттенберге (в Германии), а между тем университет в этом городе был основан также лишь в XVI веке (в 1502 году). Большинство бытовых и прочих деталей «Гамлета» принадлежит Англии эпохи Шекспира. Но главное — живой действительности эпохи Шекспира принадлежат описанные в трагедии люди, их мысли, чувства, отношения между ними. Под маской старины и чужеземных имен Шекспир показывал зрителям картину современного ему общества.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клавдий, король датский.
Гамлет, сын прежнего и племянник нынешнего короля.
Полоний, главный королевский советник.
Горацио, друг Гамлета.
Лаэрт, сын Полония.
Вольтиманд } придворные.
Корнелий }
Розенкранц } бывшие университетские товарищи Гамлета.
Гильденстерн }
Озрик.
Дворянин.
Священник.
Марцелл } офицеры.
Бернардо }
Франциско, солдат.
Рейнальдо, приближенный Полония.
Актеры.
Два могильщика.
Призрак отца Гамлета.
Фортинбрас, принц норвежский.
Капитан.
Английские послы.
Гертруда, королева датская, мать Гамлета.
Офелия, дочь Полония.
Лорды, леди, офицеры, солдаты, матросы, вестовые и свитские.

Место действия — Эльсинор.

АКТ I

СЦЕНА 1

Эльсинор. Площадка перед замком¹. Полночь. Франциско на своем посту. Часы бьют двенадцать. К нему подходит Бернардо.

Бернардо

Кто здесь?

Франциско

Нет, сам ты кто, сначала отвечай.

Бернардо

Да здравствует король!

¹ Специально устроенная эспланада, открытое и ровное пространство вокруг замка. Атакующая неприятельская пехота, пересекая это пространство, подвергала себя особой опасности.

Франциско

Бернардо?

Бернардо

Оп.

Франциско

Вы позаботились прийти в свой час.

Бернардо

Двенадцать бьет; поди поспи, Франциско.

Франциско

Спасибо, что сменили: я озяб,
И на сердце тоска.

Бернардо

Как в карауле?

Франциско

Все, как мышь, притихло.

Бернардо

Ну, доброй ночи.
А встретятся Гораций и Марцелл,
Подсменные мои,— поторопите.

Франциско

Послушать, не они ли.— Кто идет?

Входят Горацио и Марцелл.

Горацио

Друзья страпы.

Марцелл

И слуги короля.

Франциско

Прощайте.

Марцелл

До свиданья, старина.

Кто вас сменил?

Франциско

Бернардо на посту.

Прощайте.

(Уходит.)

Марцелл

Эй! Бернардо!

Бернардо

Вот так так!

Гораций здесь!

Горацио

Да, в некотором роде.

Бернардо

Гораций, здравствуй; здравствуй, друг Марцелл.

Марцелл

Ну как, являлась нынче эта странность?

Бернардо

Пока не видел.

Марцелл

Горацио считает это все
Игрой воображения и не верит
В наш призрак, дважды виденный подряд.
Вот я и предложил ему побыть
На страже с нами нынешнею ночью
И, если дух покажется опять,
Проверить это и заговорить с ним.

Горацио

Да, так он вам и явится!

Бернардо

Присядем,

И разрешите штурмовать ваш слух,
Столь укрепленный против нас, рассказом
О виданном.

Горацио

Извольте, я сажусь.

Послушаем, что скажет нам Бернардо.

Б е р н а р д о

Минувшей ночью,
Когда звезда, что западней Полярной,
Перенесла лучи в ту часть небес,
Где и сейчас сияет, я с Марцеллом,
Лишь было час...

Входит П р и з р а к

М а р ц е л л

Молчи! Замри! Гляди, вот он опять.

Б е р н а р д о

Осанкой — вылитый король покойный.

М а р ц е л л

Ты сведущ — обратись к нему, Гораций.

Б е р н а р д о

Ну что, напоминает короля?

Г о р а ц и о

Да как еще! Я в страхе и смятенье!

Б е р н а р д о

Он ждет вопроса ¹.

М а р ц е л л

Спрашивай, Гораций.

Г о р а ц и о

Кто ты, без права в этот час ночной
Принявший вид, каким блистал бывало
Похороненный Дании монарх?
Я небом заклинаю, отвечай мне!

М а р ц е л л

Он оскорбился.

Б е р н а р д о

И уходит прочь.

Г о р а ц и о

Стой! Отвечай! Ответь! Я заклинаю!

П р и з р а к уходит.

М а р ц е л л

Ушел и говорить не пожелал.

¹ Согласно древнему поверью, призраки не могли заговорить первыми.

Б е р н а р д о

Ну что, Гораций? Полно трепетать.
Одна ли тут игра воображенья?
Как ваше мнение?

Г о р а ц и о

Богом поклянусь:
Я б не признал, когда б не очевидность!

М а р ц е л л

А с королем как схож!

Г о р а ц и о

Как ты с собой.
И в тех же латах, как в бою с порвеждом,
И так же хмур, как в незабвенный день,
Когда при ссоре с выборными Польши
Он из саней их вывалил на лед.
Невероятно!

М а р ц е л л

В такой же час таким же важным шагом
Прошел вчера он дважды мимо нас.

Г о р а ц и о

Подробностей разгадки я не знаю,
Но, в общем, вероятно, это знак
Грозящих государству потрясений.

М а р ц е л л

Постойте. Сядем. Кто мне объяснит,
К чему такая строгость караулов,
Стесняющая граждан по ночам?
Чем вызвана отливка медных пушек,
И ввоз оружия из-за рубежа,
И корабельных плотников вербовка,
Усердных в будни и в воскресный день?
Что кроется за этою горячкой,
Потребовавшей ночь в подмогу дню?
Кто объяснит мне это?

Г о р а ц и о

Постараюсь.
По крайней мере, слух таков. Король,
Чей образ только что предстал пред нами,

Как вам известно, вызван был на бой
Властителем норвежцев Фортинбрасом.
В бою осилил храбрый Гамлет наш,
Таким и слывший в просвещенном мире.
Противник пал. Имелся договор,
Скрепленный с соблюдением правил чести,
Что вместе с жизнью должен Фортинбрас
Оставить победителю и земли,
В обмен на что и с нашей стороны
Пошли в залог обширные владенья,
И ими завладел бы Фортинбрас,
Возьми он верх. По тем же основаниям
Его земля по названной статье
Вся Гамлету досталась. Дальше вот что.
Его наследник, младший Фортинбрас,
В избытке прирожденного задора
Набрал по всей Норвегии отряд
За хлеб готовых в бой головорезов.
Приготовлений видимая цель,
Как это подтверждают донесенья, —
Насильственно, с оружием в руках,
Отбить отцом утраченные земли.
Вот тут-то, полагаю, и лежит
Важнейшая причина наших сборов,
Источник беспокойства и предлог
К сумятице и сутолоке в крае.

Б е р н а р д о

Я думаю, что так оно и есть.
Не зря обходит в латах караулы
Зловещий призрак, схожий с королем,
Который был и есть тех войн виновник.

Г о р а ц и о

Он как сучок в глазу души моей!
В годá расцвета Рима, в дни побед,
Пред тем как властный Юлий пал¹, могилы
Стояли без жильцов, а мертвецы
На улицах невнятицу молили.
В огне комет кровавилась роса,
На солнце пятна появлялись; месяц,
На чем влияньи зиждет власть Нептун²,
Был болен тьмой, как в светопреставленье.

¹ Юлий Цезарь (100—44 годы до н. э.) был убит заговорщиками во главе с Брутом и Кассием (см. трагедию Шекспира «Юлий Цезарь»).

² Нептун — бог моря в древнеримской мифологии. Горацио говорит о влиянии луны на проливы и отливы моря.

Такую же толпу дурных примет,
Как бы бегущих впереди события,
Подобно наспех высланным гонцам,
Земля и небо вместе посылают
В широты наши нашим землякам.

Призрак возвращается.

Но тише! Вот он вновь! Остановлю
Любой ценой! Ни с места, наважденье!
О, если только речь тебе дана,
Откройся мне!
Быть может, надо милость сотворить
Тебе за упокой и нам во благо,
Откройся мне!
Быть может, ты проник в судьбу страны
И отвратить ее еще не поздно,
Откройся!
Быть может, ты при жизни закопал
Сокровище, неправдой нажитое, —
Вас, духов, манят клады, говорят, —
Откройся! Стой! Откройся мне!

Поет петух.

Марцелл,

Держи его!

Марцелл

Ударить алебардой?

Горацио

Бей, если увернется.

Бернардо

Вот он!

Горацио

Вот!

Призрак уходит.

Марцелл

Ушел!

Мы раздражаем царственную тень
Открытым проявлением насилия.
Ведь призрак, словно пар, неуязвим,
И с ним бороться глупо и бесцельно.

Бернардо

Он отозвался б, но запел петух.

Горацио

И тут он вздрогнул, точно провинился
И отвечать боится. Я слышал,
Петух, трубач зари, своею глоткой
Пронзительною будит ото сна
Дневного бога. При его сигнале,
Где б ни блуждал скиталец-дух: в огне,
На воздухе, на суше или в море, —
Он вмиг спешит домой. И только что
Мы этому имели подтвержденье.

Марцелл

Он стал тускнеть при пенье петуха.
Поверье есть, что каждый год, зимою,
Пред праздником Христова рождества
Ночь напролет поет дневная птица.
Тогда, по слухам, духи не шалят,
Все тихо ночью, не вредят планеты
И пропадают чары ведьм и фэй,
Так благодатно и священно время.

Горацио

Слышал и я, и тоже частью верю.
Но вот и утро в розовом плаще
Росу пригорков топчет на востоке.
Пора снимать дозор. И мой совет:
Поставим принца Гамлета в известность
О виденном. Ручаюсь жизнью, дух,
Немой при нас, прервет пред ним молчанье.
Ну как, друзья, по-вашему? Сказать,
Как долг любви и преданность внушают?

Марцелл

По-моему, сказать. Да и к тому ж
Я знаю, где найти его сегодня.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Зал для приемов в замке.
Трубы. Входят король, королева, Гамлет, Полоний, Лаэрт,
Вольтиманд, Корнелий, придворные и свита.

Король

Хоть смертью брата Гамлета родного
Полна душа и всем нам надлежит

Печалиться, а королевству в скорби
Избороздить морщинами чело,
Но ум настолько справился с природой,
Что надо будет сдержаннее впредь
Скорбеть о нем, себя не забывая.
С тем и решили мы в супруги взять
Сестру и ныне королеву нашу,
Наследницу военных рубежей¹,
Со смешанными чувствами печали
И радости, с улыбкой и в слезах.
При этом шаге мы не погнушались
Содействием советников, во всем
Нам давших одобренье. Всем спасибо.
Второе. Королевич Фортинбрас,
Не чтя нас ни во что и полагая,
Что после смерти братникой у нас
Развал в стране и всё в разъединенье,
Возмнил такое о своей звезде,
Что надоел нам, требуя возврата
Потерянных отцовых областей,
Которые достал себе по праву
Наш славный брат. Вот вкратце что о нем.
Теперь о нас и сущности собрания.
Тут нами извещается в письме
Король порвежцев, дядя Фортинбраса.
По дряхлости едва ли он слышал
О замыслах племянника. Мы просим
Пресечь их в корне, так как войско сплошь
Из подданных его и их содержат
На счет казны. Письмо мы отдаем
Вам, добрый Вольтиманд, и вам, Корнелий.
Снесите старцу-королю поклон.
Мы вам не расширяем полномочий.
Держитесь в совещаньях с ним границ,
Дозволенных статьями. Поезжайте.
Готовность докажите быстротой.

Корнелий и Вольтиманд
Здесь, как и всюду, мы ее докажем.

Король
Не смеем сомневаться. Добрый путь!
Вольтиманд и Корнелий уходят.

¹ Клавдий хитро оправдывает захват престола, как бы мимоходом навывая свою жену Гертруду наследницей и не упоминая о Гамлете.

Итак, Лаэрт, что нового услышим? ¹
Шла речь о просьбе. В чем она, Лаэрт?
С чем дельным вы б ни обратились к трону,
Всегда добьетесь цели. Мы ни в чем
Вам не откажем и пойдем навстречу.
Не больше ладит с сердцем голова,
Для пользы рта не больше служат руки,
Чем датский трон — для вашего отца.
Что вам угодно?

Лаэрт

Дайте разрешение
Во Францию вернутся, государь.
Я сам оттуда прибыл для участия
В коронованье вашем, но, винось,
Меня опять по исполненье долга
Влекут туда и мысли и мечты.
С поклоном хлопочу о дозволенье.

Король

Отец пустил? Что говорит Полоний?

Полоний

Он вымотал мне душу, государь,
И, сдавшись после долгих убеждений,
Я нехотя его благословил.
Благоволите разрешить поездку.

Король

Ищите счастья; в добрый час, Лаэрт.
Как вздумаете, проводите время.
Ну, как наш Гамлет, близкий сердцу сын?

Гамлет
(в сторону)

И даже слишком близкий, к сожаленью.

Король

Опять покрыто тучами лицо?

Гамлет

О нет, напротив: солнечно некстати ².

¹ «Итак, Лаэрт, что нового услышим?» — Клавдий все еще как бы не замечает Гамлета.

² «Солнечно некстати». — Тут, как предполагают некоторые комментаторы, скрыт намек на старинную английскую поговорку: «Из благословенного уголка да на теплое солнышко», что соответствует русской поговорке: «Ни кола, ни двора». Гамлет резко отвечает Клавдию, намекая на то, что тот обошел его в правах наследства на престол.

Королева

Ах, Гамлет, полно хмуриться, как ночь!
Взгляни на короля подружелюбней.
До коих пор, потупивши глаза,
Следы отца разыскивать во прахе?
Так создан мир: что живо, то умрет
И вслед за жизнью в вечность отойдет.

Гамлет

Так создан мир.

Королева

Что ж кажется тогда
Столь редкостной тебе твоя беда?

Гамлет

Не кажется, сударыня, а есть.
Мне «кажется» неведомы. Ни мрачность
Плаща на мне, ни платья чернота,
Ни хрипая прерывистость дыхания,
Ни слезы в три ручья, ни худоба,
Ни прочие свидетельства страданья
Не в силах выразить моей души.
Вот способы казаться, ибо это
Лишь действия, и их легко сыграть,
Моя же скорбь чуждается прикрас
И их не выставляет напоказ.

Король

Приятно видеть и похвально, Гамлет,
Как отдаешь ты горький долг отцу.
Но твой отец и сам отца утратил,
И так же тот. На некоторый срок
Обязанность осиротевших близких
Блюсти печаль. Но утверждаться в ней
С закоренелым рвением — нечестиво.
Мужчины недостойна эта скорбь
И обличает недостаток веры,
Слепое сердце, пустоту души
И грубый ум без должного развития.
Что неизбежно и в таком ходу,
Как самые обычные явления,
Благоразумно ль этому, ворча,
Сопротивляться? Это грех пред небом.
Грех пред умершим, грех пред естеством,
Пред разумом, который примирился
С судьбой отцев и встретил первый труп

И проводил последний восклицаньем:
«Так быть должно!» Пожалуйста, страхни
Свою печаль и нас считай отныне
Своим отцом. Пусть знает мир, что ты —
Ближайший к трону и к тебе питают
Любовь не меньшей пылкости, какой
Нежнейший из отцов привязан к сыну.
Что до надежд вернуться в Виттенберг¹
И продолжать ученье, эти планы
Нам положительно не по душе,
И я прошу, раздумай и останься²
Пред нами, здесь, под лаской наших глаз,
Как первый в роде, сын наш и сановник.

К о р о л е в а

Не заставляй меня просить напрасно.
Останься здесь, не езди в Виттенберг!

Г а м л е т

Сударыня, всецело повинуюсь.

К о р о л ь

Вот кроткий, подобающий ответ!
Наш дом — твой дом. Сударыня, пойдемте,
Своей сговорчивостью Гамлет внес
Улыбку в сердце, в знак которой ныне
О счете наших здравниц за столом
Пусть облакам докладывает пушка
И гул небес в ответ земным громам
Со звоном чаш смешается. Идемте.

Все, кроме Гамлета, уходят.

Г а м л е т

О, если б ты, моя тугая плоть,
Могла растаять, сгинуть, испариться!
О, если бы предвечный не занес
В грехи самоубийство! Боже! Боже!
Каким ничтожным, плоским и тупым
Мне кажется весь свет в своих стремленьях!
О мерзость! Как невыполотый сад,
Дай волю травам — зарастет бурьяном,
С такой же безраздельностью весь мир
Заполонили грубые начала.
Как это все могло произойти?
Два месяца, как умер... Двух не будет.

¹ Виттенберг — старинный университетский город в Германии.

² «Раздумай и останься...» — Клавдий не хочет отпускать от себя Гамлета, чтобы наблюдать за ним.

Такой король! Как светлый Аполлон¹
В сравнении с сатиром². Так ревниво
Любивший мать, что ветрам не давал
Дышать в лицо ей. О земля и небо!
Что поминать! Она к нему влеклась,
Как будто голод рос от утоленья.
И что ж, чрез месяц... Лучше не вникать!
О женщины, вам имя — вероломство!
Нет месяца! И целы башмаки,
В которых гроб отца сопровождала
В слезах, как Ниобея³. И она...
О боже, зверь, лишесный разуменья,
Томился б дольше! — замужем! за кем!
За дядею, который схож с покойным,
Как я с Гераклом⁴. В месяц с небольшим!
Еще от соли лицемерных слез
У ней на веках краснота не спала!
Нет, не видать от этого добра!
Разбейся, сердце, молча затаимся.

Входят Горацио, Марцелл и Бернардо.

Горацио

Почтенье, принц!

Гамлет

Рад вас здоровым видеть,
Гораций! Верить ли своим глазам?

Горацио

Он самый, принц, ваш верный раб до гроба.

Гамлет

Какой же раб! Мы попросту друзья.
Что принесло вас к нам из Виттенберга? —
Марцелл — не так ли?

Марцелл

Он, милейший принц...

¹ Аполлон, или Феб, — в древнегреческой мифологии бог солнца, покровитель науки и искусства.

² Сатир — в древнегреческой мифологии козлоногий горный или лесной дух.

³ Ниобея — в античной мифологии образ безутешной матери, плачущей над своими погибшими детьми.

⁴ Геракл (Геркулес) — герой античной мифологии, прославившийся физической силой и подвигами.

Г а м л е т

Я очень рад вас видеть.

(Бернардо.)

Добрый вечер.

(Горацио.)

Что ж вас из Виттенберга принесло?

Г о р а ц и о

Милейший принц, расположение к лени.

Г а м л е т

Ваш враг не отозвался бы так о вас,
И вы мне слуха лучше не терзайте
Поклепами на самого себя.
Я знаю вас: ничуть вы не ленивец.
Зачем приехали вы в Эльсинор?
Тут вас научат пьянству.

Г о р а ц и о

Я приехал

На похороны вашего отца.

Г а м л е т

Мой друг, не смейтесь надо мной. Хотите
«На свадьбу вашей матери» — сказать?

Г о р а ц и о

Да, правда, это следовало быстро.

Г а м л е т

Расчетливость, Гораций! С похорон
На брачный стол пошел пирог поминный.
Врага охотней встретил бы в раю,
Чем снова в жизни этот день изведать!
Отец — о, вот он словно предо мной!

Г о р а ц и о

Где, принц?

Г а м л е т

В очах души моей, Гораций.

Г о р а ц и о

Я видел раз его: краса-король.

Г а м л е т

Он человек был в полном смысле слова.
Уж мне такого больше не видать!

Г о р а ц и о

Представьте, принц, он был тут нынче ночью.

Г а м л е т

Был? Кто?

Г о р а ц и о

Король, отец ваш.

Г а м л е т

Мой отец?

Г о р а ц и о

Спокойнее: сдержите удивленье
И выслушайте. Я вам расскажу —
Меня поддержат эти очевидцы —
Неслыханное что-то.

Г а м л е т

Поскорей!

Г о р а ц и о

Подряд две ночи с этими людьми,
Бернардо и Марцеллом, на дежурстве
Средь мертвой беспредельности ночной
Творится вот что. Некто неизвестный,
В вооруженье с ног до головы
И сущий ваш отец, проходит мимо
Державным шагом. Трижды он скользит
Перед глазами их на расстояние
Протянутой руки, они ж стоят,
Застыв от страха и лишившись речи,
Как громом пораженные, о чем
Рассказывают мне под страшной тайной.
Я стал на стражу с ними в третью ночь,
Где, подтверждая это все дословно,
В такой же час проходит та же тень.
Мне памятен отец ваш. Оба схожи,
Как эти руки.

Г а м л е т

Где он проходил?

Марцелл

По той площадке, где стоит охрана.

Гамлет

Вы с ним не говорили?

Горацио

Говорил,

Но без успеха. Впрочем, на мгновенье

По повороту плеч и головы

Я заключил, что он не прочь ответить,

Но в это время закричал петух,

И он при этом звуке отшатнулся

И скрылся с глаз.

Гамлет

Я слов не нахожу!

Горацио

Ручаюсь жизнью, принц, что это правда,

И мы за долг сочли нас известить.

Гамлет

Да, да, все так. Сейчас я успокоюсь.

Кто ночью в карауле?

Марцелл и Бернардо

Мы, милорд.

Гамлет

Он был вооружен?

Марцелл и Бернардо

Воружьс.

Гамлет

В полном?

Марцелл и Бернардо

Во всем.

Гамлет

И вы не видели лица?

Горацио

Нет, как же,—шлем был с поднятым забралом.

Г а м л е т
И что ж, он хмурил брови?
Г о р а ц и о

Нет, смотрел
Скорей с тоской, чем с гневом.

Г а м л е т
Оп был бледен
Иль красен от волнения?
Г о р а ц и о

Бел как снег.
Г а м л е т
И не сводил с вас глаз?
Г о р а ц и о

Ни на минуту.
Г а м л е т
Жаль, не видал я!
Г о р а ц и о

' Вас бы дрожь взяла.
Г а м л е т
Все может быть. И что ж, он долго пробыл?
Г о р а ц и о

Я мог легко бы дó ста досчитать.
М а р ц е л л и Б е р п а р д о

Нет, дольше, дольше.
Г о р а ц и о
Нет, при мне не дольше.
Г а м л е т

С седюю бородою?
Г о р а ц и о
Не совсем.
С е д в а посеребришной, как при жизни.

Г а м л е т
Я стапу с вами на ночь. Может статься,
Он вновь придет.

Г о р а ц и о

Придет наверняка.

Г а м л е т

И если примет вновь отцовский образ,
Я с ним заговорю, хотя бы ад,
Восстав, зажал мне рот. А к вам есть просьба.
Как вы скрывали случай до сих пор,
Так точно и вперед его таите,
И, что бы ни случилось в эту ночь,
Доискивайтесь смысла, но молчите.
За дружбу отплачу. Храни вас бог!
А около двенадцати я выйду
И павещу вас.

В с е

Ваши слуги, принц.

Г а м л е т

Не слуги, а теперь друзья. Прощайте.

Все, кроме Г а м л е т а, уходят.

Отцовский призрак в латах! Быть беде!
Обман какой-то. Только бы стемнело!
Терпи, душа! — Засыпь хоть всей землею
Деянья темные, их тайный след
Поздней иль раньше выступит на свет,

Уходит.

СЦЕНА 3

Там же. Комната в доме Полония.
Входят Л а э р т и О ф е л и я.

Л а э р т

Мешки на корабле. Прощай, сестра.
Пообещай не упускать okazji
И при попутном ветре не ленись
И вести шли.

О ф е л и я

Не сомневайся в этом.

Л а э р т

А Гамлета ухаживающа — вздор.
Считай их блажью, шалостями крови,
Фиалкою, расцветшей в холода,

Недолго радующей, обреченной,
Благоуханьем мига, и того
Не более.

О ф е л и я

Не более?

Л а э р т

Не боле.

Рост жизни не в одном развитии мышц.
По мере роста тела, в нем, как в храме,
Растет служенье духа и ума.
Пусть любит он сейчас без задних мыслей,
Ничем еще не запятнавши чувств.
Подумай, кто он, и проникнись страхом.
По званью он себе не господин.
Он сам в плену у своего рожденья.
Не вправе он, как всякий человек,
Стремиться к счастью. От его поступков
Зависит благоденствие страны.
Он ничего не выбирает в жизни,
А слушается выбора других
И соблюдает пользу государства.
Поэтому пойми, каким огнем
Играешь ты, терпя его признанья,
И сколько примешь горя и стыда,
Когда ему поддашься и уступишь.
Страшись, сестра; Офелия, страшись,
Остерегайся, как чумы, влеченья,
На выстрел от взаимности беги.
Уже и то нескромно, если месяц
На девушку засмотрится в окно.
Оклеветать нетрудно добродетель.
Червь бьет всего прожорливей ростки,
Когда на них еще не вскрылись почки,
И ранним утром жизни, по росе,
Особенно прилипчивы болезни.
Пока наш нрав не искушен и юн,
Застенчивость — наш лучший опекун.

О ф е л и я

Я смысл ученья твоего поставлю
Хранителем души. Но, милый брат,
Не поступай со мной, как лживый пастырь,
Который хвалит нам тернистый путь
На небеса, а сам, вразрез советам,
Повесничает на стезях греха
И не краснеет.

Лаэрт

За меня не бойся.
Но что ж я медлю? Вот и наш отец.

Входит Полоний.

Вдвойне благословиться — дважды благо.
Опять проститься новый случай нам.

Полоний

Всё тут, Лаэрт? В путь, в путь! Стыдился б,
право!

Уж ветер выгнул плечи парусов,
А сам ты где? Стань под благословенье
И заруби-ка вот что на носу:
Заветным мыслям не давай огласки,
Несообразным — ходу не давай.
Будь прост с людьми, но не запанибрата.
Проверенных и лучших из друзей
Приковывай стальными обручами,
Но до мозолей рук не натирай
Пожатыями со встречными. Старайся
Беречься драк, а сцепишься — бёрись
За дело так, чтоб береглись другие.
Всех слушай, но беседуй редко с кем.
Терпи их суд и прячь свои сужденья.
Рядись, во что позволит кошелек,
Но не франти — богато, но без вычур.
По платью познается человек,
Во Франции ж на этот счет средь знати
Особенно хороший глаз. Смотри
Не занимай и не ссужай. Ссужая,
Лишаемся мы денег и друзей,
А займы притупляют бережливость.
Всего превыше: верен будь себе.
Тогда, как утро следует за ночью,
Последует за этим верность всем.
Прощай, запомни все и собирайся.

Лаэрт

Почтительно откланяться осмелюсь.

Полоний

Давно уж время. Слуги заждались.

Лаэрт

Прощай, Офелия, и твердо помни,
О чем шла речь.

О ф е л и я

Замкну в душе, а ключ
Возьми с собой.

Л а э р т

Счастливо оставаться!

(Уходит.)

П о л о н и й

О чем шла речь, Офелия, у вас?

О ф е л и я

Предмет — принц Гамлет, если вам угодно.

П о л о н и й

Ах, вот как? Это кстати. Я слышал,
Он очень зачастил к тебе как будто?
А также избалован, говорят,
Твоим вниманьем? Если это правда —
А так передавали мне как раз,
Чтоб остеречь меня, — сказать я должен,
Ведешь себя ты далеко не так,
Как спросится с твоей дочерней чести.
Что между вами? Только не хитри.

О ф е л и я

Со мной не раз он в нежности пускался
В залог сердечной дружбы.

П о л о н и й

Каково!

В залог сердечной дружбы! Что ты согласишь
В таких вещах! А как ты отнеслась
К его, как ты их назвала, залогам?

О ф е л и я

Не знаю я, что думать мне о них.

П о л о н и й

Так вот, я научу: во-первых, думай,
Что ты — дитя, принявши их всерьез,
И требуй впредь залогов подороже.
А то, сведя все это в каламбур,
Под свой залог останешься ты в дурах.

О ф е л и я

Отец, он предлагал свою любовь
С учтивостью.

П о л о н и й

С учтивостью! Подумай!

О ф е л и я

И в подтверждение слов своих всегда
Мне клялся чуть ли не святыми всеми.

П о л о н и й

Силки для птиц! Пока играла кровь,
И я на клятвы не скупился, помню.
Нет, эти вспышки не дают тепла,
Слепят на миг и гаснут в обещанье.
Не принимай их, дочка, за огонь.
Будь поскупей на будущее время.
Пусть твоей беседой дорожат.
Не торопись павстречу, только кликнут.
А Гамлету верь только в том одном,
Что молод он и меньше в поведенье
Стеснен, чем ты; точнее — совсем не верь.
А клятвам и подавно. Клятвы — лгуны.
Не то они, чем кажутся извне.
Они, как опытные надувалы,
Нарочно дышат кротостью святош,
Чтоб обойти тем легче. Повторяю,
Я не хочу, чтоб на тебя вперед
Бросали тень хотя бы на минуту
Беседы с принцем Гамлетом. Ступай.
Смотри не забывай!

О ф е л и я

Я повинуюсь.

Уходит.

СЦЕНА 4

Там же. Площадка перед замком.
Входят Гамлет, Горацио и Марцелл.

Гамлет

Пощипывает уши. Страшный холод!

Горацио

Лицо мне ветер режет, как в мороз.

Г а м л е т

Который час?

Г о р а ц и о

Без малого двенадцать.

М а р ц е л л

Нет. С лишним. Било.

Г о р а ц и о

Било? Не слышал.

Тогда, пожалуй, наступает время,
В которое всегда являлась тень.

Трубы, пушечные выстрелы за сценой.

Что это значит, принц?

Г а м л е т

Король не спит и пляшет до упаду¹,
И пьет и бражничает до утра.
И чуть осушит новый кубок с рейнским,
Об этом сообщает гром литавр,
Как о победе.

Г о р а ц и о

Это что ж — обычай?

Г а м л е т

К несчастью, да — обычай, и такой,
Который лучше было б уничтожить,
Чем сохранять. Такие кутежи,
Расславленные на восток и запад,
Покрыли нас стыдом в чужих краях.
Там наша кличка — пьяницы и свиньи,
И это отнимает не шутя
Какую-то существенную мелочь
У наших дел, достоинств и заслуг.
Бывает и с отдельным человеком,
Что, например, родимое пятно,
В котором он невинен, ибо, верно,

¹ «Пляшет до упаду...» — В подлиннике приведено название этого танца, которое красноречиво говорит за себя: «Прыгай!» Когда женщины удалялись с пира, мужчины начинали танцевать, т. е. попросту скакать кто как умел.

Родителей себе не выбирал,
Иль странный склад души, перед которым
Сдается разум, или недочет
В манерах, оскорбляющий привычки,—
Бывает, словом, что пустой изъян,
В роду ли, свой ли, губит человека
Во мнение всех, будь доблести его,
Как милость божья, чисты и несметны.
А все от этой глупой капли зла,
И сразу все добро идет насмарку.
Досадно ведь.

Г о р а ц и о

Смотрите, принц, вот оп!

Входит П р и з р а к.

Г а м л е т

Святители небесные, спасите!
Благой ли дух ты или ангел зла,
Дыханье рая, ада ль дуновение,
К вреду иль пользе помыслы твои,
Я озадачен так твоим явленьем,
Что требую ответа. Отзовись
На эти имена: отец мой, Гамлет,
Король, властитель датский, отвечай!
Не дай пропасть в неведенье. Скажи мне,
Зачем на преданных земле костях
Разорван саван? Отчего гробница,
Где мы в покое видели твой прах,
Разжала с силой челюсти из камня,
Чтоб выбросить тебя? Чем объяснить,
Что, бездыханный труп, в вооруженье,
Ты движешься, обезобразив ночь,
В лучах луны, и нам, простейшим смертным,
Так страшно потрясает существо
Загадками, которым нет разгадки?
Скажи, зачем? К чему? Что делать нам?

Призрак манит Гамлета.

Г о р а ц и о

Он подал знак, чтоб вы с ним удалились,
Как будто хочет что-то сообщить
Вам одному.

Марцелл

Смотрите, как упорно
Он вас зовет подальше, в глубину.
Но не ходите.

Горацио

Ни за что на свете!

Гамлет

А здесь он не ответит. Я пойду.

Горацио

Не надо, принц!

Гамлет

Ну вот! Чего бояться?
Я жизнь свою в булавку не ценю.
А чем он для души моей опасен,
Когда она бессмертна, как и он?
Он снова манит. Подойду поближе.

Горацио

А если он заманит вас к воде
Или на выступ страшного утеса,
Нависшего над морем, и на нем
Во что-нибудь такое превратится,
Что вас лишит рассудка и толкнет
В безумие? Подумайте об этом.
На той скале и без иных причин
Шалеем всякий, кто увидит море
Под крутизной во столько сажений,
Ревущее внизу.

Гамлет

Он снова манит.
Ступай! Иду!

Марцелл

Не пустим!

Гамлет

Руки прочь!

Горацио

Опомнитесь! Не надо.

Г а м л е т

Это — голос

Моей судьбы, и он мне, словно льву,
Натягивает мышцы тетивою.

Призрак манит.

Все манит он. Дорогу, господа!

(Вырывается от них.)

Я в духов превращу вас, только троньте!
Прочь, сказано! — Иди. Я за тобой.

П р и з р а к и Г а м л е т уходят.

Г о р а ц и о

Теперь он весь во власти исступленья.

М а р ц е л л

Пойдем за ним. Так оставлять нельзя.

Г о р а ц и о

Скорей за ними вслед! К чему все это?

М а р ц е л л

Какая-то в державе датской гниль,

Г о р а ц и о

Бог не оставит Дании.

М а р ц е л л

Идемте.

Уходят.

СЦЕНА 5

Там же. Более отдаленная часть площади.
Входят П р и з р а к и Г а м л е т

Г а м л е т

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

П р и з р а к

Следи за мной.

Г а м л е т

Слежу.

Призрак

Настал тот час,
Когда я должен пламени геенны
Предать себя на муку.

Гамлет

Бедный дух!

Призрак

Не сожалею, но вверься всей душою
И выслушай.

Гамлет

Внимать тебе — мой долг.

Призрак

И отомстить, когда ты все услышишь.

Гамлет

Что?

Призрак

Я дух родного твоего отца,
На некий срок скитаться осужденный
Ночной порой, а днем гореть в огне,
Пока мои земные окаянства
Не выгорят дотла. Мне не дано
Касаться тайн моей тюрьмы. А то бы
От слов легчайших повести моей
Зашлась душа твоя и кровь застыла,
Глаза, как звезды, вышли из орбит
И кудри отделились друг от друга,
Поднявши дыбом каждый волосок,
Как иглы на взбеженном дикобразе.
Но вечность — звук не для земных ушей.
О, слушай, слушай, слушай! Если только
Ты впрямь любил когда-нибудь отца...

Гамлет

О боже мой!

Призрак

Отмсти за подлое его убийство.

Гамлет

Убийство?

Призрак

Да, убийство из убийств,
Как ни бесчеловечны все убийства.

Гамлет

Рассказывай, чтоб я на крыльях мог
Со скоростью мечты и страстной мысли
Пуститься к мести.

Призрак

Вижу, ты готов.

И кто б ты был? Болотной сонной ряской
В стоячих водах Леты¹, если б тут
Не всколыхнулся. Значит, слушай, Гамлет.
Объявлено, что спящего в саду
Меня змея ужалила. Датчане
Бесстыдной ложью введены в обман.
Ты должен знать, мой мальчик благородный,
Змея — убийца твоего отца —
В его короне.

Гамлет

О, мои прозренья!

Мой дядя?

Призрак

Да.

Кровосмеситель и прелюбодей,
Врожденным даром хитрости и лести
(Будь прокляты дары, когда от них
Такой соблазн!) увлекший королеву
К постыдному сожителству с собой.
Какое здесь паденье было, Гамлет!
От возвышающей моей любви,
Все годы шедшей об руку с обетом,
Ей данным при венчанье, — к существу,
Чьи качества природные ничтожны
Перед моими!
Но так же, как не дрогнет добродетель,
Каких бы чар ни напускал разврат,
Так похоть даже в ангельских объятьях
Пресытится блаженством и начнет
Жрать падаль...
Но тише! Ветром утренним пахнуло.
Потороплюсь. Когда я спал в саду
В свое послеобеденное время,

¹ Лета — в древнегреческой мифологии река подземного царства (Аида), в котором обитают души умерших.

В мой уголок прокрался дядя твой
С проклятым соком белены во фляге,
И мне в ушную полость влил настой,
Чье действие в таком раздоре с кровью,
Что мигом обегает, словно ртуть,
Все внутренние переходы тела,
Створаживая кровь, как молоко,
С которым каплю уксуса смешали.
Так было и с моей. Сплошной лишай
Покрывл мгновенно паковой и гнойной
Коростой, как у Лазаря¹, кругом
Всю кожу мне.
Так был рукою брата я во сне
Лишен короны, жизни, королев;
Так был подрезан в цвете грешных дней,
Не причащен и миром не помазан;
Так послан второпях на Страшный суд
Со всеми преступленьями на шее.
О ужас, ужас, ужас! Если ты —
Мой сын, не оставайся равнодушным.
Не дай постели датских королей
Служить кровосмешенью и распутству!
Однако, как бы ни сложилась месть,
Не оскверняй души и умысленьем
Не посягай на мать. На то ей бог
И совести глубокие уколы.
Теперь прощай. Пора. Смотри, светляк,
Встречая утро, убавляет пламя.
Прощай, прощай и помни обо мне!

(Уходит.)

Г а м л е т

О небо! О земля! Кого в придачу?
Быть может, ад? Стой, сердце! Сердце, стой!
Не подгибайтесь подо мною, ноги!
Держитесь прямо! Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока есть память в шаре
Разбитом этом. Помнить о тебе?
Я с памятной доски сотру все знаки
Чувствительности, все слова из книг,
Все образы, всех былей отпечатки,
Что с детства наблюденье занесло,
И лишь твоим единственным веленьем
Весь том, всю книгу мозга испишу,

¹ «Как у Лазаря...» — Лазарями — именем, заимствованным из евангельской легенды, в эпоху Шекспира называли больных проказой.

Без низкой смеси. Да, как перед богом!
О женщина-злодейка! О подлец!
О низость, низость с низкою улыбкой!
Где грифель мой? Я это запишу,
Что можно улыбаться, улыбаться
И быть мерзавцем. Если не везде,
То, достоверно, в Дании.

(Пишет.)

Готово, дядя. А теперь девиз мой:
«Прощай, прощай и помни обо мне».
Я в том клянусь.

Горацио и Марцелл
(за сценой)

Принц! Принц!

Марцелл
(за сценой)

Принц Гамлет!

Горацио
(за сценой)

Небо

Да сохранит его!

Гамлет

Да будет так.

Горацио
(за сценой)

Ого-го-го, ого-го-го, милорд!

Гамлет

Ого-го-го, сюда, мои родные!

Входят Горацио и Марцелл.

Марцелл

Ну как, милорд?

Горацио

Что нового, милорд?

Гамлет

Непостижимо!

Г о р а ц и о

Что?

Г а м л е т

Проговоритесь.

Г о р а ц и о

Нет, никогда, милорд.

М а р ц е л л

Нет, никогда.

Г а м л е т

Ну хорошо. Итак, кто б мог подумать...
Но это между нами?

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Видит бог.

Г а м л е т

Нет в Дании такого негодяя,
Который дрянью не был бы притом¹.

Г о р а ц и о

Нет надобности в духах из могилы
Для истин вроде этой.

Г а м л е т

Спору нет.

Итак, без околичностей, давайте
Пожмем друг другу руки и пойдем.
Вы — по своим делам или желаньям,—
У всех свои желанья и дела,—
Я — по своим: точней — бедняк отпетый,
Пойду молиться.

Г о р а ц и о

Это только вихрь
Бессвязных слов, милорд.

Г а м л е т

Он вам обиден?

Простите.

¹ «Нет в Дании такого негодяя, который дрянью не был бы при том». — Гамлет хотел сказать: «Как Клавдий», но вдруг вспомнил, какую важную он выдает тайну, оборвал речь и закончил ее ничего не значащей фразой.

Г о р а ц и о

В этом преступленья нет.

Г а м л е т

Нет, преступленье налицо, Гораций,
Клянусь Патриком!¹ Должен вам сказать,
Что это дух, вполне достойный веры.
Желание узнать о нем полней
Вы пересильте. А теперь, собратья,
Товарищи по школе и мечу,—
Большая просьба.

Г о р а ц и о

С радостью исполним.

Г а м л е т

О происшедшем, чур, не говорить.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Не скажем, принц.

Г а м л е т

Клянитесь в этом.

Г о р а ц и о

Честью

Клянусь, не скажем!

М а р ц е л л

Честью клянусь!

Г а м л е т

Вот меч — клянитесь².

М а р ц е л л

Мы уж дали клятву.

Г а м л е т

Нет, поклянитесь на моем мече.

П р и з р а к

(из-под сцены)

Клянитесь!

¹ «Клянусь Патриком!» — Согласно официальной версии, отец Гамлета умер от укуса змеи. По церковной легенде, святой Патрик изгнал змей из Ирландии. Вспомнив о Патрике, Гамлет клянется уничтожить змею — Клавдия.

² Клятва на мече, восходящая к древнейшим временам, считалась особенно священной.

Г а м л е т

Ага, старик, и ты того же мнения?
Вы слышите, что вам он говорит?
Извольте ж клясться.

Г о р а ц и о

В чем же нам поклясться?

Г а м л е т

Клянитесь никогда не говорить
О виденном. Ладонь на меч!

П р и з р а к

(из-под сцены)

Клянитесь!

Г а м л е т

Nic et ubique? ¹ Перейдем сюда,
И вновь на рукоятку ваши руки.
Клянитесь никогда не говорить
О слышанном. Ладонь на меч!

П р и з р а к

(из-под сцены)

Клянитесь!

Г а м л е т

Ты, старый крот? Как скор ты под землей!
Уж подкопался? Переменим место.

Г о р а ц и о

О день и ночь! Вот это чудеса!

Г а м л е т

Как к чудесам, вы к ним и отнеситесь.
Гораций, много в мире есть того,
Что вашей философии не снилось.
Но к делу. Вновь клянитесь, если вам
Спасенье мило, как бы непонятно
Я дальше ни повел себя, кого
Ни пожелал изображать собою,
Вы никогда при виде этих штук

¹ «Nic et ubique» — «Здесь и повсюду» (лат.). Согласно поверью, духи могли одновременно появляться во многих местах.

Вот эдак рук не скрестите, вот эдак
Не покачнете головой, вот так
Не станете цедить с мудреным видом:
«Кто-кто, а мы...», «Могли б, да не хотим»,
«Приди охота...», «Мы бы рассказали»,
Того не делать и не намекать,
Что обо мне разведали вы что-то, —
Вот в чем клянитесь, и да будет бог
На помощь вам.

Призрак
(из-под сцены)

Клянитесь!

Гамлет
Успокойся,
Мятежный дух! А дальше, господа,
Себя с любовью вам препоручаю.
Все, чем возможно дружбу доказать,
Бедняк, как Гамлет, обещает сделать
Поздней, бог даст. Пойдемте вместе все.
И пальцы на губах — напоминаю.
Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!
Пойдемте вместе.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Эльсинор. Комната в доме Полония.
Входят Полоний и Рейнальдо.

Полоний
Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо,

Рейнальдо
Вручу, милорд.

Полоний
Да было б хорошо
До вашего свидания, голубчик,
Разнюхать там, как он себя ведет.

Рейнальдо

Я это сам хотел, милорд.

Полоний

Похвально.

Весьма похвально. Видите, дружок,
Сперва спросите про датчан в Париже,
Со средствами ль, кто родом, где стоят
И в дружбе с кем, и если б вдруг открылось,
Что сына знают, от обидчиков
Переходите прямо в наступление,
Не подавая вида. Например,
Скажите тоном дальнего знакомства:
«Я знал его друзей, встречал отца,
Знаком отчасти и с самим». Понятно?

Рейнальдо

Вполне, милорд.

Полоний

«Отчасти и с самим.

Хотя, — спешите вставить, — очень мало.
Но если это тот же палопай,
То так и так». И врите, как на мертвых,
Про что угодно, кроме сумасбродств,
Вредящих чести. Это бог избави.
Про все же разновидности проказ,
Сопутствующих росту и свободе, —
Пожалуйста!

Рейнальдо

К примеру, про игру?

Полоний

Пожалуйста. Про пьянство, драки, ругань
И дебоширство, даже и про то.

Рейнальдо

Милорд, не повредило б это чести!

Полоний

Зачем? Все дело — соус, как подать.
Не обвиняйте в чем-нибудь чрезмерном,
Что было б грубой крайностью. Зачем?
Наоборот, вы так представьте дело,
Чтоб промахи его приобрели

Налет огня, оттенок своеволия
И вид ребяческого озорства,
Простительные всем.

Рейнальдо

Но я осмелюсь...

Полоний

Спросить, к чему все это?

Рейнальдо

Да, милорд.

К чему все это?

Полоний

Вот мои расчеты.

Такие речи бьют наверняка.

Когда вы вскользь запачкаете сына,

Как за работой мажут рукава,

Ваш собеседник тотчас согласится

И, если тоже замечал за ним

Подобные проделки, непременно

Прервет вас, скажем, на такой манер:

«Сэр», скажет он, иль «друг мой», или «сударь»,

Смотря по званию, и откуда сам,

И как воспитан.

Рейнальдо

Совершенно верно.

Полоний

И вот тогда, тогда-то вот, тогда...

Что это я хотел сказать? Клянусь святым причастием,
я что-то хотел сказать. На чем я остановился?

Рейнальдо

На «он прервет вас, скажем...»

Полоний

Да, прервет.

Ага, прервет, прервет... «Да,— скажет он,—

Я знаю молодого человека.

Он был вчера или позавчера

С таким-то и таким-то там и там-то.

Играли в мяч, он был порядком пьян

И кончил дракой». Или: «Я свидетель,

Как ходит он в один заторный дом

И предается буйству», и так дале.

На удочку насаживайте ложь

И подцепляйте правду на приманку.
Так все мы, люди дальнего ума,
Издалека, обходом, стороною
С кривых путей выходим на прямой.
Рекомендую с сыном тот же способ.
Ну, поняли? Понятно?

Рейнальдо

Да, милорд.

Полоний

Желаю здравствовать.

Рейнальдо

Милорд мой добрый!

Полоний

Пускай не замечает, что следят.

Рейнальдо

О нет, милорд.

Полоний

И музыки уроки

Пускай берет.

Рейнальдо

Понятно.

Полоний

Добрый путь!

Рейнальдо уходит. Входит Офелия.

Офелия! Что скажешь?

Офелия

Боже правый!

Я вся дрожу от страха!

Полоний

Отчего?

Господь с тобой!

Офелия

Я шила. Входит Гамлет,

Без шляпы, безрукавка пополам,
Чулки до пяток, в пятнах, без подвязок,
Трясется так, что слышно, как стучит

Коленка о коленку, так растерян,
Как будто был в аду и прибежал
Порассказать об ужасах геенны.

П о л о н и й

От страсти обезумел? ¹

О ф е л и я

Не скажу,

Но опасаясь.

П о л о н и й

Что же говорит он?

О ф е л и я

Он сжал мне кисть и отступил на шаг,
Руки не разжимая, а другую
Поднес к глазам и стал из-под нее
Рассматривать меня, как рисовальщик.
Он долго изучал меня в упор,
Тряхнул рукою, трижды поклонился
И так вздохнул из глубины души,
Как будто бы он испустил пред смертью
Последний вздох. А несколько спустя
Разжал ладонь, освободил мне руку
И прочь пошел, смотря через плечо.
Он шел, не глядя пред собой, и вышел,
Назад оглядываясь, через дверь,
Глаза все время на меня уставив.

П о л о н и й

Пойдем со мной, отыщем короля.
Здесь явный взрыв любовного безумья,
В неистовствах которого подчас
Доходят до отчаянных решений.
Но таковы все страсти под луной,
Играющие нами. Очень жалко!
Ты не была с ним эти дни резка?

¹ «От страсти обезумел?» — Гамлет, как бы предчувствуя, что Офелия станет невольным орудием в руках его врагов, пришел навсегда проститься с ней. Ради долга он жертвует своим личным счастьем. Полоний же, как и сама Офелия, думает, что Гамлет просто влюблен. В ту эпоху чувства проявлялись бурно. В комедии Шекспира «Как вам это понравится» (акт III, сцена 2), Розалинда перечисляет «признаки» влюбленного: «Ввалившиеся щеки... неподстриженная борода... чулки без подвязок, шляпа без ленты, расстегнутые рукава, незашнурованные башмаки — все выражает безразличие к себе и отчаяние».

Офелия

Нет, кажется, но, помня наставленье,
Не принимала больше ни его,
Ни писем от него.

Полоний

Вот он и спятил!
Жаль, что судил о нем я сгоряча¹.
Я полагал, что Гамлет легкомыслен.
По-видимому, я перемудрил.
Но, видит бог, излишняя забота —
Такое же проклятье стариков,
Как беззаботность — горе молодежи.
Идем и все расскажем королю.
В иных делах стыдливость и молчанье
Вреднее откровенного признанья.
Идем.

СЦЕНА 2²

• Там же. Комната в замке.
Входят король, королева, Розенкранц, Гильденстерн³
и свита.

Король

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
Помимо жажды видеть вас пред нами,
Заставила вас вызвать и нужда.
До вас уже дошла, наверно, новость,
Как изменился Гамлет. Не могу
Сказать иначе — так неузнаваем
Он внутренне и внешне. Не пойму,
Какая сила сверх отцовской смерти
Произвела такой переворот
В его душе. Я вас прошу обоих,
Как сверстников его, со школьных лет
Узнавших коротко его характер,

¹ «Жаль, что судил о нем я сгоряча». — Полоний, конечно, тайно ликует при мысли, что дочь его может стать женой принца, а впоследствии — королевой.

² Сцена 2. — На этом заканчивается деление на акты и сцены в издании 1623 года. В более ранних изданиях «Гамлета» (1603, 1604—1605, 1609, 1611) вообще нет актов и сцен. В театре времен Шекспира не было ни антрактов, ни даже коротких остановок, поскольку декораций почти не существовало. Действие шло непрерывным потоком. «Гамлет» впервые был полностью разделен на акты и сцены лишь в 1676 году, т. е. через шестьдесят лет после смерти Шекспира.

³ *Розенкранц, Гильденстерн.* — Как указал Гёте, Шекспир не случайно вывел здесь не одного, а двух совершенно похожих друг на друга людей: этим Шекспир дает понять зрителю, что у королевского трона приютились множество таких людей, как Розенкранц и Гильденстерн.

Пожертвовать досугом и провесть
Его у нас. Рассейте скуку принца
Увеселеньями — и стороной,
Как только будет случай, допытаться,
Какая тайна мучает его
И нет ли от нее у нас лекарства.

Королева

Он часто вспоминал вас, господа.
Я больше никого не знаю в мире,
Кому б он был так предан. Если вам
Не жалко будет выказать любезность
И ваше время можно посвятить
Надежде нашей и ее поддержке,
Приезд ваш будет нами награжден
По-королевски.

Розенкранц

У величеств ваших
Вполне довольно августейших прав,
Чтоб волю изъявлять не в виде просьбы,
А в повеленье.

Гильденстерн

И, однако, мы,
Горя повиновеньем, повергаем
Свою готовность к царственным стопам
И ждем распоряжений.

Король

Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн.

Королева

Спасибо, Гильденстерн и Розенкранц.
Пожалуйста, пройдите тотчас к сыну.
Он так переменился! Господа,
Пусть кто-нибудь их к Гамлету проводит.

Гильденстерн

Дай бог, чтоб наше общество полней
Пошло ему на пользу!

Королева

Бог на помощь.

Розенкранц, Гильденстерн и некоторые из свиты уходят.
Входит Полоний.

Полоний

Послы благополучно, государь,
Вернулись из Норвегии.

Король

Ты был всегда отцом благих вестей.

Полоний

Был, государь, не так ли? И останусь.
Я долг привык блюсти пред королем,
Как соблюдаю душу перед богом.
И знаете, что я вам доложу?
Что либо этот мозг уж не годится
В охотничьи ищейки, либо я
Узнал причину Гамлетовых бредней.

Король

О, не тяни! Не терпится узнать.

Полоний

Сперва аудиенцию посольству,
А мой секрет — на сладкое к нему.

Король

Так сделай милость, выйди к ним навстречу.

Полоний уходит.

Он говорит, Гертруда, что нашел,
На чем ваш сын несчастный помешался.

Королева

Причина, к сожалению, одна:
Смерть короля и спешность нашей свадьбы.

Король

Увидим сами.

Возвращается Полоний с Вольтимандом и Корнелием.

Здравствуйте, друзья!

Что, Вольтиманд, наш брат — король
норвежский?

Вольтиманд

Благодарит и вам желает благ.
Набор охотников приостановлен.
Он до сих пор казался королю
Военной подготовкой против Польши,
Но прикрывал, как понял он, удар
По вашему величеству. Увидев,
Что век его и слабость и болезнь
Обмануты племянником, он вызвал

Его приказом. Фортинбрас пришел,
От дяди получил головоюйку
И дал, раскаясь, клятву никогда
На вас, милорд, не подымать оружия.
На радостях растроганный старик
Дает ему три тысячи годичных
И право двинуть набранных солдат
В поход на Польшу. В приложение — просьба,

(подает бумагу)

Чтоб вы благоволили дать войскам
Свободный пропуск чрез свои владенья
Под верное ручательство, статьи
Которого изложены особо.

К о р о л ь

Весьма довольны положеньем дел.
Вчитаемся подробней на досуге
И, обсудив, придумаем ответ.
Благодарим за рвенье. Отдохните.
А вечером пожалуйста на пир.
До скорой встречи!

Вольтиманд и Корнелий уходят.

П о л о н и й

С этим развязались.
Вдаваться, государи, в спор о том,
Что есть король и слуги и что время
Есть время, день есть день и ночь есть ночь, —
Есть трата времени и дня и ночи.
Итак, раз краткость есть душа ума,
А многословье — тело и прикрасы,
То буду сжат. Ваш сын сошел с ума.
С ума, сказал я, ибо сумасшедший
И есть лицо, сошедшее с ума.
Но по боку.

К о р о л е в а

Дельней, да безыскусней.

П о л о н и й

Здесь нет искусства, госпожа моя.
Что он помешан — факт. И факт, что жалко.
И жаль, что факт. Дурацкий оборот.
Но все равно. Я буду безыкусен.
Допустим, он помешан. Надлежит
Найти причину этого эффекта,

Или дефекта, ибо сам эффект
Благодаря причине дефективен.
А то, что надо, в том и есть нужда.
Что ж вытекает?
Я дочь имею, ибо дочь — моя.
Вот что дала мне дочь из послушанья.
Судите и внимайте, я прочту.

(Читает.)

«Небесной, идолу души моей, ненаглядной Офелии». Это плохое выражение, избитое выражение: «ненаглядной» — избитое выражение. Но слушайте дальше. Вот. (Читает.) «На ее дивную белую грудь эти...» — и тому подобное.

К о р о л е в а

Ей это Гамлет пишет?

П о л о н и й

Миг терпенья.

Я по порядку, госпожа моя.

(Читает.)

«Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей.

О дорогая Офелия, не в ладах я со стихосложением. Вдыхать в рифму — не моя слабость. Но что я крепко люблю тебя, о моя хорошая, верь мне. Прощай. Твой навеки, драгоценнейшая, пока цела эта машина. Гамлет».

Вот что мне дочь дала из послушанья,
А также рассказала на словах,
Когда по времени и где по месту
Любезничал он с ней.

К о р о л ь

Как приняла
Она его любовь?

П о л о н и й

Какого мненья
Вы обо мне?

К о р о л ь

Вы чести образец
И преданности.

П о л о н и й

Рад бы оказаться.

Какого ж мненья были б вы, когда,
Застигнув эту страсть в ее зачатке —
А я ее, признаться, разглядел
Скорей, чем дочь, — какого мненья были б
Вы, государыня, вы, государь,
Когда б я терпеливее бумаги
Сквозь пальцы стал смотреть на эту страсть
И сделал сердцу знак молчать? Какого
Вы были б мненья? Нет, я напрямик
Немедленно сказал своей девице:
«Лорд Гамлет — принц, тебе он не чета.
Тому не быть», и сделал ей внушенье
Замкнуться крепче от него на ключ,
Гнать посланных и возвращать подарки.
Она меня послушалась, и что ж:
Отвергнутый, чтоб выразиться вкратце,
Он впал в тоску, утратил аппетит,
Утратил сон, затем утратил силы,
А там из легкого расстройства впал
В тяжелое, в котором и бушует,
На горе всем.

К о р о л ь

Вы тех же мыслей?

К о р о л е в а

Да.

Правдоподобно.

П о л о н и й

Назовите случай,

Когда б я утверждал, что это так,
А было б по-иному.

К о р о л ь

Не припомню.

П о л о н и й

(показывая на свою голову и плечи)

Я это дам от этого отсечь,
Что прав и ныне. С нитью путеводной
Я под землей до правды доберусь.

К о р о л ь

Как это нам проверить?

П о л о н и й

Очень просто.

Он бродит тут часами напролет
По галерее.

К о р о л е в а

Совершенно верно.

П о л о н и й

Я дочь к нему направляю в этот час,
А мы вдвоем за занавеску станем.
Увидите их встречу. Если он
Не любит дочь и не любовью болен,
Я больше не советник, а держу
Заезжий двор.

К о р о л ь

Ну что ж, понаблюдаем.

К о р о л е в а

А вот бедняжка с книжкой и сам.

П о л о н и й

Уйдите оба, оба уходите.
Я подойду к нему. Прошу простить.

Король, королева и свита уходят.
Входит Гамлет, читая.

Как поживает господин мой Гамлет?

Г а м л е т

Хорошо, слава богу.

П о л о н и й

Вы меня знаете, милорд?

Г а м л е т

Отлично. Вы рыбный торговец.

П о л о н и й

Нет, что вы, милорд!

Г а м л е т

Тогда не мешало б вам быть таким же честным¹.

¹ Это — притворное безумие, то прикрытие, из-за которого Гамлет пускает стрелы острых намеков. Тут есть и социальная сатира: Гамлет противопоставляет честность бедняка бесчестности придворного («...не мешало б вам быть таким же честным»).

Полоний

Честным, милорд?

Гамлет

Да, сэр. Быть честным — по нашим временам значит быть единственным из десяти тысяч.

Полоний

Это совершенная истина, милорд.

Гамлет

Что и говорить, если даже такое божество, как солнце, плодит червей, лаская лучами пададь...¹ Есть у вас дочь?

Полоний

Есть, милорд.

Гамлет

Не пускайте ее на солнце². Не зевайте, приятель.

Полоний

(в сторону)

Ну, что вы скажете? Нет-нет, да и свернет на дочку. А вперед не узнал. Рыбный, говорит, торговец! Далеко зашел, далеко! В сущности говоря, в молодости и я, ох, как натерпелся от любви! Почти что в этом роде. Попробую опять. — Что читаете, милорд?

Гамлет

Слова, слова, слова...

Полоний

А в чем там дело, милорд?

Гамлет

Между кем и кем?

Полоний

Я хочу сказать: что написано в книге, милорд?

¹ «Если даже такое божество, как солнце, плодит червей...» — если даже самое прекрасное на свете порождает гадость, входя в общение с гадким. Так и Офелия, намекает Гамлет, может заразиться злом от окружающей ее порочной среды.

² «Не пускайте ее на солнце». — Возможно, это значит: не пускайте Офелию к королевскому двору. Сравнение монарха с солнцем было широко принято.

Гамлет

Клевета. Каналья сатирик утверждает, что у стариков седые бороды, лица в морщинах, из глаз густо сочится смола и сливовый клей и что у них совершенно отсутствует ум и очень слабые ляжки. Всему этому, сэр, я охотно верю, но публиковать это считаю бесстыдством, ибо сами вы, милостивый государь, когда-нибудь состаритесь, как я, ежели, подобно раку, будете пятиться задом.

Полоний

(в сторону)

Если это и безумие, то в своем роде последовательное.— Не уйти ли нам подальше с открытого воздуха, милорд?

Гамлет

Куда, в могилу?

Полоний

В самом деле, дальше нельзя (*В сторону.*) Как пронизательны подчас его ответы! Находчивость, которая часто осеняет полумных и которой люди в здравом уме иногда лишены. Однако пойду поскорей придумаю, как бы ему встретиться с дочкой.— Досточтимый принц, прошу разрешения удалиться.

Гамлет

Не мог бы вам дать ничего, сэр, с чем расстался бы охотней. Кроме моей жизни, кроме моей жизни, кроме моей жизни.

Полоний

Желаю здравствовать, принц.

Гамлет

О, эти несносные старые дурни!

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Полоний

Вам принца Гамлета? Вот он как раз.

Розенкранц
(Полонию)

Спасибо, сэр.

Полоний уходит.

Гильденстерн

Почтенный принц!

Розенкранц

Бесценный принц!

Гамлет

Ба, милые друзья! Ты, Гильденстерн?
Ты, Розенкранц? Ну, как дела, ребята?

Розенкранц

Как у любого из сынов земли.

Гильденстерн

По счастью, наше счастье не чрезмерно:
Мы не верхи на колпаке Фортуны¹.

Гамлет

Но также не низы ее подошв?

Розенкранц

Ни то, ни это, принц.

Гамлет

Ну что же, превосходно. Однако что нового?

Розенкранц

Ничего, принц, кроме того, что в мире завелась совесть.

Гамлет

Значит, скоро конец света. Впрочем, у вас ложные сведения. Однако давайте поподробнее. Чем прогневили вы, дорогие мои, эту свою Фортуну, что она шлет вас сюда, в тюрьму?

Гильденстерн

В тюрьму, принц?

Гамлет

Да, конечно. Дания — тюрьма.

Розенкранц

Тогда весь мир — тюрьма.

Гамлет

И притом образцовая, со множеством арестантских, темниц и подземелий, из которых Дания — наихудшее.

Розенкранц

Мы не согласны, принц.

¹ Т. е. не баловни судьбы.

Гамлет

Значит, для вас она не тюрьма, ибо сами по себе вещи не бывают ни хорошими, ни дурными, а только в нашей оценке. Для меня она тюрьма.

Розенкранц

Значит, тюрьмой делает ее ваше честолюбие. Вашим требованиям тесно с ней.

Гамлет

О боже! Заклучите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности. Если бы только не мои дурные сны!

Гильденстерн

А сны и приходят из честолюбия. Честолюбец живет несуществующим. Он питается тем, что возмнит о себе и себе припишет. Он тень своих снов, отражение своих выдумок.

Гамлет

Сон — сам по себе только тень.

Розенкранц

В том-то и дело. Таким образом, вы видите, как невесомо и бесплотно честолюбие. Оно даже и не тень вещи, а всего лишь тень тени.

Гамлет

Итак, нищие реальны, а монархи и раздутые герои — тени нищих. Однако чем утешивать, не пойти ли лучше ко двору? Ей-богу, я едва соображаю.

Розенкранц и Гильденстерн

Мы будем неотступно следовать за вами с нашими услугами.

Гамлет

Нет, к чему же! Мои слуги стали слишком хорошо следить за мной в последнее время. Но, положив руку на сердце, зачем вы в Эльсиноре?

Розенкранц

В гостях у вас, принц, больше ни за чем.

Гамлет

При моей бедности мала и моя благодарность. Но я благодарю вас. И, однако, даже этой благодарности слишком много для вас. За вами не посылали? Это ваше собственное побуждение? Ваш приезд доброволен? А? Пожалуйста, по совести. А? А? Ну как?

Гильденстерн

Что нам сказать, милорд?

Гамлет

Ах, да что угодно, только не к делу! За вами послали. В ваших глазах есть род признания, которое ваша сдержанность бессильна затушевать. Я знаю, добрый король и королева послали за вами.

Розенкранц

С какой целью, принц?

Гамлет

Это уж вам лучше знать. Но только заклинаю вас былой дружбой, любовью, единомыслием и другими, еще более убедительными доводами: без изворотов со мной. Посылали за вами или нет?

Розенкранц

(Гильденстерну)

Что вы скажете?

Гамлет

(в сторону)

Ну вот, не в бровь, а в глаз! — *(Громко.)* Если любите меня, не отпирайтесь.

Гильденстерн

Милорд, за нами посылали.

Гамлет

Хотите, скажу вам — зачем? Таким образом, моя догадка предупредит вашу откровенность и ваша верность тайне короля и королевы не полиняет ни перышком. Недавно, не знаю почему, я потерял всю свою веселость и привычку к занятиям. Мне так не по себе, что этот цветник мироздания, земля, кажется мне бесплодною скалою, а этот необъятный шатер воздуха с неприступно вознесшейся твердью, этот, видите ли, царственный свод, выложенный золотою искрой, на мой взгляд — просто-напросто скопление вонючих и вредных паров. Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! Поступками как близок к ангелам! Почти равен богу — разу-

меньем! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что мне эта квинтэссенция праха?¹ Мужчины не занимают меня и женщины тоже, как ни оспаривают это ваши улыбки.

Розенкранц

Принц, ничего подобного не было у нас в мыслях!

Гамлет

Что же вы усмехнулись, когда я сказал, что мужчины не занимают меня?

Розенкранц

Я подумал, какой постный прием окажете вы в таком случае актерам. Мы их обогнали по дороге. Они направляются сюда предложить вам свои услуги.

Гамлет

Играющему королей — низкий поклон. Я буду данником его величества. Странствующий рыцарь найдет дело для своего меча и щита. Вздохи любовника не пропадут даром. Меланхолик обретет желанный покой. Над шутом будут надрывать животики все те, кто только ждет его острот, как щекотки. Пускай героиня выкладывает всю душу, не считаясь со стихосложением. Что это за актеры?

Розенкранц

Те самые, которые вам так нравились, — столичные трагики.

Гамлет

Что их толкнуло в разъезды? Постоянное пристанище было выгоднее в отношении денег и славы.

Розенкранц

Я думаю, их к этому принудили последние нововведения².

Гамлет

Ценят ли их, как в прежнее время, когда я был в городе? Такие же ли у них сборы?

Розенкранц

Нет, в том-то и дело, что нет.

¹ *Квинтэссенция* — пятая эссенция, или субстанция, т. е., согласно воззрениям того времени, окончательная сущность, которая остается после удаления четырех субстанций — земли, воды, огня и воздуха. По мысли Гамлета, окончательной сущностью человека является прах могильный.

² «Последние нововведения». — Темное место, которое осталось нерасшифрованным. Возможно, здесь скрыт намек на то, что той группе, к которой принадлежал Шекспир, было на время запрещено давать спектакли в Лондоне и актерам пришлось отправиться в турне по провинции. Такие запрещения были частым явлением.

Гамлет

Отчего же? Разве они стали хуже?

Розенкранц

Нет, они подвизаются на своем поприще с прежним блеском. Но в городе объявился целый выводок детворы¹, едва из гнезда, которые берут самые верхние ноты и срывают нечеловеческие аплодисменты. Сейчас они в моде и подвергают таким нападкам старые театры, что даже военные люди не решаются ходить туда из страха быть высмеянными в печати.

Гамлет

Как, эти дети такие страшные? Кто их содержит? Как им платят? Что, это их призвание, пока у них не погрубеют голоса? А позже, когда они сами станут актерами обыкновенных театров, если у них не будет другого выбора, не пожалеют ли они, что старшие восстанавливали их против собственной будущности?

Розенкранц

Сказать правду, много было шума с обеих сторон, и народ не считает грехом стравливать их друг с другом. Одно время за пьесу ничего не давали, если в ней не разделялись с литературным противником.

Гамлет

Неужели?

Гильденстерн

О, крови при этом испорчено немало!

Гамлет

И мальчишки одолевают?

Розенкранц

Да, принц. И Геркулеса с его ношей².

Гамлет

Впрочем это не удивительно. Например, сейчас дядя мой — датский король, и те самые, которые едва разговаривали с ним при жизни моего отца, дают по двадцать, сорок, пятьдесят и по

¹ «Целый выводок детворы...» — Конкурентами взрослых актеров были в эпоху Шекспира труппы, состоявшие из мальчиков-подростков, славившихся умением петь и танцевать.

² «И Геркулеса с его ношей» — т. е. труппу театра «Глобус», к которой принадлежал Шекспир. На вывеске театра «Глобус» был изображен Геркулес, держащий на плечах земной шар.

сто дукатов за его мелкие изображения. Черт возьми, тут есть что-то сверхъестественное, если бы только философия могла до этого докопаться!

Трубы за сценой.

Гильденстерн

Вот и актеры.

Гамлет

С приездом в Эльсинор вас, господа! Ваши руки, товарищи. В понятия радушия входят такт и светские условности. Обменяемся их знаками, чтобы после моей встречи с актерами вы не подумали, что с ними я более любезен. Еще раз, с приездом! Но мой дядя-отец и тетка-матушка ошибаются.

Гильденстерн

В каком отношении, милорд?

Гамлет

Я помешан только в норд-норд-вест. При южном ветре я еще отличу сокола от цапли.

Входит Полоний.

Полоний

Здравствуйте, господа.

Гамлет

Слушайте, Гильденстерн, и вы тоже, Розенкранц. На каждое ухо по слушателю. Старый младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок.

Розенкранц

Может быть, он попал в них вторично? Сказано ведь: старый — что малый.

Гамлет

Предсказываю, что и он с сообщением об актерах. Вот увидите. — Совершенная правда, сэр. В понедельник утром, как вы сказали.

Полоний

Милорд, у меня есть новости для вас.

Гамлет

Милорд, у меня есть новости для вас. Когда Росций¹ был в Риме актером...

¹ Знаменитый римский актер I века до н. э.

Полоний

Актеры приехали, милорд.

Гамлет

Неужто! Ах-ах-ах!

Полоний

Ей-богу, милорд!

Гамлет

Прикатили на ослах...

Полоний

Лучшие в мире актеры на любой вкус, для исполнения трагедий, комедий, хроник, пасторалей, вещей пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагикомико- и историко-пасторальных и для сцен в промежуточном и непредвиденном роде. Важность Сенеки, легкость Плавта¹ для них не диво. В чтении наизусть и экспромтом это люди единственные.

Гамлет

О Евфай, судья Израиля, какое у тебя было сокровище!²

Полоний

Какое же это сокровище было у него, милорд?

Гамлет

А как же:

«Единственную дочь растил
И в ней души не чаял».

Полоний

(в сторону)

Все поровит о дочке!

Гамлет

А? Не так, что ли, старый Евфай?

¹ «Важность Сенеки, легкость Плавта...» — Сенека — римский автор трагедий (умер в 65 году н. э.); Плавт — римский автор комедий (умер в 184 году до н. э.). Сенеке и Плавту часто подражала английская драма XVI века.

² Согласно библейскому преданию, Евфай принес в жертву свою единственную дочь. Так и Полоний (намекает Гамлет) жертвует Офелией, используя ее в борьбе против Гамлета.

Полоний

Если Евфай — это я, то совершенно верно: у меня есть дочь, в которой я души не чаю.

Гамлет

Нет, ничуть это не верно.

Полоний

Что же верно тогда, милорд?

Гамлет

А вот что:

«Рок довершил,
Что бог судил».

И затем вы знаете:

«Но все равно
Так быть должно».

Продолжение, виноват, — в первой строфе духовного стиха, потому что, как видите, мы будем сейчас развлекаться.

Входят четверо или пятеро актеров.

Здравствуйте, господа! Милости просим. Рад вам всем. Здравствуйте, мои хорошие. — Ба, старый друг! Скажите, какой бородой завесился с тех пор, как мы не видались! Приехал, прикрывшись ею, подсмеиваться надо мною в Дании? — Вас ли я вижу, барышня моя?¹ Царица небесная, вы на целый венецианский каблук залетели в небо с нашей последней встречи! Будем надеяться, что голос ваш не фальшивит, как золото, изъятое из обращения. — Милости просим, господа! Давайте, как французские сокольничьи, набросимся на первое, что нам попадется. Пожалуйста, какой-нибудь монолог. Дайте нам образчик вашего искусства. Ну! Какой-нибудь страстный монолог.

Первый актер

Какой монолог, добрейший принц?

Гамлет

Помнится, раз ты читал мне один отрывок; вещь никогда не ставили или не больше разу — пьеса не понравилась. Для большой публики это было, что называется, не в коня корм. Однако, как воспринял я и другие, еще лучшие судьи, это была великолепная пьеса², хорошо разбитая на сцены и написанная с простотой и умением. Помнится, возражали, что стихам недостает прино-

¹ «Вас ли я вижу, барышня моя?» — Гамлет шутливо обращается к мальчику, исполнителю женских ролей. В английском театре эпохи Шекспира женские роли исполнялись мальчиками-подростками и юношами.

² По-видимому, речь идет о «Дидоне, парисе Карфагенской», трагедии крупнейшего предшественника Шекспира, Кристофера Марло (1564—1593).

сти, а язык не обнаруживает в авторе приподнятости, но пахотили работу добросовестной, с чертами здоровья и основательности, принятыми без прикрас. Один монолог я в ней особенно любил: это где Эней рассказывает о себе Дидоне¹, и в особенности то место, где он говорит об убийстве Приама². Если он еще у вас в памяти, начните вот с какой строчки. Погодите, погодите:

«Свирепый Пирр³, тот, что, как зверь Гирканский...»⁴ Нет, не так. Но начинается с Пирра:

«Свирепый Пирр, чьи черные доспехи
И мрак души напоминали ночь,
Когда лежал он, прячась в конском чреве⁵,
Теперь закрасил черный цвет одежд
Малиновым — и стал еще ужасней.
Теперь он с головы до ног в крови
Мужей и жен, и сыновей, и дочек,
Запекшийся в жару горящих стен,
Которые убийце освещают
Дорогу к цели. В кровавой коре,
Дыша огнем и злобой, Пирр безбожный,
Карбункулами выкатив глаза,
Приама ищет...»

Продолжайте сами.

П о л о н и й

Ей-богу, хорошо, милорд! С хорошей дикцией и чувством меры.

П е р в ы й а к т е р

«...Пирр его находит.

Насилу приподнявши меч, Приам
От слабости его роняет наземь.
Ему навстречу подбегает Пирр,
Сплеча замахиваясь на Приама;
Но этого уже и свист клинка

¹ «Эней рассказывает о себе Дидоне...» — После взятия Трои греками (описание Троянской войны дано в «Илиаде» Гомера) один из троянских героев, Эней, долго странствовал. Во время своих странствий Эней был выброшен бурей на карфагенский берег. В монологе, который читает первый актер, Эней рассказывает царице Карфагена Дидоне о гибели Трои.

² *Приам* — царь Трои.

³ *Пирр* — сын греческого героя Ахилла. Пирр мстил троянцам за смерть отца. Эта тема мести за отца напоминает Гамлету его собственную судьбу (вероятно, поэтому Гамлет и вспомнил об этом монологе).

⁴ «Как зверь Гирканский...» — т. е. тигр. Гирканией в Англии эпохи Шекспира называли страны, расположенные на восток от Каспийского моря.

⁵ Греки притворились, что снимают осаду Трои и возвращаются на родину. У стен Трои они оставили огромного деревянного коня, якобы в дар богам. Троянцы вкатили коня в город. Ночью из коня вышли засевшие внутри него вооруженные греки и открыли ворота города войску.

Сметает с ног. И тут, как бы от боли,
Стена дворца горящего, клонясь,
Обваливается и оглушает
На миг убийцу. Пирров меч в руке
Над головою так и остается,
Как бы вонзившись в воздух на лету.
С минуту, как убийца на картине,
Стоит, забывшись, без движенья Пирр,
Руки не опуская.
Но, как бывает часто перед бурей,
Беззвучны выси, облака стоят,
Нет ветра, и земля, как смерть, притихла,—
Откуда ни возмись, внезапный гром
Раскалывает местность... Так, очнувшись,
Тем яростней возжаждал крови Пирр,
И вряд ли молот в кузнице циклопов¹
За ковкой лат для Марса² плющил сталь
Безжалостней, чем Пирров меч кровавый
Пал на Приама.
Стыдись, Фортуна! Дайте ей отставку,
О боги, отымите колесо,
Разбейте обод, выломайте спицы
И ось его скатите с облаков
В кромешный ад!»

Полоний

Слишком длинно.

Гамлет

Это пошлют в циркульню вместе с вашей бородой. — Продолжай, прошу тебя. Для него существуют только балеты и сальные анекдоты, а от прочего он засыпает. Продолжай. Перейди к Гекубе³.

Первый актер

«Ужасен вид поруганной царицы...»

Гамлет

Поруганной царицы?

Полоний

Хорошо! «Поруганной царицы» — хорошо!

¹ Циклопы — одноглазые великаны античной мифологии; славились своим кузнечным искусством.

² Марс — бог войны в древнеримской мифологии.

³ Гекуба — жена Приама, царя Трои.

Первый актер

«Гася слезами пламя, босиком
Она металась в головной повязке
Взамен венца и обмотавши стан,
От старости иссохший, одеялом.
Увидев это, каждый человек
Изверился бы в правоте Фортуны
И проклял бы владычество судьбы.
А если б с неба боги подсмотрели,
Как потешался над царицей Пирр,
Кромсая перед нею тело мужа,
Спокойствие покинуло бы их.
Глаза бы их наполнились слезами
Из жалости к несчастной».

Полоний

Смотрите, он изменился в лице и весь в слезах! Пожалуйста, довольно.

Гамлет

Хорошо. Остальное доскажешь после. — Почтеннейший, посмотрите, чтоб об актерам хорошо позаботились. Вы слышите, пообходительнее с ними, потому что они — краткий обзор нашего времени. Лучше иметь скверную надпись на гробнице, нежели дурной их отзыв при жизни.

Полоний

Принц, я обойдусь с ними по заслугам.

Гамлет

Нет — лучше, чтоб вас черт побрал, любезнейший! Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдет от порки? Обойдитесь с ними в меру вашего великодушия. Чем меньше у них заслуг, тем больше будет их у вашей доброты. Проводите их.

Полоний

Пойдемте, господа.

Гамлет

Идите за ним, друзья. Завтра у нас представление.

Полоний и все актеры, кроме первого, уходят.

Скажи, старый друг, можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?¹

¹ «Убийство Гонзаго». — В 1538 году герцог Урбанский (в Италии) был убит Луджи Гонзаго, который влил герцогу яд в ухо.

Первый актер

Да, милорд.

Гамлет

Поставь это завтра вечером. Скажи, можно ли, в случае необходимости, заучить кусок строк в двенадцать — шестнадцать, который бы я написал, — можно?

Первый актер

Да, милорд.

Гамлет

Превосходно! Ступай за тем господином, да смотри не перебивай его.

Первый актер уходит.

Простимся до вечера, друзья мои. Еще раз: вы — желанные гости в Эльсиноре.

Розенкранц

Добрейший принц!

Гамлет

Храни вас бог!

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Один я. Наконец-то!

Какой же я холоп и негодяй!

Не страшно ль, что актер проезжий этот

В фантазии, для сочиненных чувств,

Так подчинил мечте свое сознание,

Что сходит кровь со щек его, глаза

Туманят слезы, замирает голос

И облик каждой складкой говорит,

Чем он живет! А для чего в итоге?

Из-за Гекубы!

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

А он рыдает. Что б он натворил,

Будь у него такой же повод к мести,

Как у меня? Он сцену б утопил

В потоке слез, и оглушил бы речью,

И свел бы виноватого с ума,

Потряс бы правого, смутил невежду

И изумил бы зрение и слух.

А я,

Тупой и жалкий выродец, слоняюсь

В сонливой лени и ни о себе

Не заикнусь, ни пальцем не ударю
Для короля, чью жизнь и власть смели
Так подло. Что ж, я трус? Кому угодно
Сказать мне дерзость? Дать мне тумака?
Развязно ущипнуть за подбородок?
Взять за нос? Обозвать меня лжецом
Заведомо безвинно? Кто охотник?
Смелее! В получение распишусь.
Не желчь в моей печенке голубиной,
Позор не злит меня, а то б давно
Я выкинул стервятникам на сало
Труп изверга. Блудливый шарлатан! —
Кровавый, лживый, злой, сластолюбивый!
О, мщенье!
Ну и осел я, нечего сказать!
Я сын отца убитого. Мне небо
Сказало: встань и отомсти. А я,
Я изопряюсь в жалких восклицаньях
И сквернословьем душу отвожу,
Как судомойка!
Тьфу, черт! Проснись, мой мозг! Я где-то слышал,
Что люди с темным прошлым, находясь
На представленье, сходном по завязке,
Ошеломлялись живостью игры
И сами сознавались в злодеянье¹.
Убийство выдает себя без слов,
Хоть и молчит. Я поручу актерам
Сыграть пред дядей вещь по образцу
Отцовской смерти. Послежу за дядей —
Возьмет ли за живое. Если да,
Я знаю, как мне быть. Но, может статься,
Тот дух был дьявол. Дьявол мог принять
Любимый образ. Может быть, лукавый
Расчет, как я устал и удручен,
И пользуется этим мне на гибель.
Нужны улики поверней моих.
Я это представленье и задумал,
Чтоб совесть короля на нем суметь
Намеками, как на крючок, поддеть,

Уходит.

¹ «И сами сознавались в злодеянье». — Такие случаи действительно имели место в театре времен Шекспира.

А К Т III

СЦЕНА 1

Эльсинор. Комната в замке.
Входят король, королева, Полоний, Офелия,
Розенкранц и Гильденстерн.

Король

Так, значит, вы не можете добиться,
Зачем он напускает эту блажь?
Чем взвинчен он, что, не боясь последствий,
В душевном буйстве тратит свой покой?

Розенкранц

Он сам признал, что не в своей тарелке,
Но почему, не хочет говорить.

Гильденстерн

Выпытыванью он не поддается.
Едва заходит о здоровье речь,
Он ускользает с хитростью безумца.

Королева

А как он принял вас?

Розенкранц

Как человек

Воспитанный.

Гильденстерн

Но с долей принуждения.

Розенкранц

Скупился на вопросы, но в ответ
Был разговорчив.

Королева

Вы его не звали

Развлечься?

Розенкранц

Все сошлось само собой.
Дорогою мы встретили актеров.
Узнав об этом, он был очень рад.
Во всяком случае, актеры — в замке

И получили, кажется, приказ
Играть сегодня.

П о л о н и й

Истинная правда.
Он просит августейшую чету
Пожаловать к спектаклю.

К о р о л ь

С наслаждением!
Мне радостно узнать, что у него
Такая склонность. Молодые люди,
И дальше поощряйте эту страсть.
Пусть не хандрит.

Р о з е н к р а н ц

Приложим все усилия.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

К о р о л ь

Моя Гертруда, удались и ты.
За Гамлетом негласно подослали.
Он здесь столкнется как бы невзначай
С Офелией. Шпионы поневоле,
Мы спрячемся вблизи с ее отцом
И разузнаем, в чем несчастье принца:
Любовь ли это точно или нет.

К о р о л е в а

Сейчас я удалюсь. А вам желаю,
Офелия, чтоб ваша красота
Была единственной болезнью принца,
А ваша добродетель навела
Его на путь, к его и вашей чести.

О ф е л и я

О, дал бы бог!

Королева уходит.

П о л о н и й

Офелия, сюда.
Прогуливайся. Государь, извольте
Всемилостиво скрыться. Дочь, возьми
Для вида книгу¹. Под предлогом чтенья

¹ «Дочь, возьми для вида книгу». — Можно предположить, что Полоний дает Офелии молитвенник.

Гуляй в уединенье. — Все мы так:
Святым лицом и внешним благочестьем
При случае и черта самого
Обсахарим.

К о р о л ь
(в сторону)

О, это слишком верно!
Он этим, как ремнем, меня огрел.
Ведь щеки плюхи, если снять румяна,
Не так ужасны, как мои дела
Под слоем слов красивых. О, как тяжело!

П о л о н и й

Он близко. Отойдемте, государь.

К о р о л ь и П о л о н и й уходят.
Входит Г а м л е т.

Г а м л е т

Быть или не быть, вот в чем вопрос. Достоин ли
Смиряться под ударами судьбы
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.
Какие сны в том смертном сне приснятся?
Когда покров земного чувства снят?
Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.
А то кто снес бы униженья века,
Неправду угнетателя, вельмож
Заносчивость, отринутое чувство,
Нескорый суд и более всего
Насмешки недостойных над достойным,
Когда так просто сводит все концы
Удар кинжала! Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись,
Когда бы неизвестность после смерти,
Боязнь страны, откуда ни один
Не возвращался, не склоняла воли
Мириться лучше со знакомым злом,
Чем бегством к незнакомому стремиться!
Так всех нас в трусов превращает мысль

И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика.
Так погибают замыслы с размахом,
Вначале обещавшие успех,
От долгих отлагательств. Но довольно!
Офелия! О радость! Помяни
Мои грехи в своих молитвах, нимфа.

О ф е л и я

Припц, были ль вы здоровы это время?

Г а м л е т

Благодарю: вполне, вполне, вполне.

О ф е л и я

Принц, у меня от вас есть подношенья.
Я вам давно хотела их вернуть.
Возьмите их.

Г а м л е т

Да полно, вы ошиблись.
Я в жизни ничего вам не дарил¹.

О ф е л и я

Дарили, принц, вы знаете прекрасно.
С придачей слов, которых нежный смысл
Удваивал значение подарков.
Назад возьмите ставший лишним дар.
Порядочные девушки не ценят,
Когда им дарят, а потом измѣняют.
Пожалуйста.

Г а м л е т

Ах, так вы порядочная девушка?

О ф е л и я

Милорд!

Г а м л е т

И вы хороши собой?

О ф е л и я

Что разумеет ваша милость?

¹ «Я в жизни пичего вам не дарил». — Возможно, что уже здесь Гамлет заметил подслушивающего Полония,

Гамлет

То, что, если вы порядочная и хороши собой, вашей порядочности нечего делать с вашей красотой

Офелия

Разве для красоты не лучшая спутница порядочность?

Гамлет

О, конечно! И скорей красота стащит порядочность в омут, нежели порядочность исправит красоту. Прежде это считалось парадоксом, а теперь доказано. Я вас любил когда-то.

Офелия

Действительно, принц, мне верилось.

Гамлет

А не надо было верить. Сколько ни прививай нам добродетели, грешного духа из нас не выкурить. Я не любил вас,

Офелия

Тем больней я обманулась!

Гамлет

Ступай в монастырь. К чему плодить грешников? Сам я — сносной правственности. Но и у меня столько всего, чем попрекнуть себя, что лучше бы моя мать не рожала меня. Я очень горд, мститель, самолюбив. И в моем распоряжении больше гадостей, чем мыслей, чтобы эти гадости обдумать, фантазии, чтобы облечь их в плоть, и времени, чтоб их исполнить. Какого дьявола люди вроде меня толкутся меж небом и землею? Все мы кругом обманщики. Не верь никому из нас. Ступай добром в монастырь. Где твой отец? ¹

Офелия

Дома, милорд.

Гамлет

Надо запирать за ним покрепче, чтобы он разыгрывал дурака только с домашними. Прощай.

Офелия

Святые силы, помогите ему!

Гамлет

Если пойдешь замуж, вот проклятье тебе в приданое. Будь непорочна, как лед, и чиста, как снег, — не уйди тебе от напраслины. Затворись в обители, говорю тебе. Иди с миром. А если

¹ «Где твой отец»? — Гамлет надеется, что Офелия скажет правду. Но Офелия не смеет послушаться отца,

тебе непременно надо мужа, выходи за глупого: слишком уж хорошо знают умные, каких чудищ вы из них делаете. Ступай в монахини, говорю тебе! И не откладывай. Прощай.

О ф е л и я

Силы небесные, исцелите его!

Г а м л е т

Наслышался я и про вашу живопись. Бог дал вам одно лицо, а вам надо завести другое. Иная и хвостом, и ножкой, и языком, и всякую божью тварь обзовет по-своему, но во что ни пустится, все это одна святая невинность. Нет, шалишь. Довольно. На этом я спятил. Никаких свадеб. Кто уже в браке, пусть остаются в супружестве. Все, кроме одного. Остальные пусть воздержатся. Ступай в монахини! (*Уходит.*)

О ф е л и я

Какого обаянья ум погиб!
Соединенье знанья, красноречья
И доблести, наш праздник, цвет надежд,
Законодатель вкусов и приличий,
Их зеркало... всё вдребезги. Всё, всё...
А я? Кто я, беднейшая из женщин,
С недавним медом клятв его в душе,
Теперь, когда могучий этот разум,
Как колокол надбитый, дребезжит,
А юношеский облик бесподобный
Изборожден безумьем? Боже мой!
Куда все скрылось? Что передо мной?

К о р о л ь и П о л о н и й возвращаются,

К о р о л ь

Любовь? Он поглощен совсем не ею.
К тому ж — хоть связи нет в его словах,
В них нет безумья. Он не то лелеет
По темным уголкам своей души,
Высидывая что-то поопасней.
Чтоб вовремя беду предотвратить,
Пришел я к следующему решению!
Он в Англию немедля отплывет —
Для сбора невыплаченной дани.
Быть может, море, новые края
И люди выбьют у него из сердца
То, что сидит там и над чем он сам
Ломает голову до оупенья.
Как думаете вы?

П о л о н и й

Что ж — это мысль.
Пускай поплавает. Но я, как прежде,
Уверен, что предмет его тоски —
Любовь без разделения. — Ну, дочурка?
Не повторяй, что Гамлет говорил:
Слыхали сами. — Что же, ваша воля.
Я думаю, когда пройдет спектакль,
Устроим встречу принца с королевой.
Пусть с ним поговорит наедине.
Хотите, я подслушаю беседу?
А если не узнаем ничего,
Сошлите в Англию иль заточите,
Куда рассудите.

К о р о л ь

Быть по сему.
Влиятельных безумцев шлют в тюрьму.

Уходит.

СЦЕНА 2

Там же. Зал в замке.
Входят Г а м л е т и несколько а к т е р о в

Г а м л е т

Говорите, пожалуйста, роль, как я показывал: легко и без запинки. Если же вы собираетесь ее горланить, как большинство из вас, лучше было бы отдать ее городскому глашатаю. Кроме того, не пишите воздух этак вот руками, но всем пользуйтесь в меру. Даже в потоке, буре и, скажем, урагане страсти учитесь сдержанности, которая придает всему стройность. Как не возмущаться, когда здоровенный детина в саженном парике рвет перед вами страсть в куски и клочья, к восторгу стоячих мест, где ни о чем, кроме немых пантомим и простого шума, не имеют понятия. Я бы отдал высесть такого молодчика за одну мысль переиродить Ирода¹. Это уж какое-то сверхсатанинство. Избегайте этого.

П е р в ы й а к т е р

Будьте покойны, ваша светлость.

¹ «Переиродить Ирода». — Царь *Ирод* был излюбленным персонажем средневековых религиозных драм (мистерий). Он отличался неистовой свирепостью и произносил «громовые» речи. Гамлет говорит об этом персонаже как о воплощении ходульной декламации.

Гамлет

Однако и без лишней скованности, но во всем слушайтесь внутреннего голоса. Двигайтесь в согласии с диалогом, говорите, следуя движениям, с тою только оговоркой, чтобы это не выходило из границ естественности. Каждое нарушение меры отступает от назначения театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное — низости, и каждому веку истории — его неприкрашенный облик. Если тут перестараться или недоусердствовать, несведущие будут смеяться, но знаток опечалится, а суд последнего, с вашего позволения, должен для вас перевешивать целый театр, полный первых. Мне попадались актеры, и среди них прославленные, и даже до небес, которые, не во гнев им будь сказано, голосом и манерами не были похожи ни на крещеных, ни на нехристей, ни на кого бы то ни было на свете. Они так двигались и завывали, что брало удивление, какой из поденщиков природы смастерил человека так неумело, — такими чудовищными выходили люди в их изображениях.

Первый актер

Надеюсь, у себя, принц мы эти крайности несколько устранили.

Гамлет

Устраните совершенно. А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано. Некоторые доходят до того, что хохочут сами для увеселения худшей части публики в какой-нибудь момент, существенный для хода пьесы. Это недопустимо и показывает, какое дешевое самолюбие у таких шутников. Подите приготовьтесь.

Актеры уходят.

Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.

Ну как, милорд, желает ли король посмотреть эту пьесу?

Полоний

И королева тоже, и как можно скорее.

Гамлет

Велите актерам поторопиться.

Полоний уходит.

Вы б не пошли вдвоем поторопить их?

Розенкранц и Гильденстерн

Немедленно, милорд.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Г а м л е т

Горацио!

Входит Горацио

Г о р а ц и о

Здесь, принц, к услугам вашим.

Г а м л е т

Горацио, ты изо всех людей,
Каких я знаю, самый настоящий.

Г о р а ц и о

О, что вы, принц!

Г а м л е т

Не думай, я не лъщу.
Зачем мне льстить, когда твое богатство,
И стол, и кров — один веселый нрав?
Нужде не льстят. Подлизам предоставим
Умильничать в передних богачей.
Пусть гнут колени там, где раболепье
Приносит прибыль. Слушай-ка. С тех пор
Как для меня законом стало сердце
И в людях разбирается, оно
Отметило тебя. Ты знал страданья,
Не подавая виду, что страдал.
Ты сносишь все и равно благодарен
Судьбе за гнев и милости. Блажен,
В ком кровь и ум такого же состава.
Он не рожок под пальцами судьбы,
Чтоб петь, что та захочет. Кто не в рабстве
У собственных страстей? Найди его,
Я в сердце заключу его с тобою,
В святилище души. Но погоди.
Сейчас мы королю сыграем пьесу.
Я говорил тебе про смерть отца.
Там будет случай, схожий с этой смертью.
Когда начнется этот эпизод,
Будь добр, смотри на дядю не мигая.
Он либо выдаст чем-нибудь себя
При виде сцены, либо этот призрак
Был демон зла, а в мыслях у меня
Такой же чад, как в кузнице Вулкана¹.

¹ «Как в кузнице Вулкана». — В древнеримской мифологии Вулкан был богом кузнечного дела. Воображению Гамлета рисуется мрачная, полная копоти кузница Вулкана.

Итак, будь добр, гляди во все глаза.
Вопьюсь и я, а после сопоставим
Итоги наблюдений.

Г о р а ц и о

По рукам.
А если вор уйдет неуличенным,
Я штраф плачу за скрытые воровства.

Г а м л е т

Они идут. Я вновь больным прикинусь.
Займем места.

Датский марш. Трубы.

Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц,
Гильденстерн и другие чины свиты со стражей, несущей
факелы.

К о р о л ь

Как здравствует принц крови нашей, Гамлет?

Г а м л е т

Верите ли — превосходно. По-хамелеонски¹. Питаюсь воз-
духом, начиненным обещаниями. Так не откармливают и кап-
лунов.

К о р о л ь

Это ответ без связи, Гамлет. Он ко мне не относится.

Г а м л е т

А ко мне и подавно. (*Полонию.*) Милорд, вы играли на сцене
в бытность свою в университете, не правда ли?

П о л о н и й

Играл, милорд, и считался хорошим актером.

Г а м л е т

Кого же вы играли?

П о л о н и й

Я играл Юлия Цезаря. Меня убивали в Капитолии². Брут
убил меня.

¹ «По-хамелеонски». — Согласно поверью той эпохи, хамелеон пита-
ется воздухом.

² Капитолий — один из семи холмов, на которых стоял древний Рим.
На Капитолии находился знаменитый храм Юпитера.

Г а м л е т

С его стороны было грутально убивать такого капитального теленка.— Готовы актеры?

Р о з е н к р а н ц

Да, милорд. Они ждут вашего приказания.

К о р о л е в а

Поди сюда, милый Гамлет, сядь рядом.

Г а м л е т

Нет, матушка, тут магнит попритягательней.

П о л о н и й

(вполголоса королю)

Ого, слышали?

Г а м л е т

Леди, можно к вам на колени? *(Растягивается у ног Офелии.)*

О ф е л и я

Нет, милорд.

Г а м л е т

То есть, виноват: можно голову к вам на колени?

О ф е л и я

Да, милорд.

Г а м л е т

А вы уж решили — какое-нибудь неприличие?

О ф е л и я

Ничего я не решила, милорд.

Г а м л е т

А ведь это чудная мысль — лежать у ног девушки!

О ф е л и я

Что такое, милорд?

Г а м л е т

Ничего.

О ф е л и я

Принц, вы сегодня в ударе.

Г а м л е т

Кто, я?

О ф е л и я

Да, милорд.

Г а м л е т

Господи, ради вас я и колесом пройду! Впрочем, что и остается, как не веселиться? Взгляните, какой радостный вид у моей матери, а всего два часа, как умер мой отец.

О ф е л и я

Нет, принц, полных дважды два месяца.

Г а м л е т

Как! Так много? Ну, тогда к дьяволу траур! Буду ходить в соболях. Силы небесные! Умер назад два месяца и все еще не забыт? Тогда есть надежда, что память о великом человеке переживет его на полгода. Но только пусть жертвует на построение храмов, а то никто не вспомнит о нем, как о деревянной лошадке, у которой на могиле надпись:

«Где ноги, где копыта.
Заброшена, забыта».

Играют гобои. Начинается пантомима. Входят участвующие в пантомиме король и королева. Они проявляют нежность друг к другу. Королева обнимает короля, а он ее. Она становится на колени перед ним с изъявлениями преданности. Он поднимает ее и кладет ей на плечо голову. Потом ложится в цветнике на дерн. Видя, что он уснул, она уходит. Тогда входит отравитель, снимает с него корону, целует ее, вливает в ухо короля яд и уходит. Возвращается королева, видит, что король мертв, и жестами выражает отчаяние. Снова входит отравитель с двумя или тремя похоронными служителями, давая понять, что разделяет ее горе. Труп уносят. Отравитель подарками добивается благосклонности королевы. Вначале она с негодованием отвергает его любовь, но под конец смягчается. Уходят.

О ф е л и я

Что это означает, принц?

Г а м л е т

«Змея подколодная», а означает темное дело.

О ф е л и я

Наверное, пантомима выражает содержание предстоящей пьесы?

Входит Пролог.

Гамлет

Сейчас мы всё узнаем от этого малого. Актеры не умеют хранить тайн и всё выбалтывают.

Офелия

Он объяснит значение показанной вещи?

Гамлет

Да, и любой вещи, которую вы ему покажете. Не стыдитесь только показывать, а он без стыда будет объяснять, что это значит.

Офелия

Вы злюка, вы злюка! Я буду смотреть пьесу.

Пролог

Пред нашим представленьем
Мы просим со смиреньем
Нас выслушать с терпеньем.

Гамлет

Что это, пролог или надпись на колечке?

Офелия

Действительно, коротковато, милорд.

Гамлет

Как женская любовь.

Входят два актера, изображающие короля и королеву.

Король на сцене

В тридцатый раз в упряжке четверней
Объехал Феб моря и мир земной,
И тридцать дюжин лун вокруг земли
Двенадцать раз по тридцать раз прошли,
С тех пор как нам сближает все тесней
Любовь — сердца, а руки — Гименей¹.

Королева на сцене

Еще раз столько солнце и луна
Могли б пройти, пока любовь сильна.
Но горе мне — годам паперекор,
Болезнен вид ваш с некоторых пор.
Однако опасаться вам, дружок,
Нет надобности ни на волосок.

¹ Гименей — у древних греков бог брака.

Страшится или любит женский пол —
В нем все без меры, всюду пересол.
Моей любви изведали вы вкус,
Люблю я слепо, слепо и страшусь.
Где чувство в силе, страшно пустяка;
Где много любят, малость велика.

Король на сцене

Душа моя, прощанья близок час.
К концу подходит сил моих запас.
А ты и дальше в славе и любви
Существованья радостью живи.
Другой супруг, как знать...

Королева на сцене

Не суесловь.
Предательством была бы та любовь.
Убей меня за новым мужем гром!
Кровь первого да будет на втором!

Гамлет

(в сторону)

Полюнь, полюнь! ¹

Королева на сцене

Не по любви вступают в новый брак.
Расчет и жадность — вот его рычаг.

Король на сцене

Мне верится, вы искренни во всем,
Но не всегда стоим мы на своем.
Решимость наша — памяти раба:
Сильна до службы, в выслуге слаба.
Что держится, как недозрелый плод,
Отвалится, лишь только в сок войдет.
Чтоб жить, должны мы клятвы забывать,
Которые торопимся давать.
У каждой страсти собственная цель,
Но ей конец, когда проходит хмель.
Печаль и радость в дикости причуд
Сметают сами, что произведут.
Печали жалок радости предмет,
А радости до горя дела нет.

¹ «Полюнь, полюнь!» — Гамлет хочет сказать, что слова, которые произносят актеры, горьки, как полынь, для Клавдия.

Итак, когда всё временно и тлен,
То как любви уйти от перемен?
Кто вертит кем, еще вопрос большой:
Судьба любовью иль любовь судьбой?
Ты в силе — и друзей хоть отбавляй,
Ты в горе — и приятели прощай.
Но кончу тем, откуда начал речь:
Не может жизнь по нашей воле течь.
Мы, может статься, лучшего хотим,
Но ход событий не предвосхитим.
Так и боязнь второго сватовства
Жива у вас до первого вдовства.

Королева на сцене

Померкни свет, погибни урожай!
И день и ночь покою я не знай!
Отчаянье заволоки мой взор!
Будь жизнью мне отшельницы затвор!
Недобрый вихрь развеи в небытии
Мои надежды и мечты мои!
Малейший шаг ввергай меня в беду,
Когда, вдова, я замуж вновь пойду!

Гамлет

А ну как обманет?

Король на сцене

Зарок — не шутка. Но оставь меня,
Я утомился сутолокой дня
И отдохну немного.

(Засыпает.)

Королева на сцене

Выспись всласть,
И да минует в жизни нас напасть,

(Уходит.)

Гамлет

Сударыня, как вам нравится пьеса?

Королева

По-моему, леди слишком много обещает.

Гамлет

О, но она сдержит слово!

Король

Вы знаете содержание? В нем нет ничего предосудительного?

Гамлет

Нет, нет. Все это в шутку, отравление в шутку. Ровно ничего предосудительного.

Король

Как название пьесы?

Гамлет

«Мышеловка». Но в каком смысле? В фигуральном. Пьеса изображает убийство, совершенное в Вене¹. Имя герцога — Гонзаго. Его жена — Баптиста. Вы сейчас увидите. Это препакуснейшая проделка. Но нам-то что до того? Вашего величества и нас, с нашей чистой совестью, это не касается. Пусть кляча лягается, если у нее зашиблены задние ноги. Наши кости в порядке.

Входит Луциан.

Это некто Луциан, племянник короля.

Офелия

Вы хорошо заменяете хор, милорд².

Гамлет

Начинай, убийца! Ну, чума ты этакая! Брось свои безбожные рожи и начинай. Ну! «Взывает к мести каркающий ворон»³.

Луциан

Рука тверда, дух черен, крепок яд,
Удобен миг, ничей не видит взгляд.
Теки, теки, верши свою расправу,
Гекате⁴ посвященная отрава!
Спеши весь вред, который в травах есть,
Над этой жизнью в действие привести!

(Вливает яд в ухо спящего.)

¹ «Пьеса изображает убийство, совершенное в Вене». — Убийство герцога Урбанского произошло в Италии, а не в Вене. «В Вене» здесь звучит, как если бы мы сказали «на луне».

² «Вы хорошо заменяете хор, милорд». — Роль «хора», читавшего пролог или пояснявшего то, что происходило на сцене, исполнялась в театре времен Шекспира одним лицом, одетым в черный плащ.

³ «Взывает к мести каркающий ворон». — Это цитата из пьесы неизвестного автора «Истинная трагедия о Ричарде III», в которой в мрачных красках изображен преступный король на троне (Гамлет намекает на Клавдия).

⁴ Геката — одно из мрачных божеств древнегреческой мифологии. Ее изображали с тремя головами: лошадиной, песьей и львиной. В средневековых поверьях Геката была царицей ведьм.

Г а м л е т

Он отравляет его в саду, чтобы завладеть престолом. Имя герцога — Гонзаго. История существует отдельно, образцово изложенная по-итальянски. Сейчас вы увидите, как убийца достигает любви жены Гонзаго.

О ф е л и я

Король встает!

Г а м л е т

Испугался хлопнушки?

К о р о л е в а

Что с его величеством?

П о л о н и й

Прекратите пьесу!

К о р о л ь

Посветите мне. Прочь отсюда!

В с е

Огня, огня, огня!

Уходят все, кроме Гамлета и Горацио.

Г а м л е т

Пусть раненый олень ревет,
А уцелевший скачет.
Где — спят, а где — почной обход:
Кому что рок назначит.

Ну-с, сэр, если бы другие виды на будущее провалились у меня к туркам, разве это, да целый лес перьев, да пара провансальских роз на башмаках¹ не доставили бы мне места в актерской труппе?

Г о р а ц и о

С половинным окладом.

Г а м л е т

Нет, с полным.

Ты знаешь, дорогой Дамон²,

¹ «Целый лес перьев, да пара провансальских роз на башмаках...» — пышные перья на голове и большие банты в виде роз на башмаках были частой принадлежностью костюма трагических актеров. *Прованс* — область во Франции.

² *Дамон* — герой античной легенды о двух друзьях; в нарицательном смысле — верный друг.

Юпитера орел
Слетел с престола, и на трон
Воссел простой осе...тр.

Г о р а ц и о

Вы могли бы и в рифму.

Г а м л е т

О Горацио! Тысячу фунтов за каждое слово призрака! Ты заметил?

Г о р а ц и о

Еще бы, принц!

Г а м л е т

Когда начали играть сцену отравления.

Г о р а ц и о

Я с него глаз не спускал.

Г а м л е т

Ах, ах! А ну, а ну музыку! Ну-ка, флейтисты!

Раз королю неинтересна пьеса,

Нет для него в ней, значит, интереса.

А ну, а ну музыку!

Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн.

Г и л ь д е н с т е р н

Добрейший принц! Можно попросить вас на два слова?

Г а м л е т

Хоть на целую историю, сэр.

Г и л ь д е н с т е р н

Король, сэр...

Г а м л е т

Да, сэр, что с ним?

Г и л ь д е н с т е р н

Удалился к себе и чувствует себя очень скверно.

Г а м л е т

От вина, сэр?

Гильденстерн

Нет, сэр, скорее от желчи.

Гамлет

Остроумней было бы сказать это его врачу. Если я пропишу ему свое слабительное, опасаясь, как бы желчь не разлилась у него еще сильнее.

Гильденстерн

Добрейший принц, введите свою речь в какие-нибудь границы и не уклоняйтесь так упорно от того, что мне поручено.

Гамлет

Пожалуйста. Я весь смирение и слух.

Гильденстерн

Королева, ваша матушка, в крайнем удручении послала меня к вам.

Гамлет

Милости просим.

Гильденстерн

Нет, добрейший принц, сейчас эти любезности ни к чему. Если вам угодно дать мне надлежащий ответ, я исполню приказание вашей матери. Если нет, я попрошу принять мои извинения и удалюсь.

Гамлет

Не могу, сэр.

Гильденстерн

Чего, милорд?

Гамлет

Дать вам надлежащий ответ. У меня мозги не в порядке. Но какой бы ответ я вам ни дал, располагайте им, как найдете нужным. Вернее, это относится к моей матери. Итак, ни слова больше. К делу. Моя мать, говорите вы...

Розенкранц

В таком случае вот что. Ваше поведение, говорит она, повергло ее в изумление и ошеломило.

Гамлет

О, удивительный сын, так удивляющий свою мать! А не прилипло ли к этому удивлению чего-нибудь повещественней? Любопытно,

Розенкранц

Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы ляжете спать.

Гамлет

Рады стараться, будь она нам хоть десять раз матерью. Чем еще можем служить вам?

Розенкранц

Принц, вы когда-то любили меня.

Гамлет

(показывая на свои руки)

Как и сейчас, клянусь этими воровскими орудиями.

Розенкранц

Добрейший принц! В чем причина вашего нездоровья? Вы сами отрезаете путь к спасению, пряча свое горе от друга.

Гамлет

Я нуждаюсь в служебном повышении.

Розенкранц

Как это возможно, когда сам король назначил вас наследником датского престола?

Гамлет

Да, сэр, но «покамест травка подрастет, лошадка с голоду умрет...» — старовата поговорка.

Возвращаются музыканты с флейтами.

А, флейты! Дайте мне одну на пробу. Отойдите в сторону. Что это вы всё вьетесь вокруг, точно хотите загнать меня в какие-то сети?

Гильденстерн

О принц, если мое участие так навязчиво, значит, так безоговорочна моя любовь.

Гамлет

Я что-то не понял. Ну, да все равно. Вот флейта. Сыграйте на ней что-нибудь.

Гильденстерн

Принц, я не умею.

Гамлет

Пожалуйста.

Гильденстерн

Уверяю вас, я не умею.

Гамлет

Но я прошу вас.

Гильденстерн

Но я не знаю, как за это взяться.

Гамлет

Это так же просто, как лгать. Перебирайте отверстия пальцами, вдувайте ртом воздух, и из нее полетится нежнейшая музыка. Видите, вот клапаны.

Гильденстерн

Но я не знаю, как ими пользоваться. У меня ничего не выйдет. Я не учился.

Гамлет

Смотрите же, с какою грязью вы меня смешали. Вы собираетесь играть на мне. Вы приписываете себе знание моих клапанов. Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны. Вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам открыты. А эта маленькая вещица нарочно приспособлена для игры, у нее чудный тон, и тем не менее вы не можете заставить ее говорить. Что ж вы думаете, со мной это легче, чем с флейтой? Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя.

Возвращается Полоний.

Благослови вас бог, сэр!

Полоний

Милорд, королева желает поговорить с вами, и немедленно.

Гамлет

Видите вы вон то облако в форме верблюда?

Полоний

Ей-богу, вижу, и действительно, ни дать ни взять — верблюд.

Гамлет

По-моему, оно смахивает на хорька.

Полоний

Правильно: спинка хорьковая.

Гамлет

Или как у кита.

Полоний

Совершенно как у кита.

Гамлет

Ну, так я приду сейчас к матушке. (*В сторону.*) Они сговорились меня с ума свести! — Я сейчас приду.

Полоний

Я так и доложу.

Гамлет

Шутка сказать: «сейчас». — Оставьте меня, приятели.

Уходят все, кроме Гамлета.

Теперь пора ночного колдовства.
Скрипят гроба, и дышит ад заразой.
Сейчас я мог бы пить живую кровь
И на дела способен, от которых
Я утром отшатнусь. Нас мать звала.
Без зверства, сердце! Что бы ни случилось,
Души Нерона в грудь мне не вселяй¹.
Я ей скажу без жалости всю правду
Словами, ранящими, как кинжал.
Но это мать родная — и рукам
Я воли даже в ярости не дам.

Уходит.

СЦЕНА 3

Комната в замке.

Входят король, Розенкранц и Гильденстерн.

Король

Я не люблю его и потакать
Безумью не намерен. Приготовьтесь,
Сейчас я подпишу вам свой приказ
И в Англию отправлю принца с вами.
Наш сан не терпит, чтоб из-за угла

¹ «Души Нерона в грудь мне не вселяй». — *Нерон*, римский император I века н. э., прославившийся своими жестокостями, был матереубийцей.

Всегда подстерегала нас случайность
В лице безумца.

Гильденстерн

Соберемся в путь.
Священно в корне это попеченье
О тысячах, которые живут
Лишь вашего величества заботой.

Розенкранц

Долг каждого — беречься от беды
Всей силой, предоставленной рассудку.
Какая ж осмотрительность нужна
Тому, от чьей сохранности зависит
Жизнь множества! Кончина короля —
Не просто смерть. Она уносит в бездну
Всех близстоящих. Это — колесо,
Торчащее у края горной кручи,
К которому приделан целый лес
Зубцов и перемычек. Эти зубья
Всех раньше, если рухнет колесо,
На части разлетятся. Вдох владыки
Во всех в ответ рождает стон великий.

Король

Пожалуйста, скорей сберитесь в путь.
Пора забить в колодки этот ужас,
Гуляющий на воле.

Розенкранц и Гильденстерн

Поспешим.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.
Входит Полоний.

Полоний

Он к матери пошел в опочивальню.
Послушаю пойду-ка за ковром.
Она его, наверно, отчитает.
Но ваша правда: мать тут не судья.
Она лицеприятна. Не мешает,
Чтоб был при этом кто-нибудь другой
И наблюдал. Прощайте, государь мой,
С разведки этой я еще пред сном
К вам загляну.

Король

Благодарю вас, друг мой.

Полоний уходит.

Удушлив смрад злодейства моего.
На мне печать древнейшего проклятья:
Убийство брата. Жаждою горю,
Всем сердцем рвусь, но не могу молиться.
Помилования нет такой вине.
Как человек с колеблющейся целью,
Не знаю, что начать, и ничего
Не делаю. Когда бы кровью брата
Был весь покрыт я, разве и тогда
Омыть не в силах небо эти руки?
Что делала бы благость без злодейств?
Зачем бы нужно было милосердие?
Мы молимся, чтоб бог нам не дал пасть
Или нас спас из глубины паденья.
Отчаиваться рано. Выше взор!
Я пал, чтоб встать. Какими же словами
Молиться тут? «Прости убийство мне»?
Нет, так нельзя. Я не вернул добычи.
При мне все то, зачем я убивал:
Моя корона, край и королева.
За что прощать того, кто тверд в грехе?
У нас нередко дело заминает
Преступник горстью золота в руке,
И самые плоды его злодейства
Есть откуп от законности. Не то
Там, наверху. Там в подлинности голой
Лежат деянья наши, без прикрас.
И мы должны на очной ставке с прошлым
Держать ответ. Так что же? Как мне быть?
Покаяться? Раскаянье всеильно.
Но что, когда и каяться нельзя!
Мучение! О грудь, чернее смерти!
О лужа, где, барахтаясь, душа
Все глубже вязнет. Ангелы, на помощь!
Скорей, колени, гнитесь! Сердца сталь,
Стань, как хрящи новорожденных, мягкой!
Все поправимо.

(Отходит в глубину и становится на колени.)

Входит Г а м л е т,

Г а м л е т

Он молится. Какой удобный миг!
Удар мечом — и он взвывается к небу.
И вот возмездье. Так ли? Разберем,
Он моего отца лишает жизни,

А в наказание я убийцу шлю
В небесный рай.
Да это ведь награда, а не мщенье.
Отец погиб с раздутым животом,
Весь вспучившись, как май, от грешных соков.
Бог весть, какой еще за это спрос,
Но по всему, наверное, немалый.
Так месть ли это, если негодяй
Испустит дух, когда он чист от скверны
И весь готов к далекому пути?
Нет.
Назад, мой меч, до боле страшной встречи!
Когда он будет в гнев или пьян,
В объятьях сна или нечистой неги,
За картами, с проклятьем на устах
Иль в помыслах о новом зле, с размаху
Руби его, чтоб он свалился в ад
Ногами вверх, весь черный от пороков.
Но мать меня звала.— Еще поцарствуй.
Отсрочка это лишь, а не лекарство.

(Уходит.)

Король
(поднимаясь)

Слова парят, а чувства книзу гнут,
А слов без чувствверху не признают.

Уходит.

СЦЕНА 4

Комната королевы.
Входят королева и Полоний.

Полоний

Он к вам идет. Предупредите сына:
Пусть обуздает выходы свои.
Скажите, вы спасли его от кары.
А я укроюсь за стенным ковром.
Пожалуйста, покруче.

Гамлет
(за сценой)

Мать! Миледи!

Королева

Не бойтесь. Положитесь на меня.
Он, кажется, идет. Вам надо скрыться.
Полоний становится за стенным ковром.
Входит Гамлет.

Гамлет

Ну, матушка, чем вам могу служить?

Королева

Зачем отца ты оскорбляешь, Гамлет?

Гамлет

Зачем отца вы оскорбили, мать?

Королева

Ты говоришь со мною, как невежа.

Гамлет

Вы спрашиваете, как лицемер.

Королева

Что это значит, Гамлет?

Гамлет

Что вам надо?

Королева

Ты помнишь, кто я?

Гамлет

Помню, вот вам крест.
Вы королева в браке с братом мужа
И, к моему прискорбью, мать моя.

Королева

Так пусть с тобой поговорят другие.

Гамлет

Ни с места! Сядьте. Я вас не пущу.
Я зеркало поставлю перед вами,
Где вы себя увидите насквозь.

Королева

Что ты задумал? Он меня заколет!
Не подходи! Спасите!

Полоний

(за ковром)

Стража! Эй!

Гамлет

(обнажая шпагу)

Ах так? Тут крысы? На пари — готово.

(Протыкает ковер.)

Полоний

(за ковром)

Убит!

(Падает и умирает.)

Королева

Что ты наделал!

Гамлет

Разве там

Стоял король?

Королева

Как ты жесток! Какое злодеянье!

Гамлет

Не больше, чем убийство короля
И обручение с братом мужа, леди.

Королева

Убийство короля? ¹

Гамлет

Да, леди, да.

(Откидывает ковер и обнаруживает Полония.)

Прощай, вертлявый, глупый хлопотун!

Тебя я спутал с кем-то поважнее.

Ты видишь, суетливость не к добру. —

А вы садитесь. Рук ломать не надо.

Я сердце вам сломаю, если все ж

Оно из бьющегося матерьяла

И пагубные навыки не сплошь

Его от жизни в бронзу заковали.

¹ Гертруда не знала об убийстве своего мужа,

Королева

Что я такого сделала, что ты
Так груб со мной?

Гамлет

Вы сделали такое,
Что попирает нравственность и стыд,
Шельмует правду, выступает сыпью
На лбу невинности и чистоты
И превращает брачные обеты
В торг игроков. Вы совершили то,
Что обездушивает соглашения
И делает пустым набором слов
Обряды церкви. Небеса краснеют
И своды мира, хмурясь, смотрят вниз,
Как в Судный день, чуть вспомнят ваш поступок.

Королева

Нельзя ль узнать, в чем дела существо,
К которому так громко предисловье?

Гамлет

Вот два изображения: вот и вот.
На этих двух портретах — лица братьев.
Смотрите, сколько прелести в одном:
Лоб, как у Зевса, кудри Аполлона,
Взгляд Марса, гордый, наводящий страх,
Величие Меркурия¹, с посланьем
Слетающего наземь с облаков.
Собрание качеств, в каждом из которых
Печать какого-либо божества,
Дающих званье человека. Это
Ваш первый муж. А это ваш второй.
Он — словно колос, пораженный порчей,
В соседстве с чистым. Где у вас глаза?
Как вы спустились с этих горных пастбищ
К таким кормам? На что у вас глаза?
Ни слова про любовь. В лета, как ваши,
Живут не бурями, а головой.
А где та голова, что совершила б
Такую мену? Вы не мертвый труп,
А то б вы не могли передвигаться,
Но ваши чувства спят. Ведь тут никто б
Не мог так просчитаться. Не бывает,
Чтоб и в бреду не оставался смысл

¹ Меркурий — в древнеримской мифологии вестник богов.

Таких различий. Так какой же дьявол
Средь бела дня вас в жмурки обыграл?
Слепорожденный с даром осязанья;
Безрукий, слабо видящий; глухой,
Но чувствующий запах, не ошиблись
Так явно бы!
Стыдливость, где ты? Искуситель-бес!
Когда так властны страсти над вдовою,
Как требовать от девушек стыда?
Какой пример вы страшный подаете
Невестам нашим!

К о р о л е в а

Гамлет, перестань!
Ты повернул глаза зрачками в душу,
А там повсюду пятна черноты,
И мне их нечем смыть!

Г а м л е т

Валяться в зале
Продавленной кровати, утопать
В испарине порока, любоваться
Своим паденьем...

К о р о л е в а

Гамлет, пощади!
Твои слова — как острия кинжалов
И режут слух.

Г а м л е т

...с убийцей и скотом,
Не стоящим одной двухсотой доли
Того, что тот. С петрушкой в королях.
С карманником на царстве. Он завидел
Венец на полке, взял исподтишка
И вынес под полою.

К о р о л е в а

Гамлет, сжался!

Г а м л е т

Со святочной игрушкой...

Входит Призрак.

Г а м л е т

Под ваши крылья, ангелы небес! —
Что вашей статной царственности надо?

Королева

О горе, с ним припадок!

Гамлет

Ленивца ль сына вы пришли журить,
Что дни идут, а он под злую руку
Приказов ваших страшных не свершил?
Не правда ли?

Призрак

Цель моего прихода — вдунуть жизнь
В твою почти остывшую готовность.
Но посмотри, что с матерью твоей.
Она не в силах справиться с ударом.
Кто волей слаб, страдает больше всех.
Скажи ей что-нибудь.

Гамлет

Что с вами, леди?

Королева

Нет, что с тобой? Ты смотришь в пустоту¹,
Толкуешь громко с воздухом бесплотным,
И дикостью горят твои глаза.
Как сонные солдаты по сигналу,
Взлетают вверх концы твоих волос
И строятся навывтяжку. О сын мой,
Огонь болезни надо остужать
Невозмутимостью. Чем полон взор твой?

Гамлет

Да им же, им! Смотрите, как он бел!
Смерть страшная его и эта бледность
Могли б растрогать камень. — Отвернись.
Твои глаза мне душу раздирают.
Она рыхлеет, твердость чувств сдает,
И я готов лить слезы вместо крови.

Королева

С кем говоришь ты?

Гамлет

Как, вам не видеть?

¹ «Ты смотришь в пустоту...» — Согласно поверью, призраки были видимы только тем, кому они являлись,

Королева

Нет. Ничего. Лишь то, что пред глазами.

Гамлет

И не слышать?

Королева

Лишь наши голоса.

Гамлет

Да вот же он! Туда, туда взгляните:
Отец мой, совершенно как живой!
Вы видите, скользит и в дверь уходит.

Королева

Все это плод твоей больной души.
По части духов бред и исступление
Весьма искусны.

Гамлет

Исступление, бред!

Мой пульс, как ваш, отсчитывает такт
И так же бодр. Нет нарушений смысла
В моих словах. Переспросите вновь —
Я повторю их, а больной не мог бы.
Во имя бога, бросьте ваш бальзам!
Не тепштесь мыслью, будто все несчастье
Не в вашем поведении, а во мне.
Такая мазь затянет рану коркой,
А скрытый гной вам выест все внутри.
Вам надо исповедаться. Покайтесь
В содеянном и берегитесь впредь.
Траву худую вырывают с корнем.
Прошу простить меня за правоту,
Как в наше время просит добродетель
Прощенья у порока за добро,
Которое она ему приносит.

Королева

Ах, Гамлет, сердце рвется пополам!

Гамлет

Вот и расстаньтесь с худшей половиной,
Чтоб лучшею потом тем чище жить.
Спокойной ночи. Не ходите к дяде.

Взамен отсутствующего стыда
Усвойте выдуманную стыдливость.
Она привется. В маске доброты
Вы скоро сами пристраститесь к благу.
Повторность изменяет лик вещей.
В противность злым привычкам добрый навывк
Смиряет или гонит прочь чертей.
Впоследствии, когда вы захотите,
Чтоб вас благословили, попрошу
Тогда и я у вас благословенья,
А что касается до старика.

(показывает на Полония)

О бедняке об этом сожалею.
Но, видно, так судили небеса,
Чтоб он был мной, а я был им наказан
И стал карающей рукой небес.
Я тело уберу и сам отвечу
За эту кровь. Еще раз — добрый сон.
Из жалости я должен быть суровым.
Несчастья начались, готовьтесь к новым.
Еще два слова.

Королева

Что ж теперь мне делать?

Гамлет

Еще вы спрашиваете? Тогда
И продолжайте делать, что хотите.
Ложитесь ночью с королем в постель
И в благодарность за его лобзанья,
Которыми он будет вас душить,
В приливе откровенности сознайтесь,
Что Гамлет вовсе не сошел с ума,
А притворяется с какой-то целью.

Королева

Ты знаешь сам, что я скорей умру,
Чем соглашусь предать тебя.

Гамлет

Меня

Шлют в Англию. Слыхали?

Королева

Да, к несчастью.
Я и забыла. Это решено.

Гамлет

Скрепляют грамоты. Два школьных друга
Уже давно запродали мой труп
И, торжествуя, потирают руки.
Ну что ж, еще посмотрим, чья возьмет.
Забавно будет, если сам подрывник
Взлетит на воздух. Я под их подкоп —
Чтоб с места не сойти мне! — вхоюсь ниже
И их взорву. Ну и переполох,
Когда подвох наткнется на подвох! —
Вот мне кого убрать теперь подальше.
Сташу-ка в сени эти потроха.
Итак, спокойной ночи. А советник,
Действительно, и присмирел и строг,
А в жизни был болтливей сорок. —
Ну, милый мой, пора о вас подумать. —
Спокойной ночи, матушка.

Расходятся врозь, Гамлет — волоча Полония.

А К Т IV

СЦЕНА 1

Эльсинор. Комната в замке.

Входят король, королева, Розенкранц и Гильденстерн.

Король

В глубоких этих вздохах что-то есть.
Нельзя ли выразить их попонятней?
Где сын ваш?

Королева

Оставьте нас на несколько минут.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

О, что сейчас случилось!

Король

Что, Гертруда?

Как Гамлет?

Королева

Рвет и мечет, как прибой,
Когда он с ветром спорит, кто сильнее.

В бреду услышал шорох за ковром
И с криком: «Крысы!», выхватив рапиру,
Убил одним ударом старика,
Стоявшего в засаде.

К о р о л ь

Быть не может!
Так было б с нами, очутись мы там.
Что он на воле — вечная опасность
Для вас, для нас, для каждого, для всех.
А кто теперь в ответе за убийство?
Увы, я сам, что я не отделил
Больного молодого человека
От остальных. Всему виной любовь.
Она лишила нас благоразумья.
Мы скрыли, как постыдную болезнь,
Семейное несчастье и загнали
Заразу внутрь. Куда девался он?

К о р о л е в а

Пошел куда-то с телом бедной жертвы.
Сквозь бред в нем блещут искорки добра,
Как золота крупницы в грубом камне.
Он плачет о случившемся навзрыд.

К о р о л ь

Пойдем, Гертруда. Не успеет солнце
Коснуться гор, он сядет на корабль.
А это злодеяние придется
Заглаживать самим нам. — Гильденстерн!

Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн.

Кого-нибудь возьмите на подмогу!
В горячке принц Полония убил
И вынес труп из спальни королевы,
Не раздражая принца, надо взять
Тихонько тело и отнести в часовню.

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

Пойдем, Гертруда, соберем друзей.
Расскажем им про новые тревоги.
Шипенье ядовитой клеветы,
Несущее сквозь поперечник мира,
Как пушечный снаряд, свое ядро,
С их помощью, быть может, нас минует.
Пойдем. Не оставляй меня, жена.
Душа в тревоге и устрашена.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Другая комната в замке.
Входит Гамлет.

Гамлет

Сдан в целости на место.

Розенкранц и Гильденстерн
(за сценой)

Гамлет, Гамлет!

Гамлет

Откуда шум? Кто Гамлета зовет?
А, вот они.

Входят Розенкранц и Гильденстерн.

Розенкранц

Милорд, что сделали вы с мертвым телом?

Гамлет

Смешал с землей, которой труп сродни.

Розенкранц

Скажите, где он, мы снесем в часовню.

Гамлет

Об этом бросьте даже помышлять.

Розенкранц

О чем?

Гамлет

Что я буду действовать в ваших интересах, а не в своих собственных. Да и что еще это за расспросы со стороны какой-то губки? ¹ Что отвечать на них сыну короля?

Розенкранц

Вы меня сравниваете с губкою, принц?

Гамлет

Да, вас. С губкою, живущей соками царских милостей. Но на поверку это его лучшие слуги. Король закладывает их за ще-

¹ Гамлет сравнивает придворных с губками. В сатирическом сочинении эпохи Шекспира читаем: «Когда короли воспользуются придворными, как губками, впитавшими все соки из бедного люда, им доставляет удовольствие выжимать содержимое этих губок в королевские сосуды».

ку, как обезьяна. Сует в рот первыми, а проглатывает последними. Понадобится то, чего вы насосались,— он взял выдавил вас, и снова вы сухи для новой службы.

Розенкранц

Я вас не понимаю, принц.

Гамлет

Это меня радует. В уме нечутком не место шуткам.

Розенкранц

Милорд, вы должны сказать нам, где тело, и пойти с нами к королю.

Гамлет

Тело во владении короля, но король не во владении телом. Да и какую роль играет тут король?

Гильденстерн

Король, милорд?

Гамлет

Не более чем ноль. Ведите меня к нему. Гуси, гуси, домой, волк за горой!

Уходят.

СЦЕНА 3

Там же. Другая комната в замке.

Входит король со свитой.

Король

За ним пошли. Труп велено найти.
Вот как опасен он, пока на воле!
Сурово с ним расправиться нельзя:
К нему привязано простонародье,
Где судят всё на глаз, а не умом.
Там видят только кару, а не смотрят,
За что она. Для гладкости отъезд
Изобразим служебным назначением,
Давно решенным. Сильную болезнь
Врачуют сильно действующим средством.

Входит Розенкранц.

Ну, как у вас там? Отыскивали труп?

Розенкранц

Где тело, невозможно доискаться.

Король

А сам он где?

Розенкранц

За дверью, государь.

Впредь до распоряженья — под надзором.

Король

Ну что ж, введите принца.

Розенкранц

Гильденстерн!

Введите принца.

Входят Гамлет и Гильденстерн

Король

Гамлет, где Полоний?

Гамлет

На ужине.

Король

На ужине? На каком?

Гамлет

На таком, где ужинает не он, а едят его самого. Сейчас за него уселся синклит¹ червей со всей земли. Червь, что ни говори, единственный столп всякого истинного порядка. Мы откармливаем всякую живность себе в пищу и откармливаем себя в пищу червям. Возьмете ли толстяка-короля или худобу-горемыку — это только два блюда к столу, два кушанья, а суть одна,

Король

Увы! Увы!

Гамлет

Можно вытащить рыбу на червяка, пообедавшего королем, и пообедать рыбой, которая проглотила этого червяка.

Король

Что ты хочешь этим сказать?

Гамлет

Ничего, кроме того, что король может совершать круговые объезды по кишкам нищего.

Король

Где Полоний?

¹ Синклит — в древней Греции собрание высших сановников; собрание, сборище.

Гамлет

На небе. Пошлите посмотреть. Если посланный не вернется, поищите сами. Во всяком случае, если он не сыщется раньше месяца, вы носом почуете его у входа на галерею.

Король

(чинам свиты)

Подите поищите его там.

Гамлет

Он вас ждет не дождется.

Свитские уходят.

Король

Кровавая проделка эта, Гамлет,
Заставит нас для целости твоей
Без промедленья сбыть тебя отсюда.
Изволь спешить. Корабль у берегов,
Подул попутный ветер, и команда
Готова морем в Англию отплыть.

Гамлет

Как, в Англию?

Король

Да, в Англию.

Гамлет

Прекрасно.

Король

Так ты б сказал, знай наши мысли ты.

Гамлет

Я вижу херувима, знающего их.— Ну что ж, в Англию так в Англию!— Прощайте, дорогая матушка.

Король

Дорогой отец, хочешь ты сказать, Гамлет?

Гамлет

Нет — мать. Отец и мать — муж и жена, а муж и жена — это плоть одина. Значит, все равно: прощайте, матушка.— Итак, в Англию, вот оно что. *(Уходит.)*

Король

Идите по пятам за ним. Немедля
Безумца заманите на корабль.
Чтоб духу не было его сегодня!
Прощайте. Все изложено в письме,
Что требуется делом. Торопитесь!

Розенкранц и Гильденстерн уходят.

И если, Англия, мою любовь
Ты ценишь так, как я заставить в силе —
А твой рубец от датского меча
Еще горит и ты благоговейно
Нам платишь дань, — не думай обойти
Прямую букву моего приказа,
Которым тайно Гамлета тебе
Я в руки отдаю на убиенье.
Исполни это, Англия! При нем
Я буду таять, как в жару горячки.
Избавь меня от этого огня.
Пока он жив, нет жизни для меня.

Уходит.

СЦЕНА 4

Равнина в Дании.

Входят Фортинбрас, капитан и войско в походном движении.

Фортинбрас

Шлю вас с поклоном к королю датчан.
Скажите, капитан, что по трактату
Страну пересекает Фортинбрас.
Где сборный пункт, вы знаете. Прибавьте,
Что, если бы явилась в нас нужда,
Мы тут как тут по первому желанию.
Прощайте.

Капитан

Добрый путь.

Фортинбрас

Отряд, вперед!

Фортинбрас с войском уходит.

Входят Гамлет, Розенкранц, Гильденстерн и другие.

Гамлет

Чье это войско?

Капитан

Армия норвежцев.

Гамлет

Куда поход?

Капитан

На Польшу.

Гамлет

Кто глава?

Капитан

Принц Форгинбрас, племянник королевский.

Гамлет

Вы движетесь к границе или внутрь?

Капитан

Сказать по правде, мы идем отторгнуть
Местечко, не заметное ничем.

Лишь званье, что земля. Пяти дукатов

Я б не дал за участок, да и тех

Не выручить Норвегии и Польше,

Отдай они в аренду этот клад.

Гамлет

Какой полякам смысл в его защите?

Капитан

Туда уж стянут сильный гарнизон.

Гамлет

Двух тысяч душ, десятков тысяч денег

Не жалко за какой-то сена клоч!

Так в годы внешнего благополучья

Довольство наше постигает смерть

От внутреннего скрытого недуга.—

Покорнейше благодарю вас, сэр.

Капитан

Храни вас бог.

(Уходит.)

Розенкранц

Милорд, пойдемте тоже,

Гамлет

Ступайте. Я вас тотчас догоню.

Все уходят, кроме Гамлета.

Все мне уликой служит, все торопит
Ускорить месть. Что значит человек,
Когда его заветные желанья —
Еда да сон? Животное — и все.
Наверно, тот, кто создал нас с понятием
О будущем и прошлом, дивный дар
Вложил не с тем, чтоб разум гнил без пользы.
Что тут виной? Забывчивость скота
Или привычка разбирать поступки
До мелочей? Такой разбор всегда
На четверть — мысль, а на три прочих — трусость.
Но что за смысл без умолку твердить,
Что это надо сделать, если к делу
Есть воля, сила, право и предлог?
Нелепость эту только оттеняет
Все, что ни встречу. Например, ряды
Такого ополченья под командой
Решительного принца, гордеца
До кончиков ногтей. В мечтах о славе
Он рвется к сече, смерти и судьбе
И жизнью рад пожертвовать, а дело
Не стоит выеденного яйца.
Но тот-то и велик, кто без причины
Не ступит шага; если ж в деле честь,
Подымет спор из-за пучка соломы.
Отец убит, и мать осквернена,
И сердце пышет злобой: вот и время
Зевать по сторонам и со стыдом
Смотреть на двадцать тысяч обреченных,
Готовых лечь в могилу, как в постель,
За обладанье спорною полоской,
Столь малой, что на ней не разместить
Дерущихся и не зарыть убитых.
О мысль моя, отныне будь в крови,
Живи грозой иль вовсе не живи!

Уходит.

СЦЕНА 5

Комната в замке.

Входят королева и Горацио.

Королева

Я не приму ее.

Горацио

Она шумит.

И в самом деле, видно, помешалась.
Ее так жалко!

Королева

Что такое с ней?

Горацио

Все тужит об отце, подозревает
Во всем обман, сжимает кулаки,
Бьет в грудь себя, и плачет, и бормочет
Бессмыслицу. В ее речах сумбур.
Но кто услышит, для того находка.
Из этих фраз, ужимок и кивков
Выуживает каждый, что захочет,
И думает: нет дыма без огня —
И здесь следы какой-то страшной тайны.

Королева

Я лучше свижусь с ней. В умах врагов
Легко родить ей будет подозренье.
Пускай войдет.

Горацио уходит.

Больной душе и совести усталой
Во всем беды мерещится начало.
Так именно утайками вина
Разоблачать себя осуждена.

Возвращается Горацио с Офелией.

Офелия

Где Дании краса и королева?

Королева

Что вам, Офелия?

Офелия

(поет)

А по чем я отличу
Вашего дружка?
Плащ паломника на нем¹,
Странника клюка.

¹ Образ паломника в поэзии той эпохи — символ влюбленного. Офелия думает то о Гамлете, который, как ей кажется, погиб на чужбине, то о Полонии.

Королева
Голубушка, что значит эта песня?

Офелия
Да ну вас! Вот я дальше вам спою.

(Поет.)
Помер, леги, помер он,
Помер, только слёг,
В головах зелёный дрок,
Камушек у ног.

Королева
Послушайте, Офелия...

Офелия
Да ну вас...
Входит король.

Королева
Вот горе-то! Взгляните на нее.

Офелия
Белый саван, белых роз
Деревце в цвету,
И лицо поднять от слез
Мне неумоготу.

Король
Как вам живется, милочка моя?

Офелия
Хорошо, награди вас бог. Говорят, сова была раньше дочкой пекаря¹. Вот и знай после этого, что нас ожидает. Благослови бог вашу трапезу!

Король
(в сторону)

Воображаемый разговор с отцом.

¹ «Сова была раньше дочкой пекаря». — Согласно средневековой легенде, дочка пекаря, отказавшаяся дать Христу хлеба, была превращена в сову.

О ф е л и я

Об этом не надо распространяться. Но если бы вас спросили, что это значит, скажите:

(поет)

С рассвета в Валентинов день¹
Я проберусь к дверям
И у окна согласие дам
Быть Валентиной вам.
Он встал, оделся, отпер дверь,
И та, что в дверь вошла,
Уже не девушкой ушла
Из этого угла.

К о р о л ь

Офелия, родная!

О ф е л и я

Вот, не побоясь, сейчас кончу.

К о р о л ь

Давно это с ней?

О ф е л и я

Надеюсь, все к лучшему. Надо быть терпеливой. Но не могу не плакать, как подумаю, что его положили в сырую землю. Надо известить брата. Спасибо за доброе участие. — Поворачивай, моя карета! Покойной ночи, леди². Покойной ночи, дорогие леди. Покойной ночи. Покойной ночи. (Уходит.)

К о р о л ь

Скорее вслед! Смотреть за нею в оба!

Г о р а ц и о уходит

Скорбь об отце свела ее с ума.
Повалят беды, так идут, Гертруда,
Не врозь, а скопом. Первою была
Глухая смерть Полония. Вторую —
Необходимость Гамлета сослать
Куда-нибудь подальше. Третье горе —
Народ ворчит. Вся мусть всплыла со дна,
И все рядят и судят о кончине

¹ «В Валентинов день...» — В день святого Валентина (14 февраля) первая девушка, встретившаяся юноше, становилась его «валентиной» (названной).

² «Покойной ночи, леди...» — Возможно, в эту минуту Офелия воображает себя королевой, женой Гамлета.

Полония. Напрасно мы его
Зарыли тайно. Следующий случай —
Офелии душевная болезнь,
А без ума мы — звери или тени.
Но верх всего: из Франции тайком
Лаэрт приехал, держится поодаль,
Живет молвой и верит болтунам,
А те ему все уши прожужжали
Про смерть отца. Виновных не найти,
Так всё на нас и свалят. Эти страхи
Меня, Гертруда, стерегут везде
И подсекают, как осколки ядер.

Шум за сценой.

Королева

Что это там за шум?

Король

Швейцарцы где? ¹

Пусть двери охраняют.

Входит дворянин.

Что случилось?

Дворянин

Спасайтесь, государь! Морской прилив,
Размыв плотины, заливает берег
Не шибче, чем с толпой бунтовщиков
Лаэрт разоружает вашу стражу.
Чернь за него. И, будто бы до них
Не знали жизни, не было порядка
И старины, оплота общих чувств,
Они кричат: «Короновать Лаэрта!
Да здравствует Лаэрт!» — и в честь его
Бросают шапки вверх и бьют в ладоши.

Королева

Обрадовались, перепутав след!
Назад! Ошиблись, датские собаки!

Шум за сценой.

Король

Дверь взломана.

Входит вооруженный Лаэрт, за ним датчане

¹ Наемные швейцарцы часто бывали в ту эпоху телохранителями монархов.

Лаэрт

Где он, король? — Уйдите, господа.

Датчане

Нет, мы войдем.

Лаэрт

Оставьте помещение.

Датчане

Да ладно! Хорошо.

(Уходят за дверь.)

Лаэрт

Благодарю.

Займите вход. — Итак, король презренный,
Где мой отец?

Королева

Спокойнее, Лаэрт.

Лаэрт

Найдись во мне спокойствия хоть капля,
И я стыдом покрою всех: себя,
Отца и мать. Могу ль я быть спокойным,
Когда я все утратил, что любил?

Король

Лаэрт, что значит этот бунт гигантов?
Молчи, Гертруда, он ведь без вреда.
Власть короля в такой ограде божьей,
Что, сколько враг на нас ни посягай,
Руками не достать. — Итак, признайся,
Чем ты так сильно раздражен, Лаэрт?
Ну что же, отвечай. — Молчи, Гертруда,

Лаэрт

Где мой отец?

Король

В гробу.

Королева

Но не король

Тому виной.

К о р о л ь

Пусть спрашивает вволю.

Л а э р т

Как умер он? Но за нос не водить!
Я рву все связи и топчу присягу
И преданность и верность плюю к чертям.
Возмездьем не пугайте. Верьте слову:
Что тот, что этот свет — мне все равно.
Но будь что будет, за отца родного
Я отомщу!

К о р о л ь

А кто вам запретит?

Л а э р т

Никто, когда моя на это воля.
А средства — обойдусь и тем, что есть,
Не беспокойтесь.

К о р о л ь

Вы б узнать желали
Всю подноготную про смерть отца?
Как это сделать, если в ослепленье
Сметаєте вы, словно кучу карт,
Врага и друга, правых и неправых?

Л а э р т

Нет, лишь врагов.

К о р о л ь

Вы их хотите знать?

Л а э р т

Да. А друзьям открою я объятья
И кровь свою с готовностью пролью
По капельке.

К о р о л ь

Теперь вы говорите,
Как добрый сын и верный дворянин.
Что я в утрате вашей не повинен
И сам скорблю, вам станет дня ясней.

Д а т ч а н е

(за сценой)

Дорогу ей!

Лаэрт

Что там за суматоха?

Возвращается Офелия.

Гнев, иссуши мой мозг! Соль слез моих,
В семь раз сгустясь, мне оба глаза выжги!
Свидетель бог, я полностью воздам
За твой угасший разум, роза мая!
Дитя мое, Офелия, сестра!
Когда отцов уносит смерть, то следом
Безумье добывает дочерей.
Любовь склонна по доброй воле к жертвам
И платит самой дорогой ценой
Дань нежности умершим.

Офелия

(поет)

Без крышки гроб его несли,
Скок-скок со всех ног,
Ручьями слезы в гроб текли.
Прощай, мой голубок!

Лаэрт

Будь ты в уме и добивайся мщенья,
Ты б не могла подействовать сильнее.

Офелия

А вы подхватывайте! «Скок в яму, скок со дна, не сломай веретена. Крутись, крутись, прялица, пока не развалится». Это вор-ключник, увезший хозяйскую дочь.

Лаэрт

Эта бессмыслица глубже иного смысла.

Офелия

Вот розмарин¹ — это для памяти: возьмите, дружок, и помните. А это анютины глазки: это чтоб думать.

Лаэрт

Безумие наводит на мысль. Из бессмыслицы всплывает истина.

Офелия

Вот вам укроп, вот водосбор. Вот рута. Вот несколько стебельков для меня. Ее можно также звать богородицыной травой.

¹ «Вот розмарин...» — Каждый цветок и трава имели свое значение: розмарин означал верность, анютины глазки — задумчивость, укроп — лесть, водосбор — измену, рута — раскаяние и печаль, ромашка — ветреность, лекомыслие, фиалка — верную любовь.

В отличие от моей, носите свою как-нибудь по-другому. Вот ромашка. Я было хотела дать вам фиалок, но все они завяли, когда умер мой отец. Говорят, у него был легкий конец.

(Поет)

Но Робин родной мой — вся радость моя.

Лаэрт

Болезни, муке и крошечной тьме
Она очарованье сообщает.

Офелия

(поет)

Неужто он не придет?
Неужто он не придет?
Нет, помер он
И погребен,
И за тобой черед.
А были снежной белизны
Его седин волнистых льны.
Но помер он,
И вот
За упокой его души
Молиться мы должны.

И за все души христианские, господи, помилуй! — Ну, храни вас бог. (*Уходит.*)

Лаэрт

Ты видишь это, господи?

Король

Лаэрт,

Поверьте в живость моего участия
И дайте оправдаться. Из друзей
Подите выберите самых умных.
Пусть, выслушав, они рассудят нас.
Когда бы против нас нашлись улики,
Прямые или косвенные, мы
Корону, царство, жизнь и все, что наше,
Даем вам в возмещение. Если ж нет,
Извольте уделить нам миг терпенья,
И мы в союзе с вами как-нибудь
Добьемся правды.

Лаэрт

Я на все согласен.
Загадка смерти, тайна похорон,
Отсутствие герба и шнаг над прахом.

Обход обрядов, нарушение форм —
Все это вопиет с небес на землю
И ждет разбора.

К о р о л ь

И его найдет,
А виноватого — на эшафот,
Теперь пойдемте.

Уходят.

СЦЕНА 6

Там же. Другая комната в замке.
Входят Горацио и слуга.

Г о р а ц и о

Кто хочет говорить со мной?

С л у г а

Матросы.

У них к вам письма, говорят.

Г о р а ц и о

Прошу.—

Ума не приложу, кто и откуда
Мне мог бы, кроме Гамлета, писать,

Входят матросы.

Первый матрос

Бог в помощь, сэр.

Г о р а ц и о

Дай бог тебе здоровья.

Первый матрос

Была б его воля, а мы не откажемся. — Вот письмо для вас, сэр. Оно от посланника с корабля, шедшего в Англию, — если ваше имя Горацио, как мне сказали.

Г о р а ц и о

(читает)

«Горацио, по прочтении этого письма облегчи его подателям доступ к королю. У них есть письма к нему. Не были мы и двух дней в море, как за нами погнались морские разбойники. Уступая им в скорости, мы их атаковали с вынужденной отвагой. При abordage я перескочил к ним на борт. В это время корабли

расцепились, и я очутился у них единственным пленником. Они обошлись со мной подобно благоразумному разбойнику, хотя сами были морские. Однако они ведали, что творили. За это я должен буду сослужить им службу. Доставь королю приложенные письма и поспеши ко мне, как бежал бы от смерти. Я приведу тебя кое-чем в удивление, хотя это будет только часть того, что я мог бы тебе рассказать. Эти добряки доставят тебя к месту моего нахождения. Розенкранц и Гильденстерн продолжают путь в Англию. О них тоже расскажу тебе. Прощай. Твой, в чем ты, надеюсь, не сомневаешься, Гамлет».

Пойдем сдадим оставшиеся письма
И поспешим к тому, кто их послал.

Уходят.

СЦЕНА 7

Там же. Другая комната в замке.
Входят король и Лаэрт.

Король

Теперь ваш долг принять меня в друзья
И в сердце подписать мне оправданье.
Вы видите, тот самый человек,
Который вас лишил отца, пытался
Убить меня.

Лаэрт

Я вижу. Отчего ж
Не нарядили следствия по делу
Такой великой важности, в обход
Понятиям безопасности и права?

Король

Причины две, на ваш, наверно, взгляд
Несостоящих, а для меня весомых.
Лишь им и дышит королева-мать,
А хорошо ли, плохо ль — ваше дело.
С женой я связан жизнью и душой,
Как связана звезда с своей орбитой.
Другое основание, отчего
Не предал я суду его открыто, —
Привязанность к нему простых людей.
Его ошибки возведут в заслуги.
Народ — как соль чудесного ключа,
Который ветку обращает в камень.
Стихию эту лучше не дразнить,
А то поднявшийся ответный ветер
Вернет мне стрелы острием назад.

Лаэрт

Итак, забыть про смерть отца и ужас,
Нависший над сестрою? А меж тем —
Хоть дела не поправить похвалами —
Свет не видал еще таких сестер.
Нет, месть моя придет!

Король

Не беспокойтесь.

Вы думаете, я так прост и глуп,
Что, собственной опасности не видя,
Дам ей играть своею бородой?
Потом поймете прочее. Отец ваш
Был другом мне, и я не враг себе,
И этого, я думаю, довольно...

Входит вестовой с письмом.

Ну? Что еще там?

Вестовой

Письма, государь.

От Гамлета. Вот вам, вот королеве.

Король

От Гамлета? Кто подал?

Вестовой

Говорят,

Какие-то матросы. Я не видел.
Мне Клавдио их дал, а у него —
Из первых рук.

Король

Лаэрт, хотите слушать?

Я вам прочту. — Ступайте.

Вестовой уходит.

(Читает.)

«Великий и могущественный, узнайте, что я голым высажен на берег вашего королевства. Завтра я буду просить разрешения предстать перед вашими королевскими очами, чтобы, заручившись вашим благоволением, изложить обстоятельства моего внезапного и странного возвращения. Гамлет».

Что это значит? Все ли возвратились?
Иль это ложь и все идет на лад?

Лаэрт

Верна ли подпись?

Король

Точный почерк принца.

Вот это «голым» и внизу: «Один»
В приписке. Что вы скажете на это?

Лаэрт

Не знаю сам. Но встретиться хочу.
Мне легче на душе от предвкушенья
Того, что я швырну ему в лицо.

Король

Но если так, за чем же дело стало?
Раз так, то все улажено, Лаэрт.
Я буду направлять вас.

Лаэрт

Направляйте.

Но только не старайтесь помирить.

Король

Какой там мир! Напротив! Он вернулся,
И вновь его так просто не ушлешь.
Поэтому я новое придумал.
Я так его заставлю рисковать,
Что он погибнет сам по доброй воле.
Его конец не поразит молвы,
И даже мать, не заподозрив козней,
Во всем увидит случай.

Лаэрт

Государь,

Вы можете воспользоваться мною
Для вашей цели.

Король

Все идет к тому.

В отлучку вашу вас не забывали.
При Гамлете, я слышал, как-то раз
Хвалили вас во многих отношениях,
Но он вам позавидовал в одном,
Хоть это и не кажется мне главным.

Лаэрт

В чем именно?

К о р о л ь

В последнем пустяке,
Как бант на шляпе. В молодости носят
Небрежно легкий плащ, зато в годах,
Здоровья ради, тело облекают
В соболий мех. Два месяца назад
Здесь был нормандский дворянин. Я видел
Французов и сражался против них.
Им равных нет в езде верхом. Но этот
Был чародей. Он прирастал к седлу
И достигал с конем такой сноровки,
Как будто был до половины слит
С четвероногим. И во сне не снится,
Словами не сказать, что он творил!
Непостижимо!

Л а э р т

Это был нормандец?

К о р о л ь

Нормандец.

Л а э р т

Так порукой жизнь — Ламонд!

К о р о л ь

Он самый.

Л а э р т

Как не знать: алмаз известный,
Цвет всей страны.

К о р о л ь

Он знает вас, сказал,
И с похвалой большою отзывался
О вашем фехтовальном мастерстве,
Особенно о бое на рапирах,
Где вам, как уверял он, равных нет.
Он говорил — их первые задиры
Теряют глаз, расчет и быстроту
При встрече с вами. Этот отзыв поднял
Такую зависть в Гамлете, что он
Лишь спал и видел, как бы вас дожидаться
И упросить, чтоб вы побились с ним.
Вот и предлог.

Лаэрт

Предлог? Не понимаю.
Предлог к чему?

Король

Скажите мне, Лаэрт:
Вы чтите не шутя отцову память
Иль, как со скорби писанный портрет,
Вы лик без жизни?

Лаэрт

Странные вопросы!

Король

Кто отрицает в вас любовь к отцу?
Но всякую любовь рождает время,
И время, как показывает жизнь,
С годами ослабляет это пламя.
Хотите знать? Огонь самой любви
Приводит к угасанию от нагара,
И если чувствам ходу не давать,
Они мельчают от переполнения.
Что хочется, то надо исполнять,
Покамест есть желание: у хотенья
Не меньше дел и перемен на дню,
Чем рук, и планов, и голов на свете.
А после поздно плакать и вздыхать.
Однако к делу. Возвратился Гамлет.
Лаэрт, скажите, чем, помимо слов,
Докажите вы связь с отцом на деле?

Лаэрт

Увижу в церкви — глотку перерву.

Король

Конечно, для убийцы нет святости
И месть границ не знает. Но тогда,
Мой дорогой, сидите лучше дома.
Про ваш приезд узнает Гамлет сам,
На всех углах вас будут славословить
Вслед за французом. Вас сведут вдвоём,
За вас обоих выставят заклады.
Как человек беспечный и прямой
И чуждый ухищрений, он не станет
Рассматривать рапир, и вы легко,
Чуть изловчась, подмените тупую,
С предохраненьем, голой боевой
И за отца сквитаетесь.

Лаэрт

Отлично!

Кой-чем вдобавок смажу острие.
Я как-то мазь купил такого свойства,
Что, если смазать нож и невзначай
Порезать палец, каждый умирает,
И не спасти от смерти никакой
Травую, припасенной ночью лунной.
Я этим ядом вымажу клинок.
Довольно будет ссадины, и Гамлет
Не выживет.

Король

Обдумаем полней,
Какие могут ждать нас вероятья.
Допустим, план наш белой ниткой шит
И рухнет или выйдет весь наружу.
Как быть тогда? Нам надобно взамен
Иметь другое что-нибудь в запасе.
Постойте, я смекну. — Готово, есть.
Ага, мы ставим ценные заклады...
Так, так.
Когда вы разгоритесь от борьбы —
Для этого я б участил атаки, —
На случай, если б попросил он пить,
Поставлю кубок. Только он пригубит,
Ему конец, хотя б он уцелел
От смертоносной раны. — Что за крики?

Входит королева,

А, королева!

Королева

Несчастье за несчастьем, Лаэрт!
Офелия, бедняжка, утонула.

Лаэрт

Как — утонула? Где? Не может быть!

Королева

Над речкой ива свесила седую
Листву в поток. Сюда она пришла
Гирлянды плесть из лютика, крапивы,
Купав и цвета с красным хохолком,
Который пастухи зовут так грубо,
А девушки — ногтями мертвеца.
Ей травами увить хотелось иву,

Взялась за сук, а он и подломись,
И, как была, с копной цветных трофеев
Она в поток обрушилась. Сперва
Ее держало платье, раздуваясь,
И, как русалку, поверху несло.
Она из старых песен что-то пела,
Как бы не ведая своей беды
Или как существо речной породы.
Но долго это длиться не могло,
И вымокшее платье потащило
Ее от песен старины на дно,
В муть смерти.

Лаэрт

Утонула!..

Королева

Утонула.

Лаэрт

Офелия, довольно вкруг тебя
Воды, чтоб доливать ее слезами.
Но как сдержать их? Несмотря на стыд,
Природа льет их. Ими вон выходит
Все бабье в нас. Прощайте, государь.
В душе пожар, а эта дурья слабость
Мне портит все.

(Уходит.)

Король

Гертруда, сколько сил
Потратил я, чтоб гнев его умерить!
Теперь, боюсь, он разгорится вновь.
Пойдем за ним.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Эльсинор. Кладбище.

Входят два могильщика с лопатами.

Первый могильщик

А правильно ли хоронить ее по-христиански, ежели она само-
вольно добивалась вечного блаженства?

Второй могильщик

Стало быть, правильно. Ты и копай ей живею могилу. Ее показывали следователю и постановили, чтобы по-христиански.

Первый могильщик

Статочное ли дело? Добро бы она утопилась в состоянии самозащиты.

Второй могильщик

Состояние и постановили.

Первый могильщик

Состояние надо доказать. Без него не закон. Скажем, я теперь утоплюсь с намерением. Тогда это дело тройкое. Одно — я его сделал, другое — привел в исполнение, третье — совершил. С намерением она, значит, и утопилась.

Второй могильщик

Ишь ты как, кум гробокопатель...

Первый могильщик

Нет, без смеху. Вот тебе, скажем, вода. Хорошо. Вот, скажем, человек. Хорошо. Вот, скажем, идет человек к воде и топится. Хочешь не хочешь, а он идет, вот в чем суть. Другой разговор — вода. Ежели найдет на него вода и потопит, он своей беде не ответчик. Стало быть, кто в своей смерти неповинен, тот своей жизни не губил.

Второй могильщик

Это по какой же статье?

Первый могильщик

О сысках и следствиях.

Второй могильщик

Хочешь знать правду? Не будь она дворянкой, не видать бы ей христианского погребения.

Первый могильщик

Верное твое слово. То-то и обидно. Чистая публика топись и вешайся сколько душе угодно, а наш брат прочий верующий и не помышляй. Ну, да ладно. Пора за лопату. А насчет дворян — нет стариннее, чем садовники, землекопы и могильщики. Их звание — от самого Адама.

Второй могильщик

Разве он был дворянин?

Первый могильщик

Он первый носил ручное оружие.

Второй могильщик

Полно молоть, ничего он не носил.

Первый могильщик

Да ты язычник, что ли? Как ты понимаешь Священное писание? В Писании сказано: «Адам копал землю». Что ж, он копал ее голыми руками? Ну вот тебе еще вопрос. Только ты отвечай впопад, а то смотри...

Второй могильщик

Валяй, спрашивай.

Первый могильщик

Кто строит крепче каменщика, корабельного мастера и плотника?

Второй могильщик

Строитель виселиц. Виселица переживает всех попавших на нее.

Первый могильщик

Ей-богу, умница! Виселица — это хорошо. Но только смотря для кого. Хорошо для того, чье дело плохо. Ты сказал плохо, будто виселица крепче церкви. Вот виселица для тебя и хороша. Давай сначала, только теперь спрашивай ты.

Второй могильщик

Кто строит крепче каменщика, корабельного мастера и плотника?

Первый могильщик

Вот и говори кто, и отвяжись.

Второй могильщик

А вот и скажу!

Первый могильщик

Ну?

Второй могильщик

Не могу знать кто.

Входят Гамлет и Горацио и останавливаются в отдалении.

Первый могильщик

Не надсаживай себе этим мозгов. Сколько осла ни погоняй, он шибче не пойдет. В следующий раз спросят тебя эту же вещь —

отвечай: могильщик. Его домá простоят до второго пришествия.
Ну, да ладно. Сбегай, брат, к Иогену¹ и принеси-ка мне шкалик.

Второй могильщик уходит.

(Копает и поет.)

Не чаял в молодые дни
Я в девушках души
И думал, только тем они
Одним и хороши.

Гамлет

Неужели этот шутник не сознает рода своей работы, что поет за рытьем могилы?

Горацио

Привычка ее упростила.

Гамлет

Это естественно. Рука чувствительна, пока не натрудишь.

Первый могильщик

(поет)

Но тихо старость подошла
И за руку взяла,
И все умчалось без следа
Неведомо куда.

(Выбрасывает череп.)

Гамлет

В этом черепе был когда-то язык, его обладатель умел петь. А этот негодяй шмякнул его обзємь, точно это челюсть Каина², который совершил первое убийство. Возможно, голова, которою теперь распоряжается этот осел, принадлежала какому-нибудь политику, который собирался перехитрить самого господа бога. Не правда ли?

Горацио

Возможно, милорд.

Гамлет

Или какому-нибудь придворному. Он говаривал: «С добрым утром, светлейший государь. Как изволите здравствовать?» Его

¹ «Сбегай, брат, к Иогену...» — Так звали хозяина кабачка, находившегося по соседству с театром «Глобус».

² «Челюсть Каина...» — Согласно библейской легенде, первым убийцей на земле был Каин, убивший своего брата Авеля.

звали лорд такой-то и такой-то, и он нахваливал лорду такому-то его лошадь в надежде напроситься на подарок. Не правда ли?

Горацио

Правда, принц.

Гамлет

Да, вот именно. А теперь он угодил к Курносой, сам без челюстей, и церковный сторож бьет его по скулам лопатой. Поразительное превращение, если б только можно было подсмотреть его тайну! Стоило ли растить эти кости, чтобы потом играть ими в бабки? Мои начинают ныть при мысли об этом.

Первый могильщик
(поет)

Бери лопату и кирку,
И новый саван шей,
И рой могилу старику
На водворенье в ней.

(Выбрасывает другой череп.)

Гамлет

Вот еще один. Вообразим, что это череп законника. Где теперь его крючки и извороты, его уловки и умствования, его казуистики? ¹ Отчего терпит он удары этого грубияна и не привлекает его к ответственности за оскорбление действием? Гм! В свое время это мог быть крупный скупщик земель, погрязший в разных закладных, долговых обязательствах, судебных протоколах и актах о взыскании. В том ли взыскание по взысканию со всех его земельных оборотов, что голова его вся набита землею? Неужели все его поручительства, простые и двусторонние, обеспечили ему только надел величиной в одну купчую крепость на двух листах бумаги? Одни его передаточные записи едва ли улеглись бы на таком пространстве. А разве сам владелец не вправе разлечься попросторней?

Горацио

Нет, ни на одну пядь, милорд.

Гамлет

Кажется, ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?

Горацио

Да, принц, а также из телячьей.

¹ Казуистика — крючкотворство, изворотливость в доказательстве ложных или сомнительных положений; рассмотрение отдельных примеров судебных дел (казусов) с точки зрения того, как они должны решаться согласно правовым нормам.

Гамлет

Ну, так бараны и телята — те, кто верит в прочность пергамента. Я поговорю с этим малым. — Чья это могила, как тебя там?

Первый могильщик

Моя, сэр.

(Поет.)

И рой могилу старику
На водворенье в ней.

Гамлет

Верю, что твоя, потому что ты лжешь из могилы.

Первый могильщик

А вы — не из могилы. Стало быть, она не ваша. А я — в ней и, стало быть, не лгу.

Гамлет

Как же не лжешь? Торчишь в могиле и говоришь, что она твоя. Она для мертвых, а не для живых. Вот ты и лжешь, что в могиле.

Первый могильщик

Эта ложь в могиле не останется. Она перейдет от меня к вам.

Гамлет

Для какого мужа праведна ты ее роешь?

Первый могильщик

Ни для какого.

Гамлет

Тогда для какой женщины?

Первый могильщик

Тоже ни для какой.

Гамлет

Для кого же она предназначена?

Первый могильщик

Для особы, которая, сэр, была женщиной, ныне же, царствие ей небесное, преставилась.

Гамлет

До чего основателен, бездельник! С этим народом надо держать ухо востро, а то пропадешь от двусмыслиц. Клянусь богом,

Горацио, за последние три года я заметил: все так осмелели, что простой народ наступает дворянам на ноги.— Давно ли ты могильщиком?

Первый могильщик

Изю всех дней в году — с того самого, как покойный король паш Гамлет одолел Фортинбраса.

Гамлет

А когда это было?

Первый могильщик

Аль не знаете? Это всякий дурак знает. Это было как раз в тот день, когда родился молодой Гамлет, тот самый, что сошел теперь с ума и послан в Англию.

Гамлет

Вот те на! Зачем же его послали в Англию?

Первый могильщик

Как это — зачем? За умом и послали. Пускай поправит мозги. А не поправит, так там и это не беда.

Гамлет

То есть как это?

Первый могильщик

А так, что там никто не заметит. Там все такие сумасшедшие.

Гамлет

Каким образом он помешался?

Первый могильщик

Говорят, весьма странным.

Гамлет

Каким же именно?

Первый могильщик

А таким, что взял и потерял рассудок.

Гамлет

Да, но на какой почве?

Первый могильщик

Да все на той же, на нашей датской. Я здесь тридцать лет на кладбище, с малолетства.

Гамлет.

Много ли пролежит человек в земле, пока не спит?

Первый могильщик

Да как вам сказать... Если он не протухнет заживо — сейчас пошел такой покойник, что едва дотягивает до похорон, — то лет восемь-девять продержится. Кожевник, этот все девять с верностью.

Гамлет

Отчего же этот дольше других?

Первый могильщик

А видите, сударь, шкура-то у него так выдублена промыслом, что долго устоит против воды. А вода, будь вам ведомо, — самый первый враг вашему брату покойнику, как помрете. Вот, например, еще череп. Этот череп пролежал в земле двадцать три года.

Гамлет

Чей он?

Первый могильщик

Одного шалолая окаянного, лучше не говорить. Чей бы, вы думали?

Гамлет

Не знаю.

Первый могильщик

Чтоб ему пусто было, чумовому сорванцу! Бутылку ренского вылил мне раз на голову, что вы скажете! Этот череп, сэр, это череп Иорика, королевского скомороха.

Гамлет

Этот?

Первый могильщик

Этот самый.

Гамлет

Дай взгляну. (*Берет череп в руки.*) Бедный Иорик! — Я знал его, Горацио. Это был человек бесконечного остроумия, неистощимый на выдумки. Он тысячу раз таскал меня на спине. А теперь само отвращение и тошнотой подступает к горлу. Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз. — Где теперь твои каламбуры, твои смешные выходки, твои куплеты? Где заразительное веселье, охватывавшее всех за столом? Ничего в запасе, чтоб позубоскалить над собственной беззубостью? Полное расслабление? Ну-ка, ступай в будуар великосветской жеп-

щипы и скажи ей, какую она делается когда-нибудь, несмотря на румяна в дюйм толщиною. Попробуй рассмешить ее этим предсказанием. — Скажи мне одну вещь, Горацио.

Горацио

Что именно, принц?

Гамлет

Как ты думаешь: Александр Македонский представлял в земле такое же зрелище?

Горацио

Да, в точности.

Гамлет

И так же вонял? Фу! (*Кладет череп наземь.*)

Горацио

Да, в точности, милорд.

Гамлет

До какого убожества можно опуститься, Горацио! Что мешает вообразить судьбу Александрова праха шаг за шагом, вплоть до последнего, когда он идет на затычку пивной бочки?

Горацио

Это значило бы рассматривать вещи слишком мелко.

Гамлет

Ничуть не бывало. Напротив, это значило бы послушно следовать за их развитием, подчиняясь вероятности. Примерно так: Александр умер, Александра похоронили, Александр стал прахом, прах — земля, из земли добывают глину. Почему глине, в которую он обратился, не оказаться в обмозке пивной бочки?

Истлевшим Цезарем от стужи

Заделывают дом снаружи.

Пред кем весь мир лежал в пыли,

Торчит затычкою в щели.

Но тише! Станем дальше! Вон король.

Входит шествие со священником во главе, за которым следуют тело Офелии, Лаэрт, провожатые, король, королева и их свита.

Вон королева. Двор. Кого хоронят?
Как искажен порядок! Это знак,
Что мы на проводах самоубийцы.

Но нас увидят. Станем в стороне
И поглядим.

(Отходит с Горацио в сторону.)

Л а э р т

Что вы еще добавите из службы?

Г а м л е т

Вот благородный юноша Лаэрт.

Л а э р т

Что вы еще намерены добавить?

С в я щ е н н и к

В предписанных границах свой устав
Мы уж и так расширили. Кончина
Ее темпа, и, не вмешайся власть,
Лежать бы ей в неосвященном месте
До гласа трубного. Взамен молитв
Ее сопровождал бы град каменьев¹,
А ей на гроб возложены венки
И шли за нею с колокольным звоном
До изгороди.

Л а э р т

Значит, это все,
Что в вашей власти?

С в я щ е н н и к

Да, мы отслужили.
Мы осквернили бы святой обряд,
Когда б пад нею реквием пропели,
Как над другими.

Л а э р т

Опускайте гроб!
Пусть из ее неоскверненной плоти
Взрастут фиалки! — Помни, грубый поп:
Сестра на небе ангелом зареет,
Когда ты в корчах взвоешь.

Г а м л е т

То есть как:

Офелия?!

¹ «Град каменьев...» — Тела самоубийц кидали в яму и забрасывали камнями. Это называлось «ослиным погребением», Церковь запрещала молиться о самоубийцах.

Королева

(разбрасывая цветы)

Нежнейшее — нежнейшей.

Спи с миром! Я тебя мечтала в дом
Ввести жепою Гамлета. Мечтала
Покрыть цветами брачную постель,
А не могилу.

Л а э р т

Трижды тридцать казней

Свались втройне на голову того,
От чьих злодейств твой острый ум затмился!..
Не падо. Погодите засыпать.
Еще раз заключу ее в объятья.

(Прыгает в могилу.)

Заваливайте мертвую с живым!
На ровном месте взгромоздите гору,
Которая превысит Пелион,
И голубой Олимп¹.

Г а м л е т

(выступая вперед)

Кто тут, горюя,
Кричит на целый мир, так что над ним
Участливо толпятся в небе звезды,
Как нищий сброд? К его услугам я,
Принц Гамлет Датский.

(Прыгает в могилу.)

Л а э р т

Чтоб тебя, нечистый!

(Борется с ним.)

Г а м л е т

Учись молиться! Горла не дави.
Я не горяч, но я предупреждаю:
Отчаянное что-то есть во мне.
Ты, право, пожалеешь. Руки с горла!

К о р о л ь

Разпятъ их!

¹ «Которая превысит Пелион и голубой Олимп». — Пелион и Олимп — названия гор в Греции. Древние греки считали Олимп самой высокой горой в мире; на вершине Олимпа, по верованиям древних греков, восседали боги.

К о р о л е в а

Гамлет, Гамлет!

В с е

Господа!

Г о р а ц и о

Спокойней, припц!

Их разнимают, и они выходят из могилы.

Г а м л е т

Соперничество это

Согласен я оружием разрешить

И не уймусь, пока мигают веки.

К о р о л е в а

Соперничество, сын мой?

Г а м л е т

Я любил

Офелию, и сорок тысяч братьев

И вся любовь их — не чета моей.

Скажи, на что ты в честь ее способен?

К о р о л ь

Он вне себя.

К о р о л е в а

Не трогайте его.

Г а м л е т

Я знать хочу, на что бы ты решился?

Рыдал? Рвал платье? Дрался? Голодал?

Пил уксус? Крокодилов ел?¹ Все это

Могу и я. Ты слезы лить пришел?

В могилу прыгать, мне на посмеянье?

Живьем зарытым быть? Могу и я.

Ты врал про горы? Миллионы акров

Нам на курган, чтоб солнце верх сожгло

И в бородавку превратилась Осса?²

Ты думал глоткой взять? Могу и я.

¹ «Пил уксус? Крокодилов ел?» — Среди знатной молодежи того времени были модными «любовные обеты», заключавшиеся в том, например, чтобы пить уксус (для большей бледности лица) или поклясться съесть одного из тех крокодилов, чучелами которых аптекари украшали свои лавки. Гамлет пронизывает над высокопарными речами Лаэрта,

² Осса — гора в Греции.

К о р о л е в а

Не обращайтесь на него внимапья.
Когда пройдет припадок, он опять
Придет в себя и станет тих, как голубь.

Г а м л е т

Лаэрт, откуда эта неприязнь?
Мне кажется, когда-то мы дружили.
А впрочем, что ж, на свете нет чудес.
Как волка ни корми, он смотрит в лес.

(Уходит.)

К о р о л ь

Побудьте с ним, пожалуйста, Гораций.

Г о р а ц и о уходит.

(Лаэрту)

Припомните вчерашний разговор
И потерпите. Все идет к развязке.—
Гертруда, пусть за принцем последят —
За эту смерть нам жизнью заплатят.
Терпеть еще недолго. А потом
Тем облегченней с вами мы вздохнем.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Зал в замке.
Входят Г а м л е т и Г о р а ц и о.

Г а м л е т

Как будто всё. Два слова о другом.
Но хорошо ли помнишь ты события?

Г о р а ц и о

Еще бы, принц.

Г а м л е т

Мне не давала спать
Какая-то борьба внутри. На койке
Мне было, как на нарах в кандалах.
Я быстро встал. Да здравствует поспешность!
Как часто нас спасала слепота,
Где дальновидность только подводила!

Есть, стало быть, на свете божество,
Устраивающее наши судьбы
По-своему.

Г о р а ц и о

На наше счастье, есть.

Г а м л е т

Я вышел из каюты. Плащ накинул,
Пощел искать их, шарю в темноте,
Беру у них пакет и возвращаюсь.
Храбрясь со страху и забывши стыд,
Срываю прикрепленные печати
И, венценосной подлости дивясь,
Читаю сам, Горацио, в приказе,
Какая я опасность и гроза
Для Дании и Англии. Другими
Словами: что меня должны схватить
И тут же, не теряя ни минуты,
Мне голову снести.

Г о р а ц и о

Не может быть!

Г а м л е т

Вот предписание. После прочитасшь.
Сказать ли, как я дальше поступил?

Г о р а ц и о

Пожалуйста.

Г а м л е т

Опутанный сетями,
Еще не зная, что я предприму,
Я загорелся. Новый текст составив,
Я начисто его переписал.
Когда-то я считал со всею знатью
Хороший почерк пошлою чертой,
Мечтая, как бы мне его испортить,
А как он выручил меня в беде!
Сказать, что написал я?

Г о р а ц и о

О, конечно.

Г а м л е т

Устами короля указ гласил:
Ввиду того, что Англия наш данник
И наша дружба пальмою цветет
И нас сближает мир в венке пшеничном,

А также и ввиду других причин —
Здесь следовало их перечисленье,—
Немедля по прочтении сего
Подателей означенной бумаги
Предать на месте смерти без суда
И покаянья.

Г о р а ц и о

Где печать вы взяли?

Г а м л е т

Ах, мне и в этом небо помогло!
Со мной была отцовская, с которой
Теперешняя датская снята.
Я лист сложил, как тот, скрепил печатью
И положил за подписью назад,
Как тайно подмененного ребенка.
На следующий день был бой морской.
Что было дальше, из письма ты знаешь.

Г о р а ц и о

Так Гильденстерн и Розенкранц плывут
Себе на гибель?

Г а м л е т

Сами добивались.

Меня не мучит совесть. Их конец —
Награда за пронырство. Подчиненный
Не суйся между старшими в момент,
Когда они друг с другом сводят счеты.

Г о р а ц и о

Каков король-то!

Г а м л е т

Вот и посуди,
Как я взбешен. Ему, как видишь, мало,
Что он лишил меня отца, что мать
Покрыв позором, что стоит преградой
Меж мною и народом. Он решил
И жизнь мою отнять! Не тут-то было!
Я сам сотру его с лица земли.
И правда, разве б не было проклятьем
Дать этой язве дальше нас губить?

Г о р а ц и о

Он скоро о случившемся узнает
Из Англии,

Г а м л е т

Наверно. А пока
Остаток дней в моем расстройстве,
Хоть человеческая жизнь и вся —
Чуть рот открыл, сказал раз, два — и точка.
Мне совестно, Горацио, что я
С Лаэртом на шумел. В его несчастьях
Я вижу отражение своих
И помирюсь с ним. Но зачем наружу
Так громко выставлять свою печаль?
Я этим возмущился.

Г о р а ц и о

Тише. Кто там?

Входит О з р и к.

О з р и к

Со счастливым возвращением в Данию, ваше высочество!

Г а м л е т

Благодарю покорно, сэр. (*Вполголоса Горацио.*) Знаешь ты эту
мошку?

Г о р а ц и о

(*вполголоса Гамлету*)

Нет, милорд.

Г а м л е т

(*вполголоса Горацио*)

Твое счастье. Знать его — не заслуга. У него много земли, и
вдобавок плодородной. Поставь скотину царем скотов — его ясли
будут рядом с королевскими. Это сущая галка. Но по тому, куда
она залетела, — крупнопоместная.

О з р и к

Милейший принц, если бы у вашего высочества нашлось время,
я бы вам передал что-то от его величества.

Г а м л е т

Сэр, я это запечатаю глубоко в душе. Но пользуйтесь шляпой
по назначению. Ее место на голове.

О з р и к

Ваше высочество, благодарю вас. Очень жарко.

Г а м л е т

Нет, поверьте, очень холодно. Ветер с севера,

О з р и к

Действительно, несколько холодновато. Ваша правда.

Г а м л е т

И все же, я бы сказал, страшная жара и духота для моей комплекции.

О з р и к

Принц, — неопишуемая! Такая духота, что просто не подберу слова. Однако, принц, по приказу его величества довожу до вашего сведения, что он держит за вас пари на большую сумму.

Г а м л е т

Тем не менее прошу вас... *(Принуждает Озрика надеть шляпу.)*

О з р и к

Нет, оставьте, уверяю вас! Мне так лучше, уверяю вас! Сэр, на днях к здешнему двору прибыл Лаэрт, настоящий джентльмен, полный самых законченных достоинств, обаятельный в обращении и прекрасной наружности. Не шутя, если говорить картинно, это справочник и указатель благородства, ибо в нем заключено все, что полагается знать светскому человеку.

Г а м л е т

Сэр, он ничего не потерял в вашем определении. Хотя, думаю я, описание его по частям затруднило бы память, заставив ее едва тащиться за его достоинствами, однако скажу с искренностью прославителя: это существо высшей породы и такое редкое, что, по совести, с ним сравнимо только его собственное отражение, а его подражатели — его жалкие тени, не больше.

О з р и к

Ваше высочество говорите о нем очень верно.

Г а м л е т

Куда вы гнете, сэр? Зачем оскверняем мы имя этого джентльмена своими грубыми устами?

О з р и к

Сэр?

Г о р а ц и о

Что у вас в мыслях? Нельзя ли сказать это прямее? Право, постарайтесь, милостивый государь.

Г а м л е т

К чему приплели вы этого джентльмена?

О з р и к

Лаэрта?

Г о р а ц и о

(вполголоса Гамлету)

Вы замечаете, как он выдохся? Все золотые слова истрачены¹.

Г а м л е т

Да, Лаэрта, сэр,

О з р и к

Я знаю, от вас не скрыто...

Г а м л е т

Я хотел бы, чтобы это не было скрыто от вас. Хотя и в таком случае я бы ничего не выиграл. Итак, сэр?

О з р и к

Я знаю, от вас не скрыто совершенство, с каким Лаэрт...

Г а м л е т

Не смею судить, чтобы не быть вынужденным с ним меряться. Хотя, вообще говоря, себя вполне узнаешь только из сравнения с другими.

О з р и к

Речь идет о совершенстве, с каким он владеет оружием, По общему убеждению, ему в этом нет равных.

Г а м л е т

Какое у него оружие?

О з р и к

Рапира и кинжал.

Г а м л е т

Оружие двойное. Что же дальше?

О з р и к

Король, сэр, держит пари с Лаэртом на шесть арабских коней, против которых тот, как я слышал, прозакладывал шесть французских рапир и кинжалов с их принадлежностями, как-то: кушаками, портупелями и так далее; три пары гужей действительно

¹ «Все золотые слова истрачены». — Озрик говорит на жеманном, вычурном языке, модном среди придворных кругов эпохи Шекспира.

сказочной красоты и очень подходят к рукоятям; чрезвычайно изящные гужи, с глубокомысленными украшениями.

Г а м л е т

Что вы называете гужами?

Г о р а ц и о

(вполголоса Гамлету)

Я предчувствовал, что дело не обойдется без пояснений.

О з р и к

Гужи, сэр, — это ремешки к портупеям.

Г а м л е т

Выражение было бы более подходящим, если бы вместо шпаг мы носили пушки. До тех пор пусть это будут портупеи. Но не будем отвлекаться. Итак, шесть арабских коней против шести французских шпаг, их принадлежностей и трех пар гужей с глубокомысленными украшениями. За что же все это прозакладовано, как вы сказали?

О з р и к

Король, сэр, утверждает, что при обмене ударами Лаэрт в двенадцати схватках возьмет верх над вами не более чем на три удара. На такое соотношение сил, двенадцати к девяти, король и выставил свою ставку. Это можно было бы немедленно проверить, если бы ваше высочество сооблаговолили ответить.

Г а м л е т

А если я отвечу: нет?

О з р и к

Я хотел сказать, милорд: если вы ответите согласием.

Г а м л е т

Сэр, я буду прогуливаться по залу. Если его величеству угодно, сейчас время моего отдыха. Пусть принесут рапиры. Если молодой человек не прочь и король не изменит своего намерения, я постараюсь, если смогу, выиграть его пари. Если же нет, на мою долю достанутся только стыд и неотбитые удары противника.

О з р и к

Можно ли именно так передать ваши слова?

Г а м л е т

Именно так, сэр, с прикрасами, какие вам заблагорассудится прибавить.

Озрик

Поручаю себя в своей преданности вашему высочеству.

Гамлет

Честь имею, честь имею...

Озрик уходит.

Хорошо делает, что поручает. Никто другой за него не поручится...

Горацио

Побежал, нововылупленный, со скорлупой на головке.

Гамлет

Он, верно, и материнской груди не брал ипаче, как с распаркиванием. Таковы все они, нынешние кривляки. Они подхватили общий тон и преобладающую внешность, род бродильного начала, и оно выносит их на поверхность среди невообразимого водоворота вкусов. А легонько подуть на них — пузырей как не бывало.

Входит лорд

Лорд

Милорд, его величество государь посылал к вам с приветом молодого Озрика, который сообщил, что вы ждете его в зале. Государь послал узнать, остаетесь ли вы при желании биться с Лаэртом или думаете отложить.

Гамлет

Я верен своим решениям. Они приноровлены к желаниям короля. Была бы его воля, а я в долгу не останусь. Сейчас или когда угодно, лишь бы я чувствовал себя так же хорошо, как теперь.

Лорд

Тогда король, королева и остальные сейчас пожелуют вниз,

Гамлет

В добрый час.

Лорд

Королева желала бы, чтобы перед состязанием вы помирились с Лаэртом.

Гамлет

Она учит меня добру.

Лорд уходит.

Горацио

Вы проиграете заклад, милорд.

Гамлет

Не думаю. С тех пор как он уехал во Францию, я постоянно упражнялся. А тут еще льгота в мою пользу. Я выиграю. Но не поверишь, как нехорошо на душе у меня! Впрочем, пустое.

Горацио

Нет, как же, добрейший принц!

Гамлет

Совершенные глупости. И вместе с тем какое-то предчувствие, которое остановило бы женщину.

Горацио

Если у вас душа не на месте, слушайте ее. Я пойду к ним навстречу и предупрежу, что вам не по себе.

Гамлет

Ни в коем случае. Надо быть выше суеверий. На все господня воля. Даже в жизни и смерти воробья. Если чему-нибудь суждено случиться сейчас, значит, этого не придется дожидаться. Если не сейчас, все равно этого не миновать. Самое главное — быть всегда наготове. Раз никто не знает своего смертного часа, отчего не собраться заблаговременно? Будь что будет!

Входят король, королева, Лаэрт, Озрик, свита, слуги с раппрами и другие.

Король

Стой, Гамлет. Дай соединю вам руки.

(Вкладывает руку Лаэрта в Гамлетову.)

Гамлет

Прошу прощенья, сэр. Я был неправ.
Но вы как дворянин меня простите.
Собравшиеся знают, да и вам
Могли сказать, в каком подчас затмеешь
Мое сознанье. Все, чем мог задеть
Я ваши чувства, честь и положение,
Прошу поверить, сделала болезнь.
Ответствен ли Гамлет? Нет, не Гамлет.
Раз Гамлет невинен и нанес
Лаэрту оскорбление, оскорбление
Нанес не Гамлет. Гамлет — ни при чем.
Кто ж этому виной? Его безумье.
А если так, то Гамлет сам истец
И Гамлетов недуг — его обидчик.
Прошу во всеуслышанье, при всех,

Сложить с меня упрек в предумышление,
Пусть знают все: я не желал вам зла.
Ошибкой я пустил стрелу над домом
И ранил брата.

Лаэрт

В глубине души,
Где ненависти, собственно, и место,
Прощаю вас. Иное дело честь:
Тут свой закон, и я прощать не вправе,
Пока подобных споров знатоки
Не разберут, могу ли я мириться.
Во всяком случае, до той поры
Ценю предложенную вами дружбу
И дружбой отплачу.

Гамлет

Душевно рад
И с легким сердцем принимаю вызов.
Приступим. — Где рапиры?

Лаэрт

Мне одну.

Гамлет

Для вас я очень выгодный соперник.
Со мною рядом ваше мастерство
Тем явственней заблещет.

Лаэрт

Вы смеетесь.

Гамлет

Нет, жизнью своей клянусь, что нет.

Король

Раздайте им рапиры, Озрик. — Гамлет,
Известны вам условия?

Гамлет

Да, милорд.

Вы ставите на слабость против силы.

Король

Неправда. Преимущества в борьбе
Он выровнял уступкой трех ударов.

Лаэрт

Другую. Эта слишком тяжела.

Гамлет

Мне эта по руке. — Равны ли обе?

Озрик

Да, милый принц.

Они готовятся к бою.

Король

Подай сюда вина.

При первом и втором его ударе
И отражение третьего — палить
В честь Гамлета со всех бойниц из пушек,
Король его здоровье будет пить.
Сейчас в бокал жемчужину он бросит¹
Ценнее той, которою в венце
Четыре датских короля гордились.
Подайте кубки мне. Пусть гром литавр
Разносит трубам, трубы — канонирам,
Орудья — небу, небеса — земле
Тост короля за Гамлета. — Начнемте.
Вниманье, судьи! Просим не зевать.

Гамлет

Готовьтесь.

Лаэрт

Бьюсь.

Бьются.

Гамлет

Удар.

Лаэрт

Отбита.

Гамлет

Судьи!

Озрик

Удар, удар всерьез.

¹ «Сейчас в бокал жемчужину он бросит...» — Король вместо жемчужины бросает в вино яд.

Лаэрт

Возобновим.

Король

Стой, выпьем. — За твое здоровье, Гамлет!
Жемчужина твоя. Вот твой бокал.

Трубы и пушечные выстрелы за сценой.

Гамлет

Не время пить. — Начнемте. Защищайтесь.

Бьются.

Опять удар. Не правда ли?

Лаэрт

Удар.

Не отрицаю.

Король

Сын наш побеждает.

Королева

Дай, Гамлет, оботру тебе лицо.
Вот мой платок. Как ты разгорячился!
Я, королева, пью за твой успех.

Гамлет

О матушка...

Король

Не пей вина, Гертруда!

Королева

Я пить хочу. Прошу, позвольте мне,

Король

(в сторону)

В бокале яд! Ей больше нет спасенья!

Гамлет

Нет, матушка, мне рано с вами пить,

Королева

Дай оботру лицо тебе от пота,

Лаэрт

А ну, теперь ударю я,

К о р о л ь

Едв а л ь.

Л а э р т

(в сторону)

Хоть это против совести поступок.

Г а м л е т

На этот раз, Лаэрт, без баловства.
Я попрошу вас нападать, как надо.
Боюсь, вы лишь играли до сих пор.

Л а э р т

Вы думаете? Ладно.

Бьются.

О з р и к

Оба мимо.

Л а э р т

Так вот же вам!

Л а э р т ранит Г а м л е т а. Затем в схватке они меняются рапирами
и Гамлет ранит Лаэрта.

К о р о л ь

Разнять их! Так нельзя,

Г а м л е т

Нет, сызнова!

Королева падает.

О з р и к

На помощь королеве!

Г о р а ц и о

Тот и другой в крови.— Ну как, милорд?

О з р и к

Ну как, Лаэрт?

Л а э р т

Увы, кулик попался.

Я ловко сети, Озрик, расставлял¹

¹ «Я ловко сети, Озрик, расставлял...» — Из этого обращения Лаэрта к Озрику ясно, что Озрик был посвящен в тайну отравленного оружия.

И угодил в них за свое коварство.

Г а м л е т

Что с королевой?

К о р о л ь

Обморок простой

При виде крови.

К о р о л е в а

Нет, неправда, Гамлет. —

Питье, питье! — Отравлена! — Питье!

(Умирает.)

Г а м л е т

Средь нас измена! — Кто ее виновник?
Найти его!

Л а э р т

Искать недалеко.

Ты умерщвлен, и нет тебе спасенья.

Всей жизни у тебя на полчаса.

Улики пред тобой. Рапира эта

Отравлена и с голым острием.

Я гибну сам за подлость и не встану,

Нет королевы. Больше не могу...

Всему король, король всему виновник!

Г а м л е т

Как, и рапира с ядом? Так ступай,
Отравленная сталь, по назначенью!

(Закалывает короля.)

В с с

Предательство.

К о р о л ь

На выручку, друзья!

Еще спасенье есть. Я только ранен!

Г а м л е т

Так на же, самозванец-душегуб!

Глотай свою жемчужину в растворе!

За матерью последуй!

Король умирает.

Лаэрт

Поделом:

Напиток был его изготовленья. —
Ну, благородный Гамлет, а теперь,
Прощу тебе я кровь свою с отцовой,
Ты ж мне — свою!

(Умирает.)

Гамлет

Прости тебя господь.

Я тоже вслед. Все кончено, Гораций.
Простимся, королева! Бог с тобой!
А вы, немые зрители финала, —
О, если б только время я имел!
Но смерть — тупой конвойный и не любит,
Чтоб медлили, — я столько бы сказал...
Но пусть и так. Все кончено, Гораций.
Ты жив. Расскажешь правду обо мне
Непосвященным.

Горацио

Этого не будет.

Я не датчанин — римлянин скорей.
Здесь яд остался.

Гамлет

Если ты мужчина,
Дай кубок мне. Отдай его. — Каким
Бесславием покроюсь я в потомстве,
Пока не знает истины никто!
Нет, если ты мне друг, то ты на время
Поступишься блаженством. Подыши
Еще трудами мира и поведай
Про жизнь мою.

Марш вдали и выстрелы за сценой.

Что за пальба вдали?

Озрик

Послам английским, проходя с победой
Из Польши, салютует Фортинбрас.

Гамлет

Гораций, я кончаюсь. Сила яда
Глушит меня. Уже меня в живых
Из Англии известья не застанут.

Предсказываю: выбор ваш падет
На Фортинбраса. За него мой голос.
Скажи ему, как все произошло.
И что к чему. Дальнейшее — молчанье.

(Умирает.)

Г о р а ц и о

Разбилось сердце редкостное. — Спи
Спокойным сном под ангельское пенье! —
Кто это с барабанами сюда?

Марш за сценой.

Входят Ф о р т и н б р а с и английские послы с барабанным
боем, знаменами и свитой.

Ф о р т и н б р а с

Где место происшествия?

Г о р а ц и о

Какого?

Печали небывалой? Это здесь.

Ф о р т и н б р а с

Кругом лежит и стынет прах убитых.
В чертогах смерти, видно, пир горой,
Что столько жертв кровавых без разбора
Она нагромоздила.

П е р в ы й п о с о л

Страшный вид!

Английские известья опоздали.
Погиб король, который был бы рад
Услышать, что приказ его исполнен
И Розенкранца с Гильденстерном нет.
Кто нам спасибо скажет?

Г о р а ц и о

Он — едва ли.

Его б он и при жизни не сказал.
Король совсем не требовал их смерти.
Но раз уж вы сошлись здесь на крови
Дорогами из Англии и Польши,
То прикажите положить тела
Пред всеми на виду, и с возвышенья
Я всенародно расскажу про все
Случившееся. Расскажу о страшных,
Кровавых и безжалостных делах,

Превратностях, убийствах по ошибке,
Наказанном двуличье и к концу —
О кознях пред развязкой, погубивших
Виновников. Вот что имею я
Поведать вам.

Фортинбрас

Скорей давайте слушать
И созовем для этого совет.
Не в добрый час мне выпадает счастье.
На этот край есть право у меня,
Я предъявлю его.

Горацио

Я и об этом

Имею слово от лица того,
Чей голос есть судьба голосованья.
Но поспешим, пока умы в чаду
Не натворили новых беззаконий.

Фортинбрас

Пусть Гамлета к помосту отнесут,
Как воина, четыре капитана.
Будь он в живых, он стал бы королем
Заслуженно. Переносите тело
С военной музыкой, по всем статьям
Церемоньяла. Уберите трупы¹.
Средь поля битвы мыслимы они,
А здесь не к месту, как следы резни.
Скомандуйте дать залп.

Похоронный марш.

Уходят, унося трупы, после чего раздается пушечный залп.

Конец

¹ В театре времен Шекспира не было занавеса. В конце действия актеры уходили со сцены, унося «мертвых».

МОЛЬЕР

Настоящее имя классика французской драматургии Мольера (Molière, 1622—1673) — Жан-Батист Поклен. Он родился в семье буржуа; его отец был обойщиком при дворе французского короля и имел звание королевского камердинера. Окончив привилегированное аристократическое учебное заведение, куда его определил отец, воспользовавшись своим положением при дворе, будущий писатель поспешил связать свою судьбу с искусством. Вместе с группой друзей он организовал в Париже «Блистательный театр», где выступал сам на трагических ролях.

«Блистательный театр» успеха не имел и был вскоре закрыт. С 1646 до 1658 года Мольер разъезжал по Франции в составе труппы комедиантов. В 1658 году его труппа по желанию короля была оставлена в Париже. Именно в «парижский» период жизни Мольер создал свои знаменитые комедии (числом более тридцати), в которых подверг осмеянию всевозможные пороки, свойственные как человеку вообще, так и человеку той эпохи, когда жил и творил замечательный комедиограф.

Ханжество, лицемерие, подозрительность, тупость, легкомыслие, чванство, дворянская спесь и жадность буржуа — все это и многое другое стало предметом критики в беспощадной, порой горькой, порой доброй, но всегда глубокой по мысли, человечной по сути и виртуозной по форме комедии Мольера. «Дон Жуан» (1665), «Мизантроп» (1666), «Скупой» (1668), «Тартюф» (1669), «Господин де Пурсоньяк» (1669), «Плутни Скапена» (1671), «Мнимый

больной» (1673) и другие его пьесы до сих пор не сходят со сцены: их остроумие и блеск не тускнеют от времени.

Подобно великому Шекспиру, Мольер был не только драматургом, но и не менее гениальным актером. «Он был актером с головы до ног. Одним шагом, улыбкой, взглядом, кивком головы он сообщал больше, чем величайший говорун в свете мог бы рассказать за целый час», — писал о нем один из современников.

17 февраля 1673 года во время представления комедии «Мнимый больной», в которой Мольер выступал в главной роли, драматургу стало плохо. Начавшиеся судороги он сумел выдать за игру, так что спектакль не был прерван на середине. Через несколько часов после окончания представления Мольер скончался.

Революционное значение драматургии Мольера заключается в том, что она произвела переворот в театре. Мольер разбил господствовавшие до него строгие каноны классицизма, согласно которым в пьесе могли действовать лишь благородные по происхождению герои, изъясняющиеся «высоким стилем». Он выступил против пресловутых «трех единств», с соблюдением которых должна была строиться классическая пьеса: единства места, единства времён (все действие занимает 24 часа) и единства действия (ничего лишнего, помимо единственной сюжетной линии). Видный теоретик классицизма Буало относился к Мольеру с большой симпатией и тем не менее критиковал его за нарушение законов классицистической эстетики.

Мольер разработал новый для своего времени жанр комедии-балета, в которой драматическое действие органически сочетается с танцами и музыкой. К этому жанру относится и комедия «Мещанин во дворянстве» (1670) — одна из самых проницательных пьес Мольера. Показав буржуа, готового купить за деньги дворянское звание, Мольер на заре капитализма как бы предугадал роковое всецелое влечение денег, которые в буржуазном обществе станут буквально всем. (Бальзак впоследствии изобразит это в «Гобсеке»). Чудовищную власть денег над человеком драматург раскрыл и в пьесе «Скупой». В комедии «Мещанин во дворянстве» он показал, как один из древнейших человеческих пороков — тщеславие видоизменяется в новых исторических условиях, когда деньги, капитал начинают играть в обществе большую роль, чем знатность и родовитость. На эту сторону комедии указывал великий французский просветитель Вольтер, ценивший дарование Мольера: «Мещанин во дворянстве» обладает одним из самых счастливых сюжетов, в котором используется смешная сторона человеческих натур. Тщеславие, свойственное человеческому роду, делает то, что принцы захватывают титулы королей, а вельможи желают стать принцами. Это та же самая страсть, что и у нашего мещанина, который хочет стать аристократом. Но только безумие мещанина настолько комично, что может возбудить в театре смех: от полнейшего несоответствия поведенческих повадок и языка этого типа с манерами и речью, которые он хочет усвоить, — отсюда происходит комический эффект.

Комедия «Скупой» дается в переводе *Н. И. Немчиновой*; комедия «Мещанин во дворянстве» — в переводе *Н. Любимова*, стихи в пьесе перевел *А. Арго*. Произведения Мольера можно прочесть в издании:

Ж.-Б. Мольер. Собрание сочинений в двух томах. М., Гослитиздат, 1957.

О жизни и творчестве Мольера см.:

М. Булгаков. Мольер (Жизнь господина де Мольера). М., «Молодая гвардия», 1962. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Г. Бояджиев. Жан-Батист Мольер. Предисловие к I тому Собрания сочинений в двух томах. М., Гослитиздат, 1957.

Г. Бояджиев. Гений Мольера. Предисловие к I тому Полного собрания сочинений Мольера в четырех томах. М., «Искусство», 1965.

СКУПОЙ

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА¹

Гарпагон — отец Клеанта и Элизы, влюбленный в Мариану.
Клеант — сын Гарпагона, возлюбленный Марианы.
Элиза — дочь Гарпагона, возлюбленная Валера.
Валер — сын Ансельма, возлюбленный Элизы.
Мариана — возлюбленная Клеанта, которую любит Гарпагон.
Ансельм — отец Валера и Марианы.
Розина — посредница в сердечных делах.
Симон — маклер².
Жак — цовар и кучер Гарпагона.
Лафлеш — слуга Клеанта.
Клод — служанка Гарпагона.
Брендавуан
Ламерлюш } лакеи Гарпагона.
Комиссар.
Писарь.

Действие происходит в Париже, в доме Гарпагона.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Валер, Элиза.

Валер. Что я вижу! Прелестная Элиза, вы грустите? Давно ли вы дарили меня благосклонными речами, заверяли в искренней любви? Я был безмерно счастлив. Но, увы! настали перемены. Вы моей радости не разделяете. Что значат эти вздохи? Скажите не таясь — вы сожалеете, что осчастливили меня надеждой? Вы

¹ Имя *Гарпагон*, происходящее от латинского слова *harpago* (якорь, гарпун), означает в буквальном смысле слова «хапун», «железные когти». Жак соединяет в своих руках обязанности повара и кучера из-за скупости его хозяина Гарпагона. Совмещение в одном лице двух столь разнородных профессий, из коих одна является особенно чистым, а другая — грязным занятием, всегда производило на зрителей комическое впечатление. Слуги в этой комедии Мольера, как и во многих других, носят имена, раскрывающие их характер: *Лафлеш* значит «стрела», *Брендавуан* — «стебель овса», *Ламерлюш* — «вяленая треска».

² *Маклер* — юридическое лицо, выступающее в качестве посредника в торговых и биржевых сделках.

раскаяться и уже хотите взять обратно обещание, которое исторг у вас мой пламень?

Элиза. Нет, Валер. Могу ли я раскаяться хоть в чем-нибудь, что делаю для вас? Я покорна нежной власти чувства, и у меня нет сил восстать против нее. Но не хочу скрывать: тревожусь я. К чему все это приведет? Боюсь, что я люблю вас несколько сильнее, чем то дозволено девицам.

Валер. Элиза, чем же вас страшат те милости, которые вы мне дарите?

Элиза. Ах, многим, многим! Я предвижу гнев отца, упреки всей родни, суровое суждение света. Но более всего боюсь я вашего, Валер, непостоянства! Мужчины очень часто платят за страстный жар невинных чувств преступною холодностью.

Валер. О, не обижайте несправедливым опасеньем! Я не таков, как прочие! Подозревайте в чем угодно, но уж не в том, что я способен нарушить долг свой перед вами. Я люблю вас, и только вместе с жизнью моя любовь угаснет.

Элиза. Ах, Валер, говорят, у вас у всех одна и та же песня! В словах и клятвах все мужчины одинаковы, а вот поступки их показывают разницу меж ними.

Валер. Ну, вот и подождите выносить мне приговор, пока мое сердце не скажется в моих поступках, не вменяйте мне в вину напрасных страхов, порожденных вашей излишней и досадной осторожностью! Молю, не убивайте, не наносите мне жестокого удара оскорбительным сомненьем! Дайте срок убедить вас тысячами доказательств, что я люблю любовью пламенной и чистой.

Элиза. Увы! С какою легкостью мы поддаемся увереньям милого! Да, Валер, мне думается, вы неспособны прибегнуть к низким обольщениям. Я верю, что любима искренно, что вы мне не измените. Сомненья прочь! Но люди, но молва... Я их боюсь.

Валер. Да почему? Откуда это опасенье?

Элиза. Я ничего бы не страшилась, когда бы все могли смотреть на вас глазами моей души: ведь я-то нахожу в вас столько оправданий всему, что делаю для вас! Ваши достоинства — защита сердцу моему от всех укоров, а благодарность к вам — священный долг, предписанный мне небом. Разве я могу забыть, в каких необычайных обстоятельствах мы встретились, с какою благородною отвагой вы бросились в бушующие волны и спасли меня, рискуя своею жизнью? А ваши нежные заботы, горячая, почтительная страсть, которую ни время, ни препятствия не охладили, которая вас держит близ меня, в чужом краю, далеко от родных и понуждает вас скрывать и свое имя и положение! Ведь для того, чтобы видаться нам повседневно, вы играете роль управителя, слуги у моего отца. Конечно, для меня все это чудо, просто чудо! Как же мне не оправдать свое согласие? Но, пожалуй, чужие люди меня не оправдают и не поймут.

Валер. Какие ж у меня достоинства? Я на одно лишь уповаю — любовь, вот все мои достоинства. Суда людского не страшитесь — ваш батюшка как будто бы нарочно старается вас оправдать пред целым светом. Чрезмерной скупостью, суровым обращением он мог бы вас и брата вашего толкнуть на крайности. Милая Элиза, простите, что я так говорю. Но вы же сами знаете: ничего хорошего о нем сказать нельзя. Однако не тревожьтесь: если мне удастся, как я надеюсь, найти своих родителей, нам нетрудно будет добиться у него согласия на наш союз. Я с нетерпением жду вестей. Ежели отец и мать замедлят сюда прибыть, я сам поеду их разыскивать.

Элиза. Валер, останьтесь. Умоляю, не уезжайте. Лучше постарайтесь батюшку расположить к себе.

Валер. Да я стараюсь — вы видите, как я стараюсь, на какие уловки я пустился, чтобы проникнуть в его дом и в услужение поступить, какую маску я ношу, как я подлаживаюсь ко всем его понятиям и чувствам, какую роль играю ежедневно, чтоб заслужить его расположение! Зато мне удалось достигнуть поразительных успехов, и я узнал на опыте, где самый верный путь к благоволению людей. Притворно разделяй все вкусы их и склонности, житейские их правила, восхваляй их недостатки, восторгайся всеми их словами и поступками. Не бойся пересолить в угодицистве. Даже если оно бросается в глаза, как грубая игра, — лестью одурачишь первейшего разумника, и он проглотит любую наглую, смешную выдумку, стоит лишь ее приправить похвалами. Конечно, при таких повадках теряешь искренность, да что поделаешь? Хочешь или не хочешь, а принаравливайся к нужным людям. И если невозможно без лести войти к ним в милость — виноват не тот, кто льстит, а тот, кто любит лести.

Элиза. А почему бы вам не заручиться и поддержкой брата? Что, ежели служанка выдаст нашу тайну?

Валер. Мне не по силам угождать одновременно и отцу и сыну! уж очень разные они, войти в доверие к обоим — дело чрезвычайно трудное. Лучше, Элиза вы сами воздействуйте на брата. Вы с ним друзья, постарайтесь склонить его на нашу сторону. Вот он идет. Я уйду. А вы тем временем поговорите с братом, но откройте ему лишь то, что вам покажется уместным.

Элиза. Не знаю, право, хватит ли у меня смелости открыться.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Элиза, Клеант.

Клеант. Ты одна, сестрица? Очень рад! Я сгораю от нетерпенья доверить тебе тайну.

Элиза. Слушаю. Что ты хотел сказать?

Клеант. Ах, очень, очень много и всего лишь в двух словах: я влюблен.

Элиза. Влюблен?

Клеант. Да, сестрица. Но погоди, послушай. Я прекрасно знаю, что сын во всем зависит от отца и должен покоряться его воле; сын не имеет права жениться, не испросив на то согласия родителя, которому обязан жизнью; небо облекло отцов верховной властью над чувствами их сыновей; отцы посланы на землю для того, чтобы дети их не смели без руководства отчего ступить ни шагу; будучи уже избавлены от пыла страсти, отцы гораздо менее, чем мы, способны ошибаться и видят лучше нас, кто нам подходит; нам надлежит гораздо больше верить свету их рассудка, чем ослеплению сердца нашего; юные порывы толкают нас нередко к пропасти злосчастия. Вот, сестрица, я перечислил все — хочу тебя избавить от труда все это мне напоминать. Прошу тебя, мой друг, не читай мне наставлений — моя любовь их слушать не желает.

Элиза. Братец, ты уже сделал предложение?

Клеант. Нет еще, но я решился. И еще раз заклинаю: не пытайся меня отговорить.

Элиза. Ах, братец, неужели я такая странная особа?

Клеант. Но ты, сестрица, любви еще не знаешь. Тебе неведомо, как сладостно тиранство нежной страсти над нашим сердцем, и твоего благоразумья я боюсь.

Элиза. Увы, Клеант, не поминай ты о моем благоразумье! Кому же благоразумье хотя бы раз единый не изменило? Если б я тебе открыла сердце, то, пожалуй, в твоих глазах оказалась бы даже менее благоразумною, чем ты.

Клеант. Слава богу! Неужели и твоя душа...

Элиза. Подожди, сначала о тебе. Кого ты полюбил, скажи?

Клеант. Юную девицу, недавнюю нашу соседку. Она так хороша, как будто бы ее предназначенье в мире — пленять сердца. Ах, сестрица, никогда еще природа не порождала такого дивного создания! Я полюбил ее с первого взгляда. Ее зовут Марианой, живет она при матери и во всем ей покорна. Мать — очень славная старушка, но почти всегда хворает, и эта прелестная девушка заботится о ней с глубокою дочернею любовью, во всем ей помогает, жалеет и утешает с такою нежностью, что каждый умилился. И что бы она ни делала, она всегда мила. Каждое ее движение полно изящества, очаровательной мягкости, все в ней говорит о подкупающей доброте, о редкой чистоте души... Ах, сестрица, как бы я хотел, чтоб ты ее увидела!

Элиза. Но я и так уж многое увидела из описания. И раз ты ее любишь, значит, это достойная девушка.

Клеант. Я стороною узнал, что они совсем не богаты, еле сводят концы с концами при самой скромной жизни. Сестра, ты только представь себе, какая радость — облегчить жизнь любимому созданию, как-нибудь тайком помогать в нужде добродетельному семейству, и ты поймешь, как мне обидно, что из-за

скупоści отца я этой радости лишен. Я ничем не могу доказать, как я люблю мою красавицу.

Элиза. Да, братец, понимаю, тебе, наверно, это очень горько!

Клеант. Так горько, что и сказать не могу! Нет, право, где еще найти такую жестокою скаредностью, такую необыкновенную черствость сердца, от которой мы с тобой должны страдать? Зачем нам все отцовское богатство, ежели оно придет к нам, когда минует наша цветущая пора и мы уже не сможем наслаждаться жизнью? А сейчас отец меня лишает самого необходимого, я вынужден налево и направо занимать деньги на свое содержание. Чтобы носить приличную одежду, нам с тобой, Элиза, приходится упрашивать торговцев поверить в долг. И вот я решил поговорить с тобою: помоги мне выведать, как батюшка посмотрит на мои чувства к Мариане. Если воспротивится, я уйду из дому, буду искать доли с милой сердцу в чужих краях, и, может быть, судьба пошлет нам счастье. Для этой цели я теперь ищу повсюду, где бы достать денег. Если у тебя, сестрица, такое же положение и отец пойдет наперекор нашим желаніям, то уедем вместе, освободимся от деспота, который нас так долго мучил своей невыносимой жадностью.

Элиза. Правда! С тех пор как нет на свете матушки, нам с каждым днем живется все тяжелее, и если...

Клеант. Постой, я слышу его голос. Пойдем отсюда, докончим разговор. А потом соединим наши силы и атакуем крепость отцовской суровости.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гарпагон, Лафлеш.

Гарпагон. Вон отсюда! Без разговоров! Чтоб духу твоего тут не было! Ну, убирайся! Плут, мошенник, висельник!

Лафлеш (*в сторону*). Вот проклятый старик! Сроду не видел такого злыдня. Бес вселился в него, прости господи!

Гарпагон. Что ты там бормочешь?

Лафлеш. За что вы меня гоните?

Гарпагон. Он еще спрашивает! Будто сам не знаешь, жулик! Вон отсюда, а не то получишь трепку.

Лафлеш. Что я вам сделал?

Гарпагон. А вот то и сделал... Убирайся, говорю.

Лафлеш. Мне хозяин — ваш сын, он велел мне здесь его дожидаться.

Гарпагон. Ступай на улицу, там жди. Прочь из дому! Торчишь, как пень, и все глазами шарить, выглядываешь, чем бы пожиться! Не хочу, чтобы в мои дела совали нос, выслеживали, где и что лежит. Вон как глаза-то бегают, по всем углам шныряют — нельзя ли чего стянуть!

Лафлеш. Черта с два, что у вас стянуть-то! Все на запоре, вы день и ночь все стережете.

Гарпагон. Моя воля — запереть, моя воля — стеречь. Ты что мне за указчик? Мало ли мошенников подсматривают, вынюхивают по чужим домам! *(В сторону.)* Ох, боюсь, проведаль он про деньги! *(Громко.)* Ты поди уж сплетни распустил, что у меня деньги припрятаны?

Лафлеш. У вас припрятаны?

Гарпагон. Врешь, бездельник, я этого не говорил! *(Вполголоса.)* Вот черт! *(Громко.)* Я спрашиваю, не распустил ли ты зловредных слухов, что у меня много денег?

Лафлеш. А мне-то что? Много или мало, есть ли, нет ли — нам все едино.

Гарпагон *(замахивается на него)*. Не рассуждай! Вот надеру за это уши! Прочь отсюда, говорю!

Лафлеш. Ну и уйду!

Гарпагон. Стой, погоди!.. А что унес с собой?

Лафлеш. Что мне унести?

Гарпагон. Иди-ка сюда. Покажи руки.

Лафлеш. Вот, глядите — руки.

Гарпагон. Теперь другие покажи¹.

Лафлеш. Другие?

Гарпагон. Да.

Лафлеш. Глядите.

Гарпагон *(указывает на карманы Лафлеша)*. Ничего туда не положил?

Лафлеш. Смотрите сами.

Гарпагон *(ощупывает карманы Лафлеша)*. Ну глубоки, ну широки карманы! Сюда сколько хочешь запрядешь воровской добычи. За такие карманы судить бы надо, на виселицу вздернуть.

Лафлеш *(в сторону)*. А хорошо бы с таким сквалыгой стряслась та самая беда, которой он боится. Сам бы с радостью у скареда украл!

Гарпагон. А?

Лафлеш. Что?

Гарпагон. У кого украл?

Лафлеш. Я говорю, все роется, все ищете, не украл ли я.

Гарпагон. Я-то разыщу! *(Ощупывает карманы Лафлеша.)*

Лафлеш *(в сторону)*. Пропали они пропадом, скупцы и скупердяи!

Гарпагон. Что ты говоришь?

Лафлеш. Что говорю?

¹ «Покажи руки... Теперь другие покажи» — Причиной этой смешной обмолвки Гарпагона является его волнение, а также привычка обыскивать своих слуг и выворачивать их карманы. Услыша второе приказание Гарпагона, Лафлеш поворачивает обе руки ладонями вниз,

Гарпагон. Да. Что ты бубнишь про скупцов и скупердяев?

Лаффлеш. Пропади, говорю, пропадом скупцы и скупердяи.

Гарпагон. А ты о ком говоришь?

Лаффлеш. О скупердяях.

Гарпагон. А кто они такие, эти скупердяи?

Лаффлеш. Жадюги и сквалыги.

Гарпагон. Да кто же они?

Лаффлеш. А вам что за нужда?

Гарпагон. Значит, нужда.

Лаффлеш. Вы думаете, я про вас так говорю?

Гарпагон. Что думаю, то думаю... Да как ты смеешь?
С кем ты говоришь?

Лаффлеш. С кем? Со своей шапкой.

Гарпагон. А я поговорю с твоим загривком.

Лаффлеш. И все равно скажу: проклятые скупцы!

Гарпагон. Нет, нахал, не скажешь! Молчи!

Лаффлеш. Я же никого по имени не называю.

Гарпагон. Молчи, иначе плохо будет!

Лаффлеш. Знает кошка, чье мясо съела.

Гарпагон. Замолчишь ты?

Лаффлеш. Ничего не поделаешь, молчу.

Гарпагон. Эй, молчи!

Лаффлеш (*указывает на свой камзол*). Смотрите, вот еще один кармашек. Ну, хватит с вас?

Гарпагон. Послушай, сам отдай! Не буду обыскивать.

Лаффлеш. Что отдать?

Гарпагон. А то, что ты стащил.

Лаффлеш. Ничего я у вас не брал.

Гарпагон. Верно?

Лаффлеш. Верно.

Гарпагон. Прощай, иди ко всем чертям!

Лаффлеш (*в сторону*). Вот как учтиво распрощался!

Гарпагон. Ступай! Про совесть не забудь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, один.

Гарпагон. Как расстроил меня, негодник! Глаза бы не видали хромого пса! Нелегкий, ах, право, нелегкий труд хранить большие деньги в своем доме! Хорошо тому, кто все свое богатство вложит в прибыльное дело, а при себе только на расход оставит. Поди-ка вот придумай да устрой у себя в каком-нибудь уголочке надежный тайник. А сундукам золото доверить нельзя, я никогда не буду держать его в сундуках. Что сундук? Приманка для воров! Грабители первым делом в сундук полезут.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гарпагон, Элиза, Клеант.

Элиза и Клеант в глубине сцены разговаривают между собою.

Гарпагон (*думая, что он один*). А все же хорошо ль я сделал, что золото зарыл в саду? Вчера долг получил сполна — десять тысяч золотых. Десять тысяч! Изрядный капитал! (*Замечает Элизу и Клеанта.*) О господи! Я сам себя выдал! Думал, никого тут нет, разгорячился и, кажется, вслух заговорил, (*Клеанту и Элизе.*) Вы что?

Клеант. Ничего, батюшка.

Гарпагон. Давно вы тут?

Клеант. Только что вошли.

Гарпагон. Вы слышали?

Клеант. Что, батюшка?

Гарпагон. Вот это...

Элиза. Что?

Гарпагон. Да то, что я сказал?

Клеант. Нет.

Гарпагон. Нет — да, нет — да!

Элиза. Извините, батюшка.

Гарпагон. Нет уж, вижу, что слышали. Я сам с собой говорил. Вот, говорю, как трудно нынче деньги достаются. И есть же, говорю, какой-нибудь счастливец, у коего в доме найдется десять тысяч червонцев!

Клеант. Мы не посмели подойти, боялись вам помешать.

Гарпагон. Ну, вот и хорошо. Теперь вы знаете, а то бы вкривь и вкось истолковали мои слова, подумали бы, что это у меня найдется десять тысяч червонцев.

Клеант. В ваши дела мы, батюшка, не входим.

Гарпагон. Эх, кабы бог послал удачу — десять тысяч червонцев!

Клеант. Не думаю...

Гарпагон. Вот бы кстати!

Элиза. Да это...

Гарпагон. Мне деньги куда как надобны!

Клеант. Я полагаю...

Гарпагон. Уж так бы пригодились!

Элиза. Вы, батюшка...

Гарпагон. Тогда бы я не горевал, что времена тяжелые настали.

Клеант. Бог мой! Уж вам-то, батюшка, зачем тужить? Всем известно, что у вас добра достаточно.

Гарпагон. Что? У меня достаточно добра? Лгут люди! Кто это говорит? Враки, выдумки! Одни только мошенники могли распускать такие слухи!

Элиза. Не сердитесь, батюшка!

Гарпагон. И что за диво! Собственные дети стали родному отцу предателями и врагами!

Клеант. Какой же я вам враг? Я только и сказал, что у вас есть достаток.

Гарпагон. Вот, вот! Такие речи да мотовство твое меня погубят. Залезут в дом грабители и перережут мне горло. Все думают теперь — у Гарпагона денег куры не клюют.

Клеант. В чем же мое мотовство?

Гарпагон. В чем? Или это не роскошество бесстыжее — шататься по городу в таком наряде? Я вчера твою сестрицу бранил, но где ей до тебя! Вот погоди, накажет тебя бог! Посмотреть, что на тебе надето: с головы до ног все щегольское! Ты на свои уборы уйму денег ухлопал. Я тебе, сынок любезный, раз двадцать говорил — мне твои повадки не нравятся! Маркиза из себя изображаешь. Ишь, как разрядился! Откуда ты деньги берешь? У меня воруюшь, не иначе!

Клеант. Э, батюшка! Ну как у вас украсть?

Гарпагон. А я почему знаю! Где же тебе иначе денег взять, чтобы этак франтить?

Клеант. Где? А карты, батюшка? Я играю, в игре я счастлив, и все, что мне пошлет фортуна, я трачу на одежду.

Гарпагон. И очень глупо делаешь! Если ты в игре удачлив, пользуйся удачей с умом: деньги в рост давай да бери хороший процент. Глядишь, и деньги целы и прибыль нажил. Хотелось бы мне знать, не говоря о прочем, к чему тебе все эти ленты? От башмаков до шляпы — банты, ленты, банты, ленты! У тебя, я вижу, на штанах и то уж шелковый шнурок, а хватило бы вполне полдюжины простых завязок. А парик! Что за нужда тратиться на парики, когда и своих волос на голове достаточно? А волосы-то собственные нам даром даны. Бьюсь об заклад — ты на ленты да на парик промотал не меньше двадцати пистолей. А знаешь, сколько с двадцати пистолей¹ в год получишь дохода? Восемнадцать ливров, шесть солей и восемь денье² — даже если бы отдать деньги в рост всего лишь из восьми процентов³.

Клеант. Верно, батюшка.

Гарпагон. Ну, оставим это. Есть дела другие. *(Замечает, что Элиза и Клеант обмениваются знаками.)* Ой! *(Тихо в сторону.)* Знаки друг другу подают. Задумали отцовский кошелек украсть! *(Громко.)* Вы что руками машете?

Элиза. Мы спорим с братцем, кому начать, кто первый заговорит. Нам, батюшка, обоим надо кое-что вам сказать.

Гарпагон. И мне надо кое-что вам сказать.

¹ Пистоль — старинная золотая монета.

² Названия старинных французских денежных единиц.

³ Рекомендую сыну давать деньги в долг, взимая со своих должников 8 процентов, Гарпагон толкает его на путь ростовщичества, причем учит взимать со своих должников значительно больший процент, чем обычно.

Клеант. Мы, батюшка, хотели бы поговорить о браке.

Гарпагон. И я о браке.

Элиза. Ах, батюшка!

Гарпагон. Что разахалась? Чего испугалась? Слово страшное, или сам брак тебя страшит?

Клеант. Мы боимся, батюшка, что брак вы понимаете по-своему, не так, как мы. Нам обоим страшно — вдруг наши чувства не согласны будут с вашим выбором.

Гарпагон. Потерпите, не пугайтесь. Я знаю, кого для вас обоих выбрать. Вам жаловаться не придется. (*Клеанту.*) А для начала спрошу, скажи-ка, видел ты молодую девицу, что живет от нас неподалеку? Ее звать Марианой.

Клеант. Видел, батюшка.

Гарпагон. (*Элизе.*) А ты?

Элиза. Я слышала о ней.

Гарпагон. Ну-с, любезный, что ты о ней скажешь?

Клеант. Прелестная особа.

Гарпагон. Какова с лица?

Клеант. Видно, что и благонравна и умна.

Гарпагон. А каковы манеры и осанка?

Клеант. Восхитительны.

Гарпагон. Не кажется ли тебе, что такая девушка достойна внимания?

Клеант. Да, батюшка.

Гарпагон. И, поди, неплохо бы жениться на ней?

Клеант. Очень бы неплохо!

Гарпагон. Из нее, пожалуй, примерная хозяйка выйдет?

Клеант. Бесспорно.

Гарпагон. Муж, поди доволен ею будет?

Клеант. Ну, еще бы!

Гарпагон. Остановка только вот за чем: боюсь, приданого дадут за нею мало.

Клеант. Ах, батюшка, зачем же думать о приданом, когда хочешь жениться на такой милой девушке?

Гарпагон. Нет уж, извините, извините! Но и то сказать: приданое — приданым, а если его немного, можно и на другом наверстать.

Клеант. Вы совершенно правы.

Гарпагон. Ну, вот и хорошо, что ты со мной согласен. Скромный вид и кроткий нрав этой девицы мне пришлись по сердцу, и я решил на ней жениться, лишь бы нашлось у ней хоть малое приданое.

Клеант. Ах!

Гарпагон. Что?

Клеант. Как! Вы решили?..

Гарпагон. Да, решил на ней жениться.

Клеант. Вы? Вы!

Гарпагон. Да. Я! Я! Что это значит?

Клеант. У меня закружилась голова. Я выйду на воздух.

Гарпагон. Ничего, пройдет. Ступай скорей на кухню, выпей холодной водички.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гарпагон, Элиза.

Гарпагон. Ну и народ пошел! У этих изнеженных щеголей цыплячья сила! Ты слышала, Элиза, как я решил устроить свою судьбу. А твоему братцу я подыскал в жены вдову — нынче утром мне про нее говорили. Тебя же, дочка, я выдам за господина Ансельма.

Элиза. За господина Ансельма?

Гарпагон. Да. Человек он почтенный, рассудительный, степенный и еще не старый — пятидесяти нет, и, как всем известно, богат.

Элиза (*делает реверанс*). Дозвольте, батюшка, сказать, я не пойду замуж.

Гарпагон (*передразнивает Элизу*). Дозвольте, доченька, сказать: пойдете замуж.

Элиза (*делает реверанс*). Прошу прощенья, батюшка.

Гарпагон (*передразнивает Элизу*). Прошу прощенья, дочка.

Элиза. Почтенный господин Ансельм достоин уваженья, но... (*делает реверанс*) с дозволенья вашего, скажу: я за него не выйду.

Гарпагон. Хотя бы и недостойн уваженья, но... (*передразнивает Элизу*) с дозволенья вашего, скажу: нынче вечером вы за него пойдете.

Элиза. Нынче вечером?

Гарпагон. Да-с, нынче вечером.

Элиза (*делает реверанс*). Не будет этого, батюшка.

Гарпагон (*передразнивает Элизу*). Будет, доченька.

Элиза. Не будет.

Гарпагон (*делает реверанс*). Будет.

Элиза. А я говорю, не будет.

Гарпагон. А я говорю, будет.

Элиза. Меня не удастся принудить.

Гарпагон. Нет, удастся.

Элиза. Да я скорей повешусь, чем за такого выйду.

Гарпагон. Не повеситесь, а пойдете за него. Какая дерзость! Где это видано, чтоб дочь осмелилась перечить отцу?

Элиза. Где это видано, чтобы отец неволил дочь и насильно выдавал ее замуж?

Гарпагон. Попробуй поищи такого жениха! Бьюсь об заклад, за такой выбор меня всяк похвалит.

Элиза. Бьюсь об заклад, ни один разумный человек вас не похвалит.

Гарпагон (*замечает в глубине сцены Валера*). Ах, вот Валер! Не угодно ли, дочка, он нас рассудит?

Элиза. Согласна.

Гарпагон. И что он скажет, так тому и быть?

Элиза. Да, так тому и быть.

Гарпагон. Отлично.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Валер, Гарпагон, Элиза.

Гарпагон. Валер, иди сюда. Мы тебя избрали судьей. Реши, кто прав — я или моя дочь.

Валер. Вы, сударь, вы! Конечно, вы.

Гарпагон. А разве ты знаешь, о чем мы спорили?

Валер. Не знаю. Но разве вы можете быть не правы? Вы так разумны!

Гарпагон. Я вот хочу, чтобы моя дочь сегодня же вечером сочеталась законным браком с человеком умным и богатым, а эта негодница осмелилась мне заявить, что жених ей не по вкусу. Каково? Что скажешь?

Валер. Что я скажу?

Гарпагон. Дѣ.

Валер. Гм... гм...

Гарпагон. Ну, что же ты?

Валер. В сущности, ваши чувства мне вполне понятны. Вы, конечно, правы. Кто же посмеет считать вам неправым? Но и про вашу дочь нельзя сказать, что она совсем уж не права, и...

Гарпагон. Это почему же? Чем господин Ансельм ей не пара? Во-первых, дворянин, а вдобавок — человек спокойного нрава, степенный, благоразумный, состоятельный да еще бездетный вдовец. Поди сыщи такого!

Валер. Вы правы. Но дочь могла бы вам сказать, что тут спешить не следует, ей надо поразмыслить, спросить у своего сердца, согласно ли оно...

Гарпагон. Сам в руки клад дается! Упустишь — не поймаешь. Зять отменно выгодный. Согласен взять ее без приданого.

Валер. Без приданого?

Гарпагон. Да-с.

Валер. Ну, коли так — молчу! Довод самый убедительный! Перед ним надо склониться.

Гарпагон. Еще бы! Сколько денег сберегу!

Валер. Ну, разумеется, кто посмеет спорить? Правда, ваша дочь, пожалуй, возразит, что брак важнее денег, — ведь тут решается ее судьба: счастье или несчастье всей жизни. В супружеском союзе жить до гробовой доски; значит, вступать в брак ей надлежит с оглядкой, осторожно,

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Вы правы — это все решает. Однако же найдутся люди, которые, пожалуй, скажут, что надобно считаться с девичьим сердцем, а при таком неравенстве в летах, в характерах и в чувствах брак сулит плачевные невзгоды.

Гарпагон. Без приданого!

Валер. О, какой неотразимый довод! Черт побери, ну что тут возразишь! Правда, есть немало отцов, готовых скорей пожертвовать приданым, чем счастьем дочери. Позабыв о выгоде, они для дочери искать бы стали в браке согласия душ, сладостного всем супругам, чтобы в семье царили добродетель, мир, отрада и, конечно...

Гарпагон. Без приданого!

Валер. Ваша правда. Таким доводом всякому рот заткнешь. Без приданого! Попробуй-ка не согласиться!

Гарпагон (*вполголоса, поглядывая в окно, выходящее в сад*). Ох, что там? Никак собака лает! Неужто воры лезут? Деньги мои, деньги! (*Валеру и Элизе.*) Не уходите. Я сейчас вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Элиза, Валер.

Элиза. Валер, что это значит? Как вы с ним говорили?

Валер. Подождите, нельзя его сердить. Идти напролом — верный способ все испортить. А так я лучше с ним справлюсь. Иных людей только лукавством и одолеешь, — они уж от природы с норовом, упрямы и возражений не терпят. Услышат правду — и сразу на дыбы! Прямой дорогой разума таких ни шагу не заставишь пройти, только окольными путями приведешь их к желанной цели. Для виду надо поддакивать — так скорее своего добьешься. А если...

Элиза. Валер, ведь нынче свадьба!

Валер. Придумаем, как ее расстроить.

Элиза. Да что придумаешь! Вечером всему конец!

Валер. Надобно просить отсрочки. Притворитесь больной.

Элиза. Пошлют за лекарем, и притворство откроется.

Валер. Да что вы! Лекари ничего не смыслят! Не робейте, сошлитесь на любую хворь, — они поверят, найдут причину болезни и объяснят, откуда вдруг она у вас взялась.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гарпагон, Элиза, Валер.

Гарпагон (*тихо, в глубине сцены*). Слава богу, все благополучно.

Валер (*не замечая Гарпагона*). И, наконец, есть последнее средство — убежим! Убежим с вами и от всего спасемся. Элиза,

красавица моя, если ваша любовь сильна... (*Замечает Гарпагона.*) Да, дочь обязана повиноваться отцу. Нечего тут рассуждать, хорош или не хорош жених. Если вам приводят столь веский довод: «Без приданого!» — будьте готовы выйти за первого встречного.

Гарпагон. Отлично! Молодец!

Валер. Извините, сударь, я погорячился и позволил себе смелость говорить так с вашей дочерью.

Гарпагон. Напротив! Я в восторге, даю тебе над нею полную власть. (*Элизе.*) Тебе от этой власти избавиться не удастся. Даю Валеру над тобою всю власть, которой меня облекло небо. Извольте его слушаться и делать то, что он укажет.

Валер (*Элизе*). Ну-с, теперь попробуйте противиться моим наставлениям!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Гарпагон, Валер.

Валер. Я сударь, пойду за ней, продолжу назидания.

Гарпагон. Премного тебе благодарен...

Валер. Ее следует держать в узде, и в крепкой!

Гарпагон. Да уж покрепче!

Валер. Не беспокойтесь. У меня не вырвется.

Гарпагон. Валяй, валяй! А мне надо ненадолго отлучиться.

Валер (*идет к двери, в которую вышла Элиза, и как будто обращается к ней*). Да, да, важнее денег нет ничего на свете! Благодарите бога, что у вас такой отец! Он-то знает жизнь! И коль скоро нашелся жених, готовый взять невесту без приданого, значит, нечего разбирать. Без приданого! В этих двух словах заключается все: красота, молодость, честь, благородство, благообразие и любая добродетель.

Гарпагон. Вот славный малый! Как говорит! Суший оракул! Счастлив я, что мне такой слуга попался.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Лафлеш.

Клеант. Ах, изверг! Куда же ты запропастился? Ведь я велел тебе...

Лафлеш. Сударь, ей-богу, не виноват. Я пришел до срока, хотел вас дожидаться, но батюшка у вас такой зловредный: вытолкал меня взащей, чуть не дрибил...

Клеант. Ну как? Устроил? Дело не терпит отлагательства, особенно теперь. Представь, что я сейчас узнал: отец — соперник мне!

Лафлеш. Ваш батюшка влюбился?

Клеант. Да! Мне едва удалось скрыть от него волнение, когда я услышал такую весть.

Лафлеш. Туда же, влюбился старый хрыч! Ишь, что затеял! Курам на смех. Такая образина для любви негожа.

Клеант. Уж, верно, в наказание за мои грехи накатило на него.

Лафлеш. А вы зачем таитесь? Сказали бы: «Люблю», — и все тут.

Клеант. Нет, надо отвести все подозрения, чтобы действовать свободно и, в случае чего, расстроить этот брак. Скажи скорей, какой ты ответ принес?

Лафлеш. Жалко мне вас, сударь! Сколько мытарств претерпеть надо, когда деньги занимаешь, да еще и в лапы попадешь к ростовщикам!

Клеант. Что ж, не выйдет дело?

Лафлеш. Как не выйдет — выйдет! Маклер Симон, которого нам дали в посредники, — человек проворный, ловкий. Он, говорит, для вас из кожи лезет вон. Уж очень, говорит, понравился мне твой хозяин.

Клеант. Так, значит, дадут пятнадцать тысяч?

Лафлеш. Дадут. Только надо согласиться на ихние условия.

Клеант. А ты виделся с тем, кто дает деньги?

Лафлеш. Куда там! Разве можно! Он прячется почище вашего. Тут какая-то тайна — не разгадаешь! Имени его не называют, а только обещали нынче свести вас друг с другом в каком-то доме. Он хочет сам расспросить у вас, кто вы такой, достаточно ли у вас добра. Как узнает, чей вы сын, так, наверно, дело легко сладится.

Клеант. А главное, от матушки мне осталось наследство, — его-то у меня нельзя отнять.

Лафлеш. Вот послушайте условия — он их сам продиктовал посреднику. Приказано сообщить их вам, а потом уж пойдут переговоры. Вот они, условия: «Ежели займодавец убедится в платежеспособности заемщика; ежели оный заемщик достиг совершеннолетия и обеспечен родительским достоянием, изрядным, прочным и надежным, закладами не обремененным, — долговая расписка будет надлежащим образом заготовлена и засвидетельствована нотариусом, человеком самым добропорядочным, выбор коего предоставляется займодавцу, ибо он весьма озабочен должным составлением сего акта».

Клеант. Что ж, тут возражать нечего.

Лафлеш. «Займодавец во избежание малейших укоров своей совести полагает возможным дать деньги в ссуду всего лишь из пяти процентов».

Клеант. Из пяти? Да он премилый человек! Грех жаловаться.

Лафлеш. Ваша правда. «Но поскольку у заимодавца про-
симои суммы не имеется и в угоднение заемщику он вынужден
сам позаимствовать ее у третьих лиц из двадцати процентов, —
по справедливости заемщик обязан возместить ущерб заимодавцу,
каковой берет в долг сумму испрашиваемой ссуды единственно
из желания оказать заемщику услугу».

Клеант. Черт побери! Да ведь это лихоимство! Грабеж
среди бела дня! Выходит, он дает из двадцати пяти процентов!

Лафлеш. Вот, вот! Я то же самое сказал. Прикиньте, по-
смотрите, братъ или не братъ.

Клеант. Да что ж смотреть! Деньги дозарезу нужны. По-
неволе согласишься!

Лафлеш. Вот, вот. Я то же самое сказал.

Клеант. Еще есть условия? Какие?

Лафлеш. Пустяки! «Из пятнадцати тысяч ссуды заимода-
вец чистоганом может дать двенадцать тысяч, а на три тысячи
дает вещами, опись коих при сем приложена, и в ней все постав-
лено по совести, то есть по цене самой умеренной».

Клеант. Что это значит?

Лафлеш. Послушайте-ка опись: «Первое — кровать о че-
тырех ножках, тюфяк и простыня с прошвами из плетеных кру-
жев, весьма тонкой работы, стеганое одеяло оливкового цвета,
подбитое тафтою¹ красной с голубым отливом, и вдобавок стульев
полдюжины; все означенное в полной исправности. Далее полог
длинный из добротной омальской саржи² цвета засохшей розы,
с позументами³ и шелковой бахрамой».

Клеант. Да что же он? Смеется, что ли?

Лафлеш. Погодите, погодите! «Далее штофные⁴ обои, на
коих выткана история любви Гомбо и Масей⁵. Далее стол раз-
движной орехового дерева о двенадцати витых точеных ножках
и к нему шесть табуретов».

Клеант. На кой мне черт!..

Лафлеш. Потерпите малость. «Далее три мушкета длин-
ноствольных, выложенных перламутром, и к ним три сошки⁶. Да-
лее печь переносная, кирпичная, а к ней две колбы и три ретор-
ты — утварь, весьма полезная для любителей перегонки».

Клеант. Ах, чтоб тебе!

¹ Тафта — глянцевиная и плотная тонкая шелковая ткань.

² Омальская саржа (по названию алжирского города Омаль) — ткань в мелкую косую полоску, употреблявшаяся на легкую одежду.

³ Позумент — галун, тесьма из шелковой или шерстяной основы с ме-
таллическим шитьем.

⁴ Штоф — плотная шерстяная или шелковая ткань с разводами.

⁵ «Любовные приключения Гомбо и Масей» — популярная пасторальная
повесть о любви и браке двух верных любовников Гомбо (Combaut) и Масей
(Masée), возникшая в XVI веке; воспроизводилась в XVII веке на тканых
обоях.

⁶ Сошки — подставки, с которых стреляли из мушкета.

Лафлеш. Умерьте гнев! «Далее лютия болонская, у коей почти все струпы в целости. Далее бильярд настольный с лунками, доска для шахмат, а также гусек — игра древнегреческая, ныне возрожденная, — все перечисленное весьма пригодно для приятного времяпрепровождения в часы досуга. Далее чучело ящерицы небольшой, набитое соломой, — занимательная диковинка, каковую можно подвесить к потолку гостиной для украшения оной. Все означенные в описи предметы по самой добросовестной оценке стоят четыре тысячи пятисот франков, но из любезности заимодавец согласен уступить их за три тысячи».

Клеант. Ах, чтоб он провалился со своей «любезностью»! Слыханное ли дело! Разбойник! Сдирает шкуру дикими процентами да еще навязывает мерзкий хлам, невесть откуда собранный, и ставит за него три тысячи! Да я за эту рухлядь и двухсот экую не выручу! А что поделаешь!.. Придется соглашаться. Я в крайности, вот этот негодяй и режет меня без ножа!

Лафлеш. Сударь, не в обиду будет вам сказано, — вы идете проторенной пагубной дорожкой, по стопам Панурга¹. Покупать втридорога, продавать дешево, в долгах заранее проживать наследство — прямой путь к разоренью.

Клеант. Да что ж мне остается делать? Вот до чего нас доводит проклятая отцовская скупость! И еще удивляются, что сыновья желают отцам смерти!

Лафлеш. Да уж, признаться, ваш батюшка своей подлой скаредностью святого введет в искушение. Я, слава богу, не питаю склонности к таким проделкам, от которых пахнет виселицей, и сторонюсь приятелей, ежели они пускаются на воровские плутни. Меня не заманишь на штукарство, когда они хоть чуточку грозят пеньковым воротником. Но, право, как посмотришь на поступки вашего батюшки, так и тянет его обокрасть; думается, похвальное бы дело сделал!

Клеант. Дай мне опись, я прочту еще раз сам.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гарпагон, маклер Симон, Клеант, Лафлеш.

Клеант и Лафлеш в глубине сцены.

Симон. Да, сударь. Просит ссуду молодой человек. Сейчас он в затруднительном положении и согласится на все ваши условия.

Гарпагон. Мэтр Симон, а вы уверены, что в этом деле для меня нет риска? Вы узнали имя заемщика? Какое у него имущество, кто его родители?

Симон. К сожалению, не могу вас осведомить. Мне на него

¹ *Панург* — герой сатирического романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», в течение двух недель растративший доходы целой области на три года вперед.

указано случайно. Но при свидании он все это сообщит вам. Его слуга уверял меня, что вы останетесь вполне довольны таким должником. Он сказал, что отец его хозяина — богач; матери уже нет в живых, да и отец недолго заживется — больше года не протянет. Если вам угодно, заемщик в этом году готов дать подписку.

Гарпагон. Ну, это хорошо. По долгу милосердия, мэтр Симон, надо помочь ближнему по мере сил.

Симон. Разумеется.

Лафлеш (*узнав Симона, говорит тихо Клеанту*). Это что такое? Симон беседует с вашим батюшкой.

Клеант (*тихо Лафлешу*). Неужели Симон узнал, кто я такой? Уж не ты ли выдал?

Симон (*Лафлешу*). Ай-ай-ай! Как вы торопитесь! Кто вам велел сюда прийти. (*Гарпагону*.) Прошу прощения, сударь, это не я открыл им ваше имя и не я рассказал, где вы живете. Но, по-моему, большой беды тут нет: они сумеют соблюсти тайну, а вы сейчас же можете вступить в переговоры.

Гарпагон. Как!

Симон (*указывая на Клеанта*). Вот, сударь, то самое лицо, которое желало бы занять у вас пятнадцать тысяч ливров.

Гарпагон. Как, негодяй! Так это ты пустился во все тяжкие?

Клеант. Как, батюшка! Так это вы занялись постыдным делом?

Маклер Симон убегает, Лафлеш прячется.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гарпагон, Клеант.

Гарпагон. Вот оно что! В долги залезаешь, разориться хочешь?

Клеант. Вот оно что! Хотите разбогатеть лихоимством?

Гарпагон. Да как ты смеешь после этого мне на глаза являться?

Клеант. Да как же вы посмеете теперь смотреть в глаза порядочным людям?

Гарпагон. Не стыдно ли тебе, скажи на милость? Вот до чего дошел! Беспутный и безумный мот, ты катишься к пропасти! О расточитель, позор своих родителей! Тебе нисколько не жаль пустить по ветру добро, которое они скопили тяжкими трудами!

Клеант. А вам не совестно покрывать себя бесчестьем в таких проделках? Доброй славой, уважением людей — вы всем готовы пожертвовать ради своей ненасытной алчности! Вы тешите ее, сгребая золото монету за монетой. Пускаетесь из корысти на такие низкие уловки, каких и самым отъявленным ростовщикам не придумать.

Гарпагон. Прочь с глаз моих, бездельник! Прочь с глаз моих!

Клеант. Кто же, по-вашему, преступник? Тот, кто, будучи в нужде, дорогой ценой занимает деньги, или тот, кто добывает их грабежом, хотя нужды в деньгах и не имеет?

Гарпагон. Вон отсюда, говорят тебе! Противно слушать!

Клеант уходит.

Ну, нет худа без добра. Это мне предупреждение. Теперь я в оба буду следить за каждым шагом моего сына.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Фрозина, Гарпагон.

Фрозина. Сударь!

Гарпагон. Обожди минутку. Я сейчас вернусь, и мы поговорим. *(В сторону.)* Теперь самое время проверить, целы ли деньги!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лафлеш, Фрозина.

Лафлеш *(не видя Фрозины.)* Ну и приключение! Не иначе как у него где-нибудь устроен склад всякого старья. Мы в доме никогда не видели того, что красуется в описи.

Фрозина. Э, да это ты, Лафлеш! Какими судьбами?

Лафлеш. А, да это ты, Фрозина! Зачем явилась?

Фрозина. Как зачем? Посредничать, оказывать услуги, себе и людям на пользу обращать малые свои дарованья. Тебе ли не знать, дружок, что в сей земной юдоли только хитростью и добудешь пропитание! Таким, как мы, бедным сиротинкам взамен наследственных доходов ниспосланы от неба пронырливость и ловкость.

Лафлеш. Хозяину, поди, что-нибудь приторговала?

Фрозина. А как же! Дельце для него наладила. Теперь жду награды.

Лафлеш. Награды? От него? Попробуй, вымани хоть грош — молодчина будешь. Он над деньгами трясется, позволь тебе напомнить.

Фрозина. За иную услугу и скупец раскошелится.

Лафлеш. Держи карман! Ты, видать, еще не знаешь господина Гарпагона. Из всего человечества человек самый бесчеловечный, из всех смертных самый негодный смертный, скупущий, злющий, загребуший. Нет такой услуги, чтобы господин Гарпагон за нее раскошелится. Похвалить, посулить, словами поманить — на это он мастер. Но денег! Ни шиша не даст. У него на языке мед, а в сердце лед. В обращении ласкательство, искательство, а на деле — сухарь, хапуга и к слову «дать» пи-

тает такое отвращение, что сроду не говаривал: «Я дам», непременно скажет: «Ссужу».

Фрозина. Ах, миленький, не страшно! Я всякого сумею высосать, к любому войти в милость и нащупать в сердце чувствительную струнку, я знаю, с какого боку к богатею приступиться.

Лафлеш. Пустое! Тут твой секрет не поможет! Бьюсь об заклад, даже тебе не расшевелить такого жмота. На деньги он кремень, сущий турок! Туречеством своим кого хочешь приведет в отчаянье. Хоть сдохни перед ним, он и глазом не моргнет. Для него деньги дороже доброй славы, чести, благородства. Как увидит просителя с протянутой рукой, весь затрясется. Услышать просьбу о деньгах — да это для него нож в сердце, все нутро у бедняги перевернется! И если ты... Ой, вот он жалуется сюда... Уйду-ка лучше. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гарпагон, Фрозина.

Гарпагон *(тихо)*. Все спокойно. *(Громко.)* Ну что, Фрозина?

Фрозина. Ах, боже мой! Какое у вас личико! Так и пышет здоровьем.

Гарпагон. Пышет? Это у меня-то?

Фрозина. Никогда еще не видала вас таким бодрым красавцем! Кровь с молоком.

Гарпагон. Ты шутишь?

Фрозина. Что вы! Молодость-то в вас играет, вижу, вижу! Сколько я знаю щеголей, которые вам и в подметки не годятся, хотя им отроду всего по двадцать пять годов.

Гарпагон. Так-то оно так, Фрозина. А все же мне шестьдесят стукнуло.

Фрозина. Ну и что же, что шестьдесят? Подумаешь! Да разве это старость? Самая цветущая пора для мужчины. Вторая молодость получше первой!

Гарпагон. Верно. Однако же неплохо бы лет двадцать скинуть с плеч.

Фрозина. Полно, вы смеетесь! Уж вам-то ничуть не надо скидывать. Вы крепыш! При таком сложении вы до ста лет доживете.

Гарпагон. Ты думаешь?

Фрозина. У вас к тому все приметы. Постойте-ка, постойте-ка, дайте поглядеть. Вон какая складка меж бровей! Это уж вернейший признак долголетия.

Гарпагон. Ты понимаешь в этом толк?

Фрозина. Еще бы! Дайте ручку. Сейчас посмотрим на ладонь. Боже правый! Линия-то жизни какая длинная!

Гарпагон. Где это?

Фрозина. Неужели не видите, докуда линия доходит?

Гарпагон. Ну? И что же это значит?

Фрозина. А вот что! Я сказала — жить вам до ста лет, а выходит больше — ровнехонько сто двадцать!

Гарпагон. Ишь ты как! Не врешь?

Фрозина. Помилуйте, да вас не прошибешь ничем! Вы и детей похороните и всех внуков переживете.

Гарпагон. Что ж, очень рад. А как у нас дела?

Фрозина. Зачем спрашивать? Уж коли я взялась, со всяким поручением справлюсь. А насчет сердечных дел и сватовства — всякого за пояс заткну. Задумай кто жениться или выйти замуж — мигом обкручу. Если б захотела, так, кажется, самого турецкого султана женила бы на республике Венецианской!¹ Ну, а ваше дельце будет полегче. Мне кое-что случилось продавать нашим голубкам, так я с ними с обеими потолковала о вас. Матери расписала, как вы любуетесь на Мариану, когда она проходит по улице или вечером сядет у окошка подышать прохладой, и как вы возымели намерение на ней жениться.

Гарпагон. Каков ответ?

Фрозина. Мать, конечно, рада. Я сказала, что нынче у вас в доме стовор вашей дочки и подписание брачного договора и вы просите Мариану пожаловать к вам. Старуха согласилась отпустить дочь и поручила ее моему надзору.

Гарпагон. Мне нынче придется ужин закатить господину Ансельму, так пусть уж заодно и Мариана попирует.

Фрозина. Что правильно, то кравильно. Сегодня после обеда она сюда заглянет, познакомится с вашей дочкой, потом хотела съездить на ярмарку, а к вечеру будет к вам на ужин.

Гарпагон. На ярмарку и моя дочь поедет вместе с ней. Я им одолжу карету.

Фрозина. Вот это дело!

Гарпагон. А слушай-ка, Фрозина, ты поговорила с матерью насчет приданого? Сказала ты, что надо ей как-нибудь извернуться, сжаться, даже шкуру снять с себя для такого случая? Ведь никто не женится на бесприданницах.

Фрозина. Не беспокойтесь! Такая девушка вам принесет доходу двенадцать тысяч ливров в год.

Гарпагон. Двенадцать тысяч?

Фрозина. По меньшей мере! Во-первых, девица росла в бедности и приучена к воздержанности в пище. Какой-нибудь салат, немножко молочка, ломтик сыру да яблочко, она уж и сыта. Не надо вам будет тратить на дорогие блюда, на закуски, пирожные, сласти, какие любят наши баловницы. Ну, словом, тут вы сэкономите три тысячи, не меньше. Засим она любит опрятность, всегда будет одета чистенько, но просто, очень скромно. Не

¹ Венецианская республика враждовала с турецким султаном, который закрывал итальянским товарам доступ в страны Азии.

в пример нынешним модницам, ей совсем не по вкусу наряды, серьги, кольца, ожерелья и богатая мебель. Вот еще одну статью расхода скиньте — четыре тысячи, а то и больше. А карты! Да она их сроду в руки не брала и не возьмет. Ей такие развлечения противны, не то что нынешним бесстыжим картежницам! Я знаю одну такую озорницу — живет по соседству с вами, — так она проиграла за год двадцать тысяч франков! Ну возьмем поменьше — только четверть, и то уж какие деньги! Вот и посчитайте, сколько вы сэкономите. На игре пять тысяч франков, на нарядах и уборах — четыре, — это уже девять тысяч. Да на сладких кушаньях тысячу эку. Сочли? Всего-то за год двенадцать тысяч, ровным счетом! Верно?

Гарпагон. Какая счетчица наплась! А где же тут доход? Существенное где?

Фрозина. Прошу прощенья. Это ль не существенная выгода, когда жена приносит в приданое умеренность и скромность, щегольства не любит, карт не выносит?

Гарпагон. Ты что, смеешься надо мной? Не будет она тратить — хорошо, а приданое-то где? Ты думаешь, я так и дам расписку в получении всех этих добродетелей? Нет, мне подавай что-нибудь вещественное!

Фрозина. Ах, господи! Получите, получите! Они мне говорили, что у них где-то есть земля. Вот и приберете к рукам.

Гарпагон. Надо посмотреть. Да вот еще, Фрозина, что меня беспокоит... Уж очень молодая невеста. А молодые к молодым тянутся, так и льнут друг к другу. Боюсь, что старый муж придется не по вкусу, и пойдут у меня в доме... Ну, этакие, знаешь, беспорядки... Как бы не пришлось раскаяться!

Фрозина. Ах, что вы! Как вы плохо ее знаете! Должна вам сказать, что и тут у Марианы от всех девиц отличие! Она терпеть не может молодых, одни только старики у ней в чести.

Гарпагон. Неужели?

Фрозина. Право, право. Послушали бы вы, как ваша Мариана рассуждает. «Противно, говорит, глядеть на молодых, на вертопрахов, люблю бородастых, почтенных». И чем старше, тем они ее сердцу милее. Вы не вздумайте-ка молодиться. Ей подавай шестидесятилетних, никак не меньше! Четыре месяца назад она совсем уж было вышла замуж, да свадьба-то расстроилась из-за того, что жениху всего пятьдесят шесть лет исполнилось. Да он еще хотел похвастаться, что может без очков подшиться под брачным договором.

Гарпагон. Только из-за этого?

Фрозина. Только. Нет, говорит, какие же это годы — пятьдесят шесть лет. Мало, мало! А главное — очков не носит. Очки — украшение мужскому носу.

Гарпагон. Вот диво! Не слыхал я про таких девиц!

Фрозина. Да это еще что! Загляните к ней в комнатку.

Какие у нее картинки поразвешаны! Вы, верно, думаете — Адонисы да Парисы¹, Аполлоны да Купидоны? ² Нет, ошибаетесь! Сатурн да царь Приам, Нестор седовласый и этот, как его — ну, немощный старик Анхиз, которого сын несет на спине³.

Гарпагон. Вот умница! Никогда бы не подумал! Очень рад услышать, что у нее такие чувства. И то сказать, в молодых-то мало толку. Будь я женщиной, я бы тоже их не любил.

Фрозина. Ну, разумеется! За что любить молодых щенков? Скажи на милость, кушанье какое! Молокососы, франты, пустомели! Кто на них позарится?

Гарпагон. Уму непостижимо, за что их женщины так любят!

Фрозина. По своей дурости! Где у этих сумасбродок голова, коли для них любезны белокурые юнцы? Да их мужчинами нельзя считать! Разве таких можно полюбить!

Гарпагон. Вот, вот, и я то же самое твержу. Куда они годятся, молодые петухи? Голосом и так и сяк играют, над губой три волоска, а туда же — встопорщены, будто кошачьи усы! Распустят до пояса парики из пакли, штаны наденут широкие, все в складках — пузырями, камзол кургузый, рубашку выпустят сборками над тощим животом!⁴

Фрозина. А на вас и поглядеть-то любо! Посмотришь — и сразу скажешь: «Вот настоящий мужчина! А как одет! Умеет женщинам угождать нарядом».

Гарпагон. Так я, по-твоему, могу понравиться?

Фрозина. Еще бы! Так хороши, просто загляденье! Лицом пригожи — хоть рисуй. А ну-ка повернитесь, пройдите три шага. Дайте посудить. Ну статность, ну осанка! Поступь важная и легкая, движения свободные. Сейчас видно, что вас никакая хворь не берет.

Гарпагон. Слава богу, больших недугов у меня нет. Только вот одышка одолевает да кашель, случается, бьет.

Фрозина. Это ничего. Одышка вам к лицу, а кашляете вы даже очень мило.

Гарпагон. А скажи-ка — Мариана меня видела? Обратила на меня внимание?

¹ *Адонис* — прекрасный юноша, возлюбленный богини любви *Афродиты*; *Парис* — сын троянского царя *Менелая*, похитивший *Елену*, из-за чего началась *Троянская война*.

² *Купидон* (Амур, Эрос) — сын *Афродиты*, божок любви.

³ *Сатурн* — покровитель земледелия у древних римлян, изображавшийся в виде старика с большой бородой; *Приам* — престарелый царь *Трои*; *Нестор* — старейший из греческих царей, воевавших под *Троей*; *Анхиз* — старый отец троянского героя *Энея*, спасенный сыном, который вынес его на спине из горящего города.

⁴ В 60-х годах XVII века аристократы-щеголи носили открытые камзолы и короткие жилеты, причем между жилетом и штанами выпускалась полоска рубашки.

Фрозина. Нет, еще ни разу не видела, но мы о вас немало толковали. Я ей все описала, и вы у нее перед глазами как живой. Уж как я вас расхваливала — поди-ка, мол, поищи такого мужа!

Гарпагон. Спасибо. Молодец Фрозина!

Фрозина. Ах, сударь, не забыть бы! У меня к вам просьба небольшая. Я в суде тяжбу завела, да вот такая незадача вышла, что могу проиграть, — денег не хватает.

Гарпагон хмурится.

А если будет на то милость ваша, мне выиграть ее легко. А уж Мариана-то как будет рада знакомству с вами!

Лицо у Гарпагона проясняется.

Как вы ей понравитесь! И как ей придется по вкусу ваш стародавний сборчатый воротник! Особенно понравится ей то, что у вас по давшишней моде камзол завязан шнурочками¹. Муж со шнурочками! Она от радости с ума сойдет!

Гарпагон. Вот как! Приятно слышать!

Фрозина. Право, сударь, эта тяжба должна мою судьбу решить.

Гарпагон снова хмурится.

Коли проиграю, в разор разорюсь. А для поправки дела мне и нужно-то немного, самую малость... Ах, если бы вы видели, с каким восторгом Мариана слушала, когда я про вас рассказывала!

Лицо у Гарпагона снова проясняется.

Теперь она все ваши качества знает, глазки у девицы разгорелись, и ей не терпится сладить дело. Скорее свадьбу, говорит, скорее!

Гарпагон. Вот услужила ты мне, Фрозина, вот услужила! Я у тебя в долгу.

Фрозина. А долг-то платежом красен! Жду от вас помощи, сударь. Выручайте, дайте мне на ноги встать.

Гарпагон снова хмурится.

Уж я вам за это отслужу, век буду помнить.

Гарпагон. Прощай, мне недосуг. Письма надо писать. Куча срочных писем!

Фрозина. Сударь я в большой беде, мне очень будет кстати ваша помощь. Не откажите, сударь!

Гарпагон. Сейчас, сейчас. Я дам распоряжение, и вас повезут на ярмарку в моей карете.

Фрозина. Поверьте, сударь, я бы вам не докучала, да нужда неволит.

Гарпагон. Вы не беспокойтесь, я ужин прикажу подать пораньше. На ночь вредно есть, я знаю.

¹ Фрозина здесь высмеивает скупого Гарпагона, его старикивскую манеру одеваться.

Фрозина. Не откажите, сударь, помогите! Если бы вы знали, что за радость...

Гарпагон. Постойте-ка! Меня зовут. До скорого свиданья! (*Уходит.*)

Фрозина (*одна*). Ах ты пес, чтоб тебе чирей в нос! Чтоб тебя черти драли, скаредная морда! Напрасно, значит, старалась, так ничем и не поживилась. Нет, шалишь, я не отстану. Тут сорвалось — с другим полажу, а свое возьму.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, служанка Клод, Жак, Ламерлюш, Брендавуан.

Гарпагон. А ну-ка, все сюда! Сейчас я дам каждому распоряжение и расскажу, что кому делать. Клод, подойди, начнем с тебя.

Служанка подходит, в руках у нее половая щетка.

Прекрасно — ты во всеоружии. Твоя обязанность — везде хорошенько подмести, почище прибрать. Но, смотри мне — осторожней три по креслам и диванам своей тряпкой, а то все исцарапаешь, протрешь. А когда ужин подадут, тебе поручается следить за бутылками. Пропадет хотя бы одна или из посуды что-нибудь разобьется — твоя вина, с тебя и спрос. Вычту из жалованья.

Жак (*в сторону*). Ловко придумал.

Гарпагон (*служанке*). Теперь ступай.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак, Брендавуан, Ламерлюш.

Гарпагон. Ламерлюшу и тебе, Брендавуан, — мыть стаканы и обносить гостей вином. Да помните вы оба — не соваться, не потчевать, наливать только тем, кто сам попросит, а не так, как другие нахальные лакеи: всякому готовы налить вина, кто вовсе и не думал пить. Нет, вы не лезьте, стойте подальше от стола и ждите, когда попросят — разок, другой. Да не забывайте побольше чистой воды приносить.

Жак (*в сторону*). Понятно, цельное-то вино в голову бросается.

Ламерлюш. А кафтаны прикажете нам надеть?

Гарпагон. Так и быть, наденьте, не сейчас, а когда увидите, что гости уже у дверей, да берегите платье.

Брендавуан. Сударь, вы же знаете — на моем кафтане спереди большущее пятно от лампового масла.

Ламерлюш. А у меня штаны продрались, дыры такие, что весь зад, извините за выражение, светится.

Гарпагон (*Ламерлюшу*). Стой умненько у стены, не поворачивайся задом. (*Брендавуану.*) А ты одной рукой подавай, а другой держи шляпу, вот этак. (*Показывает, как Брендавуан должен прикрывать шляпой масляное пятно.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гарпагон, Клеант, Элиза, Валер, Жак.

Гарпагон, Элиза, тебе поручаю следить, как будут убирать со стола. Приглядывай, чтобы не испортили чего, не растащили. Такая обязанность подходит хозяйской дочери. А сейчас изволь-ка полюбезнее принять мою невесту, — она к тебе придет познакомиться, и ты вместе с ней поедешь на ярмарку. Слышишь, что я говорю?

Э л и з а. Слышу, батюшка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, Клеант, Валер, Жак.

Гарпагон (*сыну*). А ты, красавец, щеголь, помни — я по доброте своей прощу тебе давешнее бесстыдство, но не вздумай гостью встретить хмурой рожей.

К л е а н т. Я, батюшка? Помилуйте, зачем мне хмуриться?

Гарпагон. Помалкивай! Знаем мы неблагодарность наших милых деток. Не очень-то они довольны, когда отец приводит в дом молодую хозяйку, и косятся на мачеху. Но если ты хочешь, чтобы я забыл, какую ты штуку выкинул, советую тебе встретить мою гостью учтиво, любезною улыбкой.

К л е а н т. Сказать по правде, батюшка, я не могу дать обещанье радоваться, что гостья станет мне мачехой, — не хочу солгать, — но, как покорный сын, исполню ваше приказанье и встречу эту юную особу учтиво и радушно.

Гарпагон. Да уж не смей невежничать!

К л е а н т. На это вам не придется жаловаться,

Гарпагон. Ну, смотри ты у меня!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гарпагон, Валер, Жак.

Гарпагон. Валер, помоги-ка мне. Эй, Жак, иди сюда! Я тебя напоследок оставил.

Ж а к. Сударь, с кем изволите говорить — с кучером или с поваром? Ведь я у вас и то и другое.

Гарпагон. С обоими.

Ж а к. А с кем же первым?

Гарпагон. С поваром.

Ж а к. Обождите чуточку. (*Снимает кучерский кафтан и появляется в одежде повара.*)

Гарпагон. Это что еще за представление?

Жак. Я к вашим услугам.

Гарпагон. Жак, нынче у меня званый ужин.

Жак (*в сторону*). Ну и чудеса!

Гарпагон. Скажи-ка, можешь ты повкусней сготовить?

Жак. Могу, только денег давайте побольше.

Гарпагон. Что за дьявол! Вечно эти деньги! У всех одно на языке — деньги, деньги, деньги! Только рот раскроют, сейчас же: «Дайте денег!» Только о деньгах и говорят.

Валер. Ответ дерзкий, Жак. Подумаешь, какая хитрость — сготовить вкусно при больших деньгах! Это всякий дурак сумеет. А ты вот покажи нам настоящее поварское умение — умудрись сготовить вкусно, а потратить мало.

Жак. Сготовить вкусно, а потратить мало?

Валер. Да.

Жак. Господин управитель, будьте столь любезны, научите, откройте свой секрет и состряпайте ужин без меня. Вы и то уж во всякую дыру суете нос.

Гарпагон. Молчи. Что покупать-то надо?

Жак. Спросите управителя. Он умеет по дешевке устраивать пиры.

Гарпагон. Оставь, сам отвечай.

Жак. А на сколько персон готовить?

Гарпагон. За столом нас будет восемь или десять человек. Расчет веди на восемь. Сготовишь на восемь, хватит и на десять.

Валер. Ну, разумеется.

Жак. Значит, четыре перемены. Пять сортов закусок, суп, заливное...

Гарпагон. Черт тебя возьми! Ты хочешь целый город накормить?

Жак. Жаркое...

Гарпагон (*затыкает ему рукой рот*). Ах, предатель! Все мое добро замыслил проесть?

Жак. Рыба...

Гарпагон (*опять затыкает ему рот*). Еще что?

Валер. Ты намерен гостей уморить обжорством? Из-за тебя хозяин убийцей станет! Ступай прочти-ка «Правила здоровья» — узнаешь, что доктора считают самым вредным делом объедаться.

Гарпагон. Золотые слова!

Валер. Жак, тебе и всем твоим братьям надо крепко помнить, что изобильный стол, мясные блюда, пироги — смертельная отравка. Если хозяин хочет добра своим гостям, у него на ужинах и на обедах должна царить умеренность. Недаром в древности некий мудрец изрек: есть надо для того, чтобы жить, а жить не для того, чтобы есть.

Гарпагон. Ах, умница! Подойди, Валер, дай обниму

тебя. Драгоценные слова! Я никогда еще не слышал более прекрасного изречения! Жить надо, чтобы есть, а не есть, чтобы... Нет, не то... Как ты сказал?

Валер. Есть надо для того, чтобы жить, а жить не для того, чтобы есть.

Гарпагон (*Жак*). Вот, вот! Слышал? (*Валеру.*) Какой же это великий муж изрек столь мудрые слова?

Валер. Уж я теперь и позабыл.

Гарпагон. Пожалуйста, запиши мне их. Я велю эти слова золотыми буквами начертать на стене у себя в столовой.

Валер. Непременно. А ужин предоставьте моим заботам. Я все устрою должным образом.

Гарпагон. Постарайся, друг.

Жак. Ну и хорошо. Мне работы меньше.

Гарпагон (*Валеру*). Закажи такие кушанья, которых много не съешь. Ну, скажем, баранины кусок, и чтобы он весь заплыл жиром, да паштет с каштанами¹.

Валер. Положитесь на меня.

Гарпагон. Жак, надобно карету помыть.

Жак. Обождите чуточку, это относится к кучеру. (*Снова надевает кучерский кафтан.*) Что прикажете?

Гарпагон. Помой карету, говорю. На ярмарку придется ехать. Лошадей запряги.

Жак. Лошадей запрячь? Да они, бедняги, на ногах не держатся. Лежат в конюшне,— не стану лгать: не на подстилке, нет,— для подстилки вы соломы не даете. Лошади ваши каждый день постятся, отощали, еле живы. На лошадей-то не похожи! Скелеты, тени, призраки!

Гарпагон. С чего бы им тощать? Гоньбой я их не утруждаю.

Жак. С гоньбой или без гоньбы, а есть-то каждый день надо. Лучше бы они работали и ели досыта. У меня вот сердце разрывается глядеть на них, потому как я люблю лошадок. Право, я как будто вместе с ними мучаюсь от голодовки. Я сам недоедаю, им свой хлеб отдаю. Кто не жалеет бедную скотинку, у того, значит, сердце корой обросло и очерствело!

Гарпагон. Невелик труд — карету довести до ярмарки.

Жак. Нет уж, сударь, у меня не хватит духу их запрячь и рука не поднимется кнутом их погонять. Да где же им тянуть карету! Они и собственные ноги еле волокут.

Валер (*Гарпагону*). Не тревожьтесь, сударь, я попрошу соседа Пикара сесть на козлы, и он же к вечеру поможет нам сготовить ужин.

Жак. Пусть уж лучше от его руки лошадки сдохнут, чем от моей.

¹ Гарпагон советует положить в паштет дешевые каштаны вместо печени.

Валер. Жак, не умничай.

Жак. Управитель, не подлизывайся!

Гарпагон. Эй, тише!

Жак. Сударь, я терпеть не могу льстецов и подхалимов. Я-то вижу, куда он гнет, зачем он учитывает, сколько вышло хлеба и вина, дров, соли и свечей,— все для того, чтобы к вам подмазаться. Он меня просто бесит! Досадно, сударь, всякий день слушать, что люди-то про вас толкуют. Хотя мне и плохо у вас живется, а все-таки я к вам привязан: после лошадей вы у меня в сердце на первом месте.

Гарпагон. А что же про меня толкуют? Нельзя ли узнать?

Жак. Можно, сударь. Да боюсь, рассердитесь.

Гарпагон. Ну вот еще! Не стану я сердиться.

Жак. Нет уж, знаю, что рассердитесь.

Гарпагон. Нисколько. Сделай милость, расскажи, я буду доволен. Мне любопытно знать, как про меня судачат.

Жак. Ну, коли вам желательно узнать, скажу по правде: все вас на смех поднимают, потешаются, всяк норовит щипнуть или стегнуть покрепче. Самая у всех любимая забава — сплетать быль с небылицами про вашу скупость. Один придумал, будто по вашему заказу для вас отпечатали особый календарь, и в нем число больших постов и постных дней указано вдвойне, чтобы ваши домохозяды поменьше ели, по хозяйскому указу. Другой при-сочинил, что в Новый год или когда ваши слуги от вас уходят, вы нарочно заводите ссору, чтобы придраться и никаких подарков им не дарить. Третий говорит, что вы на соседскую кошку в суд подали за то, что кошка-блудня утащила у вас из кладовой объедки со стола. А четвертый всем твердит, что как-то ночью вы забрались в конюшню, хотели своровать овес у своих собственных лошадок. А кучер — тот, что до меня служил, — вас впотьмах не узнал и отдубасил палкой, а вы от стыда смолчали. И если уж на то пошло, напрямик скажу: мне на люди стыдно показаться — везде-то вас срамят, ругательски ругают. Вы стали посмешищем. Такие басни про вас рассказывают — слушать тошно. А как честят-то вас — скаред, жмот, сквальга, жадина и лихоимец!

Гарпагон (*бьет Жака*). Ах ты, осел, болван, наглец и плут!

Жак. Ну, вот. Ведь я же говорил, а вы и верить не хотели. Я же говорил, что правда вам придется не по вкусу,

Гарпагон. Разговаривать сначала научись!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Валер, Жак.

Валер (*смеясь*). Видишь, Жак, — за откровенность плохо платят!

Жак. Эй ты, втируша! Нечего нос задирать. Не суйся не

в свои дела. Погоди чужой беде смеяться. Сам получишь таску, тогда и смейся.

Валер. Дядюшка Жак, пожалуйста, не гневайся!

Жак (*в сторону*). Ага, побавил спеси! Наберусь храбрости и, если он такой дурак, что струсит, хорошенько намну ему бока. (*Громко.*) Эй, послушай, пересмешишь, со мной шутки плохи! Я над собой не позволю смеяться. Лучше не дразни, а не то поиному засмеешься. (*Угрожающе наступает на Валера, тот пятится от него.*)

Валер. Ну, ну, потише!

Жак. Это еще что? «Потише»? Я вот покажу тебе!

Валер. Осторожней!

Жак. Нахал ты этакий!

Валер. Господин Жак!

Жак. Не умаслишь! Господин Жак тебе ни капельки не верит. Вот возьму палку да начну тебя охаживать!

Валер. Что? Палку? (*В свою очередь наступает на Жака.*)

Жак (*пятится от него*). Да я ничего!..

Валер. Ах ты хвастун! Да я тебя сам могу палкой вздуть.

Жак. Верю, верю!

Валер. Поваришка несчастный!

Жак. Простите, сударь.

Валер. Ну? Где твоя палка?

Жак. Я пошутил.

Валер. Я до этих шуток не охотник. (*Бьет Жака палкой.*) Будешь теперь знать, как со мной шутить! (*Уходит.*)

Жак (*один*). Вот и говори тут правду! Ну ее ко всем чертям! Невыгодное дело. Теперь зарекусь и больше ни слова правды не скажу. Хозяин отколотит — еще куда ни шло. А уж управитель!.. Погоди, я тебе отплачу!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Марiana, Фрозина, Жак.

Фрозина. Жак, дома хозяин, не знаешь?

Жак. Ох, знаю, очень даже знаю. Дома.

Фрозина. Ступай, друг, доложи о нас.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Марiana, Фрозина.

Марiana. Ах, Фрозина, я в смятении! Не знаю, что со мною! Право, я так боюсь этого свиданья!

Фрозина. Да почему? Чего вы всполошились?

Марiana. Ах, не спрашивай! Ужели ты не можешь понять, как страшно человеку увидеть орудие пытки, на которую его хотят обречь?

Фрозина. Да чего уж тут, понимаю, мало вам приятного

от пытки с Гарпагоном. Пожалуй, терпеть ее с белокурым юнцом, о котором вы говорили, вам больше по душе.

Мариана. Да, Фрозина, не стану отпираться — он у нас бывал и, признаюсь, почтительным, любезным обращением поправился мне.

Фрозина. А кто же он такой? Вы знаете?

Мариана. Нет, ничего о нем не знаю. Знаю только, что он так мил и так хорош, что его нельзя не полюбить. И если б я могла выбирать по сердцу, я бы выбрала только его. Вот потому-то мне и кажется жестокой пыткой жизнь с другим супругом, которому меня хотят отдать.

Фрозина. Ах ты, господи! Белокурые юнцы всегда любезны девушкам и все умеют сладко петь. Да вот беда — в кошельке-то у них пусто. Старый да богатый муж будет повыгоднее. Конечно, не очень сладко в супружестве со стариком, да ведь терпеть недолго. Помрет — и ты на воле, бери сердечного дружка в мужья, а уж он за все вознаградит.

Мариана. Ах, боже мой, Фрозина! Как же это! Ждать и желать чей-нибудь кончины, чтобы стать счастливой! А еще смерть возьмет да и обманет!

Фрозина. Полно! Вы идете замуж только с тем условием, чтобы старик поскорее оставил вас молодой вдовой. Так и надо записать в брачном договоре. Если не помрет через три месяца, это с его стороны просто нахальство будет! Ага, вот он сам идет сюда.

Мариана. Ах, Фрозина, какой урод!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Гарпагон, Мариана, Фрозина.

Гарпагон (*делает реверанс Мариане*). Красавица моя, не обессудьте, что я принимаю вас в очках. Я знаю — ваша прелесть в глаза так и бросается. Чтобы разглядеть ее, очков совсем не надобно, но ведь на звезды смотрят в стекла, а я с уверенностью заявляю: вы воистину — звезда! Очаровательная звездочка, прекраснейшая среди звезд, царица в звездном царстве! Фрозина, что же она молчит? Ни слова в ответ и, сдается мне, совсем даже не рада свиданию со мной?

Фрозина. Оробела и еще не оправилась. К тому же не забывайте: девичья-то стыдливость не дает сразу признаться в своих чувствах.

Гарпагон. Ты права. (*Мариане*.) Душенька, красавица, а вот моя дочь, позвольте вам представить.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Гарпагон, Элиза, Мариана, Фрозина.

Мариана (*Элизе*). Сударыня, прошу вас, извините, что я с запозданием нанесла вам визит,

Элиза. Ах, что вы! Я первая должна была прийти к вам познакомиться.

Гарпагон (*Мариане*). Видите, какая длинная выросла, да толку мало. Дурная трава вверх тянется.

Мариана (*Фрозине тихо*). Какой противный!

Гарпагон (*Фрозине тихо*). Что моя красавица сказала?

Фрозина. «Какой он милый», — говорит.

Гарпагон. Весьма польщен, весьма польщен, очаровательная крошка.

Мариана (*в сторону*). Мерзостный урод!

Гарпагон. Премного благодарен за такое мнение.

Мариана (*в сторону*). Это невыносимо!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Гарпагон, Мариана, Элиза, Клеант, Валер,
Фрозина, Брендавуан.

Гарпагон. А вот мой сын явился вас приветствовать.

Мариана (*Фрозине тихо*). Ах, Фрозина! Какая встреча! Это он! Тот, о котором я тебе говорила.

Фрозина (*Мариане*). Ну и чудеса! Вот приключение!

Гарпагон. Вы, я вижу, удивлены, что у меня такие великовозрастные дети. Не беспокойтесь, скоро я от них обоих отделаюсь.

Клеант (*Мариане*). Сударыня, признаться, я не ожидал увидеть здесь такую гостью. Отец меня немало удивил, когда сказал сегодня о своем намерении...

Мариана. И меня ошеломила эта встреча. Не менее, чем вас. Я ее не ожидала.

Клеант. По правде говоря, батюшка сделал превосходный выбор. Видеть вас — и честь и удовольствие. Но все же я не стану уверять вас, что радуюсь намерению отца. Я совсем не желаю называть вас своей мачехой, и, признаюсь, мне очень трудно принести вам поздравления. Быть может, мои слова кому-нибудь покажутся грубостью, но я убежден, что вы их поймете как должно. Вы, конечно, представляете себе, как этот брак мне ненавистен. Зная, кто я такой, вы догадаетесь, как он оскорбляет мои чувства. Словом, с дозволения батюшки, я скажу, что, будь моя воля, никогда бы этого не случилось.

Гарпагон. Вот это называется поздравил! Отличился! Заслуживаешь хорошей отповеди!

Мариана. А я в ответ скажу, что мы с вами сравнились в чувствах. Если вам, сударь, ненавистно именовать меня мачехой, — поверьте, мне не менее противно называть вас своим пасынком. Пожалуйста, не думайте, что я сама решила причинить вам огорчение. Мне очень грустно быть виновницей вашего не-

счастья. Если бы не родительская власть, которой я обязана повиноваться,— даю вам слово, никогда бы я не согласилась на этот брак, не стала бы вас печалить.

Гарпагон. Так ему и надо! На глупые речи — глупый ответ. Прошу у вас, красавица, прощения за дерзость моего сына. Мальчишка! Пустомеля! Сам не знает, что говорит.

Мариана. Нет, право, я нисколько не в обиде. Напротив, ваш сын доставил мне приятность правдивым изъяснением своих чувств. Я рада его откровенности, и если б он сказал иное, я бы меньше питала к нему уважения.

Гарпагон. Вы хотите по доброте сердечной смягчить его вину. Со временем он образумится — вот увидите — и чувства у него изменятся.

Клеант. Нет, батюшка, в этом я не способен измениться. Настоятельно прошу вас, сударыня, поверить мне.

Гарпагон. Да что ж это такое! Совсем с ума сошел.

Клеант. Вы хотите, чтобы я сердцу своему изменил?

Гарпагон. Опять? Не угодно ли переменить разговор?

Клеант. Отлично. Если вы желаете, чтобы я повел иные речи, разрешите мне, сударыня, говорить от имени отца, и я тогда скажу, что в жизни еще не встречал столь прелестной особы, как вы. Я считаю великой честью понравиться вам, а стать вашим супругом — удел столь славный и блаженный, что я бы не променял его на монарший трон. Да, сударыня, счастье обладать вами в моих глазах дороже всех сокровищ мира, только к нему я и стремлюсь. Нет ничего на свете, чего бы я не совершил ради столь драгоценной победы, нет препятствий, которых я...

Гарпагон. Ну, довольно. Занесся!

Клеант. Я за вас произношу приветственную речь.

Гарпагон. У меня, слава богу, у самого есть язык, мне такой доверенный совсем не надобен. Эй, слуги, кресла!

Фрозина. Нет, лучше мы сейчас поедem на ярмарку и пораньше к вам вернемся. Вот тогда и объясняйтесь вволю.

Гарпагон (*Брендавуану*). Заложить карету.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Гарпагон, Мариана, Элиза, Клеант, Валер, Фрозина.

Гарпагон (*Мариане*). Извините, душенька, в суете я позабыл угостить вас чем-нибудь перед прогулкой.

Клеант. Не тревожьтесь, батюшка, я уже распорядился. Сейчас нам принесут мандаринов, апельсинов, варенья. Я посижу в лавку.

Гарпагон (*Валеру тихо*). Валер!

Валер (*Гарпагону*). Он с ума сошел!

Клеант. Мало, батюшка? Конечно, мало. Но, надеюсь, наша гостья извинит нас.

Мариана. Напрасно вы беспокоились.

Клеант. Сударыня, взгляните, как у батюшки в перстне сверкает брильянт. Вам нравится?

Мариана. Да, в самом деле дивная игра!

Клеант (*снимает перстень с руки Гарпагона и подает его Мариане*). А вы поближе рассмотрите.

Мариана. Прекрасный брильянт! Так и горит огнями. (*Хочет возвратить Гарпагону перстень.*)

Клеант (*загораживает ей дорогу*). Ну уж нет, сударыня, оставьте его себе. Прелестной ручке он больше подходит. Отец решил подарить его вам.

Гарпагон. Я?

Клеант. Не правда ли, батюшка, вам очень хочется преподнести этот перстень в залог любви?

Гарпагон (*тихо сыну*). Что ты мелешь!

Клеант (*Мариане*). Да что я у него спрашиваю! Смотрите, он сам показывает знаками, чтобы я уговорил вас.

Мариана. Нет, нет, не надо!

Клеант. Помилуйте, отец не возьмет подарок обратно.

Гарпагон (*в сторону*). Я в бешенстве.

Мариана. Это неудобно...

Клеант (*не дает Мариане вернуть перстень*). Ну, пожалуйста, возьмите. Батюшка обидится.

Мариана. Право, неудобно...

Клеант. Ничуть.

Гарпагон (*в сторону*). Вот дьявол!

Клеант. Видите, он сердится.

Гарпагон (*тихо сыну*). Ах негодяй!

Клеант (*Мариане*). Смотрите — он в отчаянии.

Гарпагон (*тихо сыну, грозя ему кулаком*). Ну, погоди, мучитель!

Клеант. Батюшка, я, ей-богу, не виноват. Я так упрямлюсь, а она упрямится.

Гарпагон (*тихо сыну, грозя ему*). Повесить тебя мало!

Клеант. Ну вот, сударыня! Отец на меня разгневался, а виноваты вы!

Гарпагон (*тихо сыну, с тем же угрожающим жестом*). Мошенник!

Клеант. Сударыня, он захворает! Умоляю, не противьтесь!

Фрозина. Да будет вам чиниться! Возьмите уж перстень, коли вас так просят.

Мариана (*Гарпагону*). Ну хорошо, я приму, но только для того, чтобы вы не обижались. Я возьму не совсем и скоро отдам обратно.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Гарпагон, Мариана, Элиза, Клеант, Валер,
Фрозина, Брендавуан.

Брендавуан. Сударь, к вам кто-то пришел. Поговорить с вами хочет.

Гарпагон. Я занят, пусть придет в другой раз.

Брендавуан. Он говорит, что принес вам деньги.

Гарпагон (*Мариане*). Прошу прощенья, я сейчас вернусь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Гарпагон, Мариана, Элиза, Клеант, Валер,
Фрозина, Ламерлюш.

Ламерлюш (*вбегая стремглав, сбивает с ног Гарпагона*). Сударь!..

Гарпагон. Ох, смерть моя!

Клеант. Что с вами, батюшка? Вы ушиблись?

Гарпагон. Наверняка злодей подкуплен моими должниками. Денег ему дали, чтобы он сломал мне шею!

Валер (*Гарпагону*). Не беспокойтесь, все пройдет.

Ламерлюш (*Гарпагону*). Сударь, простите! Я очень спешил. Думал, дело важное...

Гарпагон. Какое дело? Говори, чудовище!

Ламерлюш. Лошади-то обе расковались.

Гарпагон. Веди сейчас же к кузнецу.

Клеант. А пока их подкуют, я, батюшка, буду хозяином, провожу гостей в сад и велю подать туда угощение.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Гарпагон, Валер.

Гарпагон. Валер, приглядывай: как бы все не съели! Спаси как можно больше. Что останется, все в лавку отошли обратно.

Валер. Будет сделано. (*Уходит.*)

Гарпагон (*один*). Ах, дерзкий сын! Ах, разоритель!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Клеант, Мариана, Элиза, Фрозина.

Клеант. Войдемте сюда. Здесь нам будет гораздо лучше — скому подглядывать, подслушивать. Мы поговорим на свободе.

Элиза. Мариана, мне брат признался, что он вас страстно любит. Я-то понимаю, какие горести и муки приносят подобные

препятствия. Поверьте, ваши злоключения внушают мне глубокое участие.

Мариана. Ваше участие для меня — сладостное утешение. Умоляю вас, Элиза, будьте мне всегда великодушным другом, мне легче будет вынести жестокий свой удел!

Фрозина. И какие же вы оба несчастные! Ну что бы вам сказать мне раньше! Зачем таились? Уж я б от вас отвела напасть, уж я бы не допустила.

Клеант. Что поделаешь! Верно, судьба моя такая! Мариана, милая, как же вы решаете?

Мариана. Да разве я могу решать? Все зависит от матушкиной воли. Я только желать могу.

Клеант. Только? И никакой иной поддержки я не найду в вашем сердце? Ужели у вас нет хотя бы простой жалости ко мне? Докажите свою приязнь на деле!

Мариана. Легко вам говорить! А поставьте себя на мое место! Подумайте, что я могу сделать? Решайте сами, я вас слушаюсь. Я вам верю, вы благородный человек и не потребуете ничего такого, чего не позволяют честь и приличия.

Клеант. Вот как! Вы хотите связать мне руки правилами строгого приличия и благонравия. А что же мне остается делать в этих путах?

Мариана. Но как же мне быть? Даже если б я посмела переступить через запреты — а их для девушек так много! — то дочерний свой долг я не могу нарушить. Мать, воспитавшую меня с глубокой, нежной любовью, я не стану огорчать. Вы — мужчина, действуйте смелей, приложите все усилия, чтобы добиться от матушки согласия. Разрешаю вам и говорить и делать все, что вы найдете нужным. А если матушкин ответ будет зависеть от меня, я ей сама скажу, я своих чувств скрывать не буду.

Клеант. Голубушка Фрозина, ты нам поможешь?

Фрозина. Нечего и спрашивать. Всей душой готова помочь. У меня уж от природы такой нрав. Очень я жалостливая. Сердце у меня, по воле неба, не каменное. Когда у парочки любовь хорошая, честная, я рада услужить. А ну-ка, что бы нам тут сделать?

Клеант. Придумай!

Мариана. Научи!

Элиза. Напутала, теперь распутывай.

Фрозина. Трудно. (*Мариане.*) Ваша матушка — неглупая женщина; ее, пожалуй, можно убедить, что сын-то, мол, отца не хуже. (*Клеанту.*) Да вот беда, отец-то — ваш отец.

Клеант. Понятно, мой.

Фрозина. А значит, с досады, что ему отказано, он и не позволит вам на ней жениться. Не даст согласия — и конец! Надо сделать так, чтобы он по доброй воле отступился от Марианы, как-нибудь подстроить, чтобы она ему разонравилась.

Клеант. Верно!

Фрозина. Сама знаю, что верно. А как это сделать? Вот дьявольщина! Какой бы нам подвести подкуп? Погодите, придумаю! Подыскать бы такую женщину, в летах да ловкую, как я, и пусть бы она изобразила перед ним знатную особу. Мы ей живым манером достанем слуг, придумаем ей чудное имя, будто бы она маркиза или виконтесса — ну, хоть бы из Нижней Бретани. Уж я сумею вашего отца уверить, что она богачка — сто тысяч эку приданого, не считая собственных домов, — и будто бы она влюбилась без памяти в господина Гарпагона, спит и видит, как бы замуж за него выйти, даже все свое добро согласна за ним записать при заключении брачного договора. Не беспокойтесь, он развесит уши, и я ее сосватаю. Он Мариану любит, ничего не скажешь, но деньги любит немножечко сильнее. А когда мы его одурачим приманкой — ваше дело в шляпе: он даст вам дозволение жениться и пусть себе потом кусает локти, когда решит проворить капиталы своей маркизы.

Клеант. Очень хорошо придумано!

Фрозина. Вот так мы и спроворим. Я вспомнила: есть у меня одна приятельница, как раз для такой забавы подходящая.

Клеант. Фрозина, если выйдет дело, я тебя озолочу. А нам, дорогая Мариана, прежде всего надо уговорить вашу матушку. Всего важнее расстроить задуманный брак. Милая моя, приложите все усилия, ничего не упустите: взывайте к материнской нежности, воспользуйтесь могуществом очарования, которым небо наделило ваш взор и ваши речи, просите, умоляйте, ласкайтесь, растрогайте ее — и, я уверен, она уступит.

Мариана. Я все, все сделаю, что можно. Ничего не упущу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гарпагон, Клеант, Мариана, Элиза, Фрозина.

Гарпагон (*никем не замеченный, в сторону*). Это еще что! Мой сын целует ручки у будущей мачехи, а будущая мачеха не очень-то противится. Нет ли тут обмана?

Элиза. Батюшка!

Гарпагон. Карету подали. Можно ехать, ежели угодно.

Клеант. Вы, батюшка, не собирались на ярмарку, так я их провожу.

Гарпагон. Оставайся дома, обойдутся и без тебя, Ты мне нужен.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Клеант, Гарпагон.

Гарпагон. Послушай, если оставить в стороне, что она твоя будущая мачеха, какого ты о ней мнения?

Клеант. Какого мнения?

Гарпагон. Ну да, как она себя держит, красива ли, стройна, умна?

Клеант. Да что ж сказать...

Гарпагон. А все-таки?

Клеант. Откровенно говоря, я иного ожидал. Манеры у нее самые жеманные, а неуклюжа, неловка, красоты особой нет, да и ума что-то не видно. Вы не подумайте, я не хочу вас разочаровывать: она или другая будет моей мачехой — мне все равно.

Гарпагон. А что ты давеча ей говорил?

Клеант. Я сказал ей несколько любезностей от вашего имени и вам в угодю.

Гарпагон. Так она тебе совсем не нравится?

Клеант. Мне? Ни капельки.

Гарпагон. Жаль! Экая досада! А то мне хорошая мысль пришла. Я прикинул, взвесил, вспомнил про свои годы и думаю, пожалуй, люди осудят — старик, а вздумал жениться на молодой. И я было решил бросить эту затею. Но так как я просил ее руки и уже связан словом, то, не будь она тебе противна, я бы уступил ее тебе.

Клеант. Мне?

Гарпагон. Тебе.

Клеант. В жены?

Гарпагон. В жены.

Клеант. Что ж, батюшка. Она мне, правда, не очень-то по вкусу, но ради вас, если вы желаете, я готов на ней жениться.

Гарпагон. Да нет, зачем же мне тебя неволить. Я не такой уж самодур, как ты воображаешь.

Клеант. Да что ж, из уважения к вам я сам себя согласен приневолить.

Гарпагон. Полно! Какой же это выйдет брак? Раз нет сердечной склонности — и счастья не будет.

Клеант. А, может быть, когда женюсь, и склонность придет. Говорят, так бывает: терпится — слюбится.

Гарпагон. Нет, для мужчины это не годится, тут могут быть плачевные последствия, я ни за что на это не пойду. Вот если бы ты чувствовал хоть маленькую склонность к этой девице, ну, тогда бы в добрый час: женись вместо меня! Но коли нету склонности, я останусь при своем намерении и сам женюсь на ней.

Клеант. Ну, раз на то пошло, я не стану больше таиться и открою свое сердце. Скажу всю правду. Я люблю ее и полюбил давно — с тех пор, как в первый раз увидел ее на прогулке. Хотел просить у вас дозволения жениться на ней, да не посмел, побоялся вашего гнева, когда вы объявили нам свое намерение.

Гарпагон. Ты у нее бывал?

Клеант. Да, батюшка.

Гарпагон. И часто?

Клеант. Довольно часто.

Гарпагон. Как тебя принимали?

Клеант. Радужно. Но они не знали, кто я такой. Поэтому Мариана так и растерялась сегодня, когда меня увидела.

Гарпагон. Ты что же, в любви ей объяснился? Просил руки?

Клеант. Конечно. Я и матери уже намекал.

Гарпагон. А как она встретила твои намеки?

Клеант. Благожелательно.

Гарпагон. А дочка? Отвечает тебе взаимностью?

Клеант. Если верить внешним признакам, пожалуй, отвечает, батюшка.

Гарпагон (*в сторону*). Ага, открылась тайна! Очень рад. Мне только этого и надо было. (*Громко.*) Ну-с, довольно! Послушай-ка теперь меня, сынок любезный. Изволь немедленно выкинуть из головы любовный бред. Моя невеста не про тебя писана! Ты женишься на той, кого я тебе предназначил.

Клеант. Как, батюшка! Вы мной играли? Хорошо же! Если так, запомните: я от своей любви не отрекусь. Мариана будет моей женой, я решусь на любую крайность, но вам ее не уступлю. На вашей стороне согласие матери, а я, быть может, в ком-нибудь другом найду поддержку.

Гарпагон. Ах ты, негодяй! Ты смеешь со мной соперничать?

Клеант. Не я, а вы хотите со мной соперничать. Я первый ее полюбил.

Гарпагон. Я тебе отец. Ты обязан почитать меня, во всем мне уступать.

Клеант. О, только уж не в этом! Перед любовью отец и сын равны. Любовь таких правил не знает.

Гарпагон. Любовь не знает, а вот ты узнаешь. Палкой тебя вразумлю.

Клеант. Никакие угрозы меня не устрашат.

Гарпагон. Эй, лучше отступись!

Клеант. Ни за что на свете!

Гарпагон. Палку! Подайте палку!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, Клеант, Жак.

Жак. Э-э, господа! Что это вы затеяли?

Клеант. Наплевать мне на него!

Жак (*Клеанту*). Тише, тише, сударь!

Гарпагон. Наглец! Ты смеешь так говорить со мной?

Жак (*Гарпагону*). Ах, сударь, успокойтесь!

Клеант. Все равно не отступлю.

Жак (*Клеанту*). На родного отца руку поднимать?

Гарпагон (*Жаку*). Пусти меня!

Жак (*Гарпагону*). Что вы! Родного сына бить? Ну ладно бы — меня...

Гарпагон. Жак, рассуди нас, скажи, прав я или нет?

Жак. Ладно, согласен. (*Клеанту*.) Отойдите малость.

Гарпагон. Я полюбил одну девушку, хочу на ней жениться, а вот этот негодяй тоже смеет ее любить, тоже домогается ее руки и, вопреки моему приказу, не желает мне уступить дорогу. Это ли не наглость?

Жак. Да уж... Нехорошо!

Гарпагон. Разве это не ужасно? Сын вздумал соперничать с отцом! Разве он не обязан из уважения к отцу уступить мне?

Жак. Верно, верно. Дайте-ка я с ним поговорю. А вы вот здесь постойте. (*Подходит к Клеанту*.)

Клеант. Он тебя избрал судьей? Прекрасно. Я согласен. Ты или другой, мне все равно. Я тебе все расскажу. Рассуди нас.

Жак. Много чести для меня.

Клеант. Я влюблен. Девушка отвечает мне взаимностью, дала мне слово, а батюшка задумал нас погубить, сам хочет на ней жениться!

Жак. Нехорошо, нехорошо!

Клеант. Не стыдно ли ему в такие годы думать о женитьбе! Влюбленность старикам не пристала. Пусть он предоставит это дело людям молодым.

Жак. Верно, верно. Ишь, какой проказник! Дайте-ка я с ним поговорю. (*Подходит к Гарпагону*.) Ваш сын, ей-богу, не такой уж сумасброд, как вы мне рассказали. Он одумался и говорит: «Я знаю, что должен почитать родителя. Я погорячился, но из отцовской воли не выйду. Как отец прикажет, так и сделаю. Пусть он только будет со мной поласковее да невесту выберет мне хорошую».

Гарпагон. Ага, вот как заговорил! Тогда, Жак, передай ему, что он может на меня надеяться. Я ему позволю жениться на ком угодно, кроме Марианы.

Жак. Ладно, ладно. (*Подходит к Клеанту*.) Ваш батюшка не так уж безрассуден, как вы думаете. Он мне сказал, что вы его разгневали своей горячностью. Только за то он на вас и сердится. Но он совсем не хочет вам перечить и сделает по-вашему, лишь бы вы не ярились, а говорили с ним кротко и почтительно, как подобает сыну говорить с отцом.

Клеант. Скажи ему, пожалуйста: пусть отдаст мне Мариану, и тогда я дам клятвенное обещание быть для него покорным сыном и никогда ни в чем не стану ему прекословить.

Жак (*Гарпагону*). Готово. Он на все согласен.

Гарпагон. Ну, давно бы так!

Жак (*Клеанту*). Все уладилось. Отец вашим обещанием доволен.

Клеант. Ах, слава богу!

Жак. А теперь поговорите меж собой. Теперь у вас согласие, мир. Ведь у вас и ссора вышла только оттого, что вы друг друга не поняли.

Клеант. Жак, голубчик, век тебе буду благодарен!

Жак. Не за что, сударь.

Гарпагон. Я тобой доволен, Жак. Ты заслужил награду. *(Роемся в кармане, Жак протягивает руку, но Гарпагон вытаскивает носовой платок.)* Ступай и будь уверен, что я не забуду твоей услуги.

Жак. Покорнейше благодарим.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гарпагон, Клеант.

Клеант. Простите, батюшка. Я вспылел.

Гарпагон. Ничего.

Клеант. Право, мне очень стыдно.

Гарпагон. Очень рад твоему благоразумию.

Клеант. Вы уже забыли мою вину? Спасибо! Как вы добры!

Гарпагон. Раскаянье детей всегда смягчает родительское сердце.

Клеант. И после всех моих неразумных слов у вас не осталось никакой досады?

Гарпагон. Ты ее изгнал, вступив на путь почтительной покорности.

Клеант. Батюшка, до гроба буду помнить о вашей доброте!

Гарпагон. А я любую твою просьбу исполню.

Клеант. Батюшка, чего же мне теперь просить! Вы отдали мне Мариану, и больше мне ничего не надо!

Гарпагон. Что?

Клеант. Я так вам благодарен! Вы были так великодушны, что согласились на мой брак с Марианой,— теперь все мои желания исполнены.

Гарпагон. Кто тебе сказал, что я согласился на твой брак с Марианой?

Клеант. Вы, батюшка.

Гарпагон. Я?

Клеант. Конечно, вы.

Гарпагон. Как! Ведь ты же дал мне слово отказаться от нее,

Клеант. Я? Отказаться от нее?

Гарпагон. Да.

Клеант. Ни за что.

Гарпагон. Так ты не отступил?

Клеант. Напротив, приступлю еще сильнее.

Гарпагон. Ты опять за старое, бездельник?

Клеант. За старое, по-новому!
Гарпагон. Ну, я проучу тебя!
Клеант. Что хотите делайте.
Гарпагон. Не смей мне на глаза являться.
Клеант. Вот и хорошо.
Гарпагон. Отрекаюсь от тебя!
Клеант. Пожалуйста.
Гарпагон. Ты мне больше не сын!
Клеант. Прекрасно.
Гарпагон. Лишаю тебя наследства!
Клеант. Как угодно.
Гарпагон. Проклинаю тебя!
Клеант. Какие щедрые отцовские дары!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клеант, Лафлеш.

Лафлеш (*вбегает из сада со шкатулкой в руках*). Ах, сударь, хорошо, что я вас встретил! Скорей, скорей! Идемте!

Клеант. Что случилось?

Лафлеш. Идемте, говорю. Мы одолели!

Клеант. Как так?

Лафлеш. Вот она — победа! (*Показывает шкатулку*.)

Клеант. Что с тобой?

Лафлеш. Искал, подстерегал и наконец нашел!

Клеант. Да что такое?

Лафлеш. Деньги! У господина Гарпагона кубышку утащил!

Клеант. Как ты это сделал?

Лафлеш. Сейчас узнаете. Бежим отсюда. Слышите — кричит?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Гарпагон кричит еще в саду.

Гарпагон. Воры! Воры! (*Вбегает на сцену*.) Держите вора! Грабителя! Убийцу! Гром небесный, порази преступника! Все погибло. Убили, зарезали, деньги у меня украли! Кто украл? Куда он делся? Где спрятался? Как его найти? Куда бежать? Или не надо бежать? Не там ли он? Не здесь ли? Кто это? Стой! (*Хватает себя за руку*.) Отдай мою казну, мерзавец! Ах, да это я сам! В голове мутится. Не знаю, где я, кто я, что делаю. Деньги, деньги мои бедные, голубчики родные, друзья бесценные! Похитили вас у меня! Отняли мою опору, утешение мое, мою отраду! Что мне делать теперь в этом мире? Зачем мне теперь жить? Все кончено! Ох, смерть моя пришла! Умираю, умер, погребен, зарыт

в могилу. Ужели никто меня не воскресит? Спасите, верните деньги или хоть откройте, кто украл! А? Что вы говорите? Почудилось — нет никого. Но кто бы ни украл, проклятый выследил так ловко, подстерег и улучил минуту, когда я с негодяем сыном вступил в спор! Пойду! Пойду скорей искать управы! Всех на допрос — служанок, слуг, и дочь, и сына, и меня самого. Что это? Зачем тут народ собрался? Сколько их?¹ На этого взгляну или на того — всех подозреваю, в каждом вижу вора! О чем-то говорят! Вы о ком речь ведете? Не о том ли, кто меня ограбил, погубил? Что за шум там, наверху? Может быть, там вор? Помилосердствуйте! Если что-нибудь слышали, знаете о воре, умоляю — не таите, скажите мне. Может быть, он меж вами прячется? Что они так смотрят на меня? И все смеются. А-а, вот вы как! Сообщники! Вместе с ним воровали! Скорее за полицией, за комиссаром, за приставами, судьями! Всех пытать, на виселицу вздернуть! Эй, палача сюда! Всех перевешаю, а если денег не найду, повешусь сам!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гарпагон, комиссар.

Комиссар. Не суетитесь, не мешайте. Я, слава богу, свое дело знаю. Не первый день им занимаюсь, раскрою кражу. Я воров немало на виселицу отправил, — хорошо бы мне столько же накопить мешочков с деньгами, по тыщонке в каждом.

Гарпагон. Все судейские должны в это дело вмешаться. А если не найдут денег, я и суд притяну к ответу.

Комиссар. Надобно все по порядку. Произведем дознание. Сколько, говорите, в шкатулке было?

Гарпагон. Десять тысяч золотых. Считаны и пересчитаны.

Комиссар. Десять тысяч золотых?

Гарпагон. Десять тысяч!

Комиссар. Значительная кража.

Гарпагон. Какою казнью ни казнить за такое злодеяние — все будет мало. А если оно безнаказанным останется, значит, у нас не умеют оградить самое священное.

Комиссар. В каких монетах была вышеуказанная сумма?

Гарпагон. В луидорах и в пистолях. Новенькие, полновесные!

Комиссар. Кого подозреваете?

Гарпагон. Всех! Арестуйте весь город, все предместья!

Комиссар. Поверьте мне, не надо никого пугать. Осторожно, потихоньку соберем улики и, когда воров обнаружим, накажем их по всей строгости закона, а похищенное отберем.

¹ Эти слова Гарпагон произносит, глядя в зрительный зал.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гарпагон, комиссар, Жак.

Жак (*в глубине сцены; говорит, повернувшись к двери, в которую вошел*). Я сейчас вернусь. А вы тем временем зарежьте его, подпалите ноги и в кипятилок его, а потом под потолком повесить.

Гарпагон. Кого повесить? Вора?

Жак. Поросенок молочного. Ваш управитель сейчас прислал, так я хочу этого поросенка на ужин приготовить по собственному способу.

Гарпагон. Ах, не об этом речь! Иди сюда, тебя тут кой о чем хотят спросить.

Комиссар (*Жаку*). Не бойтесь, я человек не злой, не обижу вас, и мы столкуемся.

Жак. Вы на ужин к нам?

Комиссар. Друг мой, от хозяина ничего нельзя скрывать.

Жак. Не беспокойтесь, сударь,— все свое умение покажу и постараюсь повкуснее угостить вас.

Гарпагон. Да не в этом дело!

Жак. Если кушанья подам не самый лучший сорт — виноват будет наш управитель. Он у нас очень уж бережливый, не дал мне развернуться, подрезал крылья.

Гарпагон. Мошенник! Что мне твой ужин? Скажи скорее о деньгах, которые у меня украли.

Жак. У вас деньги украли?

Гарпагон. Да, грабитель! Отдай сейчас же, а не то тебя повесят.

Комиссар (*Гарпагону*). Ну, зачем стращать? Я вижу по его лицу — он честный малый. Не будем даже в тюрьму его сажать, он и так во всем привнается. Да, друг любезный, если скажете всю правду, вам ничего худого не сделают. Напротив, как и подобает, хозяин вас наградит. Сегодня у него украли деньги. Не может быть, чтобы вы ничего не знали об этой краже.

Жак (*в сторону*). Ну, управитель, теперь держись! Отплату тебе, хозяйскому любимчику, советчику! Ты меня палкой огрел! А палка-то о двух концах!

Гарпагон. Что ты мямлишь? Говори!

Комиссар. Не троньте его. Он подумает, припомнит и все откроет. Я же сказал, он честный малый.

Жак. Сударь, ежели хотите правду знать, так, по-моему, украл ваш милый управитель.

Гарпагон. Валер?

Жак. Он самый.

Гарпагон. Он? А я ему так верил!

Жак. Вот именно. Не иначе, как он.

Гарпагон. А почему же ты на него думаешь?

Жак. Почему?

Гарпагон. Да, почему?

Жак. Да так уж думается.

Комиссар. Постойте, нам надобны улики.

Гарпагон. Ты что же, видел, как он возле моих денег кружил?

Жак. Вот именно кружил. А деньги-то где были?

Гарпагон. В саду.

Жак. Вот именно, видел, как он кружил по саду. А деньги-то в чем были?

Гарпагон. В шкатулке.

Жак. Вот именно. Я видел у него шкатулку.

Гарпагон. А какая шкатулка? Опиши. Я сразу узнаю, моя или не моя.

Жак. Какая?

Гарпагон. Да.

Жак. Ну, шкатулка как шкатулка.

Комиссар. А все-таки? Подробнее опишите.

Жак. Большая.

Гарпагон. А моя — небольшая.

Жак. Вот именно. Сама-то небольшая, а деньги в ней большие, вот я и говорю.

Комиссар. А какого она цвета?

Жак. Какого цвета?

Комиссар. Да.

Жак. Цвета... как он называется-то?

Гарпагон. Ну?

Жак. Красная, что ли?

Гарпагон. Нет, серая.

Жак. Вот именно. Не так чтобы красная, а вроде как серая... бурая.

Гарпагон. Нет ни малейшего сомнения. Наверняка она. Запишите, сударь, запишите его показания. Господи, кому же теперь верить? Ни на кого уж невозможно положиться. Глядишь — и сам себя обкрадешь!

Жак (*Гарпагону*). Сюда управитель идет! Вы, сударь, ему не говорите, что это я все выдал.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гарпагон, комиссар, Валер, Жак.

Гарпагон. Подойди-ка! Признайся в самом черном злодеянии, в самом мерзком преступлении, какого еще свет не видал.

Валер. Что вам угодно, сударь?

Гарпагон. Бессовестный! Ты даже не краснеешь, не стыдишься своего преступления!

Валер. О чем вы говорите? Какое преступление?

Гарпагон. Какое преступление? Будто сам не знаешь! Подумайте! Он будто ни сном, ни духом не виноват! Не отпирайся,

не поможет! Все раскрыто, все известно! Вот чем ты заплатил мне за приют и ласку! Втерся в мой дом и какую штуку выкинул!

Валер. Сударь, раз вам известно, я не стану отпираться и увиливать.

Жак *(в сторону)*. Ого! И не чаял, да угадал!

Валер. Я сам хотел вам сказать и только ждал благоприятных обстоятельств. Но раз уж все раскрылось, умоляю, не гневайтесь, выслушайте мои оправдания.

Гарпагон. Да что ты можешь привести в свое оправдание! Ты подлый вор!

Валер. Ах, сударь, я не заслужил, чтобы меня так называли! Конечно, вы можете считать себя оскорбленным, но, право, моя вина простительна.

Гарпагон. Простительна? Простить такую западню, такое воровское дело!

Валер. Ради бога, не гневайтесь. Выслушайте — и вы увидите: беда не так уж велика, как вы подозреваете.

Гарпагон. Беда не так уж велика? Да за нее тебя повесить мало! Кровное сокровище из нутра вырвал!

Валер. Ваше сокровище не попадет в плохие руки. Не такого из звания человек, чтобы его погубить. Все еще поправить можно.

Гарпагон. Можно? Так скорей, верни скорее то, что ты похитил. Мне больше ничего не надо.

Валер. Ваша честь несколько не страдает, сударь.

Гарпагон. Ах, что там честь! Скажи-ка лучше, что тебя толкнуло на такой поступок?

Валер. Сударь, и вы еще спрашиваете!

Гарпагон. Да, спрашиваю, отвечай!

Валер. Любовь толкнула. Всевластный бог любви.

Гарпагон. Любовь?

Валер. О да!

Гарпагон. Вот так любовь! Ну и любовь! Хороша любовь! Полюбились ему мои луидоры!

Валер. Нет, сударь, вовсе не богатство ваше прельстило меня, не им я был ослеплен. Перед свидетелями заявляю: мне ваших денег не надо, ничего у вас не возьму, оставьте мне только то сокровище, которое я нашел.

Гарпагон. На-ко, выкуси! Иди ты к черту! Так я тебе и оставил! Сокровище он, видите ли, нашел! Украл, а говорит — нашел!

Валер. Вы это называете кражей?

Гарпагон. А что ж, по-твоему? Это ли не кража? Такое сокровище!

Валер. Да, поистине сокровище! Дороже всех ваших богатств. Но вы его не потеряете, если отдадите мне. На коленях молю вас, осчастливьте, подарите мне это милое сокровище, отдайте мне, я буду так его беречь!

Гарпагон. Ишь, что выдумал! Ты спятил?

Валер. Мы друг другу дали слово и поклялись не разлучаться.

Гарпагон. Ох, умора! Ох, смехота! Слово дали, поклялись!

Валер. Наш священный обет нерасторгжим.

Гарпагон. Я его расторгну, не беспокойся.

Валер. Только смерть может нас разлучить.

Гарпагон. Видать, околдовали тебя мои денежки!

Валер. Я уже сказал вам, сударь, не из корысти я так поступил. У меня в сердце были совсем иные побуждения, меня влекло благородное чувство.

Гарпагон. Слышите? Он еще, пожалуй, скажет, что из христианского милосердия задумал присвоить мое добро. Нет, шалишь, мошенник, погоди, грабитель! Я законы знаю, ты перед судом ответишь!

Валер. Воля ваша, действуйте, как вам угодно, я готов снести любую месть. Но прошу вас верить: если тут и есть какой-нибудь проступок — я один в ответе, моя вина, а ваша дочь ни в чем не виновата.

Гарпагон. Ну, еще бы! Было бы очень странно, если б она стала твоей сообщницей. Однако перейдем к делу. Признавайся, где ты ее спрятал?

Валер. Нигде не спрятал. Она дома.

Гарпагон *(в сторону)*. Милая моя шкатулочка! *(Громко.)* Так ты еще не уволок ее из дома?

Валер. Нет, сударь.

Гарпагон. А скажи, ты не того?.. Нисколько на нее не посягнул?

Валер. Я? Посягнуть? Такое подозрение — горькая обида и для нее и для меня. Я пылал к ней любовью столь почтительной...

Гарпагон. Пылал любовью? К моей шкатулке?

Валер. Да я бы лучше умер, чем позволил себе хотя бы помыслы бесчестные! Слишком она разумна и добродетельна, чтобы я дерзнул...

Гарпагон *(в сторону)*. Добродетельна! Шкатулочка моя!

Валер. Я лишь одного хотел — наслаждаться созерцанием ее прелести, и ни одно преступное желание не оскверняло страсть, которую мне внушили ее прекрасные глаза.

Гарпагон *(в сторону)*. Прекрасные глаза моей шкатулки! Он говорит о ней, как влюбленный о своей возлюбленной.

Валер. Ваша служанка Клод знает всю правду, сударь, и может подтвердить мои слова.

Гарпагон. Что? И моя служанка тут замешана?

Валер. Да, сударь, мы при ней дали друг другу слово. Види, что у меня честные намерения, она вступилась и убедила вашу дочь дать мне согласие.

Гарпагон (*в сторону*). Гм... Тюрьмы боятся, от страху заговариваться начал. (*Валеру.*) Слушай, а зачем ты мою дочь сюда припутал?

Валер. Я, сударь, хотел сказать, что лишь с трудом своей любовью победил ее стыдливость.

Гарпагон. Чью стыдливость?

Валер. Вашей дочери. Только вчера она решилась дать согласие, и мы подписали обещание сочетаться браком.

Гарпагон. Обещание сочетаться браком?

Валер. Да, сударь. Она и я, мы оба подписали.

Гарпагон. О господи! Еще одна беда стряслась!

Жак (*комиссару*). Запишите, сударь, запишите.

Гарпагон. Час от часу не легче! (*Комиссару.*) Скорее, сударь! По долгу службы составьте протокол, притяните его к суду как вора и обольстителя.

Жак. Как вора и обольстителя.

Валер. Я не заслужил такого обвинения. И когда станет известно, кто я такой...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гарпагон, Элиза, Мариана, Валер, Фрозина, Жак, комиссар.

Гарпагон. Ах, срамница, ах, недостойная дочь! Не впрок тебе пошли отеческие наставления! Влюбилась в подлого воришку и без моего согласия обручилась с ним! Нет, ошибаетесь! Вы оба поплатитесь! (*Элизе.*) Запру тебя в монастырь. Там, в крепких стенах, тебя устерегут. (*Валеру.*) А ты, бесстыжий проходимец, на виселице покачаешься!

Валер. Вы пристрастный судья, не вам меня судить. По крайней мере меня хоть выслушают перед приговором.

Гарпагон. Я ошибся — тебя не повесят, а колесуют заживо.

Элиза (*бросается к ногам Гарпагона*). Ах, батюшка, сжальтесь, молю вас! Вам дана родительская власть, но не будьте жестоким. Не поддавайтесь первому порыву гнева, подумайте, что вы хотите сделать! Вглядитесь в человека, которого хотите наказать. Он совсем не тот, каким вам представляется. Когда вы узнаете, что, если бы не он, вы давно потеряли бы меня, вам станет более понятно, что я соединила с ним мою судьбу. Да, отец, это он спас меня, когда я тонула в реке, вы ему обязаны жизнью своей дочери, дочери, которая...

Гарпагон. А мне-то что? Лучше бы тебе тогда пойти ко дну, а то теперь вон что этот мошенник натворил!

Элиза. Ради отеческой любви ко мне помилуйте...

Гарпагон. Нет, не помилую, ничего и слушать не хочу. Пусть с ним имеет дело суд.

Жак (*в сторону*). Вот тебе за побой!

Фрозина (*в сторону*). Ну и дела!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ансельм, Гарпагон, Элиза, Мариана, Фрозина,
Валер, комиссар, Жак.

Ансельм (*Гарпагону*). Что случилось, сударь? Я вижу, вы в таком волнении...

Гарпагон. Ох, господин Ансельм! Перед вами несчастнейший из всех людей! Вы пришли для брачного договора? Какой там договор! Убили, зарезали меня! Деньги украли и честь украли! Поглядите-ка на этого разбойника, на этого мерзавца! Пробрался ко мне в дом, в услуженье поступил. Зачем? Чтобы попортить священнейшее право! Выкрал у меня деньги и вдобавок дочку обольстил!

Валер. Вы бредите! Какие деньги? Я о ваших деньгах никогда и не думал.

Гарпагон. Не угодно ли — они друг другу дали слово пожениться! Господин Ансельм, неужто вы снесете такое оскорбление! Тащите его в суд! Вы должны возбудить преследование! Отомстите наглецу за обиду!

Ансельм. Жениться силою я вовсе не намерен. Если девушка отдала сердце другому, я не смею притязать. Но из участия к вам я готов вмешаться и защищать ваши интересы, как свои собственные.

Гарпагон. Вот комиссар, он свою службу знает. (*Указывает на Валера.*) Покрепче составьте обвинение, сударь, так распишите, чтобы преступление было для всех очевидно.

Валер. Какое преступление? Кто может счесть преступлением страстную мою любовь и то, что мы с Элизой дали друг другу слово? Напрасно вы думаете, что меня подвергнут казни, а когда узнают, кто я...

Гарпагон. Да уж знаем, знаем. Слыхали эти сказки! Нынче столько расплодилось благородных мошенников да обманщиков: они пользуются безвестностью своего происхождения и нагло прикрываются первым попавшимся славным именем.

Валер. Да будет вам известно, что мне честность не позволит присвоить чужое имя. Весь Неаполь может засвидетельствовать мое происхождение.

Ансельм. Эй, осторожнее! Подумайте о том, что говорите. Как бы вам не попасть впросак! Я знаю весь Неаполь и могу вывести вас на чистую воду.

Валер (*гордо надевает шляпу*). Мне нечего бояться. И если вам знаком весь Неаполь, вы должны знать дона Томазо д'Альбурчи.

Ансельм. Конечно, знаю. Как же мне его не знать!

Гарпагон. Наплевать мне на ваших донов Томазов, Помазов, Замазов! (*Заметив, что горят две свечи, одну задует.*)

Ансельм. Пойдите, не перебивайте. Послушаем, что он скажет.

Валер. Ведь это мой отец.

Ансельм. Отец?

Валер. Да, отец.

Ансельм. Полно, не шутите! Придумайте басню поумнее. А этой выдумкой вы никого не обманете и себя не спасете.

Валер. Будьте поучтивей, сударь! Я не лгу и то, что говорю, могу доказать.

Ансельм. Вы сын Томазо д'Альбурчи? Вы осмеливаетесь это утверждать?

Валер. Осмеливаюсь. И перед кем угодно скажу, что это правда.

Ансельм. Неслыханная дерзость! Сейчас я вас разоблачу. Знайте же, шестнадцать лет назад, и даже более, человек, о котором вы говорите, погиб в море вместе с женою и детьми, когда бежал из Неаполя во время беспорядков, спасаясь от преследований, как и многие знатные семейства¹.

Валер. Правильно. Но сейчас я вас опровергну. Знайте же, что сын его, семилетний ребенок, вместе со своим дядькой был спасен испанским кораблем, и этот сын спасенный — я, тот самый, кто с вами говорит. Знайте, что капитан-спаситель пожалел несчастного ребенка, взял его к себе и воспитал, как своего родного сына. Лишь только я пришел в возраст, я избрал себе воинское поприще. Вскоре мне стало известно, что мой отец, которого все считали умершим, остался жив. Я отправился его разыскивать и, приехав в этот край, по воле случая встретил здесь прелестную Элизу. С первого мгновенья я был очарован и стал ее рабом. Страстная любовь к Элизе и суровость господина Гарпагона побудили меня проникнуть в этот дом под видом управителя. Я тут остался и послал людей на розыски моих родителей.

Ансельм. Но, кроме ваших слов, где доказательства, что это правда, а не басня, придуманная вами?

Валер. Это подтвердят и люди и памятные вещи: капитан испанского фрегата, отцовская печатка из рубина, агатовый браслет, который матушка надела мне на руку, и старый Педро, тот самый наш слуга, что спасся вместе со мной во время кораблекрушенья.

Мариана. Ах, теперь я могу поручиться — вы не обманщик! Из ваших слов я вижу ясно: вы — мой брат.

Валер. Как! Вы — моя сестра?

Мариана. Да, сестра. Недаром у меня сердце забилося от волнения, лишь только вы заговорили. Как матушка-то будет счастлива! Сотни раз она мне рассказывала о страданиях нашего

¹ Имеется в виду народное восстание в Неаполе в XVII веке, руководимое Мазинелло.

семейства. В час крушения корабля небо уберегло нас с нею от гибели, но, сохранив нам жизнь, отняло у нас свободу: корсары подобрали нас в море на обломках судна. Мы провели в рабстве десять лет, и счастливый случай возвратил нам свободу. Мы отправились в Неаполь, но там узнали, что все наше имущество распродано, об отце нам никто ничего не мог сказать. Мы поехали в Геную, там матушка с трудом добилась, чтобы ей вернули жалкие остатки принадлежавшего ей наследства. Спасаясь от варварской несправедливости своих родных, она бежала в этот город и здесь влачит жалкое существование.

Ансельм. О небо! Велико твоё могущество! Как не увидеть в этом чуда! Дорогие дети, обнимите своего отца, сольемте вместе слезы великой радости!

Валер. Вы наш отец!

Мариана. А матушка так долго вас оплакивала!

Ансельм. Да, дочь моя, да, сын мой, я дон Томазо д'Альбурчи. По божьей воле я спасся и сохранил все деньги, которые вез с собой. Шестнадцать лет все считали меня мертвым, а я был в долгих путешествиях. Полагая, что моя семья погибла, я уже хотел искать себе утешения в новом браке с какой-нибудь разумною и кроткою особой. Зная, что в Неаполе жизнь моя не будет в безопасности, я навсегда простился с ним, распродал через надежных людей все свое имущество и поселился здесь под именем Ансельма. Я отринул свое прежнее имя, принесшее мне столько бедствий.

Гарпагон (Ансельму). Так это ваш сын?

Ансельм. Да.

Гарпагон. Я на вас подам в суд! Заплатите мне десять тысяч золотых, которые ваш сын украл у меня.

Ансельм. Он? Украл у вас?

Гарпагон. Украл.

Ансельм. Кто обвинитель?

Гарпагон. Жак.

Валер (Жаку). Это ты сказал?

Жак. Даже и не думал.

Гарпагон. Сказал. У господина комиссара твое показание записано.

Валер. Ужели вы думаете, что я способен на такую низость?

Гарпагон. Способен или не способен, а денешки мои отдай!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Гарпагон, Ансельм, Элиза, Мариана, Клеант, Валер, Фрозина, комиссар, Жак, Лафлеш.

Клеант. Не тревожьтесь, батюшка, и никого не обвиняйте в своей пропаже. Я о ней все разведал и пришел сказать вам,

что, если вы дадите согласие на мой союз с Марианой, деньги будут вам возвращены.

Гарпагон. Где они?

Клеант. В надежном месте, не беспокойтесь. И теперь их сохранность зависит от меня. Воля ваша, решайте, что для вас тяжелее — отдать мне Мариану или навсегда лишиться шкатулки.

Гарпагон. А сколько из нее вынули?

Клеант. Ничего не взяли. Вот и скажите, как вы решаете. Мариане матушка предоставила свободу: выбрать вас или меня по своему желанию.

Мариана (*Клеанту*). Но вы еще не знаете, что этого теперь уж недостаточно. Взгляните, небо возвратило мне (*указывая на Валера*) и брата (*указывая на Ансельма*) и отца. Как еще батюшка решит!

Ансельм. Не для того же мы соединились вновь, чтоб я противился заветному желанию моих детей! Мне кажется, господину Гарпагону ясно, что выбор юной девушки скорее падет на сына, чем на отца. Ну, полно, не вынуждайте меня говорить то, что вам было бы неприятно слышать. Соглашайтесь, дадимте вместе дозволение на две свадьбы сразу.

Гарпагон. Сперва покажите шкатулку, а тогда посмотрим. Клеант. Шкатулка ваша цела и невредима.

Гарпагон. Я приданого дать не могу, денег у меня нету!

Ансельм. Ничего, у меня на всех найдется. Не тревожьтесь.

Гарпагон. А расход на обе свадьбы на себя возьмете?

Ансельм. Возьму, возьму. Довольно с вас?

Гарпагон. Ну, так и быть, согласен. А только чтобы к свадьбам вы мне сшили хороший кафтан.

Ансельм. Сошьем! А теперь идемте, повеселимся в такой счастливый день!

Комиссар. Эй, господа, постойте! Куда вы? А кто же мне заплатит за протокол?

Гарпагон. А на что теперь нам ваши протоколы?

Комиссар. Все равно, за беспокойство заплатите!

Гарпагон (*указывая на Жака*). Вот кто пускай вам заплатит. Можете его повесить.

Жак. Ох, как мне быть? Правду скажешь — колотят палкой. Солжешь — хотят повесить.

Ансельм. Господин Гарпагон, уж простите его!

Гарпагон. А комиссару заплатите?

Ансельм. Заплачу и комиссару. Скорее, дети, идемте к матушке, порадуем ее.

Гарпагон. А я пойду полюбуюсь на мою милую шкатулочку!

Занавес

МЕЩАНИН ВО ДВОРЯНСТВЕ

КОМЕДИЯ-БАЛЕТ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА КОМЕДИИ

Господин Журден — мещанин.
Госпожа Журден — его жена.
Люсиль — его дочь.
Клеонт — молодой человек, влюбленный в Люсиль.
Доримена — маркиза.
Дорант — граф, влюбленный в Доримену.
Николь — служанка в доме г-на Журдена.
Ковзель — слуга Клеонта.
Учитель музыки.
Ученик учителя музыки.
Учитель танцев.
Учитель фехтования.
Учитель философии.
Музыканты.
Портной.
Подмастерье портного.
Два лакея.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА БАЛЕТА

В ПЕРВОМ ДЕЙСТВИИ

Певца.
Два певца.
Танцовщики.

ВО ВТОРОМ ДЕЙСТВИИ

Портновские подмастерья (*танцуют*).

В ТРЕТЬЕМ ДЕЙСТВИИ

Повара (*танцуют*).

В ЧЕТВЕРТОМ ДЕЙСТВИИ

Турецкая церемония

Муфтий¹.
Турки, свита муфтия (*поют*).
Дервиш² (*поют*).
Турки (*танцуют*).

Действие происходит в Париже, в доме г-на Журдена.

¹ *Муфтий* — ученый-богослов у мусульман, толкователь Корана, мусульманского Святого писания.

² *Дервиш* — нищенствующий монах-мусульманин.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Увертюра исполняется множеством инструментов; посреди сцены за столом ученик учителя музыки сочиняет мелодию для серенады, заказанной г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Учитель музыки, учитель танцев, два певца, певица, два скрипача, четыре танцовщика.

Учитель музыки (*певцам и музыкантам*). Пожалуйте сюда, вот в эту залу; отдохните до его прихода.

Учитель танцев (*танцовщикам*). И вы тоже, станьте с этой стороны.

Учитель музыки (*ученику*). Готово?

Ученик. Готово.

Учитель музыки. Посмотрим... Очень недурно.

Учитель танцев. Что-нибудь новенькое?

Учитель музыки. Да, я велел ученику, пока наш чулак проснется, сочинить музыку для серенады.

Учитель танцев. Можно посмотреть?

Учитель музыки. Вы это услышите вместе с диалогом, как только явится хозяин. Он скоро выйдет.

Учитель танцев. Теперь у нас с вами дела выше головы.

Учитель музыки. Еще бы! Мы нашли именно такого человека, какой нам нужен. Господин Журден с его помешательством на дворянстве и на светском обхождении — это для нас просто клад. Если б все на него сделались похожи, то вашим танцам и моей музыке больше и желать было бы нечего.

Учитель танцев. Ну, не совсем. Мне бы хотелось для его же блага, чтоб он лучше разбирался в тех вещах, о которых мы ему толкуем.

Учитель музыки. Разбирается-то он в них плохо, да зато хорошо платит, а наши искусства ни в чем сейчас так не нуждаются, как именно в этом.

Учитель танцев. Признаюсь, я слегка неравнодушен к славе. Аплодисменты доставляют мне удовольствие, расточать же свое искусство глупцам, выносить свои творения на варварский суд болвана — это, на мой взгляд, для всякого артиста песносная пытка. Что ни говорите, приятно трудиться для людей, способных чувствовать тонкости того или иного искусства, умеющих ценить красоты произведений и лестными знаками одобрения вознаграждать вас за труд. Да, самая приятная награда — видеть, что творение ваше признано, что вас чествуют за него рукоплесканиями. По-моему, это наилучшее воздаяние за все наши тяготы, — похвала просвещенного человека доставляет наслаждение неизъяснимое.

Учитель музыки. Я с этим согласен, я и сам люблю похвалы. В самом деле, нет ничего более лестного, чем рукоплес-

кания, но ведь на фимиам не проживешь. Одних похвал человеку недостаточно, ему давай чего-нибудь посущественнее; лучший способ поощрения — это вложить вам что-нибудь в руку. Откровенно говоря, познания нашего хозяина не велики, судит он обо всем вквивь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений, его здравый смысл находится в кошельке, его похвалы отчеканены в виде монет, так что от невежественного этого мещанина нам, как видите, куда больше пользы, чем от того просвещенного вельможи, который нас сюда ввел.

Учитель танцев. В ваших словах есть некоторая доля истины, но только, мне кажется, вы придаете деньгам слишком большое значение; между тем корысть есть нечто до такой степени низменное, что человеку порядочному не должно выказывать к ней особой склонности.

Учитель музыки. Однако у нашего чудака вы преспокойно берете деньги.

Учитель танцев. Конечно, беру, но деньги для меня не главное. Если б к его богатству да еще хоть немного хорошего вкуса — вот чего бы я желал.

Учитель музыки. Я тоже: ведь мы оба по мере сил этого добиваемся. Но, как бы то ни было, благодаря ему на нас стали обращать внимание в обществе, а что другие будут хвалить, то он оплатит.

Учитель танцев. А вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Г-н Журден в халате и ночном колпаке, учитель музыки, учитель танцев, ученик учителя музыки, певица, два певца, скрипачи, танцовщики, два лакея.

Г-н Журден. Ну, господа? Как там у вас? Покажите вы мне нынче вашу безделку?

Учитель танцев. Что? Какую безделку?

Г-н Журден. Ну, эту самую... Как это у вас называется? Не то пролог, не то диалог с песнями и пляской.

Учитель танцев. О! О!

Учитель музыки. Как видите, мы готовы.

Г-н Журден. Я немного замешкался, но дело вот в чем: одеваюсь я теперь, как одевается знать, мой портной прислал мне шелковые чулки, до того узкие — право, я уж думал, что мне их так никогда и не натянуть.

Учитель музыки. Мы всецело к вашим услугам.

Г-н Журден. Я прошу вас обоих не уходить, пока мне не принесут мой новый костюм: я хочу, чтоб вы на меня поглядели.

Учитель танцев. Как вам будет угодно.

Г-н Журден. Вы увидите, что теперь я с ног до головы одет как должно.

Учитель музыки. Мы в этом нисколько не сомневаемся.
Г-н Журден. Я сделал себе из индийской ткани¹ халат.

Учитель танцев. Отличный халат.

Г-н Журден. Мой портной уверяет, что вся знать по утрам носит такие халаты.

Учитель музыки. Он вам удивительно идет.

Г-н Журден. Лакей! Эй, два моих лакея!

Первый лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден. Ничего не прикажу. Я только хотел проверить, как вы меня слушаетесь. (*Учителю музыки и учителю танцев.*) Как вам нравятся их ливреи?

Учитель танцев. Великолепные ливреи.

Г-н Журден (*распахивает халат; под ним у него узкие красного бархата штаны и зеленого бархата камзол*). А вот мой домашний костюмчик для утренних упражнений.

Учитель музыки. Бездна вкуса!

Г-н Журден. Лакей!

Первый лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден. Другой лакей!

Второй лакей. Что угодно, сударь?

Г-н Журден (*снимает халат*). Держите. (*Учителю музыки и учителю танцев.*) Ну что, хорош я в этом наряде?

Учитель танцев. Очень хорошо. Лучше нельзя.

Г-н Журден. Теперь займемся с вами.

Учитель музыки. Прежде всего мне бы хотелось, чтобы вы прослушали музыку, которую вот он (*указывает на ученика*) написал для заказанной вами серенады. Это мой ученик, у него к таким вещам изумительные способности.

Г-н Журден. Очень может быть, но все-таки не следовало поручать это ученику. Еще неизвестно, годитесь ли вы сами для такого дела, а не то что ученик.

Учитель музыки. Слово «ученик» не должно вас смущать, сударь. Подобного рода ученики смыслят в музыке не меньше великих мастеров. В самом деле, чудеснее мотива не придумаешь. Вы только послушайте.

Г-н Журден (*лакеям*). Дайте халат — так удобней слушать... Впрочем, постойте, пожалуй, лучше без халата. Нет, подайте халат, так будет лучше.

Певица.

Ирида! Я томлюсь, меня страданье губит,

Меня ваш строгий взгляд пронзил, как острый меч.

Когда вы мучите того, кто вас так любит,

Сколь вы страшны тому, кто гнев ваш смел навлечь!

Г-н Журден. По-моему, это довольно заунывная пес-

¹ *Индийская ткань* — старинное наименование ситца, который привозился в XVII веке из Индии и был предметом роскоши.

ня, от нее ко сну клонит. Я бы вас попросил сделать ее чуть-чуть веселее.

Учитель музыки. Мотив должен соответствовать словам, сударь.

Г-н Журден. Меня недавно обучили премилой песенке. Погодите... сейчас-сейчас... Как же это она начинается?

Учитель танцев. Право, не знаю.

Г-н Журден. Там еще про овечку говорится.

Учитель танцев. Про овечку?

Г-н Журден. Да-да. Ах, вот! (*Поет.*)

Жанетту я считал
И доброй и прекрасной,
Жанетту я считал овечкою, но ах!
Она коварна и опасна,
Как львица в девственных лесах!

Правда, славная песенка?

Учитель музыки. Еще бы не славная!

Учитель танцев. И вы хорошо ее поете.

Г-н Журден. А ведь я музыке не учился.

Учитель музыки. Вам бы хорошо, сударь, поучиться не только танцам, но и музыке. Эти два рода искусства связаны между собой неразрывно.

Учитель танцев. Они развивают в человеке чувство изящного.

Г-н Журден. А что, знатные господа тоже учатся музыке?

Учитель музыки. Конечно, сударь.

Г-н Журден. Ну, так и я стану учиться. Вот только не знаю когда: ведь кроме учителя фехтования я еще нанял учителя философии,—он должен нынче утром начать со мной заниматься.

Учитель музыки. Философия — материя важная, но музыка, сударь, музыка...

Учитель танцев. Музыка и танцы... Музыка и танцы — это все, что нужно человеку.

Учитель музыки. Нет ничего более полезного для государства, чем музыка.

Учитель танцев. Нет ничего более необходимого человеку, чем танцы.

Учитель музыки. Без музыки государство не может существовать.

Учитель танцев. Без танцев человек ничего не умел бы делать.

Учитель музыки. Все распри, все войны на земле происходят единственно от незнания музыки.

Учитель танцев. Все людские невзгоды, все злоключения, коими полна история, оплошности государственных дея-

телей, ошибки великих полководцев — все это проистекает единственно от неумения танцевать.

Г-н Журден. Как так?

Учитель танцев. Война возникает из-за несогласия между людьми, не правда ли?

Г-н Журден. Верно.

Учитель музыки. А если бы все учились музыке, разве это не настроило бы людей на мирный лад и не способствовало бы воцарению на земле всеобщего мира?

Г-н Журден. И то правда.

Учитель танцев. Когда человек поступает не так, как должно, будь то просто отец семейства, или же государственный деятель, или же военачальник, про него обыкновенно говорят, что он сделал неверный шаг, не правда ли?

Г-н Журден. Да, так говорят.

Учитель танцев. А чем еще может быть вызван неверный шаг, как не неумением танцевать?

Г-н Журден. Да, с этим я тоже согласен, вы оба правы.

Учитель танцев. Все это мы говорим для того, чтобы вы себе уяснили преимущества и пользу танцев и музыки.

Г-н Журден. Теперь я понимаю.

Учитель музыки. Угодно вам ознакомиться с нашими сочинениями?

Г-н Журден. Угодно.

Учитель музыки. Как я вам уже говорил, это давнишняя моя попытка выразить все страсти, какие только способна передать музыка.

Г-н Журден. Прекрасно.

Учитель музыки (*певцам*). Пожалуйте сюда. (*Г-ну Журдену*.) Вы должны вообразить, что они одеты пастушками.

Г-н Журден. И что это всегда пастушки? Вечно одно и то же!

Учитель танцев. Когда говорят под музыку, то для большого правдоподобия приходится обращаться к пасторали¹. Пастухам испокон веку приписывали любовь к пению; с другой стороны, было бы весьма ненатурально, если бы принцы или мещане стали выражать свои чувства в пении.

Г-н Журден. Ладно, ладно. Посмотрим.

Музыкальный диалог

Певца и два певца.

Певца.

Сердца в любовном упоенье

Всегда встречают тысячи помех.

Любовь приносит нам и счастье и томленье.

¹ *Пастораль* — музыкальное или литературное произведение, рассказывающее об идиллической любви пастушков и пастушек на лоне природы.

Недаром есть такое мненье,
Что нам милей всего — не знать любви утех.

Первый певец.

Нет, нам всего милей та радость без конца,
Которая сердца
Любовников сливает.

Блаженству на земле без страсти не бывать.
Любовью кто пренебрегает,
Тому и счастья не знать.

Второй певец.

О, кто бы не хотел любви изведать власть,
Когда бы не была обманчивою страсть!
Но, ах, как быть со злой судьбиной?
Здесь верной нет пастушки ни единой,
И недостойный пол, позоря белый свет,
Свидетельствует нам, что верности уж нет.

Первый певец.

О сердца дрожь!

Певица.

О страсть во взорах!

Второй певец.

Сплошная ложь!

Первый певец.

Тот миг мне дорог!

Певица.

Они полны утех!

Второй певец.

Я презираю всех!

Первый певец.

О, не сердись, забудь свой гнев безмерный!

Певица.

Мы приведем тебя сейчас
К пастушке любящей и верной.

Второй певец.

Увы! Достойных нет средь вас!

Певица.

Я иду на испытанье —
Вот тебе моя любовь.

Второй певец.

Кто поручится заранее,
Что не быть обману вновь?

Певица.

Тот, кто верен, пусть докажет
Свой сердечный нежный пыл.

Второй певец.

Небо пусть того накажет,
Кто постыдно изменил.

Все трое вместе.

Над нами пламенея,
Любви горит венец.
Слиянье двух сердец —
Что может быть милее?

Г-н Журден. И это все?

Учитель музыки. Все.

Г-н Журден. По-моему, ловко закручено. Кое-где попадаются очень занятные словечки.

Учитель танцев. А теперь моя очередь: я вам предложу небольшой образчик самых изящных телодвижений и самых изящных поз, из каких только может состоять танец.

Г-н Журден. Опять пастухи?

Учитель танцев. Это уж как вам будет угодно. (*Танцовщикам.*) Начинайте.

Балет

Четыре танцовщика по указаниям учителя танцев делают различные движения и исполняют всевозможные па.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-н Журден, учитель музыки, учитель танцев.

Г-н Журден. Очень даже здорово: танцоры откалывают лихо.

Учитель танцев. А когда танец идет под музыку, то впечатление еще сильнее. Мы сочинили для вас балет — вы увидите, сколь это очаровательно.

Г-н Журден. Он понадобится мне сегодня же: особа, в честь которой я все это устраиваю, должна пожаловать ко мне на обед.

Учитель танцев. Все готово.

Учитель музыки. Одного, сударь, недостает: такой особе, как вы, со всем вашим великолепием, с вашей склонностью к изящным искусствам, непременно нужно давать у себя концерты по средам или же по четвергам.

Г-н Журден. А у знатных господ бывают концерты?

Учитель музыки. Разумеется, сударь.

Г-н Журден. Тогда и я начну давать. И хорошо это получится?

Учитель музыки. Не сомневаюсь. Вам потребуется три голоса: сопрано, контральто и бас, а для аккомпанемента альт, лютня и, для басовых партий, клавесин, а для ритурнелей¹ две скрипки.

Г-н Журден. Хорошо бы еще морскую трубу². Я ее очень люблю, она приятна для слуха.

Учитель музыки. Предоставьте все нам.

Г-н Журден. Смотрите, не забудьте прислать певцов, чтоб было кому петь во время обеда.

Учитель музыки. У вас ни в чем недостатка не будет.

Г-н Журден. Главное, чтоб хорош был балет.

Учитель музыки. Останетесь довольны, особенно некоторыми менуэтами.

Г-н Журден. А, менуэт — это мой любимый танец! Поглядите, как я его танцую. Ну-ка, господин учитель!

Учитель танцев. Извольте, сударь, надеть шляпу.

Г-н Журден берет шляпу своего лакея и надевает ее поверх колпака. Учитель танцев берет г-на Журдена за руку и, напевая менуэт, танцует вместе с ним.

Ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла. Пожалуйста, в такт. Ла-ла-ла, ла-ла. Колени не гнуть. Ла-ла-ла. Плечами не дергать. Ла-ла, ла-ла-ла-ла, ла-ла, ла-ла. Не растопыривать рук. Ла-ла-ла, ла-ла. Голову выше. Носки держать врозь. Ла-ла-ла. Корпус прями.

Г-н Журден. Ну как?

Учитель танцев. Лучше нельзя.

Г-н Журден. Кстати, научите меня кланяться маркизе — мне это скоро понадобится.

Учитель танцев. Кланяться маркизе?

Г-н Журден. Да. Ее зовут Дорименой.

Учитель танцев. Позвольте вашу руку.

¹ *Ритурнель* — повторяющаяся, как припев, краткая музыкальная фраза в аккомпанементе; находится в начале, в конце или между куплетами музыкальной пьесы.

² *Морская труба* — музыкальный инструмент с громким и резким звуком.

Г-н Журден. Не нужно. Вы только покажите, а я запомню.

Учитель танцев. Если вы желаете, чтоб это был поклон весьма почтительный, то прежде отступите назад и поклонитесь один раз, затем подойдите к ней с тремя поклонами и в конце концов склонитесь к ее ногам.

Г-н Журден. А ну, покажите.

Учитель танцев показывает.

Понятно.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Г-н Журден, учитель музыки, учитель танцев, лакей.

Лакей. Сударь! Учитель фехтования пришел.

Г-н Журден. Скажи, пусть войдет и начинает урок. *(Учителю музыки и учителю танцев.)* А вы поглядите, как это у меня выходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г-н Журден, учитель фехтования, учитель музыки, учитель танцев и лакей с двумя рапирами.

Учитель фехтования *(берет у лакея две рапиры и одну из них подает г-ну Журдену)*. Прошу вас, сударь: поклон. Корпус прямо. Легкий упор на левое бедро. Не надо так расставлять ноги. Обе ступни на одной линии. Кисть руки на уровне бедра. Конец рапиры прямо против плеча. Не надо так вытягивать руку. Кисть левой руки на высоте глаза. Левое плечо назад. Голову прямо. Взгляд уверенный. Выпад. Корпус неподвижен. Парируйте четвертой и отходите с тем же парадом. Раз, два. В позицию. Уверенно начинайте снова. Шаг назад. Когда делаете выпад, нужно, чтобы рапира выносилась вперед, а тело, сколько можно, было защищено от удара. Раз, два. Прошу вас: парируйте терсом и отходите с тем же парадом. Выпад. Корпус неподвижен. Выпад. Становитесь в позицию. Раз, два. Начинайте сызнова. Шаг назад. Защищайтесь, сударь, защищайтесь!

Учитель фехтования с криком: «Защищайтесь!» — несколько раз колет г-на Журдена.

Г-н Журден. Ну как?

Учитель музыки. Вы делаете чудеса.

Учитель фехтования. Как я вам уже говорил, весь секрет фехтования заключается в том, чтобы, во-первых, наносить противнику удары, а во-вторых, чтобы самому таковых не получать, и вы никогда их не получите, если, как я это вам прошлый раз доказал путем наглядного примера, научитесь отводить шпагу противника от своего тела, а для этого нужно только легкое движение кисти руки — к себе или от себя.

Г-н Журден. Стало быть, эдаким манером каждый человек, даже и не из храбрых, может наверняка убить другого, а сам останется цел?

Учитель фехтования. Конечно. Разве я вам это не доказал наглядно?

Г-н Журден. Доказали.

Учитель фехтования. Отсюда ясно, какое высокое положение мы, учителя фехтования, должны занимать в государстве и насколько наука фехтования выше всех прочих бесполезных наук, как, например, танцы, музыка и...

Учитель танцев. Но-но, господин фехтмейстер! Отзывайтесь о танцах почтительно.

Учитель музыки. Будьте любезны, научитесь уважать достоинства музыки.

Учитель фехтования. Да вы просто забавники! Как можно ставить ваши науки на одну доску с моей?

Учитель музыки. Подумаешь, важная птица!

Учитель танцев. Напаялил нагрудник, чучело!

Учитель фехтования. Берегитесь, плясунешка, вы у меня запляшете не как-нибудь, а вы, музыкантишка, запоете ангельским голоском.

Учитель танцев. А я, господин драчунишка, научу вас, как нужно драться.

Г-н Журден (*учителю танцев*). Да вы спятили! Затевать ссору с человеком, который все терсы и кварталы знает как свои пять пальцев и может убить противника путем наглядного примера?

Учитель танцев. Плевать я хотел на его наглядный пример и на все его терсы и кварталы!

Г-н Журден (*учителю танцев*). Полно, говорят вам!

Учитель фехтования (*учителю танцев*). Ах, вы вот как, нахальная пигалица!

Г-н Журден. Успокойтесь, любезный фехтмейстер!

Учитель танцев (*учителю фехтования*). Ах, вы вот как, лошадь ломовая!

Г-н Журден. Успокойтесь, любезный танцмейстер!

Учитель фехтования. Мне только до вас добратся...

Г-н Журден (*учителю фехтования*). Потише!

Учитель танцев. Мне только до вас дотянуться...

Г-н Журден (*учителю танцев*). Будет вам!

Учитель фехтования. Я уж вас отколошмачу!

Г-н Журден (*учителю фехтования*). Ради бога!

Учитель танцев. Я вас так вздую...

Г-н Журден (*учителю танцев*). Умоляю!

Учитель музыки. Нет уж, позвольте, мы его выучим хорошему тону.

Г-н Журден (*учителю музыки*). Боже мой! Да перестаньте!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Учитель философии, г-н Журден, учитель музыки, учитель танцев, учитель фехтования, лакей.

Г-н Журден. А, господин философ! Вы как раз вовремя подоспели с вашей философией. Помирите как-нибудь этих господ.

Учитель философии. В чем дело? Что случилось, господа?

Г-н Журден. Повздорили из-за того, чье ремесло лучше, переругались и чуть было не подрались.

Учитель философии. Полноте, господа! Как можно доводить себя до такой крайности? Разве вы не читали ученого трактата Сенеки¹ о гневе? Что может быть более низкого и более постыдного, чем эта страсть, которая превращает человека в дикого зверя? Все движения нашего сердца должны быть подчинены разуму, не так ли?

Учитель танцев. Помилуйте, сударь! Я преподаю танцы, мой товарищ занимается музыкой, а он с презрением отозвался о наших занятиях и оскорбил нас обоих!

Учитель философии. Мудрец стоит выше любых оскорблений. Лучший ответ на издевательства — это сдержанность и терпение.

Учитель фехтования. Они имеют наглость сравнивать свое ремесло с моим!

Учитель философии. Это ли повод для волнения? Из-за суетной славы и из-за положения в обществе люди не должны вступать между собою в соперничество: чем мы резко отличаемся друг от друга, так это мудростью и добродетелью.

Учитель танцев. Я утверждаю, что танцы — это наука, заслуживающая всяческого преклонения.

Учитель музыки. А я стою на том, что музыку чтили во все века.

Учитель фехтования. А я им доказываю, что наука владеть оружием — это самая прекрасная и самая полезная из всех наук.

Учитель философии. Позвольте, а что же тогда философия? Вы все трое — изрядные нахалы, как я погляжу: смаете говорить в моем присутствии такие дерзости и беззазрения совести называете науками занятия, которые недостойны чести именовать даже искусствами и которые могут быть приравнены лишь к жалким ремеслам уличных борцов, певцов и плясунов!

Учитель фехтования. Молчать, собачий философ!

Учитель музыки. Молчать, педант тупоголовый!

Учитель танцев. Молчать, ученый сухарь!

¹ Сенека, Люций Анней (4 год до н. э. — 65 год н. э.) — римский поэт и философ-стоик.

Учитель философии. Ах вы, твари эдакие!.. (*Бро-
сается на них; они осыпают его ударами.*)

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель философии. Мерзавцы, подлецы, нахалы!

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель фехтования. Гадина! Скотина!

Г-н Журден. Господа!

Учитель философии. Наглецы!

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель танцев. Ослиная голова!

Г-н Журден. Господа!

Учитель философии. Негодяи!

Г-н Журден. Господин философ!

Учитель музыки. Убирайся к черту, нахал!

Г-н Журден. Господа!

Учитель философии. Жулики, прощелыги, продув-
ные бестии, проходимцы!

Г-н Журден. Господин философ! Господа! Господин фи-
лософ! Господа! Господин философ!

Все учителя уходят, продолжая драться.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден. Э, да ладно, деритесь сколько хотите. Мое
дело сторона, я разнимать вас не стану, а то еще халат с вами ра-
зорвешь. Набитым дураком надо быть, чтобы с ними связываться:
неровен час, так огреют, что своих не узнаешь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Учитель философии, г-н Журден, лакей.

Учитель философии (*оправляя воротник*). Присту-
пим к уроку.

Г-н Журден. Ах, господин учитель, как мне досадно,
что они вас побили!

Учитель философии. Пустяки. Философ должен
ко всему относиться спокойно. Я сочиню на них сатиру в духе
Ювенала¹, и эта сатира их совершенно уничтожит. Но довольно
об этом. Итак, чему же вы хотите учиться?

Г-н Журден. Чему только смогу: ведь я смерть как хо-
чу стать ученым, и такое зло меня берет на отца и мать, что меня
с малолетства не обучали всем наукам!

Учитель философии. Это понятное чувство, *nam
sine doctrina vita est quasi mortis imago*. Вам это должно быть яс-
но, потому что вы уж, верно, знаете латынь.

¹ Ювенал, Децим Юний (60—140 годы н. э.) — римский поэт-сатирик,
известный своими суровыми обличениями распутных нравов времен империи.

Г-н Журден. Да, но вы все-таки говорите так, как будто я ее не знаю. Объясните мне, что это значит.

Учитель философии. Это значит: без науки жизнь есть как бы подобие смерти.

Г-н Журден. Латынь говорит дело.

Учитель философии. У вас есть основы, начатки каких-либо познаний?

Г-н Журден. А как же, я умею читать и писать.

Учитель философии. С чего вам угодно будет начать? Хотите, я обучу вас логике?

Г-н Журден. А что это за штука — логика?

Учитель философии. Это наука, которая учит нас трем процессам мышления.

Г-н Журден. Кто же они такие, эти три процесса мышления?

Учитель философии. Первый, второй и третий. Первый заключается в том, чтобы составлять себе правильное представление о вещах при посредстве универсалий¹, второй — в том, чтобы верно о них судить при посредстве категорий, и, наконец, третий — в том, чтобы делать правильное умозаключение при посредстве фигур: *Barbara*, *Celarent*, *Darii*, *Ferio*, *Baralipon*² и так далее.

Г-н Журден. Уж больно слова-то заковыристые. Нет, логика мне не подходит. Лучше что-нибудь позавлекательнее.

Учитель философии. Хотите, займемся этикой?

Г-н Журден. Этикой?

Учитель философии. Да.

Г-н Журден. А про что она, эта самая этика?

Учитель философии. Она трактует о счастье жизни, учит людей умерять свои страсти и...

Г-н Журден. Нет, не надо. Я вспыльчив, как сто чертей, и никакая этика меня не удержит: когда меня разбирает злость, я желаю беситься сколько влезет.

Учитель философии. Может, вас прельщает физика?

Г-н Журден. А физика — это насчет чего?

Учитель философии. Физика изучает законы внешнего мира и свойства тел, толкует о природе стихий, о признаках металлов, минералов, камней, растений, животных и объясняет причины всевозможных атмосферных явлений, как-то: радуги, блуждающих огней, комет, зариц, грома, молнии, дождя, снега, града, ветров и вихрей.

Г-н Журден. Слишком много трескотни, слишком много всего наворочено.

¹ *Универсалии* — философский термин средневековой схоластики, религиозной философии феодального общества, отличавшейся абстрактными, беспредметными рассуждениями.

² *Barbara*, *Celarent*, *Darii* и др. — латинские слова, являющиеся терминами абстрактной логики.

Учитель философии. Так чем же вы хотите заняться?

Г-н Журден. Займитесь со мной правописанием.

Учитель философии. С удовольствием.

Г-н Журден. Потом научите меня узнавать по календарю, когда бывает луна, а когда нет.

Учитель философии. Хорошо. Если рассматривать этот предмет с философской точки зрения, то, дабы вполне удовлетворить ваше желание, надлежит, как того требует порядок, начать с точного понятия о природе букв и о различных способах их произнесения. Прежде всего я должен вам сообщить, что буквы делятся на гласные, названные так потому, что они обозначают звуки голоса, и на согласные, названные так потому, что произносятся с помощью гласных и служат лишь для обозначения различных изменений голоса. Существует пять гласных букв, или, иначе, голосовых звуков: А, Е, И, О, У.

Г-н Журден. Это мне все понятно.

Учитель философии. Чтобы произнести звук А, нужно широко раскрыть рот: А.

Г-н Журден. А, А. Так!

Учитель философии. Чтобы произнести звук Е, нужно приблизить нижнюю челюсть к верхней: А, Е.

Г-н Журден. А, Е, А, Е. В самом деле! Вот здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести звук И, нужно еще больше сблизить челюсти, а углы рта оттянуть к ушам: А, Е, И.

Г-н Журден. А, Е, И, И, И, И. Верно! Да здравствует наука!

Учитель философии. Чтобы произнести звук О, нужно раздвинуть челюсти, а углы губ сблизить: О.

Г-н Журден. О, О. Истинная правда! А, Е, И, О, И, О. Удивительное дело! И, О, И, О.

Учитель философии. Отверстие рта принимает форму того самого кружка, посредством коего изображается звук О.

Г-н Журден. О, О, О. Вы правы. О. Как приятно знать, что ты что-то узнал!

Учитель философии. Чтобы произнести звук У, нужно приблизить верхние зубы к нижним, не стискивая их, однако ж, а губы вытянуть и тоже сблизить, но так, чтобы они не были плотно сжаты: У.

Г-н Журден. У, У. Совершенно справедливо! У.

Учитель философии. Ваши губы при этом вытягиваются, как будто вы гримасничаете. Вот почему, если вы пожелаете в насмешку над кем-либо соорудить рожу, вам стоит только сказать: У.

Г-н Журден. У, У. Верно! Эх, зачем я не учился прежде! Я бы все это уже знал.

Учитель философии. Завтра мы разберем другие буквы, так называемые согласные.

Г-н Журден. А они такие же занятные, как и эти?

Учитель философии. Разумеется. Когда вы произносите звук Д, например, нужно, чтобы кончик языка уперся в верхнюю часть верхних зубов: ДА.

Г-н Журден. ДА, ДА. Так! Ах, до чего же здорово, до чего же здорово!

Учитель философии. Чтобы произнести Ф, нужно прижать верхние зубы к нижней губе: ФА.

Г-н Журден. ФА, ФА. И то правда! Эх, батюшка с ма-тушкой, ну как тут не помянуть вас лихом!

Учитель философии. А чтобы произнести звук Р, нужно приставить кончик языка к верхнему нёбу, однако ж под панором воздуха, с силою вырывающегося из груди, язык беспрестанно возвращается на прежнее место, отчего происходит некоторое дрожание: Р-РА.

Г-н Журден. Р-Р-Р-РА, Р-Р-Р-Р-РА! Какой же вы молодчина! А я-то сколько времени потерял даром! Р-Р-Р-РА.

Учитель философии. Все эти любопытные вещи я объясню вам до тонкости.

Г-н Журден. Будьте настолько любезны! А теперь я должен открыть вам секрет. Я влюблен в одну великосветскую даму, и мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне написать ей записочку, которую я собираюсь уронить к ее ногам.

Учитель философии. Отлично.

Г-н Журден. Ведь правда, это будет учтиво?

Учитель философии. Конечно. Вы хотите написать ей стихи?

Г-н Журден. Нет-нет, только не стихи.

Учитель философии. Вы предпочитаете прозу?

Г-н Журден. Нет, я не хочу ни прозы, ни стихов.

Учитель философии. Так нельзя: или то, или другое.

Г-н Журден. Почему?

Учитель философии. По той причине, сударь, что мы можем излагать свои мысли не иначе как прозой или стихами.

Г-н Журден. Не иначе как прозой или стихами?

Учитель философии. Не иначе, сударь. Все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза.

Г-н Журден. А когда мы разговариваем, это что же такое будет?

Учитель философии. Проза.

Г-н Журден. Что? Когда я говорю: «Николь! Принеси мне туфли и ночной колпак», это — проза?

Учитель философии. Да, сударь.

Г-н Журден. Честное слово, я и не подозревал, что вот уже более сорока лет говорю прозой. Большое вам спасибо, что

сказали. Так вот что я хочу ей написать: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви», но только нельзя ли это же самое сказать полубезнее, как-нибудь этак по-красивее выразиться?

Учитель философии. Напишите, что пламя ее очей испепелило вам сердце, что вы день и ночь терпите из-за нее столь тяжкие....

Г-н Журден. Нет-нет-нет, это все не нужно. Я хочу написать ей только то, что я вам сказал: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Учитель философии. Следовало бы чуть-чуть подлиннее.

Г-н Журден. Да нет, говорят вам! Я не хочу, чтобы в записке было что-нибудь, кроме этих слов, но только их нужно расставить как следует, как нынче принято. Приведите мне, пожалуйста, несколько примеров, чтобы мне знать, какого порядка лучше придерживаться.

Учитель философии. Порядок может быть, во-первых, тот, который вы установили сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви». Или: «От любви смерть мне сулят, прекрасная маркиза, ваши прекрасные глаза». Или: «Прекрасные ваши глаза от любви мне сулят, прекрасная маркиза, смерть». Или: «Смерть ваши прекрасные глаза, прекрасная маркиза, от любви мне сулят». Или: «Сулят мне прекрасные глаза ваши, прекрасная маркиза, смерть».

Г-н Журден. Какой же из всех этих способов наилучший?

Учитель философии. Тот, который вы избрали сами: «Прекрасная маркиза! Ваши прекрасные глаза сулят мне смерть от любви».

Г-н Журден. А ведь я ничему не учился и вот все ж таки придумал в один миг. Покорно вас благодарю, приходите, пожалуйста, завтра пораньше.

Учитель философии. Не премину,

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г-н Журден, лакей.

Г-н Журден (*лакею*). Неужели мне еще не принесли костюма?

Лакей. Никак нет, сударь.

Г-н Журден. Окаянный портной заставляет меня дожидаться, когда у меня и без того дела по горло. Как я зол! Чтоб его лихорадка замучила, этого разбойника портного! Чтоб его черт побрал, этого портного! Чума его возьми, этого портного! Попадись он мне сейчас, пакостный портной, собака портной, злодей портной, я б его...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Г-н Журден, портной, подмастерье с костюмом
для г-на Журдена, лакей.

Г-н Журден. А, наконец-то! Я уж начал было на тебя сердиться.

Портной. Раньше поспеть не мог, и так уж двадцать подмастерьев засадил за ваш костюм.

Г-н Журден. Ты мне прислал такие узкие чулки, что я насили их натянул. И уже две петли спустились.

Портной. Они еще как растянутся!

Г-н Журден. Да, только не раньше, чем лопнут все петли. К тому же еще башмаки, которые ты для меня заказал, жмут невыносимо.

Портной. Нисколько, сударь.

Г-н Журден. То есть как — нисколько?

Портной. Нет-нет, они вам не тесны.

Г-н Журден. А я говорю — тесны.

Портной. Это вам так кажется.

Г-н Журден. Оттого и кажется, что мне больно. Иначе бы не казалось!

Портной. Вот, извольте взглянуть: не у каждого придворного бывает такой красивый костюм, и сделан он с отменным вкусом. Тут с моей стороны требовалось особое искусство, чтобы получился строгий костюм, хотя и не черного цвета. Самому лучшему портному не сшить такого костюма, это уж я вам ручаюсь.

Г-н Журден. А это еще что такое? Ты пустил цветочки головками вниз?

Портной. Вы мне не говорили, что хотите вверх.

Г-н Журден. Разве об этом надо говорить особо?

Портной. Непременно. Все господа так носят.

Г-н Журден. Господа носят головками вниз?

Портной. Да, сударь.

Г-н Журден. Гм! А ведь и правда красиво.

Портной. Если угодно, я могу и вверх пустить.

Г-н Журден. Нет-нет.

Портной. Вы только скажите.

Г-н Журден. Говорят тебе, не надо. У тебя хорошо получилось. А сидеть-то он на мне будет ладно, как по-твоему?

Портной. Что за вопрос! Живописец кистью так не выведет, как я подогнал к вашей фигуре. У меня есть один подмастерье: по части штанов это просто гений, а другой по части камзолов — краса и гордость нашего времени.

Г-н Журден. Парик и перья — как, ничего?

Портной. Все в надлежащем порядке.

Г-н Журден (*приглядываясь к портному*). Эге-ге, гос-

подин портной, а ведь материя-то на вас от моего камзола, того самого, что вы мнешили прошлый раз! Я ее сразу узнал.

Портной. Мне, изволите ли видеть, так понравилась материя, что я и себе выкроил на кафтан.

Г-н Журден. Ну и выкраивал бы, только не из моего куса.

Портной. Не угодно ли примерить?

Г-н Журден. Давай.

Портной. Погодите. Это так не делается. Я привел людей, чтоб они вас облачили под музыку: такие костюмы надеваются с особыми церемониями. Эй, войдите!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Г-н Журден, портной, подмастерье, подмастерья танцующие, лакей.

Портной (*подмастерьям*). Наденьте этот костюм на господина Журдена так, как вы всегда одеваете знатных господ.

Первый балетный выход

Четверо танцующих подмастерьев приближаются к г-ну Журдену. Двое снимают с него штаны, двое других — камзол, а затем, все время двигаясь в такт, они надевают на него новый костюм. Г-н Журден прохаживается между ними, а они смотрят, хорошо ли сидит костюм.

Подмастерье. Ваша милость! Пожалуйста сколько-нибудь подмастерьям, чтобы они выпили за ваше здоровье.

Г-н Журден. Как ты меня назвал?

Подмастерье. Ваша милость.

Г-н Журден. «Ваша милость»! Вот что значит одеться по-господски! А будете ходить в мещанском платье — никто вам не скажет «ваша милость». (*Дает деньги.*) На, вот тебе за «вашу милость».

Подмастерье. Премного довольны, ваше сиятельство!

Г-н Журден. «Сиятельство»? Ого! «Сиятельство»! Погоди, дружок... «Сиятельство» чего-нибудь да стоит, это не простое слово — «сиятельство»! На, вот тебе от его сиятельства!

Подмастерье. Ваше сиятельство! Мы все как один выпьем за здоровье вашей светлости.

Г-н Журден. «Вашей светлости»? Ого-го! Погоди, не уходи. Это мне-то — «ваша светлость»! (*В сторону.*) Если дело дойдет до «высочества», честное слово, ему достанется весь кошелек. (*Подмастерью.*) На, вот тебе за «вашу светлость».

Подмастерье. Покорнейше благодарим, ваше сиятельство, за ваши милости.

Г-н Журден (*в сторону*). Вовремя остановился, а то бы я все ему отдал.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Второй балетный выход

Четверо подмастерьев танцуют, радуясь щедрости г-на Журдена.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-н Журден, два лакея.

Г-н Журден. Идите за мной: я хочу пройтись по городу в новом костюме, да только смотрите не отставайте ни на шаг, чтоб все видели, что вы мои лакеи.

Лакей. Слушаем, сударь.

Г-н Журден. Позовите сюда Николь — мне нужно отдать ей кое-какие распоряжения. Стойте, она сама идет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Г-н Журден, Николь, два лакея.

Г-н Журден. Николь!

Николь. Что угодно?

Г-н Журден. Послушай...

Николь (*хохочет*). Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Чего ты смеешься?

Николь. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что с тобой, бесстыдница?

Николь. Хи-хи-хи! На кого вы похожи! Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Что такое?

Николь. Ах, боже мой! Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Экая нахалка! Ты это надо мной смеешься!

Николь. Ни-ни, сударь, даже не думала. Хи-хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Посмейся-ка еще — уж и влетит тебе ут меня!

Николь. Ничего не могу с собой поделать, сударь. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Перестанешь ты или нет?

Николь. Извините, сударь, но вы такой уморительный, что я не могу удержаться от смеха. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Нет, вы подумайте, какая наглость!

Николь. До чего ж вы сейчас смешной! Хи-хи!

Г-н Журден. Я тебя...

Николь. Извините, пожалуйста. Хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Послушай: если ты сию секунду не перестанешь — клянусь, я закачу тебе такую оплеуху, какой еще никто на свете не получал.

Николь. Коли так, сударь, можете быть спокойны: не буду больше смеяться.

Г-н Журден. Ну, смотри! Сейчас ты мне уберешь...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь как следует...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Уберешь, говорю, как следует залу и...

Николь. Хи-хи!

Г-н Журден. Ты опять?

Николь (*валился от хохота*). Нет уж, сударь, лучше побейте меня, но только дайте посмеяться вдоволь — так мне будет легче. Хи-хи-хи-хи-хи!

Г-н Журден. Ты меня доведешь!

Николь. Смилуйтесь, сударь, дайте мне посмеяться. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Вот я тебя сейчас...

Николь. Су... ударь... я лоп... лопну, если не похохочу. Хи-хи-хи!

Г-н Журден. Видали вы такую подлянку? Вместо того, чтобы выслушать мои приказания, нагло смеется мне в лицо.

Николь. Что же вам угодно, сударь?

Г-н Журден. Мне угодно, чтобы ты, мошенница, потрудилась навести в доме чистоту: ко мне скоро гости будут.

Николь (*встает*). Вот мне уже и не до смеху, честное слово! Ваши гости наделают всегда такого беспорядку, что при одной мысли о них на меня нападает тоска.

Г-н Журден. Что ж, мне из-за тебя держать дверь на запоре от всех моих знакомых?

Николь. По крайней мере от некоторых.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г-жа Журден, г-н Журден, Николь, два лакея.

Г-жа Журден. Ах-ах! Это еще что за новости? Что это на тебе, муженек, за наряд? Верно, вздумал посмешить людей, коли вырядился таким шутком? Хочешь, чтобы все на тебя пальцем показывали?

Г-н Журден. Разве одни дураки да дуры станут на меня показывать пальцем.

Г-жа Журден. Да уж и показывают: твои повадки давно всех смешат.

Г-н Журден. Кого это «всех», позволь тебя спросить?

Г-жа Журден. Всех благоразумных людей, всех, которые поумнее тебя. А мне так совестно глядеть, какую ты моду

завел. Собственного дома не узнать. Можно подумать, что у нас каждый день праздник: с самого утра, то и знай, пиликают на скрипках, песни орут, — соседям и тем покою нет.

Николь. И то правда, сударыня. Мне не под силу будет поддерживать в доме чистоту, коли вы, сударь, будете водить к себе такую пропасть народу. Грязи носят прямо со всего города. Бедная Франсуаза вконец измучилась: любезные ваши учителя наследят, а она каждый божий день мой после них полы.

Г-н Журден. Ого! Вот так служанка Николь! Простая мужичка, а ведь до чего же языкастая!

Г-жа Журден. Николь права: ума-то у нее побольше, чем у тебя. Хотела бы я знать, на что тебе, в твои годы, понадобился учитель танцев?

Николь. И еще этот верзила фехтовальщик: он так топочет, что весь дом трясется, а в зале, того и гляди, весь паркет повыворотит.

Г-н Журден. Молчать — и ты, служанка, и ты, жена!

Г-жа Журден. Стало быть, ты задумал учиться танцевать? Нашел когда: у самого скоро ноги отнимутся.

Николь. Может статься, вам припала охота кого-нибудь убить?

Г-н Журден. Молчать, говорят вам! Обе вы невежды. Вам невдомек, какие это мне дает пре-ро-га-тивы.

Г-жа Журден. Лучше бы подумал, как дочку пристроить: ведь она уже на выданье.

Г-н Журден. Подумаю я об этом, когда представится подходящая партия. А пока что я хочу думать о том, как бы мне разным хорошим вещам научиться.

Николь. Я еще слыхала, сударыня, что нынче в довершение всего хозяин напаял учителя философии.

Г-н Журден. Совершенно верно. Хочу понабраться ума-разума, чтоб мог я о чем угодно беседовать с порядочными людьми.

Г-жа Журден. Не поступить ли тебе в один прекрасный день в школу, чтоб тебя там розгами драли на старости лет?

Г-н Журден. А что ж тут такого? Пусть меня выдерут хоть сейчас, при всех, лишь бы знать все то, чему учат в школе!

Николь. Да, это бы вам пошло на пользу.

Г-н Журден. Без сомнения.

Г-жа Журден. В хозяйстве тебе все это вот как пригодится!

Г-н Журден. Непременно пригодится. Обе вы несете дичь; мне стыдно, что вы такие необразованные. *(Г-же Журден.)* Вот, например, знаешь ли ты, как ты сейчас говоришь?

Г-жа Журден. Конечно. Я знаю, что говорю дело и что тебе надо начать жить по-другому.

Г-н Журден. Я не о том толкую. Я спрашиваю: что такое эти слова, которые ты сейчас сказала?

Г-жа Журден. Слова-то мои разумные, а вот поведение твое очень даже неразумное.

Г-н Журден. Говорят тебе, я не о том толкую. Я вот о чем спрашиваю: то, что я тебе говорю, вот то, что я тебе сказал сейчас,— что это такое?

Г-жа Журден. Глупости.

Г-н Журден. Да нет, ты меня не понимаешь. То, что мы оба говорим, вся наша с тобой речь?

Г-жа Журден. Ну?

Г-н Журден. Как это называется?

Г-жа Журден. Все равно как ни назвать.

Г-н Журден. Невежда! Это — проза!

Г-жа Журден. Проза?

Г-н Журден. Да, проза. Все, что проза, то не стихи, а все, что не стихи, то проза. Видала? Вот что значит ученость! (К Николь.) Ну, а ты — тебе известно, как произносится У?

Николь. Как произносится?

Г-н Журден. Да. Что ты делаешь, когда говоришь: У?

Николь. Чего?

Г-н Журден. Попробуй сказать: У.

Николь. Ну, У.

Г-н Журден. Что же ты делаешь?

Николь. Говорю: У.

Г-н Журден. Да. Но когда ты говоришь: У, что ты в это время делаешь?

Николь. То и делаю, что вы велели.

Г-н Журден. Вот поговори-ка с дурами! Ты вытягиваешь губы и приближаешь верхнюю челюсть к нижней: У. Видишь? Я корчу рожу: У.

Николь. Да, нечего сказать, ловко.

Г-жа Журден. И впрямь чудеса!

Г-н Журден. Вы бы еще не то сказали, ежели б увидели О, ДА-ДА и ФА-ФА!

Г-жа Журден. Что это за галиматья?

Николь. На что это все нужно?

Г-н Журден. Эти дуры хоть кого выведут из себя.

Г-жа Журден. Вот что, гони-ка ты своих учителей в шею, и со всей их тарабарщиной.

Николь. А главное, эту громадину — учителя фехтования: от него только пыль столбом.

Г-н Журден. Скажи на милость! Дался вам учитель фехтования! Вот я тебе сейчас докажу, что ты ничего в этом не смыслишь. (Велит подать себе рапиры и одну из них протягивает Николь.) Вот, смотри, наглядный пример, линия тела. Когда тебя колют квартий, то надо делать так, а когда терсом, то вот так. Тогда тебя никто уж не убьет, а во время драки это самое важное — знать, что ты в безопасности. А ну, попробуй, кольни меня разок!

Николь. Что ж, и кольпу! (*Несколько раз колет г-на Журдена.*)

Г-н Журден. Да тише ты! Эй-эй! Осторожней! Черт бы тебя побрал, скверная девчонка!

Николь. Вы же сами велели вас колоть.

Г-н Журден. Да, но ты сперва колешь терсом, вместо того чтобы четвертой, и у тебя не хватает терпения подождать, пока я отпарирую.

Г-жа Журден. Ты помешался на всех этих причудах, муженек. И началось это у тебя с тех пор, как ты вздумал водиться с важными господами.

Г-н Журден. В том, что я вожусь с важными господами, виден мой здравый смысл: это не в пример лучше, чем водиться с твоими мещанами.

Г-жа Журден. Да уж, нечего сказать: прок от того что ты подружился с дворянами, ох как велик! Взять хоть этого распрекрасного графа, от которого ты без ума: до чего же выгодное знакомство!

Г-н Журден. Молчать! Думай сначала, а потом давай волю языку. Знаешь ли ты, жена, что ты не знаешь, о ком говоришь, когда говоришь о нем? Ты себе не представляешь, какое это значительное лицо: он настоящий вельможа, вхож во дворец, с самим королем разговаривает вот как я с тобой. Разве это не великая для меня честь, что такая высокопоставленная особа постоянно бывает в моем доме, называет меня любезным другом и держится со мной на равной ноге? Никому и в голову не придет, какие услуги оказывает мне граф, а при всех он до того бывает со мною ласков, что мне, право, становится неловко.

Г-жа Журден. Да, он оказывает тебе услуги, он с тобою ласков, но и денежки у тебя занимает.

Г-н Журден. Ну и что ж? Разве это для меня не честь — дать взаймы такому знатному господину? Могу ли я вельможе, который называет меня любезным другом, отказать в таком пустяке?

Г-жа Журден. А какие такие одолжения делает этот вельможа тебе?

Г-н Журден. Такие, что, кому сказать, никто не поверит.

Г-жа Журден. Например?

Г-н Журден. Ну уж этого я тебе не скажу. Будь довольна тем, что свой долг он мне уплатит сполна, и очень даже скоро.

Г-жа Журден. Как же, дожидайся!

Г-н Журден. Наверняка. Он сам мне говорил!

Г-жа Журден. Держи карман шире.

Г-н Журден. Он дал мне честное слово дворянина.

Г-жа Журден. Враки!

Г-н Журден. Ух! Ну и упрямая ты, жена! А я тебе говорю, что он свое слово сдержит, и я в этом уверен.

Г-жа Журден. А я уверена, что не сдержит и что все его любезности — один обман и ничего более.

Г-н Журден. Замолчи! Вот как раз и он.

Г-жа Журден. Этого только недоставало! Верно, опять пришел просить у тебя в долг. Глядеть на него тошно.

Г-н Журден. Молчать, тебе говорят!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дорант, г-н Журден, г-жа Журден, Николь.

Дорант. Здравствуйте, господин Журден! Как поживаете, любезный друг?

Г-н Журден. Отлично, ваше сиятельство. Милости прошу.

Дорант. А госпожа Журден как поживает?

Г-жа Журден. Госпожа Журден живет помаленьку.

Дорант. Однако, господин Журден, каким вы сегодня франтом!

Г-н Журден. Вот, поглядите.

Дорант. Вид у вас в этом костюме безукоризненный. У нас при дворе нет ни одного молодого человека, который был бы так же хорошо сложен, как вы.

Г-н Журден. Хе-хе!

Г-жа Журден (*в сторону*). Знает, как в душу влезть.

Дорант. Повернитесь. Верх изящества.

Г-жа Журден (*в сторону*). Да, сзади такой же дурак, как и спереди.

Дорант. Даю вам слово, господин Журден, у меня было необычайно сильное желание с вами повидаться. Я питаю к вам совершенно особое уважение: не далее как сегодня утром я говорил о вас в королевской опочивальне.

Г-н Журден. Много чести для меня, ваше сиятельство, (*Г-же Журден.*) В королевской опочивальне!

Дорант. Наденьте же шляпу.

Г-н Журден. Я вас слишком уважаю, ваше сиятельство.

Дорант. Боже мой, да наденьте же! Пожалуйста, без церемоний.

Г-н Журден. Ваше сиятельство...

Дорант. Говорят вам, наденьте, господин Журден: ведь вы мой друг.

Г-н Журден. Ваше сиятельство! Я ваш покорный слуга.

Дорант. Если вы не наденете шляпу, тогда и я не надену.

Г-н Журден (*надевая шляпу*). Лучше показаться неуचितым, чем несоговорчивым.

Дорант. Как вам известно, я ваш должник.

Г-жа Журден (*в сторону*). Да, нам это слишком хорошо известно.

Дорант. Вы были так великодушны, что неоднократно давали мне в долг, и, надо заметить, выказывали при этом величайшую деликатность.

Г-н Журден. Шутить изволите, ваше сиятельство.

Дорант. Однако ж я почитаю непременно своею обязанностью платить долги и умею ценить оказываемые мне любезности.

Г-н Журден. Я в этом не сомневаюсь.

Дорант. Я намерен с вами расквитаться. Давайте вместе подсчитаем, сколько я вам всего должен.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Ну что, жена? Видишь, какую ты на него взвела напраслину?

Дорант. Я люблю расплачиваться как можно скорее.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). А что я тебе говорил?

Дорант. Итак, посмотрим, сколько же я вам должен.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Вот они, твои нелепые подозрения.

Дорант. Вы хорошо помните, сколько вы мне ссудили?

Г-н Журден. По-моему, да. Я записал для памяти. Вот она, эта самая запись. В первый раз выдано вам двести луидоров.

Дорант. Верно.

Г-н Журден. Еще выдано вам сто двадцать.

Дорант. Так.

Г-н Журден. Еще выдано вам сто сорок.

Дорант. Вы правы.

Г-н Журден. Все вместе составляет четыреста шестьдесят луидоров, или пять тысяч шестьдесят ливров.

Дорант. Подсчет вполне верен. Пять тысяч шестьдесят ливров.

Г-н Журден. Тысячу восемьсот тридцать два ливра — вашему поставщику перьев для шляп.

Дорант. Совершенно точно.

Г-н Журден. Две тысячи семьсот восемьдесят ливров — вашему портному.

Дорант. Правильно.

Г-н Журден. Четыре тысячи триста семьдесят девять ливров двенадцать су восемь денье — вашему лавочнику.

Дорант. Отлично. Двенадцать су восемь денье, — подсчет верен.

Г-н Журден. И еще тысячу семьсот сорок восемь ливров семь су четыре денье — вашему седельнику.

Дорант. Все это соответствует истине. Сколько же всего?

Г-н Журден. Итого пятнадцать тысяч восемьсот ливров.

Дорант. Итого верен. Пятнадцать тысяч восемьсот ливров. Дайте мне еще двести пистолей и прибавьте их к общей сумме: получится ровно восемнадцать тысяч франков, каковые я вам возвращу в самое ближайшее время.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Ну что, права я была?

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Отстань!

Дорант. Вас не затруднит моя просьба?

Г-н Журден. Помилуйте!

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Ты для него дойная корова.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Молчи!

Дорант. Если вам это неудобно, я обращусь к кому-нибудь другому.

Г-н Журден. Нет-нет, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Он не успокоится, пока тебя не разорит.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Говорят тебе, молчи!

Дорант. Скажите прямо, не стесняйтесь.

Г-н Журден. Нисколько, ваше сиятельство.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Это настоящий проходимец!

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Да замолчи ты!

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Он высосет из тебя все до последнего су.

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). Да замолчишь ты?

Дорант. Многие с радостью дали бы мне займы, но вы мой лучший друг, и я боялся, что обижу вас, если попрошу у кого-нибудь еще.

Г-н Журден. Слишком много чести для меня, ваше сиятельство. Сейчас схожу за деньгами.

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). Что? Ты ему еще хочешь дать?

Г-н Журден (*г-же Журден, тихо*). А как же быть? Разве я могу отказать такой важной особе, которая еще нынче утром говорила обо мне в королевской опочивальне?

Г-жа Журден (*г-ну Журдену, тихо*). А, да ну тебя, дурак набитый!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дорант, г-жа Журден, Николь.

Дорант. Вы как будто не в духе. Что с вами, госпожа Журден?

Г-жа Журден. Голова у меня кругом идет.

Дорант. А где же ваша уважаемая дочка? Что-то ее не видно.

Г-жа Журден. Моя уважаемая дочка находится именно там, где она сейчас находится.

Дорант. Как она себя чувствует?

Г-жа Журден. Обыкновенно — вот как она себя чувствует.

Дорант. Не угодно ли вам как-нибудь на днях посмотреть вместе с дочкой придворный балет и комедию?

Г-жа Журден. Вот-вот, нам теперь как раз до смеха, как раз до смеха нам теперь!

Дорант. Уж верно, госпожа Журден, в молодости вы славились красотой, приятностью в обхождении и у вас была тьма поклонников.

Г-жа Журден. Хорош сударь, нечего сказать! А что ж теперь, по-вашему: госпожа Журден — совсем развалина, и голова у нее трясется?

Дорант. Ах, боже мой, госпожа Журден, простите! Я совсем забыл, что вы еще молоды; это моя всегдашняя рассеянность виновата. Прошу извинить невольную мою дерзость.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Г-н Журден, г-жа Журден, Дорант, Николь.

Г-н Журден (*Доранту*). Вот вам ровно двести луидоров.

Дорант. Поверьте, господин Журден, что я искренне вам предан и мечтаю быть вам чем-нибудь полезным при дворе.

Г-н Журден. Я вам очень обязан.

Дорант. Если госпожа Журден желает посмотреть придворный спектакль, я велю оставить для нее лучшие места в зале.

Г-жа Журден. Госпожа Журден покорно вас благодарит.

Дорант (*г-ну Журдену, тихо*). Прелестная наша маркиза, как я уже известил вас запиской, сейчас пожалует к вам отобедать и посмотреть балет. В конце концов мне все же удалось уговорить ее побывать на представлении, которое вы для нее устраиваете.

Г-н Журден. Отойдемте на всякий случай подальше.

Дорант. Мы с вами не виделись целую неделю, и до сих пор я ничего вам не мог сказать о брильянте, который я должен был передать от вас маркизе, но все дело в том, что побороть ее щепетильность мне стоило величайшего труда: она согласилась его принять только сегодня.

Г-н Журден. Как он ей понравился?

Дорант. Она от него в восхищении. Я почти уверен, что красота этого брильянта необычайно поднимет вас в ее глазах.

Г-жа Журден. Дай-то бог!

Г-жа Журден (*к Николь*). Стоит им сойтись вместе, мой муженек так к нему и прилипнет.

Дорант. Я приложил все старания, чтобы она составила себе верное понятие как о ценности вашего подарка, так и о силе вашей любви.

Г-н Журден. Не знаю, как вас и благодарить. До чего мне неловко, что такая важная особа, как вы, утруждает себя ради меня!

Дорант. Что вы! Разве можно друзьям быть такими щепетильными? И разве вы в подобном случае не сделали бы для меня того же самого?

Г-н Журден. Ну конечно! С великой охотой.

Г-жа Журден (*к Николь*). Когда он здесь, мне просто невольно.

Дорант. Я по крайней мере, когда нужно услужить другу, на все готов решиться. Как скоро вы мне признались, что пылаете страстью к очаровательной маркизе, моей хорошей знакомой, я сам вызвался быть посредником в ваших сердечных делах.

Г-н Журден. Сущяя правда. Благодеяния ваши приводят меня в смущение.

Г-жа Журден (*к Николь*). Когда же он, наконец, уйдет?

Николь. Их водой не разольешь.

Дорант. Вам удалось найти кратчайший путь к ее сердцу. Женщины больше всего любят, когда на них тратятся, и ваши беспрестанные серенады, ваши бесчисленные букеты, изумительный фейерверк, который вы устроили для нее на реке, брильянт, который вы ей подарили, представление, которое вы для нее готовите, — все это красноречивее говорит о вашей любви, чем все те слова, какие вы могли бы сказать ей лично.

Г-н Журден. Я не останавлиюсь ни перед какими затратами, если только они проложат мне дорогу к ее сердцу. Светская дама имеет для меня ни с чем не сравнимую прелесть, подобную честь я готов купить любой ценой.

Г-жа Журден (*к Николь*). О чем это они столько времени шепчутся? Подойди-ка тихонько да подслушай.

Дорант. Скоро вы ею вволю налюбуетесь, ваш взор насладится ею вполне.

Г-н Журден. Чтобы нам не помешали, я устроил так, что моя жена отправится обедать к сестре и пробудет у нее до самого вечера.

Дорант. Вы поступили благоразумно, а то ваша супруга могла бы нас стеснить. Я от вашего имени отдал распоряжения повару, а также велел все приготовить для балета. Я сам его сочинил, и если только исполнение будет соответствовать замыслу, то я уверен, что от него...

Г-н Журден (*заметив, что Николь подслушивает, дает ей пощечину*). Это еще что? Ну и нахалка! (*Доранту*.) Придется нам уйти.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г-жа Журден, Николь.

Николь. Однако, сударыня, любопытство мне кое-чего стоило. А все-таки тут дело нечисто: они что-то держат от вас в секрете.

Г-жа Журден. Мой муженек давно у меня на подозрении,

Николь. Голову даю на отсечение, что он за кем-то приударяет, — вот я и стараюсь проведать, за кем. Однако ж подумаем о моей дочери. Ты знаешь, что Клеонт влюблен в нее без памяти; мне он тоже пришелся по душе, и я хочу ему посодействовать и, если только удастся, выдать за него Люсиль.

Николь. По правде вам скажу, сударыня, я просто в восторге, что вы так решили: ведь если вам по душе хозяин, то мне по душе слуга, и уж как бы я хотела, чтобы вслед за их свадьбой сыграли и нашу!

Г-жа Журден. Ступай к Клеонту и скажи, что я его зову: мы вместе пойдем к мужу просить руки моей дочери.

Николь. С удовольствием, сударыня. Бегу! Такого приятного поручения я еще никогда не исполняла.

Г-жа Журден уходит.

То-то, наверно, обрадуются!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Клеонт, Ковьель, Николь.

Николь (*Клеонту*). Ах, как вы вовремя! Я вестница вашего счастья и хочу вам...

Клеонт. Прочь, коварная, не смей обольщать меня лживыми своими речами!

Николь. Так-то вы меня встречаете?

Клеонт. Прочь, говорят тебе, сей же час ступай к неверной своей госпоже и объяви, что ей больше не удастся обмануть простодушного Клеонта.

Николь. Это еще что за вздор? Миленький мой Ковьель! Скажи хоть ты, что все это значит?

Ковьель. «Миленький мой Ковьель», — негодная девчонка! А ну, прочь с глаз моих, дрянь ты этакая, оставь меня в покое!

Николь. Как? И ты туда же?..

Ковьель. Прочь с глаз моих, говорят тебе, не смей больше со мной заговаривать!

Николь (*в сторону*). Вот тебе раз! Какая муха укусила их обоих? Пойду расскажу барышне об этом милом происшествии.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Клеонт, Ковьель.

Клеонт. Как! Поступать таким образом со своим поклонником, да еще с самым верным и самым страстным из поклонников!

Ковьель. Ужас как с нами обоими здесь обошлись!

Клеонт. Я расточаю ей весь пыл и всю нежность, на какие я только способен. Ее одну люблю я в целом свете и помышляю лишь о ней. Она одна предмет всех дум моих и всех желаний,

она моя единственная радость. Я говорю лишь о ней, думаю только о ней, вижу во сне лишь ее, сердце мое бьется только ради нее, я дышу только ею. И вот достойная награда за эту преданность мою! Два дня не виделись мы с нею; они тянулись для меня, как два мучительных столетия, вот наконец — негаданная встреча, душа моя возликовала, румянцем счастья залилось лицо, в восторженном порыве я устремляюсь к ней... и что же? Неверная не смотрит на меня, она проходит мимо, как будто мы совсем, совсем чужие!

Ковьель. Я то же самое готов сказать.

Клеонт. Так что же сравнится, Ковьель, с коварством бессердечной Люсиль?

Ковьель. А что сравнится, сударь, с коварством подлой Николь?

Клеонт. И это после такого пламенного самопожертвования, после стольких вздохов и клятв, которые исторгла у меня ее прелесть!

Ковьель. После такого упорного ухаживания, после стольких знаков внимания и услуг, которые я оказал ей на кухне!

Клеонт. Стольких слез, которые я пролил у ее ног!

Ковьель. Стольких ведер воды, которые я перетаскал за нее из колодца!

Клеонт. Как пылко я ее любил — любил до полного самозабвения!

Ковьель. Как жарко было мне, когда я за нее возился с вертелом, — жарко до полного изнеможения!

Клеонт. А теперь она проходит мимо, явно пренебрегая мной!

Ковьель. А теперь она пренагло поворачивается ко мне спиной!

Клеонт. Это коварство заслуживает того, чтобы на нее обрушились кары.

Ковьель. Это вероломство заслуживает того, чтобы на нее посыпались оплеухи.

Клеонт. Смотри ты у меня, не вздумай за нее заступаться!

Ковьель. Я, сударь? Заступаться? Избави бог!

Клеонт. Не смей оправдывать поступок этой изменницы.

Ковьель. Не беспокойтесь.

Клеонт. Не пытайся защищать ее — напрасный труд.

Ковьель. Да у меня и в мыслях этого нет!

Клеонт. Я ей этого не прощу и порву с ней всякие отношения.

Ковьель. Хорошо сделаете.

Клеонт. Ей, по-видимому, вскружил голову этот граф, который бывает у них в доме; я убежден, что она польстилась на его знатность. Однако из чувства чести я не могу допустить, чтобы она первая объявила о своей неверности. Я вижу, что она

стремится к разрыву, и намерен опередить ее: я не хочу уступать ей пальму первенства.

Ковьель. Отлично сказано. Я со своей стороны вполне разделяю ваши чувства.

Клеонт. Так подогрей же мою досаду и поддержи меня в решительной битве с остатком любви к ней, дабы они не подавали голоса в ее защиту. Пожалуйста, говори мне о ней как можно больше дурного. Выставь мне ее в самом черном свете и, чтобы вызвать во мне отвращение, старательно оттени все ее недостатки.

Ковьель. Ее недостатки, сударь? Да ведь это же ломака, смазливая вертихвостка, — нашли, право, в кого влюбиться! Ничего особенного я в ней не вижу, есть сотни девушек гораздо лучше ее. Во-первых, глазки у нее маленькие.

Клеонт. Верно, глаза у нее небольшие, но зато это единственные в мире глаза: столько в них огня, так они блестят, проливают, умиляют.

Ковьель. Рот у нее большой.

Клеонт. Да, но он таит в себе особую прелесть: этот ротик невольно волнует, в нем столько пленительного, чарующего, что с ним никакой другой не сравнится.

Ковьель. Ростом она невелика.

Клеонт. Да, но зато изящна и хорошо сложена.

Ковьель. В речах и в движениях умышленно небрежна.

Клеонт. Верно, но это придает ей своеобразное очарование. Держит она себя обворожительно, в ней так много обаяния, что не покориться ей невозможно.

Ковьель. Что касается ума...

Клеонт. Ах, Ковьель, какой у нее тонкий, какой живой ум!

Ковьель. Говорит она...

Клеонт. Говорит она чудесно.

Ковьель. Она всегда серьезна.

Клеонт. А тебе надо, чтоб она была смешливой, чтоб она была хохотуньей? Что же может быть несноснее женщины, которая всегда готова смеяться?

Ковьель. Но ведь она самая капризная женщина в мире.

Клеонт. Да, она с капризами, тут я с тобой согласен, но красавица все может себе позволить, красавице все можно простить.

Ковьель. Ну, значит, вы ее, как видно, никогда не разлюбите.

Клеонт. Не разлюблю? Нет, лучше смерть. Я буду ненавидеть ее с такой же силой, с какой прежде любил.

Ковьель. Как же это вам удастся, если она, по-вашему, верх совершенства?

Клеонт. В том-то именно и скажется потрясающая сила моей мести, в том-то именно и скажется твердость моего духа,

что я возненавижу и покину ее, несмотря на всю ее красоту, несмотря на всю ее привлекательность для меня, несмотря на все ее очарование. Но вот и она.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Люсиль, Клеонт, Ковель, Николь.

Николь (*к Люсиль*). Я по крайней мере была глубоко возмущена.

Люсиль. Все это, Николь, из-за того, о чем я тебе сейчас напомнила. А, он здесь!

Клеонт (*Ковелью*). Я и говорить с ней не желаю.

Ковель. А я последую вашему примеру.

Люсиль. Что это значит, Клеонт? Что с вами случилось?

Николь. Да что с тобой Ковель?

Люсиль. Отчего вы такой грустный?

Николь. Чего это ты надулся?

Люсиль. Вы утратили дар речи, Клеонт?

Николь. У тебя язык отнялся, Ковель?

Клеонт. Вот злодейка!

Ковель. Вот Иуда!¹

Люсиль. Я вижу, вас расстроила паша сегодняшняя встреча.

Клеонт (*Ковелью*). Ага! Поняли, что натворили.

Николь. Наверно, тебя задело за живое то, как нынче утром мы с вами себя держали.

Ковель (*Клеонту*). Знают кошки, чье мясо съели.

Люсиль. Ведь это единственная причина вашей досады, не правда ли, Клеонт?

Клеонт. Да, коварная, если вам угодно знать, так именно это. Но только я вас предупреждаю, что ваша измена не доставит вам радости: я сам намерен порвать с вами, я лишу вас права считать, что это вы меня оттолкнули. Разумеется, мне будет нелегко побороть мое чувство, меня охватит тоска, некоторое время я буду страдать, но я себя пересилю, и лучше я вырву из груди сердце, чем поддамся слабости и возвращусь к вам.

Ковель (*к Николь*). А куда он, туда и я.

Люсиль. Вот уж много шуму из ничего! Я вам сейчас объясню, Клеонт, почему я сегодня утром уклонилась от встречи с вами.

Клеонт (*пытается уйти от Люсиль*). Ничего не желаю слушать.

Николь (*Ковелью*). Я тебе сейчас скажу, почему мы так быстро прошли мимо.

¹ *Иуда* — один из двенадцати апостолов, предавший, согласно библейской легенде, Христа за 30 сребреников. Имя Иуды стало нарицательным, для обозначения предателей и доносчиков.

Ковьель (*пытается уйти от Николь*). Знать ничего не желаю.

Люсиль (*идет за Клеонтом*). Итак, сегодня утром...

Клеонт (*не глядя на Люсиль, направляется к выходу*).

Еще раз — нет.

Николь (*идет за Ковьелем*). Было бы тебе известно...

Ковьель (*не глядя на Николь, направляется к выходу*).

Притворщица, отстань!

Люсиль. Послушайте!

Клеонт. Конеч всему.

Николь. Дай мне сказать,

Ковьель. Я глух.

Люсиль. Клеонт!

Клеонт. Нет-нет!

Николь. Ковьель!

Ковьель. Ни-ни!

Люсиль. Пойдите!

Клеонт. Басни!

Николь. Послушай!

Ковьель. Вздор!

Люсиль. Минутку!

Клеонт. Ни за что!

Николь. Чуть-чуть терпенья!

Ковьель. Чепуха.

Люсиль. Два только слова!

Клеонт. Все кончено, нет-нет!

Николь. Одно словечко!

Ковьель. Мы не знакомы.

Люсиль (*останавливается*). Ну что ж, раз вы не хотите меня выслушать, то оставайтесь при своем мнении и поступайте как вам заблагорассудится.

Николь (*тоже останавливается*). Коли так, поступай как тебе вздумается.

Клеонт (*поворачивается к Люсиль*). Любопытно, однако ж, знать причину вашего прелестного поведения.

Люсиль (*пытается уйти от Клеонта*). У меня пропало всякое желание об этом с вами говорить.

Ковьель (*поворачивается к Николь*). Послушаем, однако ж, в чем тут дело.

Николь (*хочет уйти от Ковьеля*). У меня пропала всякая охота тебе это объяснять.

Клеонт (*идет за Люсиль*). Скажите же мне...

Люсиль (*не глядя на Клеонта, направляется к выходу*).

Ничего не стану рассказывать.

Ковьель (*идет за Николь*). Растолкуй же мне...

Николь (*не глядя на Ковьеля, направляется к выходу*).

Ничего не стану растолковывать,

Клеонт. О, пощадите!

Люсиль. Еще раз — нет!

Ковьель. Будь так любезна!

Николь. Конец всему.

Клеонт. Я вас молю!

Люсиль. Подите прочь!

Ковьель. Прошу тебя!

Николь. Ступай-ка вон!

Клеонт. Люсиль!

Люсиль. Нет-нет!

Ковьель. Николь!

Николь. Ни-ни!

Клеонт. Ради бога!

Люсиль. Не желаю!

Ковьель. Ну скажи!

Николь. Ни за что.

Клеонт. Пролейте свет!

Люсиль. И не подумаю.

Ковьель. Открой ты мне глаза!

Николь. Была охота!

Клеонт. Ну что ж, коль скоро вы не хотите взять на себя труд разуверить меня и объяснить ваше поведение, которого любовный пламень мой не заслужил, то, неблагодарная, вы видите меня в последний раз: я ухожу, и в разлуке с вами я умру от горя и от любви.

Ковьель (*к Николь*). А я — следом за ним.

Люсиль (*Клеонту, который собирается уходить*). Клеонт!

Николь (*Ковьелю, который идет за своим господином*).

Ковьель!

Клеонт (*останавливается*). Что?

Ковьель (*тоже останавливается*). Ну?

Люсиль. Куда же вы?

Клеонт. Я вам сказал.

Люсиль. Как, вы хотите умереть?

Клеонт. О да, жестокая, вы сами этого хотите.

Ковьель. Мы помирать пошли.

Люсиль. Я? Я хочу вашей смерти?

Клеонт. Да. Вы хотите.

Люсиль. Кто вам сказал?

Клеонт (*подходит к Люсиль*). Как же не хотите, когда вы не хотите разрешить мои сомнения?

Люсиль. Да я-то тут при чем? Если б вы с самого начала соблаговолили меня выслушать, я бы вам сказала, что повинна в утреннем происшествии, причинившем вам такую обиду, моя старая тетка, с которой мы вместе шли: она твердо убеждена, что, если мужчина, не дай бог, подошел к девушке, тем самым он ее уже обесчестил; вечно читает нам об этом проповеди и стара-

ется внушить, что мужнины — это бесы и что от них нужно бежать без оглядки.

Николь (*Ковьелю*). Вот и весь секрет.

Клеонт. А вы не обманываете меня, Люсиль?

Ковьель (*к Николь*). А ты меня не дурачишь?

Люсиль (*Клеонту*). Все это истинная правда.

Николь (*Ковьелю*). Все так и было.

Ковьель (*Клеонту*). Ну что ж, поверить им?

Клеонт. Ах, Люсиль, вам стоит сказать одно только слово — и волнения души моей тотчас же утихают! Как легко убеждают нас те, кого мы любим!

Ковьель. Ну и ловки же умасливать нашего брата эти чертовы куклы.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Г-жа Журден, Клеонт, Люсиль, Ковьель, Николь.

Г-жа Журден. Очень рада вас видеть, Клеонт, вы как раз вовремя. Сейчас придет мой муж; воспользуйтесь случаем и просите у него руки Люсиль.

Клеонт. Ах, сударыня, как отрадно мне слышать эти слова, и как сходятся они с моими собственными желаниями! Что может быть для меня приятнее этого приказа, что может быть для меня дороже этого благоденствия?

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Клеонт, г-н Журден, г-жа Журден, Люсиль, Ковьель, Николь.

Клеонт. Господин Журден! Я решил не прибегать ни к чему посредничеству, чтобы обратиться к вам с просьбой, которая касается давнишней моей мечты. Это слишком важная для меня просьба, и я почел за нужное сам изложить вам ее. Итак, скажу вам, не обинуясь, что честь быть вашим зятем явилась бы для меня наивысшей милостью, и вот эту именно милость я и прошу вас мне оказать.

Г-н Журден. Прежде чем дать вам ответ, сударь, я попрошу вас сказать мне, дворянин вы или нет.

Клеонт. Сударь! Большинство, не задумываясь, ответило бы на этот вопрос утвердительно. Слова нынче дешевы. Люди без зазрения совести присваивают себе дворянское звание, — подобный род воровства, по-видимому, вошел в обычай. Но я на этот счет, признаюсь, более щепетилен. Я полагаю, что всякий обман бросит тень на порядочного человека. Стыдиться тех, от кого тебе небо судило родиться на свет, блистать в обществе вымышленным титулом, выдавать себя не за то, что ты есть на самом деле, — это, на мой взгляд, признак душевной низости. Разумеется, мои предки занимали почетные должности, сам я с честью прослужил

шесть лет в армии, и состояние мое таково, что я надеюсь занять не последнее место в свете; но, со всем тем, я не намерен присваивать себе дворянское звание, несмотря на то, что многие на моем месте сочли бы себя вправе это сделать, и я вам скажу напрямик: я не дворянин.

Г-н Журден. Конечно, сударь: моя дочь — не для вас.

Клеонт. Как?

Г-н Журден. Вы — не дворянин; дочку мою вы не получите.

Г-жа Журден. Да причем тут — дворянин, не дворянин? Мы-то с тобой от ребра Людовика Святого, что ли, происходим?

Г-н Журден. Молчи, жена, я вижу, к чему ты клонишь.

Г-жа Журден. Сами-то мы с тобой не из честных менщанских семей?

Г-н Журден. Вот язык-то без костей у тебя, жена!

Г-жа Журден. Разве наши родители не были купцами?

Г-н Журден. Уж эти бабы! Слова сказать не дадут. Коли твой родитель был купцом, так тем хуже для него, а про моего родителя так могут сказать только злые языки. Одним словом, я хочу, чтобы зять у меня был дворянин.

Г-жа Журден. Твоей дочке нужен муж подходящий: лучше ей выйти за человека честного, богатого да статного, чем за дворянина, нищего да нескладного.

Николь. Вот уж верно! В нашей деревне господский сынок такой увалень и такой оболтус, какого я отроду не видывала.

Г-н Журден (*к Николь*). Замолчи, нахалка! Вечно вмешиваешься в разговор. Добра для дочки у меня припасено довольно, недостает только почета, вот я и хочу, чтоб она была маркизой.

Г-жа Журден. Маркизой?

Г-н Журден. Да, маркизой.

Г-жа Журден. Сохрани господи и помилуй!

Г-н Журден. Это дело решенное.

Г-жа Журден. А я на это никак не согласна. От неравного брака ничего хорошего не жди. Не желаю я, чтоб мой зять стал попрекать мою дочь родителями и чтоб их дети стыдились называть меня бабушкой. Случится ей в один прекрасный день прикатить ко мне в карете, и вот ежели она ненароком кому-нибудь из соседей забудет поклониться, так чего только про нее не наговорят! «Поглядите, скажут, на госпожу маркизу! Видите, как чванится! Это дочка господина Журдена, в детстве она почитала за великое счастье поиграть с нами. Прежде она не была такой спесивой: ведь оба ее деда торговали сукном подле Ворота святого Иннокентия. Нажили детям добра, а теперь, поди, на том свете ох как за это расплачиваются, потому честному человеку никогда так не разбогатеть». Терпеть не могу я этих пересудов. Коротко говоря, я хочу, чтоб мой зять был мне благодарен за доч-

ку и чтоб я могла сказать ему попросту: «Садись-ка, зять, пообедай с нами».

Г-н Журден. Вот тут-то вся твоя мелочная душонка и сказала: тебе бы весь век прозябать в ничтожестве. Довольно разговоров! Наперекор всем дочь моя будет маркизой, а разозлишь меня еще пуще, так я ее герцогиней сделаю.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Г-жа Журден, Люсиль, Клеонт, Николь, Ковьель.

Г-жа Журден. Не унывайте, Клеонт. (*К Люсиль.*) Пойдем-ка, дочка. Ты прямо так отцу и скажи: если не за Клеонта, так ни за кого, мол, не выйду.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Клеонт, Ковьель.

Ковьель. Много вам помогло ваше благородство!

Клеонт. Что поделаешь! Я на этот счет необычно щепетилен, и переломить себя — это выше моих сил.

Ковьель. А кто вам велел относиться к такому человеку серьезно? Разве вы не видите, что он помешался? Ну что вам стоило снизойти к его слабости?

Клеонт. Твоя правда, но я никак не мог предполагать, что для того, чтобы стать зятем господина Журдена, требуется предъявить дворянские грамоты.

Ковьель (*хохочет*). Ха-ха-ха!

Клеонт. Чего ты смеешься?

Ковьель. Я надумал сыграть с нашим умником одну штуку, благодаря которой вы добьетесь своего.

Клеонт. Что такое?

Ковьель. Преуморительная штучка!

Клеонт. Да что же именно?

Ковьель. Тут у нас недавно был маскарад, и для моей затеи это как раз то, что нужно: я думаю воспользоваться этим для того, чтобы обвести вокруг пальца нашего простофилю. Придется, конечно, разыграть комедию, но с таким человеком все можно себе позволить, и раздумывать тут особенно нечего: он свою роль сыграет чудесно и, каких бы небывлиц ему ни наплели, ко всему отнесется с полным доверием. У меня и актеры и костюмы готовы, дайте мне только полную волю.

Клеонт. Но научи же меня...

Ковьель. Сейчас я вам все растолкую. Уйдемте-ка отсюда: вон он опять.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден, один.

Г-н Журден. Что за черт! То и дело колют мне глаза моим знакомством с вельможами, а для меня ничего не может быть приятнее таких знакомых. От них один только почет и уважение.

Я бы позволил отрубить себе два пальца на руке, лишь бы мне родиться графом или же маркизом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден, лакей.

Лакей. Сударь! Там его сиятельство граф под руку с какой-то дамой.

Г-н Журден. Ах, боже мой! Мне нужно еще отдать кое-какие распоряжения. Скажи, что я сейчас.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Доримена, Дорант, лакей.

Лакей. Барин велели сказать, что сейчас выйдут.

Дорант. Очень хорошо.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Доримена, Дорант.

Доримена. Не знаю, Дорант, по-моему, я все же поступила опрометчиво, что позволила вам привезти меня в незнакомый дом.

Дорант. Где же в таком случае, маркиза, моя любовь могла бы вас приветствовать, коль скоро вы во избежание огласки не желаете со мной встречаться ни у себя, ни у меня?

Доримена. Да, но вы не хотите сознаться, что я незаметно для себя привыкаю к ежедневным и слишком сильным доказательствам вашей любви ко мне. Сколько бы я ни отказывалась, в конце концов я все же сдаюсь на ваши уговоры: своею деликатною настойчивостью вы добиваетесь от меня того, что я готова исполнить любое ваше желание. Началось с частых посещений, за ними последовали признания, признания повлекли за собой серенады и представления, а там уж пошли подарки. Я всему этому сопротивлялась, но вы неисправимы, и всякий раз вам удается сломить мое упорство. Теперь я уже ни за что не отвечаю: боюсь, что вы все же склоните меня на брак, хотя я всячески этого избегала.

Дорант. Давно пора, маркиза, уверяю вас. Вы — вдова, вы ни от кого не зависите. Я тоже сам себе господин и люблю вас больше жизни. Отчего бы вам сегодня же не составить мое счастье?

Доримена. Ах, боже мой, Дорант, для того чтобы совместная жизнь была счастливой, от обеих сторон требуется слишком много! Как часто благоразумнейшим супругам не удается создать союз, который бы их удовлетворял!

Дорант. Помилуйте, маркиза, вы явно преувеличиваете трудности, а ваш собственный опыт еще ничего не доказывает.

Доримена. Как бы там ни было, я возвращаюсь к тому же. Я ввожу вас в расходы, и это меня беспокоит: во-первых, они обя-зывают меня больше, чем я бы хотела, а во-вторых, простите

за откровенность, я уверена, что они не могут вас не обременять, а мне это неприятно.

Дорант. Ах, маркиза, это сущие пустяки, вас это не должно...

Доримена. Я знаю, что говорю. Между прочим, брильянт, который вы заставили меня принять,— такая дорогая вещь...

Дорант. Маркиза, умоляю вас, не переоценивайте вещицы, которую моя любовь считает недостойною вас! Позвольте... Но вот и хозяин дома.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Г-н Журден, Доримена, Дорант.

Г-н Журден (*сделав два поклона, оказывается на слишком близком расстоянии от Доримены*). Чуть-чуть назад, сударыня.

Доримена. Что?

Г-н Журден. Если можно, на один шаг.

Доримена. Что такое?

Г-н Журден. Отступите немного, а то я не могу сделать третий поклон.

Дорант. Господин Журден любит изысканное обхождение.

Г-н Журден. Сударыня! Это величайшая для меня радость, что я оказался таким баловнем судьбы и таким, можно сказать, счастливецом, что имею такое счастье и вы были так добры, что сделали мне милость и пожелали почтить меня почетом благосклонного своего присутствия, и если б только я был достоин удостоиться таких достоинств, каковы ваши... и небо... завидующие моему блаженству... предоставило мне... преимуществу заслужить... заслужить...

Дорант. Довольно, господин Журден. Маркиза не любит длинных комплиментов. Она и так уже наслышана о необычайной остроте вашего ума. (*Доримене, тихо.*) Как видите, у этого славного мещанина манеры довольно забавные.

Доримена (*Доранту, тихо*). Это нетрудно заметить.

Дорант. Позвольте вам представить, маркиза, лучшего моего друга...

Г-н Журден. Это для меня слишком много чести.

Дорант. ...человека вполне светского.

Доримена. Я испытываю к нему глубокое уважение.

Г-н Журден. Я еще ничего не сделал, сударыня, чтобы заслужить такую милость.

Дорант (*г-ну Журдену, тихо*). Смотрите не проговоритесь о брильянте, который вы ей подарили.

Г-н Журден (*Доранту, тихо*). Можно только спросить, как он ей понравился?

Дорант (*г-ну Журдену, тихо*). Что вы! Боже вас сохрани! Это было бы с вашей стороны неучтиво. Если желаете походить

на вполне светского человека, то, наоборот, сделайте вид, будто это не вы ей подарили. (*Доримене, громко.*) Господин Журден говорит, что он вам несказанно рад.

Доримена. Я очень тронута.

Г-н Журден (*Доранту, тихо*). Как я вам признателен, что вы замолвили за меня словечко перед маркизой!

Дорант (*г-ну Журдену, тихо*). Я еле уговорил ее поехать к вам.

Г-н Журден (*Доранту, тихо*). Не знаю, чем мне вас отблагодарить.

Дорант. Он говорит, маркиза, что вы первая в мире красавица.

Доримена. Мне это очень лестно.

Г-н Журден. Это мне, сударыня, лестно, что вы...

Дорант. А не пора ли обедать?

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Г-н Журден, Доримена, Дорант, лакей.

Лакей (*г-ну Журдену*). Все готово, сударь.

Дорант. В таком случае пойдемте к столу, пусть позовут певцов.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Балет

Шесть поваров, приготовивших парадный обед, танцуют вместе, что и составляет третью интермедию¹, затем они вносят уставленный блюдами стол.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Доримена, Дорант, г-н Журден, трое певцов, лакеи.

Доримена. Дорант! Что я вижу! Да это же роскошный пир!

Г-н Журден. Полноте, сударыня, я бы хотел предложить вашему вниманию что-нибудь более великолепное.

Доримена, г-н Журден, Дорант и трое певцов садятся за стол.

Дорант. Господин Журден совершенно прав, маркиза, я ему весьма признателен за то, что он вам оказывает столь радушный прием. Я с ним согласен, что обед недостаточно для вас великолепен. Я его заказывал сам, но в этой области я не такой тонкий знаток, как некоторые наши друзья, а потому и трапеза

¹ Интермедия — небольшая пьеска, исполняемая в перерывах между актами большой пьесы.

получилась не очень изысканная, так что вы найдете здесь прямые нарушения правил поваренного искусства и отклонения от строгого вкуса. Вот если б это взял на себя Дамис, тогда уж ни к чему нельзя было бы придаться: во всем были бы видны изящество и знание дела; он сам расхваливал бы каждое кушанье и в конце концов вынудил бы вас признать его незаурядные способности к науке чревоугодия. Он рассказал бы вам о поджаренных хлебцах со сплошной золотистой корочкой, нежно похрустывающей на зубах, о бархатистом, в меру терпком вине, о бараньей лопатке, наштигованной петрушкой, о затылке нормандского теленка, вот этаком длинном, белом, нежном, который так и тает во рту, о дивно пахнущих куропахтах и, как о венце творенья, о бульоне с блестками жира, за которым следует молоденькая упитанная индейка, обложенная голубыми и украшенная белыми луковицами вперемешку с цикорием. А что касается меня, то я принужден сознаться в собственном невежестве и, пользуясь удачным выражением господина Журдена, хотел бы предложить вашему вниманию что-нибудь более великолепное.

Доримена. Я ем с большим аппетитом — вот как я отвечаю на ваш комплимент.

Г-н Журден. Ах, какие прелестные ручки!

Доримена. Руки обыкновенные, господин Журден, но вы, вероятно, имеете в виду брильянт, — вот он действительно очень хорош.

Г-н Журден. Что вы, сударыня, боже меня сохрани, это было бы недостойно светского человека, да к тому же сам брильянт — сушья безделица.

Доримена. Вы слишком требовательны.

Г-н Журден. А вы чересчур снисходительны.

Дорант *(делает знак г-ну Журдену; лакею)*. Налейте вина господину Журдену и вот этим господам, а они будут так любезны, что споют нам застольную песню.

Доримена. Музыка — чудесная приправа к хорошему обеду. Должна заметить, что угощают меня здесь на славу.

Г-н Журден. Сударыня! Не мне...

Дорант. Господин Журден! Послушаем наших певцов: то, что они нам скажут, куда лучше всего того, что можем сказать мы.

Первый и второй певцы *(поют с бокалами в руках)*.

Филида! Сделай знак мне пальчиком своим, —

Вино в твоих руках так искристо сверкает!

Твоя краса меня одушевляет,

И страстию двойной я ныне одержим.

Вино, и ты, и я — отныне быть должны мы

Навек неразделимы.

Вино в твоих устах горит живым огнем,

Твои уста вино окраску сообщают.
О, как они друг друга дополняют!
Я опьянен вдвойне — тобою и вином.
Вино, и ты, и я — отныне быть должны мы
Навек неразделимы!

Второй и третий певцы.

Будем, будем пить вино, —
Время слишком быстролетно:
Надо, надо беззаботно
Брать, что в жизни суждено!
Темны реки забвенья волны:
Там нет ни страсти, ни вина,
А здесь бокалы полны, —
Так пей, так пей до дна!
Пусть разумники порой
Речи мудрые заводят,
Наша мудрость к нам приходит
Лишь с бутылкой и едой.
Богатство, знание и слава
Не избавляют от забот.
Кто пьян — имеет право
Сказать, что он живет!

Все трое (*вместе*).

Лей, мальчик, лей, полнее наливай.
Пока не перельется через край!

Доримена. Лучше спеть невозможно. Просто прекрасно!
Г-н Журден. А я вижу перед собой, сударыня, нечто более прекрасное.

Доримена. Что я слышу? Я и не думала, что господин Журден может быть так любезен.

Дорант. Помилуйте, маркиза! За кого же вы принимаете господина Журдена?

Г-н Журден. Я хочу, чтоб она меня принимала за чистую монету.

Доримена. Опять?

Дорант. Вы его еще не знаете.

Г-н Журден. Она меня узнает, как только пожелает.

Доримена. Да он неистощим!

Дорант. Господин Журден за словом в карман не лезет. Но вы даже не замечаете, маркиза, что он доедает все кусочки, до которых вы дотрагиваетесь.

Доримена. Господин Журден приводит меня в восхищение.

Г-н Журден. Вот если б я мог надеяться на похищение вашего сердца, я был бы...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Г-жа Журден, г-н Журден, Доримена, Дорант, певцы, лакеи.

Г-жа Журден. Ба! Ба! Да здесь приятная компания, и, как видно, меня не ждали! Так вот почему тебе не терпелось, любезный мой супруг, спровадить меня на обед к моей сестре! Сначала представление, а потом и пир горой! Нечего сказать, нашёл куда девать денежки: потчуешь в мое отсутствие дам, нанимаешь для них певцов и комедиантов, а меня — со двора долой.

Дорант. Что вы говорите, госпожа Журден? Что это у вас за фантазия. Откуда вы взяли, что ваш муж тратит деньги и что это он дает в честь дамы обед? Да будет вам известно, что обед устраиваю я, а он только предоставил для этого свой дом, — советую вам прежде подумать хорошенько, а потом уже говорить.

Г-н Журден. Вот то-то, глупая: обед устраивает его сиятельство граф в честь этой знатной дамы. Он оказал мне особую милость тем, что избрал для этого мой дом и пригласил и меня.

Г-жа Журден. Все враки. Я знаю, что знаю.

Дорант. Наденьте, госпожа Журден, очки получше.

Г-жа Журден. Мне очки не нужны, сударь, я и так хорошо вижу. Я давно уже чую недоброе; напрасно вы думаете, что я такая дура. Стыдно вам, благородному господину, потакать дурачествам моего мужа. И вам, сударыня, такой важной даме, не к лицу и негоже вносить в семью раздор и позволять моему мужу за вами волочиться.

Доримена. Что все это значит? Послушайте, Дорант, вы издеваетесь надо мной? Заставлять меня выслушивать нелепые бредни этой вздорной женщины!

Дорант (*бежит за Дорименой*). Маркиза, погодите! Маркиза, куда же вы?

Г-н Журден. Сударыня!.. Ваше сиятельство! Извинитесь перед ней за меня и уговорите ее вернуться.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г-жа Журден, г-н Журден, лакеи.

Г-н Журден. Ах ты, дура этакая, вот что ты натворила! Осрамила меня перед всем светом! Ведь это же надо: выгнать из моего дома знатных особ!

Г-жа Журден. Плевать мне на их знатность.

Г-н Журден. Вот я тебе сейчас, окаянная, разобью голову тарелкой за то, что ты расстроила наш обед!

Лакеи выносят стол.

Г-жа Журден (*уходя*). Испугалась я тебя, как же! Я свои права защищаю, все женщины будут на моей стороне.

Г-н Журден. Счастье твое, что ты скорей от меня наутек!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г-н Журден, один.

Г-н Журден. Вот уж не вовремя явилась! Я как нарочно был в ударе, блистал остроумием. А это еще что такое?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, Ковьель, переодетый.

Ковьель. Не знаю, сударь, имею ли я честь быть вам знакомым.

Г-н Журден. Нет, сударь.

Ковьель (*показывает рукой на фут от полу*). А я знал вас еще вот таким.

Г-н Журден. Меня?

Ковьель. Да. Вы были прелестным ребенком, и все дамы брали вас на руки и целовали.

Г-н Журден. Меня? Целовали?

Ковьель. Да. Я был близким другом вашего покойного батюшки.

Г-н Журден. Моего покойного батюшки?

Ковьель. Да. Это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Как вы сказали?

Ковьель. Я сказал, что это был настоящий дворянин.

Г-н Журден. Кто, мой отец?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Вы его хорошо знали?

Ковьель. Ну еще бы!

Г-н Журден. И вы его знали за дворянина?

Ковьель. Разумеется.

Г-н Журден. Вот после этого и верь людям!

Ковьель. А что?

Г-н Журден. Есть же такие олухи, которые уверяют, что он был купцом!

Ковьель. Купцом? Да это явный поклец, он никогда не был купцом. Видите ли, он был человек весьма обходительный, весьма услужливый, а так как он отлично разбирался в тканях, то постоянно ходил по лавкам, выбирал, какие ему нравились, приказывал отнести их к себе на дом, а потом раздавал друзьям за деньги.

Г-н Журден. Я очень рад, что с вами познакомился; вы, я думаю, не откажетесь засвидетельствовать, что мой отец был дворянин.

Ковьель. Я готов подтвердить это перед всеми.

Г-н Журден. Вы чрезвычайно меня обяжете. Чем же могу вам служить?

Ковьель. С той поры, когда я водил дружбу с покойным вашим батюшкой — как я вам уже сказал, с этим настоящим дворянином, — я успел объехать весь свет.

Г-н Журден. Весь свет?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Должно полагать, это очень далеко.

Ковьель. Конечно. Всего четыре дня, как я возвратился из долгого путешествия, и так как я принимаю близкое участие во всем, что касается вас, то почел своим долгом прийти сообщить вам в высшей степени приятную для вас новость.

Г-н Журден. Какую?

Ковьель. Известно ли вам, что сын турецкого султана находится здесь?

Г-н Журден. Мне? Нет, не известно.

Ковьель. Как же так? У него блестящая свита, все сбегается на него посмотреть, его принимают у нас как чрезвычайно важное лицо.

Г-н Журден. Ей-богу, ничего не знаю.

Ковьель. Для вас тут существенно то, что он влюблен в вашу дочь.

Г-н Журден. Сын турецкого султана?

Ковьель. Да. И он метит к вам в зятя.

Г-н Журден. Ко мне в зятя? Сын турецкого султана?

Ковьель. Сын турецкого султана — к вам в зятя. Я посетил его, турецкий язык я знаю в совершенстве, мы с ним разговорились, и, между прочим, он мне сказал: «Аксам крок солер онш алла мустаф гиделум аманахем варахини уссерэ карбулат», то есть: «Не видал ли ты молодой красивой девушки, дочери господина Журдена, парижского дворянина?»

Г-н Журден. Сын турецкого султана так про меня сказал?

Ковьель. Да. Я ответил, что знаю вас хорошо и дочку вашу видел, а он мне на это: «Ах, марабаба сахем!» — то есть: «Ах, как я люблю ее!»

Г-н Журден. «Марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Хорошо, что вы сказали, — сам бы я нипочем не догадался, что «марабаба сахем» значит: «Ах, как я люблю ее!» Какой изумительный язык?

Ковьель. Еще какой изумительный! Вы знаете, что значит «какаракамушен»?

Г-н Журден. «Какаракамушен»? Нет.

Ковьель. Это значит: «Душенька моя».

Г-н Журден. «Какаракамушен» значит: «Душенька моя»?

Ковьель. Да.

Г-н Журден. Чудеса! «Какаракамушен» — «душенька моя»! Кто бы мог подумать! Просто поразительно!

Ковьель. Так вот, исполняя его поручения, я довожу до

вашего сведения, что он прибыл сюда просить руки вашей дочери, а чтобы будущий тесть по своему положению был достоин его, он вознамерился произвести вас в «мамамуши»¹ — это у них такое высокое звание.

Г-н Журден. В «мамамуши»?

Ковьель. Да. «Мамамуши» — по-нашему все равно что паладин². Паладин — это у древних... одним словом, паладин. Это самый почетный сан, какой только есть в мире, — вы станете в один ряд с наизнатнейшими вельможами.

Г-н Журден. Сын турецкого султана делает мне великую честь. Пожалуйста, проводите меня к нему: я хочу его поблагодарить.

Ковьель. Зачем? Он сам к вам приедет.

Г-н Журден. Он ко мне приедет?

Ковьель. Да, и привезет с собой все, что нужно для церемонии вашего посвящения.

Г-н Журден. Уж больно он скор.

Ковьель. Его любовь не терпит промедления.

Г-н Журден. Меня смущает одно: моя дочь упряма, влюбилась по уши в некоего Клеонта и клянется, что выйдет только за него.

Ковьель. Она передумает, как скоро увидит сына турецкого султана. Кроме того, тут есть одно необычайное совпадение: дело в том, что сын турецкого султана и Клеонт похожи друг на друга как две капли воды. Я видел этого Клеонта, мне его показали... так что чувство, которое она питает к одному, легко может перейти на другого, и тогда... Однако я слышу шаги турка. Вот и он.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Клеонт, одетый турком, три пажа несут полы его кафтана,
г-н Журден, Ковьель.

Клеонт. Амбусахим оки бораф, Джиурдина, селям алей-кюм.

Ковьель (*г-ну Журдену*). Это значит: «Господин Журден! Да цветет сердце ваше круглый год, будто розовый куст». Это у них все так изысканно выражаются.

Г-н Журден. Я — покорнейший слуга его турецкого высочества.

Ковьель. Каригар камбото устин мораф.

Клеонт. Устин йок катамалеки басум басэ алла моран.

Ковьель. Он говорит: «Да ниспошлет вам небо силу льва и мудрость змеи».

¹ *Мамамуши* — мнимотурецкое слово, сочиненное Мольером и ставшее нарицательным для обозначения чванлых вельмож.

² *Паладин* — знатный рыцарь из свиты феодального государя.

Г-н Журден. Его турецкое высочество оказывает мне слишком большую честь, я же со своей стороны желаю ему всяческого благополучия.

Ковьель. Осса бинамен садок бабалли оракаф урам.

Клеонт. Ни бель мес.

Ковьель. Он говорит, чтобы вы сей же час шли с ним готовиться к церемонии, а затем отвели его к дочке на предмет заключения брачного союза.

Г-н Журден. Это он столько выразил в трех словах?

Ковьель. Да. Таков турецкий язык: всего несколько слов, а сказано много. Идите же с ним скорей!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ковьель, один.

Ковьель. Ха-ха-ха! Потеха, право потеха! Этаким дурачина! Выучи он свою роль заранее, все равно лучше бы не сыграл. Ха-ха-ха!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дорант, Ковьель.

Ковьель. Сударь! Помогите нам, пожалуйста, в одном деле, которое мы затеяли в этом доме.

Дорант. Ха-ха-ха! Это ты, Ковьель? Тебя просто не узнать. Как это ты так вырядился?

Ковьель. Как видите. Ха-ха-ха!

Дорант. Чего ты смеешься?

Ковьель. Уж очень забавная, сударь, история, оттого и смеюсь.

Дорант. Что же это такое?

Ковьель. Бьюсь об заклад, сударь, что вы не догадаетесь, какую ловушку приготовили мы для господина Журдена, чтобы он согласился на брак своей дочери с моим господином.

Дорант. Я не догадываюсь, какая именно это ловушка, но зато догадываюсь, что успех ей обеспечен, коль скоро за дело берешься ты.

Ковьель. Вам, конечно, сударь, известно, на какого зверя мы охотимся.

Дорант. Расскажи мне, что вы задумали.

Ковьель. Потрудитесь отойти в сторонку, а то вон уже куда идут,— надо пропустить. Вы увидите часть комедии, а я тем временем доскажу остальное.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Турецкая церемония

**Муфтий, дервиши, турки, поющие и танцующие,
свита муфтия.**

Первый балетный выход

Шестеро турок под музыку торжественно идут парами. Они несут три ковра и, протанцвав несколько фигур, поднимают ковры над головой. Поющие турки проходят под этими коврами, а затем выстраиваются по обе стороны сцены.

Муфтий с дервишами замыкают шествие. Далее турки расстилают ковры и становятся на колени, муфтий и дервиши стоят посередине. Муфтий разными ужимками и гримасами, но без слов, призывает Магомета, а в это время турки, составляющие его свиту, prostираются ниц и поют «Алла», затем воздевают руки к небу и слова поют «Алла», и так до конца муфтиевой молитвы, после чего все они поднимаются с полу и поют «Алла экбер», а двое дервишей идут за г-ном Журденом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Муфтий, дервиши, турки, поющие и танцующие, г-н Журден, одетый турком, с бритой головой, без тюрбана и без сабли.

Муфтий (*г-ну Журдену*).

Когда ты знай,
То отвечай.
Когда не знай,
Тогда молчай.
Я муфтий здесь,
А ты кто есть?
Не понимай?
Молчай, молчай!

Двое дервишей уводят г-на Журдена.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Муфтий, дервиши, турки, поющие и танцующие.

Муфтий. Сказать мне, турки, кто он иста. Анабаптиста?
Анабаптиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Цвинглиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Коффиста?

Турки. Йок.

Муфтий. Гусита? Мориста? Фрониста?¹

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Язычникана?

Турки. Йок.

Муфтий. Лютерана?

Турки. Йок.

Муфтий. Пуритана?

Турки. Йок.

Муфтий. Брамина? Моффина? Зурина?

Турки. Йок. Йок. Йок.

Муфтий. Йок. Йок. Йок. Магометана? Магометана?

Турки. Эй валла! Эй валла!

Муфтий. Как прозваньо? Как прозваньо?

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

¹ Перечисляя различные вероисповедания, Мольер добавляет к ним и несколько вымышленных — «мориста», «фрониста», «моффина», «зурина».

Муфтий (*подпрыгивая*). Джиурдина. Джиурдина.

Турки. Джиурдина. Джиурдина.

Муфтий. Магомета господина!
Я просить за Джиурдина,
Его сделать паладина,
Дать ему алебардина
И отправить Палестина
На галера бригантина,
И со всеми сарацина
Воевать христианина.
Магомета господина!
Я просить за Джиурдина.

(*Туркам.*) Карош турка Джиурдина?

Турки. Эй валла! Эй валла!

Муфтий (*поет и пляшет*). Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба,
ба-ла-да.

Турки. Ха-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Турки, поющие и танцующие.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Муфтий, дервиши, г-н Журден, турки, поющие и танцующие.

Второй балетный выход

Впереди идет муфтий; на голове у муфтия — невероятной величины парадный тюрбан, к которому в несколько рядов прикреплены зажженные свечи; за ним двое дервишей в остроконечных шапках, на которых тоже красуются зажженные свечи, несут Коран. Двое других дервишей вводят г-на Журдена и ставят его на колени так, чтобы руки касались земли, а спина служила подставкой для Корана; муфтий кладет ему на спину Коран и снова начинает, паясничая, призывать Магомета: сдвигает брови, время от времени ударяет рукой по Корану и быстро-быстро его перелистывает, затем воздевает руки к небу и восклицает: «Гу!» Во время этой второй церемонии турки, составляющие его свиту, то наклоняются, то выпрямляются и тоже восклицают: «Гу-гу-гу!»

Г-н Журден (*после того как у него со спины сняли Коран*). Ух!

Муфтий (*к-ну Журдену*).
Твой не обманос?

Турки. Нет, нет, нет.

Муфтий. Не шарлатанос?

Турки. Нет, нет, нет.

Муфтий (*туркам*).

Дать ему тюрбанос!

Турки. Твой не обманос?

Нет, нет, нет.

Не шарлатанос?

Нет, нет, нет.

Дать ему тюрбанос!

Третий балетный выход

Танцующие турки под музыку надевают на г-на Журдена тюбан.

Муфтий (*подавая г-ну Журдену саблю*).

Твой — дворян. Не вру ни капля,

Вот тебе сабля.

Турки (*обнажая сабли*).

Твой — дворян. Не вру ни капля,

Вот тебе сабля.

Четвертый балетный выход

Танцующие турки в такт музыке наносят г-ну Журдену удары саблями
плашмя.

Муфтий. Палка, палка,

Бей — не жалка,

Турки. Палка, палка.

Бей — не жалка.

Пятый балетный выход

Танцующие турки в такт музыке бьют г-на Журдена палками.

Муфтий. Не бояться,
Не стыдиться,

Если хочешь

Посвятиться!

Турки. Не бояться,
Не стыдиться,

Если хочешь

Посвятиться!

Муфтий в третий раз начинает призывать Магомета. Дerviши почтительно поддерживают его под руки; затем турки, и поющие и танцующие, начинают прыгать вокруг муфтия и наконец удаляются вместе с ним и уводят с собой г-на Журдена.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Г-жа Журден, г-н Журден.

Г-жа Журден. Господи помилуй! Это еще что такое? На кого ты похож? Что это ты на себя напялил? Рядиться вздумал? Да говори же наконец, что все это значит? Кто это тебя таким шутом гороховым вырядил?

Г-н Журден. Вот дура! Так разговаривать с мамamuши!

Г-жа Журден. Что такое?

Г-н Журден. Да-да, теперь все должны быть со мной почтительны. Меня только что произвели в мамamuши.

Г-жа Журден. Как это понять — мамamuши?

Г-н Журден. Говорят тебе, мамamuши. Я теперь мамamuши.

Г-жа Журден. Это еще что за зверь?

Г-н Журден. Мамамуши по-нашему — паладин.

Г-жа Журден. Балдин? Балда ты и есть. Вздумал на старости лет в пляс пускаться.

Г-н Журден. Вот темнота! Это такой сан, в который меня сейчас посветили.

Г-жа Журден. Как так — посветили?

Г-н Журден. Магомета господина! Я молить за Джиурдина.

Г-жа Журден. Что это значит?

Г-н Журден. Джиурдина — значит Журден.

Г-жа Журден. Ну, Журден, а дальше?

Г-н Журден. Его сделать паладина.

Г-жа Журден. Как?

Г-н Журден. И отправить в Палестина на галера бригаantina.

Г-жа Журден. Это зачем же?

Г-н Журден. И со всеми сарацина воевать христианина.

Г-жа Журден. Да что ты несешь?

Г-н Журден. Палка, палка, бей — не жалка.

Г-жа Журден. Что за тарабарщина!

Г-н Журден. Не бояться, не стыдиться, если хочешь посвятиться.

Г-жа Журден. Да что же это такое?

Г-н Журден (*приплясывает и поет*). У-ла-ба, ба-ла-шу, ба-ла-ба, ба-ла-да. (*Падает.*)

Г-жа Журден. Боже милосердный! Мой муж совсем с ума сошел!

Г-н Журден (*встает и направляется к выходу*). Перестань, грубиянка! Относись с уважением к господину мамамуши (*Уходит.*)

Г-жа Журден (*одна.*) Когда же это он успел рехнуться? Скорей за ним, а то еще убежит из дому! (*Увидев Доримену и Доранта.*) А-а, вас здесь только не хватало! Час от часу не легче.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дорант, Доримена.

Дорант. Да, маркиза, вас ожидает презабавное зрелище. Могу ручаться, что такого сумасброда, каков наш Журден, вы нигде не найдете. Затем наш долг — принять участие в сердечных делах Клеонта и поддержать его затею с маскарадом. Он премилый человек, ему стоит помочь.

Доримена. Я о нем очень высокого мнения. Он вполне достоин счастья.

Дорант. Помимо всего этого, нам не следует пропускать балет, который, собственно говоря, для нас же и устраивается. Посмотрим, насколько удачен мой замысел.

Доримена. Я заметила здесь грандиозные приготовления. Вот, что, Дорант: больше я этого не потерплю. Да-да, я хочу положить конец вашей расточительности: чтобы вы больше на меня не тратились, я решила выйти за вас замуж не откладывая. Это единственное средство: со свадьбой все эти безумства кончатся.

Дорант. Неужели вы и правда намерены принять столь отрадное для меня решение?

Доримена. Это только для того, чтобы вы не разорились, иначе, я убеждена, недалек тот час, когда вы останетесь без гроша.

Дорант. О, как я признателен вам за ваши заботы о моем состоянии! оно всецело принадлежит вам, так же точно, как и мое сердце; распоряжайтесь ими по своему благоусмотрению.

Доримена. Я сумею распорядиться тем и другим. Но вот и наш чудак. Вид у него обворожительный!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Г-н Журден, Доримена, Дорант.

Дорант. Милостивый государь! Мы с маркизой явились поздравить вас с новым званием и разделить вашу радость по поводу предстоящего бракосочетания вашей дочери с сыном турецкого султана.

Г-н Журден (*кланяется им по-турецки*). Желаю вам, ваше сиятельство, силы змеи и мудрости льва.

Доримена. Я имею счастье одною из первых приветствовать вас по случаю того, что вы взобрались на высшую ступень славы.

Г-н Журден. Желаю вам, сударыня, чтоб ваш розовый куст цвел круглый год. Я вам бесконечно благодарен за то, что вы гризли меня честовать, и весьма рад, что вы снова здесь и что я могу принести вам искренние извинения за дикую выходку моей жены.

Доримена. Пустое! Я охотно прощаю ей этот невольный морыв. Вы ей, разумеется, дороги, и нет ничего удивительного, что, обладая таким сокровищем, она испытывает некоторые опасения.

Г-н Журден. Все права на обладание моим сердцем принадлежат вам.

Дорант. Вы видите, маркиза, что господин Журден не из тех людей, которых ослепляет благополучие: он и в счастье не забывает своих друзей.

Доримена. Это признак души истинно благородной.

Дорант. А где же его турецкое высочество? Мы хотели бы в качестве ваших друзей засвидетельствовать ему свое почтение.

Г-н Журден. Вот он идет. Я уж послал за дочерью, чтоб она отдала ему руку и сердце.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Г-н Журден, Доримена, Дорант, Клеонт, одетый турком.

Дорант (*Клеонту*). Ваше высочество! В качестве друзей вашего почтенного тестя мы явились засвидетельствовать вам глубочайшее наше уважение и всепокорнейше принести уверения в совершенной нашей преданности.

Г-н Журден. Где же это толмач? Он бы вас ему представил и растолковал, что вы хотите сказать. Вот увидите, он вам непременно ответит: он прекрасно говорит по-турецки. Эй! Эй! Куда же это его унесло (*Клеонту*.) Струф, стриф, строф, страф. Этот каспатин, балшой велмош, балшой велмош, а эта каспаша — ух какой снатна тама, ух какой снатна тама! (*Видя, что тот ничего не понимает.*) Ага! (*Указывает на Доранта.*) Он — французский мамамуши, она — французская мамамушиня. Яснее выразиться не могу. Вот, слава богу, и переводчик.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Г-н Журден, Доримена, Дорант, Клеонт, одетый турком.
Ковьель, тоже переодетый.

Г-н Журден. Где же вы? Мы без вас как без рук. (*Указывая на Клеонта.*) Скажите ему, пожалуйста, что этот господин и эта дама — особы из высшего общества и что они в качестве моих друзей явились засвидетельствовать ему свое почтение и принести уверения в преданности. (*Доримене и Доранту.*) Пожалуйста, что он ответит.

Ковьель. Алабала кросьям якши борам алабамен.

Клеонт. Каталекитубал урин сотер амалушан.

Г-н Журден (*Доранту и Доримене*). Слышите?

Ковьель. Он желает, чтобы дождь благоденствия во всякое время орошал вертоград¹ вашего семейства.

Г-н Журден. Я вам не зря сказал, что он говорит по-турецки!

Дорант. Поразительно!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Люсиль, Клеонт, г-н Журден, Доримена, Дорант,
Ковьель.

Г-н Журден. Иди сюда, дочь моя, подойди поближе и дай руку этому господину, — он делает тебе честь, что сватается за тебя.

Люсиль. Что с вами, батюшка? Что вы с собой сделали? Или вы комедию играете?

¹ Вертоград — сад (книжное, устаревшее).

Г-н Журден. Нет-нет, это вовсе не комедия, это дело очень даже серьезное и такое для тебя почетное, что лучше не придумаешь. (*Указывая на Клеонта.*) Вот кого я даю тебе в мужья.

Люсиль. Мне, батюшка?

Г-н Журден. Ну да, тебе. Скорей подай ему руку и благодари бога за такое счастье.

Люсиль. Я не желаю выходить замуж.

Г-н Журден. А я, твой отец, этого желаю.

Люсиль. Ни за что.

Г-н Журден. Без всяких разговоров! Поживей, тебе говорят! Ну, давай же руку!

Люсиль. Нет батюшка, я уже вам сказала, что нет такой силы, которая принудила бы меня выйти замуж за кого-нибудь, кроме Клеонта. Я скорей решусь на любую крайность, чем... (*Узнает Клеонта.*) Конечно, вы — мой отец, я должна вам беспрекословно повиноваться, устраивайте мою судьбу как вам будет угодно.

Г-н Журден. Ах, как я рад, что сознание долга так скоро к тебе вернулось! Хорошо иметь послушную дочь.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Г-жа Журден, Клеонт, г-н Журден, Люсиль, Дорант,
Доримена, Коввель.

Г-жа Журден. Это что такое? Что это еще за новости? Говорят, ты собрался выдать свою дочь за какого-то шута?

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты, нахалка? Надоели мне твои дикие выходки! Ничем тебя не вразумишь!

Г-жа Журден. Это тебя никакими силами не приведешь в разум: так и жди какого-нибудь нового сумасбродства. Что это ты задумал, и к чему это собираешься?

Г-н Журден. Я хочу выдать нашу дочь за сына турецкого султана.

Г-жа Журден. За сына турецкого султана?

Г-н Журден. Да. (*Указывая на Коввеля.*) Засвидетельствуй ему свое почтение вот через этого толмача.

Г-жа Журден. Не нужно мне никакого толмача, я сама ему скажу прямо в глаза, что дочери моей ему не видать.

Г-н Журден. Да замолчишь ли ты наконец?

Дорант. Помилуйте, госпожа Журден, неужели вы отказываетесь от такой чести? Вы не хотите, чтобы вашим зятем был его турецкое высочество?

Г-жа Журден. Ради бога, сударь, не вмешивайтесь вы в чужие дела.

Доримена. Таким великим счастьем пренебрегать не следует.

Г-жа Журден. И вас, сударыня, я тоже попрошу не лезть, куда не спрашивают.

Дорант. Мы о вас же заботимся, единственно из дружеского к вам расположения.

Г-жа Журден. Не нуждаюсь я в вашем дружеском расположении.

Дорант. Но ведь и ваша дочь согласна подчиниться воле родителя.

Г-жа Журден. Моя дочь согласна выйти за турка?

Дорант. Вне всякого сомнения.

Г-жа Журден. Она может забыть Клеонта?

Дорант. Чем только не поступают ради того, чтобы иметься знатной дамой!

Г-жа Журден. Если она выкинула такую штуку, я ее своими руками задушу.

Г-н Журден. Ну, поехала! Я тебе говорю, что свадьба состоится.

Г-жа Журден. А я тебе говорю, что не состоится.

Г-н Журден. Довольно разговоров!

Люсиль. Матушка!

Г-жа Журден. А, да ну тебя, скверная девчонка!

Г-н Журден (*жене*). Ты что же это, бранишь ее за повиновение отцу?

Г-жа Журден. Да. Она столько же моя дочь, сколько и твоя.

Ковель (*г-же Журден*). Сударыня!

Г-жа Журден. А вы-то что собираетесь мне сказать?

Ковель. Только одно слово.

Г-жа Журден. Очень мне нужно ваше слово!

Ковель (*г-ну Журдену*). Сударь! Если только ваша супруга захочет поговорить со мной наедине, то я вам ручаюсь, что она изъявит свое согласие.

Г-жа Журден. Ни за что не соглашусь!

Ковель. Да вы только выслушайте меня!

Г-жа Журден. Не выслушаю.

Г-н Журден (*жене*). Выслушай его.

Г-жа Журден. Не желаю я его слушать.

Г-н Журден. Он тебе растолкует...

Г-жа Журден. Не желаю я, чтоб он мне растолковывал.

Г-н Журден. До чего же все женщины упрямые! Что, тебя от этого убудет, что ли?

Ковель. Вам надо только выслушать меня, а дальше поступайте как вам заблагорассудится.

Г-жа Журден. Ну, что у вас такое?

Ковель (*г-же Журден, тихо*). Битый час, сударыня, мы делаем вам знаки. Неужели вы не видите, что все это мы затеяли только для того, чтобы подделаться под господина Журдена

сего вечными причудами? Мы дурачим его этим маскарадом: ведь сын турецкого султана — не кто иной, как Клеонт.

Г-жа Журден (*Ковьелю, тихо*). Ах, вот в чем дело!

Ковьель (*г-же Журден, тихо*). А я, Ковьель, при нем переводчиком.

Г-жа Журден (*Ковьелю, тихо*). Ну, коли так, то я сдаюсь:

Ковьель (*г-же Журден, тихо*). Только не подавайте виду.

Г-жа Журден (*громко*). Да. Все уладилось. Я согласна на брак.

Г-н Журден. Ну, вот все и образумились! (*Жене.*) А ты еще не хотела его выслушать! Я был уверен, что он сумеет объяснить, что значит сын турецкого султана.

Г-жа Журден. Он мне все толком объяснил, и теперь я довольна. Надо послать за нотариусом¹.

Дорант. Похвальное намерение. А чтобы вы, госпожа Журден, могли быть совершенно спокойны и с нынешнего дня перестали ревновать почтенного вашего супруга, я вам объявляю, что мы с маркизой воспользуемся услугами того же самого нотариуса и заключим брачный союз.

Г-жа Журден. Я и на это согласна.

Г-н Журден (*Доранту, тихо*). Это вы для отвода глаз?

Дорант (*г-ну Журдену, тихо*). Пусть себе тешится этой басней.

Г-н Журден (*тихо*). Отлично, отлично! (*Громко.*) Пошлите за нотариусом!

Дорант. А пока он придет и составит брачные договоры, давайте посмотрим балет — это послужит развлечением и для его турецкого высочества.

Г-н Журден. Прекрасная мысль. Пойдемте занимать места.

Г-жа Журден. А как же Николь?

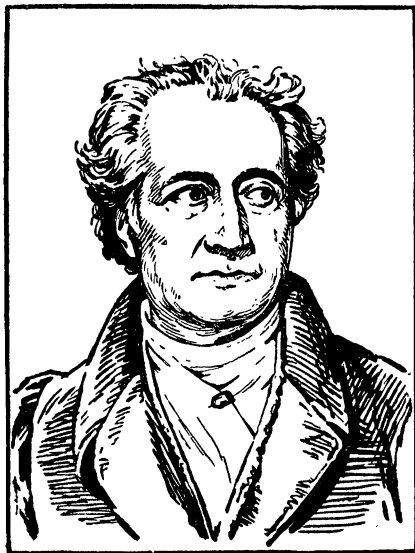
Г-н Журден. Николь я отдаю толмачу, а мою супругу — кому угодно.

Ковьель. Благодарю вас, сударь. (*В сторону.*) Ну, уж другого такого сумасброда на всем свете не сыщешь!

Комедия заканчивается балетом.

Занавес

¹ Нотариус — должностное лицо, на обязанности которого лежит засвидетельствование и оформление разного рода документов, юридических актов и т. п.

ГЁТЕ

Великий немецкий писатель Иоганн Вольфганг Гёте (Johann Wolfgang Goethe, 1749—1832) писал трагедию «Фауст» в течение всей своей творческой жизни: начатая в 1774 году, она была завершена им за полтора года до смерти.

Гёте родился во Франкфурте-на-Майне, в обеспеченной семье доктора права. Шестнадцать лет он поступил в Лейпцигский университет, но не закончил курса наук из-за болезни. В 1770 году, оправившись от недуга, он переехал в Страсбург, где два года проучился в Страсбургском университете на факультете права. В 1771 году Гёте вернулся во Франкфурт, где и прожил вплоть до приглашения в Веймар в 1775 году. С этого времени и до самой смерти Гёте — советник, а затем — министр при дворе Карла Августа, герцога саксен-веймарского.

В конце XVIII — первой половине XIX века Германия была страной полуфеодальной реакции. Передовые немецкие писатели того времени выступали против уродливой современности и исповедовали идеалы, вдохновившие французскую революцию. Молодые поэты объединились в группу, получившую название «Буря и натиск». Гёте принял участие в бунтарском движении штормеров (так называли в Германии членов этой группы).

Гёте был одним из самых образованных, одаренных и разносторонних людей своего времени, личностью в полном смысле слова многогранной: прозаиком, драматургом, поэтом, политическим деятелем.

лем, философом, филологом, естествоиспытателем. Его творческое наследие велико и разнообразно. В мировую литературу он вошел не только как создатель бессмертного «Фауста», но и как непревзойденный поэт-лирик, как автор пьес «Гёц фон Берлихинген» (1771) и «Эгмонт» (1787), сатирической поэмы «Рейнеке-Лис» (1794), романов «Страдания юного Вертера» (1774), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1827) и других произведений.

Трагедия в стихах «Фауст» (часть I — 1806, часть II — 1831) — самое великое творение Гёте. «Никогда и нигде — и не только в творчестве Гёте, но и во всей немецкой и мировой литературе той эпохи — великая вера в жизнь и борьбу за человеческое счастье на земле не нашла такого гениального художественного выражения, как в «Фаусте»... Всю исполинскую мощь своего гения, всю мудрость и глубину своего познания жизни Гёте с наибольшей поэтической силой и драматическим совершенством воплощает в «Фаусте». «Фауст» Гёте — философская поэма, раскрывающая гигантские горизонты, ставящая и разрешающая основные вопросы человеческого бытия. В чем смысл жизни, в чем ее назначение? На эти важнейшие вопросы... Гёте отвечает в своей поэме, — писал советский литературовед Я. М. Металлов.

«Фауст» — вдохновенный гимн человеческому дерзанию, человеческой мудрости. Любовь к человечеству, стремление к познанию и желание помочь людям движут героем трагедии. Назвать философскую поэму Гёте трагедией можно с полным правом не только потому, что она написана в драматической форме, но в первую очередь потому, что путь человека к истине, к идеалу всегда сопряжен с трагическими ошибками, безысходными утратами, с отказом от милых, успокоительных иллюзий. Первая часть трагедии и является рассказом о чувственных искушениях, которым поддается Фауст, рассказом о его заблуждениях и о страшной цене, которой приходится за них расплачиваться. Трагическая гибель Маргариты убеждает Фауста в том, что смысл жизни заключается не в удовлетворении личных желаний, а в служении людям, в сознании человеком своей ответственности за других.

Во второй части поэмы Фауст практически претворяет в жизнь эту с таким трудом завоеванную им мудрость: он задумывает и начинает осуществлять грандиозный план — отвоевать у моря земли, чтобы они могли послужить людям. Мгновение, когда дряхлые, ослепшему Фаусту открывается все величие его замысла, подлинно прекрасно:

Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут.
Всю жизнь в виду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
Среди холмов, на плодоносном поле
Стадам и людям будет здесь приволье;
Рай зацветет среди моих полей,
А там, вдали, пусть яростно хлопочет
Морская хлябь, пускай плотину точит:
Исправят мигом каждый в ней изъян.
Я предан этой мысли! Жизни годы
Прошли не даром; ясен предо мной
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя, и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!
Тогда сказал бы я: мгновенье!
Прекрасно ты, продлись, постой!
И не смел б веков течение

Следа, оставленного мной!
В предчувствии минуты дивной той
Я высший миг теперь вкушаю свой.

Согласно договору между Господом и Мефистофелем, Фауст должен был бы попасть в ад. Однако ангелы возносят душу Фауста в рай: по духу (не по «букве») договора Мефистофель оказывается посрамленным, ибо ало не сумело завладеть Фаустом, человеком, нашедшим истину в самоотречении ради других.

Первая часть трагедии «Фауст» дается в переводе *Н. А. Холодковского*. Историческая справка и примечания принадлежат *Я. М. Металлову* и *Н. А. Холодковскому*.

Произведения Гёте можно прочитать в изданиях:

Гёте. Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1950.

Гёте. Рейнеке-Лис. М., Гослитиздат, 1957.

Гёте. Фауст (части I—II). Перевод *Бориса Пастернака*. М., Гослитиздат, 1960.

Иоганн Вольфганг Гёте. Лирика. М., «Художественная литература», 1966.

О жизни и творчестве Гёте см.:

Эмиль Людвиг. Гёте. М., «Молодая гвардия», 1965. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Н. Вильмонт. Гёте. М., Гослитиздат, 1959.

С. Тураев. Иоганн Вольфганг Гёте. М., Учпедгиз, 1959.

ФАУСТ

ТРАГЕДИЯ

ЧАСТЬ I

ЛЕГЕНДА О ДОКТОРЕ ФАУСТЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Подобно многим классическим произведениям, «Фауст» зародился в народном творчестве. Художественное сознание народных масс давно уже занимал образ героя, готового продать свою душу черным силам ада во имя расширения границ человеческого познания. Прототипом народного Фауста явился живой, конкретный, исторически действительно существовавший в первой половине XVI века маг и чернокнижник по имени Фауст — прообраз целой плеяды литературных Фаустов.

История развития образа Фауста могла бы послужить интереснейшей и поучительной иллюстрацией к истории развития человеческой культуры и человеческого общества.

Впервые легенда о Фаусте возникла в конце XV — начале XVI века, на переломе от средневековья к новому времени. Народная легенда рисует Фауста то волшебником, то поэтом и гуманистом.

В 1587 году во Франкфурте-на-Майне вышла первая литературная редакция легенды о Фаусте, изданная Иоганном Шписом. Самое заглавие книги, звучащее в настоящее время более чем юмористично, в ту пору заключало в себе суровую религиозно-морализирующую сентенцию: «История о докторе Иоганне Фаусте, всемирно известном колдуне и чернокнижнике, как он заключил на определенный срок с дьяволом условие, какие были с ним за это время редкостные приключения, пока он наконец не воспринял заслуженного им возмездия. Составлена большей частью по его собственным, оставшимся после него сочинениям, в страшное поучение, ужасающий пример и доброжелательное предостережение всем высокомерным, суемудрым и безбожным людям». Религиозный автор обвиняет Фауста в том, что он в гордыне своей «привязал себе орлиные крылья и стремился исследовать и небо и землю — все до основания». В повествовании Шписа Мефистофель по истечении договора, скрепленного кровью, безжалостно уничтожает Фауста.

Последующие немецкие литературные варианты легенды о Фаусте XV—XVII веков не поднимаются над уровнем «Фауста» Шписа.

Иную интерпретацию легенды дал видный драматург английского Возрождения XVI века, предшественник В. Шекспира — Кристофер Марло. Смелый и страстный вольнодумец, достойный представитель Ренессанса, Марло в своей трагедии «Жизнь и смерть доктора Фауста» создал титанический образ Фауста-богоборца, обратившегося к магии и стремившегося раскрепостить личность от косных законов мироздания.

В XVIII веке, накануне французской революции 1789 года, образ Фауста, ученого-протестанта, становится особенно популярным. Крупнейший из немецких просветителей — Лессинг в своих набросках драмы «Фауст» с явной

симпатией рисует ученого, одержимого всепожирающей жаждой знания. И показательно, что уже в лессинговском варианте «Фауста» попытка сатаны погубить Фауста заранее обрекается на неудачу.

Представители движения «Буря и натиск», с их культом бурного гения, не признающего над собой никаких законов, не могли не увлечься заманчивой фигурой Фауста, не останавливающегося в своей борьбе с миропорядком перед союзом с дьяволом. На протяжении одного-двух десятков лет драматурги «Бури и натиска» один за другим создают новые варианты «Фауста». В 1778 году появляется «Жизнь Фауста» Фридриха Мюллера. В 1791 году возникает замечательный «Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад» Клингера. Клингер отождествляет Фауста с одним из первых мастеров книгопечатания в XV веке, типографом Фаустом. Герой Клингера — гений, рвущийся к познанию, счастью и свободе. Книгопечатание вызывает лишь ликование сатаны, видящего в этом изобретении лишний повод к насаждению лжеучений и усилению вражды среди людей. Договор Фауста с дьяволом приводит к тому, что Фауст, познакомившись с ужасающими порядками в разных странах, приходит к мысли о порочности человеческой природы и в отчаянии сам предает себя власти сатаны.

В начале 70-х годов XVIII века к написанию «Фауста» приступает и Иоганн Вольфганг Гёте. Гёте еще в детстве в кукольных театрах узнал народного «Фауста». Вступив в движение «Буря и натиск», Гёте увлекся титаническим образом Фауста и в 1774—1775 годах создал свой первый вариант «Фауста», так называемый «Прафауст». В соответствии с общим духом «Бури и натиска» Фауст «Прафауста» — бунтарь, рвущийся к познанию тайн природы, но неизбежно обреченный на поражение. Только в окончательной редакции «Фауста» Гёте возник образ Фауста побеждающего.

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Вы вновь со мной, туманные виденья¹,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам явиться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует.
Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой²;
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.
Кому я пел когда-то, вдохновенный,*

¹ Образы Фауста, Маргариты, Мефистофеля, возникшие в поэтическом воображении Гёте еще в годы его молодости.

² Скончавшиеся родные и друзья детства и юности поэта.

*Тем песнь моя — увыл —уж не слышна...
Кружок друзей рассеян по вселенной,
Их отклик смолк, прошли те времена.
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,
Мне самая хвала ее страшна,
А те, кому моя звучала лира,
Кто жив еще, — рассеяны средь мира.
И вот воскресло давнее стремленье
Туда, в мир духов, строгий и немой,
И робкое родится песнопенье,
Стеня, дрожа золотой струной¹;
В суровом сердце трепет и смирение,
В очах слеза сменяется слезой;
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;
Все, что прошло, — возсталось, оживилось!..*

ПРОЛОГ В ТЕАТРЕ²

Директор, поэт и комик,

Директор

Друзья, вы оба мне не раз
Помочь умели в горькой доле;
Как ваше мнение: хорошо ли
Пойдут дела теперь у нас?
Тружу я для публики я неизменно:
Она живет и жить другим дает.
Уже стоят столбы, готова сцена,
Ждет праздника взволнованный народ.
У нас ведь все к чудесному стремятся:
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.
Мне угождать толпе хоть и не новый труд,
Но все ж меня берет невольное сомненье:
Прекрасного они, конечно, не поймут,
Зато начитанны они до пресыщенья.
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,
Посодержательней — для публики моей!
А ведь приятен вид толпы необозримой,

¹ *Эол* — у древних греков бог ветра. *Золотая струна* — струна золотой арфы, музыкального инструмента, издававшего гармонические звуки при малейшем дуновении ветра.

² Пролог обличает засилье мелкопробных вкусов, царивших в ту пору в немецком театре; многочисленные «мецанские драмы» ныне почти забытых графоманов Ифлянда и Коцебу принимались немецкой публикой, весьма непритязательной в своих требованиях, с неизмеримо большим энтузиазмом, чем драматические творения Гёте и Шиллера,

Когда она вокруг театра наводнит
Всю площадь, и бежит волной неудержимой,
И в двери тесные и рвется и спешит.
Нет четырех часов, до вечера далеко,
А уж толпа кишит, пустого места нет
Точь-в-точь голодные пред лавкой хлебопека,
И шею все сломить готовы за билет.
Такие чудеса во власти лишь поэта!
Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай это.

Поэт

Не говори мне о толпе безумной —
Она иной раз вдохновение спугнет;
Избавь меня от этой давки шумной,
Влекущей мощно в свой водоворот;
Нет, тишины ищущий я, многотуманный, —
Лишь там поэту радость расцветет;
Там, только там божественною властью
Любовь и дружба нас приводят к счастью.
Что в глубине сердечной грудь лелеет,
Что просится на робкие уста —
Удачно ль, нет ли — выйти чуть посмеет
На свет — его погубит суета!
Нет, лучше пусть годами дума зреет,
Чтоб совершенной стала красота!
Мишурный блеск — создание вероломства,
Прекрасное родится для потомства!

Комик

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!
Что, если б для него — потомства — в самом деле
И я бы перестал смешить честной народ?
Кто ж публику тогда, скажите, развлекает
Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?..
Нет, как хотите, а держусь я мненья,
Что весельчак заслужит свой почет
И что забавник не лишен значенья.
Кто интересен публике, мой друг,
Тот говорить с толпою может смело;
Увлечь ее — ему пустое дело.
Успех тем легче, чем обширней круг!
Итак, смелей вперед! Вы можете заставить
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть
На сцену выступить; но не забудьте часть
И шаловливого дурачества прибавить,

Директор.

А главное, мой друг, введите приключения!
Глазеть на них — толпе нет выше наслаждения;
Ну и пускай толпа, разиня рот, глядит...
Причудливую ткань раскиньте перед нею —
И вы упрочили за пьесою своею
Успех, и к вам толпа уже благоволит.

Пусть масса массу привлекает!
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!
Кто много предложил, тот многим угождает,—
И вот толпа идет довольная домой.
Смелее всё в куски мельчайшие крошите —
И этот винегрет успех доставит вам.
Легко вам выдумать, легко представить нам!
Что пользы, если вы им «целое» дадите?
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

Поэт

И вы не видите, как гнусно и постыдно
Такое ремесло! Иль не художник я?
Дрянных писак пустая пачкотня
У вас вошла уж в правило, как видно.

Директор

Не может нас упрек подобный оскорбить;
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,
Берет оружие, какое бьет вернее.
С волками жить — по-волчьи выть!
Кто ваша публика, позвольте вас спросить?
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,
Другой, набив живот потуже,
Спешит сюда переварить обед,
А третий — что для нас всего, пожалуй, хуже —
Приходит нас судить по толкам из газет.
Для них одно — театр, балы и маскарады;
Лишь любопытством весь народ гоним;
А дамы — те идут показывать наряды;
Чтоб роль играть, не нужно платы им.
О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!
Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!
Нет, вы взгляните-ка поближе!
Те грубы, эти холодны!
Тот хочет пьянствовать недели,
А тот в игорный дом идет...
Смешно, когда поэт зовет
Великих муз к ничтожной цели!

Прошу вас об одном: побольше сочинить,
Как можно болѣе — вот в чем мое стремленье!
Запутайте толпу, введите в заблужденье;
Иначе — верьте мне — ей трудно угодить.
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

Поэт

Иди других ищи себе рабов:
Мне высшие права природа уделила.
Предам ли на позор высокий дар богов?
Продажна ли певца святая сила?
Чем трогает сердца восторженный поэт?
Какая сила в нем стихиями владеет?
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,
Котороу, творя, объемлет он весь свет?
Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечет веретеном послушным,
Когда все сущее, сменяясь каждый час,
В нестройный, резкий хор сливается вокруг нас, —
Кто звуки мерные в порядке размещает,
Чьей речи верный ритм живителен и тверд?
Кто единичное искусно обобщает,
Объединяя все в торжественный аккорд?
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,
В теченье строгих дум — зари вечерней свет?
Весны роскошный, лучший цвет
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?
Кто цену придает незначущим листьям ¹,
В прославленный венок вплетая листья эти?
Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?
Мощь человечества, живущая в поэте!

Комик

И долг ваш — эту мощь на деле применить!
Итак, ловите же минуты вдохновенья,
Как ловит ловелас ² предлог для похождения!
Угодно ль, например, любовь изобразить?
Случайно сходятся — взаимное сближенье,
Затем — свидания, надежды, опасенья;
То счастье близко к ним, то вновь уходит вдаль,
То ревность, то боязнь, то радость, то печаль, —
Глядишь — готов роман. И так-то всё на свете.
Смелей лишь черпайте из жизни всех людей —

¹ «Кто цену придает незначущим листьям...» — речь идет о листьях лавра, из которых в древности сплетали венок для украшения головы прославленного человека.

² *Ловелас* — волокита, соблазнитель.

И для задуманной комедии своей
Не будете нуждаться вы в предмете.
Всяк испытал, конечно, чувства эти,
Но редкий знает, сколько в них чудес.
Где ни копните — тут и интерес!
Картина попестрей, поменьше освещенья
Да искра истины средь мрака заблужденья,
И смотришь — славное сварили вы питье,
По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.
Цвет юности идет сюда, мечтая,
Что откровенье в пьесе он найдет,
И нежных душ чувствительная стая
Меланхоличной пищи сердцу ждет.
В одном одну мечту, в другом другую будит
Рассказ искусный ваш, и каждый зритель будет,
Ручаюсь, вашей пьесой восхищен:
Что в сердце у него, то в пьесе видит он!
Они еще не прочь и плакать и смеяться,
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;
Кто пожил, на того не угодишь ничем,
А тот, кто не созрел, доволен будет всем!

Поэт

Отдай же годы мне златые,
Когда и сам я был незрел,
Когда я песни молодые,
Не уставая, вечно пел!
В тумане мир передо мною
Скрывался; жадною рукою
Повсюду я цветы срывал
И в каждой почке чуда ждал.
Я беден был — и все, что надо
Для счастья чистого, имел:
Стремленьем к истине кипел,
И бред мечты мне был отрада!..
Отдай мне прежний жар в крови,
Мои порывы и стремленья,
Блаженство скорби, мощь любви,
И мощной ненависти рвенье,
И годы юные мои!

Комик

Что юность! Юность вам нужнее,
Когда идете вы на бой,
Когда красавица порой
Сама на вашей виснет шее,

Когда конца своим трудам
Хотите быстро вы добиться,
Когда всю ночь придется вам
Плясать, и петь, и веселиться.
Но чтоб искусною рукой
Играть, восторги возбуждая,
И, ловко там и сям блуждая,
Стремиться к цели подставной,
За это старшие пускай берутся смело:
Тем больше будет вам почета, старики!
Что старость в детство нас приводит — пустяки!
До самой старости мы — дети, вот в чем дело!

Д и р е к т о р

Довольно слов, довольно споров,
И комплиментов, и уборов!
Зачем болтать по пустякам?
Пора за дело взяться нам.
К чему такие затрудненья?
Что вдохновенья долго ждать?
Поэт — властитель вдохновенья:
Он должен им повелевать.
Что нужно нам — мы с вами знаем;
Напиток крепкий мы считаем
За лучший — дайте ж нам его!
Не забывайте ничего:
Что можно сделать неотложно,
Зачем на завтра оставлять?
Должны вы сразу уловлять
Все то, что нужно и возможно,
И уж из рук не выпускать!
Для нашей сцены все пригодно;
На ней — вы полный господин;
Берите сколько вам угодно
И декораций, и машин,
Огней бенгальских, освещенья,
Зверей и прочего творенья,
Утесов, скал, огня, воды;
Людей и тварей пышный ряд —
Ни в чем не будет вам нужды.
Весь мир на сцену поместите,
И через землю с неба в ад
Вы мерной поступью пройдите!

ПРОЛОГ НА НЕБЕСАХ¹

Господь, архангелы², потом Мефистофель.

Рафаил

Звуча в гармонии вселенной
И в хоре сфер гремя, как гром,
Златое солнце неизменно
Течет предписанным путем.
Непостижимость мироздания
Дает нам веру и оплот,
И, словно в первый день создания,
Торжественен вселенной ход!

Гавриил

И с непонятной быстротою
Кружась, несется шар земной;
Проходят быстрой чередой
Сиянье дня и мрак ночной;
Бушует море на просторе,
У твердых скал шумит прибой,
Но в беге сфер земля и море
Проходят вечно предо мной.

Михаил

Грозя земле, волнуя воды,
Бушуют бури и шумят,
И грозной цепью сил природы
Весь мир таинственно объят.
Сверкает пламень истребления,
Грохочет гром по небесам,
Но вечным светом примиренья
Творец небес сияет нам.

Все трое

И крепнет сила упования
При виде творческой руки:
Творец, как в первый день создания,
Твои творенья велики!

¹ Пролог на небесах носит символический характер и является, по сути дела, завязкой всей трагедии. Величественно и торжественно, поражая спокойствием и плавностью ритма, звучит в оригинале «Фауста» славословие архангелов мирозданию. Ироническое вступление Мефистофеля вносит диссонанс в это славословие, противопоставляя гармоническому величию природы ничтожность человеческого существования. Но твердое спокойствие Господа, заключающего с дьяволом пари, вера в конечное торжество Фауста позволяют Гёте сохранить оптимистическую тональность пролога.

² Архангелы Рафаил, Гавриил и Михаил — согласно христианской мифологии, старшие ангелы, окружающие бога.

Мефистофель

Опять, о господи, явился ты меж нас
За справкой о земле — что делается с нею!
Ты с благосклонностью встречал меня не раз —
И вот являюсь я меж челядью твоею.
Прости, не мастер я по части громких слов;
Но если б пышный слог я в ход пустить решился,
Сам рассмеялся б ты — ручаться я готов, —
Когда б от смеха ты давно не отучился.
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:
Я вижу лишь одни мученья человека.
Смешной божок земли, всегда, во всех веках
Чудак такой же он, как был в начале века!
Ему немножко лучше бы жилось,
Когда б ему владеть не довелось
Тем отблеском божественного света,
Что разумом зовет он: свойство это
Он на одно лишь смог употребить —
Чтоб из скотов скотиной быть!
Позвольте мне — хоть этикет здесь строгий —
Сравненьем речь украсить: он на вид —
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,
Который по траве то скачет, то взлетит
И вечно песенку старинную твердит.
И пусть еще в траве сидел бы он уютно —
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

Господь

Ты кончил? С жалобой одною
Являешься ты вечно предо мною!
Иль на земле добра совсем уж нет?

Мефистофель

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!
Бедняга человек! Он жалок так в страданье,
Что мучить бедняка и я не в состоянье.

Господь

Ты знаешь Фауста?

Мефистофель

Он доктор?

Господь

Он мой раб,

Мефистофель

Но не такой, как все; он служит по-иному;
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;
Как сумасшедший, он рассудком слаб,
Что чувствует и сам среди сомнений;
Всегда в свои мечтанья погружен,
То с неба лучших звезд желает он,
То на земле — всех высших наслаждений,
И в нем ничто — ни близкое, ни даль —
Не может утолить грызущую печаль.

Господь

Пока еще умом во мраке он блуждает,
Но истины лучом он будет озарен;
Сажая деревце, садовник уже знает,
Какой цветок и плод с него получит он.

Мефистофель

Бьюсь об заклад: он будет мой!
Прошу я только позволенья —
Пойдет немедля он за мной.

Господь

Пока живет он на груди земной,
Тебе на то не будет запрещенья:
Блуждает человек, пока в нем есть стремленья.

Мефистофель

Благодарю: не надо мертвых мне!
От трупов я держуся в стороне.
Нет, дайте мне здорового вполне:
Таких я мертвецам всегда предпочитаю, —
Как кошка с мышью, с ними я играю.

Господь

Тебе позволено: иди
И завладей его душою
И, если можешь, поведи
Путем превратным за собою, —
И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем исканье смутном
Сознаньем истины полна!

Мефистофель

Сознаньем слабым и минутным!
Игра мне эта не страшна,
Не проиграю я заклада;

Но только знайте: если мне
Поддастся он, пусть будет мой вполне.
Триумф победы — вот моя награда!
Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,
Достопочтенная змея!

Г о с п о д ь

Тогда явись ко мне без колебанья!
К таким, как ты, вражды не ведал я...
Хитрец, среди всех духов отрицанья
Ты меньше всех был в тягость для меня.
Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, — потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!
А вы, сыны небес и рая, —
Пусть вечно радует вас красота святая,
И ко всему, что есть и будет вновь,
Пусть проникает вас священная любовь,
И все, что временно, изменчиво, туманно,
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

Небо закрывается. Архангелы расходятся.

М е ф и с т о ф е л ь

(один)

Охотно старика я вижу иногда,
Хоть и держу язык; приятно убедиться,
Что даже важные такие господа
Умеют вежливо и с чертом обходиться!

С Ц Е Н А 1

Н О Ч Ь ¹

Старинная комната с высокими готическими сводами. Фауст,
исполненный тревоги, сидит у своего стола в высоком кресле.

Ф а у с т

Я философию постиг,
Я стал юристом, стал врачом...

¹ Разочаровавшись в науках, Фауст обращается к магии, которая представляется ему наиболее верным средством проникновения в тайны природы. Магические заклинания дают возможность Фаусту узреть величественных духов Вселенной и Земли, напоминающих о ничтожности человека. Посещение ученого-педанта Вагнера убеждает Фауста в его превосходстве над убогими мешанами от науки, но, однако, не рассеивает его пессимизма. От мысли принять яд Фауста отвлекает лишь пасхальный звон, напоминающий ему о светлых годах юности.

Увы! с усердьем и трудом
И в богословье я проник, —
И не умней я стал в конце концов,
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!
Магистр и доктор¹ я — и вот
Тому пошел десятый год;
Учеников туда, сюда
Я за нос провожу всегда.
И вижу все ж, что не дано нам знанья.
Изныла грудь от жгучего страданья!
Пусть я разумней всех глупцов —
Писак, попов, магистров, докторов, —
Пусть не страдаю от пустых сомнений,
Пусть не боюсь чертей и привидений,
Пусть в самый ад спуститься я готов, —
Зато я радостей не знаю,
Напрасно истины ищу,
Зато, когда людей учу,
Их научить, исправить — не мечтаю!
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,
Ни почестей людских, ни разных благ...
Так пес не стал бы жить! Погибли годы!
Вот почему я магии решил
Предаться: жду от духа слов и сил,
Чтоб мне открылись таинства природы,
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,
О том, чего не ведаю я сам,
Чтоб я постиг все действия, все тайны,
Всю мира внутреннюю связь;
Из уст моих чтоб истина лилась,
А не набор речей случайный.

О месяц! Если б в этот час
Ты озарил в последний раз
Меня средь комнаты моей,
Где я познал тоску ночей!..
О, если б мог бродить я там
В твоём сиянье по горам,
Меж духов реять над вершиной,
В тумане плавать над долиной,
Науки праздный чад забыть,
Себя росой твоей омыть!..

Еще ль в тюрьме останусь я?
Нора проклятая моя!
Здесь солнца луч в цветном окне

¹ Магистр и доктор — ученые степени.

Едва-едва заметен мне;
На полках книги по стенам
До сводов комнаты моей —
Они лежат и здесь и там,
Добыча пыли и червей;
И полок ряд, убог и сир,
Хранит реторт и банок хлам
И инструменты по стенам.
Таков твой мир! И это мир!

Еще ль не ясно, почему
Изныла грудь твоя тоской,
И больно сердцу твоему,
И жизни ты не рад такой?
Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на тлен и хлам,
На символ смерти — на скелет!..

О, прочь! Беги, беги скорей
Туда, на волю! Нострадам¹
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.
К словам природы будь не глух —
И ты узнаешь ход светил,
И дух твой будет полон сил,
Когда ответит духу дух!
Чудесных знаков дивный вид
Сухой наш ум не объяснит.
О духи! Здесь вы в тишине
Витаете: ответьте мне!

(Раскрывает книгу и видит знак Макрокосма².)

Что за блаженство вновь в груди моей
Зажглось при этом виде, сердцу милом!
Как будто счастье жизни юных дней
Вновь заструилось пламенно по жилам!
Начертан это знак не бога ли рукой?

Он душу бурную смиряет,
Он сердце бедное весельем озаряет,
Он тайнства природы раскрывает
Пред изумленную душой!
Не бог ли я? Светло и благодатно
Все вокруг меня! Здесь с дивной глубиной

¹ Нострадам — алхимик XVI века.

² По учению средневековых мистиков, Макрокосм является воплощением Вселенной, мироздания, а Микрокосм — это человек. Знак Макрокосма в книгах по магии обозначал Вселенную, живые силы природы.

Все творчество природы предо мной!
Теперь мне слово мудреца понятно:
«В мир духов нам доступен путь,
Но ум твой спит, изнемогая.
О ученик! Восстань, купая
В лучах зари земную грудь!»

(Рассматривает изображение.)

Как в целом части все, послушную толпою
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!
Как силы вышние в сосудах золотых
Разносят всюду жизнь божественной рукою
И чудным взмахом крыл лазоревых своих
Витают над землей и в высоте небесной —
И стройно все звучит в гармонии чудесной!
О, этот вид! Но только вид — увы!
Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, — вы,
Дарующие жизнь струею благодатной,
Которыми живет и небо и земля,
К которым рвется так большая грудь моя?
Вы всех питаете, — что ж тщетно жажду я?
*(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит знак
Духа Земли.)*

Вот знак другой. Он чувства мне иные
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!
Теперь себя я чувствую сильней —
Снесу и горе я и радости земные.
Как будто бы вином живительным согрет,
Отважно ринусь я в обширный божий свет;
Мне хочется борьбы, готов я с бурей биться —
И в час крушенья мне ли утрашиться?
Повсюду мрак и тишина.
Меж туч скрывается луна,
И лампа тихо угасает.
Над головою в вышине
Кровавый луч во мгле сверкает,
И в кровь, стесняя сердце мне,
Холодный ужас проникает.
О дух, ты здесь, ты близок — о, приди!
Как сердце бьется у меня в груди!
Всем существом, души всей мощным зовом
Я порываюсь к чувствам новым!
Явись, явись мне — я всем сердцем твой!
Пусть я умру — явись передо мной!

*(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание.
Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.)*

Д у х

Кто звал меня?

Ф а у с т

(отворачиваясь)

Ужасное виденье!

Д у х

Я вызван мощным голосом твоим:
К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье, —
И вот...

Ф а у с т

Увы, твой вид невыносим!

Д у х

Не ты ли сам желал с тоской упорной
Увидеть лик, услышать голос мой?
Склонился я на зов отважный твой —
И вот я здесь! Но что за страх позорный,
Сверхчеловек, тобою овладел?
Где мощный зов души, где тот титан могучий,
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей
Сравняться с нами, духами, хотел?
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел
Всей силою души неосторожной?
И что ж? Моим дыханьем обожжен,
Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,
Как червь презренный и ничтожный!

Ф а у с т

Во прах перед тобой я не склонюсь челом.
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всем!

Д у х

В буре деяний, в волнах бытия
Я поднимаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рождение —
Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов,

Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:
О деятельный дух, как близок я тебе!

Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь,—
Не мне.

(Исчезает.)

Фауст

(падая)

Не тебе!

Но кому ж?

Я, образ божества,
Не близок и тебе!

Стучатся в дверь.

Стучатся. Знаю я: помощник это мой!

Погибло все! О смерть, о муки!

Да, он пришел смутить видений чудный рой,

Ничтожный червь сухой науки!

Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.

Вагнер

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас —

Из греческой трагедии, конечно?

Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:

Ведь декламация в большой цене у нас!

Случалось слышать мне, что может в деле этом

К комедианту поп явиться за советом.

Фауст

Да, коль священник ваш актер и сам,

Как мы нередко видим здесь и там.

Вагнер

Что ж делать! Мы живем всегда в уединенье;

Едва по праздникам покинешь свой музей¹,

И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье.

Так где ж найти слова, чтоб нам учить людей?

Фауст

Когда в вас чувства нет, все это труд бесцельный;

Нет, из души должна стремиться речь,

¹ Музей — в данном случае кабинет ученого,

Чтоб прелестью правдивой, неподдельной
Сердца людские тронуть и увлечь!
А вы? Сидите, сочиняйте,
С чужих пиров объедки подбирайте —
И будет пестрый винегрет
Поддельным пламенем согрет.
Когда таков ваш вкус — пожалуй, этим
Вы угодите дуракам и детям;
Но сердце к сердцу речь не привлечет,
Коль не из сердца ваша речь течет.

Вагнер

Нет, в красноречье — истинный успех!
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

Фауст

Ищи заслуги честной и бесспорной!
К чему тебе колпак шута позорный?
Когда есть ум и толк в словах у нас,
Речь хороша и без прикрас.
И если то, что говорится, дельно, —
Играть словами разве не бесцельно?
Да, ваши речи, с праздным блеском их,
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.
Не так ли ветер осени холодной
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

Вагнер

Ах, боже мой, наука так пространна,
А наша жизнь так коротка!
Мое стремление к знанью неустанно,
И все-таки порой грызет меня тоска.
Как много надо сил душевных, чтоб добраться
До средств лишь, чтоб одни источники найти;
А тут, того гляди, еще на полпути
Придется бедняку и с жизнью расстаться.

Фауст

В пергаменте ль найдем источник мы живой?
Ему ли утолить высокие стремленья?
О нет, в душе своей одной
Найдем мы ключ успокоенья!

Вагнер

Простите: разве мы не радостно следим
За духом времени? За много лет пред нами
Как размышлял мудрец и как в сравненье с ним
Неизмеримо вдаль подвинулись мы сами?

Фауст

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:
Его и смысл и дух, насколько не забыты, —
Как в книге за семью печатями сокрыты.
То, что для нас на первый, беглый взгляд
Дух времени, — увы! — не что иное,
Как отражение века временное
В лице писателя: его лишь дух и склад!
От этого в отчаянье порою
Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!
Все пыльный хлам да мусор пред тобою,
И рад еще, когда придется прочитать
О важной пьесе с пышным представленьем
И наставительным в конце правоученьем,
Как раз для кукольной комедии под стать!

Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

Фауст

Да; но что значит — знать? Вот в чем все
затрудненья!
Кто верным именем младенца наречет?
Где те немногие, кто век свой познавали,
Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,
С безумной смелостью к толпе навстречу шли?
Их распинали, били, жгли...
Однако поздно: нам пора расстаться;
Оставим этот разговор.

Вагнер

А я хоть навсегда готов бы здесь остаться,
Чтоб только продолжать такой ученый спор!
Ну что ж: хоть завтра, в пасху, в воскресенье,
Позвольте вам еще вопрос-другой задать.
Ужасное во мне кипит к наукам рвенье:
Хоть много знаю я, но всё хотел бы знать.

(Уходит.)

Фауст

(один)

Он все надеется! Без скуки безотрадной
Роется в вещах скучнейших и пустых;
Сокровищ ищет он рукою жадной —
И рад, когда червей находит дождевых!..

И как слова его раздаться здесь могли,
Где духи реяли, всего меня волнуя!
Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли,
На этот раз тебя благодарю я!
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;
А без тебя я впал бы в исступленье:
Так грозно-велико восстало то виденье,
Что карликом себя я чувствовал пред ним!
К зеркалу истины, сияющей и вечной,
Я, образ божества, приблизиться мечтал,
Казалось — я быть смертным перестал
В сиянии небес и в славе бесконечной;
Превыше ангелов я был в своих мечтах,
Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,
Как бог, хотел вкусить святого наслажденья —
И вот возмездие за дерзкие стремленья:
Я словом громовым повержен был во прах!
О нет, не равен я с тобою,
Тебя я вызвать мог тоскующей душою,
Но удержать тебя я силы не имел:
Так мал я, так велик казался, — но жестоко
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —
И вновь я человек — безвестен мой удел!

Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?

Научит кто? Куда идти?

Увы, себе своими же делами

Преграды ставим на пути!

К высокому, прекрасному стремиться

Житейские дела мешают нам,

И если благ земных нам удалось добиться,

То блага высшие относим мы к мечтам.

Увы, теряем мы средь жизненных волнений

И чувства лучшие и цвет своих стремлений.

Едва фантазия отважно свой полет

К высокому и вечному направит —

Она себе простора не найдет:

Ее умолкнуть суета заставит.

Забота тайная тяжелою тоской

Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,

И сокрушает нам и счастье и покой,

Являясь каждый день под новою личиной.

Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;

Пожара, яда мы боимся в высшей мере;

Пред тем, что не грозит, дрожать обречены;

Еще не потеряв, мы плачем о потере.

Да, отрезвился я — не равен я богам!

Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!
Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый
Пятою путника, и смятый и зарытый.
Да, я во прахе! Полки по стенам
Меня мучительно стесняют:
Дрянная ветошь, полусгнивший хлам
На них лежат и душу мне терзают.
Все пыльный сор да книги! Что мне в них?
И должен ли прочесть я эти сотни книг,
Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало
Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?
Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,
Зубами белыми сверкая?
Когда-то, может быть, как я, владелец твой
Блуждал во тьме, рассвета ожидая!
Насмешливо глядит приборов целый строй,
Винты и рычаги, машины и колеса.
Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой
Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той
Не отопрет замка, не разрешит вопроса!
При свете дня покрыта тайна мглой,
Природа свой покров не снимет перед нами;
Увы, чего не мог постигнуть ты душой,
Не объяснить тебе винтом и рычагами!
Вот старый инструмент, не нужный мне, торчит!
Когда-то с ним отец мой много повозился;
Вот этот сверток здесь давным-давно лежит.
И весь от лампы копотью покрылся.
Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,
Чем вечно здесь потеть под гнетом мелочей!
Что дал тебе отец в наследное владенье,
Прибрати, чтоб им владеть вполне;
В чем пользы нет, то тягостно вдвойне,
А польза только в том, что даст тебе мгновенье.
Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,
Влечет меня к себе, блестящий, милый взору!
Так сладко нам, когда нам заблестит
В лесу луна в ночную пору.

Привет тебе, единственный фиал¹,
Который я беру с благоговеньем!
В тебе готов почтить я с умилением
Весь ум людей, искусства идеал!
Вместилище снов тихих, непробудных,

¹ *Фиал* — чаша, склянка.

Источник сил губительных и чудных, —
Служи владельцу своему вполне!
Взгляну ли на тебя — смягчается страданье;
Возьму ли я тебя — смиряется желанье.
И буря улеглась в душевной глубине.
Готов я в дальний путь! Вот океан кристальный
Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,
И светит новый день в безвестной стороне!
Вот колесница в пламени сиянья
Ко мне слетает! Предо мной эфир
И новый путь в пространствах мирозданья.
Туда готов лететь я — в новый мир.
О наслажденье жизнью неземною!
Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?
Да, решено: оборотись спиною
К земному солнцу, что блестит вдали,
И грозные врата, которых избегает
Со страхом смертный, смело сам открой
И докажи, пожертвовав собой,
Что человек богам не уступает.
Пусть перед тем порогом роковым
Фантазия в испуге замирает;
Пусть целый ад с огнем своим
Вокруг него сверкает и зияет, —
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!

Приди ж ко мне, кристальный мой фиал,
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!
Как долго ты лежал, презренный и забытый!
На дедовских пирах когда-то ты сверкал,
Гостей суровых веселя беседу,
Когда тебя сосед передавал соседу.
Краса резьбы причудливой твоей,
Обычай толковать в стихах ее значенье
И залпом осушать всю чашу в заключенье —
Напоминают мне попойки юных дней.
Не пировать уж мне, тебя опорожня,
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!
Хмельн напиток мой, и темен зелья цвет:
Его сготовил я своей рукою,
Его избрал всем сердцем, всей душою.
В последний раз я пью и с чашей роковою
Приветствую тебя, неведомый рассвет!

(Подносит к губам бокал.)

Звон колоколов и хоровое пение ¹.

Хор ангелов

Христос воскрес!
Тьмой окруженные,
Злом зараженные,
Мир вам, прощенные
Люди, с небес!

Фауст

О звук божественный! Знакомый сердцу звон
Мне не дает испить напиток истребления.
Его я узнаю: нам возвещает он
Божественную весть святого воскресенья.
В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,
Не так ли ангелов звучали голоса
Святым залогом искупленья?

Хор женщин

Щедры мы лили
Миро ² душистое,
В гроб положили
Тело пречистое;
В ткань плащаницы ³
Был облачен Христос,—
Кто ж из гробницы
Тело унес?

Хор ангелов

Христос воскрес!
Кто средь мучения,
В тьме искушения
Ищет спасения,—
Мир вам с небес!

Фауст

О звуки сладкие! Зовете мощно вы
Меня из праха вновь в иные сферы!
Зовите тех, чьи души не черствы,
А я — я слышу весть, но не имею веры!

¹ Церковное песнопение и звон колоколов доносятся, по-видимому, из ближайшего собора, где, по средневековому обычаю, происходит пасхальное представление и изображается воскресение Христа из мертвых.

² *Миро* — благовонное масло, употребляемое при исполнении христианских церковных обрядов.

³ *Плащаница* — покров с изображением тела Христа в гробу.

Меня ли воскресить? Могу ли верить я?
А чудо — веры есть любимое дитя!
Стремиться в мир небес, откуда весть нисходит,
Не смею я; туда пути мне нет...
И все же милый звон, знакомый с юных лет,
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.
В субботу тихую касалась меня
Небесная любовь святым своим лобзаньем,
И звон колоколов пленял очарованьем,
И вся молитвою пылала грудь моя.
Влекомый силою какой-то непонятной,
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,
И за слезой слеза катилась благодатно,
И новый мир вставал в душе моей.
Все, все мне вспомнилось — и юности отвага,
И счастье вольное, краса моей весны...
О нет! Не сделаю я рокового шага:
Воспоминанием все муки смягчены!
О звуки дивные, плывите надо мною!
Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земною!

Хор учеников

Гроб покидает он,
Смерть побеждая,
К небу взлетает он,
Славой блистая;
Мир озаряет весь
Светом спасения;
Нас оставляет здесь
В области тления.
Здесь мы томимся все
В тяжелой борьбе!
Сердцем стремимся все,
Боже, к тебе!

Хор ангелов

Чуждый истления,
Мощно Христос восстал!
Узы мучения
Он разорвал!
Вам, здесь страдающим,
Всех утешающим,
Ближних питающим,
В рай призывающим, —
Близок учитель вам:
С вами он сам!

СЦЕНА 2

У ГОРОДСКИХ ВОРОТ¹

Гуляющие выходят из ворот.

Несколько подмастерьев

Эй, вы! Куда вы, господа?

Другие

В охотный двор. А вы куда?

Первые

На мельницу!

Один из подмастерьев

Пойдем к прудам!

Второй подмастерье

Бог с ними!

Туда дорога чересчур худая.

Вторая группа подмастерьев

А ты?

Третий подмастерье

Пойду куда-нибудь с другими.

Четвертый

В Бургдорф наведаться советую я вам.

Какие девушки, какое пиво там!

А драка — первый сорт! Пойдемте-ка, ребята!

Пятый

Знать, чешется спина: всё драки подавай.

Вот погоди, намнут тебе бока-то!

Ступай-ка сам — меня не зазывай.

¹ Жанровая сцена эта, с таким мастерским реализмом рисующая красочную картину гулянья горожан, как бы вводит Фауста в окружающую его действительность. Фауст не только не сторонится горожан, но с интересом наблюдает их, почувствовав и себя в их веселом, оживленном кругу простым человеком. Ученый-филистер Вагнер и здесь проявляет свою оторванность от жизни, высокомерно сторонясь простого народа. Благодарность крестьян за оказанную им медицинскую помощь напоминает Фаусту об ограниченности научного знания. Последующая беседа Фауста с Вагнером протекает в духе диалога горьковского Сокола с Ужом: Фауст рвется ввысь, Вагнер не понимает его. «Что мне крылья и зачем быть птицей!» — недоумевает Вагнер.

В ответ на призыв Фауста к духам наделить его волшебным плащом, который смог бы перенести его в неведомый мир и дать иную жизнь, появляется черный пудель.

Служанка

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

Другая

Куда? Он, верно, там у тополей, в аллее.

Первая

Да мне-то что за радость в нем?
Он вечно ходит за тобою,
Болтает, пляшет не со мною:
Что мне в веселии твоём?

Вторая

Да мы пойдем не с ним одним:
Кудрявый тоже будет с ним.

Студент

Эх, девки, черт возьми! Смотри, бегут как живо!
А что, коллега, надо их догнать!
Забористый табак, да пенистое пиво,
Да девушка-краса — чего еще желать?

Девушка-горожанка

Вот так молодчики! Как им не удивляться!
Ведь это просто стыд и срам!
Могли бы в обществе отличном прогуляться —
Нет, за служанками помчались по пятам!

Второй студент

(первому)

Постой: вон две идут другие;
Из них соседка мне одна.
Мне очень нравится она.
Смотри, нарядные какие!
Не торопясь идут они шажком
И поджидают нас тайком.

Первый студент

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.
Скорей вперед: дичь может ускакать!
Чья ручка пол метет, когда придет суббота,
Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

Горожанин

Нет, новый бургомистр ни к черту не годится.
Что день, то больше он гордится.

А много ль город видит пользы в нем?
Что день, то хуже, без сомненья:
Все только больше подчиненья
Да платим мы все больше с каждым днем.

И щ и й
(поет)

Веселой, пестрою толпою
Вы здесь идете, господа;
Взгляните, сжальтесь надо мною,
Да тронет вас моя нужда!
Услышите голос мой молящий!
Лишь тот блажен, кто может-дать.
О, пусть день праздника блестящий
Днем сытым буду я считать!

Д р у г о й г о р о ж а н и н

Люблю послушать я, как в праздник соберутся
Потолковать о битвах, о войне,
Как где-то в Турции, в далекой стороне,
Народы режутся и бьются.
Стаканчик свой держа, стою перед окном,
И барки по реке проходят предо мною;
А после, к вечеру, иду себе в свой дом,
Благословляя мир спокойною душой.

Т р е т ь и й г о р о ж а н и н

Так, так, сосед! Мы смирно здесь живем,
А там, кто хочет, пусть себе дерется!
Перевернись весь свет вверх дном —
Лишь здесь по-старому пускай все остается!

С т а р у х а

(девушкам-горожанкам)

Вишь, как разряжены — что розан молодой!
Ах вы, красавицы! Ну как в вас не влюбиться?
Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:
Старушка может пригодиться.

Д е в у ш к а - г о р о ж а н к а

Сюда, Агата! От старухи прочь!
Нам с ведьмой говорить при людях не пристало.
Хотя, поверь, в андреевскую ночь¹
Она мне суженого ловко показала.

¹ По немецкому народному поверью, в андреевскую ночь (под 30 ноября) девушка, помолившись святому Андрею, может увидеть своего суженого.

Другая

У ней я тоже видела его:
Мне в зеркале колдунья показала.
Военный — как хорош! Уж я его искала,
Да встретить не могу, не знаю отчего.

Солдаты

Башни с зубцами,
Нам покоритесь!
Гордые девы,
Нам улыбнитесь!
Все вы сдадитесь!
Славная плата
Смелым трудам!
Подвиг солдата
Сладостен нам.
Сватаны все мы
Звонкой трубою
К радости шумной,
К смертному бою.
В битвах и штурмах
Дни наши мчатся;
Стены и девы
Нам покорятся.
Славная плата
Смелым трудам!
Миг — и солдата
Нет уже там.

Фауст и Вагнер.

Фауст

Умчались в море разбитые льдины;
Живою улыбкой сияет весна;
Весенней краскою блистают долины;
Седая зима ослабела: в теснины,
В высокие горы уходит она.
Туда она прячется в злобе бесплодной
И сыплет порою метелью холодной
На свежую, нежную зелень весны,—
Но солнце не хочет терпеть белизны;
Повсюду живое стремление рождается,
Все вырасти хочет, спешит расцветиться,
И если поляна еще не цветет,
То вместо цветов нарядился народ.

Взгляни, обернись: из-под арки старинной
Выходит толпа вереницею длинной;

Из душного города в поле, на свет
Теснится народ, оживлен, разодет;
Погреться на солнце — для всех наслажденье.
Они торжествуют Христа воскресенье —
И сами как будто воскресли они:
Прошли бесконечные зимние дни,
Из комнаты душной, с работы тяжелой,
Из лавок, из тесной своей мастерской,
Из тьмы чердаков, из-под крыши резной
Народ устремился гурьбою веселой,
И после молитвы во мраке церквей
Так сладостен воздух зеленых полей.
Смотри же, смотри: и поля и дорога
Покрыты веселой и пестрой толпой;
А там, на реке, и возня, и тревога,
И лодок мелькает бесчисленный рой.

И вот уж последний челнок нагруженный
С усилием отчалил, до края в воде;
И даже вверху, на горе отдаленной,
Виднеются пестрые платья везде.

Чу! Слышится говор толпы на поляне,
Тут истинный рай им! Ликуют селяне,
И старый и малый, в веселом кругу.
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

Вагнер

Люблю прогулку, доктор, с вами,
В ней честь и выгода моя;
Но враг я грубого — и не решился б я
Один здесь оставаться с мужиками.
Их кегли, скрипки, крик и хоровод
Я наблюдаю с сильным отвращеньем:
Как бесом одержим, кривляется народ —
И это он зовет весельем, пляской, пеньем!

Крестьяне

(танцуют под липой; пляска и пение)

Пустился в пляску пастушок;
На нем и ленты, и венки,
И куртка красовалась.
Народ под липами кишел,
И танец бешеный кипел,
И скрипка заливалась.
В толпу немедленно он влетел
И локтем девушку задел

Для первого начала.
Но бойко девушка глядит:
«Как это глупо,— говорит,—
Потише б не мешало!»
Но он, обвинив ее рукой,
Пустился с нею в пляс лихой —
Лишь юбки развевались.
Ее он поднял на локте,
Им стало жарко в тесноте,
И оба задыхались.

«Пусти, меня не проведешь!
Я знаю: ласки ваши — ложь,
И клятвы ваши зыбки!»
Но он, обняв ее, влечет,
А там, вдали, шумит народ
И льются звуки скрипки.

Старый крестьянин
Прекрасно с вашей стороны,
Что вы пришли в веселый час!
Вы так учены и умны,
А не забыли и о нас.
Вас кружкой лучшего питья
Народ признательный дарит,
И громко здесь желаю я:
Пусть грудь она вам освежит,
И сколько капель чистых в ней —
Дай бог вам столько светлых дней.

Фауст

Я за здоровье ваше пью,
А за привет — благодарю.

Народ собирается вокруг.

Старик

Да, мысль благая — посетить
Народ теперь, в веселый час;
Но вам случалось приходиться
И в дни беды, трудясь для нас.
Немало здесь стоит таких,
Которых ваш отец лечил:
От верной смерти спас он их
И нам заразу потушил.
Тогда ты, юноша, за ним
Везде ходил среди больных,
Отважен, чист и невредим

Меж трупов, гноем залитых,—
И жив остался покровитель:
Хранил спасителя Спаситель.

Н а р о д

Ученый муж, ты многих спас;
Живи ж сто лет, спасая нас!

Ф а у с т

Склонитесь лучше перед тем,
Кто учит всех и благ ко всем.

(Идет с Вагнером дальше.)

В а г н е р

Что должен был ты, муж великий, ощутить,
Услышав эту речь и эти восклицанья?
О, счастлив, кто дары свои и знания
С такою пользой мог употребить!
Приход твой мигом изменил картину:
Отец тебя показывает сыну,
Бегут, спешат, теснятся все вокруг;
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;
Проходишь ты — они стоят рядами.
И шапки вверх летят все тут!
Еще момент — и ниц они падут,
Как пред священными дарами.

Ф а у с т

Пойдем туда: на камне том
Присядем мы и отдохнем немного.
Не раз я здесь сидел, томя себя постом,
Молясь и призывая бога.
С надеждой, с верою в творца,
В слезах, стенья, ломая руки,
Для язвы злой, для страшной муки
Просил я скорого конца.
Слова толпы звучат насмешкой злою
В ушах моих, и знаю я один,
Как мало мы, отец и сын,
Гордиться можем этой похвалою.
Отец мой, темный труженик, в тиши
Над тайнами природы тщетно бился;
В ее круги святые он стремился
Проникнуть всеми силами души —
По-своему, но честно. Меж адептов¹

¹ Адепт — приверженец, посвященный.

Сидел он в черной кухне¹ взаперти
И силился бальзам целительный найти,
Мешая разных множество рецептов.
Являлся красный лев² — и был он женихом,
И в теплой жидкости они его венчали
С прекрасной лилией³, и грели их огнем,
И из сосуда их в сосуд перемещали,
И вслед — блиставшую лучами всех цветов
Царицу юную⁴ в стекле мы получали:
Целительный напиток был готов.
И стали мы лечить. Удвоились мученья:
Больные гибли все без исключения,

А выздоравливал ли кто,
Спросить не думали про то.
Вот наши подвиги леченья!
Средь этих гор губили мы
Страшней губительной чумы!
Я сам дал тысячам отраву:
Их нет — а я живу... И вот —
В моем лице воздал народ
Своим убийцам честь и славу!

Вагнер

Ну стоит ли об этом вам тужить!
Довольно, если правильно и честно
Сумели вы все к делу приложить,
Что от других вам сделалось известно.
Как юноша, трудам отца почет
Воздали вы, — он был доволен вами;
Потом науку двинули вы сами,
А сын ваш снова далее пойдет!

Фауст

О, счастлив тот, кому дана отрада —
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!
Что нужно нам, того не знаем мы,
Что ж знаем мы, того для нас не надо.
Но перестань: не будем отравлять
Прекрасный этот час печальными речами.
Взгляни: уж солнце стало озарять
Сады и хижины прощальными лучами.

¹ Черная кухня — рабочий кабинет алхимика.

² Гёте пользуется терминологией алхимиков для изображения фантастического опыта добывания панацеи — всеисцеляющего средства. Под красным львом алхимики разумели золото или серу.

³ Лилия — в алхимии название серебра или ртути.

⁴ Царица юная — панацея в алхимии.

Оно заходит там, скрываясь вдали,
И пробуждает жизнь иного края...
О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли
И мчаться вслед за ним, в пути не устая!
И я увидел бы в сиянии лучей
У ног моих весь мир: и спящие долины,
И блеском золотым горящие вершины,
И реку в золоте, и в серебре ручей.
Ущелья диких гор с высокими хребтами
Стеснить бы не могли стремления души:
Предстали бы моря, заснувшие в тиши,
Пред изумленными очами.
Вот солнце скрылось, но в душе больной
Растет опять могучее желанье
Лететь за ним и пить его сиянье,
Ночь видеть позади и день передо мной,
И небо в вышине, и волны под ногами.
Прекрасная мечта! Но день уже погас.
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась,—
Нельзя нам воспарить телесными крылами!
Но подавить нельзя подчас
В душе врожденное стремленье —
Стремленье ввысь, когда до нас
Вдруг долетает жаворонка пенье
Из необъятной синевы небес,
Когда, внизу оставя дол и лес,
Орел парит свободно над горами
Иль высоко под облаками
К далекой родине своей
Несется стая журавлей.

Вагнер

Хандрил и я частенько, без сомненья,
Но не испытывал подобного стремленья.
Ведь скоро надоест в лесах, в полях блуждать...
Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!
Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!
И ночи зимние так весело летят,
И сердце так приятно бьется!
А если редкий мне пергамент попадется,
Я просто в небесах и бесконечно рад.

Фауст

Тебе знакомо лишь одно стремленье,
Другое знать — несчастье для людей.
Ах, две души живут в больной груди моей,

Друг другу чуждые — и жаждут разделенья!

Из них одной мила земля —
И здесь ей любо, в этом мире,
Другой — небесные поля,
Где тени предков там, в эфире.

О духи, если вы живете в вышине
И властно реете меж небом и землею,
Из сферы золотой спуститесь вы ко мне
И дайте жить мне жизньнюю иною!
О, как бы я плащу волшебному был рад,
Чтоб улететь на нем к неведомому миру!
Я б отдал за него роскошнейший наряд,
Его б не променял на царскую порфиру!

Вагнер

Не призывай знакомый этот рой,
Разлитый в воздухе, носящийся над нами;
От века он душе людской
Грозит со всех концов и горем и бедами.
То мчатся с севера и острый зуб их лют,
И языком они язвят нас, как стрелою;
То от востока к нам они бездожде шлют
И сушат нашу грудь чахоткой злою;
То, если из пустынь пошлет их жаркий юг,
Они палящий зной над головой нам копят;
То с запада они примчат прохладу вдруг,
А после нас самих, луга и нивы топят.
Они спешат на зов, готова гибель нам:
Они покорствуют, в обман увлечь желая,
Уподобляются небес святым послам,
И пенью ангелов подобна ложь их злая...
Однако нам домой пора давно:
Туман ложится, холодно, темно...
Да, только вечером мы ценим дом укромный!
Но что ж ты стал? И чем в долине темной
Твое вниманье так привлечено?
Чего твой взор во мгле туманной ищет?

Фауст

Ты видишь — черный пес по ниве рыщет?

Вагнер

Ну да; но что ж особенного в том?

Фауст

Всмотрись получше: что ты видишь в нем?

Вагнер

Да просто пудель перед нами:
Хозяина он ищет по следам.

Фауст

Ты видишь ли: спиральными кругами
Несется он все ближе, ближе к нам.
Мне кажется, что огненным потоком
Стремятся искры по следам его.

Вагнер

Ты в зрительный обман впадаешь ненароком:
Там просто черный пес — и больше ничего.

Фауст

Мне кажется, что нас он привлекает
В магическую сеть среди кругов своих.

Вагнер

Искал хозяина — и видит двух чужих!
Вглянись, как к нам он робко подбегает.

Фауст

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к нам.

Вагнер

Конечно, пес как пес — не призрак: видишь сам!
То ляжет, то, ворча, помчится без оглядки,
То хвостиком вильнет: собачьи все ухватки!

Фауст

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

Вагнер

Да, с этим псом конца забавам нет;
Стоишь спокойно — ждет он терпеливо;
Окликнешь — он к тебе идет;
Обронишь вещь — он мигом принесет;
Брось палку в воду — он достанет живо.

Фауст

Ты прав, я ошибался. Да:
Все дрессировка тут, а духа ни следа.

Вагнер

Да, вот к такой собаке прирученной
Привяжется порой и муж ученый.

Воспитанник студентов удалых,
Пес этот стоит милостей твоих.
Они входят в городские ворота.

С Ц Е Н А 3

КАБИНЕТ ФАУСТА ¹

Фауст входит с пуделем.

Фауст

Покинул я поля и нивы;
Они туманом облеклись.
Душа, смири свои порывы!
Мечта невинная, проснись!
Утихла дикая тревога,
И не бушует в жилах кровь:
В душе воскресла вера в бога,
Воскресла к ближнему любовь.

Пудель, молчи, не мечись и не бейся:
Полно тебе на пороге ворчать;
К печке поди, успокойся, согрейся;
Можешь на мягкой подушке лежать.
Нас потешал ты дорогою длинной,
Прыгал, скакал и резвился весь путь;
Ляг же теперь и веди себя чинно,
Гостем приветливым будь.

Когда опять в старинной келье
Заблещет лампа, друг ночей,
Возникнет тихое веселье
В душе смирившейся моей,
И снова мысли зароятся,
Надежда снова зацветет —
И вновь туда мечты стремятся,
Где жизни ключ струею бьет.

Пудель молчи! К этим звукам небесным,
Так овладевшим моею душой,
Кстати ль примешивать дикий твой вой?
Часто у нас над прекрасным и честным
Люди смеются насмешкою злой,
Думы высокой понять не умея.
Злобно ворчат лишь, собой не владея.
Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной?
Но горе мне! Довольства и смиренья
Уже не чувствует больная грудь моя.

¹ Мефистофель является Фаусту. Прототипом Мефистофеля, как признавал сам Гёте, послужил ему его друг И.-Г. Мёерк (1741—1791) — весьма ловкий, умный и образованный делец, отличавшийся скептицизмом и цинизмом.

Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?
Зачем опять напрасно жажду я?
Увы, не раз испытывал я это!
Но чтоб утрату счастья заменить,
Мы неземное учимся ценить
И в Откровенье¹ ждем себе ответа,
А луч его всего ясней горит
В том, что Завет нам Новый² говорит.
Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,
Проникнусь весь святою стариной,
И честно передам я подлинник священный
Наречью милому Германии родной³.

(Открывает книгу и собирается переводить.)

Написано: «Вначале было Слово» —
И вот уже одно препятствие готово:
Я слово не могу так высоко ценить.
Да, в переводе текст я должен изменить,
Когда мне верно чувство подсказало,
Я напишу, что Мысль — всему начало.
Стой, не спеши, чтоб первая строка
От истины была недалеко!
Ведь Мысль творить и действовать не может!
Не Сила ли — начало всех начал?
Пишу — и вновь я колебаться стал,
И вновь сомненье душу мне тревожит.
Но свет блеснул — и выход вижу: смело
Могу писать: «В начале было Дело»!
Пудель, не смей же визжать и метаться,
Если желаешь со мною остаться!
Слишком докучен товарищ такой:
Мне заниматься мешает твой вой.
Я или ты; хоть и против охоты,
Гостя прогнать принужден я за дверь.
Ну, выходи же скорее теперь:
Путь на свободу найдешь тут легко ты.

Но что я вижу? Явь или сон?
Растет мой пудель, страшен он,
Громаден! Что за чудеса!
В длину и в ширину растет.

¹ *Откровение* — по христианскому вероучению, истина, догма, в которой открывается воля бога.

² *Новый Завет* — часть Библии, в которой изложены легенды о пришествии на землю Иисуса Христа и возникновении христианской религии.

³ Гёте приписывает Фаусту намерение перевести на немецкий язык Новый Завет (Евангелие) — то, что в действительности сделал Лютер.

Уж не походит он на пса!
Глаза горят; как бегемот,
Он на меня оскалил пасть.
О, ты мою узнаешь власть!
Ключ Соломона¹ весь свой вес
Тебе покажет, полубес!

Д у х и²
(в коридоре)

Он попался! Поспешим!
Но входить нельзя за ним.
Как лиса среди тенет,
Старый бес сидит и ждет.
Так слетайся же скорей,
Осторожный духов рой,
И старайся всей толпой,
Чтоб избегнул он цепей.
В эту сумрачную ночь
Мы должны ему помочь.
Он велик, могуч, силен:
Помогал не раз нам он!

Ф а у с т

Для покоренья зверя злого
Скажу сперва четыре слова:
Саламандра, пылай!
Ты, Сильфида, летай!
Ты, Ундина, клубись!
Домовой, ты трудись!³
Стихии четыре
Царят в этом мире;
Кто их не постиг,
Их сил не проник,—
Чужда тому власть,
Чтоб духов заковать.
Исчезни в огне,
Саламандра!

¹ В средние века библейский царь Соломон считался могучим волшебником. «Ключ Соломона» — древнееврейская книга заклинаний.

² Эти духи — прислужники Мефистофеля, пытающиеся спасти его от магических заклинаний Фауста.

³ Фауст заклинает здесь четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю. Саламандра в этом заклятии олицетворяет стихию огня, так как, по легенде, это пресмыкающееся не горит в огне; Сильфида олицетворяет духов воздуха, Ундина — духов воды и Домовой — духов земли.

Разлейся в волне,
 Ты, Уеди́на!
 Звездой просверкай,
 Ты, Сильфи́да!
 Помощь домашнюю дай,
 Incubus, Incubus ¹,
 Выходи, чтоб закончить союз!
 Нет, ни одной из четырех
 В ужасном звере не таится:
 Ему не больно; он прилег
 И скалит зубы и глумится.
 Чтоб духа вызвать и узнать,
 Сильней я буду заклинать.
 Но знай же: если ты, наглец,
 Из ада мрачного беглец,
 То вот — взгляни — победный знак! ²
 Его страшатся ад и мрак,
 Ему покорны духи праха.
 Пес ошети́нился от страха!
 Проклятое создание!
 Прочтешь ли ты названье
 Его, несотворенного,
 Его, неизреченного,
 И смерть и ад поправшего
 И на кресте страдавшего!
 Страшен, грозен, громаден, как слон,
 Вырастает за печкою он,
 И в тумане он хочет разлиться!
 Он весь свод наполняет собой.
 Мрачный дух, повелитель я твой:
 Предо мною ты должен склониться.
 Не напрасно грозил я крестом:
 Я сожгу тебя божьим огнем!
 Не жди же теперь от меня
 Трикраты святого огня! ³
 Не жди, говорю, от меня,
 Сильнейшего в таинстве нашем!

Туман рассеивается, из-за печи появляется Мефистофель
 в одежде бродячего схоласта ⁴.

¹ Incubus (лат.) — название домового, домашнего духа, хранящего клады.

² Победный знак — знак, изображающий начальные буквы имени Иисуса Христа.

³ Под «трикраты святым огнем» разумеется троица христианской мифологии: бог-отец, бог-сын (Иисус) и бог-дух.

⁴ Схоласт — средневековый философ, ученый-богослов.

Мефистофель

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

Фауст

Так вот кто в пуделе сидел:
Схоласт, в собаке сокровенный!
Смешно!

Мефистофель

Привет мой вам, науки жрец почтенный!
По вашей милости изрядно я вспотел.

Фауст

Как звать тебя?

Мефистофель

Вопрос довольно мелочной
В устах того, кто слово презирает
И, чуждый внешности пустой,
Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

Фауст

Чтобы узнать о вашем брате суть,
На имя следует взглянуть.
По специальности прозвание вам дается:
Дух злобы, демон лжи, коварства — как придется.
Так кто же ты?

Мефистофель

Часть вечной силы я,
Всегда желавшей зла, творившей лишь благое.

Фауст

Кудряво сказано; а проще — что такое?

Мефистофель

Я отрицаю все — и в этом суть моя.
Затем, что лишь на то, чтоб с громом провалиться,
Годна вся эта дрянь, что на земле живет.
Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!
Короче, все, что злом ваш брат зовет, —
Стремленье разрушать, дела и мысли злые,
Вот это все — моя стихия.

Фауст

Ты мне сказал: «Я часть»; но весь ты предо мной?

Мефистофель

Я скромно высказал лишь правду, без сомненья.
Ведь это только вы мирок нелепый свой
Считаете за все, за центр всего творенья!
А я — лишь части часть, которая была
В начале всё той тьмы, что свет произвела,
Надменный свет, что спорить стал с рожденья
С могучей ночью, матерью творенья.
Но все ж ему не дорасти до нас!
Что б он ни породил, все это каждый раз
Неразделимо связано с телами,
Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,
В границах тел должно всегда остаться,
И — право, кажется, недолго дожидаться —
Он сам развалится с телами в тлен и прах.

Фауст

Так вот твоё высокое значенье!
Великое разрушить ты не мог,
Тогда по мелочам ты начал разрушенье!

Мефистофель

Что делать! Да и тут старался я не впрок.
Дрянное Нечто, мир ничтожный,
Соперник вечного Ничто,
Стоит, не глядя ни на что.
И вред выносит всевозможный:
Бушует ли потоп, пожары, грозы, град —
И море и земля по-прежнему стоят.
С породой глупою звериной и людскою
Бороться иногда мне не хватает сил —
Ведь скольких я уже сгубил,
А жизнь течет своей широкою рекою.
Да, хоть с ума сойти — все в мире так ведется,
Что в воздухе, в воде и на сухом пути,
В тепле и в холоде зародыш разовьется.
Один огонь еще, спасибо, остается.
А то б убежища, ей-богу, не найти!

Фауст

Так, силой мощной, животворной,
Тебе враждебно влеком,
Ты тщетно, демон непокорный,
Ей угрожаешь кулаком!
Другое лучше выдумай стремленье,
Хаоса странное творенье!

Мефистофель

О том подумать сами мы хотим...
Но после мы с тобой еще поговорим.
Теперь могу ль я удалиться?

Фауст

К чему такой вопрос? Иди.
Твое знакомство пригодится:
Когда захочешь, приходи.
Не хочешь ли в окно — открытая дорога!
Не то в трубу ступай; не заперта и дверь.

Мефистофель

Нет, трудновато выйти мне теперь.
Тут кое-что мешает мне немного:
Волшебный знак у вашего порога.

Фауст

Так пентаграмма ¹ этому виной?
Но как же, бес, пробрался ты за мной?
Каким путем впросак попался?

Мефистофель

Изволили ее вы плохо начертить,
И промежуток в уголку остался,
Там, у дверей, — и я свободно мог вскочить.

Фауст

Да, случай над тобой удачно посмеялся.
Так ты мой пленник, стало быть?
Вот удалось негаданно-нежданно!

Мефистофель

Не видел пудель этой штуки странной;
Вскочил — и вмиг переменялся вид,
И выход был лукавому закрыт.

Фауст

Ступай в окно, не будет затруднений.

Мефистофель

Увы! таков закон чертей и привидений:
Каким путем вошел, таким и выходить.

¹ Пентаграмма — магический знак в виде пятиугольной звезды, по углам которой размещены начальные буквы греческого имени Иисуса Христа. Пентаграмму изображали для того, чтобы спастись от проникновения в дом злых духов. Неправильно начертанная пентаграмма и дала будто бы возможность Мефистофелю проникнуть в дом Фауста.

Во входе волен я, а выходить обязан
Там, где вошел.

Фауст

И ад законом связан?
Вот новости! Ну что ж! Прекрасно: может быть,
С тобой и договор возможно заключить?

Мефистофель

Что обещаем мы, ты можешь получить
Сполна, — ни в чем тебя мы не надуем.
Да, но об этом долго рассуждать.
Другой раз мы подробней потолкуем.
Теперь же я прошу низайше позволенья
Уйти. Нельзя ль вам пентаграмму снять?

Фауст

Куда? Чего спешить? Останься на мгновенье.
Не можешь ли мне сказку рассказать?

Мефистофель

Теперьпусти! Ведь я приду опять;
Тогда расспрашивай — на все я дам решенье.

Фауст

Тебя не звал я, сам ты это знаешь;
Ты сам попался в сеть, не правда ли, скажи?
Кто черта держит, тот его держи:
Нескоро ведь опять его поймаешь.

Мефистофель

Ну, если так уж хочешь, я готов
С тобой остаться несколько часов;
Но попрошу мне волю предоставить
Тебя моим искусством позабавить.

Фауст

Что хочешь делай; лишь сумей
Меня занять повеселей.

Мефистофель

Ты в краткий час среди видений
Получишь больше наслаждений,
Чем в целый год обычных дней.
Ни песни духов бестелесных,
Ни дивный ряд картин чудесных
Не будут сном волшебных чар;

Ты будешь тешить обонянье,
И вкус, и даже осязанье —
Все, все тебе доставлю в дар!
Приготовлений ждать не нужно:
Мы в сборе все. Начните дружно!

Д у х и

Вы, темные арки,
О, пусть вас не станет!
Пусть светлый и яркий
Приветливо глянет
Эфир голубой!
Пусть туч, исчезая,
Рассеется рой!
Пусть звезды, мерцая,
Пусть, кротко лаская,
Нам солнца блещут!
Как легкая стая,
В роскошном расцвете
Красы бестелесной
Небесные дети,
Порхая, летят;
И рой их прелестный
То выше умчится,
То стелется ниже,
И ближе, все ближе
К земле он стремится,
И тканью эфирной
Одежды их веют
Над кущами мирной,
Блаженной страны,
Где, в неге беседки,
Дум сладких полны,
Влюбленные млеют,
Друг другу верны.
И всюду пестреют
Беседки, беседки!
Лоз нежные ветки
Дают виноград;
Давимы тисками,
Сок гроздьев струят,
И, пенясь, реками
Стекает вино,
Среди несравненных
Камней драгоценных
Струится оно
И, высь покидая

Сияющих гор,
Течет, ниспадая
В равнины озер.
Холмов вереницы
Меж ними цветут,
И райские птицы
Блаженство там пьют,
И к солнцу стремятся,
И радостно мчатся
Они к островам,
Что в блеске сиянья
Плывут по волнам;
И гимн ликованья
Там слышится нам;
Пленяют нам взоры
Танцующих хоры
На светлых лугах,
Взбираются в горы,
Ныряют в волнах,
И в воздухе реют,
И в сердце лелеют
Стремленья свои
К той жизни блаженной
В безбрежной вселенной,
Где звезды, сверкая,
Дарят им, лаская,
Блаженство любви!

Мефистофель

Он убаюкан, спит. Воздушные творенья,
Спасибо вам мое за ваши песнопенья:
В долгу у вас я за концерт такой.
Нет, Фауст, не тебе повелевать бесами!
Пусть грезит он, объят воздушными мечтами.
Весь погружен в обманчивый покой.
Но надо снять с порога заклинанье:
Его мне крыса отгрызет.
Вот уж одна пришла: бежит и приказанье
Мое исполнить только ждет.
Владыка крыс, мышей, лягушек,
Клопов, и блох, и вшей, и мушек¹
Тебе изволит приказать
К тому порогу подбежать —
И там, где масло он положит,
Пускай свой зуб усердно гложет.

¹ По народному поверью, черти являются повелителями животной нечисти: паразитов, грызунов, лягушек и т. п.

Живей, зверек! Вперед! Мешает выйти мне
Там, с краю, уголок на левой стороне.
Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!
Ну, Фауст, спи себе! До скорого свиданья!

(Уходит.)

Фауст

(просыпаясь)

Ужели я обманут снова?
Мир духов вновь исчез: во сне
Коварный бес явился мне,
А пудель скрылся из алькова!

СЦЕНА 4

КАБИНЕТ ФАУСТА ¹

Фауст, Мефистофель.

Фауст

Кто там? Войдите! Вечно помешают!

Мефистофель

Я здесь.

Фауст

Войдите ж!

Мефистофель

Трижды приглашают

Чертей.

Фауст

Войди же!

Мефистофель

Ну, теперь вхожу.

Надеюсь, мы с тобой поладим
И от тебя хандру отвадим.
Примером я тебе служу:
В одежде златотканой, красной,
В плаще материи атласной,
Как франт, кутила и боец,

¹ Мефистофель увлекает Фауста из ученого кабинета в открытый мир, чтобы подвергнуть чувственным искушениям и развратить.

С пером на шляпе, с длинной шпагой,
Дыша весельем и отвагой,—
Чем я не бравый молодец?
И не пора ли наконец
Тебе одеться в том же роде?
Тогда, на воле, на свободе,
И бросив вздорные мечты,
Что значит жизнь, узнаешь ты!

Фауст

Что ни надень, все мучусь я хандрою,
И уз земных не в силах я забыть.
Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,
И слишком юн, чтоб без желаний быть.
Свет ничего не даст мне, я уверен.

«Умерен будь! Лишь будь умерен!»

Вот песня вечная у нас.

Она терзает наши души,

Ее поют нам хрипло в уши

И каждый день и каждый час!

Встаю ли утром — ждут меня страдания:
Я убежден, что долгий день пройдет
И мне не даст, я знаю наперед,
Ни одного достичь, ни одного желанья!
Мгновенье радости почую ли душой —
Вмиг жизни критика его мне разрушает
И образы, лелеянные мной,
Гримасою ужасной искажает.
Когда же ночь спускается и мне
С тоской в постель приходится ложиться,
Не знаю я покоя и во сне:
Мне сон жестокий будет сниться.
Тот бог, который жив в груди моей,
Всю глубину ее волнует:
Он правит силами, таящимися в ней,
Но силам выхода наружу не дарует.
Так тяжко, горько мне, что жизнь мне не мила —
И жду я, чтоб скорей настала смерти мгла.

Мефистофель

Ну, смерть, однако, гость не очень-то приятный.

Фауст

О, как завиден жребий благодатный
Того, кто лавры заслужив в бою,
С победою встречает смерть свою,
Того, кто после пляски знойной

Находит смерть в объятьях девы стройной!
Зачем, зачем с восторженной душой
Не пал я мертвым в миг тот роковой,
Когда мне дух явился величавый!

Мефистофель

А все-таки в ту ночь один знакомый мой
Не осушил бокал, наполненный отравой.

Фауст

Шпионство, видно, страсть твоя?

Мефистофель

Я знаю многое, хоть не всеведущ я.

Фауст

Когда от дикого порыва
Отвлек меня знакомый звон,
То чувства детские так живо
Твердили ложь былых времен.
Всему, что душу обольщает,
Я шлю проклятие — всему,
Что наше сердце увлекает,
Что льстит несчастному уму!
Тебе проклятье — самомнение,
Которым дух порой влеком!
Тебе проклятье — ослепление
Блестящим всяким пустяком!
Проклятье грезам лицемерным,
Мечтам о славе — тем мечтам,
Что мы считаем счастьем верным,
Семейству, власти и трудам!
Тебе проклятье, идол злата,
Влекущий к дерзким нас делам,
Дары постыдные разврата
И праздность неги давший нам!
Будь проклята любви отрада!
Проклятье соку винограда
И искрометному вину
Надежд и веры всей святыне, —
Но больше всех тебя отныне,
Терпенье пошлое, клянущ!

Хор духов¹

(невидимо)

Увы, увы!
Разбил ты его,
Прекраснейший мир,
Могучей рукой.
Он пал пред тобой,
Разрушен, сражен полубогом!
И вот мы, послушны ему,
Уносим обломки создания
В ничтожества тьму
Сквозь плач и рыдания
О дивной погибшей красе...
И молим мы все:
Воспрянь, земнородный, могучий!
Мир новый, чудесный и лучший
Создай в мощном сердце своем;
С душой обновленной
Ты новую жизнь начинай, просветленный,
И новую песнь мы тебе воспоем!

Мефистофель

Слышишь? Дух-малютка
Не лишен рассудка;
Он дает совет разумный:
Кличет к делу, к жизни шумной!
Брось же угол свой,
Где, во мгле сырой,
Стынет кровь и ум смолкает;
Выйди в мир, где жизнь сверкает!
Довольно же играть своей тоскою,
Что рвет, как коршун, грудь твою! Взгляни:
Ты окружен беспечною толпою,
Ты человек такой же, как они.
Впрочем, ведь я не равняю с тобою
Эту толпу, неразумный народ.
Слушай: хоть я не из важных господ,
Все-таки, если ты хочешь со мною
В светлую жизнь веселее вступить,
Буду усердно тебе я служить,
Я тебе преданным спутником стану
И ни на шаг от тебя не отстану;
Знай, что повсюду помощник я твой;
Стану рабом и покорным слугой.

¹ Духи призывают Фауста, разбившего мир своих мечтаний и надежд, построить в своем сердце новый, лучший мир.

Фауст

А чем я заплачу за эти попеченья?

Мефистофель

О, нам с тобой еще не близко до того!

Фауст

Нет, нет! Черт — эгоист, нельзя ждать от него,
Чтоб даром стал он делать одолженья.

Ясней условимся, мой друг:

Таких держать опасно слуг.

Мефистофель

Я буду верным здесь тебе слугою,
Твоим веленьям подчинен вполне;
Когда же там мы встретимся с тобою,
Ты отплатить обязан тем же мне.

Фауст

Что будет там, о том мне нет заботы;
Когда разрушишь этот свет легко ты, —
Пускай себе иной возникнет свет!
Здесь, на земле, живут мои стремленья,
Под солнцем, здесь, мои мученья;
Когда ж придет последнее мгновенье —
Мне до того, что будет, дела нет.
Зачем мне знать о тех, кто там, в эфире, —
Бывает ли любовь и ненависть у них,
И есть ли там, в мирах чужих,
И низ и верх, как в этом мире!

Мефистофель

Что ж, если так — условься же смелей,
И я тебя немедленно позабавлю
Своим искусством! Я тебе доставлю,
Чего еще никто не ведал из людей!

Фауст

Что дашь ты, жалкий бес, какие наслажденья?
Дух человеческий и гордые стремленья
Таким, как ты, возможно ли понять?
Ты пищу дашь, не дав мне насыщенья;
Дашь золото, которое опять,
Как ртуть, из рук проворно убегает;
Игру, где выигрыш вовеки не бывает;
Дашь женщину, чтоб на груди моей

Она к другому взоры обращала;
Дашь славу, чтоб чрез десять дней,
Как метеор, она пропала,—
Плоды, гниющие в тот миг, когда их рвут,
И дерево в цвету на несколько минут!

Мефистофель

Ну, это для меня пустое!
Легко б я надавать таких сокровищ мог;
Но, может быть, захочешь ты, дружок,
Со временем вкусить и что-нибудь другое.

Фауст

Когда на ложе сна, в довольстве и покое,
Я упаду, тогда настал мой срок!
Когда ты льстить мне лживо станешь
И буду я собой доволен сам,
Восторгом чувственным когда меня обманешь,
Тогда — конец! Довольно спорить нам!
Вот мой заклад!

Мефистофель

Идет!

Фауст

Ну, по рукам!

Когда воскликну я: «Мгновенье,
Прекрасно ты, продлись, постой!» —
Тогда готовь мне цепь плененья,
Земля разверзнись подо мной!
Твою неволю разрешая,
Пусть смерти зов услышу я —
И станет стрелка часовая,
И время минет для меня.

Мефистофель

Я буду помнить все; рискуешь ты, не скрою.
Подумай же.

Фауст

Свободен ты во всем.

Поверь, я не кичусь собою;
Тебе ль, другому ли — рабом
Готов я быть, когда того я стою.

Мефистофель

Итак, пируйте ж, доктор, на досуге,
А я сегодня же исполню роль прислуги!

Еще одно: неверен жизни срок;
Могу ль у вас просить я пару строк?

Фауст

Расписку? Вот педант! Тебе ли видеть ново,
Что значит человек и данное им слово?
То, что сказал я, власть тебе дает
Над всей земною жизнью моею;
Весь мир меняется, несется все вперед,
А я нарушить клятву не посмею?
Что делать: рождены мы с глупостью такой!
Кто от нее избавиться сумеет?
Блажен, кто верен, чист душой:
Он жертвовать ничем не пожалеет.
Но лист пергамента с печатями на нем —
Вот призрак, всех пугающий, к несчастью.
Мы слову смолкнуть на пере даем,
А воск и кожу¹ одаряем властью!
Итак, чего ж ты хочешь, бес? Ответы!
Пергамент ли, бумагу, мрамор, медь —
Решай же, выбирай свободно!
Перо ли взять, резец иль грифель? Что еще?

Мефистофель

Как ты словами сыплешь горячо!
Без них уладим дело превосходно.
Любой листок лишь взять решишь
И каплей крови подпишишь.

Фауст

Изволь, уж если так тебе угодно.
Итак, обряд нелепый, совершись!

Мефистофель

Кровь — сок совсем особенного свойства.

Фауст

Но только чтоб ни тени беспокойства
За мой залог; я сам стремлюсь, поверь,
Всей силою к тому, что обещал теперь!
Собой напрасно слишком я кичился:
Мое достоинство лишь твоему равно.
Великий дух презреть меня решился,
И тайн природы знать мне не дано.
Теперь конец всему: порвалась нить мышленья;

¹ Под воском подразумевается восковая печать, которой скрепляли написанное на коже (пергаменте).

К науке я давно исполнен отвращения,
Тушить страстей своих пожар
В восторгах чувственных я буду,
И под густой завесой чар
Готов ко всякому я чуду!
Я кинусь в шумный времени поток,
В игру случайностей, куда забросит рок,
И пусть страдание и отрада,
И пусть удача и досада
Причудливой промчатся чередой;
Кто хочет действовать — тот позабудь покой!

Мефистофель

Не будет вам ни в чем ни меры, ни преграды;
Чем ни захочется полакомиться вам —
Все смело на лету хватайте здесь и там,
Что послужить вам может для отрады!
Не надо лишь робеть и выбор свой стеснять.

Фауст

Не радостей я жду — прошу тебя понять!
Я брошусь в вихрь мучительной отрады,
Влюбленной злобы, сладостной досады;
Мой дух, от жажды знания исцелен,
Откроется всем горестям отныне:
Что человечеству дано в его судьбине,
Все испытать, изведать должен он!
Я обниму в своем духовном зоре
Всю высоту его, всю глубину;
Все счастье человечества, все горе —
Все соберу я в грудь свою одну,
До широты его свой кругозор раздвину
И с ним в конце концов я розобьюсь и сгину!

Мефистофель

Старался разжевать я смысл борьбы земной
Немало тысяч лет. Поверь ты мне, мой милый,
Никто еще, с пеленок до могилы,
Не переваривал закваски вековой.
Весь этот свет, все мирозданье —
Для бога лишь сотворены;
Себе он выбрал вечное сиянье,
Мы в вечный мрак погружены;
А вы — то день, то ночь испытывать должны.

Фауст

Но я хочу!

Мефистофель

Я понимаю это;

Боюсь я за одно, в одном лишь мой протест:

*Argi longa, vita brevis est*¹.

Позвольте вам сказать словцо совета:

Коль уж на то пошло, сыщите вы поэта —

Пусть мыслью в небе он парит

И все возвышенное света

В особе вашей пусть осуществит:

Отвагу пламенную львов,

Оленя быстроту,

Испанца огненную кровь,

Норвежца прямогу.

Пускай найдет он тайное искусство

С коварством согласить возвышенное чувство,

По плану вам составит идеал,

По плану вас влюбить не затруднится;

Ну, словом, если б мог тот идеал явиться,

Ему б я имя Микрокосма дал.

Фауст

Что ж значу я, коль не достигну цели,

Венца, к которому стремится род людской,

К которому и сам стремлюсь я всей душой?

Мефистофель

Ты значишь то, что ты на самом деле.

Надень парик с миллионами кудрей,

Стань на ходули, но в душе своей

Ты будешь все таким, каков ты в самом деле.

Фауст

Да, вижу, что напрасно я собрал

Сокровища познания людского;

Не нахожу в себе я силы снова,

Когда свести я счета пожелал;

Ни на волос не выше я, не ниже

И к бесконечному не ближе.

Мефистофель

Привык смотреть на вещи ты, мой друг,

Как все на них вы смотрите; а надо

Умней, толковей тратить свой досуг,

Пока доступна жизни вся отрада.

Тьфу, пропасть! Руки, ноги, голова

¹ «Искусство вечно, жизнь коротка» (лат.).

И зад — твои ведь, без сомненья?
А чем же меньше все мои права
На то, что служит мне предметом наслажденья?
Когда куплю я шесть коней лихих,
То — е их силы — не мои ли?
Я мчусь, как будто б ног таких
Две дюжины даны мне были!
Итак, смелей! Раздумья все долой,
И прямо в шумный мир за мной
Спешу, надеждой окрыленный!
Кто философствует, тот выбрал путь плохой,
Как скот голодный, что в степи сухой
Кружит себе, злым духом обойденный,
А вокруг цветет роскошный луг зеленый!

Фауст

С чего ж начать?

Мефистофель

Уйти скорей.

Что делать нам в тюрьме твоей?
Что здесь за жизнь? Тоской да пустяками
Морить себя с учениками?
Сосед-толстяк на это есть.
Толочь ли воду ты желаешь?
Все лучшие слова, какие только знаешь,
Мальчишкам ты не можешь преподнестъ.
Да вот один идет уж в коридоре.

Фауст

Я не могу его принять.

Мефистофель

Нельзя же так его прогнать:
Бедвяжка долго ждал, он будет в страшном горе.
Твой плащ да шапочку на время я возьму;
Как раз к лицу мне быть в таком уборе!

(Переодевается.)

Ты остроумию доверься моему —
Всего лишь четверть часика мне нужно, —
А сам иди да в путь сготовься дружно.

Фауст уходит.

Мефистофель

(один, в длинной одежде Фауста)

Лишь презирай свой ум да знанья светлый луч —

Все высшее, чем человек могуч;
Пусть с чародейскою забавой
Тебя освоит дух лукавый,—
Тогда ты мой, без дальних слов!
Ему душа дана судьбою,
Стремящаяся вдаль, не вынося оков;
В своем стремленье пылкою душою
Земные радости он презирать готов.
Он должен в шумный мир отныне погрузиться;
Его ничтожеством томим,
Он будет рваться, жаждать, биться,
И призрак пищи перед ним
Над ненасытною главою будет виться;
Напрасно он покоя будет ждать.
И даже не успеет он душу мне продать,
Сам по себе он должен провалиться.

Входит ученик.

Ученик

Я только что приехал по делам,
И вот, исполнен преданности к вам,
Я утруждать решаюсь посещеньем
Того, о ком все говорят с почтеньем.

Мефистофель

Учтивость ваша делает вам честь:
Таких, как я, немало, впрочем, есть.
Вам приходилось где-нибудь учиться?

Ученик

Я прямо к вам намерен обратиться!
От всей души стараться я готов;
И деньги есть, и телом я здоров.
Меня пускать мать долго не хотела,
Да слишком мной охота овладела
Узнать побольше дельного у вас.

Мефистофель

О, если так — на месте вы как раз.

Ученик

Признаться, я б уехал хоть сейчас
Назад: все стены, коридоры
Мучительно мои стесняют взоры;

Так неприветлив, тесен этот дом:
Ни зелени, ни деревца кругом!

А в залах, на скамьях — в одно мгновение
Теряешь сразу ум, и слух, и зренье.

Мефистофель

На все привычка есть, мой юный друг:
Дитя — и то у матери не вдруг
Берет сосец, чтоб присосаться плотно,
Впоследствии ж питается охотно.
А мудрости божественная грудь
Что день, то больше даст вам наслажденья.

Ученик

Всем сердцем я желаю к ней прильнуть,
Но как мои осуществить стремленья?

Мефистофель

Сначала дайте мне ответ:
Какой милей вам факультет?

Ученик

Хочу я быть ученым чрезвычайным,
Приблизиться ко всем земли и неба тайнам —
Обнять желаю, словом, полный круг
Природы всей и всех наук.

Мефистофель

Вы верный путь себе избрали,
Лишь развлекаться не должны.

Ученик

И телом и душой, от сердца глубины,
Отдамся я ученью; но нельзя ли
И отдохнуть — гулять по временам,
Хотя бы летом по воскресным дням?

Мефистофель

Цените время: дни уходят невозвратно!
Но наш порядок даст привычку вам
Распределять занятия аккуратно.
А потому, мой друг, на первый раз,
По мне, полезен был бы тут для вас
Курс логики: хоть опыт и рискован,
Начнут сейчас дрессировать ваш ум,
Как бы в сапог испанский¹ зашнурован,
Чтоб тихо он, без липких дум

¹ Испанский сапог — орудие пытки средневековой инквизиции; он мучительно сдавливал ногу жертвы.

И без пустого нетерпенья
 Всползал по лестнице мышленья,
 Чтоб вкривь и вкось, по всем путям,
 Он не метался там и сям.
 Затем внушат вам ради той же цели,
 Что в нашей жизни всюду, даже в том,
 Для всех понятном и простом,
 Что прежде сразу делать вы умели —
 Как, например, питье, еда, —
 Нужна команда «раз, два, три» всегда.
 Так фабрикуют мысли. С этим можно
 Сравнить хоть ткацкий, например, станок.
 В нем управление нитью сложно:
 То вниз, то вверх снует челнок,
 Незримо нити в ткань сольются;
 Один толчок — сто петель выются.
 Подобно этому, дружок,
 И вас философ поучает:
 «Вот это — так и это — так,
 А потому и это — так,
 И если первая причина исчезает,
 То и второму не бывать никак».
 Ученики пред них благоговеют,
 Но ткань соткать из нитей не сумеют.
 Иль вот: живой предмет желая изучить,
 Чтоб ясное о нем познание получить,
 Ученый прежде душу изгоняет,
 Затем предмет на части расчленяет
 И видит их, да жаль: духовная их связь
 Тем временем исчезла, унеслась!
 Encheiresin naturae¹ именуется
 Все это химия; сама того не чует,
 Что над собой смеется.

Ученик

Виноват:

Не ясно это мне.

Мефистофель

О, все пойдет на лад:

В редукцию² лишь надо вникнуть,
 К классификации³ привыкнуть.

¹ Encheiresin naturae (лат.) — способ действия природы (термин древней химии).

² Редукция — термин логики, означающий сведение понятий к основным видам.

³ Классификация — термин логики, означающий распределение понятий по классам и категориям.

Ученик

Все дико мне! В мозгу моем
Все завертелось колесом.

Мефистофель

Затем, первой всего, займитесь неизбежно
Вы метафизикой¹: учитесь ей прилежно;
Глубокомысленно трудясь,
Вместить старайтесь то, что отродясь
В мозг человеческий не входит;
Вместите ль, нет ли — не беда:
Словечко громкое всегда
Из затрудненья вас выводит!
Но в первые полгода, милый друг,
Порядок вам нужнее всех наук;
Вам в день занятий пять часов нормально:
С утра к звонку являйтесь пунктуально!
Старайтесь раньше дома протвердить
Параграф, чтобы в классе проследить,
Что вам твердит учитель, слово в слово,
Лишь то, что в книге, — ничего другого.
И так старательно пишите все в журнал,
Как будто б дух святой вам диктовал.

Ученик

Об этом мне напоминать не надо!
Сам знаю я, какая в том отрада.
Спокойно мы домой тетрадь несем:
Топор не вырубит, что писано пером.

Мефистофель

Так изберите ж факультет.

Ученик

К юриспруденции не чувствую влечения.

Мефистофель

Что ж, не во вред вам это отвращенье:
По правде, в ней большого проку нет.
Законы и права, наследное именье,
Как старую болезнь, с собой
Несет одно другому поколение,

¹ *Метафизикой* в то время называли часть философии, которая рассматривала вопросы, не поддающиеся изучению посредством опыта (о боге, душе и пр.). Гёте отвергал всякие не основанные на опыте и потому антинаучные измышления и вложил в уста Мефистофеля пренебрежительную оценку метафизики.

Одна страна — стране другой.
Безумством мудрость станет, злом — благое;
Терпи за то, что ты не дед!
А право новое, родное —
О нем — увы! — и речи нет!

Ученик

К ней утвердили вы мое презрение.
Блажен, кому вы можете помочь!
Я богословие избрать теперь не прочь.

Мефистофель

Не стану вас вводить я в заблуждение,
Мой юный друг. В науке сей
Легко с дороги сбиться: все в ней ложно;
Так яду скрытого разлито много в ней,
Что с пользой различить его едва ли можно.
И здесь учителя вы слушать одного
Должны и клясться за слова его,
И вообще: держитесь слова
Во всем покрепче, каждый раз!
Тогда дорога верная у вас
В храм несомненности готова,

Ученик

Но ведь понятия в словах должны же быть?

Мефистофель

Прекрасно, но о том не надо так крушиться!
Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.
Словами диспуты ведутся,
Из слов системы создаются;
Словам должны вы доверять!
В словах нельзя ни йоты изменять.

Ученик

Простите, вам наскучил я: но снова
Решусь я вас вопросом утруждать!
Нельзя ли будет мне узнать
О медицине ваше слово?
Три года — много ли? А время ведь не ждет,
И — бог мой! — мудрости так необъятно поле!
Когда указан путь, тогда гораздо боле
Почувствуешь себя подвинутым вперед.

Мефистофель

(в сторону)

Ну, речь педантская порядком мне приелась:
Мне сатаной опять явиться захотелось.

(Вслух.)

Дух медицины всяк легко поймет.
Большой и малый свет вам изучать придется,
А там — пускай все остается,
Как бог пошлет.

В науке здесь парить не надо через меру!
Все учатся кой-как, по мере сил;
А кто мгновение уловил,
Тот мигом делает карьеру.
Притом же вы недурно сложены,
А стало быть, робеть лишь не должны!
Кто верить сам в себя умеет,
Тот и других доверьем овладеет,
И вот — ему успехи суждены.
Особенно ж всегда умейте к дамам
Подделаться: их вечный «ох» да «ах»
Во всех его бесчисленных тонах
Лечите все одним, все тем же самым!
Тут стоит такта чуточку иметь —
И, смотришь, все попались в вашу сеть.
Ваш титул им внушит тот вывод ясный,
Что вы — искусник редкостный, прекрасный,
Каких на свете мало есть; а там —
Вы сразу приметесь за всяческие штучки,
Которых ждут иные по годам;
Пожмете нежно пульс прелестной ручки
И, пламя хитрое придав своим глазам,
Изящный стан вы обовьете ловко:
Уж не тесна ли, мол, у вас шнуровка?

Ученик

Вот это лучше видно — как и где.

Мефистофель

Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет!

Ученик

Клянусь, теперь брожу я как во сне!
Еще разок прийти нельзя ли мне?
Никто учить так мудро не умеет!

Мефистофель

Чем я могу, служить всегда готов.

Ученик

Нельзя ж мне так уйти от вас! Позвольте
Просить вас написать в альбом мне пару слов
В знак вашей благосклонности!

Мефистофель

Извольте!

(Пишет и возвращает ученику альбом.)

Ученик

(читает)

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum¹.

(Почтительно закрывает альбом и откланивается.)

Мефистофель

Следуй лишь этим словам да змее; моей тетке,
покорно:
Божье подобье свое растеряешь ты, друг мой,
бесспорно!

Фауст

(входя)

Куда ж теперь?

Мефистофель

Куда стремишься ты душой.
Сначала в малый свет², потом в большой.
С каким весельем, друг ты мой любезный,
Ты просмакуешь этот курс полезный!

Фауст

Ну нет; я, с этой длинной бородой,
Далек от жизни легкой, молодой.
Не верю я в попытку эту;
Притом всегда я чужд был свету.

¹ «Будете, как бог, знать добро и зло» (лат.). По библейской легенде, этими словами змий-искуситель соблазнял в раю Еву, предлагая ей отведать плодов с «древа познания».

² Под «малым светом» Мефистофель подразумевает узкий мир средневекового городка, в котором происходит действие первой части «Фауста». «Большой свет» — государственная и общественная деятельность Фауста, показанная во второй части.

Я ниже всех себе кажусь,
Всегда стесняюсь и стыжусь.

Мефистофель

Умение жить придет само собою.
Лишь верь в себя, так жизнь возьмешь
ты с бою!

Фауст

Но как же нам пуститься в путь?
Где экипаж, где кони, слуги?

Мефистофель

Мне стоит плащ мой развернуть —
И мы взовьемся легче вьюги.
Но на полет отважный свой
Ты не бери узлов с собой.
Вот я дыханьем огненным повею —
И мы поднимемся с поверхности земной:
Чем легче, тем скорей помчишься ты со мной.
Ну-с, с новой жизнью вас поздравить честь
имею!

СЦЕНА 5

ПОГРЕБ АУЭРБАХА В ЛЕЙПЦИГЕ¹

Компания гуляк.

Фрош

Никто не пьет! И смеха нет ни в ком!
Эх, проучить бы вас за эти рожи!
Сегодня вы — что мокрые рогожи,
А ведь могли б быть парни с огоньком!

Брандер

Ты виноват — кого ж винить другого?
Ни глупостей, ни свинства никакого!

¹ Первому чувственному искушению Фауст подвергается в компании студентов-гуляк. В отличие от Мефистофеля, Фауст не только не принимает участия в грубых шутках подвыпивших студентов, но на протяжении всей сцены сдержан, молчалив и озабочен лишь тем, чтобы скорей удалиться. Чувственность в грубой и примитивной форме явно отталкивает Фауста. Рассказ о вине, добытом из деревянного стола, Гёте взял из народной легенды о Фаусте. Легенда приписывала этот фокус самому Фаусту, тогда как Гёте, стремясь облагородить своего героя, весь рассказ о вине связывает с Мефистофелем.

Фрош
(выливая ему на голову стакан вина)

Так получи сполна!

Брандер
Свиньей свинья!

Фрош
Ты сам просил — исполнил я.

Зибель
Кто ссорится, тех вон! Их нам не нужно.
Знай пойте, пейте да ревите дружно:
«Гоп, голла, го!»

Альтмайер
Пропали мы, беда!
Где вата? Уши мне он раздерет! Ужасно!

Зибель
Когда трясутся своды, лишь тогда
Вся сила баса чувствуется ясно!

Фрош
Идет! А кто перечит, тех — за дверь!
Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Альтмайер
Га, тра-ла-ла-ла-ла!

Фрош
Ну, глотки все настроены теперь!

(Поет.)
Святой, высокий римский трон¹,
Как до сих пор не рухнет он?

Брандер
Дрянная песня, тьфу, политикой звучит!
Создателя благодарите смело,
Что римский трон блюсти — не ваше дело!
Конечно, уж судьба ко мне благоволит,
Что быть мне канцлером иль князем не
велит.
Но старшину иметь не худо и меж нами:

¹ Трон папы римского,

Так изберем мы папу сами¹.
Известно вам, какой чертой
Решается избранье в сан святой?

Ф р о ш

(поет)

Взвейся, подымися к небу, соловей,
Сто раз поклонися милой ты моей!

З и б е л ь

Поклона милой нет — и чтоб о том ни слова!

Ф р о ш

Поклон и поцелуй — стою на этом снова!

(Поет.)

Прочь замók! — в тиши ночной —
Прочь замók! — ждет милый твой;
Щелк замók! — горит восток.

З и б е л ь

Ну ладно, величай да песни в честь ей пой!
Тебя же осмеют, а никого другого:
Как провела меня, так проведет любого.
Пускай с ней встретится влюбленный домовый,
На перекрестке пусть ей отведет он очи!²
Пусть в полночь с Блоксберга³ несущийся
домой

Проблеет ей козел спокойной ночи!
Чтоб парень спину гнул пред ней —
Нет, много чести будет ей!
Повыбить окна ей — вот это
Я одобряю для привета!

Б р а н д е р

(ударяя кулаком по столу)

Молчать! Молчать! Послушайте меня!
Я, как известно, жить умею!
Ведь здесь влюбленных целая семья —
И всем доставить по порядку я
Им кое-что приятное имею.

¹ Шуточный обряд, в котором высмеивался торжественный церемониал избрания римского папы из среды кардиналов.

² Перекресток дорог считался нечистым местом, удобным для заклинаний.

³ Блоксберг — гора Брокен в Германии, в Гарце, где, по народному поверью, происходил шабаш ведьм.

На новый песенка построй:
Вы петь припев должны за мной!

(Поет.)

Раз крыса в погребѣ жила,
Все ела жир да сало;
Как доктор Лютер¹, завела,
Брюшко и бед не знала.
Но повар яду ей подлил —
И крысе белый свет постыл:
Ужель она влюбилась?

Х о р

(весело)

Ужель она влюбилась?

Б р а н д е р

Бежит назад, бежит вперед,
Везде грызет и гложет;
Во всякой грязной луже пьет,
А боль унять не может.
Бедняга скачет там и тут,
Но скоро ей пришел капут:
Ужель она влюбилась?

Х о р

Ужель она влюбилась?

Б р а н д е р

Средь бела дня она в пылу
Вбежала в кухню, села
В предсмертных корчах на полу
И жалобно пыхтела.
А повар злой, смеясь, твердит:
«Aga! со всех концов свистит —
Ужель она влюбилась?»

Х о р

Ужель она влюбилась?

З и б е л ь

Вишь, умники! Нашли себе отраду!
Как будто нет и подвига славней,
Чем дать бедняжке крысе яду!

¹ Мартин Лютер (1483—1546) возглавлял умеренную буржуазную ре-
формацию в Германии. Борясь против феодальной католической церкви, он
одновременно выступал против восставшего крестьянства.

Брандер

Давно ли крысы в милости твоей?

Альтмайер

Эх ты, пузан с башкою лысой!
В несчастье тих и кроток он:
Сравнил себя с распухшей крысой —
И полным сходством поражен.

Входят Фауст и Мефистофель.

Мефистофель

(Фаусту)

Тебя ввожу я с первого же шага
В веселый круг. Вот буйная ватага:
Взгляни, как жить возможно без забот!
Для них — что день, то праздник настает.
С плохим умом, с большим весельем, в мире
Ребята скачут в танце круговом,
Точь-в-точь котята за хвостом.
Им только б был кредит в трактире
Да не трещала б голова, —
Так все на свете трын-трава!

Брандер

Душа моя приезжих сразу чует:
В них по манерам я чужих узнал сейчас;
Они и двух часов не пробыли у нас.

Фрош

Ты прав! Ни перед кем наш Лейпциг не спасует:
Как маленький Париж, он свой народ шлифует.

Зибель

Ты их откуда же считаешь, из каких?

Фрош

Уж предоставьте мне! Я только им поставлю
Бутылочку винца, так без труда я их
Всю подноготную поведать нам заставлю.
Они, должно быть, не простые, брат:
Недаром зло и гордо так глядят.

Брандер

Знать, шарлатаны, черт их подери!

Альтмайер

Должно быть, так.

Фрош

Так надо к ним придраться.

Мефистофель

(Фаусту)

Народец! Черт меж них, а им не догадаться:
Хоть прямо их за шиворот бери.

Фауст

Поклон вам, господа!

Зибель

Спасибо за поклон.

(Взглянув искоса на Мефистофеля, в сторону.)

Но отчего прихрамывает он? ¹

Мефистофель

Присесть к столу прошу я позволения.
Хорошего вина здесь получить нельзя,
Так мы найдем в беседе наслажденье.

Альтмайер

Вы избалованы порядком, вижу я.

Фрош

Вы в Риппах вчера, должно быть, ночевали?
Пужинали вы у Ганса-дурачка? ²

Мефистофель

Нет, нынче мы пришли издалека,
Но прошлый раз мы долго с ним болтали,
Нам говорил он много о родне:
Ей снести поклон приказывал он мне,

(Кланяется Фрошу.)

Альтмайер

(тихо)

Что, съел?

Зибель

Да, это парень не простой.

¹ По библейской легенде, дьявол хромает, с тех пор как был свергнут богом с небес в преисподнюю. Он иногда изображается с одной лошадиной ногой, как бы свидетельствующей о его скотской природе.

² Ганс-дурачок — насмешливое народное прозвище, применяемое к увальню, простофиле.

Фрош

Еще его поддену я, постой!

Мефистофель

Входя сюда, мы слышали сейчас,
Как стройно вы здесь хором песни пели.
Здесь голоса должны звучать: как раз
Хорош высокий свод для этой цели.

Фрош

Вы, верно, сами музыкант?

Мефистофель

Охота есть, да невелик талант.

Альтмайер

Что ж, спойте песню нам.

Мефистофель

Хоть сто, когда хотите.

Зибель

С условием одним: что новую дадите,

Мефистофель

О да! В Испании мы были, а она —
Известно — родина и песни и зина!

(Поет.)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-дружка.,,

Фрош

Вы слышите — блоху! Понятно ли для вас?
Блоха — вот славный гость у нас!

Мефистофель

(поет)

Жил-был король когда-то,
Имел блоху-дружка;
Берег блоху, как злато,
Лелеял, как сынка.
Вот шлет король к портному, —
Портной пришел сейчас,
«Сшей плащ дружку родному
Да брюки в самый раз».

Брандер

Да вы бы подтвердить портному не забыли,
Чтобы с бедняжки снял он мерку поверней
И чтоб, коль дорожит он головой своей,
Без складок и морщин штанишки сшиты были!

Мефистофель

(поет)

И в шелк и в бархат чудный
Блоха наряжена
И носит крест нагрудный,
На ленте ордена.
Блоха министром стала.
Блестит на ней звезда!
Родня ее попала
В большие господа.
Блоха, дав волю гневу,
Всех жалит с этих пор:
Вельмож, и королеву,
И фрейлин, и весь двор.
Никто не смей чесаться,
Хоть жалит всех наглец!
А мы — посмей кусаться, —
Прищелкнем — и конец!

Хор

(весело)

А мы — посмей кусаться, —
Прищелкнем — и конец!

Фрош

Bis, bravo, bis! Что за припев лихой!

Зибель

Да будет так со всякою блохой!

Брандер

На палец лишь ее — и нет блохе исхода.

Альтмайер

Да здравствует вино! Да здравствует свобода!

Мефистофель

Я в честь свободы рад бы выпить сам,
Когда бы вин получше дали нам.

Зибель

Опять! Не нравится нам речь такого рода!

Мефистофель

Хозяина боюсь обидеть я,
А то бы мы гостям почтенным удружили:
Свой погреб мы бы вам охотно предложили.

Зибель

Сюда его, сюда! Беру все на себя!

Фрош

Что ж, выпить мы не прочь. Смотрите только, чтобы

Не слишком мелки были ваши пробы:
Мне, чтоб о винах правильно судить,
Немало надо в глотку пропустить.

Альтмайер

(тихо)

А! Гости с Рейна перед нами!

Мефистофель

Достаньте мне бурав.

Брандер

На что бурав-то вам?

У вас не бочка за дверями?

Альтмайер

Вон ящик на столе: бурав найдется там.

Мефистофель

(взяв бурав, Фрошу)

Какого же вина отведать вам угодно?

Фрош

Что за вопрос! Иль много их у вас?

Мефистофель

Чего желает кто, всяк выбирай свободно.

Альтмайер

(Фрошу)

А ты уж губы стал облизывать сейчас!

Фрош

Что ж, если так, рейнвейну наливайте:
Я предпочту всему отечества дары.

Мефистофель

(буравя край стола перед Фрошем)

Нельзя ли воску для дыры?

Альтмайер

Ах, это фокусы! Вы нас не надувайте!

Мефистофель

(Брандеру)

А вам?

Брандер

Шампанское вино!

Чтоб било в потолок оно!

Мефистофель буравит; один из гостей сделал тем временем восковые пробки и затыкает отверстия.

Я не боюсь чужого дара,
И вдалеке добро бывает рождено;
Хоть немцу кровному француз совсем не пара,
Но с радостью мы пьем французское вино.

Зибель

(видя, что Мефистофель приближается к нему)

Я кислых вин, признаться, не любитель,
Чего-нибудь послаще не дадите ль?

Мефистофель

(буравит)

Токайского предложим вам тогда,

Альтмайер

Нет, нет! Взгляните-ка в глаза мне, господа:
Я вижу, вы смеетесь лишь над нами.

Мефистофель

Ай-ай, как смеем мы! С такими господами
Опасно было бы шутить!
Ну, поскорей решайте сами,
Каким вином могу служить?

Альтмайер

Любим, чтоб слов не тратить с вами.

Все отверстия провернуты и заткнуты восковыми пробками.

Мефистофель

(делая странные жесты)

Нам виноград лоза дала;
На лбу рога есть у козла;
Вино на древе рождено;
Стол деревянный даст вино.
В природу вникните верней:
Поверьте, чудо скрыто в ней!
Ну пробки прочь — и пейте живо!

Все

(вынимают пробки; требуемое вино льется в стаканы)

О чудный ключ! Какое диво!

Мефистофель

Но берегись, ни капли не пролей!

(Они пьют еще раз.)

Все

(поют)

По-каннибальски любо нам,
Как будто пятистам свиньям!

Мефистофель

Народ свободен стал: любуйтесь на него!

Фауст

Мне кажется, что нам пора бы удалиться,

Мефистофель

Постой, должно еще все их скотство
Во всей красе пред нами проявиться,

Зибель пьет неосторожно, вино льется на землю и вспыхивает.

Зибель

Огонь! Спасите! Ад! Мы все сгорим сейчас!

Мефистофель

(заговаривая огонь)

Смирись, мне верная стихия!

(Всем.)

Огонь чистилища¹ был тих на этот раз.

З и б е л ь

Что это? Берегись! За шуточки такие
Ответить можешь ты! Не знаешь, видно, нас!

Ф р о ш

Посмей-ка повторить дурачество такое!

А л ь т м а й е р

Пусть убирается, оставив нас в покое.

З и б е л ь

Нет, как вы смели? Как вам в ум взбрело
Творить здесь фокусы? Что это за игрушки?

М е ф и с т о ф е л ь

Цыц, бочка!

З и б е л ь

Сам ты помело!

Ты хочешь, чтоб до кулаков дошло?

Б р а н д е р

Смотри! Дождемся колотушек!

Альтмайер вынимает пробку из стола; ему в лицо бьет огонь.

А л ь т м а й е р

Пожар! Горю!

З и б е л ь

Да это колдовство!

За голову его награда! Режь его!

Вынимают ножи и бросаются на Мефистофеля.

М е ф и с т о ф е л ь

(с важным видом)

Ум, смутися по словам!

Ложный вид предстань очам!

Будьте здесь и будьте там!

Все останавливаются, в изумлении глядя друг на друга.

А л ь т м а й е р

Где я и что со мной? Ах, что за сад прелестный!

¹ Чистилище — место, где, по учению католической церкви, души умерших очищаются от грехов, прежде чем попасть в рай.

Фрош

Что вижу я? Лоза!

Зибель

И виноград чудесный!

Брандер

Взгляните, что за куст густой!

И что за гроздь! Боже мой!

Брандер хватается Зибеля за нос. Другие делают тоже и поднимают ножи.

Мефистофель

(по-прежнему)

Спади с очей, повязка заблужденья!

И помните, как дьявол пошутил!

(Исчезает с Фаустом.)

Прятели выпускают друг друга.

Зибель

Что?

Альтмайер

Как?

Фрош

Так это нос твой был?

Брандер

(Зибелю)

А я за твой схватился? Наваждение!

Альтмайер

Каков удар! Всего меня потряс!

Подайте стул — я упаду сейчас.

Фрош

Но что же было тут, я спрашиваю вас?

Зибель

Где этот молодец? Ну, встретиться в одиночку

Мне где-нибудь, так жив не будет он!

Альтмайер

Я видел сам, как он вскочил на бочку

И вмиг на ней верхом умчался вон.

В ногах свинец: со мной недоброе творится.

(Оборачиваясь к столу.)

Я думаю, вино могло б еще политься?

З и б е л ь

Все было тут обман, предательство и ложь.

Ф р о ш

А тем не менее мне кажется, что все ж
Я пил вино."

Б р а н д е р

А как же гроздья эти?

А л ь т м а й е р

Пусть говорят теперь, что нет чудес на свете!

С Ц Е Н А 6

КУХНЯ ВЕДЬМЫ¹

На низком очаге, на огне, стоит большой котел. В пару, поднимающемся кверху, виднеются различные образы. М а р т ы ш к а - с а м к а² сидит у котла, снимает пену и смотрит, чтобы варево не выкипало. М а р т ы ш к а - с а м е ц с детенышами сидит подле и греется. Стены и потолок увешаны причудливой утварью ведьмы.

Ф а у с т и М е ф и с т о ф е л ь.

Ф а у с т

К бессмысленным их чарам отвращенье

Питаю я: найдется ль исцеленье

Здесь, в этой тьме безумства, для меня? —

Я не хочу советов старой бабы!

Но, может быть, дрянная пачкотня

Лет тридцать с плеч моих долой сняла бы?

¹ Назначение этой сцены — подготовить и объяснить предстоящее перерождение Фауста и его чувственные увлечения.

Сцена «Кухня ведьмы», как и ряд последующих сцен «Фауста», изобилует различными аллегориями и сатирическими намеками Гёте на современность. Сплошь и рядом аллегии эти случайны и малосущественны или даже намеренно лишены какого-либо смысла; по замыслу Гёте, они должны были полно представить сумбур и свистопляску, царящие в кухне ведьмы. Между тем многие немецкие комментаторы «Фауста» исписали десятки и сотни томов, испещренных бесконечными хитроумно-глубокомысленными домыслами и концепциями, призванными «раскрыть» смысл такого рода аллегорий. Старик Гёте сам издевался над этими учеными-педаантами, когда в беседе со своим другом Фальком говорил: «Тридцать лет возились они с ведьминными метлами Блоксберга и разговорами мартышек в кухне ведьмы и никак не могли расстаться с толкованиями и аллегориями этой драматико-юмористической чепухи».

² Обезьяны с древних времен причислялись к нечистым животным, и поэтому Гёте делает мартышек слугами ведьмы.

Нет, мир надежды для меня потух:
Беда, коль не найдешь другого мне леченья,
Ужель природа и могучий дух
Нам не дадут бальзама возрожденья?

Мефистофель

Мой друг, ты говоришь умно:
Природное есть средство стать моложе;
Жаль, не про нас лишь писано оно,
Да и довольно странно тоже.

Фауст

Я знать хочу его скорей!

Мефистофель

Изволь; вот средство возрожденья
Без чар, без денег, без леченья:
Уединись в глуши полей,
Руби, копай, потей за плугом
И ограничить тесным кругом
Себя и ум свой не жалеи;
Питайся просто в скромной доле,
Живи, как скот, среди скотов
И там, где жил ты, будь готов
Сам удобрять навозом поле.
Поверь мне: в этом весь секрет
Помолодеть хоть в восемьдесят лет.

Фауст

Но не привык я к плугу и лопате,
За них мне взяться было бы некстати;
Нет, узкая мне жизнь не суждена!

Мефистофель

Так ведьма, стало быть, нужна.

Фауст

К чему тут баба — непонятно!
Свари напиток сам, без лишних слов.

Мефистофель

Да! Вот бы время я провел приятно!
Уж лучше выстрою я тысячу мостов¹,
Здесь мало знания и умения —
Здесь ты не обойдешься без терпенья.
Корпеть пришлось бы тут немало лет:

¹ В народных легендах черту приписывается сооружение мостов в горах.

Ведь раньше времени броженью ходу нет.
Чего-чего тут нет в бродилах,
И надо знать уловов тьму!
Хоть черт и учит их всему,
А сам все сделать он не в силах.

(Показывая на зверей.)

Не правда ль, миленький народ?
Вот вам слуга, служанка — вот!

(Зверям.)

А что, хозяйка улетела?

З вери

Она поела,
В трубу взвилась
И унеслась.

Ме ф и с т о ф е л ь

А долго ли она там реет?

З вери

Пока огонь нам лапы греет.

Ме ф и с т о ф е л ь

(Фаусту)

Как ты находишь — хороши?

Фа у с т

Нет слов сказать, насколько гадки.

Ме ф и с т о ф е л ь

А мне так нравятся их речи и повадки;
Беседу их люблю я от души.

(Зверям.)

Ну, куклы чертовы, скажите,
Что тут за варево? Над чем вы ворожите?

З вери

Для пищих жидкий суп кипит! ¹

¹ *Жидкий суп* — водянистая малопитательная похлебка, приготовляемая в благотворительных учреждениях для бедных. Здесь это выражение служит метафорой для определения водянистых, бессодержательных сочинений, широко распространившихся в Германии во времена Гёте. В одном из писем к Шиллеру в 1797 году Гёте говорил, например, о четырехтомном сочинении, посвященном королю Густаву III: «Это настоящий суп для нищих, весьма любезный немецкой публике».

Мефистофель

На этот раз

Немало будет публики у вас.

Самец

(подползая и ласкаясь к Мефистофелю)

Разочек сыграй
Со мною и дай
Набиться карману!
Без денег шабаш;
А денег мне дашь —
Я умником стану!

Мефистофель

Тварь эта с радости совсем бы очумела,
Когда б она в лото играть умела.

Детеныши, играя большим шаром, катят его,

Самец

Вот мир летит,
Спешит, бежит,
Крутятся в пустыне.
Стеклянный звон,
Как хрупок он!
Пустой в середине,
Он тут блестит,
А там горит.
Я жив донине!
Дитя, мой друг,
Пусти из рук,
Не то умрешь ты.
Здесь глина: стук —
И разобьешь ты.

Мефистофель

Что в решете у вас?

Самец

(доставая решето¹)

Случись тут вор у нас,
Могли б его узнать мы.

(Бежит к самке и дает ей взглянуть в решето.)

Взгляни-ка в решето:

¹ По немецкому народному поверью, подвешенное на гвозде решето начищает само вращаться, если к нему подведут вора.

Вор виден нам, но кто,
Посмеем ли сказать мы?

Мефистофель

А что за польза вам от этого горшка?

(Приближается к огню.)

Самец и самка

Пустая башка!
Не понял горшка,
Котла не поймет он!

Мефистофель

Невежа ты, зверь!

Самец

Присел бы теперь
Ты с веником: вот он.

(Заставляет Мефистофеля сесть.)

Фауст

*(который тем временем глядел в зеркало,
то приближаясь, то удаляясь)*

Что вижу я! Чудесное виденье
В волшебном зеркале мелькает все ясней!
О дай, любовь, мне крылья и в мгновенье
Снеси меня туда, поближе к ней!
О, если б был не в комнате я тесной,
О, если б мог лететь к богине той!
Но нет, она полузакрыта мглой...
О дивный образ красоты телесной!
Возможна ли подобная краса?
Возможно ли, чтоб в прелести чудесной
Вмещались все неба чудеса?
Найдется ль чудо на земле такое?

Мефистофель

Понятно: шесть ведь дней трудился наш творец
И «браво» сам себе промолвил наконец, —
Так, верно, что-нибудь да вышло же благое.
Теперь любуйся тем, что видишь пред собой,
А там найду тебе подобное создание,
И счастлив тот, кому дано судьбой
Сокровищем подобным обладанье.

¹ По библейской легенде, бог создал Вселенную в шесть дней.

Фауст все смотрит в зеркало. Мефистофель, потягиваясь и играя венчиком, продолжает говорить.

Сижу, как царь, на возвышенье трона,
Со скипетром в руках; нужна еще корона.

З в е р и

(делающие разные странные движения, с громкими криками приносят Мефистофелю корону)

Корону ты склей:
Пот нужен для ней
И кровь со слезами.

(Они неловко обращаются с короной, ломают ее пополам и прыгают кругом с ее кусками.)

Свершилось! Мы зрим,
Мы слышим, кричим,
И даже стихами.

Фа у с т

(перед зеркалом)

Ах, я с ума сойду!

Ме ф и с т о ф е л ь
(указывая на зверей)

Увы! на этот раз
И у меня башка кружиться начинает.

З в е р и

И даже подчас
Бывает, что нас
И мысль осеняет,

Фа у с т

(как выше)

Я весь горю, нет больше сил моих!
Нельзя ли нам отсюда удалиться?

Ме ф и с т о ф е л ь
(в том же положении)

По крайней мере, надо согласиться,
Что задушевная поэзия у них.

Котел, оставленный самкой без присмотра, начинает выкипать; возникает большое пламя, бьющее в трубу. Ведьма прилетает в этом огне со страшным воплем,

В е д ь м а

Ай-ай-ай-ай! Вот всех вас я!
Проклятый зверь, свиньей свинья!
Проспал котел! Обжег меня!
Вот всех вас я!

(Замечая Фауста и Мефистофеля.)

Что вижу я!
Зачем вы к нам?
Что нужно вам?
Вот я вам дам:
Сожгу я вас
Огнем сейчас!

(Черпает ложкой из котла и брызгает на всех огнем.)

Звери визжат.

М е ф и с т о ф е л ь

(перевернув веник, бьет посуду)

Раз — бью, два — бью!
Котлы свалю,
Стряпню пролью!
Знай, морда: так
Стучу я в такт
Под песнь твою.

Ведьма отступает в ярости и ужасе.

Ну что, костлявая? Теперь узнала ты?
Узнала, пугало, царя и господина?
Махну рукой — и все твои скоты
И ты сама — всё прахом, образина!
Не уважаешь красный мой камзол?
Пестушьего пера узнать не можешь?
Иль я, закрыв лицо, сюда пришел?
Что ж, самому назваться мне предложишь?

В е д ь м а

Простите, сударь, мне за грубый мой привет!
Но конского при вас копыта нет,
И вороны ¹ куда, скажите мне, девались?

М е ф и с т о ф е л ь

На этот раз уж пусть тебе сошло!
С тех пор воды немало утекло,

¹ Древние германцы чтили бога солнца Вотана, которого изображали с двумя воронами. Впоследствии, в христианской мифологии, вороны стали спутниками черта.

Как мы с тобой в последний раз видались.
Цивилизация велит идти вперед;
Теперь прогресс с собой и черта двинул.
Про духа северного позабыл народ,
И, видишь, я рога, и хвост, и когти кинул.
Хоть ногу конскую иметь я должен все ж,
Но с нею в публике являться не желаю
И вот в фальшивых икрах щеголяю,
Как франтовская молодежь,

В е д ь м а

(пляшет)

Ах, голова пошла от радости кругом!
Голубчик сатана, вы снова здесь со мною!

М е ф и с т о ф е л ь

Тс-с! Не зови меня, старуха, сатаную!

В е д ь м а

Как? Почему же? Что дурного в том?

М е ф и с т о ф е л ь

Давно попало в басни это слово!
Что толку, впрочем, от таких затей?
Не меньше стало злых людей,
Хоть и отвергли духа злого.
Теперь мой титул — «господин барон»:
Других не хуже, рыцарь я свободный;
А что я крови благородной —
Так вот мой герб! Хорош ли он?

(Делает неприличный жест.)

В е д ь м а

(смеясь во все горло)

Ха-ха-ха-ха! Да, это в вашем роде!
Вы все шалун такой же продувной!

М е ф и с т о ф е л ь

(Фаусту)

Учись, мой друг, и поспевай за мной:
Вот что приятно ведьмам в обиходе.

В е д ь м а

Чем, господа, служить могу вам я?

Мефистофель

Подай стакан известного питья;
Но только, знаешь, постарее!
Оно что год, то действует сильнее.

Ведьма

Охотно. У меня имеется флакон:
Я лакоплюсь порой сама, когда придется.
Притом нисколько не воняет он.
Для вас стакан-другой всегда найдется,

(Тихо.)

Но если чарами ваш друг не защищен,
Ему и часу жить не остается.

Мефистофель

Не бойся: без вреда приятель выпьет мой
Венец стряпни твоей и знанья.
Черти же круг, промолви заклинанья
И влей в стакан напиток чудный твой.

Ведьма причудливыми жестами выводит круг и ставит в него разные предметы. Стаканы и горшки начинают звенеть, и звуки переходят в музыку. Наконец она приносит большую книгу и ставит мартышек в круг. Одна из них держит на спине книгу, другие стоят с факелами. Затем ведьма кивает Фаусту, чтоб он подошел.

Фауст

(Мефистофелю)

К чему, скажи мне, эти представленья?
Чушь глупая, безумные движенья,
Обман и ложь пошлейшие кругом,
Мне этот вздор давно знаком.

Мефистофель

Чудак, ведь это лишь для смеха!
Не будь к старухе слишком строг:
Она ведь тоже врач. Пусть будет ей потеха.
Без этого питье тебе пойдет не впрок.

(Заставляет Фауста войти в круг.)

Ведьма

(напыщенно декламируя по книге)

Пойми: причти
Раз к десяти,
Два опусти,
А три ставь в ряд —

И ты богат.
Четыре сгладь,
А шесть и пять
За семь считать
И восемь раз —
Закон у нас.
Пусть девять в счет
За раз пойдет,
А десять сгладь.
Так ведьма учит умножать!¹

Фауст

Старуха в лихорадке бредить стала.

Мефистофель

О, это, друг, пока еще начало,
А далее вся книга так гласит!
Понять ее стараться — труд напрасный:
Глупец и умный с толку будет сбит
Противоречий массою ужасной.
Все это и старó и ново! Посмотри
В историю и вспомни: не всегда ли,
Три за одно, одно за три²
Считая, люди вздор за правду выдавали?
Так учат зря болтать с начала всех веков —
С глупцами заводить никто не хочет спора.
Да людям редко что и нужно, кроме слов:
Что в них есть мысли, верят без разбора!

Ведьма

(продолжая)

Познания свет
Для всех секрет,
Для всех без исключенья!
Порою он,
Как дар, сужден
И тем, в ком нет мышленья!

Фауст

Какая чушь! Я убежать готов!
Пожалуй, лопнет голова от вздора,

¹ Эта малопонятная «таблица умножения» — сатира на символику чисел, принятую в различных религиозных учениях. В частности, Гёте высмеивает христианский догмат троичности, издеваясь над сказками о существовании трех лиц в едином боге.

² Гёте устами Мефистофеля говорит о противоречиях, встречающихся в Евангелии, и снова высмеивает догмат троичности,

Я точно слышу песню хора
Ста тысяч круглых дураков!

Мефистофель

Ну, будет, будет, мудрая Сивилла ¹!
Ты лучше бы стаканчик предложила,
Налив его полнее, до краев.
Приятелю он не придется солон:
Недаром ведь все степени ² прошел он
И много разных дельвал глотков.

Ведьма с разными церемониями наливает питье в бокал; когда
Фауст подносит его к губам, вылетает легкое пламя.

Живее пей до дна бокал —
И ты мгновенно ободришься.
На «ты» давно ты с чертом стал,
А все еще огня боишься.

Ведьма открывает круг; Фауст выходит.

Теперь стоять не надо; живо в путь!

Ведьма

Пусть вам глоточек принесет отраду!

Мефистофель

(ведьме)

При случае получишь ты награду;
В Вальпургиеву ночь мне можешь намекнуть.

Ведьма

Вот песенка ³: чтоб дать всю силу соку,
По временам ее должны вы петь.

Мефистофель

(Фаусту)

Скорей! Иди, а то не будет проку:
Ты непременно должен пропотеть,
Чтоб весь насквозь ты пропитался зельем.
Ты прогуляешься спокойно, без забот —

¹ Сивилла — легендарная прорицательница античного мира. Христианская церковь считала ее предсказательницей пришествия Христа.

² Речь идет об ученых степенях бакалавра, магистра и доктора.

³ Песенка — в данном случае стихотворное заклинание.

И вдруг почувствуешь с отрадой и весельем,
Как сладко Купидон ¹ играть в тебе начнет.

Фауст

Дай в зеркало мне бросить взор прощальный:
Так был прекрасен образ идеальный!

Мефистофель

Не стоит: наяву увидишь ты
Образчик лучший женской красоты.

(В сторону.)

Да, этим зельем я тебя поддену.
Любую бабу примешь за Елену!

СЦЕНА 7

УЛИЦА ²

Фауст и Маргарита проходят.

Фауст

Прекрасной барышне ³ привет!
Я провожу вас... если смею.

Маргарита

Прекрасной барышни здесь нет!
Домой одна дойти сумею.

(Вырывается и уходит.)

Фауст

Как хороша! Я клятву б дал,
Что в жизни лучших не видал!
Так добродетельна, скромна —
И не без колкости она.
А взор потупленных очей
Запечатлен в душе моей.
Румяных губ и щечек цвет...
Ах, позабыть его нет сил!

¹ Купидон — древнеримский божок любви.

² Фауст впервые — после того как выпил у ведьмы волшебный напиток — выступает «омоложенным» искателем любовных приключений. Открывается путь долгих исканий, чувственных искушений и заблуждений Фауста.

³ Барышня (Fräulein) — обращение к девушке дворянского происхождения. Маргарита же не принадлежит к дворянскому сословию.

А как суров и краток был
Ее находчивый ответ!
Восторг — и слов тут больше нет!

Входит Мефистофель,

Фауст

Ты должен мне добыть девочку непременно.

Мефистофель

Какую?

Фауст

Ту, что только что прошла,

Мефистофель

Как, эту? У попа она сейчас была
И от грехов свободна совершенно!
К исповедальне подойдя,
Отлично все подслушал я.
Она на исповедь напрасно
Пришла: невинна, хоть прекрасна,—
И у меня над нею власти нет,

Фауст

Не меньше ж ей четырнадцать лет?

Мефистофель

Ты говоришь, как сердцеед порочный,
Поддай ему сейчас любой цветок!
Он мнит, что нет любви, нет чести прочной,
Которой он похитить бы не мог!
Но не всегда бывает это впрок!

Фауст

Почтеннейший магистр-педант, нельзя ли
Меня теперь избавить от морали?
Без лишних слов, скажу тебе одно:
Знай: если эту ночь я в неге страстной
Не проведу с малюткою прекрасной,
То в полночь нам с тобой расстаться суждено!

Мефистофель

Подумай, друг: не все же мне подвластно!
Мне надобно не меньше двух недель,
Чтоб достижимой сделать эту цель:
Сыскать предлог, найти заручку...

Фауст

Будь семь часов спокоен я —
Не надо черта мне в друзья,
Чтоб соблазнить такую штучку!

Мефистофель

Ты судишь, как француз, слегка.
Прошу тебя, однако, не сердиться.
К чему так сразу — взять и насладиться?
Утеха, право, тут не велика.
Не лучше ли пойти путем интрижки,
Увлечь ее, водить и так и сяк,
Как учат нас иные книжки?

Фауст

Мой аппетит хорош и так.

Мефистофель

Нет, кроме шуток: лишь впросак
Попасть с горячностью здесь можно.
Здесь надо дело осторожно
Вести — тут сила не возьмет:
Тут хитрый надобен подход.

Фауст

Достань же мне вещицу от бесценной,
Сведи меня в покой ее священный,
Достань платочек мне с ее груди,
Подвязку хоть на память мне найди!

Мефистофель

Ну, если так влюбился ты в девицу, —
Смотри, как верно я тебе служу
И каждою минутой дорожу:
Сегодня ж к ней сведу тебя в светлицу.

Фауст

К ней? Ею обладать?

Мефистофель

Ну вот!

Не сразу же! Она уйдет
К соседке; ты ж в уединенье скромном
О счастье будущем мечтам отдайся томным.

Фауст

Когда ж? Сейчас?

Мефистофель

Немного попоздней.

Фауст

Так не забудь достать подарок ей!

(Уходит.)

Мефистофель

Как, уж дарить? Недурно для начала!

Успехи делать может он вполне!

Известно много старых кладов мне ¹.

Теперь пора проведать их настала.

СЦЕНА 8

ВЕЧЕР ²

Маленькая опрятная комната. Маргарита заплетает косу.

Маргарита

Я, право, дорого б дала,
Когда бы я узнать могла,
Кто этот видный господин.
Должно быть, это дворянин:
Так благородно он глядел
И так уверен был и смел.

(Уходит.)

Мефистофель и Фауст.

Мефистофель

За мной, потише — вот сюда!

Фауст

(после некоторого молчания)

Я здесь один хочу остаться.

Мефистофель

(оглядывая комнату)

Да!

У девушек так чисто не всегда!

(Выходит.)

¹ Черта, по народному поверью, считали владельцем кладов, зарытых в земле.

² Циничность Фауста в предыдущей сцене уступает место нарастающему глубокому чувству к Маргарите.

Фауст

(осматриваясь кругом)

О милый сумрак, о приют святой,
Привет мой вам! Владей, любви томленье,
Душой моей; питай свое стремленье
Надежды милой сладкою росой!
Как дышит здесь повсюду дух покоя,
Порядком все проникнуто кругом!
Средь бедности довольство здесь какое!
Святой приют! Благословенный дом!

(Бросается в кожаное кресло у постели.)

Прими ж меня, семейный старый трон!
Отцов и дедов нежил ты покоем
В дни радости и горя, окружен
Детей беспечным шумным роем!
Быть может, милая моя в кругу детей,
Горя румянцем щечек, ликовала
И, благодарная за елку, всех нежней
Сухую руку деда целовала.
Твой дух, о дева, надо мной парит,
Дух тихого довольства и порядка;
Устами матери тебе он говорит,
Чтоб чистой скатёртью твой стол был устлан
гладко,

И учит посыпать, узоры выводя,
Песком весь чистый пол каморки тесной.
О милая рука! Божественность твоя
Из хижины создать способна рай небесный!
А здесь!..

(Отдергивает полог кровати.)

Святой меня объемлет страх!
Я не ушел бы, кажется, отсюда!
Лелеяла природа в легких снах
Здесь ангела, и вот — явилось чудо!
Дитя дышало в сладком сне,
И чистой творческою силой
Прекрасный образ в тишине
Расцвел, божественный и милый!..
А я? Сюда что привело меня?
О небо, как глубоко тронут я!
Чего хочу? Чем совесть так задета?
О бедный Фауст, ты ли, ты ли это?
Не чары ли, под кровом полутьмы,

Здесь в воздухе? Я шел, чтоб насладиться, —
Пришел — и сердце грезами томится!
Иль ветерка игрушкой служим мы?
Как я своих бы мыслей устыдился,
Когда ее сейчас бы увидал!
Я за минуту был не больше как нахал,
Теперь же в прах пред нею бы склонился.

Мефистофель

(входя)

Скорей беги! Она сюда идет!

Фауст

Прочь! Навсегда! Ее мне видеть больно!

Мефистофель

А я принес и ларчик; вот —
Увесист, кажется, довольно!
Ей в шкаф поставим мы его:
Она с ума сойдет, ручаюсь!
Такой вещицей хоть кого
Для вас сманить я обещаюсь:
Игра — всегда игра, дитя — всегда дитя!

Фауст

Осмелюсь ли?

Мефистофель

Вы это не шутя?

Хотите ларчик вы себе оставить?
Так раньше бы сказать, не ждать до этих пор,
Чтоб нам не тратить времени на вздор
И от пустых меня хлопот избавить!
Не скряга ж вы, надеюсь, милый мой!
Для вас затылок трешь, мозолишь руки...
(Ставит ларчик в шкаф и запирает его.)

Ну, прочь! Скорей теперь за мной!
Пусть соблазняется: ей надо быть одной!
А вы стоите с видом скуки,
Как будто вам приходится идти
На лекцию и вот уж на пути
И метафизика и физика пред вами
Как бы стоят с постылыми словами!

Уходят.

Маргарита входит с лампой.

Маргарита

Как душно! Тяжесть в воздухе какая! ¹

(Открывает окно.)

А ночь совсем не так тепла.
Скорей бы маменька пришла!
Чего-то все боюсь одна я,
И страх и дрожь меня берут:
Еще трусихой назовут!

(Начинает петь и раздеваться.)

Жил в Фуле ² король; до могилы
Одной он был верен душой;
Ему, умирая, вручила
Любимая кубок золотой.
И стал ему кубок заветный
Дороже всего с этих пор;
Он пил — и слезой чуть заметной
Средь пира туманился взор.
И роздал король пред кончиной
Наследникам все города;
Но кубок — лишь кубок единый —
Оставил себе навсегда.
Морские валы грохотали
Под башней, бушует у скал;
Меж рыцарей, в дедовском зале,
Прощаясь, король пировал.
Наполнивши влагою ценной
Свой кубок, он выпил до дна
И бросил тот кубок священный
Туда, где шумела волна.
Он видел, как кубок, волною
Подхвачен, черпнул и пропал;
И очи покрылись тьмою —
И пить он и жить перестал.

(Отпирает шкаф, чтобы убрать платье, и видит ларчик.)

Как этот ларчик тут явиться мог?
Шкаф, кажется, был заперт на замок.
Вот странно! Что за вещи тут — не знаю!
Но, впрочем, понимать теперь я начинаю:
Не взят ли, может быть, он маменькой в залог?

¹ По немецкому поверью, черт, побывав в каком-либо помещении, оставляет после себя духоту, напоминающую предгрозовую тяжесть воздуха.

² Фула — сказочная страна на Крайнем Севере, упоминаемая в римских легендах. Баллада о фульском короле принадлежит Гёте.

А! ключик здесь, привязанный тесьмою.
Что, если я его возьму да и открою?

(Отпирает.)

Что это! Боже мой! Чудеснейший убор!
Мне видеть не пришлось такого до сих пор!
Его б и дама знатная надела
И на гулянье в нем отправилась бы смело!
Цепочку бы надеть: какой приму я вид?
Чья ж эта роскошь вся? Кому принадлежит?

(Наряжается и смотрит в зеркало.)

Хоть серьги мне иметь хотелось бы ужасно!
Наденешь их — и вот совсем уже не то!
К чему красивой быть? Совсем, совсем напрасно!
Не худо это — я, конечно, в том согласна;
Да люди красоту нам ставят ни во что
И хвалят только нас из жалости. Вот слава:
Все денег ждут,
Все к деньгам льнут;
Ах, бедные мы, право!

СЦЕНА 9

ГУЛЯНЬЕ

Фауст прогуливается в раздумье. Подходит Мефистофель.

Мефистофель

Клянусь отвергнутой любовью, бездной ада!
Клялся бы хуже я, да нечем, вот досада!

Фауст

Я не видал еще подобных морд!
Что там могло с тобою приключиться?

Мефистофель

Я рад бы к черту провалиться,
Когда бы сам я не был черт!

Фауст

Да ты не спятил ли, приятель?
К лицу ль тебе беситься, кстати ль?

Мефистофель

Подумай: ценный наш убор
Стажил у Гретхен поп, как вор.
Мамаше Гретхен показала,
А той сейчас же жутко стало:
В молитвы вся погружена
И чуткой быть приучена,
Повсюду нюхает она,
Свята ли вещь или грешна, —

А тут разгадка, видимо, простая:
Что святость в этом ларчике плохая.
«Дитя мое, — старуха шепчет ей, —
Неправое именье — лютый змей!
Снесем его царице мы небесной —
И манны нам пошлет она чудесной».
Бедняжка Гретхен от таких речей
Поморщилась, надула молча губы:
Дареному коню не смотрят, дескать, в зубы;
И чем же, мол, уж так безбожен был,
Кто мне сережки подарил?
Мать между тем поца призвать успела.
Тот сразу видит, в чем тут дело.
«Поступку вашему я рад,
Им говорит он с постной рожей: —
Кто воздержался, тот богат».
Желудок, мол, хорош у церкви божьей;
Немало стран уж слопала она
И несвареньем все же не больна.
Одна лишь церковь может, без сомненья,
Переварить неправые именья.

Фауст

Да, все берет она сегодня, как вчера!
Король и ростовщик — такие ж мастера.

Мефистофель

Потом браслеты, кольца, брошки
Загреб он, как грибы в лукошке,
Прибрал — спасибо не сказал,
Как будто горсть орехов взял,
И посулил за то награды
В раю, а те стоят — и рады!

Фауст

А Гретхен?

Мефистофель

Мучится, жалеет:

Подарок спать ей не дает,
И день и ночь с ума нейдет,
А с ним — кто так дарить умеет.

Фауст

Бедняжка! Как ее мне жаль!
Другой достать для ней нельзя ль?
Да не такие безделушки.

Мефистофель

Для вас, конечно, всё игрушки!

Фауст

Я так хочу — хоть разорвись!
Да ты к соседке подберись:
Будь бес как бес, не размазня!
Чтоб был подарок у меня!

Мефистофель

Так точно, сударь: рад служить на славу!

Фауст уходит.

Влюбившийся дурак на глупости горазд:
И солнце, и луну, и звезды он отдаст
На фейерверк — красотке на забаву!

СЦЕНА 10

ДОМ СОСЕДКИ¹

Марта

(одна)

Господь с тобой, мой муж! Скажу правдиво:
Ты поступил со мной несправедливо!
Пропал куда-то с буйной головой,
И жить теперь мне суждено одной!
А чем его я в жизни оскорбила?
Свидетель бог, как я его любила!

¹ Превосходная жанровая сцена. Марта — замечательный образ типичной кумушки, которая не прочь посплетничать, посводничать и получше устроить свои собственные любовные делишки. Гёте с удивительным реалистическим мастерством рисует визит Мефистофеля к Марте. Мефистофель легко проник в тайные помыслы Марты; в рассказе о вымышленной смерти ее мужа он искусно играет на сластолюбивых и корыстолюбивых инстинктах Марты.

(Плачет.)

Давно уж он и умер, может быть!
О смерти б хоть свидетельство добыть.

Входит М а р г а р и т а.

М а р г а р и т а

Ах, Марта!

М а р т а

Гретхен, что с тобою?

М а р г а р и т а

Колена гнутся подо мною:
В шкафу я вновь ларец такой
Нашла, с чудесною резьбой;
А вещи — просто загляденье
И лучше прежних без сравненья.

М а р т а

Ты матери о том не говори,
А то опять снесет на покаянье!

М а р г а р и т а

Ах, взгляди! Ах, посмотри!

М а р т а

(наряжая ее)

Ах ты, счастливое создание!

М а р г а р и т а

Что толку в том! Ведь в них не смею я
Ни погулять, ни в церкви показаться...

М а р т а

А ты бывай почаще у меня:
Тихонько здесь ты можешь наряжаться.
Пред зеркальцем повертишься часок:
Вот нам и радость будет, мой дружок!
А там, при случае — ну, в праздник, что ли —

станем

Мы вещь за вещью в люди надевать:
Цепочку, серьги там... Твоя старуха-мать
И не заметит их; а то ведь и обманем!

Маргарита

Но кто два ящика поставил мне?
Тут дело чисто не вполне.

Стучатся.

Ах, боже мой, не мать ли уж за мною?

Марта

(смотрит в дверное окошечко, отдернув занавеску)

Какой-то господин; сейчас ему открою.

(Отворяет дверь.)

Пожалуйте.

Мефистофель

(входя)

Прошу простить меня,
Что прямо к вам вхожу я так свободно.
(Почтительно отступает перед Маргаритой.)
Я к Марте Швердтлейн.

Марта

Марта — это я.
Что, сударь, будет вам угодно?

Мефистофель

(тихо Марте)

Благодарю: теперь я знаю вас;
Но барышня в гостях у вас сейчас...
Итак, прошу прощенья за помеху.
Я к вам зайду попозже: мне не к спеху.

Марта

Вы, сударь, приняли за барышню ее?
Подумай, что за честь тебе, дитя мое!

Маргарита

Ах, вовсе нет! Я девушка простая...
Вы чересчур добры... Цепочка золотая
И эта брошка — не моя.

Мефистофель

Сударыня, судил не по цепочке я!
Осапка, взгляд ваш — как у дамы знатной.
Так я могу остаться? Как приятно!

Марта

Ну что ж, какую вы приносите мне весть?

Мефистофель

О, как желал бы я вам лучшую принести!
Да, тяжело слова мне выговорить эти:
Ваш добрый муж велел вам долго жить на свете.

Марта

Он умер? Мой дружок, супруг мой дорогой!
Ах, я не вынесу! За что беда такая!

Маргарита

Ах, Марта, не тужи, утешься, дорогая!

Мефистофель

Угодно ль выслушать рассказ печальный мой?

Маргарита

Нет, лучше жить, любви совсем не зная:
Я б умерла от горести такой!

Мефистофель

Нет худа без добра, и нет добра без худа!

Марта

Скажите ж, как и где он дух свой испустил?

Мефистофель

Лежит он в Падуе¹, там, далеко отсюда,
Его святой Антоний приютил.
Он спит теперь сном вечным и отрадным
В священном месте, тихом и прохладном.

Марта

Что ж поручил он вам?

Мефистофель

Мне долг велит
Большую передать вам просьбу: непременно
Просил он отслужить три сотни панихид.
Карманы ж у меня пустые совершенно.

Марта

Как? Ни одной монетки? Ни одной
Вещицы? Да любой мастеровой

¹ *Падуя* — старинный город в северной Италии. Там находится собор святого Антония.

В своей котомке что-нибудь припрят
На память в дом и делится с женой;
Скорей не ест, не пьет и милостыню просит!

Мефистофель

Мадам, мне очень жаль; а впрочем, ваш супруг
Не расточитель был. Он вынес много мук,
Когда в грехах своих он каялся душевно
И жаловался всем, как жизнь его плачевна.

Маргарита

О, как несчастны люди! За него
Я помолюсь от сердца моего.

Мефистофель

Вы замуж выйти хоть сейчас достойны:
Такое вы премилое дитя!

Маргарита

Ах нет, мне рано!..

Мефистофель

Будьте в том спокойны,
И поручусь вам чем угодно я,
Что лучший кавалер обрадовался б счастью
Такую прелесть обнимать со страстью.

Маргарита

Обычай скромный наш на это не похож.

Мефистофель

Обычай или нет — бывает это все ж!

Марта

Ну, продолжайте же!

Мефистофель

Я был при смертном ложе
Супруга вашего: под ним всегда была
Солома лишь одна навозная, но все же
Он умер во Христе, кляня свои дела.
«Увы! — он восклицал, — достоин я проклятья
За то, что бросил так жену и все занятья!
Воспоминание об этом — казнь моя!
Ах, если бы жена грехи мне отпустила!»

М а р т а

(плача)

Мой добрый муж, давно я все тебе простила!

М е ф и с т о ф е л ь

«Но, видит бог, она еще грешней, чем я!»

М а р т а

Он лжет! Бездельник! Лгать у гробового края!..

М е ф и с т о ф е л ь

О да! Поверьте мне, подумал сам тогда я,
Что это бредил зря в предсмертных муках он.
Он говорил: «Я жил не праздно, не зевая,
В трудах больших детей и хлеб свой добывая,
Ел только черствый хлеб, измучен, истощен,
Но и того не мог ни разу съесть в покое».

М а р т а

А всю мою любовь, дневное и ночное
Страданье он забыл? Вся верность — нипочем?

М е ф и с т о ф е л ь

О нет, он свято помнил обо всем!
Он говорил: «Из Мальты уезжая,
Молился я о детях, о жене —
И милость небо ниспослало мне:
Нам в море барка встретилась большая
Турецкая, которая везла
Несметные сокровища султана.
Напали мы, и храбрость верх взяла,
И мне уделена частичка тут была
При дележе богатства басурмана».

М а р т а

Ах! Где ж он деньги дел? Быть может, их зарыл?

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, денег тех искать — что ветра в поле!
Когда потом в Неаполе он был
И здесь, как гость, покучивал на воле,
Им крепко занялась красавица одна;
И вот участие приняла она
Столь близкое в его печальной доле,
Что он ее любовь и верность оценил
И знаки нежности до гроба сохранил.

М а р т а

Подлец! Мерзавец! Вор! Враг своего семейства!
Ни горе, ни нужда, ни смертный час — ничто
Не сокрушило в нем бесстыдства и злодейства!

М е ф и с т о ф е л ь

Ну, вот и умер он зато!
На вашем месте я, даю вам слово,
Всего лишь год бы траур поносил,
А там бы мужа стал искать другого.

М а р т а

Увы, каков мой первый был,
Навряд ли я найду второго!
Такой он был милейший дурачок!
Любил он только жен чужих, к несчастью,
Вино чужое пил где только мог,
Да был бродягою, да был еще порок:
Игре проклятой предан был со страстью.

М е ф и с т о ф е л ь

И только? Что ж, когда и вам
Он позволял, что делал сам,
Так жить с ним было превосходно!
С таким условием с вами нам
Ударить можно по рукам.

М а р т а

Насмешник! Вам шутить угодно.

М е ф и с т о ф е л ь

(про себя)

Удрать теперь: у ней такая прыть,
Что даже черта рада подцепить.

(Маргарита)

А ваше сердце все еще свободно?

М а р г а р и т а

Что вы сказать хотите?

М е ф и с т о ф е л ь

(про себя)

О, дитя

Невинное!

(Громко.)

Я ухожу. Простите!

Маргарита

Прощайте.

Марта

Ах, минутку подождите:
Свидетельство ¹ иметь хотела б я,
Где ясно б каждый пункт обозначался,
Когда, и где, и как мой муж скончался.
Порядка другом я всегда была,
А потому охотно бы прочла
Известие о смерти и в газете ².

Мефистофель

Сударыня, повсюду, в целом свете
Свидетелей достаточно двоих,
Чтоб истину упрочить. Вот, пожалуй,
Есть у меня приятель, славный малый;
Он подтвердит правдивость слов моих,
Я приведу его сюда.

Марта

Ах, приведите!

Мефистофель

А барышня придет?

Прошу вас, приходите!

Он молодец собой, умен —

Ну, словом, кавалер вполне изящный он.

Маргарита

Боюсь, придется мне краснеть пред господином!

Мефистофель

Краснеть? Ни пред одним на свете властелином!

Марта

Так вечером у нас в саду

Я с нею вас сегодня жду.

¹ Анахронизм: в эпоху, к которой отнесено действие трагедии (XVI век), такого рода свидетельств не существовало.

² Снова явный анахронизм: в ту пору известия о смерти не печатались в газетах.

СЦЕНА 11

УЛИЦА ¹

Фауст и Мефистофель.

Фауст

Ну что? Ну как? Идет на лад?

Мефистофель

Ого! В огне вы! Вот так диво!

Не бойтесь: птичку схватим живо!

Пойдем сегодня к Марте в сад.

Вот баба, доложу вам! Точно

Быть сводней создана нарочно.

Фауст

Прекрасно!

Мефистофель

Но и ей должны мы удружить.

Фауст

Что ж, за услугу я готов служить.

Мефистофель

Она добыть от нас свидетельство б хотела

О том, что бречное ее супруга тело

В могиле, в Падуге, почилó вечным сном.

Фауст

Умно! Так съездить мы туда должны сначала?

Мефистофель

Sancta simplicitas! ² Еще недоставало!

Свидетельство и так, без справок, подмахнем.

Фауст

Когда нет лучшего, то, значит, все пропало.

Мефистофель

О муж святой, ужель вы всех других честней

Хотите быть? Ужель ни разу не давали

¹ Фауст искренне и от души чувствует себя влюбленным в Маргариту. Мефистофель скептически предвидит развязку «вечной» любви Фауста.

² «Святая простота!» (лат.). Эти слова произнес чешский реформатор Ян Гус (1369—1415) во время сожжения его на костре, когда увидел, как одна старушка подбросила в костер вязанку хвороста, думая, что совершает этим богоугодное дело.

Свидетельств ложных в жизни вы своей?
О божьей, о земле, о том, что скрыто в ней,
О том, что в голове и в сердце у людей
Таится, вы давно ль преважно толковали
С душою дерзкою, с бессовестным челом?
А если мы вникать поглубже начинаем,
Сейчас же видим мы, что знали вы о том
Не более, чем мы о муже Марты знаем.

Фауст

Софист¹ и лжец ты был и будешь!

Мефистофель

Обмануть

Меня не пробуйте: я знаю, в чем тут суть.

Не завтра ли, душа святая,
Бедняжку Гретхен надувая,
В любви ей клясться станешь ты?

Фауст

И от души!

Мефистофель

Ну да, конечно,
И в вечной верности, и в вечной
Любви, и в страсти бесконечной.
И все от сердца полноты?

Фауст

Оставь! Когда я чувством нежным
Томлюсь, назвать его хочу,
Порывам бурным и мятежным
Напрасно имени ищу,
И мыслью мир весь облетаю,
И высшие слова хватаю,
Какие лишь найти могу,
И называю пыл сердечный
Любовью вечной, бесконечной,—
Ужель тогда, как бес, я лгу?

Мефистофель

А все-таки я прав!

Фауст

Послушай: всяк имеет
Свой взгляд, но чем надсаживать нам грудь,

¹ *Софист* — в данном случае совратитель с пути истинного; человек, прибегающий для доказательства к заведомо неверным положениям.

Скажу тебе одно, а ты не забудь:
Кто хочет правым быть и языком владеет,
Тот правым быть всегда сумеет.
Итак, скорей! Что толку в болтовне?
Будь прав хоть потому, что нужно это мне!

СЦЕНА 12

САД

Маргарита под руку с Фаустом, а Марта с Мефистофелем
прогуливаются по саду.

Маргарита

Я чувствую, что вы жалуете меня,
Но мне снисходите; мне перед вами стыдно.
Вы путешественник: привыкли вы, как видно,
Всегда любезным быть. Ведь понимаю я,
Что вас, кто столько видел, столько знает,
Мой бедный разговор совсем не занимает.

Фауст

Одно словечко, взор один лишь твой
Мне занимательней всей мудрости земной.

(Целует ее руку.)

Маргарита

Ах, как решились вы! Ну что вам за охота!
Взгляните, как жестка, груба моя рука;
На мне лежит и черная работа:
У маменьки любовь к порядку велика.

Проходят.

Марта

И что же? Так должны вы ездить вечно?

Мефистофель

Что делать: ремесло и долг нам так велят!
В иных местах остаться был бы рад,
А надо ехать, хоть скорбишь сердечно.

Марта

Пока кто молод, почему
По свету вольной птицей не кружиться!
А вот как в старости придется одному
К могиле, сирому, холостяком, тащиться —
Едва ли это нравится кому.

Мефистофель

Увы, со страхом я предвижу это!

Марта

Ну что же, вовремя послушайте совета!

Проходят.

Маргарита

Да, с глаз долой — из сердца вон!

Лишь по привычке вы учтивы.

Других друзей всегда б найти могли вы,

Кто вправду сведущ и умен.

Фауст

О друг мой, верь, что мудрость вся людская —

Нередко спесь лишь пошлая, пустая!

Маргарита

Как?

Фауст

О, зачем невинность, простота

Не знает, как она бесценна и свята!

Смиренье, скромность чувств невинная, святая —

Вот самый лучший дар для нас.

Маргарита

Когда б вы обо мне подумали хоть раз,

О вас бы думала с тех пор всегда, всегда я.

Фауст

И часто ты одна?

Маргарита

Да; хоть невелико

У нас хозяйство, все же нелегко

Его вести. Служанки нет: должна я

Варить, мести и шить; с рассвета на ногах...

А маменька во всем престрогая такая

И аккуратна так, что просто страх!

И не от бедности: мы вовсе не такие,

Чтоб хуже жить, чем все живут другие.

Отец покойный мой довольно был богат,

Оставил домик нам, а с ним и старый сад.

Теперь наш дом затих, труды мне легче эти:

Ушел служить в солдаты брат,

Сестрички нет уже па свете...
Немало с ней хлопот я приняла,
Но вновь все перенести я с радостью б могла —
Так было мне дитя родное мило!

Фауст

О, если на тебя малютка походила,
Она, конечно, ангелом была!

Маргарита

Да. Я ее вскормила, воспитала...
И как меня любить малютка стала!
Отца уж не было в живых, когда на свет
Она явилась; матушка ж, бедняжка,
Слегла в постель и захворала тяжко;
Мы думали, что уж надежды нет,
И времени прошло у нас немало,
Пока она поправилась и встала.
Где ж было ей самой кормить дитя!
И вот его взялась лелеять я,
Кормила крошку молоком с водою, —
Она совсем, совсем моя была
И на руках моих, по целым дням со мною,
Барахталась, ласкалась и росла.

Фауст

Чистейшим счастьем ты в то время обладала!

Маргарита

И горя тоже много я видала.
Со мною по ночам стояла колыбель
Рядком; дитя чуть двинется — я встану.
Беру из люльки и к себе в постель
Кладу иль молоком кормить бывало стану;
А не молчит — должна опять вставать,
Чтоб проходить всю ночь да песни распевать.
А по утрам — белье чуть свет встаю и мою;
Там время на базар, на кухню там пора —
И так-то целый день, сегодня, как вчера!
Да, сударь: иногда измучишься заботой!
Зато и сладко спишь, зато и ешь с охотой.

Проходят.

Марта

Холостяки, всегда вы таковы:
Чрезмерно к бедным женщинам суровы!

Мефистофель

О, мы всегда исправиться готовы,
Найдя такую женщину, как вы!

Марта

Признайтесь: есть у вас кто на примете?
Привязанность есть где-нибудь на свете?

Мефистофель

Пословица гласит: жена своя и кров
Дороже всех на свете нам даров.

Марта

Но до любви у вас не доходило дело?

Мефистофель

Я всюду и всегда любезно принят был.

Марта

Не то! Серьезен ли был ваш сердечный пыл?

Мефистофель

Ну, с дамами шутить — чрезмерно было б смело!

Марта

Ах, вы не поняли!

Мефистофель

Жалею всей душой!

Но очень понял я, как вы добры со мной.

Проходят.

Фауст

Так ты меня сейчас, мой ангелок, узнала,
Когда перед тобой в саду явился я?

Маргарита

Вы видели, что я потупилась сначала.

Фауст

И ты меня простишь, прекрасная моя,
Что я себе тогда позволил слишком много,
Когда к тебе я подошел дорогой?

Маргарита

Смутилась я: мне это в первый раз.
Насчет меня нигде не говорят дурного.

Уж не нашел ли он — я думала о вас —
Во мне бесстыдного чего-нибудь такого,
Что прямо так решился подойти,
Игру с такой девчонкой завести.
Но все ж во мне, признаться, что-то было,
Что в вашу пользу сильно говорило.
И как же на себя сердита я была,
Что я на вас сердиться не могла!

Фауст

Мой друг!

Маргарита

Пустите-ка!

(Срывает астру и оцупывает лепестки.)

Фауст

Что рвешь ты там? Букет?

Маргарита

Нет, пустяки — игра.

Фауст

Что?

Маргарита

Полно вам смеяться!

(Шепчет.)

Фауст

Что шепчешь ты?

Маргарита

(вполголоса)

Он любит — нет; он любит — нет!

Фауст

О ангел, как тобой не восхищаться!

Маргарита

(продолжает)

Он любит — нет; он любит — нет!

(Вырывая последний лепесток, радостно.)

Он любит! Да!

Фауст

О, пусть цветка ответ
Судьбы решеньем будет нам, родная!
Да, любит он! Поймешь ли, дорогая?

(Берет ее за обе руки.)

Маргарита

Я вся дрожу!

Фауст

О, не страшись, мой друг!
Пусть взор мой, пусть пожатье рук
Тебе расскажут просто и не ложно,
Что выразить словами невозможно!
Отдайся вся блаженству в этот час
И верь, что счастье наше бесконечно:
Его конец — отчаянье для нас!
Нет, нет конца! Блаженство вечно, вечно!

Маргарита жмет ему руку, вырывается и убегает. Фауст стоит несколько минут в задумчивости, потом следует за нею.

Марта

(подходя)

Смеркается.

Мефистофель

Да, нам пора домой.

Марта

Я вас подольше б удержать хотела,
Но, знаете, уж город наш такой:
Как будто здесь у всех другого нет и дела,
Заботы будто нет у них другой,
Как только за соседями день целый
Подсматривать; и что ты тут ни делай —
Глядишь, пошла уж сплетня меж людей.
А наша парочка?

Мефистофель

Вдоль по саду пустилась,
Как пара мотыльков.

Марта

Она в него влюбилась.

Мефистофель

А он в нее. Таков уж ход вещей!

СЦЕНА 13

БЕСЕДКА

Маргарита вбегает, становится за дверь, прикладывает палец к губам и смотрит сквозь щель.

Маргарита

Идет!

Фауст

Меня ты дразнишь? Ах, плутовка!
Постой же: я тебя поймать ловко.

(Целует ее.)

Маргарита

(обнимая его и возвращая поцелуй)

Люблю тебя всем сердцем, милый мой!

Мефистофель стучится.

Фауст

(топая ногой)

Кто там?

Мефистофель

Приветель.

Фауст

Скот!

Мефистофель

Пора домой.

Марта входит.

Марта

Да, сударь, поздно уж.

Фауст

Позвольте ль из сада

Вас проводить?

Маргарита

А маменька? Меня

Так проберет она за это!.. Нет, не надо!
Прощайте!

Фауст

Очень жаль, что должен я
Уйти так скоро, против ожидания.
Прощайте же!

Марта

Адъё! ¹

Маргарита

До скорого свиданья.

Фауст и Мефистофель уходят.

Маргарита

Ах, боже мой, как он учен!

Чего не передумал он!

А я — краснею от стыда,

Молчу иль отвечаю: да...

Ребенок я — он так умен!

И что во мне находит он?

(Уходит.)

СЦЕНА 14

ЛЕС И ПЕЩЕРА ²

Фауст

(один)

Могучий дух, ты все мне, все доставил,
О чем просил я. Не напрасно мне

¹ Адъё (*франц.* adieu) — прощайте.

² Фауст предстает в этой сцене во всей сложности и богатстве своих переживаний. Союз с Мефистофелем и чувственная страсть к Маргарите, столь часто прорывавшаяся в ряде предыдущих сцен, отнюдь не убили в Фаусте высоких философских запросов и интересов. В отличие, однако, от начальных сцен поэмы Фауст, видимо умудренный реальной, практической жизнью, к которой он приобщился после заключения договора с Мефистофелем, выступает теперь гораздо более зрелым и уравновешенным. Освободившись от прежней философской безнадежности и мизантропии, Фауст проникает в самое сердце природы, «в волнах и в воздухе». Весь величественный монолог Фауста о «братстве» человека с природой проникнут учением оказавшего огромное влияние на Гёте Спинозы, который объявил человека частью «обожествленной» природы.

Мефистофель явно недоволен философски-возвышенными размышлениями Фауста. Найдя Фауста в лесном уединении, Мефистофель ловкими саркастическими насмешками и коварным рассказом о тоске «бедняжки Гретен» побуждает Фауста покинуть лес и вернуться к Маргарите.

Свой лик явил ты в пламенном сиянье.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать ее, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся ее великолепию,—
Нет, мне дано в ее святую грудь,
Как в сердце друга, бросить взгляд глубокий.
Ты показал мне ряд живых созданий,
Ты научил меня увидеть братьев
В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
Когда в лесу бушует ураган
И повергает ближние деревья,
Ломаясь с треском, богатырь-сосна,
И холм ее паденью глухо вторит,—
В уединенье ты меня ведешь,
И сам себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего.
Когда же ясный месяц заблестит,
Меня сияньем кротким озаряя,
Ко мне слетают легкою толпою
С седой вершины влажного утеса
Серебряные тени старины
И созерцанья строгий дух смягчают.
Для человека, вижу я теперь,
Нет совершенного. Среди блаженства,
Которым я возвышен был, как бог,
Ты спутника мне дал; теперь он мне
Необходим; и дерзкий и холодный,
Меня он унижает, и в ничто
Дары твои, смеясь, он обращает.
В груди моей безумную любовь
К прекраснейшему образу он будит;
Я, наслаждаясь, страсть свою тушу
И наслажденьем снова страсть питаю.

Входит Мефистофель.

Мефистофель

Чем жизнь такая радостна для вас?
Не надоест вам все в глуши слоняться?
Я понимаю — сделать это раз,
А там опять за новое приняться.

Фауст

Другое дело мог бы ты найти,
Чем в добрый час смущать меня бесплодно.

Мефистофель

Ну, ну! Не злись: ведь я могу уйти.
Уйду совсем, когда тебе угодно.
С тобою, грубым и безумным, жить —
Неважный дар послала мне судьбина.
Весь день изволь трудиться и служить,
И так и сяк старайся удружить —
Не угодишь ничем на господина.

Фауст

Ну вот, теперь упреки мне пошли!
Ты надоел, а я — хвали за это.

Мефистофель

А чем бы жил ты, жалкий сын земли,
Без помощи моей, не видя света?
Не я ль тебя надолго исцелил
От тягостной хандры воображенья?
Не будь меня, давно бы, без сомненья,
Здесь, на земле, ты дней своих не длил.
К чему же ты сюда, в леса и горы,
Как мрачный филин, обращаешь взоры?
Во влажном мху, под кровом темноты
Себе, как жаба, жизни ищешь ты.
Прекрасная манера веселиться!
Нет, все еще педант в тебе гнездится.

Фауст

Поймешь ли ты, что я в пустыне здесь
Чудесной силой оживаю весь?
Да, если б мог понять ты, то, конечно,
Как черт, ты мне б завидовал сердечно.

Мефистофель

Еще бы! Неземная благодать!
Всю ночь на мокром камне пролежать,
К земле и небу простирать блаженно
Объятья, раздувать себя надменно
До божества и в самый мозг земли
Впиваться мыслью, полною стремленья;
Всё ощущать, что в мир внесли
Все шесть великих дней творенья;
Внезапно гордой силой воспылав,
Не знаю чем-то пылко упиваться
И, всю вселенную объяв,
В любви блаженной расплываться,

О смертности своей забыв совсем,
И созерцанье гордое затем
Вдруг заключить... а чем — сказать мне стыдно!
(Делает неприличное движение.)

Фауст

Тьфу на тебя!

Мефистофель

Не нравится, как видно?
Как тут стыдливо не плевать вам!
Ведь нравственным ушам всегда обидно
То, что приятно нравственным сердцам!
Глупец! Ему позволил я порою
Полгать себе, потешиться игрою,
Да вижу, что не выдержать ему.
Ты и теперь худеешь и томишься;
Не нынче-завтра возвратишься
К мечтам и страху своему.
Довольно же! Возлюбленная страждет,
Сидит она печальна и мрачна;
Тебя, тебя увидеть жаждет,
В тебя она безумно влюблена!
Любовь твоя недавно бушевала,
Как речка, что бежит со снежных гор,
Бедняжку Гретхен страстью заливала,
И вдруг — иссякла речка! Что за вздор!
По мне, чем здесь в лесу царить уныло —
Не лучше ли тебе вернуться вновь
И бесконечную любовь
Вознаградить своей бедняжки милой?
День для нее едва идет:
Глядит она в окно, следит за облаками,
Бегущими грядой над старыми домами;
«Будь божьей птичкой я!» — все только и поет,
И в полдень ждет, и в полночь ждет,
То равнодушной станет снова,
То вдруг всплакнет, не молвя слова,
И вновь влюбилась.

Фауст

О, змея, змея!

Мефистофель

(про себя)

Пожалуй, лишь поймать тебя сумел бы я!

Фауст

Уйди, уйди отсюда! Сгинь, проклятый!
Не называй красавицу мне вновь
И не буди к ней плотскую любовь
В душе моей, безумием объята!

Мефистофель

Что ж, ей ведь кажется, что от нее уйти
Решил ты навсегда; да так и есть почти.

Фауст

Где б ни был я, мне всюду остается
Она близка; везде она моя!
Завидую Христову телу¹ я,
Когда она к нему устами прикоснется.

Мефистофель

Так, милый мой! Не раз завидно было мне
При виде парочки на розах, в сладком сне.

Фауст

Прочь, сводник!

Мефистофель

Что ж, бранись; а я смеюсь над бранью.
Творец, мужчину с женщиной создав,
Сам отдал должное высокому призванью,
Сейчас же случай для того им дав.
Да полно же, оставь свой вид унылый!
Подумаешь, какое горе тут:
Ведь в комнату к красотке милой,
А не на казнь тебя зовут!

Фауст

В ее объятьях рай небесный!
Пусть отдохну я на груди прелестной!
Ее страдания чую я душой!
Беглец я жалкий, мне чужда отрада,
Пристанище мне чуждо и покой.
Бежал я по камням, как пена водопада,
Стремился жадно к бездне роковой;
А в стороне, меж тихими полями,
Под кровлей хижины, дитя, жила она,
Со всеми детскими мечтами

¹ Речь идет о католическом обряде причащения, когда верующие, по учению церкви, якобы вкушают частицу тела Христова.

В свой тесный мир заключена.
Чего, злодей, искал я?
Иль недоволен был,
Что скалы дерзко рвал я
И вдребезги их бил?
Ее и всю души ее отраду
Я погубил и отдал в жертву аду!
Пусть будет то, что суждено судьбой
Бес, помоги и сократи дни страха!
Пусть вместе, вместе в бездну праха
Она низвергнется со мной!

Мефистофель

Опять кипит! Опять пылает!
Ступай, утешь ее, глупец!
Чудак, всему уж и конец
Он видит, чуть лишь нить теряет.
Кто вечно смел, хвалю того;
Ты ж, с чертом столько дней прошедший, —
Ты что? Нет хуже ничего,
Как черт, в отчаянье пришедший!

СЦЕНА 15

КОМНАТА ГРЕТХЕН

Гретхен

(одна за прялкой)

Покоя нет,
Душа скорбит:
Ничто его
Не возвратит.
Где нет его,
Там все мертво,
Там счастья нет,
Не красен свет.
Мой бедный ум
Смущен, молчит;
Мой бедный дух
Сражен, разбит.
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
Лишь для него
В окно гляжу,

Лишь для него
Я выхожу.
Походка, стан,
Улыбка, взгляд,
Как талисман,
К себе манят.
Его речей
Волшебный звук,
Огонь очей,
Пожатье рук!
Покоя нет,
Душа скорбит!
Ничто его
Не возвратит!
К нему, за ним
Стремится грудь;
К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять,
И тихо млеть,
И целовать,
И умереть!

СЦЕНА 16

САД МАРТЫ¹

Маргарита и Фауст.

Маргарита

Так обещаешь же, Генрих, мне!

Фауст

Охотно.

Все, что могу!

Маргарита

Скажи ты мне прямо:

Как дело обстоит с религией твоей?

¹ Вся возвышенная беседа Фауста с Маргаритой о вероисповедании проникнута, как и в сцене «Лес и пещера», учением Спинозы о божественности природы. Религиозный культ и церковная обрядность чужды Фаусту, который в этом отношении стоит неизмеримо выше Маргариты, воспитанной в незыблемых церковных рамках, веками установленных духовенством. Гёте, несомненно, вложил здесь в уста Фауста свои собственные взгляды. Недаром Кестнер, друг Гёте, рассказывал о нем: «Вполне верующим его называть нельзя... В церковь и к причастию он не ходит, молится также редко; для этого, говорит он, я недостаточно лжец... Он стремится к истине, но придает большее значение чувству ее, чем внешнему выражению ее».

Ты славный, добрый человек, но к ней
Относишься как будто беззаботно.

Фауст

Оставь, дитя! Мою узнала ты любовь;
За близких сердцу рад свою пролить я кровь;
Не против веры я, кому в ней есть отрада.

Маргарита

Нет, мало этого: нам твердо верить надо.

Фауст

Да надо ли?

Маргарита

Ах, не найти мне слов,
Чтоб убедить тебя! Ты и святых даров
Не чтить.

Фауст

Я чту их.

Маргарита

Да, но без охоты
Принять их. В церкви не был уж давно ты,
На исповедь не ходишь уж давно.
Ты в бога веришь ли?

Фауст

Мой друг, кому дано
По совести сказать: я верю в бога?
Священников ты спросишь, мудрецов —
У них тебе ответ всегда готов;
Но весь ответ их, как рассудишь строго,
Окажется насмешкой над тобой.

Маргарита

Не веришь ты?

Фауст

Пойми же, ангел мой:
Назвать его кто смеет откровенно?
Кто исповедать может дерзновенно:
Я верую в него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в него?

Он, вседержитель
И всехранитель,
Не обнимает ли весь мир —
Тебя, меня, себя?
Не высится ль над нами свод небесный?
Не твердая ль под нами здесь земля?
Не всходят ли, приветливо мерцая,
Над нами звезды вечные? А мы
Не смотрим ли друг другу в очи,
И не теснится ль это все
Тебе и в ум и в сердце
И не царит ли, в вечной тайне,
И зримо и незримо в круг тебя?
Наполни же все сердце этим чувством
И, если в нем ты счастье ощутишь,
Зови его, как хочешь:
Любовь, блаженство, сердце, бог!
Нет имени ему! Всё — в чувстве!
А имя — только дым и звук,
Туман, который застилает небосвод.

Маргарита

Как это хорошо, мой друг!
Священник так же это объясняет,
Немножко лишь в других словах.

Фауст

Везде, мой друг, во всех местах
Сиянье неба восхваляет
Весь мир на разных языках, —
И мой не хуже их нисколько.

Маргарита

Да, как послушаешь, сначала
Все будто так, но грех один:
В душе ты не христианин.

Фауст

Дитя мое!

Маргарита

Я ужас ощущаю,
Давно уже скорблю всем существом,
Когда тебя всегда я с ним встречаю.

Фауст

С кем это?

Маргарита

С кем повсюду ходишь ты.
Он ненавистен мне от сердца полноты!
Изо всего, что в жизни я видала,
Я не пугалась столько ничего,
Как гадкого лица его.

Фауст

Поверь мне, куколка, не страшен он нисколько.

Маргарита

Его присутствие во мне волнует кровь.
Ко всем и ко всему питаю я любовь;
Но как тебя я жду и видеть жажду,
Так перед ним я тайным страхом стражду;
Притом мне кажется, что плут он и хитрец,
И если клевету — прости меня творец!

Фауст

И чудакам, как он, ведь жить на свете нужно!

Маргарита

Нет, жить с таким я не могла бы дружно!
Он всякий раз, как явится сюда,
Глядит вокруг насмешливо всегда,
В глазах его таится что-то злое,
Как будто в мире все ему чужое;
Лежит печать на злом его челе,
Что никого-то он не любит на земле!
С тобой всегда я так довольна,
Мне так легко, тепло, привольно;
При нем же сердцем унываю я.

Фауст

Ах ты, вещунья милая моя!

Маргарита

И столько он мне ужаса внушил,
Что если к нам войти ему случится,
И ты как будто мне уже не мил.
При нем никак я не могу молиться;
И так тогда мне больно, милый мой!
И верно, Генрих, тоже и с тобой.

Фауст

Враждебна ты к нему!

Маргарита

Прощай — иди мне надо.

Фауст

Мой друг, когда же будет мне отрада
Часочек хоть с тобою отдохнуть,
Душа с душой и с грудью грудь?

Маргарита

Ах, я дверей бы запирать не стала,
Когда бы только я спала одна;
Но маменька... так чутко спит она.
И если б нас она застала,
Я с места, кажется, не встала бы живой!

Фауст

Мы все устроим, ангел мой!
Вот капли: действуют прекрасно!
В питье немножко ей подлей,
И сон слетит глубокий к ней.

Маргарита

Я для тебя на все согласна!
Конечно, здесь ведь яду нет?

Фауст

Могу ль я дать тебе такой совет?

Маргарита

Ты приковал какой-то чудной силой
Меня к себе: на все готова я;
И больше сделать, кажется, нельзя,
Чем для тебя я сделала, мой милый!

(Уходит.)

Мефистофель

(входя)

Мартышка! Где она?

Фауст

Шпионил ты опять?

Мефистофель

Да, кое-что я мог понять.
Вас, доктор, катехизису¹ учили:

¹ Катехизис — краткое изложение основ христианского вероучения в вопросах и ответах.

Надеюсь, вы урок на пользу получили.
Для девушек так интересно знать,
Кто чтит религию. Кто верит непритворно,
Тот и за нами, мол, пойдет покорно.

Фауст

Чудовище! Не видишь, что она
В душе любовь лишь чистую лелеет:
Своею верою полна,
Той верою, которая одна
Спасенье ей,— она жалеет,
Как душу близкую, погибшего меня.

Мефистофель

Эх ты! В тебе ведь только похоть бродит!
Тебя девчонка за нос водит!

Фауст

Прочь, порожденье грязи и огня!

Мефистофель

А в рожках ловко суть она находит!
При мне минутки не сидится ей:
Ум замечая в рожице моей,
Она томится и скорбит безмерно,
Что если я не черт, то гений уж наверно.
Гм! эта ночка!..

Фауст

Для тебя ль она?

Мефистофель

И я, мой друг, порадуюсь сполна.

СЦЕНА 17

У КОЛОДЦА

Гретхен и Лизхен с кувшинами.

Лизхен

Ты о Варваре не слыхала?

Гретхен

Нет. Я ведь дома все сижу одна.

Лизхен

Мы знаем кое-что! Сивилла мне сказала.
Попалась наконец она!
Вперед не важничай!

Гретхен

А что?

Лизхен

Да дело скверно!
Что ест она и пьет — двух кормит: это верно.

Гретхен

Ах!

Лизхен

Да, теперь награждена!
На шею парню вешалась она:
На все гулянья с ним ходила,
С ним танцевала и кутила;
Везде хотела первой быть,
Есть пирожки да вина пить,
Себя красавицей считала;
Дошла в бесстыдстве до того,
Что наконец уж от него
Открыто брать подарки стала!
Ласкала, нежила дружка —
Вот и осталась без цветка!

Гретхен

Бедняжка!

Лизхен

Ты еще жалеешь!
А мы? Как мать велит, бывало, прясть,—
Сидишь да ночью вниз сойти не смеешь,
Она же мигом к миленькому — шасть!
Там, на скамье иль в переулке темном,
Не скучно было в уголке укромном!
Теперь вот пусть свою убавит спесь
Да перед нами в церкви грех свой весь
В рубашке покаянной пусть расскажет!¹

Гретхен

Ее он замуж взять, наверно, не откажет.

¹ По средневековым законам, рождение детей вне брака каралось церковным покаянием и гражданским судом. Поэтому часто наблюдались случаи детоубийства.

Лизхен

Держи карман! Нет, парень не дурак:
Получше может заключить он брак.
Да он уж и удрал.

Гретхен

Он поступил нечестно.

Лизхен

Да хоть женись — не очень будет лестно.
Ей наши парни разорвут венок,
А мы насыплем сечки на порог! ¹

(Уходит.)

Гретхен

(идя домой)

И я, бывало, храбро осуждала,
Как девушка, бедняжка, в грех впадала!
Поступки я бранила строже всех;
Чтоб их клеймить, не находила слова:
Каким мне черным ни казался грех,
Я все его чернить была готова!
Сама, бывало, так горда, важна:
А вот теперь и я грешна!
Но боже, что меня смутило,
Так было сладостно, так мило!

СЦЕНА 18

У ГОРОДСКОЙ СТЕНЫ ²

В нише статуя Mater dolorosa ³, перед нею вазы для цветов.
Гретхен ставит свежие цветы.

Гретхен

Скорбя, страдая,
О мать святая,

¹ Существовал варварский обычай срывать во время венчания венок с головы невесты, потерявшей девственность до замужества, а также посыпать сечкой или соломой порог ее дома.

² Искренность и глубина переживаний молящейся Маргариты прекрасно выражены простыми, безыскусными, намеренно «неотделанными» словами ее молитвы, обращенной к богородице. Отрывистый ритм подчеркивает силу и вместе с тем смятение прерываемой рыданиями молитвы Маргариты.

³ Mater dolorosa (лат.) — католическое изображение скорбящей божьей матери. Меч в сердце богородицы символизирует горечь ее скорби, когда она взирала на распятого сына — Христа.

Склонись, склонись к беде моей!

С мечом в груди ты

На лик убитый

Христа глядишь, полна скорбей.

Отца зовешь ты

И вздохи плешь ты

Из глубины души своей.

Увы, кто знает,

Как изнывает

Вся грудь моя, тоски полна!

Как душа моя томится,

Как дрожит, куда стремится,—

Знаешь ты лишь, ты одна!

С людьми ли я — невольно

Мне больно, больно, больно,

Везде тоскую я!..

Одна ли горе прячу —

Я плачу, плачу, плачу,

И рвется грудь моя.

Цветы омыла эти

Слезами я, скорбя,

Когда я на рассвете

Рвала их для тебя.

Когда мне заблестели

Лучи зари в окно,

Сидела я в постели,

Рыдая уж давно.

Меня позором не убей!

Молю тебя я,

О мать святая,

Склонись, склонись к беде моей!

СЦЕНА 19

НОЧЬ. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ГРЕТХЕН¹

Валентин, солдат, брат Гретхен.

Валентин

Сидишь, бывало, за столом

С друзьями; шум идет кругом;

Лишь о красотах и речей —

¹ Мефистофель убивает брата Маргариты. Валентин — один из наиболее совершенных в художественном отношении образов трагедии. Характерно, что этот brave солдат-ландскнехт (т. е. наемный воин) взволнован «грехопадением» Маргариты более всего потому, что теперь он будет лишен возможности в дружеской компании похвалиться непорочностью своей сестры.

И каждый хвалится своей
Да пьет, красой ее кичась;
А я, спокойно подбочась,
При этой шумной похвальбе
Сижу да слушаю себе;
И вдруг, смеясь, крутя свой ус
И полный вверх стакан подняв,
Скажу: «У всякого свой вкус,
Не угодишь на каждый нрав;
Но мне назвать прошу я вас
Одну хоть девушку у нас,
Чтоб Гретхен стоила моей,
В подметки чтоб годилась ей!»
Тут шум пойдет, и звон, и гром.
«Он прав, он прав! — толпа кричит. —
Нет краше девушки кругом!»
Любой хвастун тут замолчит.
Теперь — рви волосы да злись,
Лезь на стену, хоть разорвись
От гнева: стали все кругом
Кивать, подмигивать глазком.
Язвить любой бездельник рад;
А я, как будто виноват,
Сижу, молчу. Чуть кто сболтнет,
Меня бросает в жар и пот.
Хоть разнесешь их всех, а все ж
Не скажешь им, что это ложь!
Кто там? Какой там черт ползет?
Не двое ль их? Пришли за нею!
Постой же: пусть я околею,
Когда он с места жив уйдет!

Входят Фауст и Мефистофель.

Фауст

Вон в ризнице церковной под окном
Блестит огонь лампады: то затихнет,
Слабей, слабей, то снова ярко вспыхнет,
То вновь замрет — и мрак густой кругом.
В душе моей давно огонь не блещет.

Мефистофель

Что до меня, то грудь моя трепещет,
Как у кота, когда влезает он
На крышу, юной кошкою прельщен.
И мысли всё хорошие такие:
То похоть, то проказы воровские.
Все существо мое с восторгом ждет

Чудеснейшей Вальпургиевой ночи.
Вот послезавтра к нам она придет;
В ту ночь недаром сна не знают очи.

Фауст

А этот клад, что видится вдаль:
Поднимется ль он вверх из-под земли?

Мефистофель

Порадуйся, недолго ждать: оттуда
Ты котелок достанешь без труда.
Недавно я заглядывал туда:
Там талеров¹ порядочная гряда.

Фауст

Браслетов нет ли иль перстней
Моей красотке на веселье?

Мефистофель

Найдутся там и вещи поценней:
Жемчужное я видел ожерелье!

Фауст

Вот это хорошо! Мне больно к ней идти
И ничего с собой в подарок не нести.

Мефистофель

По мне, так чем же было б неприятно
Себя порой потешить и бесплатно?
Как ярки звезды! В блеске их лучей
Теперь я шутку выкину на диво:
Спою я песню нравственную ей,
Чтоб тем верней сманить красотку живо.

(Поет, аккомпанируя на гитаре.)

Не стой, не стой,
Не жди с тоской
У двери той,
Катринхен, пред денницей!²
Не жди, не верь:
Войдешь теперь
Девницей в дверь,
А выйдешь не девницей!
Не верь словам!
Насытись сам,

¹ Талер — старинная немецкая серебряная монета.

² Денница — утренняя заря.

Бедняжке там
«Прости, прощай!» — он скажет.
Скажи: «Постой,
Повеса мой,
Пока со мной
Кольцо тебя не свяжет!»

Валентин
(выходя)

Черт побери! Кого ты там
Смущаешь, крысолов¹ проклятый?
Гитара к черту! К черту сам
Слетишь и ты, певец завзятый!

Мефистофель
Гитара сломана: ее не нужно нам!

Валентин
Теперь и череп пополам!

Мефистофель
(Фаусту)

Ну, доктор, я вас приглашаю!
Вперед, смелее! Не робей,
Валяй шпажонкою своей,
Коли смелей — я отражаю.

Валентин
Так отражай же!

Мефистофель
Я к услугам весь!

Валентин
Еще!

Мефистофель
Могу!

Валентин
Сам черт дерется здесь!
Но что со мной! Рука уж ослабела.

¹ Намек на легендарного крысолова из Гаммельна (Германия), который, играя на дудочке, сманил вместо крыс детей,

Мефистофель

(Фаусту)

Коли же!

Валентин

(падая)

Ох!

Мефистофель

Смирили дурака!

Теперь пора убраться нам приспела:

Тут будет шум и крик наверняка.

Хоть мне возня с полицией легка,

Но уголовный суд — иное дело!

Уходят.

Марта

(у окна)

Сюда скорей!

Гретхен

(у окна)

Сюда огня!

Марта

Здесь драка, спор! Здесь шум, возня!

Народ

Убит один, гляди!

Марта

(выходя)

А где убийца, где злодей?

Гретхен

(выходя)

Кто здесь?

Народ

Сын матери твоей.

Гретхен

Всевышний, пощади!

В а л е н т и н

Я умираю. Так легко сказать,
А умереть легко вдвойне.
Эй, бабы! Больше не к чему кричать —
Приблизьтесь и внимайте мне!

Все обступают его.

Ты, Гретхен, очень молода
И так глупа, что навсегда
Плохой избрала путь.
Могу при всех тебе сказать:
Когда могла такую стать,
Так уж открыто будь!

Г р е т х е н

О боже! Брат мой, что такое?

В а л е н т и н

Оставь хоть бога ты в покое!
Что было, нам не воротить;
Уж, видно, так тому и быть.
Ты начала теперь с одним,
Потом другой придет за ним.
А как до дюжины дойдет,
К тебе весь город побредет.
Когда впервые грех родится,
Себя таит он в первый миг:
Под кровом ночи рад он скрыться
И закрывает грозный лик;
Тогда убить его не поздно.
Но скоро, скоро грех растет,
Средь бела дня открыт идет;
Лицо его не меньше грозно,
Но чем лицо его страшней,
Тем яркий свет ему нужней.
Я знаю, срок настанет твой —
И честный гражданин любой,
Как перед язвой моровою,
Распутница, перед тобою
Отпрянет. От стыда горя,
В глаза открыто ты не взглянешь;
В цепочке ты франтить не станешь.
И убежишь от алтаря!¹
Не будешь в танце красоваться

¹ В XV веке в Германии женщинам нескромного поведения запрещали пышно одеваться, носить золотые и серебряные вещи и посещать богослужение.

Ты в кружевном воротничке:
Меж нищих и калек скрываться
Ты будешь в темном уголке!
И если бог простит твой грех,
Ты на земле презренной всех!

М а р т а

Предайтесь лучше покаянью,
Чем удручать себя вам бранью!

В а л е н т и н

Когда б сломать я ребра мог
Тебе, бесстыжей сводне скверной,
Я знаю, что простил бы бог
Тогда грехи мои наверно!

Г р е т х е н

О, муки ада! Брат мой, брат!

В а л е н т и н

Напрасны слезы, говорят!
Сестра, ты честь свою забыла,
Меня ты в сердце поразила,—
На божий суд идет твой брат
Без страха, честно, как солдат.

(Умирает.)

С Ц Е Н А 20

СОБОР ¹

Служба, пение, орган.

Г р е т х е н в толпе народа; позади нее З л о й Д у х.

З л о й Д у х

Не так ты, Гретхен, прежде,
С душой невинной,
Ходила к алтарю.
Молясь по книжке старой,
Ты лепетала,
Наполовину детским играм,
Наполовину богу
Душою предана!
О Гретхен!
Где голова твоя?

¹ В этой сцене Маргарита, терзаемая угрызениями совести, оплакивает две смерти: матери и брата Валентина, убитого Фаустом на поединке.

И на душе твоей
Какой тяжелый грех?
Ты молишься ль за мать свою? Она
Тобой для долгих-долгих мук усыплена!
Чья кровь у дома твоего?
Что у тебя под сердцем скрыто?
Не шевелится ль что-то там
И не тревожит ли тебя
Присутствием своим?

Г р е т х е н

Увы, увy!
Как дум мне этих избежать,
Которые теснятся отовсюду
Ко мне и в душу проникают?

Х о р ¹

Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla².

Звуки органа.

З л о й Д у х

Гнев неба над тобою!
Труба звучит;
Заколебались гробы;
Душа твоя
Из бездны праха
Для мук ужасных
Огня и ада,
Дрожа, встает!

Г р е т х е н

О, если б мне уйти отсюда!
Мне грозный гром органа
Дышать мешает,
Меня терзает это пенье
До глубины сердечной!

Х о р

Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet, adparebit,
Nil inultum remanebit³.

¹ Церковный хор исполняет католический гимн о Страшном суде, который ждет всех грешников. Этот гимн входит в заупокойную службу (реквием).

² «День гнева, этот день испепелит мир» (лат.).

³ «Когда воссядет высший судия, все сокровенное откроется, и ничто не останется без возмездия» (лат.).

Г р е т х е н

Как душно мне!
Как эти арки, эти своды
Теснят меня!
Воздуха, воздуха больше!

З л о й Д у х

Беги! Но грех и стыд
Не будет скрыт.
Что? Воздуха? Света?
Горе тебе!

Х о р

Quid sum miser tunc dicturus?
Quem patronum rogaturus,
Quum vix justus sit securus?¹

З л о й Д у х

Свой лик пресветлый отвращают
Святые от тебя,
И руку протянуть тебе
Им, чистым, страшно!
Увы!

Х о р

Quid sum miser tunc dicturus?

Г р е т х е н

Соседка, ваш флакон!..

(Падает в обморок.)

С Ц Е Н А 21

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ²

Местность в горах Гарца, в окрестностях деревень Ширке и Эленд.
Фауст и Мефистофель.

М е ф и с т о ф е л ь

Не чувствуешь нужды ты в помеле?
Теперь на дюжем рад бы я козле
Погарцевать, уставши от дороги.

¹ «Что скажу я тогда, несчастный? К какому покровителю припаду, когда даже праведник вострепещет?» *(лат.)*.

² Символический смысл этой сцены заключается в показе того омута беспутства и разврата, в который с отчаяния бросается Фауст, руководимый Мефистофелем, после убийства Валентина. Дикий разгул все же не убивает окончательно в Фаусте благородных человеческих побуждений. В связи с этим в конце сцены и появляется суровым напоминанием трагиче-

Фауст

Меня еще покамест носят ноги:
Дубинкой путь стараюсь облегчать.
К чему дорогу сокращать?
То странствовать в извилистой долине,
То лезть с утеса на утес к вершине,
Откуда вниз ручей стремится в дол, —
Мне весело, и путь мой не тяжел.
Везде весна: береза зеленеет,
Позеленела даже и сосна;
Ужель на нас весною не повеет?

Мефистофель

Признаться, мне чужда весна!
Во мне зима царит: мне надо,
Чтоб снег, мороз был на пути моем.
В ущербе месяц; тусклою лампадой
Едва мерцает красным он лучом;
Неважный свет! Здесь каждый шаг нам может
Опасен быть: наткнешься прямо лбом
На камень или ствол. Постой-ка, нам поможет
Блудящий огонек, мелькающий кругом!
Эй ты, поди сюда и посвети, любезный!
К чему иначе счет твой бесполезный?
Веди-ка нас вперед средь этой тьмы.

Блуждающий огонек¹

Мне изменить придется, вам в угоду,
Мой легкий нрав и всю мою природу.
И вкривь и вкось блуждать привыкли мы.

ский призрак Маргариты. Все попытки Мефистофеля отвлечь внимание Фауста заявлениями, будто явившийся призрак — это Медуза, не в силах, однако, усыпить пробудившуюся совесть Фауста.

Вальпургиева ночь названа так по имени причисленной к святым аббатисы Вальбургии, празднование дня которой справляется католической церковью 1 мая. До введения христианства в Германии 1 мая, видимо, встречалось народом как праздник весны и обновления природы. При насильственном введении христианства все языческое было приписано дьяволу, и тем самым весенний праздник был интерпретирован церковью как бесовский шабаш. Вальпургиева ночь связана в народных сказаниях с одной из гор Гарца — Брокен (Блоксберг).

Комментаторы немало потрудились, пытаясь расшифровать те или иные реплики чертей и ведьм и прочих бесовских персонажей Вальпургиевой ночи, между тем как большей частью эти таинственные изречения, говоря словами самого же Гёте, являются «драматико-юмористической чепухой» и призваны лишь с художественной полнотой воссоздать шабаш нечистой силы в Вальпургиеву ночь.

¹ По народному поверью, блуждающие огоньки на болоте привлекают путников в трясину и помогают нечистой силе.

Мефистофель

Эге! ты — человека подражатель?
Во имя черта, марш вперед, приятель,
Не то тебя задую я сейчас!

Блуждающий огонек

Я вижу, вы хозяин здесь; для вас
Все сделать я готов, чтоб не сойти с дороги.
Но помните: гора от чар с ума сойдет,
И если вас огонь блуждающий ведет,
То вы к нему не будьте слишком строги!

Фауст, Мефистофель и Блуждающий огонек поют попеременно.

Фауст

В область сна вошли мы, словно
В очарованные страны.
О, веди нас прямо, ровно
Сквозь леса и сквозь туманы,
Чрез пустыню, меж горами!

Огонек

Вот деревья вдаль рядами
Сзади нас, шумя, несутся;
Гор вершины будто гнутся;
Скалы длинными носами
Захрапели перед нами.

Фауст

Под камнями, под кустами
Слышу я ручья шептанье:
Песня ль это иль журчанье?
Зов любви ли, звук ли смеха,
Счастья ль отклик — нам утеха,
Песнь надежд, любви мечтанья?
И всему свой отзыв эхо
Шлет, как старое преданье.

Мефистофель

С шумом, гулом мчатся бойко
Сыч и чибис, с ними сойка:
Все проснулись, всем гулянье!
А в кустах сидят лягушки —
Долгоножки, толстобрюшки.
Будто змеи, меж камнями
Вьются корни за корнями,
Западни для нас готовят,
И пугают нас, и ловят,

И, ожив, деревьев капы¹,
Как полипы, тянут лапы
Нам навстречу. И, несметны,
Мох и вереск наполняя,
Беспокойны, разноцветны
Мыши носятся, шныряя;
И вокруг пред нами реет
Светляков толпа живая
И, с дороги нас сбивая,
Яркой свитой пламенеет.

Фауст

Но скажи: вперед мы шли ли
Иль на месте всё мы были?
Лес и горы заходили;
Скалы, сучья рожи злые
Строят нам; огни ночные
Засверкали, засветили.

Мефистофель

За меня держись сильнее:
Здесь с горы всего виднее
Будет нам, как царь Маммон
Заблестит со всех сторон².

Фауст

Как странно мутный свет мерцает
Внизу румяною зарей!
В глубокой бездне он сверкает
И льется слабою струей;
Здесь встал туман, там — пар безбрежный;
Сквозь дымку жар горит лучом;
Здесь свет струится нитью нежной,
Там брызжет огненным ключом;
То, охватив всю глубь долины,
Он в сотнях жил струится там,
То, заключен среди теснины,
Он одиноко блещет нам;
Там сыплет искры, их взметая,
Как золотой песок со дна,
А здесь — смотри — горит седая
Утеса старого стена!

¹ *Капы* — болезненные наросты на деревьях.

² Намек на клад и золотую руду в горе. *Маммон*, *Маммона* — демон богатства, олицетворение золота, денег.

Мефистофель

Ужель на праздник досточтимый
Маммон дворца б не осветил?
Ты, к счастью, всю картину охватил:
Уж мчится хор гостей неукротимый.

Фауст

Как грозен вихрь! В порыве бурных сил
Он в спину бьет могучими толчками.

Мефистофель

За ребра скал обеими руками
Держись: не то ты свалишься в обрыв.
Лес потемнел; в туман весь погруженный,
Шумит он. Вот, глаза раскрыв,
Взлетает филин пробужденный,
И ломаются колонны
Зеленого лесного дома.
Ты слышишь ли раскаты грома,
Стволов паденье, шум ветвей,
И леса стон, и скрип корней?
Ствол за стволом друг друга кроет
В глубокой пропасти на дне,
И ветер свищет, буря воет
Среди обломков в глубине.
Слышишь крики — дальше, ближе?
Слышишь вопли — выше, ниже?
Между скал, по скатам гор
Шумно мчится дикий хор.

Хор ведьм

На Брокен все! Толпа густа;
Посев был зелен, рожь желта.
Там Уриан¹ вверху сидит:
К вершине ведьмам путь лежит
Средь гор и скал, с метлой, с козлом —
И вонь и гром стоят кругом.

Голос

Старуха Баубо² в стороне
Летит на матушке-свинье!

¹ Уриан — одно из немецких названий черта.

² Баубо (греч. миф.) — кормилица богини земли Деметры, веселившая ее непристойными шутками. Гёте изображает Баубо как предводительницу бесстыжих ведьм.

Хор

Хвала, кому хвала идет!
Вперед же, Баубо! Пусть ведет!
На дюжей свинке Баубо-мать
Достойна хором управлять.

Голос

Откуда ты?

Голос

Чрез Ильзенштейн¹ я шла:
Там я сову в гнезде нашла.
А та глаза себе таращит!

Голос

О, чтоб тебя нелегкая взяла!
Кой черт тебя так скоро тащит?

Голос

Она зацепила меня, пролетая:
Гляди-ка, рана какая!

Хор ведьм

Нам всем дорога тяжела —
К чему друг друга задевать?
Нас колют вилы, бьет метла:
Дитя убила — лопнет мать².

Колдуны

(полухор)

Улиткой наши все ползут,
А бабы все вперед бегут.
Где зло, там женщина идет
Шагов за тысячу вперед.

Другая половина хора колдунов

Не будем в споре тратить слов!
Нужна им тысяча шагов;
Мужчина вздумает — и вмиг
Одним прыжком обгонит их.

¹ *Ильзенштейн* — утес в Гарце, названный по имени принцессы Ильзы, возлюбленной германского императора Генриха II. Вблизи утеса протекает речка Ильза.

² В давке одна из ведьм ранит другую и убивает младенца в ее утробе.

Г о л о с
(сверху)

Вперед, вперед, вы, из озер!

Г о л о с
(снизу)

Мы рады влезть на скаты гор;
Мы мылись — чисты хоть куда,
Зато бесплодны навсегда.

О б а х о р а

Вот вихорь стих, звезда мутна.
За тучи прячется луна;
Темно повсюду с этих пор,
И мечет искры шумный хор.

Г о л о с
(снизу)

Подождите! Тише, тише!

Г о л о с
(сверху)

Кто кричит в скалистой нише?

Г о л о с
(снизу)

Это я! Да, это я!
О, возьмите вы меня!
Триста лет я здесь копаюсь
И к своим попасть пытаюсь.

О б а х о р а

На вилах мчись, свезет метла,
На жердь садись, седлай козла!
Пропал навеки тот — поверь,—
Кто не поднимется теперь.

П о л у в е д ь м а
(внизу)

Тащусь я здесь за шагом шаг,
Другие ж вон умчались как!
Я раньше всех сюда пошла,
А все угнаться не могла.

Хор ведъм

Мазь ¹ ведьме бодрость придает,
Тряпье — за парус нам сойдет.
Корыто — лодка. Не взлетит
Вовеки, кто теперь сидит!

Оба хора

Взлетев к вершине в этой мгле,
Мы ниже спустимся к земле,
И чащу леса всю собой
Наполнит наш волшебный рой.

(Спускаются.)

Мефистофель

Толкают, жмут, бегут, летают,
Шипят, трещат, влекут, болтают,
Воняют, брызжут, светят. Ух!
Вот настоящий ведьмин дух!
Ко мне, не, то нас растолкают!
Да где ж ты?

Фауст

(издали)

Здесь!

Мефистофель

Туда уж увлечен?
В хозяйские права вступить я принужден.
Дорогу! — черт идет! Дорогу, чернь, живет!
Я здесь, брат доктор! Ухватись скорее!
Пойдем в сторонку; эта толкотня
Невыносима даже для меня.
Вон там какой-то странный свет мелькает
И в те кусты невольно привлекает.
Нырнем туда, бока свои храня.

Фауст

Противоречий дух, не сам ли ты старался
Меня увлечь сюда? Уж слишком ты умен!
В Вальпургиеву ночь пришел на Брокен он,
И что же? — под кусты запрягаться собрался.

¹ Волшебная мазь, которой якобы натирались ведьмы для полета в воздухе на метлах, вилах и т. п.

Мефистофель

Одни не будем мы и там;
Смотри: огни, пестрея, загорелись!
Веселым клубом гости там расселись.

Фауст

Все ж наверху бы лучше было нам.
На злое дело вся толпа стремится;
Взгляни: уж дым столбом пошел у них.
Немало здесь загадок разрешится.

Мефистофель

Немало и возникнет их.
Пусть свет большой шумит, бушуя,
Тебя подальше утащу я.
Везде бывает так — сомненья в этом нет, —
Что свет большой рождает малый свет.
Взгляни: разделась ведьма молодая,
А старая накидочку взяла.
Будь вежлив к ним: услуга мне большая,
Труд не велик, забава не мала.
Чу, музыка играет! Вот досада!
Проклятый скрип! Но покориться надо.
Вперед, вперед! С тобою я пойду,
Вступлю в их круг, тебя в него введу
И познакомлю с новыми гостями.
Что скажешь, друг? Равнина здесь тесна ль?
Взгляни: конца не видно в эту даль!
Здесь тысячи огней горят рядами;
Болтают, пляшут, варят, любят, пьют, —
Чего же лучше? Чем же худо тут?

Фауст

Как мы войдем? Намерен притвориться
Ты колдуном иль чертом к ним явиться?

Мефистофель

Инкогнито я мог бы предпочесть,
Но всяк свой орден в праздник надевает.
Меня «подвязка»¹ хоть не украшает,
Зато копыту здесь большая честь.
Смотри: ползет улитка; протянула
Она рога свои навстречу нам.
Пронюхала, кто я такой, смекнула!
Не скрыться здесь, хоть и хотел бы сам.

¹ Орден Подвязки — высший английский орден.

Мы от огня к огню пойдем повсюду;
Ты будешь женихом, я — сватом буду.
(Подходит к нескольким сидящим у тлеющих углей.)

Что, господа, сидите в стороне?
Вы лучше время провели бы
Средь молодежи в толкотне;
А так сидеть и дома вы могли бы!

Г е н е р а л ¹

Кто может верить нациям бесечно?
Я делал им добро — и что ж?
Толпа — как женщина, и вечно
У ней в почете только молодежь.

М и н и с т р

Народ теперь о правде позабыл,
Былое времечко умчалось.
Тот век, когда пред нами все склонялось,
Век золотой, поверьте, был.

Р а г в е н и

И мы не глупы были ведь, небось!
Мы всем по-своему вертели,
И вдруг пошло все вкривь и вкось,
Когда свой труд упрочить мы хотели.

А в т о р

Кто книгу с мыслью умной и благой
Теперь у нас читает, в самом деле?
Нет, молодежь до дерзости такой
Дошла теперь, как никогда доселе!

М е ф и с т о ф е л ь

(на миг являясь дряхлым стариком)

Народ созрел, и близок страшный суд;
В последний раз на Брокен я взбираюсь...
Так мутно дни мои текут,
Что и весь мир к концу идет, ручаюсь!

В е д ь м а - в е т о ш н и ц а ²

Не проходите, господа!
Удобный случай уловите,

¹ Генерал, а затем министр, ragueni (по-французски «высочка») и автор — сторонники отживших порядков, враждебно относящиеся ко всем новшествам.

² Образ ведьмы-ветошницы — сатира на историков и археологов, перерывающих разный хлам, не имеющий научного значения.

Мои товары посмотрите:
Я много их снесла сюда;
Мой магазин — пребогатеиший,
Ему на свете равных нет.
Здесь ни вещицы нет малейшей,
Не наносившей миру вред:
Здесь нету шпаги, кровью не облитой;
Здесь кубка нет, в котором не бывал
Когда-нибудь напиток ядовитый;
Убора нет, который не прельщал
Невинных дев, и каждый здесь кинжал
Противника изменой убивал.

Мефистофель

Эх, тетенька, ты плохо постигаешь
Дух времени: что было, то прошло.
Ты новостей зачем не предлагаешь?
Нас новое скорей бы привлекло.

Фауст

Однако здесь совсем остолбенеешь:
Вот так базар! Тут оторопь берет.

Мефистофель

Стремится кверху весь водоворот:
Ты думаешь, что сам толкать умеешь,
Глядишь — тебя ж толкают все вперед.

Фауст

Кто это там?

Мефистофель

Знать хочешь, кто она?
Взмотришь: Лилит¹.

Фауст

Кто?

Мефистофель

Первая жена

Адама. Берегись косы ее касаться²:

¹ *Лилит* — по еврейской легенде первая жена Адама, дьяволица и соблазнительница. Имя ее часто упоминается в средневековых легендах.

² Поверье приписывало чародейскую силу волосам Лилит, утверждая, что в них гнездятся черти. В средневековые волосы ведьм вообще приписывалась особая волшебная сила, вследствие чего женщин, привлекаемых к суду по обвинению в колдовстве, прежде всего стригли наголо.

Коса — ее единственный убор.
Кого она коснется, тот с тех пор
Прикован к ней, не может с ней расстаться.

Фауст

Вон там старуха с молодой присела.
Умаялись — им пляска надоела.

Мефистофель

Ну нет, сегодня отдых здесь плохой.
Вот пляшут вновь: пойдем и мы с тобой!

Фауст

(танцуя с молодою)

Прекрасный сон я раз видал:
Я перед яблоней стоял;
Вверху два яблочка на ней;
Я влез на яблоню скорей.

Красавица

Всегда вам яблочки нужны:
В раю вы ими прельщены.
Я рада, что в моем саду
Я тоже яблочки найду!

Мефистофель

(танцуя со старухою)

Встревожен был я диким сном:
Я видел дерево с дуплом;
В дупле и сыро и темно,
Но мне понравилось оно.

Старуха

Копыта рыцарь, я для вас
Готова всем служить сейчас:
Дупло охотно я отдам,
Когда оно не страшно вам.

Проктофантасмист¹

Народ проклятый! Как вы это смели?
Не ясно ль вам доказано давно,

¹ Под этим именем Гёте высмеял немецкого издателя и литератора Ф. Николаи, которого считал тупицей и бездарностью. Николаи заявил однажды в ученом заседании Берлинской Академии наук, что избавился от мучившего его привидения при помощи пиявок, которые он поставил себе на зад. На это намекает первая часть прозвища — *proktos*, что по-гречески означает «зад».

Что духам ног телесных не дано?
А вы плясать, как люди, захотели!

Красавица
(танцуя)

А он зачем пришел на бал?

Фауст
(танцуя)

Э, где он только не бывал!
Другие пляшут — он их осуждает;
Когда ж на каждый шаг рацей¹ он не найдет,
То этот шаг он просто отрицает.
Всего больней ему, что мы идем вперед;
Вот если б вы на месте все кружились,
Как он на старой мельнице своей,
Возликовал бы он душою всей,
Особенно, когда б ему вы поклонились.

Проктофантасист

Вы здесь еще? Нет, вынести нет сил!
Исчезните! Ведь я же разъяснил.

Но эти черти к поученьям глухи.
Мы так умны, — а в Тегеле² есть духи!
Как долго я ни просвещал людей,
А толку нет! Неслыханно, ей-ей!

Красавица

Когда же он надоедать нам бросит?

Проктофантасист

Вам всем в лицо свой приговор я шлю!
Я деспотизма духов не терплю:
Мой дух его не переносит.

Пляска продолжается.

Сегодня мне ничто не удастся,
Но продолжать я путь готов,
И, может быть, в конце концов
Поэтов и чертей мне победить придется.

Мефистофель

Постой, вот он сейчас увязнет в луже той,
Где успокоиться от всех трудов он может;

¹ Рацей — поучение, наставление.

² Тегель — имение известного немецкого естествоиспытателя Гумбольдта, где якобы являлись привидения, что и дало повод для отмеченного выше выступления Николаи.

А как пиявка там крестец ему погложет,
Забудет духов он и дух испустит свой.

(Фаусту, который прекращает танец)

А где ж, скажи, красавица твоя?
Она, танцуя, так приятно пела.

Фауст

Во время пенья вдруг увидел я,
Как с губ у ней мышь красная слетела¹.

Мефистофель

И только? Строго ж ты, мой друг, на все глядишь!
Благодари судьбу — не серая хоть мышь.
Ведь в час любви до этого нет дела.

Фауст

Еще я вижу...

Мефистофель

Что?

Фауст

Вдали передо мной
Встал образ девы бледной и прелестной.
Она ступает медленной стопой,
Как будто цепью скованная тесной.
Признаться, в ней, когда гляжу,
Я сходство с милой Гретхен нахожу.

Мефистофель

Оставь ее: бездушна дева эта,
Всего лишь тень, бегущая рассвета.
С ней встреча — смерть, не счастье, не любовь;
При встрече с ней вмиг стынет в жилах кровь
И человек, как камень, замирает.
Миф о Медузе² — кто его не знает?

¹ По суеверным представлениям, у ведьм при их любовных излияниях изо рта выскакивали красные мыши. Это могло предвещать кровавую катастрофу или означало, что ведьма сеет страстными любовными словами семена вражды и убийств.

² *Медуза* — в мифологии одна из трех дев Горгон со змеями на голове вместо волос. От взгляда Медузы люди обращались в камень.

Фауст

Глаза ее недвижно вдаль глядят,
Как у усопшего, когда их не закрыла
Рука родная. Это Гретхен взгляды
Да, это тело, что меня прельстило!

Мефистофель

Ведь это колдовство! Обман тебя влечет:
Красавицу свою в ней каждый узнает.

Фауст

Какою негою, мучением каким
Сияет этот взор! Расстаться трудно с ним!
Как странно под ее головкою прекрасной
На шее полоса змеится нитью красной¹,
Не шире, чем бывает острый нож!

Мефистофель

Давно все это знаю я: ну что ж?
Под мышку голову берет она порою,
С тех пор как ей срубил ее Персей².
Ты все, как прежде, носишься с мечтою.
Вперед, на холм, за мною поскорей!
Он весь покрыт веселою толпою:
Как в Пратере³, кипит веселье тут!
Уж не театр ли? Мне сдается,
Что скоро здесь спектакль начнется.
Что здесь у вас?

Servibilis⁴

Сейчас начнут
Последнее, седьмое⁵ представление —
Всегда уж столько принято давать.
Любителя на сцене сочиненье,
Любители здесь будут и играть.

¹ Видение, предвещающее грядущую казнь Маргариты.

² Персей — легендарный герой, отрубивший голову Медузе.

³ Пратер — обширный парк в Вене, место народных увеселений.

⁴ *Servibilis* (лат. «услужливый») — тип поверхностного знатока в литературе и искусстве.

⁵ Гёте осмеивает мистическое толкование числа «семь», встречающееся в различных религиях (семь небес, семь планет и т. д.).

Я ухожу — прошу в том извиненья:
Я сам любитель — занавес поднять.

Мефистофель

На Блоксберге такие представленья
Как раз у места, без сомненья.

СЦЕНА 23¹

ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ. ПОЛЕ

Фауст и Мефистофель.

Фауст

В одиночестве! В отчаянье! В страданиях долго блуждала она по земле — и вот теперь заключена, заключена в темницу на ужасные мучения, как преступница, — она, это несчастное, милое создание! Вот до чего дошло! И ты, изменник, недостойный дух, смел скрывать все это от меня! Стой же, стой теперь и вращай яростно своими сатанинскими очами! Стой и терзай меня невыносимым своим присутствием! В плену! В невыразимом мучении! Предана власти духов и бесчувственно осуждающего человечества! И ты стараешься развлечь меня отвратительными удовольствиями, скрываешь от меня ее растущее горе, оставляешь ее гибнуть без помощи!

Мефистофель

Она не первая.

Фауст

Пес! Отвратительное чудовище! О дух бесконечный! Преврати его, преврати червя этого в его собачий образ, который он так часто принимал ночью, бегая предо мною, вертясь под ногами беззаботного путника и бросаясь на плечи, чтобы увлечь падающего. Преврати его в этот излюбленный им образ, чтобы он пресмыкался передо мной по земле, чтоб я мог ногами топтать его, отверженного. Не первая! О муки, муки, невыносимые для души человека! И не одно такое создание погибло в бездне горя и несчастья! И эта первая недостаточно искупила пред очами всепрощающего все гре-

¹ В настоящем издании исключена интермедия к «Вальпургиевой ночи» — «Золотая свадьба Оберона и Титании» (сцена 22), которая составлена из эпиграмм, сначала предназначавшихся для журнала, издававшегося Ф. Шиллером. С основным содержанием трагедии эта интермедия совершенно не связана.

хи прочих в своем ужасном смертном горе! Мозг мой и мое сердце терзаются, когда я смотрю на одну эту страдальцу, а ты издеваешься хладнокровно над судьбою тысяч существ!

Мефистофель

Да, теперь мы снова приближаемся к границам нашего остроумия, туда, где человек теряет управление своим рассудком.

К чему же ты вступаешь в общение с нами, когда не в силах поддерживать его? Хочешь летать — и боишься, что голова закружится? Мы ли тебе навязывались или ты нам?

Фауст

О, не скаль же так на меня свои прожорливые зубы: это отвратительно! О великий, чудесный дух, удостоивший меня видеть лицо свое! Ты знаешь сердце мое, душу мою: к чему же было приковывать меня к этому постыдному спутнику, который во зле видит свою жизнь, а в убийстве — наслаждение!

Мефистофель

Скоро ты кончишь?

Фауст

Спаси ее, или горе тебе! Тягчайшее проклятие на голову твою на тысячи лет!

Мефистофель

Не в моих силах разрывать узы мстителя и снимать его затворы.

Спаси ее! Но кто, скажи, ввергнул ее в бездну погибели: я или ты?

Фауст дико озирается кругом.

За громы схватиться хочешь? Счастье, что не вам даны они, жалким смертным! Сокрушить непокорного — вот известный прием тиранов, к которому они прибегают, когда их поставят в тупик.

Фауст

Веди меня туда! Она должна быть свободна.

Мефистофель

А опасность, которой ты сам подвергаешься? Знай, что в городе ты оставил следы твоего кровавого греха. На месте убийства царят мстительные духи и ждут возвращения убийцы,

Фауст

Что еще предстоит мне от тебя? Смерть и проклятие всей вселенной на тебя, чудовище! Веди меня, говорят тебе, и освободи ее!

Мефистофель

Изволь, я сведу тебя. Слушай же, что я могу сделать, — ведь не все же силы земли и неба в моей власти. Я могу помрачить ум тюремщика, а ты завладей ключами и выведи ее человеческою рукою. Я буду на страже: волшебные кони, которые умчат вас, будут готовы. Вот все, что я могу.

Фауст

Туда — и сейчас же!

СЦЕНА 24

НОЧЬ. ОТКРЫТОЕ ПОЛЕ

Фауст и Мефистофель мчатся на вороных конях.

Фауст

Зачем там слетелись у плахи они? ¹

Мефистофель

Не знаю, но вижу, там что-то творят.

Фауст

Взлетают, кружатся, спускаются вниз.

Мефистофель

То ведьмы.

Фауст,

Свершают какой-то обряд.

Мефистофель

Пускай их колдуют! За мною, вперед!

¹ По старому народному поверью, вокруг места казни постоянно да-рили души казненных.

ТЮРЬМА ¹

Фауст со связкой ключей и лампой перед железной дверью.

Фауст

Вся скорбь людей скопилась надо мною:
Давно мне чуждым страхом я объят;
Вот здесь ее, за влажною стеною,
Невинную, оковы тяготят.
Что ж медлишь ты, войти не смея?
Боишься встретить милый взгляд?
Твой страх — ей смерть! Вперед скорее!

(Хватается за замок.)

Песня внутри ²

Мать, распутница мать,
Погубила меня;
Мой отец, негодяй,
Изглодал всю меня;
А сестричка моя
Мои кости нашла,
Тайно в поле снесла.
Резвой птичкою я
Мчусь в чужие края!

¹ В этой сцене Гёте повествует о трагическом завершении любви Маргариты и Фауста.

Маргарита в тюрьме одна, в ожидании казни. Тяжелые воспоминания доводят ее до состояния невменяемости, ее душу терзают кошмарные видения. С иступленным отчаянием Маргарита думает о своем незаконнорожденном ребенке, которого она убила в страхе перед мещанской средой, о своей матери, погибшей, видимо, от снотворных напитков, о Валентине, погибшем от руки Фауста. Явившегося к ней в тюрьму Фауста Маргарита вначале не узнает и принимает за палача. Только ласки Фауста на мгновение возвращают сознание Маргарите. Но чудесные воспоминания о невозвратимых днях любви быстро сменяются новым помрачением рассудка. Огорченная «холодностью» возлюбленного, который торопит ее бежать, пока не поздно, Маргарита остается в темнице в ожидании казни. Ее пугают и собственные укоры совести, и мысль о суровой страже, которая будет ее преследовать, и мысль о нищенской жизни в изгнании. Обессиленная, отказываясь бороться за свое счастье, Маргарита беспомощно предается в руки «суда божьего». Наивная и трогательная чистота Маргариты позволяет Гёте противопоставить мефистофельскому «Она навек погибла!» гуманное — «Спасена!».

² «Песня внутри» представляет собой вариант немецкой народной песни.

Фауст

(отворяя дверь)

Не чувствует она, что милый здесь стоит!
Лишь цепь на ней гремит, солома шелестит.

(Входит.)

Маргарита

(прячась на кровати)

Идут! Настал час смертный мой!

Фауст

(тихо)

Молчи, молчи: свобода будешь!

Маргарита

(бросаясь перед ним на колени)

Кто б ни был, сжался надо мной!

Фауст

Потише: стражу ты разбудишь!

(Начинает разбивать цепи.)

Маргарита

(на коленях)

Кто власть тебе такую дал,
Палач, над бедной надо мною?
Меня будить ты в полночь стал...
О, сжался и оставь живую
Хоть до утра — казни тогда!
Я молода, так молода —
И вот заутра умираю!

(Встает.)

Я хороша была — за то и погибаю!
Был близок друг, теперь далек,
Цветы увяли, сорван мой венок...
О, не хватай меня ты, умоляю!
Тебе я зла не делала, поверь:
Мы в первый раз встречаемся теперь
Палач, палач, услышь мои моления!

Фауст

Переживу ль все эти я мученья!

Маргарита

Палач, твоя теперь я, вся твоя!
Свою бы дочь я только накормила:
Всю ночь ее в слезах ласкала я..
Ее украли, чтобы я тужила,
А говорят, что я ее убила.
Я никогда не буду весела:

Ведь про меня и песня ходит злая..
Такая в сказке, правда, мать была,
Но разве я такая?

Фауст

(становясь на колени)

Возлюбленный у ног твоих лежит;
Он от цепи тебя освободит.

Маргарита

(падая рядом с ним на колени)

Скорей на колени!
Смотри, у ступени,
У двери зияет
Весь ад и пылает;
Злой дух там стоит,
Шумит и гремит.
Дрожу от испуга!

Фауст

(громко)

Гретхен! Гретхен!

Маргарита

(прислушиваясь)

Это голос друга!

(Вскакивает. Цепи падают.)

Я слышу, он зовет меня!
Свободна я, свободна я!
К нему помчусь я, изнывая,
К нему прильну я, отдыхая!

Он звал меня: «Гретхен!» У двери стоял он,
Сквозь крики бесовские громко зывал он;
Сквозь хохот, и грохот, и яростный вой
Я слышала голос знакомый, родной.

Фауст

Я здесь!

Маргарита

Ты здесь? О, повторить нельзя ль?

(обнимая его.)

Ты здесь, ты здесь? Где вся моя печаль,
Где страх тюрьмы? Ты цепи разбиваешь!
Ты здесь: пришел и из тюрьмы спасаешь!
Я спасена! А вот и улица опять,
Где в первый раз тебя пришлось мне повстречать.
А вот и сад я увидала,
Где с Мартою тебя я поджидала.

Фауст

(увлекая ее)

Идем, идем!

Маргарита

О милый, подожди!

(Ласкается к нему.)

Так люблю мне с тобою!

Фауст

Выходи!

Спешి — не то ты горько пожалеешь!

Маргарита

Иль целовать ты больше не умеешь?
Ты лишь на миг со мной в разлуке был
И целовать меня уж позабыл!
О, отчего теперь перед тобой дрожу я,
Когда еще вчера в тебе, в твоих словах
Я находила рай, как в ясных небесах,
И ты душил меня в объятиях, целуя?

Целуй, целуй скорей меня!
Не хочешь — поцелую я
Тебя сама!

(Обнимает его.)

Увы, остыла
Твоя любовь; твои уста
Так стали холодны! Твоих объятий сила
Исчезла... То ли прежде было?
О, горе, горе мне! Иль я уже не та?

(Отворачивается от него.)

Фауст

За мной, за мной! Опомнись, дорогая:
Я твой всегда от сердца полноты!
Иди — молю лишь об одном тебя я!

Маргарита

(оборачиваясь к нему)

Так это ты? Наверно это ты?

Фауст

Я, я! Идем!

Маргарита

И ты освобождаешь

Меня, мой друг, и к сердцу прижимаешь?
Ужель тебе не страшно быть со мной?
Да знаешь ли, кого ты, милый мой,
Освободил?

Фауст

Уж стало рассветать!

Маргарита

Ах! я свою убила мать,
Свое дитя убила я!
Ребенок, дочь моя, твоя...
Твоя? Ты здесь? Да, это он!
Дай руку! Это был не сон?
Рука твоя; но оботри
Ее скорее: посмотри —
Дымится кровь его на ней!
Что сделал ты! Скорей, скорей
Вложи в ножны свой страшный меч,
Вложи, чтоб больше не извлечь!

Фауст

Что было — вновь тому не быть;
Но ты нас можешь погубить.

Маргарита

О нет, живи, живи, мой милый!
Послушай, вырой три могилы...
С зарей придется умирать...
На первом месте будет мать,
С ней рядом брат мой будет спать,
 А я — поодаль, но немного,
 Немного, милый, ради бога!
Ребенка ж положи ты на груди моей:
Кому ж, как не ему, лежать теперь со мною?
А помнишь, милый друг, как много мы с тобою
Когда-то провели блаженно-чудных дней!
Теперь мне обнимать уж больше не придется
Тебя, мой дорогой, затем, что мне сдается,
Что ты меня в ответ с презреньем оттолкнешь.
А все же это ты, все так же добр, хорош!

Фауст

Коль любишь ты меня, за мною ты пойдешь!

Маргарита

Куда?

Фауст

На волю!

Маргарита

Что ж, когда могилу там
Найду и с нею смерть — пойдем дорогой тою
К загробной тишине, к безмолвному покою;
Но дальше — ни на шаг... Идешь ты, милый мой?
О, если бы и я могла идти с тобой!

Фауст

Ты можешь, если б только захотела!

Маргарита

Нет, мне нельзя! Надежда улетела!
Зачем бежать? Меня там стража ждет...

Жить в нищете так тягостно и больно!
А совесть? Как не вспомнить все невольно!
Так горько мне идти в чужой народ...
Да и поймают скоро нас, я знаю!

Фауст

Я остаюсь!

Маргарита

Спеши же, заклинаю!
Ступай все вниз, все вниз,
К ручью спушись,
Тропинку там найди
И в лес войди.
Налево под мостом
Одна она лежит,
И плачет, и кричит,
Влекомая ручьем.
Она жива. Хватай,
Хватай ее, спасай!

Фауст

Приди в себя! Не медли боле!
Опомнись: шаг — и ты на воле!

Маргарита

Нам только бы гору скорей миновать:
На голом там камне сидит моя мать, —
По жилам мороз пробегает...
На голом там камне сидит моя мать
И мне головою кивает.
Недвижны глаза; голова тяжела...
Не встать ей: увы! она долго спала —
Уснула, чтоб мы без нее наслаждались...
Дни счастья минули; куда вы умчались?

Фауст

Ни словом, ни просьбой увлечь не могу я —
Так силой с собою тебя увлеку я!

Маргарита

К чему насилье? О, оставь, молю!
Не жми так крепко руку ты мою —
И без того покорною была я.

Фауст

Уж скоро день! Опомнись, дорогая!

Маргарита

День? Скоро день? То день последний мой,
А мог бы стать днем свадьбы нам с тобой!
Смотри, мой друг, чтоб люди не узнали,
Что был ты у меня. Венок мой разорвали, —
Увы, беда стряслася надо мной!
Постой, еще мы встретимся с тобой —
Не в хороводе только, нет, едва ли!
Безмолвно дыхание свое затая,
Теснится толпа; их так много:
Вся площадь, полна, вся дорога...
Чу, колокол слышится... Вот уж судья
Сломал свою палочку...¹ Разом схватили,
Связали, на плаху меня потащили!
И каждому страшно: пугается он,
Как будто топор и над ним занесен...
Вокруг тишина, как под крышкою гроба!

Фауст

О, если б не был я рожден!

Мефистофель

(в дверях)

За мной, иль вы погибли оба!
Скорей, восток уж озарен!
Оставьте ваши вздохи, ахи!
Дрожат уж кони, жмутся в страхе.

Маргарита

Кто из земли там вырос? Он!
То он! Нельзя дышать при нем!
Зачем на месте он святом?
За мной?

Фауст

Ты жить должна! Скорее!

Маргарита

Суд божий, предаюсь тебе я!

¹ Перед казнью в знак смертного приговора судья ломал свой жезл и звонили в церковный колокол.

Мефистофель

За мной, иль с ней тебя покину я!

Маргарита

Спаси меня, господь! О боже, я твоя!
Вы, ангелы, с небес ко мне слетите,
Меня крылами осените!
Ты, Генрих, страшен мне!

Мефистофель

Она

Навек погибла!

Голос свыше

Спасена!

Мефистофель

(Фаусту)

За мной скорее!

(Исчезает с Фаустом.)

Голос Маргариты

(из тюрьмы, замирая)

Генрих! Генрих!

К О Н Е Ц П Е Р В О Й Ч А С Т И

СТЕНДАЛЬ

Фредерик Стендаль (Frederic Stendhal, 1783—1842) — псевдоним Анри Бейля, классика французской литературы XIX века, основоположника французского романа нового времени. Стендаль родился в провинциальном городке Гренобле в семье адвоката. Отец будущего писателя, человек весьма консервативных взглядов и роялист в политике, стремился воспитать сына в духе католицизма и верноподданнического отношения к королевскому двору. Но с раннего детства мальчик оказался под воздействием деда, врача и философа-материалиста, поклонника великих французских просветителей. Образование, полученное Стендалем в Центральной гренобльской школе, еще более укрепило его материалистическое мировоззрение и республиканские симпатии, которым он остался верен до конца дней.

Стендаль прожил трудную, но яркую, богатую впечатлениями и привязанностями жизнь. Он много путешествовал, служил за границей, принимал непосредственное участие в политических и литературных битвах своего времени. Семнадцати лет он вступил добровольцем во французскую армию под командованием Бонапарта, которым он восхищался, хотя впоследствии и осуждал за узурпацию власти и переворот 1804 года. С наполеоновским войском он проделал все кампании, а в 1812 году попал в Россию, где стал свидетелем разгрома армии, считавшейся до того непобедимой.

После реставрации Бурбонов Стендаль демонстративно покинул родину и надолго поселился в Италии, которая находилась в то время под австрийским господством. Там он сошелся с карбонариями — патрио-

тами, объединявшимися в тайные группы (венты) и готовившими вооруженное восстание против иноземной тирании. Политические взгляды Стендаля и его деятельность привлекли к нему внимание полиции, которая с тех пор не оставляла его своими «заботами», где бы он ни был — на родине или за ее пределами. Полицейские преследования заставили Стендаля в 1821 году вернуться во Францию. После Июльской революции 1830 года Стендаль снова оказался в Италии, где прожил до самой смерти в городке Чивита-Веккиа в качестве королевского консула, бывая в Париже лишь наездами. Служба в Чивита-Веккиа явилась своего рода почетной ссылкой, куда Луи-Филипп отправил неугодного писателя.

Стендаль скоропостижно скончался во время одного из очередных своих приездов в столицу Франции. Он похоронен на Монмартрском кладбище. Согласно его последней воле, на могильной плите выбита надпись на итальянском языке:

Арриго Бейль.

Миланец.

Жил. Писал. Любил.

Литературное наследие Стендаля велико: эстетические трактаты, жизнеописания великих музыкантов, исследования по живописи и архитектуре, дневники, записки, путевые очерки, автобиографические воспоминания, художественная проза — романы, повести, новеллы.

Три важнейших романа Стендаля — «Красное и черное» (1830), «Пармский монастырь» (1839), «Жюльен Леვენ» (1842, не закончен). Без них сегодня невозможно представить развитие всей западноевропейской литературы XIX века. Однако современники, за редким исключением, не обратили внимания на романы Стендаля. Многие, в том числе и такие великие люди, как Гюго, считали автора «Красного и черного» любителем, всего лишь третьестепенным беллетристом, осужденным на забвение. Они не поняли того, что гений Стендаля на добрые полстолетия опередил свое время. Страстность, честность, понимание человеческого сердца — вот что делает романы Стендаля явлением живым и современным. Его книги — художественные обобщения, хроники времени. Горький писал о «Красном и черном»: «Силою своего таланта он (Стендаль. — В. С.) возвел весьма обыденное уголовное преступление на степень историко-философского исследования общественного строя буржуазии в начале XIX века».

Современники полагали, что насыщенность политическим материалом, «злобой дня» не позволит книгам Стендаля пережить свою эпоху. Сам же романист выражал уверенность в том, что его произведения будут читать в 1935 году. Время показало, на чьей стороне была правда. «Искажение душ насильем, лицемерием, подачками и угрозами было большой, может быть, основной темой романов Стендаля. Он не пытался скрыть свои политические симпатии: роль беспристрастного арбитра его не соблазняла. Удача его романов показывает, что тенденциозность не может повредить произведению искусства, если она рождена подлинной страстью и сочетается с внутренней свободой художника», — отмечал И. Эренбург.

Новелла «Ванина Ванини» (1829), входящая в цикл «Итальянские хроники», характеризует Стендаля как писателя тенденциозного в высоком смысле слова. В этом рассказе наряду с «искажением душ» изображено подлинное благородство, величие духа молодого патриота-республиканца, который жертвует собой во имя родины. Перевела новеллу *Н. И. Немчинова*.

Произведения Стендаля можно прочитать в издании:

Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. М., «Правда», 1959.

О жизни и творчестве Стендаля см.:

А. Виноградов. Стендаль и его время. М., «Молодая гвардия», 1960. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

А. Виноградов. Три цвета времени. М., Гослитиздат, 1956.

Б. Г. Рейзов. Стендаль. Предисловие к 1-му тому Собрания сочинений. М., «Правда», 1959.

И. Эренбург. Уроки Стендаля. В кн.: И. Эренбург. Собрание сочинений в 9 томах, т. 6. М., «Художественная литература», 1965.

ВАНИНА ВАНИНИ,

ИЛИ

НЕКОТОРЫЕ ПОДРОБНОСТИ О ПОСЛЕДНЕЙ ВЕНТЕ КАРБОНАРИЕВ,
РАСКРЫТОЙ В ПАПСКОЙ ОБЛАСТИ

Это случилось весенним вечером 182... года. Весь Рим был охвачен волнением: пресловутый банкир герцог де Б... давал бал в новом своем дворце на Венецианской площади. В убранстве этого дворца сочетались все великолепие искусства Италии и все ухищрения лондонской и парижской роскоши. Съехалось множество гостей. Английские аристократки — чопорные белокурые красавицы — сочили за честь появиться на балу у банкира. Они слетелись целым роем. Красивейшие женщины Рима соперничали с ними прелестью.

В залу вошла под руку с отцом молодая девушка: сверкающие глаза и волосы, черные, как вороново крыло, изобличали в ней римлянку; все взгляды устремились на нее. В каждом ее движении сквозила необычайная гордость.

Гостей-иностранцев поражала пышность этого бала. «Никакие празднества монархов Европы не могут с ним сравниться», — говорили они.

У монархов Европы нет дворцов, созданных итальянским зодчеством; они вынуждены приглашать своих придворных дам, между тем как герцог де Б... приглашал только красивых женщин. В этот вечер его выбор оказался особенно удачен: мужчины были ослеплены. Собралось столько пленительных женщин, что трудно было решить, кому отдать пальму первенства, но после недолгих колебаний царцей бала единодушно провозгласили княжну Ванину Ванини, черноволосую девушку с огненным взором. Тотчас же иностранцы и молодые римляне, покинув гостиные, столпились в бальной зале.

Отец девушки, князь Аздрубале Ванини, пожелал, чтобы она прежде всего протанцевала с двумя-тремя немецкими владельческими принцами. Затем она приняла приглашение нескольких англичан, весьма красивых и весьма знатных, но их накрахмаленный вид наскучил ей. Больше удовольствия ей, казалось, доставляло мучить молодого Ливии Савелли, по-видимому, страстно в нее влюбленного. Ливии был одним из самых блестящих молодых людей в римском обществе и тоже носил княжеский титул; но, если б ему дали почитать какой-нибудь роман, он на

двадцатой странице отбросил бы книгу, заявив, что у него разболелась голова; в глазах Ванины это было большим недостатком.

Около полуночи на балу распространилась новость, которая вызвала много разговоров. В этот самый вечер из крепости Святого ангела бежал, перерядившись, содержавшийся в заключении молодой карбонарий; уже достигнув последних ворот тюрьмы, он в пылу романтической отваги напал с кинжалом на солдат охраны, но его самого тоже ранили. Сбир¹ гонятся за ним по кровавым следам и надсются поймать его.

Пока все толковали об этом побеге, дон Ливио Савелли, воспитанный прелестью и успехом Ванины, почти обезумев от любви, воскликнул, провожая ее к креслу после танцев:

— Но скажите, бога ради, кто мог бы понравиться вам?

— Молодой карбонарий, бежавший сегодня из крепости. По крайней мере он что-то совершил, а не только дал себе труд родиться².

Князь Аздрубале подошел к дочери: Этот богач уже двадцать лет не требовал отчета от своего управителя, а тот давал ему в долг под весьма высокие проценты его же собственные деньги. Встретив князя на улице, вы приняли бы его за старого актера; вы даже не заметили бы, что пальцы у него унижены массивными перстнями с очень крупными бриллиантами. Оба его сына вступили в орден иезуитов, затем сошли с ума и умерли. Он забыл их, а на свою единственную дочь Ванину гневался за то, что она не выходит замуж. Девушке уже девятнадцать лет, а она отвергает самые блестящие партии. В чем тут причина? Причина была та же самая, которая побудила Суллу отречься от власти: *презрение к римлянам*³.

Наутро после бала Ванина заметила, что ее отец, человек на редкость беззаботный, никогда в жизни не бравший в руки ключа, чрезвычайно старательно запер дверь на узкую лесенку, которая вела в комнаты, расположенные на четвертом этаже дворца. Окна этих комнат выходили на террасу, заставленную апельсиновыми деревьями в кадках.

Ванина отправилась в город с визитами; когда она возвратилась, парадный подъезд был загроможден сооружениями для иллюминации, и карета въехала через задний двор. Ванина подняла глаза и, к удивлению своему, увидела, что в одной из комнат, которые так тщательно запер ее отец, отворено окно. Отделавшись от своей компаньонки, она поднялась на чердак и, поискав, нашла там забранное решеткой окошечко напротив террасы с апельсиновыми деревьями. Раскрытое окно, заинтриговавшее

¹ Сбир — полицейский стражник в Италии.

² Слова, сказанные об аристократе героем комедии французского драматурга Бомарше Фигаро («Кепитьба Фигаро»).

³ Сулла — древнеримский диктатор, добровольно отрекшийся от власти.

ее, было в двух шагах. В комнате, очевидно, кто-то поселился. Но кто?

На следующий день Ванине удалось достать ключ от дверцы, которая вела на террасу с апельсиновыми деревьями. Крадучись, она подошла к окну — оно все еще было открыто. Ванина спряталась за решетчатым ставнем. У задней стены комнаты она увидела кровать. Кто-то лежал на ней. Ванина смутилась, хотела убежать, но вдруг заметила женское платье, брошенное на стул. Присмотревшись, она различила на подушке белокурую голову; лицо показалось ей совсем юным. Теперь она уже не сомневалась, что это женщина. Платье, брошенное на стул, было все в крови; кровь застыла и на женских туфлях, стоявших на столе. Незнакомка пошевелилась, и тогда Ванина заметила, что она ранена: грудь ей стягивала полотняная повязка, на которой расплылось кровавое пятно; повязку придерживали какие-то тесемки — видно было, что она сделана отнюдь не руками хирурга.

Ванина стала замечать, что теперь ее отец ежедневно около четырех часов дня запирается в своих комнатах, а затем идет навещать незнакомку; он оставался у нее очень недолго, а возвратившись, тотчас же садился в карету и отправлялся к графине Вителлески. Как только он уезжал, Ванина поднималась на маленькую террасу и наблюдала за незнакомкой. Она чувствовала глубокую жалость и симпатию к столь юной, столь несчастной женщине и пыталась разгадать ее историю. Окровавленное платье, брошенное на стул, казалось, было изодрано ударами кинжала. Ванина могла сосчитать на нем дыры.

Однажды она более отчетливо разглядела незнакомку: та лежала неподвижно, устремив в небо голубые глаза, словно молилась, и вдруг ее прекрасные глаза наполнились слезами. В эту минуту княжна едва удержалась, чтобы не заговорить с нею.

На следующий день Ванина решилась спрятаться на террасе перед появлением отца. Она видела, как дон Аздрубале вошел к незнакомке; он нес в руке корзиночку с провизией. Князь явно был встревожен, говорил мало и так тихо, что Ванина ничего не расслышала, хотя он не притворил застекленную дверь. Он вскоре ушел.

«Должно быть, у этой бедняжки очень опасные враги, — подумала Ванина, — раз мой отец, человек такой беспечный, не смеет никому довериться и ежедневно сам поднимается сюда по крутой лестнице в сто двадцать ступеней».

Однажды вечером, когда Ванина, осторожно приблизившись, заглянула в окно, взгляд ее встретился со взглядом незнакомки, и все открылось. Ванина бросилась на колени и воскликнула:

— Я люблю вас, я ваш друг!

Незнакомка жестом попросила ее войти.

— Простите меня, простите, пожалуйста! — твердила Ванина. — Наверно, мое глупое любопытство кажется вам оскор-

бительным. Клянусь,— все сохранию в тайне, а если вы пожелаете, я больше никогда не приду.

— Для кого не было бы счастьем видеть вас! — сказала незнакомка. — Вы живете здесь, в этом дворце?

— Конечно,— ответила Ванина. — Но вы, по-видимому, не знаете меня: я Ванина, дочь князя Аздрубале.

Незнакомка удивленно взглянула на нее и, густо покраснев, добавила:

— Позвольте мне надеяться, что вы будете приходить каждый день, но я не хотела бы, чтобы князь знал о ваших посещениях.

Сердце у Ванины сильно билось; все манеры незнакомки казались ей исполненными достоинства. Эта несчастная молодая женщина, вероятно, оскорбила какое-то могущественное лицо, а может быть, в порыве ревности убила своего возлюбленного. Ванина и мысли не допускала, чтобы причина ее несчастий могла быть заурядной. Незнакомка сказала, что она ранена в плечо и в грудь и ей очень больно. Часто у нее идет горлом кровь.

— И к вам не пригласили хирурга? — воскликнула Ванина.

— Вы же знаете, что в Риме,— сказала незнакомка,— хирурги обязаны немедленно сообщать в полицию о всех раненых, которых они лечат. Князь так милостив, что сам перевязывает мне раны вот этим полотном.

Незнакомка с благородной сдержанностью избегала сетовать на свои несчастья. Ванина была без ума от нее. Только одно очень удивляло княжну: она не раз замечала, что во время этого серьезного разговора незнакомка сдерживала внезапное желание засмеяться.

— Мне хотелось бы знать ваше имя,— сказала княжна.

— Меня зовут Клементина.

— Так вот, дорогая Клементина, завтра в пять часов я приду навестить вас.

На следующий день Ванина увидела, что ее новой подруге стало хуже.

— Я позову к вам хирурга,— сказала Ванина, целуя ее.

— Нет, лучше умереть! — возразила незнакомка. — Я ни за что не соглашусь повредить своим благодетелям.

— Подождите! Хирург монсиньора Савелли-Катанцара, губернатора Рима, — сын одного из наших слуг,— торопливо заговорил Ванина. — Он привязан к нам, а благодаря своему положению может никого не бояться. Напрасно мой отец не доверяет его преданности. Я сейчас пошлю за ним.

— Не надо, не надо! — воскликнула незнакомка с волнением, удивившим Ванину. — Приходите навещать меня, а если бог призовет меня к себе, я буду счастлива умереть на ваших руках.

На другой день незнакомке стало совсем плохо.

— Если вы любите меня, — сказала ей Ванина на прощанье, — согласитесь принять хирурга.

— Если он придет, счастье мое рухнет.

— Я пошлю за хирургом, — настаивала Ванина.

Незнакомка, не отвечая, удержала ее и припала губами к ее руке. Наступило долгое молчание; у незнакомки слезы навернулись на глаза. Наконец она выпустила руку Ванины и с таким видом, будто шла на смерть, сказала:

— Я должна вам сознаться: позавчера я солгала, назвав себя Клементиной. Я — несчастный карбонарий...

Ванина удивленно взглянула на нее, отодвинулась и встала со стула.

— Чувствую, — продолжал карбонарий, — что этим признанием я лишил себя единственной отрады, которая еще привязывает меня к жизни. Но я не хочу обманывать вас, это недостойно меня. Мое имя — Пьетро Миссирилли, мне девятнадцать лет; мой отец — бедный хирург в Сант-Анджело-ин-Вадо; я карбонарий. Нашу венту раскрыли. Меня в оковах привезли из Романьи в Рим, бросили в темный каземат, днем и ночью освещенный лишь маленькой лампочкой; там я провел тринадцать месяцев. Одной сострадательной душе явилась мысль спасти меня. Меня переподели в женское платье. Когда я вышел из тюрьмы и уже достиг последних ворот, один из караульных гнусно поносил карбонариев; я дал ему пощечину. Уверю вас, я это сделал не из бесцельной удалости — я просто забылся. Из-за этой моей опрометчивости за мной погнались по улицам Рима, и вот, в ночной темноте, раненный штыками, теряя силы от потери крови, я бросился в открытую дверь чьего-то дома. Слышу, солдаты бегут по лестнице за мною. Я прыгнул из окна в сад и упал в нескольких шагах от какой-то женщины, которая прогуливалась по аллее.

— Графиня Вителлески? Приятельница моего отца? — сказала Ванина.

— Как! Разве она вам говорила? — воскликнул Миссирилли. — Кто бы ни была эта дама, она спасла мне жизнь; имя ее никогда не надо произносить. Когда солдаты ворвались к ней, чтобы схватить меня, ваш отец уже увозил меня в своей карете... Мне плохо, очень плохо: вот уже несколько дней штыковая рана в плече не дает мне дышать. Я скоро умру, и умру в отчаянии, оттого что больше не увижу вас...

Ванина слушала его нетерпеливо и поспешила уйти; Миссирилли не увидел в ее прекрасных глазах ни тени сострадания, а только оскорбленную гордость.

Ночью к нему явился хирург; он пришел один. Миссирилли был в отчаянии: он боялся, что больше никогда не увидит Ванину. Он стал спрашивать хирурга; тот пустил ему кровь, но на вопросы ничего не отвечал. То же молчание и в следующие дни. Пьетро не сводил глаз с застекленной двери, в которую обычно

входила с террасы Ванина. Он чувствовал себя глубоко несчастным. Однажды, около полуночи, ему показалось, что кто-то стоит в темноте на террасе. Неужели Ванина?

Ванина приходила каждую ночь и, прикинувшись к застекленной двери, смотрела на него.

«Если я заговорю с ним,— думала она,— я погибла! Нет, я больше никогда не должна его видеть».

Но, вопреки своему решению, Ванина невольно вспоминала, какую дружбу она чувствовала к этому юноше, когда так просто-душно считала его женщиной. И после столь задушевной близости позабыть его? В минуты благоразумия Ванину пугало, что все для нее как-то странно изменилось с тех пор, как Миссирилли открыл свое имя,— все, о чем она прежде думала, все, что постоянно видела вокруг, отошло куда-то, заволокло туманом.

Не прошло и недели, как Ванина, бледная, дрожащая, вошла вместе с хирургом в комнату карбонария. Она явилась сказать, что надо уговорить князя, чтобы он передал уход за больным кому-нибудь из слуг. Она пробыла только минуту, но несколько дней спустя опять пришла вместе с хирургом — из чувства человеколюбия. Однажды вечером, хотя Миссирилли стало уже гораздо лучше и у Ванины больше не было оснований бояться за его жизнь, она дерзнула прийти одна. Увидев ее, Миссирилли почувствовал себя на вершине блаженства, но постарался скрыть свою любовь: прежде всего он не желал уронить свое достоинство, как и подобает мужчине. Ванина вошла к нему в комнату, стограя от стыда, боясь услышать любовные речи, и была очень опечалена, что он встретил ее словами дружбы, благородной, преданной дружбы, но без единой искры нежности. Когда она собралась уходить, Пьетро даже не пытался удержать ее.

Через несколько дней она пришла опять. Встреча была точно такая же: те же почтительные уверения в преданности и вечной признательности. Ванина теперь совсем не стремилась охладить восторг юного карбонария: напротив, она боялась, что он не разделяет ее любви. Девушка, прежде столь гордая, с горечью почувствовала, как велико ее безумство. Она старалась казаться веселой, даже равнодушной, стала бывать реже, но никак не могла решиться совсем отказаться от посещений больного.

Миссирилли горел любовью, но, помня о своем низком происхождении и оберегая свое достоинство, решил, что позволит себе заговорить о любви лишь в том случае, если целую неделю не увидит Ванины. Гордая княжна оборонялась стойко.

«Ну что ж! — сказала она себе наконец. — Я навещаю его, мне это приятно, но я никогда не признаюсь ему в своих чувствах».

Она подолгу засиживалась у больного, а он разговаривал с нею так, словно их слушали двадцать человек. Однажды вечером, после того, как Ванина весь день ненавидела его и давала себе

обещание держаться с ним еще холоднее, еще суровее, чем обычно, она вдруг сказала ему, что любит его. Вскоре они всецело отдались своему чувству.

Итак, безумство Вапины оказалось безмерным, но, надо признаться, она была совершенно счастлива. Миссирилли уже не старался оберегать свое мужское достоинство: он любил, как любят первой любовью в девятнадцать лет, как любят в Италии. С чистосердечием беззаветной страсти он даже признался гордой княжне, какую тактику применил, чтобы добиться ее взаимности. Он был счастлив и сам дивился, что можно быть таким счастливым.

Четыре месяца пролетели незаметно. И вот настал день, когда хирург возвратил больному свободу.

«Что мне теперь делать? — думал Миссирилли. — По-прежнему скрываться у одной из красивейших в Риме женщин? А подлые тираны, державшие меня тринадцать месяцев в темнице, где я не видел солнечного света, подумают, что они сломили меня. Италия, ты поистине несчастна, если твои сыны способны так легко покинуть тебя!»

Ванина не сомневалась, что для Пьетро будет величайшим счастьем навсегда остаться с нею: он и в самом деле казался вполне счастливым. Но злая шутка генерала Бонапарта горьким упреком звучала в душе этого юноши и влияла на его отношение к женщинам. В 1796 году, когда генерал Бонапарт покидал Брешию, городские власти, провожавшие его до заставы, сказали ему, что жители Брешии чтят свободу больше, чем все остальные итальянцы.

— Да, — ответил он, — они любят разглагольствовать о ней со своими возлюбленными.

Пьетро несколько смущенно сказал Ванине:

— Сегодня, как только стемнеет, мне надо выбраться отсюда.

— Постарайся, пожалуйста, вернуться до рассвета. Я буду ждать тебя.

— На рассвете я уже буду в нескольких милях от Рима.

— Вот как! — холодно сказала Ванина. — А куда же вы пойдете?

— В Романью, отомстить за себя.

— Я богата, — продолжала Ванина самым спокойным тоном. — Надеюсь, вы примете от меня оружие и деньги.

Миссирилли несколько мгновений пристально смотрел ей в глаза и вдруг сжал ее в объятиях.

— Моя душа, жизнь моя! Ты все заставишь меня позабыть, даже мой долг, — сказал он. — Но ведь у тебя такое благородное сердце, ты должна понять меня.

Ванина пролила много слез, и было решено, что он уйдет из Рима только через день.

— Пьетро,— сказала она на следующий день,— вы часто говорили мне, что человек с именем — ну, например, римский князь — и к тому же располагающий большим состоянием, мог бы оказать делу свободы большие услуги, если когда-либо Австрия вступит в серьезную войну вдали от наших границ.

— Разумеется,— удивленно сказал Пьетро.

— Ну так вот! Вы отважный человек, вам недостает только высокого положения: я вам предлагаю свою руку и двести тысяч ливров дохода. Согласия отца я добьюсь.

Пьетро бросился к ее ногам. Ванина вся сияла от радости.

— Я люблю вас страстно,— сказал он,— но я бедняк и я слуга своей родины. Чем несчастнее Италия, тем больше должен я хранить верность ей. Чтобы добиться согласия дона Аздрубале, мне пришлось бы несколько лет играть жалкую роль. Ванина, я откладываюсь от тебя!

Миссирилли спешил связать себя этими словами: мужество его ослабевало.

— На свою беду,— воскликнул он,— я люблю тебя больше жизни, и покинуть Рим для меня страшнее пытки! Ах, зачем Италия еще не избавлена от варваров! С какой радостью я уехал бы с тобой в Америку!

Ванина вся похолодела. Ее руку отвергли! Гордость ее была уязвлена. Но через минуту она бросилась в объятия Миссирилли.

— Никогда еще ты не был мне так дорог!— воскликнула она.— Да, я твоя навеки... Милый мой деревенский лекарь, ты велик, как наши древние римляне!

Все заботы о будущем, все унылые советы благоразумия позабылись. Это было мгновение чистой любви. И, когда они уже были в состоянии говорить рассудительно, Ванина сказала:

— Я приеду в Романью почти одновременно с тобой. Я прикажу прописать мне лечение на водах, в Поретто. Остановлюсь я в нашем замке Сан-Николо, близ Форли...

— И там жизнь моя соединится с твоею!— воскликнул Миссирилли.

— Отныне мой удел на все дерзать,— со вздохом сказала Ванина.— Я погублю свою честь ради тебя, но все равно... Будешь ли ты любить опозоренную девушку?

— Разве ты не жена мне?— воскликнул Миссирилли.— Обожаемая жена! Я вечно буду тебя любить и сумею постоять за тебя.

Ванине нужно было ехать в гости. Едва Миссирилли остался один, как его поведение показалось ему варварским. «Что такое *родина*?— спрашивал он себя.— Ведь это не какое-нибудь живое существо, к которому мы обязаны питать признательность за благодеяния и которое станет несчастным и будет проклинать нас, если мы изменим ему. Нет, *родина* и *свобода* — это как мой плащ: полезная одежда, которую я должен купить, если только

не получил ее в наследство от отца. В сущности, я люблю родину и свободу потому, что они мне полезны. А если они мне не нужны, если они для меня, как теплый плащ в летнюю жару, зачем мне покупать их, да еще за столь дорогую цену? Ванина так хороша и так необычайна! За ней будут ухаживать, она позабудет меня. У какой женщины бывает в жизни только один возлюбленный? Как гражданин, я презираю всех этих римских князей, но у них столько преимуществ передо мною! Они, должно быть, неотразимы! Да, если я уйду, она позабудет меня, и я навсегда ее потеряю».

Ночью Ванина пришла навестить его. Пьетро рассказал ей о своих колебаниях и о том, как под влиянием любви к ней в душе его возник странный спор о великом слове *родина*. Ванина ликовала.

«Если ему придется выбирать между мной и родиной, — думала она, — он отдаст предпочтение мне».

На соседней колокольне пробило три часа. Настала минута последнего прощанья. Пьетро вырвался из объятий своей подруги. Он уже стал спускаться по лестнице, как вдруг Ванина, сдерживая слезы, сказала ему с улыбкой:

— Послушай, если бы во время твоей болезни о тебе заботилась какая-нибудь деревенская женщина, разве ты ничем не облагодарил бы ее? Разве не постарался бы заплатить ей? Будущее так неверно! Ты уходишь, в пути вокруг тебя будет столько врагов! Подари мне три дня, заплати мне за мои заботы, как будто я бедная крестьянка.

Миссирилли остался. Наконец он покинул Рим и благодаря паспорту, купленному в иностранном посольстве, достиг родительского дома. Это была для семьи великая радость: его уже считали умершим. Друзья хотели отпраздновать его благополучное возвращение, убив двух-трех карабинеров (так в Папской области называются жандармы).

— Не будем без крайней нужды убивать итальянцев, умеющих владеть оружием, — возразил им Миссирилли. — Наша родина не остров, как счастливица Англия; чтобы сопротивляться вторжению европейских монархов, нам понадобятся солдаты.

Спустя некоторое время Миссирилли, спасаясь от погони, убил двух карабинеров из пистолетов, подаренных ему Ваниной. За его голову назначили награду.

Ванина все не приезжала в Романью. Миссирилли решил, что он забыт. Самолюбие его было задето; он часто думал теперь о том, что разница в общественном положении воздвигла преграду между ним и его возлюбленной. Однажды, в минуту горьких сожалений о былом счастье, ему пришло в голову вернуться в Рим, узнать, что делает Ванина. Эта сумасбродная мысль едва не взяла верх над сознанием долга, но вдруг как-то в сумерки церковный колокол зазвонил в горах к вечерне и так странно, будто на звоняря напала рассеянность. Это был сигнал к собранию

венты, в которую Миссирилли вступил, лишь только вернулся в Романью. В ту же ночь все карбонарии встретились в лесу, в обители двух отшельников. Оба они спали крепким сном под действием опиума и даже не подозревали, для каких целей воспользовались их хижинкой. Миссирилли пришел очень грустный, и тут ему сказали, что глава венты арестован и что своим новым главой карбонарии решили избрать его, Пьетро, двадцатилетнего юношу, хотя среди них были и пятидесятилетние старики, люди, участвовавшие в заговорах со времен похода Мюрата в 1815 году¹. Принимая эту неожиданную честь, Пьетро почувствовал, как забилось у него сердце. Лишь только он остался один, он принял решение не думать больше о молодой римлянке, так скоро забывшей его, и все свои помыслы отдать долгу освобождения Италии от варваров².

Два дня спустя Миссирилли в списке прибывших и выехавших лиц, который ему доставляли как главе венты, прочел, что княжна Ванина прибыла в свой замок Сан-Николо. Имя это внесло в его душу радость и смутнение. Напрасно он ради преданности родине подавил желание в тот же вечер помчаться в замок Сан-Николо — мысли о Ванине, которой он пренебрег, не давали ему сосредоточиться на своих обязанностях. На следующий день они встретились; Ванина любила его все так же. Задержалась она в Риме оттого, что отец, желая ее выдать замуж, не отпускал ее. Она привезла с собой две тысячи цехинов³. Эта неожиданная поддержка очень помогла Миссирилли достойно выполнить его новые почетные обязанности. На острове Корфу заказали кинжалы, подкупили личного секретаря легата⁴, руководившего преследованиями карбонариев, и таким путем достали список священников, состоявших шпионами правительства.

Как раз в это время готовился заговор — один из наименее безрассудных, когда-либо возникавших в многострадальной Италии. Я не буду входить в излишние подробности; скажу только, что если б он увенчался успехом, Миссирилли досталась бы немалая доля славы. Благодаря ему несколько тысяч пов-

¹ Мюрат — один из наполеоновских маршалов, которого Наполеон сделал королем Неаполя. Изменив императору, Мюрат перешел на сторону «Священного союза» европейских монархов, но в 1815 году, когда Наполеон бежал с острова Эльба, выступил ему на помощь, пообещав итальянцам свободу и конституцию, чтобы заручиться их поддержкой.

² *Libera l'Italia dal barbari* — боевой клич Петрарки в 1350 году, повторенный затем Юлием II, Макьявелли и графом Альфьери. (Прим. Стендаля.)

Петрарка — великий поэт итальянского Возрождения. Юлий II — папа римский, попытавшийся в начале XV века объединить Италию под своей властью. Макьявелли — политик, философ и ученый итальянского Возрождения, идеолог абсолютной монархической власти, утверждавший, что цели государственной власти оправдывают любое преступление. Альфьери — итальянский поэт и драматург, выступавший против монархии в XVIII веке.

³ Пехин — старинная золотая венецианская монета.

⁴ Легат — уполномоченный папы римского.

станцев поднялись бы по данному сигналу с оружием в руках и ждали бы прибытия предводителей. Приближалась решительная минута, и вдруг, как это всегда бывает, заговор провалился из-за ареста руководителей.

Лишь только Ванина приехала в Романью, ей показалось, что любовь к родине затмила в сердце Миссирилли всякую иную страсть. Гордость молодой римлянки была возмущена. Напрасно она старалась образумить себя — мрачная тоска томила ее, и она ловила себя на том, что проклинает свободу. Однажды, приехав в Форли повидаться с Миссирилли, она не могла совладать с собой, хотя до тех пор гордость всегда помогала ей скрывать свое горе.

— Вы и в самом деле любите меня, как муж, — сказала она. — Я не этого ждала.

Она разразилась слезами, но плакала она только от стыда, что унизилась до упреков. Миссирилли утешал ее; однако видно было, что он занят своими заботами. И вдруг Ванине пришла в голову мысль бросить его и вернуться в Рим. Она с жестокой радостью подумала, что это будет ей наказанием за слабость: к чему было жаловаться! В минуту молчания намерение ее окрепло, и теперь Ванина сочла бы себя недостойной Миссирилли, если б не бросила его. Она с наслаждением думала о его горестном удивлении, когда он будет напрасно ждать, искать ее тут. Но вскоре ее глубоко взволновала мысль, что она не сумела сохранить любовь этого человека, ради которого совершила столько безумств. Прервав молчание, она заговорила с ним. Она всеми силами добивалась хоть одного слова любви. Пьетро отвечал ей ласково, нежно, но так рассеянно... Зато какое глубокое чувство прозвучало в его голосе, когда, коснувшись своих политических замыслов, он скорбно воскликнул:

— *Ах, если нас опять постигнет неудача, если и этот заговор раскроют, я уеду из Италии!*

Ванина замерла: с каждой минутой ее все сильнее терзал страх, что она видит любимого в последний раз. Слова его заропили ровную искру в ее мысли.

«Карбонарии получили от меня несколько тысяч цехинов. Никто не может сомневаться в моем сочувствии заговору...» — Прервав свое раздумье, она сказала Пьетро:

— Прошу тебя, поедem со мной в Сан-Николо́ только на одни сутки! Сегодня вечером тебе нет необходимости присутствовать на собрании венты. А завтра утром мы уже будем в Сан-Николо́, будем бродить по полям; ты отдохнешь, успокоишься, а тебе так нужны все твои силы и самообладание: ведь близятся великие события.

Пьетро согласился.

Ванина ушла от него, чтобы приготовиться к путешествию, и, как обычно, заперла на ключ ту комнату, где прятала его. Она

поспешила к бывшей своей горничной, которая вышла замуж и теперь держала лавочку в Форли. Прибежав к этой женщине, Ванина торопливо написала на полях часослова, оказавшегося в комнате, несколько строк, точно указав место, где должна была собраться ночью *вента* карбонариев. Она закончила донос следующими словами: «*Вента* состоит из девятнадцати человек; вот их имена и адреса». Составив полный список, где отсутствовало только имя Миссирилли, она сказала этой женщине, пользовавшейся ее доверием:

— Отнеси книгу кардиналу-легату. Пусть он прочтет то, что написано на полях, и вернет ее тебе. Вот возьми десять цехинов. Если когда-нибудь легат произнесет твое имя, тебе не миновать смерти; но если ты заставишь его прочесть исписанную страницу, ты спасешь мне жизнь.

Все удалось превосходно. Легат так перепугался, что утратил всю свою вельможную важность. Он разрешил простолюдинке, желавшей поговорить с ним по секретному делу, не снимать маску, но приказал связать ей руки. В таком виде лавочница и появилась перед этим высоким сановником; он не решился выйти из-за огромного стола, покрытого зеленым сукном.

Легат прочел исписанную страницу, держа часослов очень далеко от себя, из опасения, что книга пропитана каким-нибудь ядом. Затем он возвратил часослов лавочнице и даже не послал шпионов по ее следам. Не прошло и сорока минут с тех пор, как Ванина ушла из дому, а она уже повидалась с возвратившейся горничной и побежала к Миссирилли, твердо веря, что отныне он всецело принадлежит ей. Она сказала ему, что в городе необыкновенное движение, везде ходят патрули, даже по таким улицам, где их никогда не видели.

— Послушайся меня, — добавила она, — уедем сейчас же в Сан-Николо.

Миссирилли согласился. Они вышли пешком из города: неподалеку от заставы Ванину поджидала карета, где сидела ее компаньонка, молчаливая и щедро оплачиваемая наперсница. По приезде в Сан-Николо Ванина, в смятении от своего чудовищного поступка, с нежностью льнула к Пьетро. Но когда она говорила ему слова любви, ей казалось, что она разыгрывает комедию. Накануне, совершая предательство, она забыла об угрызениях совести. Обнимая возлюбленного, она думала: «Стоит теперь кому-нибудь сказать Пьетро одно слово, одно только слово, — и он навеки возненавидит меня».

Глубокой ночью в спальню вошел один из слуг Ванины. Человек этот был карбонарий, о чем она и не подозревала. Значит, у Миссирилли были тайны от нее даже в этом? Она содрогнулась. Слуга пришел предупредить Миссирилли, что в эту ночь в Форли оцепили дома девятнадцати карбонариев, а их самих арестовали, когда они возвращались с собрания *венты*. На них напали врас-

плох, но все же девяти карбонариям удалось бежать. Десять остальных карабинеры отвели в крепость. Войдя на тюремный двор, один из арестованных бросился в глубокий колодец и разбился насмерть. Ванина переменялась в лице; к счастью для нее, Пьетро этого не заметил: он мог бы прочесть в ее глазах совершенное ею преступление...

— Солдаты гарнизона, — добавил слуга, — оцепили уже все улицы в Форли. Они стоят так близко друг от друга, что могут переговариваться. Жителям разрешают переходить через улицу только в том месте, где стоит офицер.

Когда слуга вышел, Пьетро задумался.

— Сейчас ничего нельзя сделать, — сказал он наконец.

Ванина была ни жива ни мертва; она вздрагивала от каждого взгляда возлюбленного.

— Что с вами, Ванина? Вы какая-то странная сегодня, — сказал он.

Потом стал думать о другом и отвел от нее взгляд. Днем она осмелилась сказать ему:

— Вот еще одна вента раскрыта. Мне думается, вы некоторое время будете жить спокойно.

— *Очень спокойно*, — промолвил Миссирилли с усмешкой, от которой она затрепетала.

Ванина решила отправиться в деревню Сан-Николо́ к священнику, состоявшему, возможно, шпионом иезуитов. К обеду, в семь часов, она вернулась и увидела, что комната, где она спрятала возлюбленного, опустела. Не помня себя, она бросилась искать его по всему дому, но нигде не нашла. В полном отчаянии она вернулась в комнату и только тогда заметила на столе записку. Она прочла:

«Я ухожу, чтобы отдать себя в руки легата. Я потерял веру в успех нашего дела: само небо против нас. Кто нас выдал? Должно быть, тот негодяй, который бросился в колодец. Жизнь моя теперь не нужна несчастной Италии, и я не хочу, чтобы товарищи, видя, что только одного меня не арестовали, могли подумать, будто я их предал. Прощайте! Если вы любите меня, приложите все силы, чтобы отомстить за нас. Покарайте, уничтожьте подлого предателя, будь это даже мой отец!»

Ванина упала на стул почти в беспамятстве, терзаясь жестокой мукой. Она не могла произнести ни слова, не уронила ни одной слезы: глаза ее горели.

Наконец она бросилась на колени.

— Боже великий! — воскликнула она. — Прими мой обет. Да, я покараю подлого предателя. Но помоги мне сначала вернуть свободу Пьетро.

Час спустя она уже ехала в Рим. Отец давно торопил ее вернуться. В отсутствие дочери он обещал ее руку князю Ливио Савелли. Как только Ванина приехала, отец боязливо заговорил с

ней об этом. К великому его удивлению, она сразу согласилась. В тот же вечер в гостиной графини Вителлески отец почти официально представил ей донна Ливьо как жениха; она долго беседовала с ним. Молодой князь был образцом элегантности, держал великолепных лошадей, в обществе его считали весьма остроумным, но очень ветреным; он не мог возбуждать никаких подозрений у правительства. Ванина решила, что, вскружив ему голову, она сделает его исполнителем ее планов. Она рассчитывала, что шпионы не осмелятся следить за племянником монсиньора Савелли-Катанцара, римского губернатора и министра полиции.

В течение нескольких дней она дарила благосклонным вниманием любезного донна Ливьо, а затем объявила ему, что никогда не будет его женой: по ее мнению, у него слишком легкомысленный ум.

— Не будь вы ребенком, — сказала она, — подчиненные вашего дядюшки не имели бы от вас тайн. Например, что собираются делать с теми карбонариями, которых недавно арестовали в Форли?

Через два дня Ливьо пришел сообщить ей, что все арестованные в Форли карбонарии бежали.

С презрительной и горькой улыбкой она остановила на нем взгляд своих огромных черных глаз и за весь вечер не удостоила его ни одним словом.

Через день дон Ливьо, краснея, признался ей, что его обманули.

— Но я достал ключ от кабинета дядюшки, — добавил он, — порылся там в бумагах и знаю теперь, что назначена *конгрегация*, то есть комиссия, составленная из самых влиятельных кардиналов и прелатов¹; на днях она соберется в величайшей тайне и решит вопрос, где судить этих карбонариев — в Равенне или в Риме. В настоящее время все девять арестованных карбонариев и их вожак, некий Миссирилли, который по глупости добровольно отдался в руки властей, содержатся в замке Сан-Леоне².

При слове «глупость» Ванина больно уцпинула князя Ливьо.

— Я сама хочу проникнуть вместе с вами в кабинет вашего дядюшки, — сказала она, — и собственными глазами увидеть эти бумаги. Вы, наверно, плохо прочли.

Услышав такие слова, Ливьо испугался: Ванина требовала от него почти невозможного; но своеобразие этой девушки только усиливало его любовь. Несколько дней спустя Ванина, переодевшись в красивую ливрею, какую носили слуги дома Савелли, провела

¹ *Прелат и кардинал* — высшие духовные сановники католической церкви.

² Близ Римини, в Романье. В этом замке погиб знаменитый Калиостро; местные жители рассказывают, что его там задушили. (Прим. *Стендаля*.)

Калиостро — итальянский авантюрист и мистификатор XVIII века.

полчаса в кабинете министра полиции за чтением секретнейших документов. Она вся вострепелась от радости, найдя среди них «дневник донесений о подсудимом Пьетро Миссирилли». У нее дрожали руки, когда она держала эти бумаги. Она еще раз перечла его имя и едва не лишилась чувств. Выходя из губернаторского дворца, Ванина позволила Ливию поцеловать ее.

— Вы прекрасно выдерживаете испытания, которым я решила подвергнуть вас.

После такой похвалы молодой князь в угоду Ванине готов был поджечь Ватикан.

В тот вечер давали бал во французском посольстве. Ванина много танцевала, и почти все время с Ливием. Он опьянел от счастья, — надо было не давать ему опомниться.

— У моего отца бывают иногда странности, — сказала ему однажды Ванина. — Сегодня утром он прогнал двух слуг, и они пришли ко мне плакаться. Один из них просил, чтобы я устроила его на службу к губернатору, а другой, отставной солдат, служивший в артиллерии при французах, хотел бы получить место в крепости Святого Ангела.

— Я их обоих возьму к себе на службу, — быстро ответил молодой князь.

— А разве я прошу вас об этом? — надменно возразила Ванина. — Я вам в точности передала просьбу этих несчастных людей. Оба должны получить именно то, что они просят.

Ничего не могло быть труднее. Монсеньор Катанцара отнюдь не отличался доверчивостью и допускал в свой дом только людей, хорошо ему известных.

Внешне жизнь Ванины по-прежнему была заполнена всевозможными удовольствиями, но ее мучило раскаяние, и она была очень несчастна. Медлительность событий убивала ее. Поверенный отца достал ей денег. Что делать? Уйти из отцовского дома, поехать в Романью и попытаться устроить побег Пьетро? Мысль безрассудная, но Ванина уже готова была осуществить ее, как вдруг случай сжалился над нею.

Дон Ливие сказал ей:

— Скоро в Рим привезут десять карбонариев *венты* Миссирилли, а если им вынесут смертный приговор, казнь произойдет в Романье. Мой дядя добился этого от папы нынче вечером. Во всем Риме только мы с вами знаем эту тайну. Вы довольны мной?

— Вы становитесь настоящим мужчиной, — ответила Ванина. — Подарите мне ваш портрет.

Накануне того дня, когда Миссирилли должны были привезти в Рим, Ванина придумала предлог, чтобы приехать в Читта-Кастеллана. В тюрьме этого города поместили на ночь карбонариев, которых пересылали из Романьи в Рим. Утром, когда их отправляли из тюрьмы, она увидела Миссирилли: его везли в тележке одного, закованного в цепи; он был очень бледен, но, ка-

залось, несколько не пал духом. Какая-то старушка бросила ему букет фиалок. Миссирилли с улыбкой поблагодарил ее.

Ванина увидела возлюбленного и как будто возродилась, почувствовала прилив мужества. Задолго до этой встречи она добилась повышения в должности для аббата Кари, состоявшего экономом в крепости Святого Ангела, куда должны были заключить Миссирилли; она взяла этого добросердечного священника себе в духовники. А в Риме немало веса придает положение духовника княжны, племянницы губернатора.

Процесс форлийских карбонариев не затянулся. Партия ультраконсерваторов не могла помешать, чтобы он состоялся в Риме, но в отместку за это добилась назначения в судебную комиссию самых честолюбивых прелатов. Председателем комиссии был министр полиции.

Закон против карбонариев совершенно ясен. Форлийские заговорщики не могли питать никакой надежды, но они держались мужественно и весьма искусно защищали свою жизнь. Тем не менее их не только приговорили к смертной казни, но некоторые судьи даже требовали жестоких пыток, четвертования, отсечения рук и так далее. Министр полиции уже составил себе карьеру (с этого поста прямой путь к красной шапке кардинала)¹, и поэтому у него не было нужды отсекал карбонариям руки; представив приговор на утверждение, он уговорил папу заменить осужденным смертную казнь долголетним тюремным заключением. Только для Пьетро Миссирилли приговор оставили в силе. Министр видел в нем опасного фанатика, и к тому же Миссирилли уже ранее был приговорен к смерти за убийство двух карабинеров, о котором мы упоминали. Ванина узнала о приговоре и помиловании через несколько минут после того, как министр вернулся от папы.

На другой день монсиньор Катанцара возвратился домой около полуночи и нигде не мог найти своего камердинера; весьма удивляясь этому, он позвонил несколько раз. Наконец на звонки явился дряхлый и выживший из ума слуга; министр потерял терпение и решил раздеться сам. Было очень жарко; заперев дверь на ключ, он сбросил с себя платье и, скомкав его, швырнул на стул. Платье было брошено с такой силой, что перелетело через стул, задело за муслиновую гардину, и позади нее обрисовалась человеческая фигура. Министр кинулся к постели и схватил пистолет. Когда он подошел к окну, из-за гардины выступил юноша в лакейской ливрее и шагнул к нему с пистолетом в руке. Увидев это, министр прицелился и уже хотел выстрелить, но юноша сказал ему, смеясь:

— Как, монсиньор! Вы не узнали Ванину Ванини?

¹ По папскому обычаю, министр полиции Папской области, уходя в отставку, получал сан кардинала.

— Что означает эта глупая шутка?— гневно спросил министр.

— Поговорим хладнокровно,— сказала Ванина.— Во-первых, ваш пистолет не заряжен.

Министр, к удивлению своему, убедился, что это верно. Тогда он вытащил из жилетного кармана кинжал¹.

Ванина сказала ему очаровательно-властным тоном:

— Сядем, монсиньор.

И преспокойно опустилась на диван.

— Вы одна по крайней мере?— спросил министр.

— Совершенно одна, клянусь вам!— воскликнула Ванина.

Министр поспешил проверить это заявление: он обошел всю комнату, заглянул повсюду. Затем уселся на стул в трех шагах от Ванины.

— Ну, для чего мне,— сказала Ванина спокойно и мягко,— посягать на жизнь благоразумного правителя, на смену которому придет, вероятно, какой-нибудь слабый человек с горячей головой, способный только погубить себя и других?

— Так что же вам угодно, сударыня?— досадливо спросил министр.— Прошу вас кончить как можно скорее эту неподобающую сцену.

— То, что я сейчас скажу,— высокомерно произнесла Ванина, сразу оставив любезный тон,— для вас важнее, чем для меня. Есть люди, которые желают, чтобы Миссирилли сохранили жизнь; если его казнят, вы после этого не проживете и недели. Мне судьба его безразлична; сумасбродную выходку, на которую вы жалуетесь, я позволила себе, во-первых, для забавы, а во-вторых, ради одной из своих подруг. Я хотела также,— продолжала Ванина, возвращаясь к тону светской дамы,— оказать услугу умному человеку, который вскоре будет моим дядей и, по всей видимости, прославит свой род.

Министр сразу смягчился — красота Ванины немало способствовала этой внезапной перемене. В Риме известна была слабость монсиньора Катандара к красивым женщинам, а Ванина была прелестна с пистолетом в руке, в костюме выездного лакея дома Савелли — в шелковых, туго натянутых чулках, красном камзоле и голубом кафтане, обшитом серебряным позументом.

¹ Римский прелат, конечно, не мог бы доблестно командовать армейским корпусом, как это не раз делал дивизионный генерал, бывший министром в Париже, когда Малле пытался поднять мятеж, но он никогда не дал бы так легко арестовать себя дома. Он побоялся бы насмешек своих коллег, Римлянин, знающий, что его ненавидят, всегда хорошо вооружен. Автор не считал необходимым объяснять ряд других мелких различий в поведении и речах парижан и римлян. Он не хотел сглаживать эти различия и считал нужным смело описать их. Римляне, изображенные автором, не имеют чести быть французами. (Прим. *Стендаля*.)

Малле — наполеоновский генерал, попытавшийся в 1812 году свергнуть императора и восстановить республику. Министром полиции в то время был дивизионный генерал Савари, явно непригодный к занимаемой им должности.

— Будущая моя племянница, — сказал министр, развеселившись, — вы действительно позволили себе сумасбродную выходку и, вероятно, не последнюю.

— Надеюсь, что такой благоразумный человек, как вы, сохранит ее в тайне от всех, особенно от Ливии; а чтобы побудить вас к этому, я вас поцелую, если вы подарите жизнь карбонарию, которому покровительствует моя подруга.

Беседа продолжалась в том же полушутливом тоне, каким знатные римлянки умеют обсуждать важные дела, и Ванине удалось придать этой встрече, начавшейся с угрозы пистолетом, характер визита будущей княгини Савелли к ее дяде, римскому губернатору.

Вскоре монсиньор Катанцара, надменно отбросив всякую мысль, что его припугнули, уже рассказывал племяннице, какие препятствия его ожидают, если он решит спасти жизнь Миссирилли. Говоря об этом, он ходил вместе с нею по комнате; остановившись на минуту, он взял с камина графин и налил из него в хрустальный стакан лимонаду; когда он уже поднес его к губам, Ванина завладела этим стаканом, подержала в руке и, словно нечаянно, уронила его в сад. Через минуту министр взял из бонбоньерки шоколадную конфету. Ванина отняла ее и сказала, смеясь:

— Берегитесь! У вас здесь все отравлено: вас хотели умертвить. А я добилась помилования своего будущего дяди, чтобы не войти в семейство Савелли с пустыми руками.

Монсиньор Катанцара удивленно поблагодарил племянницу и подал ей большие надежды на помилование Миссирилли.

— Итак, мы заключили сделку, и в подтверждение ее вот вам награда, — сказала Ванина, целуя его.

Министр принял награду.

— Надо вам сказать, дорогая Ванина, — заметил он, — что я сам не люблю крови. И к тому же я еще молод, хотя вам, вероятно, кажусь стариком. Я, пожалуй, доживу до такого времени, когда кровь, пролитая сегодня, выступит позорным пятном.

Пробило уже два часа ночи, когда монсиньор Катанцара проводил Ванину до калитки своего сада.

Через день министр явился к папе, весьма смущенный тем шагом, который ему предстояло сделать, и вдруг его святейшество сказал ему:

— Прежде всего я хочу воззвать к вашему милосердию. Одному из фюрлийских карбонариев приговор не смягчен, и мысль об этом лишила меня сна. Надо спасти этого человека.

Министр, видя, что папа опередил его, представил множество возражений и в конце концов написал указ *motu proprio*¹, который папа подписал сам, вопреки обычаю.

¹ «По собственному побуждению» (лат.).

Ванина думала, что она, может быть, и добьется помилования своего возлюбленного, но его постараются отравить. Еще накануне папского указа Миссирилли получил от аббата Кари, духовника Ванины, несколько пакетов с морскими сухарями и предупреждение не притрагиваться к казенной пище.

Затем Ванина узнала, что форлийских карбонариев переводят в крепость Сан-Леоне, и решила во что бы то ни стало увидеться с Миссирилли на этапе в Читта-Кастеллана. Она приехала в этот город за сутки до прибытия узников. Там она встретилась с аббатом Кари, который прибыл раньше ее на несколько дней. Он убедил смотрителя тюрьмы разрешить Миссирилли присутствовать на полуденной службе в тюремной часовне. И даже больше: если Миссирилли согласится, чтобы ему надели цепи на руки и на ноги, смотритель обещал отойти к дверям часовни — тогда он не упустит из виду узника, за которого несет ответственность, но не будет прислушиваться к разговору.

Настал наконец день, когда должна была решиться судьба Ванины. Уже с утра она заперлась в тюремной часовне. Кто скажет, какие мысли волновали ее весь этот долгий день! Любит ли ее Пьетро настолько, что все простит? Она выдала *венту*, но ему она спасла жизнь. Когда голос рассудка брал верх над смятением души, Ванина надеялась, что Пьетро согласится покинуть Италию, уехать вместе с нею, — ведь она согрешила только от избытка любви. Пробило четыре часа. Она услышала вдалеке стук конских копыт: в город въехал конвой карабинеров. Каждый звук отдавался в ее сердце. Вскоре загрохотали телеги: везли осужденных. Они остановились на маленькой площади перед тюрьмой. Ванина видела, как два карабинера приподняли Миссирилли, — он ехал один, скованный цепями, и не мог пошевелиться.

— Но все-таки он жив! — шептала она со слезами на глазах. — Они еще не отравили его.

Этот вечер был пыткой. Высоко над алтарем горела одинокая лампада, в которую тюремщик скупно наливал масло, и свет ее чуть брезжил в темной часовне. Ванина окидывала взглядом гробницы средневековых вельмож, умерших в соседней тюрьме. Их каменные изваяния, казалось, злобно смотрели на нее.

Все уже давно затихло. Ванина ждала, погрузившись в мрачные мысли. Пробило полночь, и вскоре послышался какой-то шелест, словно летучая мышь пролетела. Ванина повернулась, хотела шагнуть и почти без чувств поникла на балюстраду, отделявшую алтарь. В то же мгновение два призрака неслышно выросли перед ней. Это были тюремщик и Миссирилли, весь опутанный цепями. Тюремщик открыл дверцу фонаря и поставил его на столбик решетки рядом с Ваниной, чтобы свет падал на узника, затем отошел к дверям. Едва тюремщик удалился, Ванина бросилась Миссирилли на грудь, сжала его в объятиях и ощутила

холодные острые грани цепей. «Кто его заковал?» — думает она. Объятие было безрадостным. А вслед за этим ее пронзила жестокая боль: ей показалось вдруг, что Массирилли знает о ее преступлении, — так холодно он встретил ее.

— Дорогой друг, — сказал он наконец. — Я глубоко сожалею, что вы полюбили меня. Не вижу в себе достоинств, которыми я мог бы заслужить такую любовь. И поверьте, лучше нам обратиться к другим, более священным чувствам. Оставим заблуждения, когда-то ослеплявшие нас. Я не могу принадлежать вам. Постоянные неудачи преследовали все мои начинания — быть может, оттого, что я находился во власти смертного греха. Ведь если внять хотя бы только голосу здравого рассудка, так почему я не был арестован вместе со всеми моими товарищами в ту роковую ночь? Почему в минуту опасности я покинул свой пост? Почему мое отсутствие дало повод к ужаснейшим подозрениям? Не одну лишь свободу Италии возлюбил я — мною владела иная страсть.

Ванина не могла прийти в себя от изумления. Как переменился Миссирилли! Он не очень исхудал, но на вид ему можно было дать лет тридцать. Ванина подумала, что виною этому мучения, перенесенные им в тюрьме, и заплакала.

— Ах, — воскликнула она, — ведь тюремщики обещали мне не обращаться с тобою так жестоко!

Она не знала, что близость смерти пробудила в душе юного карбонария все те религиозные чувства, какие только могли сочетаться с его служением свободе Италии. Но мало-помалу Ванина поняла, что разительная перемена в ее возлюбленном вызвана нравственными причинами, а вовсе не физическими страданиями. И горе ее, казалось, уже достигшее последнего предела, возросло еще больше.

Миссирилли молчал. Ванина задыхалась от рыданий. Он и сам был немного взволнован и сказал:

— Если я и любил кого-нибудь в целом мире, то только вас, Ванина. Но благодаря богу у меня теперь лишь одна цель в жизни, и я умру в тюрьме или погибну в борьбе за свободу Италии.

Опять настало молчание. Ванина пыталась сказать хоть слово и не могла. Миссирилли добавил:

— Требования долга суровы, мой друг, но, если бы их легко было выполнить, в чем же заключался бы героизм? Дайте мне слово, что вы больше не будете искать встречи со мной. — И, насколько позволяли цепи, он пошевелил рукой и попытался протянуть ее Ванине. — Позвольте человеку, который когда-то был для вас дорог, дать вам благоразумный совет: отец нашел для вас достойного жениха — выходите за него. Не делайте ему тягостных признаний, но не ищите больше и встречи со мною. Будем отныне чужими друг другу. Вы пожертвовали немалые деньги на дело освобождения родины. Если когда-нибудь она будет избав-

лена от тиранов, эти деньги вам возвратят полностью из национального имущества.

Ванина была потрясена: за все время разговора взгляд Пьетро заблестел только в то мгновение, когда он произнес слово «родина».

Наконец гордость пришла на помощь княжне. Она ничего не ответила Миссирилли, только протянула ему бриллианты и маленькие пилки, которые принесла с собою.

— Я обязан принять их,— сказал он.— Мой долг — попытаться бежать. Но, невзирая на новое ваше благодеяние, я больше никогда не увижу вас — клянусь в этом! Прощайте, Ванина! Дайте слово никогда не писать мне, никогда не искать свидания со мной. Отныне я всецело принадлежу родине. Я умер для вас. Прощайте!

— Нет! — истушленно воскликнула Ванина. — Подожди. Я хочу, чтобы ты узнал, что я сделала из любви к тебе.

И тут она рассказала о всех своих стараниях спасти его, с того дня, как он ушел из замка Сан-Николо́ и отдал себя в руки легата. Закончив этот рассказ, она шепнула:

— Но все это еще такая малость! Я сделала больше из любви к тебе.

И она рассказала о своем предательстве.

— О, чудовище! — в ярости крикнул Пьетро и бросился к ней, пытаясь убить ее своими цепями.

И он убил бы ее, если бы на крик не прибежал тюремщик. Он схватил Миссирилли.

— Возьми, чудовище! Я не хочу ничем быть тебя обязанным! — воскликнул Миссирилли.

Насколько позволяли цепи, он швырнул Ванине алмазы и пилки и быстро вышел.

Ванина была совершенно уничтожена. Она возвратилась в Рим; вскоре газеты сообщили и о ее бракосочетании с князем Ливьо Савелли.

БАЙРОН

В 1804 году генерал Бонапарт, первый консул Французской республики, объявил Францию империей, а себя — императором, взяв имя Наполеона I. Маркс видел в деятельности Наполеона завершение героического периода в истории буржуазного общества. Установление империи и захватнические войны, которые вел Наполеон (в частности, в Испании, куда в 1808 году он ввел войска, стремясь навязать стране французское господство), были восприняты революционно настроенными людьми того времени как измена идеалам французской революции 1789—1794 годов. Окончательная гибель надежд на революционные преобразования в Европе наступила позже, когда Наполеон был разбит (в 1812 году — в России, в 1815 году — при Ватерлоо, после возвращения с острова Эльбы), во Франции реставрирована монархия, а на Европейском континенте возторжествовала реакция. Был создан архиреакционный «Священный союз» европейских монархов, целью которого было подавление в зародыше любых революционных выступлений. Италия, раздробленная на ряд мелких герцогств и княжеств, оказалась под властью Габсбургов; Греция задыхалась под турецким игом. Реакция душила свободу, но народ оказывал сопротивление. В Италии действовали карбонарии — патриоты, поклявшиеся свергнуть австрийское господство. В Греции в начале 20-х годов разгоралась национально-освободительная война.

Англия, неоднократно выступавшая против революционной Франции и ввязавшаяся в многолетнюю войну с Наполеоном, в начале XIX

века переживала жестокий кризис. Этот кризис был усугублен недородом. В 40-х годах с новой силой вспыхнули народные волнения, возродилось движение луддитов — разрушителей станков. Луддиты считали, что, уничтожая машины на фабриках, они тем самым уничтожают источник всех бед. Размах движения, получившего название по имени легендарного «генерала Лудда» — рабочего, который якобы первым разбил ткацкий станок, — напугал правительство. Против луддитов были предприняты многочисленные репрессии, вплоть до принятия закона о смертной казни за любую порчу рабочим собственности фабриканта.

Такова была историческая обстановка, в которой сформировался и проявил себя поэтический гений Байрона.

Джордж Ноэл Гордон Байрон (George Noel Gordon Byron, 1788—1824) родился в семье английского дворянина, в возрасте десяти лет унаследовал родовой титул Байронов, их поместье и скамью в палате лордов — аристократической палате британского парламента. Завершив образование в знаменитом Кембриджском университете, молодой лорд отправился в двухлетнее путешествие (он посетил Пиренейский полуостров и Балканы), по возвращении из которого выступил в палате лордов со своей первой речью, направленной на защиту луддитов.

В одном из стихотворений Байрон с предельной краткостью и выразительностью раскрыл существо своего недолгого и блистательного жизненного пути:

Кто драться не может за волю свою,
Чужую отстаивать может.

Непримиримость поэта, посвятившего свой дар защите угнетенных, обездоленных и униженных, вызвала вполне естественную ненависть к нему со стороны правящих кругов Англии. Они подвергли поэта гнусной травле, воспользовавшись бракоразводным процессом Байрона с его первой женой. Суд лишил Байрона прав отцовства. Поэт покинул Англию, оставив на родине дочь и любимую сестру. Он жил в Швейцарии (1816), затем в Италии (1817—1823).

В Италии Байрон вторично женился; его подругой стала патриотка Тереза Гваччиоли. Он принимал непосредственное участие в движении карбонариев и тяжело пережил его разгром. В 1823 году, снарядив на собственные средства военный корабль, он отплыл в Грецию, где шла национально-освободительная война против турецкого господства. Он стал одним из вождей восстания, но неожиданно заболел и умер от лихорадки в греческом городе Миссолунги 19 апреля 1824 года. Сердце Байрона было погребено в Греции, а тело захоронено в Англии в его родовом поместье.

Гениальный поэт-романтик, Байрон с равным блеском владел всеми формами и жанрами поэзии. Его перу принадлежат великолепные образцы интимной, философской и политической лирики, романтические поэмы («Гяур», 1813, «Корсар», 1814, «Парижина», 1816, и др.), драматические поэмы, или мистерии, как их называл Байрон, («Манфред», 1817, «Каин», 1821), поэмы юмористические и сатирические («Беппо», 1818, «Видение суда», 1822, «Бронзовый век», 1823, и др.), исторические трагедии, биографическая проза, сатирико-наравоописательная эпопея в стихах «Дон Жуан» (1818—1823), оставшаяся незавершенной.

Поэма «Паломничество Чайльд Гарольда» состоит из четырех частей (песен). Две первые песни были опубликованы в 1812 году и сразу же прославили автора. (Байрон записал в дневнике: «В одно прекрасное утро я проснулся и увидел себя знаменитым».) Третья песня была опубликована в 1817 году, четвертая — в 1818. Чайльд Гарольд — типично романтический герой; молодой, разочаровавшийся в жизни, в обществе и в людях, скучающий, пресыщенный, не находящий себе пристанища. Столкновения с несправедливостями общества — источник его разочарования, презрения и скорби. Именно этой поэме обязаны своим происхождением выражения «байроновская скорбь» и «байронический герой».

Поэма, задуманная во многом как биографическая хроника скитаний гордого юноши, претерпела в ходе воплощения значительные изменения. Живая история того времени вторгалась в поэму, властно о себе заявляя и отодвигая образ героя на второй, а в последних песнях — уже и вовсе на какой-то дальний план. Идейной основой «Паломничества...» постепенно становился вольнолюбивый пафос, гимн революционным преобразованиям общества.

«Поэт раскрывает перед нами свой внутренний мир. Этот мир отличается большим богатством, сложностью и красотой, ибо лирический герой поэмы наделен способностью чувствовать сильно и страстно, — пишет о «Паломничестве...» советский литературовед А. Аникст. — То звучат слова восхищения женской красотой, то выражается нежное чувство отца к дочери, с которой он разлучен, то воспоминания о неразделенной первой любви, то горечь разочарования в людях. Наряду с элегическими мотивами в поэме не раз возникает гимн силе и мужеству человека. В простых людях, не испорченных буржуазной цивилизацией, Байрон находит подлинное величие, а когда он его не видит у современников, то вспоминает о титанической мощи героев прошлого, будь то афиняне или спартанцы, трибуны республиканского Рима или просветители Вольтер и Руссо. В страстных поисках героических характеров сказывается действенный, революционный характер гуманизма Байрона».

«Корсар» наряду с «Гяуром», «Абидосской невестой» и некоторыми другими поэмами входит в цикл так называемых «Восточных поэм» — произведений, наиболее характерных для романтического метода Байрона. Герой «Корсара» Конрад — личность во всех отношениях исключительная и загадочная. Ничего не известно о его прошлом, неясным остается и конец его пути. Содержание поэмы — изображение грандиозных человеческих страстей на фоне романтически стилизованной экзотики Востока.

Осуждая непомерный индивидуализм Конрада («С большим умом, с поступками глупца», — пишет о нем автор), Байрон в то же время восхищается духом непримиримого бунтарства, который свойствен герою. Конрад, уязвленный несправедливостью общества, объявляет ему войну и замыкается в гордом, неприступном одиночестве. «Корсар» и другие «Восточные поэмы» развивают мотивы, прозвучавшие в первых песнях «Паломничества...». Но пассивный вызов, который бросает миру Чайльд Гарольд своим добровольным изгнанием, в «Корсаре» превращается в своего рода вооруженный мятеж против общества и его законов. Герой страдающий становится героем действующим, герой пресыщенный — героем мстящим. В созданных позднее философских поэмах Байрона бунтарские мотивы «Восточных поэм» переходят в мотивы богоборческие.

Произведения Байрона можно прочитать в изданиях:

Байрон. Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1953.

Д. Г. Байрон. Дон Жуан. Пер. с англ. Г. Шенгели. М., Гослитиздат, 1947.

Джордж Байрон. Дон Жуан. Пер. с англ. Т. Гнедич. М.—Л., «Художественная литература», 1964.

Д. Г. Байрон. Избранное. М., «Детская литература», 1964.

Байрон. Лирика. М., «Художественная литература», 1967.

О жизни и творчестве Байрона см.:

А. А. Елистратова. Байрон. М., Изд-во АН СССР, 1956.

М. Кургиян. Джордж Байрон. М., Гослитиздат, 1958.

Ю. Кондратьев. Д. Г. Байрон. В кн.: Д. Г. Байрон. Избранное. М., «Детская литература», 1964.

ЛИРИКА

ОТРЫВОК

Бесплодные места, где был я сердцем молод,
Анслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью холод
Бунтующей зимы.
Нет прежних светлых мест, где сердце так любило
Часами отдыхать,
Вам небом для меня в улыбке Мэри милой
Уже не заблестать.

1805

Перевод А. Блока

ЛАКИН-И-ГАР¹

Прочь, мирные парки, где, преданы негам,
Меж роз отдыхают поклонники моды!
Мне дайте утесы, покрытые снегом, —
Священны они для любви и свободы!
Люблю Каледонии² хмурые скалы,
Где молний бушует стихийный пожар,
Где, пенясь, ревет водопад одичалый:
Суровый и мрачный люблю Лок-на-Гар!
Ах, в детские годы там часто блуждал я
В шотландском плаще и шотландском берете,
Героев, погибших давно, вспоминал я
Меж сосен седых в вечереющем свете.
Пока не затеплятся звезды ночные,
Пока не закатится солнечный шар,
Блуждал, вспоминая легенды былые,
Рассказы о детях твоих, Лок-на-Гар!

¹ *Лакин-и-Гар* (или Лок-на-Гар) — гора в северной Шотландии.

² *Каледония* — древнее название Шотландии.

«О тени умерших! не ваши ль призывы
 Сквозь бурю звучали мне хором незримым?»
 Я верю, что души геройские живы
 И с ветром летают над краем родимым.
 Царит здесь Зима в ледяной колеснице,
 Морозный туман расстилая, как пар,
 И прадедов тени восходят к царице —
 Почить в грозовых облаках Лок-на-Гар!

«Несчастные войны! разве видений,
 Пророчащих гибель вам, вы не видали?»
 Да, вам суждено было пасть в Куллодене¹,
 И смерть вашу лавры побед не венчали.
 Но все же вы счастливы! Пали вы с кланом,
 Могильный ваш сон охраняет Брэмар²,
 Волянки вас славят по весям и станам!
 И вторись их пению ты, Лок-на-Гар!

Давно я покинул тебя и не скоро
 Вернусь на тропы величавого склона.
 Лишен ты цветов, не пленяешь ты взора
 И все ж мне милей, чем поля Альбиона³!
 Их мирные прелести сердцу несносны:
 В зияющих пропастях больше есть чар!
 Люблю я утесы, потоки и сосны,
 Угрюмый и грозный люблю Лок-на-Гар!

1806

Перевод В. Брюсова

СТРОКИ, АДРЕСОВАННЫЕ ПРЕПОДОБНОМУ ДЖ. Т. БИЧЕРУ⁴ В ОТВЕТ НА ЕГО СОВЕТ АВТОРУ ЧАЩЕ ПОСЕЩАТЬ ОБЩЕСТВО

Милый Бичер! Вы дали мне мудрый совет
 Быть в общенье с людскою толпою.
 Но мой ум с одиночеством свыкся... А свет
 Презираю я всюю душою.

Пусть на подвиг война иль сенат позовут,—
 Честолюбье мой дух растревожит;
 Лишь когда испытания детства пройдут,
 Стану славить я род мой, быть может.

¹ Куллоден — селение в Шотландии, в окрестностях которого шотландские ополченцы были разбиты английскими войсками.

² Брэмар — местность в северной Шотландии.

³ Альбион — древнее название Англии.

⁴ Дж. Т. Бичер — английский священник, знакомый Байрона.

Так незримо бурлит в тайниках глубины
Пламя Эты в пылающей страсти;
Но прорвались потоки, грозны и страшны,—
И смирить их нет силы, нет власти.

Так бурлит жажда славы в груди у меня,
Чтоб она средь потомков окрепла,
Чтоб, как феникс ¹, взлетая на крыльях огня,
Возродился я снова из пепла.

Много б снес я тревог, чтоб прославить себя
Жизнью Фокса иль смертью Чатама ²,
Не была их кончина концом бытия,
Блещет слава их в очи нам прямо.

Для чего же сходиться мне с модной толпой,
Преклонясь пред ее вожаками,
Славословить нелепость трусливой душой
И завязывать дружбу с глупцами?!

Испытал я и сладость и горечь любви,
Рано искренней дружбе поверил.
Обсуждают матроны порывы мои,
И узнал я, что друг лицемерил.

Что богатство?! Оно уничтожится в день
По желанью тирана иль рока;
Что мне титул?— могущества лживая тень;
Только славы я жажду глубоко!

Чужд я лжи, не умею еще до сих пор
Правду я покрывать лаком моды,
Так зачем же терпеть ненавистный надзор
И на глупость растрачивать годы?

1806

Перевод В. Мазуркевича

ХОЧУ Я БЫТЬ РЕБЕНКОМ ВОЛЬНЫМ...

Хочу я быть ребенком вольным
И снова жить в родных горах,
Скитаться по лесам раздольным,
Качаться на морских волнах.

¹ *Феникс* — в древнегреческой мифологии сказочная птица, обладавшая способностью при приближении смерти сгорать в гнезде и потом вновь возрождаться из пепла.

² *Ч. Д. Фокс* — английский политический деятель, современник поэта, который представлялся Байрону борцом за свободу. *Милорд Чатам* — английский политический деятель Вильям Питт-старший, погибший от удара, который случился с ним во время его выступления в парламенте.

Не сжиться мне душой свободной
С саксонской пышной суетой!
Милее мне над зыбью водной
Утес, в который бьет прибой!

Судьба! возьми назад щедроты
И титул, что в веках звучит!
Жить меж рабов — мне нет охоты,
Их руки пожимать — мне стыд!
Верни мне край мой одичалый,
Где знал я грезы ранних лет,
Где реву океана скалы
Шлют свой бестрепетный ответ!

О! я не стар! Но мир, бесспорно,
Был сотворен не для меня!
Зачем же скрыты тенью черной
Приметы рокового дня?
Мне прежде снился сон прекрасный,
Виденье дивной красоты...
Действительность! ты речью властной
Разогнала мои мечты.

Кто был мой друг — в краю далеком,
Кого любил — тех нет со мной,
Уныло в сердце одиноком,
Когда надежд исчезнет рой!
Порой над чашами веселья
Забудусь я на краткий срок...
Но что мгновенный бред похмелья!
Я сердцем, сердцем одинок!

Как глупо слушать рассужденья —
О, не друзей и не врагов! —
Тех, кто по прихоти рожденья
Стал сотоварищем пиров.
Верните мне друзей заветных,
Деливших трепет юных дум,
И брошу оргий дорассветных
Я блеск пустой и праздный шум.

А женщина? Тебя считал я
Надеждой, утешеньем, всем!
Каким же мертвым камнем стал я,
Когда твой лик для сердца нем!
Дары судьбы, ее пристрастья,
Весь этот праздник без конца
Я отдал бы за каплю счастья,
Что знают чистые сердца!

Я изнемог от мук веселья,
Мне ненавистен род людской,
И жаждет грудь моя ущелья,
Где мгла нависнет над душой!
Когда б я мог, расправив крылья,
Как голубь к радостям гнезда,
Умчаться в небо без усылыя
Прочь, прочь от жизни — навсегда!

1806

Перевод В. Брюсова

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПОД СТАРЫМ ВЯЗОМ НА КЛАДБИЩЕ В ХАРРОУ¹

Родная сень! К земле клоня листы,
Под вешним ветром тихо ропщешь ты,
А я один сию в тени твоей,
Где встарь шумел веселый круг друзей,—
Те, кто, быть может, в дальней стороне
О прошлых днях грустят, подобно мне.
Сюда взойдя извилистой тропой,
Как сладостно люблюсь я тобой,
Мой старый вяз, чей шелест влек меня
Мечтать на склоне меркнущего дня!
Здесь надо мною тот же темный свод,
Здесь тот же мир, лишь я теперь не тот.
А ветви тихо стонут в вышине,
О днях былых напоминая мне,
И говорят: пока ты здесь, поэт,
Прими последний дружеский привет!

Я знаю, в час, назначенный судьбой,
Остынет грудь, страстей умрет прибой.
И мнится мне: отрадней смерти ждать —
Ах, если смерть отрадной может стать!
Коль сердцу там могила суждена,
Где лучшие ты ведал времена,
Где молод был, где счастлив был не раз,—
Там будет легче встретить смертный час.
Пускай же здесь, где праздновал весну,
В краю надежд утраченных засну,
Простерт под зыбким пологом листвы,
Благословленный шелестом травы,
Укрытый мхом, знакомым с детских лет,
Покрыт землей, что сберегла мой след,

¹ Харроу — привилегированная закрытая школа, расположенная в местечке, носящем то же имя. Байрон учился в Харроу с 1801 по 1805 год.

Овеян снами юности моей,
Оплаканный друзьями юных дней,
Их тесным кругом в памяти храним —
И позабытый миром остальным.

1807

Перевод В. Левика

РАССТАВАНИЕ

Помнишь, печалась,
Склонясь пред судьбой,
Мы расставались
Надолго с тобой?

В холоде уст твоих,
В сухости глаз
Я уж предчувствовал
Нынешний час.

Был этот ранний
Холодный рассвет
Началом страданий
Будущих лет.

Удел твой — бесчестье.
Молвы приговор
Я слышу — и вместе
Мы делим позор.

В толпе твое имя
Тревожит любой.
Неужто родными
Мы были с тобой?

Тебя называют
Легко, не скорбя,
Не зная, что знаю
Тебя, как себя.

Мы долго скрывали
Любовь свою,
И тайну печали
Я так же таю.

Коль будет свиданье
Дано нам судьбой;
В слезах и в молчанье
Встречусь с тобой!

1808

Перевод С. Маршака

В АЛЬБОМ

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.
И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

1809

Перевод *М. Лермонтова*

ТЕХ ДНЕЙ ЗАБЫТЬ МНЕ НЕ ДАНО..

Тех дней забыть мне не дано,
Когда глубоко и всецело
С тобой мы были заодно
И ты душой моей владела.

С тех пор как ты, лукавый друг,
Впервые мне в любви призналась,
Я претерпел немало мук,
Тебе неведомых, как жалость;

Но нету муки глубже той,
Чем дума о любви ушедшей,
Как ласка лживая, пустой —
В тебе пустой, в тебе отцветшей.

И вдруг — отрада: второпях
Ты с уст недавно обронила,
Что память о минувших днях
Ты в сердце будто сохранила.

О злая, как ты мне мила!
Пускай с любовью ты простилась,
Но, видно, нежность ожила,
Коль память в сердце сохранилась.

От этой мысли мне легко,
Страданий нету и в помине!
Пусть от меня ты далеко,
Ты навсегда моя отныне,

1809

Перевод *Л. Шифферса*

ПЕСНЯ ГРЕЧЕСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

О Греция, восстань!
Сиянье древней славы
Борцов зовет на брань,
На подвиг величавый.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пусть за нами следом
Течет тиранов кровь!

С презреньем сбросьте, греки,
Турецкое ярмо!
Кровью вражеской навеки
Смойте рабское клеймо!

Пусть доблестные тени
Героев и вождей
Увидят возрожденье
Эллады прежних дней.

Пусть встает на голос горна
Копьеносцев древних рать,
Чтоб за город семигорный²
Вместе с нами воевать.

Спарта, Спарта, к жизни новой
Подымайся из руин
И зови к борьбе суровой
Вольных жителей Афин.

Пусть в сердцах воскреснет
И нас объединит
Герой бессмертной песни
Спартанец Леонид³.

Он принял бой неравный
В ущелье Фермопил³
И с горсточкою славной
Отчизну заслонил.

¹ Перевод песни, написанной греческим поэтом-патриотом Константином Ригасом, который был казнен турецким правительством за участие в национально-освободительной борьбе.

² Константинополь.

³ Фермопилы — узкий горный проход в средней Греции, где в 480 году до н. э. немногочисленный военный отряд, во главе которого был спартанский царь Леонид, отразил натиск стотысячного персидского войска.

И, преградив теснины,
Три сотни храбрецов
Омыли кровью львиной
Дорогу в край отцов.

К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за нами следом
Течет тиранов кровь!

1811

Перевод С. Маршака

ОДА АВТОРАМ БИЛЛЯ ПРОТИВ РАЗРУШИТЕЛЕЙ СТАНКОВ

Лорд Эльдон, прекрасно! Лорд Райдер, чудесно! ¹
Британия с вами как раз процветет;
Врачайте ее, управляя совместно,
Заранее зная: лекарство убьет!
Ткачи, негодяи, готовят восстание:
О помощи просят. Пред каждым крыльцом
Повесить у фабрик их всех в назиданье!
Ошибку исправить — и дело с концом ².

В нужде, негодяи, сидят без полушки.
И пес, голодая, на кражу пойдет.
Их вздернув за то, что сломали катушки,
Правительство деньги и хлеб сбережет.
Ребенка скорее создать, чем машину,
Чулки — драгоценнее жизни людской.
И виселиц ряд оживляет картину,
Свободы расцвет знаменуя собой.

Идут волонтеры, идут гренадеры,
В походе полки... Против гнева ткачей
Полицией всё принимаются меры,
И судьи на месте: толпа палачей!
Из лордов не всякий отстаивал пули,
О судьях взывали. Потраченный труд!
Согласья они не нашли в Ливерпуле,
Ткачам осуждение вынес не суд.

¹ Райдер, министр внутренних дел, и Эльдон были ревностными сторонниками кровавого билля (законопроекта), направленного против ткачей.

² Байрон иронизирует над высказыванием лорда Эльдона, который лицемерно назвал кровавую расправу правительства над луддитами «государственной ошибкой».

Не странно ль, что если является в гости
К нам голод и слышится вопль бедняка, —
За ломку машины ломаются кости
И ценятся жизни дешевле чулка?
А если так было, то многие спросят:
Сперва не безумцам ли шею свернуть,
Которые людям, что помощи просят,
Лишь петлю на шее спешат затянуть?

1812

Перевод О. Чюминой

НА ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛЮБВИ

Где родилась любовь? О том
Напрасно спрашиваешь ты.
Она рождается в любви,
Кто увидал твои черты.

И где конец настанет ей,
Провидит сердце наяву:
Влачить ей дни среди скорбей,
Но жить, покамест я живу.

1813

Перевод П. Карна

ИЗ «ЕВРЕЙСКИХ МЕЛОДИЙ» (1814)

ОНА ИДЕТ ВО ВСЕЙ КРАСЕ...

Она идет во всей красе —
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены.
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены.

Прибавить луч иль тень отнять —
И будет уж совсем не та
Волос агатовая прядь,
Не те глаза, не те уста
И лоб, где помыслов печать
Так безупречна, так чиста.

А этот взгляд, и цвет ланит;
И легкий смех, как всплеск морской, —
Все в ней о мире говорит,

Она в душе хранит покой,
И если счастье подарит,
То самой щедрою рукой!

Перевод *С. Маршака*

ДУША МОЯ МРАЧНА...

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.

И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез,
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки,

Страданиями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

Перевод *М. Лермонтова*

ТЫ ПЛАЧЕШЬ...

I

Ты плачешь — светятся слезой
Ресницы синих глаз.
Фиалка, полная росой,
Роняет свой алмаз.

Ты улыбулась — пред тобой
Сапфира блеск погас:
Его затмил огонь живой,
Сиянье синих глаз.

II

Вечерних облаков кайма
Хранит свой нежный цвет,
Когда весь мир объяла тьма
И солнца в небе нет,

Так пелену душевных туч
Твой озаряет взгляд,
Пускай погас последний луч—
В душе горит закат.

Перевод С. Маршак

ТЫ КОНЧИЛ ЖИЗНИ ПУТЬ, ГЕРОЙ!..

Ты кончил жизни путь, герой!
Теперь твоя начнется слава,
И в песнях родины святой
Жить будет образ величавый,
Жить будет мужество твоё,
Освободившее ее.

Пока свободен твой народ,
Он позабыть тебя не в силах.
Ты пал! Но кровь твоя течет
Не по земле, а в наших жилах;
Отвагу мощную вдохнуть
Твой подвиг должен в нашу грудь.

Врага заставим мы бледнеть,
Коль назовем тебя средь боя;
Дев наших хоры станут петь
О смерти доблестной героя;
Но слез не будет на очах:
Плач оскорбил бы славный прах.

Перевод А. Плещеева

СОЛНЦЕ БЕССОННЫХ ¹

Бессонных солнце — скорбная звезда,
Твой влажный луч доходит к нам сюда.
При нет темнее кажется нам ночь.
Ты — память счастья, что умчалось прочь,

Еще дрожит бывшего смутный свет,
Еще мерцает, но тепла в нем нет.
Полночный луч, ты в небе одинок,
Чист, но безжизнен, ясен, но далек!..

Перевод С. Маршак

¹ *Солнце бессонных* — луна.

ИЗ «ОДЫ С ФРАНЦУЗСКОГО»

II

Под Ватерлоо ¹ Наполеон
Пал — но не вами сломлен он!
Когда, солдат и гражданин,
Внимал он голосу дружин
И смерть сама падала нас, —
То был великой славы час!
Кто из тиранов этих мог
Поработить наш вольный стап,
Пока французов не завлек
В силки свой собственный тиран,
Пока, тщеславием томим,
Герой не стал царем простым?
Тогда он пал — так все падут,
Кто сети для людей плетут!

V

Но сердца всех людей
В единенье сильней —
Где столь мощная сила,
Чтоб сплоченных сломила?
Уже слабеет власть мечей,
Сердца забились горячей:
Здесь, на земле, среди народа
Найдет наследников свобода:
Ведь нынче те, что в битвах страждут,
Ее сберечь для мира жаждут;
Ее приверженцы сплотятся,
И пусть тираны не грозятся:
Прошла пора пустых угроз —
Все ближе дни кровавых слез!

1815

Перевод В. Луговского

ПРОСТИ ²

Была пора — они любили,
Но их злодеи разлучили;
А верность с правдой не в сердцах
Живут теперь, но в небесах.
Навек для них погибла радость;

¹ *Ватерлоо* — деревня в Бельгии, близ которой 18 июня 1815 года армии Наполеона I была разбита англо-прусскими войсками после возвращения Наполеона с острова Эльба.

² Написано после бракоразводного процесса Байрона с его первой женой Анной и ей посвящено.

Терниста жизнь, без цвета младость,
И мысль, что розно жизнь пройдет,
Безумства яд им в душу льет...
Но в жизни, им осиротелой,
Уже обоим не сыскать,
Чем можно б было опустелой
Души страдания улаживать.
Друг с другом розно, а тоскою
Сердечны язвы всё хранят;
Так два расторгнутых грозю
Утеса мрачные стоят:
Их бездна моря разлучает,
И гром разит и потрясает,
Но в них ни гром, ни вихрь, ни град,
Ни летний зной, ни зимний холод
Следов того не истребили,
Чем некогда друг другу были.

Колридж, «Кристабел»¹

Прости! И если так судьбою
Нам суждено — навек прости!
Пусть ты безжалостна — с тобою
Вражды мне сердца не снести.

Не может быть, чтоб повстречала
Ты непреклонность чувства в том,
На чьей груди ты засыпала
Невозвратно сладким сном!

Когда б ты в ней насквозь узрела
Все чувства сердца моего,
Тогда бы, верно, пожалела,
Что столько презрела его.

Пусть свет улыбкой одобряет
Теперь удар жестокий твой:
Тебя хвалой он обижает,
Чужою купленной бедой.

Пускай я, очернен бедою,
Себя дал право обвинять,
Но для чего ж убит рукою,
Меня привыкшей обнимать?

¹ *Сэмюэл Тейлор Колридж* (1772—1834) — выдающийся английский поэт-романтик, старший современник Байрона, автор впечатляющих стихотворений и баллад, часто мрачных и скорбных по интонации, и знаменитых поэм «Поэма о старом моряке», «Кубла Хан» и «Кристабел» (две последние остались незаконченными). В поэме «Кристабел», написанной на средневековый сюжет, рассказывается о столкновении прекрасной и чистой Кристабел со злой ведьмой Джеральдиной.

И верь, о, верь! пыл страсти нежной
Лишь годы могут охлаждать;
Но вдруг не в силах гнев мятежный
От сердца сердце оторвать.

Твое то ж чувство сохраняет;
Удел же мой — страдать, любить,
И мысль бессменная терзает,
Что мы не будем вместе жить.

Печальный вопль пад мертвецами
С той думой страшной как сравнять?
Мы оба живы, но вдовцами
Уже нам день с тобой встречать.

И в час, как нашу дочь ласкаешь,
Любуясь лепетом речей,
Как об отце ей намекаешь?
Ее отец в разлуке с ней.

Когда ж твой взор малютка ловит, —
Ее целуя, вспомани
О том, тебе кто счастья молит,
Кто рай нашел в твоей любви.

И если сходство в ней найдется
С отцом, покинутым тобой,
Твое вдруг сердце встрепенется,
И трепет сердца — будет мой.

Мои вины, быть может, знаешь,
Мое безумство можно ль знать?
Надежды — ты же увлекаешь:
С тобой увядшие летят.

Ты потрясла моей душою;
Презревший свет, дух гордый мой
Тебе покорным был; с тобою
Расставшись, расстаюсь с душой!

Свершилось все — слова напрасны,
И нет напрасней слов моих;
Но в чувствах сердца мы не властны,
И нет преград стремленью их.

Прости ж, прости! Тебя лишенный,
Всего, в чем думал счастье зреть,
Истлевший сердцем, сокрушенный,
Могу ль я больше умереть?

ПРОМЕТЕЙ¹

Титан! На наш земной удел,
На нашу скорбную юдоль,
На человеческую боль
Ты без презрения глядел —
Но что в награду получил?
Страданье свыше всяких сил
Да коршуна, что вновь и вновь
Пьет кровь твою — живую кровь,
Скалу, цепей печальный звук,
Невыносимый пламень мук
Да стон, что, в сердце погребей,
Тобой подавленный, затих,
Чтобы о горестях твоих
Богам не смог поведать он.
Титан! Ты знал, что значит бой
С жестокой мукой... ты силен,
Ты пытками не уstraшен,
Но скован яростной судьбой.
Всесильный рок, глухой тиран,
Вселенской злобой обуян,
Творя на радость небесам
То, что стерпеть способен сам,
Тебя от смерти отрешил,
Бессмертья даром наделил.
Ты принял горький дар как честь,
И Громовержец² от тебя
Добиться лишь угрозы смог;
Так был наказан гордый бог;
Свои страданья возлюбя,
Ты не хотел ему прочесть
Его судьбу — но приговор
Открыл ему твой гордый взор.
Он понял твой ответ безмолвный,
И задрожали стрелы молний...
Ты добр — в том твой небесный грех
Иль преступление: ты хотел
Несчастьям положить предел,
Чтоб разум осчастливил всех!
Разрушил рок твои мечты,
Но в том, что не смирился ты,

¹ Прометей — в древнегреческой мифологии один из титанов (детей Неба и Земли), который, послушавшись Зевса, похитил с неба огонь и отдал его людям. За это Зевс обрек его на вечные муки. К. Маркс называл Прометея самым великим святым и мучеником в философском календаре человечества.

² Громовержец — одно из мифологических имен Зевса.

Титан, воитель и борец,
В том, чем была твоя свобода,
Сокрыт величья образец
Для человеческого рода!
Ты символ силы, полубог,
Ты озарил для смертных путь —
Жизнь человека, светлый ток
Бегущий, отмечая муть...
Отчасти может человек
Своих часов предвидеть бег:
Бесцельное существованье,
Сопровиженье, прозябанье...
Но не изменится душа,
Бессмертной твердостью дыша,
И чувство, что умеет вдруг
В глубинах самых горьких мук
Себе награду обрести,
Торжествовать, и презирать,
И Смерть в Победу обращать.

1816

Перевод В. Луговского

СТАНСЫ К АВГУСТЕ¹

Когда время мое миновало
И звезда закатилась моя,
Недочетов лишь ты не искала
И ошибкам моим не судья.
Не пугают тебя передраги,
И любовью, которой черты
Столько раз доверял я бумаге,
Остаешься мне в жизни лишь ты.

Оттого-то, когда мне в дорогу
Шлет природа улыбку свою,
Я в привете не чаю подлога
И в улыбке тебя узнаю.
Когда ж вихри с пучиной воюют,
Точно души, в изгнанье скорбя,
Тем-то воды меня и волнуют,
Что несут меня прочь от тебя.

И хоть рухнула счастья твердыня
И обломки надежды на дне,
Все равно, и в тоске и в унынье
Не бывать их невольником мне.

¹ *Августа Ли* — сводная сестра Байрона.

Сколько б бед ни нашло отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — но себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Ты из смертных, и ты не лукава,
Ты из женщин, но им не чета,
Ты любовь не считаешь забавой,
И тебя не страшит клевета.
Ты от слова не ступишь ни шагу,
Ты в отъезде — разлуки как нет,
Ты на страже, но дружбе во благо,
Ты беспечна, но свету во вред.

Я ничуть его низко не ставлю,
Но в борьбе одного против всех
Навлекать на себя его травлю
Так же глупо, как верить в успех.
Слишком поздно узнав ему цену,
Излечился я от слепоты:
Мало даже утраты вселенной,
Если в горе наградою — ты.

Гибель прошлого, все уничтожа,
Кое в чем принесла торжество:
То, что было всего мне дороже,
По заслугам дороже всего.
Есть в пустыне родник, чтоб напиться,
Деревцо есть на лысом горбе,
В одиночестве певчая птица
Целый день мне поет о тебе.

1816

Перевод *В. Пастернака*

СТАНСЫ

1

Ни одна не станет в споре
Красота с тобой,
И, как музыка на море,
Сладок голос твой!
Море шумное смирилось,
Будто звукам покорилось,
Тихо лоно вод блестит,
Убаюкан, ветер спит.

2

На морском дрожит просторе
Луч луны, блестя,

Тихо грудь вздымает море,
Как во сне дитя.
Так душа полна вниманья,
Пред тобой в очарованье:
Тихо все, но полно в ней,
Будто летом зыбь морей.

1816

Перевод *Н. Огарева*

ПЕСНЯ ДЛЯ ЛУДДИТОВ

Как за морем кровью свободу свою
Ребята купили дешевой ценой¹, —
Поступим мы так же: или сгинем в бою,
Или к вольному все перейдем мы житью,
А всех королей, кроме Лудда, — долой!
Когда ж свою ткань мы соткем и в руках
Мечи на челнок променяем мы вновь, —
Мы саван набросим на мертвый наш страх,
На деспота труп, распростертый во прах,
И саван окрасит сраженного кровь.
Пусть кровь та, как сердце злодея, черна,
Затем, что из грязных текла она жил, —
Она, как роса, нам нужна:
Ведь древо свободы вспоит нам она,
Которое Лудд посадил!

1816

Перевод *И. Холодковского*

НЕ БРОДИТЬ УЖ НАМ НОЧАМИ...

Не бродить уж нам ночами,
Хоть душа любви полна
И по-прежнему лучами
Серебрит простор луна.

Меч сотрет железо ножен,
И душа источит грудь,
Вечный пламень невозможен,
Сердцу нужно отдохнуть.

Пусть влюбленными лучами
Месяц тянется к земле —
Не бродить уж нам ночами
В серебристой лунной мгле.

1817

Перевод *Ю. Вронского и Я. Берлина*

¹ Имеется в виду война за независимость, в результате которой в XVIII веке Америка отделилась от Англии.

СТАНСЫ

Кто драться не может за волю свою,
Чужую отстаивать может.
За греков и римлян в далеком краю
Он буйную голову сложит.

За общее благо борись до конца,
И будет тебе воздаянье.
Тому, кто избегнет петли и свинца,
Пожалуют рыцаря званье ¹.

1820

Перевод С. Маршака

ЭПИГРАММЫ

ЭПИТАФИЯ ВИЛЬЯМУ ПИТТУ ²

От смерти когтей не избавлен,
Под камнем холодным он тлеет;
Он *ложью* в палате ³ прославлен,
Он *ложе* в аббатстве имеет.

1820

Перевод Н. Холодковского

НА СМЕРТЬ ПОЭТА ДЖОНА КИТСА ⁴

Кто убил Джона Китса?
— Я, — ответил свирепый журнал,
Выходящий однажды в квартал. —
Я могу поручиться,
Что убили мы Китса!

¹ Написано в Италии, где Байрон принимал участие в движении карбонариев — членов тайной организации, боровшейся против чужеземного гнета, за воссоединение Италии.

² Вильям Питт-младший — реакционный английский государственный деятель, возглавлял правительство, выступал против революционной Франции. Захоронен в Вестминстерском аббатстве в Лондоне.

³ Имеется в виду палата общин британского парламента.

⁴ Написано летом 1821 года. Замечательный английский поэт-романтик Джон Китс (1795—1821) в своих стихотворениях и поэмах воспевал идеал красоты в природе, человеке и искусстве. Светлая гармония, душевная раскованность и внутренняя свобода поэзии Китса навлекли на него травлю реакционных литературных кругов. Эта травля, в которой приняли участие консервативная пресса (в том числе и журнал «Квартальное обозрение») и пресмыкавшиеся перед властями литераторы (Байрон упоминает поэта Роберта Саути, Барро и Мильмэна), несомненно, приблизила трагическую смерть Китса.

Кто стрелял в него первый?
— Я, — сказали в ответ
Бэрро, Саути и Мильман, священник-поэт. —
Я из критиков первый
Растерзал ему нервы!

1821

Перевод С. Маршака

НА САМОУБИЙСТВО БРИТАНСКОГО МИНИСТРА КЭСТЛЬРИ¹

1

О Кэстльри, ты — истый патриот.
Герой Катон погиб за свой народ,
А ты отчизну спас не подвигом, не битвой —
Ты злейшего ее врага зарезал бритвой.

2

Что? Перерезал глотку он намерен?
Жаль, что свою он полоснул последней!

3

Зарезался он бритвой, но заранее
Он перерезал глотку всей Британии.

1822

Перевод С. Маршака

ИЗ ДНЕВНИКА В КЕФАЛОНИИ²

Встревожен мертвых сон — могу ли спать?
Тираны давят мир — я ль уступлю?
Созрела жатва — мне ли медлить жать?
На ложе — колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...

1823

Перевод А. Блока

¹ *Кэстльри* — английский министр, один из наиболее решительных сторонников реакции в Европе и приверженец «Священного союза», покончил жизнь самоубийством.

² *Кефалония* — остров в Ионическом море; здесь Байрон останавливался по пути в Миссолунги (Греция).

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА О ГРЕЦИИ

Что мне твои все почести и слава,
Народ-младенец, прежде или впредь,
Хотя за них отдать я мог бы, право,
Все, кроме лавров,— мог бы умереть!
В тебя влюблен я страстно! Так, пленяя,
Влечет бедняжку птичку взор змеи —
И вот спустилась пташка, расправляя
Навстречу смерти крылышки свои...
Всесильны ль чары, слаб ли я пред ними
Но побежден я чарами твоими...

1824

Перевод *Н. Холодковского*

ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛД ГАРОЛЬДА

ИЗ ПЕСНИ ПЕРВОЙ

* * *

Не ты ль слыла небесной в древнем мире,
О муза, дочь поэзии земной,
И не тебя ль бесчестили на лире
Все рифмачи преступною рукой!
Да не посмеют твой смутить покой!
Хоть был я в Дельфах¹, слушал, как в пустыне
Звенит твой ключ серебряной волной,
Простой рассказ мой начиная ныне,
Я не дерзну вызывать о помощи к богине.

* * *

Жил в Альбионе юноша. Свой век
Он посвящал лишь развлечениям праздным.
В безумной жажде радостей и нег,
Распутством не гнушаясь безобразным,
Душою предан низменным соблазнам,
Но чужд равно и чести и стыду,
Он в мире возлюбил многообразном,
Увы! лишь кратких связей череду
Да собутыльников веселую орду.

¹ Дельфы — город в древней Греции на склоне горы Парнас, на которой, по верованиям древних греков, обитали Аполлон (Феб) — бог солнца, покровитель наук и искусств, и девять муз — богинь-сестер, олицетворявших различные искусства. В Дельфах находился храм Аполлона, где жрица (пифия) произносила свои прорицания, предсказывала судьбу. В переносном смысле Парнас — поэзия, мир поэзии; Муза — поэтическое творчество или источник вдохновения поэта. Кастальский ключ — в древнегреческих сказаниях источник, вода которого вдохновляла поэтов.

* * *

Он звался Чайльд¹ Гарольд. Не все равно ли,
Каким он вел блестящим предкам счет!
Хоть и в гражданстве и на бранном поле
Они снискали славу и почет,
Но осрамит и самый лучший род
Один бездельник, развращенный ленью.
Тут не поможет ворох льстивых од,
И не придашь, хвалясь фамильной сенью,
Пороку — чистоту, невинность — преступленью.

* * *

Вступая в девятнадцатый свой год,
Как мотылек, рёзвился он, порхая,
Не помышлял о том, что день пройдет
И холодом повеет тьма ночная.
Но вдруг в расцвете жизненного мая
Заговорило пресыщенье в нем,
Болезнь ума и сердца роковая,
И показалось мерзким все кругом:
Тюрьмою — родина, могилой — отчий дом.

* * *

Он совести не знал укоров строгих
И слепо шел дорогою страстей.
Любил одну — прельщал любовью многих,
Любил — и не назвал ее своей.
И благо ускользнувшей от сетей
Развратника, что, близ жены скучая,
Бежал бы вновь на буйный пир друзей
И, новые угоды расточая,
Чуждался б радостей супружеского рая.

* * *

Но в сердце Чайльд глухую боль унес,
И наслаждений жажда в нем остыла,
И часто блеск его внезапных слез
Лишь гордость возмущенная гасила.
Меж тем тоски язвительная сила
Звала покинуть край, где вырос он,
Чужих небес приветствовать светила.
Он звал печаль, весельем пресыщен,
Готов был в ад бежать, но бросить Альбион.

¹ Чайльд — в средневековой Англии титул молодого дворянина, еще не посвященного в рыцарское звание; соответствует старорусскому «бтрок». Байрон подчеркивает здесь древность рода героя.

* * *

И в жажде новых мест Гарольд умчался,
Покинув свой почтенный старый дом,
Что сумрачной громадой возвышался,
Весь почерневший и покрытый мхом.
Назад лет сто он был монастырем,
И ныне там плясали, пели, пили,
Совсем как в оны дни, когда тайком,
Как повествуют нам седые были,
Святые пастыри с красотками кутили.

* * *

Но часто в блеске, в шуме людных зал
Лицо Гарольда муку выражало.
Отвергнутую ль страсть он вспоминал
Иль чувствовал вражды смертельной жало,—
Ничье живое сердце не узнало.
Ни с кем не вел он дружеских бесед,
Когда унынье душу омрачало.
В часы раздумий, в дни сердечных бед
Презрением он встречал сочувственный совет.

* * *

И в мире был он одиноч. Хоть многих
Поил он щедро за столом своим,
Он знал их, прихлебателей убогих,
Друзей на час,— он ведал цену им.
И женщинами не был он любим.
Но, боже мой, какая не сдается,
Когда мы блеск и роскошь ей сулим!
Так мотылек на яркий свет несется,
И плачет ангел там, где сатана смеется.

* * *

У Чайльда мать была, но наш герой
Собравшись бурной ввериться стихии,
Ни с ней не попрощался, ни с сестрой,
Единственной подругой в дни былые.
Ни близкие не знали, ни родные,
Что едет он. Но то не черствость, нет;
Хоть отчий дом он покидал впервые,
Уже он знал, что сердце много лет
Хранит прощальных слез неизгладимый след.

* * *

Наследство, дом, поместья родовые,
Прелестных дам, чей смех он так любил,

Чей синий взор, чьи локоны золотые
В нем часто юный пробуждали пыл,
С которыми святой бы согрешил,
Вином бесценным полные стаканы, —
Все то, чем роскошь радует кутил,
Он променял на ветры и туманы,
На рокот южных волн и варварские страны.

* * *

Дул свежий бриз, шумели паруса,
Все дальше в море судно уходило,
Бледнела скал прибрежных полоса,
И вскоре их пространство поглотило.
Быть может, сердце Чайльда и грустило,
Что повлеклось в неведомый простор,
Но слез не лил он, не вздыхал уныло,
Как спутники, чей увлажненный взор,
Казалось, обращал к ветрам немой укор.

* * *

Когда же солнце волн коснулось краем,
Он лютию¹ взял, которой он привык
Вверить все то, чем был обуреваем,
Равно и в горький и в счастливыи миг,
И на струнах отзывчивых возник
Протяжный звук, как сердца стон печальный,
И Чайльд запел, а белокрылый бриг
Летел туда, где ждал их берег дальный,
И в шуме темных волн тонул напев прощальный.

Прости, прости! Все крепнет шквал,
Все выше вал встает,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Плывем на запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!
Промчится ночь, оно взойдет
Сиять другому дню.
Увижу море, небосвод,
Но не страну мою.
Погас очаг мой, пуст мой дом,
И двор травой зарос.

¹ Лютия — старинный щипковый музыкальный инструмент.

Мертво и глухо все кругом,
Лишь воет старый пес.

Мой паж, мой мальчик, что с тобой?
Я слышал твой упрек.
Иль так напуган ты грозой,
Иль на ветру продрог?
Мой бриг надежный крепко спит,
Ненужных слез не лей.
Быстрейший сокол не летит
Смелей и веселей.

«Пусть воет шквал, бурлит вода,
Грохочет в небе гром, —
Сэр Чайльд, все это не беда.
Я плачу о другом.
Отца и мать на долгий срок
Вчера покинул я,
И на земле лишь вы да бог
Теперь мои друзья.

Отец молитву произнес
И отпустил меня,
Но знаю, мать без горьких слез
Не проведет и дня».
Мой паж, дурные мысли прочь,
Разлуки минет срок!
Я сам бы плакал в эту ночь,
Когда б я плакать мог.

Мой латник верный, что с тобой?
Ты мертвеца бледней.
Предвидишь ты с французом бой,
Продрог ли до костей?
«Сэр Чайльд, привык я слышать гром
И не бледнеть в бою,
Но я покинул милый дом,
Любимую семью.

Жена стоит на берегу
И, плача, вдаль глядит.
Ответить сыну не могу —
Мой зов не долетит...»
Ты прав, мой верный друг, ты прав,
Понятна скорбь твоя,
Но у меня беспечный нрав,
Смеюсь над горем я.

Я знаю, слезы женщин — вздор,
В них постоянства нет.
Другой придет, пленит их взор,
И слез пропал и след.
Мне ничего не жаль в былом,
Не страшен бурный путь,
Но жаль, что, бросив отчий дом,
Мне не о ком вздохнуть.

Вверяюсь ветру и волне,
Я в мире одинок.
Кто может вспомнить обо мне?
Кого б я вспомнить мог?
Мой пес поплачет день-другой,
Разбудит воем тьму
И станет первому слугой,
Кто бросит кость ему.

Наперекор грозе и мгле,
В дорогу, рулевой!
Веди корабль к любой земле,
Но только не к родной!
Привет, привет, морской простор,
И вам — в конце пути —
Привет, леса, пустыни гор!
Британия, прости!

* * *

Плывет корабль унылых вод равниной,
Шумит Бискайи пасмурный залив.
На пятый день из волн крутой вершиной,
Усталых и печальных ободрив,
Роскошной Синтры ¹ горный встал массив.
Вот, моря данник, меж холмов покатых
Струится Тахо ², быстр и говорлив.
Они плывут вдоль берегов богатых,
Где волнам вторит шум хлебов, увы, нежатых.

* * *

Неизъяснимой полон красоты
Весь этот край, обильный и счастливый,
Роскошны здесь деревья и цветы,
Прекрасны пышно зреющие нивы,
И берега, и синих рек извивы.

¹ Синтра — город и горный кряж в Португалии.

² Тахо — река, протекающая в Испании и Португалии.

Но в эту землю вторглись палачи,
Срази, о небо, род их нечестивый!
Все молнии, все громы ополчи,
Избавь Эдем¹ земной от галльской саранчи!²

* * *

Куда ни глянешь — в чаще, близ дороги,
Стоят кресты. Их трепетной рукой
Не в час молитв, не в помыслах о боге
Воздвигли здесь. Насилье и разбой
На этот край набег свершили свой,
Земля внимала жертв предсмертным стонам,
И вопиют о крови пролитой
Кресты под равнодушным небосклоном,
Где мирный труженик не огражден законом.

* * *

...На пышный дол глядят с крутых холмов
Руины, о былом напоминая.
Где был князей гостеприимный кров,—
Там ныне камни и трава густая.
Вон замок тот, где жил правитель края,
И ты, кто был так сказочно богат,
Ты, Ватек³, создал здесь подобье рая,
Не ведая средь царственных палат,
Что все богатства — тлен и мира не сулят.

* * *

Ты пышный дом воздвигнул здесь, в долине,
Для радостей, для нег и красоты.
Но запустеньем все сменилось ныне,
Бурьян раскинул дикие кусты.
И твой дворец — он одинок, как ты.
Обрушен свод, остались только стены,
Как памятники брэнной суеты.
Не все ль услады бытия мгновенны?
Так на волне блеснет и тает стужок пены.

* * *

... И в смутных думах все вперед, вперед
Меж горных круч смятенный Чайльд стремится.
Он рад уйти, бежать от всех красот,

¹ Эдем — согласно библейской легенде, земной рай, из которого были изгнаны прародители — Адам и Ева.

² Байрон имеет в виду французские наполеоновские войска, вторгшиеся в Испанию с целью захватить ее и присоединить к Франции.

³ Ватек — герой одноименного романа английского писателя В. Бэкфорда, современника Байрона.

Он рвется вдаль, неутомим, как птица.
Иль совесть в нем впервые шевелится?
Да, он клянет пороки буйных лет,
Он юности растраченной стыдится,
Ее безумств и призрачных побед.
И мрачен тусклый взор, узревший правды свет.

* * *

Коня, коня! Тоской гонимый снова,
Хотя природа неги здесь полна,
Не соблазненный призраком былого,
Он ищет не любовниц, не вина,
Но многие края и племена
Изведает беглец неугомонный,
Пока не станет цель ему ясна,
Пока, остывший, жизнью умудренный,
Он мира не найдет под кровлей благосклонной.

* * *

...Холмы все реже, местность все ровней,
Бедней поля, и зелень уж другая.
И вот открылась даль пустых степей,
И, кажется, им нет конца и края.
Пред ним земля Испании нагая,
Где и пастух привык владеть клинком,
Бесценные стада оберегая.
В соседстве с необузданным врагом
Испанец должен быть солдатом или рабом.

* * *

...Испания! Страна бессмертной славы!
Где знамя то, с которым в бой ты шла,
Когда предатель поднял меч кровавый,
И с гор вода багровая текла,
И павшим готам не было числа?
Где знамя то, с которым бороздила
Пучины вод и мавров ты гнала,
Крестом их полумесяц победила
И берег Африки их воплями будила?

* * *

Теперь лишь в песнях — отзвук тех побед¹.
Таков героя жребий благородный:

¹ Байрон имеет в виду испанские народные песни, легенды и сказания, которые запечатали многовековые освободительные войны испанцев с маврами — арабами, переселившимися из Северной Африки на Пиренейский полуостров.

Пусть умерли деянья прошлых лет,
Они хранимы памятью народной.
Смири, о гордость, свой порыв бесплодный,
Лишь песня — победителя венец.
Истлел пергамент, мрамор пал холодный,
Историк лжет, и спит во гробе льстец,
Но помнит прадедов бесхитростный певец.

* * *

Летите в бой, испанцы! Мщенье, мщенье!
Богиня славы рыцарей зовет.
Пусть не копьём разит она в сраженье,
Плюмажем красным туч не достает,
Но, свистом пуль означив свой полет,
Ощерив жерла пушек роковые,
Она сквозь пламень кличет вас: вперед!
Иль зов ее слабей, чем в дни былые,
Когда он вдохновлял сынов Андалусии?!

* * *

Я слышу звук металла и копыт
И крики битвы в зареве багряном —
То ваша кровь чужую сталь поит,
То вас зовет Свобода в бой с тираном!
Месть! Месть врагам, от вашей крови пьяным!
Грохочут залпы на высотах гор,
И нет конца увечиям и ранам,
Как буря, смерть летит во весь опор,
И ярый бог войны приветствует раздор.

* * *

...Великолепно зрелище сраженья
(Когда ваш друг в него не вовлечен).
О, сколько блеска, грома и движенья!
Цветные шарфы, пестрый шелк знамен,
Сверкает хищно сталь со всех сторон,
И псы летят, добычу настигая.
Не всем триумф, но всем — веселый гон,
Всем будет рада мать-земля сырая,
И скалит зубы смерть, свои войска считая.

* * *

Три знамени вызывают к небесам,
Три языка воздвигли спор ужасный.
Француз, испанец, бритт сразились там,—

Враг, жертва и союзник тот опасный¹,
Что всех прельщает помощью напрасной.
У Талаверы, смерть ища в бою
(Как будто ей мы дома не подвластны),
Сошлись опи, чтоб кровь пролить свою,
Дать жирный тук полям и пищу воропыю².

* * *

И здесь им тлеть — глупцам, прельщенным
славой

И славы удостоенным в гробах!
О, бред! Орудья алчности кровавой —
Их тысячи тиран бросает в прах,
Свой воздвигая трон на черепах, —
Спроси, зачем — во имя сновиденья!
Он властвует, пока внушает страх,
Но стапет сам добычей смрадной тленья,
И тесный гроб ему заменит все владенья.

* * *

...И вот Севилью видит пилигрим³.
Еще блистает буйной красотою
Свободный город, но уже над ним
Насилье кружит. Огненной пятою
Войдет тиран, предаст его разбою
И грабежу. О, если б смертный мог.
Бороться с неизбежною судьбою!
Не пала б Троя, Тир⁴ не изнемог,
Добро не гибло бы, не властвовал порок.

* * *

Но, близящихся бед не созная,
Еще Севилья пляшет и поет,
Веселая, беспечная, живая.
Что этим патриотам их народ!
Воркуют лютни, барабан не бьет,
Над всем царит веселье молодое,
Разгул свершает поздний свой обход,
И преступленье крадется ночное
Вдоль стен, дряхлеющих в торжественном покое.

¹ *Опасный союзник* — Англия, находившаяся в военном союзе с Испанией, против которой выступила Франция.

² Речь идет о битве при городе Талавера 27—28 июля 1809 года.

³ Байрон посетил Севилью летом 1809 года, а в январе 1810 года город был взят французскими войсками.

⁴ *Тир* — древний финикийский город, уничтоженный Александром Македонским после длительной осады.

* * *

Не то крестьянин. С бледною женой,
Ночей не спит он в страхе и в печали.
Их виноградник вытоптан войной,
В селе давно фанданго ¹ не плясали.
Звезда любви восходит, но едва ли
Раздастся дробь веселых кастаньет...
Цари, цари! Когда б вы только знали
Простое счастье — смолк бы гром побед,
Не бил бы барабан, предвестник стольких бед!

* * *

Какою пыне песней оживляет
Погонщик мулов долгий переход?
Любовь ли, веру, честь ли прославляет,
Как в старину, когда не знал забот?
Нет, он теперь «Viva el Rey» ² поет.
Но вдруг, Годоя ³ вспомнив, хмурит брови
И Карла рогоносного клянет,
А с ним — его Луизу, в чьем алькове
Измена родилась, алкающая крови.

* * *

Среди равнины голой, на скале,
Чернеют стены мавританских башен.
Следы копыт на раненой земле,
Печать огня на черном лике пашен.
Здесь орды вражьи, грозен и бесстрашен,
Андалусийский селянин встречал,
Здесь кровью гостя был не раз окрашен
Его клинок, когда на гребнях скал
Драконы логова он дерзко штурмовал.

* * *

Здесь, не надев на шляпу ленты красной,
Не смеет появиться пешеход.
Когда ж дерзнет — раскается несчастный:
То будет знак, что он не патриот.
А нож остер, он мимо не скользнет!
О Франция! давно бы ты дрожала,
Когда б имел хоть ружья здесь народ,
Когда б от взмаха гневного кинжала
Тупели тесаки и пушка умолкала.

¹ *Фанданго* — испанский народный танец.

² «Да здравствует король!» (*исп.*).

³ *Годой Манюэль* — испанский государственный деятель, фаворит королев, в конце XVIII — начале XIX века фактически правивший страной. После вторжения Наполеона был вынужден спасаться бегством.

* * *

С нагих высот Море́ны¹ в хмурый дол
Стволы орудий смотрят, выжидая.
Там бастион, тут ямы, частокол,
Там ров с водой, а там скала крутая
С десятком глаз внимательных вдоль края,
Там часовой с опущенным штыком,
Глядят бойницы, дулами сверкая,
Фитиль зажжен, и конь — под чепраком²,
И ядра горками уложены кругом.

* * *

...Ужель вам смерть судьба определила,
О юноши, Испании сыны!
Ужель одно: покорность иль могила,
Тирана власть иль гибель всей страны?
Вы стать подножьем деспота должны!
Где бог! Иль он не видит вас, герои,
Иль стоны жертв на небе не слышны,
Иль тщетно все: искусство боевое,
Кровь, доблесть, юный жар, честь, мужество
стальное!

* * *

Не оттого ль для гибельной игры
Гитару дочь Испании презрела,
Повесила на иву до поры
И с песней, в жажде доблестного дела,
С мужами рядом в битву полетела?
Та, кто, иголкой палец уколов
Или заслышав крик совы, бледнела,
По грудам мертвых тел, под лязг штыков
Идет Минервой там, где дрогнуть Марс готов!³

* * *

Ты слушаешь — и ты пленен! Но, боже,
Когда б ты знал, какой была она
В кругу семьи, в саду на мшистом ложе!
Как водопад — волос ее волна,
Бездонна глаз лучистых глубина,
Прелестен смех, живой и нестесненный, —

¹ *Сьерра-Морена* — горная гряда на юге Испании.

² *Чепрак* — суконная или ковра́вая подстилка под седло.

³ *Минерва* (Афина Паллада) — в древнегреческой мифологии богиня мудрости, богиня-воительница. *Марс* — бог войны.

И слово меркнет, кисть посрамлена!
Но вспомни Сарагоссы бастионы,
Где веселил ей кровь мертвящий взгляд Горгоны!¹

* * *

Любимый ранен — слез она не льет.
Пал капитан — она ведет дружину.
Свои бегут — она кричит: вперед!
И натиск новый смёл врагов лавину.
Кто облегчит сраженному кончину?
Кто отомстит, коль лучший воин пал?
Кто мужеством одушевит мужчину? —
Все, все она! Когда надменный галл
Пред женщинами столь позорно отступал!

* * *

...О ты, Парнас! Ты мне сияешь въяве,
Не свиденьем беглым, не мечтой,
Но здесь, во всей тысячелетней славе,
Запечатленный дикой красотой,
На этой почве, древней и святой.
Могу ль я, твой паломник, о могучий,
Тебя хоть краткой не почтить хвалой!
О, пусть услышу отклик твой певучий,
И муза крыльями взмахнет над снежной кручей!

* * *

Как часто мне являлся ты во сне!
Я слышал звуки древних песнопений,
И час настал, и ты открылся мне,
Я трепещу, и клонятся колени.
Вокруг меня певцов бессмертных тени,
И стыдно мне за слабый голос мой.
О, где найти слова для восхвалений!
И, бледный, умиленный и немой,
Я тихо радуюсь: Парнас передо мной!

* * *

Сколь многие тебя в восторге пели,
Ни разу не видав твоих высот,
Не посетив страны твоей, — так мне ли
Сдержат порыв, когда душа поет!
Пусть Аполлон покинул древний грот,
Где муз был трон, там ныне их гробница, —

¹ Горгона — в древнегреческой мифологии женщина со змеями вместо волос на голове. От взгляда Горгоны человек превращается в камень,

Но некий дух прекрасный здесь живет,
Он в тишине лесов твоих таится
И вздохи ветру шлет и в глубь озер глядится.

* * *

...Но пред тобой иль средь окрестных гор,
Хотя бы в дни Эллады золотые,
Когда гремел еще дельфийский хор,
Звучали гимны пифии святые,—
Являлись разве дсвы молодые
Прекрасней тех, что дивно расцвели
Средь пылких нег в садах Андалусий!
О, если б мир им боги принесли,
Хоть горький мир твоей, о Греция, земли!

* * *

Горда Севилья роскошью и славой,
Бессмертной славой древней красоты,
И все ж ты лучше, Кадикс многоглавый,
Хоть похвалы едва ль достоин ты.
Но чьей порок не соблазнял мечты,
Кто не блуждал его тропой опасной,
Пока блистали юности цветы?
Вампир¹ с улыбкой херувима ясной,
Для каждого иной, для всех равно прекрасный!

* * *

...С утра до ночи, с ночи до утра
Здесь праздный люд на улицах толпится.
Плащи, мантильи², шляпы, веера,
Гирлянды роз, — весь город веселится,
Повсюду смех и праздничные лица,
Умеренность на стыд обречена.
Приехал — можешь с трезвостью проститься!
Здесь царство песни, пляски и вина,
И, верите, любовь с молитвою дружна.

* * *

Воскресный день настал, о христиане!
Пустеет Лондон в этот день святой,
Принарядясь, идут гулять мещане,
Выходит смывший грязь мастеровой
В неделю раз на воздух полевой.
А по предместьям мчится и грохочет

¹ *Вампир* — сказочный мертвец-оборотень, которой выходит из могилы и сосет кровь живых людей.

² *Мантилья* — длинная кружевная женская накидка.

Карет, ландо¹, двуколок шумный рой.
И конь, устав, уже идти не хочет,
А пеший грубиян глумится и хохочет.

* * *

...Один с утра на Темзу поспешил,
Другой пешком поплелся на заставу,
Тех манит Хайгет или Ричмонд-Хилл,
А этот в Вер повел друзей ораву².
По сердцу всяк найдет себе забаву.
Тем невтерпеж почтить священный рог,
А тем попить и погулять на славу,
И, смотришь, пляшут, не жалея ног,
С полночи до утра и тянут эль и грог³.

* * *

Безумны все, о Кадикс, по тобою
Побит рекорд. На башне девять бьет,
И тотчас, внемля колокола бою,
Твой житель четки набожно берет.
Грехам у них давно потерян счет,
И все у Девы просят отпущенья
(Ведь Дева здесь одна на весь народ),
И в цирк несутся все без исключенья:
Гранд⁴, нищий, стар и млад — все жаждут

развлеченья.

* * *

Ворота настежь, в цирке уж полно,
Хотя еще сигнала не давали.
Кто опоздал, тем сесть не суждено,
Мелькают шпаги, ленты, шляпы, шали.
Все дамы, все на зрелище попали!
Они глазами так и целят в вас,
Подстрелят мигом, но убьют едва ли
И, ранив, сами вылечат тотчас
(Мы гибнем лишь в стихах из-за прекрасных глаз).

* * *

Но стихло все. Верхом, как отлитые,
Въезжают пикадоры из ворот.
Плюмаж их белый, шпоры золотые,

¹ Ландо — четырехместная карета с откидным верхом.

² Хайгет, Ричмонд-Хилл, Вер — дачные места под Лондоном.

³ Эль — крепкое светлое пиво; грог — горячий напиток из коньяка или рома с сахаром.

⁴ Гранд — испанский дворянин.

Оружье — пика, конь храпит и ржет.
С поклопом выступают все вперед.
По кругу — вскачь, и шарф над каждым вьется.
Их четверо. Кого ж награда ждет?
Кого толпа почтит как полководца,
Кому восторженно испанка улыбнется?

* * *

В середине круга — пеший матадор.
Противника надменно ждет он к бою.
Он облачен в блистательный убор,
Он шпагу держит сильною рукою.
Вот пробует медлительной стопою,
Хорош ли грунт. Удар его клинка —
Как молния. Не нужен конь герою,
Надежный друг, что на рогах быка
Нашел бы смерть в бою, но спас бы седока.

* * *

Трубят протяжно трубы, и мгновенно
Цирк замер. Лязг засова, взмах флажком —
И мощный зверь на желтый круг арены
Выносится в пролет одним прыжком.
На миг застыл. Не в бешенстве слепом,
Но словно целясь грозными рогами,
Идет к врагу. Могучим бьет хвостом,
Взметаает гравий и песок ногами
И яростно косит багровыми зрачками.

* * *

Но вот он стал. Дорогу дай, смельчак,
Иль ты погиб! Вам биться, пикадоры!
Смертелен здесь один неверный шаг,
Но ваши кони огненны и скоры.
На шкуре зверя чертит кровь узоры,
Свист бандериллий¹, пик разящих звон!
Бык повернул, идет — скорее шпоры!
Гигантский круг описывает он
И мчится, бешенством и болью ослеплен.

* * *

И вновь назад! Бессильны пики, стрелы,
Конь, раненый, взвываясь, дико ржет.
Наездники уверены и смелы,
Но тут ни сталь, ни сила не спасет.

¹ *Бандерилля* — небольшое копьё, употребляемое при бое быков.

Ужасный рог вспорол коню живот,
Другому — грудь. Как рана в ней зияет!
Разверст очаг, где жизнь исток берет.
Копь прынул, мчится, враг его бросает,
И, рухнув, гибнет он, но всадника спасает.

* * *

Средь конских трупов, бандериллий, пик,
Изранен, загнан, изнурен борьбою,
Стоит, храпя, остервенелый бык,
А матадор взвывает над собою
Свой красный шарф, он дразнит, нудит к бою,
И вдруг прыжок, и вражий прорван строй,
И бык летит сорвавшейся горою.
Напрасно! Брошен смелою рукой,
Шарф хлещет по глазам; взмах, блеск,
и кончен бой.

* * *

Где сращена с затылком мощным шея,
Там входит сталь. Мгновенье медлит он,
Не хочет, гордый, пасть к ногам злодея,
Не выдаст муки ни единый стон.
Но вот он рухнул, и со всех сторон
Ревут, вопят, ликуют, бьют в ладони.
Въезжает воз, четверкой запряжен.
Втащили тушу, и в смятенье кони,
Рванув, во весь опор бегут, как от погони,

* * *

Так вот каков испанец! С юных лет
Он любит кровь и хищные забавы.
В сердцах суровых состраданья нет,
И живы здесь жестоких предков нравы.
Кипят междоусобные расправы.
Уже я мнил, война народ сплотит, —
Увы! блюдя обычай свой кровавый,
Здесь другу мстят из-за пустых обид,
И жизни теплый ключ в глухой песок бежит.

* * *

Но ревность, заточенные красотки,
Невольницы богатых стариков,
Дуэньи¹, и запоры, и решетки —
Все минуло, все ныне — хлам веков.

¹ Дуэнья — в Испании — пожилая женщина, назначаемая в «компань-онки» девушке или молодой женщине и следящая за каждым ее шагом.

Чьи девы так свободны от оков,
Как (до войны) испанка молодая,
Когда она плясала средь лугов
Иль пела песнь, венок любви сплетая,
И ей в окно луна светила золотая!

* * *

Гарольд не раз любил, иль видел сон —
Да, сон любви: любовь ведь сновиденье.
Но стал угрюмо равнодушным он.
Давно в своем сердечном охлажденье
Он понял: наступает пробужденье,
И пусть надежды счастье нам сулят,
Кончается их яркое цветенье,
Волшебный, исчезает аромат.
И что ж останется? Кипящий в сердце яд.

* * *

В нем прелесть женщин чувства не будила,
Он стал к ним равнодушной мудреца,
Хотя его не мудрость охладила,
Свой жар высокий льющая в сердца.
Изведав все пороки до конца,
Он был страстями, что отбужевали,
И пресыщеньем обращен в слепца,
И жизнеотрицающей печали
Угрюмым холодом черты его дышали,

* * *

Он в обществе был сумрачен и хмур,
Хоть не питал вражды к нему. Бывало,
И песнь споев и протанцует тур,
Но сердцем в том участвовал он мало,
Лицо его лишь скуку выражало.
Но раз он бросил вызов сатане.
Была весна, все радостью дышало,
С красавицей сидел он при луне
И стапсы ей слагал в вечерней тишине,

ИНЕССЕ

Не улыбайся мне, не жди
Улыбки странника ответной.
К его бесчувственной груди
Не принимай в печали тщетной,

Ты не разделишь, милый друг,
Страдания дней его унылых.
Ты не поймешь причины мук,
Которым ты помочь не в силах.

Когда бы ненависть, любовь
Иль честолюбье в нем бродило!
Нет, не они велят мне вновь
Покинуть все, что сердцу мило.

То скука, скука! С давних пор
Она мне сердце тайно гложет.
О, даже твой прекрасный взор,
Твой взор его развлечь не может!

Томим сердечной пустотой,
Делю я жребий Агасфера¹.
И в жизнь за гробовой чертой,
И в эту жизнь иссякла вера.

Бегу от самого себя,
Ищу забвенья, но со мною
Мой демон злобный — мысль моя,
И в сердце места нет покою.

Другим все то, что скучно мне,
Дает хоть призрак наслажденья.
О, пусть пребудут в сладком сне,
Не зная муки пробужденья!

Проклятьем прошлого гоним,
Считаюсь без друзей, без дома.
И утешаюсь тем одним,
Что с худшим сердце уж знакомо.

Но с чем же? — спросишь ты. О нет,
Молчи, дитя, о том ни слова!
Взгляни с улыбкой мне в ответ,
Но сердца не пытай мужского.

* * *

Прости, прости, прекрасный Кадикс² мой!
Напрасно враг грозил высоким стенам,

¹ *Агасфер* — «Вечный жид», по преданию, бессмертный и осужденный, не находя себе пристанища, скитаться по земле «до скончания веков».

² Кадикс прославился как неприступная крепость во время освободительной войны 1807—1814 годов. Байрон напоминает, что этот город был цитаделью испанской независимости и в период борьбы с маврами.

Ты был средь бурь незыблемой скалой,
Ты незнаком с покорностью и пленом.
И если, гневом распален священным,
Испанца кровь дерзал ты проливать, —
То суд был над изменником презренным¹,
Но изменить могла здесь только знать,
Лишь рыцарь был готов чужой сапог лобзать.

* * *

Испания, таков твой жребий странный!
Народ-невольник встал за вольность в бой.
Бежал король, сдаются капитаны,
Но твердо зная держит рядовой.
Пусть только жизнь дана ему тобой,
Ему, как хлеб, нужна твоя свобода.
Он все отдаст за честь земли родной,
И дух его мужает год от года.
«Сражаться до ножа!» — таков девиз народа.

* * *

...Ты видишь трупы женщин и детей
И дым над городами и полями?
Кипжала нет — дубиной, ломом бей!
Пора кончать с незваными гостями,
На свалке место им, в помойной яме!
Псам кинуть труп — и то велик почет!
Засыпь поля их смрадными костями
И тлеть оставь — пусть внук по ним прочтет,
Как защищал свое достоинство народ!

* * *

...Вот странствий Чайльда первая страница.
Кто пожелает больше знать о нем,
Пусть следовать за мною потрудится,
Пока есть рифмы в словзаре моем.
Бранить меня успеете потом,
Ты, критик мой, сдержи порыв досады!
Прочти, что видел он в краю другом,
Там, где заморских варваров отряды
Бесстыдно грабили наследие Эллады.

ИЗ ПЕСНИ ВТОРОЙ

* * *

Пою тебя, небесная, хоть к нам,
Поэтам бедным, ты неблагосклонна.
Здесь был, богиня мудрости, твой храм.

¹ В 1809 году губернатор Кадикса был убит народом за измену.

Над Грецией прошли врагов знамена,
Огонь и сталь ее терзали лоно,
Бесчестило владычество людей,
Не знавших милосердия и закона
И равнодушных к красоте твоей,
Но жив твой вечный дух средь пепла и камней.

* * *

Увы, Афина, нет твоей державы!
Как в шуме жизни промелькнувший сон,
Они ушли, мужи бессмертной славы,
Те первые, кому среди племен
Венец бессмертья миром присужден.
Где? Где они? За партой учат дети
О славе, о величье тех времен,
И это все! И на руины эти
Лишь ответ падает сквозь даль тысячелетий.

* * *

О сын Востока, встань! Перед тобой
Племен гробница — не тревожь их праха!
Сменяются и боги чередой,
Всем нить прядет таинственная пряжа¹,
Был Зевс, пришло владычество аллаха,
И до тех пор сменяться вновь богам,
Покуда смертный, отрешась от страха,
Не перестанет жечь им фимиам²
И строить на песке пустой надежды храм.

* * *

Он, червь земной, — чего он ищет в небе?
Довольно бы того, что он живет,
Но так он ценит свой случайный жребий,
Что силится загадывать вперед,
Готов стремить загробный свой полет
Куда угодно, только б жить подоле,
Блаженство ль там или страданье ждет.
Тронь этот прах! Тебе он скажет боле,
Чем все, что нам твердят о той загробной доле.

* * *

...Я сяду здесь, меж рухнувших колонн,
На белый цоколь. Здесь, о вседержитель,

¹ В древнеримской мифологии три богини судьбы (Парки) пряли нить человеческой жизни.

² *Фимиам* — благовонное вещество, которое воскуряют при обрядах.

Сатурна сын¹, здесь был твой гордый трон.
Но из обломков праздный посетитель
Не воссоздаст в уме твою обитель,
Никто развалин вздохом не почитит.
И здешних мест нелюбопытный житель,
На камни мусульманин не глядит,
И проходящий грек поет или свистит.

* * *

Но кто же, кто к святилищу Афины
Последним руку жадную простер?
Кто расхищал бесценные руины,
Как самый злой и самый низкий вор?
Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!
Свободных в прошлом чтут сыны свободы,
Но не почтил их сын шотландских гор².
Он, переплыв бушующие воды,
В усердьи варварском ломал колонны, своды.

* * *

Что пощадили время, турок, гот,
То нагло взято пиктом³ современным.
Бездушной скал отчужденных тот,
Кто подошел с киркою к этим стенам,
Кто не проникся трепетом священным,
Коснувшись праха дивной старины.
О, как страдали, скованные пленом,
Деля богини скорбь, ее сыны,
Лишь видеть и молчать судьбой обречены!

* * *

Ужель признают, не краснея, бритты,
Что Альбион был рад слезам Афин,
Что Грецию, молившую защиты,
Разграбил полумира властелин!
Страна свободы, страж морских пучин,
Не ты ль была заступница Эллады!

¹ Сатурн — в древнеримской мифологии бог времени и плодородия. Сатурна сын — Юпитер, верховное божество.

² Речь идет о хищничестве Англии, грабившей и вывозившей в свои музеи исторические ценности и произведения искусства древней Греции.

Сын шотландских гор — Байрон здесь и в следующих трех строфах имеет в виду английского посла лорда Эльджина, шотландца по происхождению, который вывез из Греции в Англию богатейшую коллекцию памятников древнего зодчества и скульптуры.

³ Пикты — название группы древних племен, населявших Шотландию.

И твой слуга, твой недостойный сын
Пришел, не зная к слабому пощады,
Отнять последнее сокровище Паллады!

* * *

...Глух тот, кто прах священный не почит
Слезам горя, словно прах любимой!
Слеп тот, кто меж обломков не грустит
О красоте, увы, невозвратимой!
О, если б гордо возгласить могли мы,
Что бережет святыни Альбион,
Что алтари его рукой хранимы!
Нет, все поправ, увозит силой он
Богов и зябких нимф под зимний небосклон.

* * *

Но где ж Гарольд остался? Не пора ли
Продолжить с ним его бесцельный путь?
Его и здесь друзья не провожали,
Не кинулась любимая на грудь,
Чтоб знал беглец, о ком ему вздохнуть.
Хоть красоты иноплеменной гений
И мог порой в нем сердце всколыхнуть,
Он скорбный край войны и преступлений
Покинул холодно, без слез, без сожалений.

* * *

Кто бороздил простор соленых вод,
Знаком с великолепной картиной:
Фрегат нарядный весело плывет,
Раскинув снасти тонкой паутиной.
Играет ветер в синеве пустынной,
Вскипают шумно волны за кормой.
Уходит берег. Стаей лебединой
Белеет барок нагруженных строй.
И солнца свет, и блеск пучины голубой!

* * *

... Вей, ветер, вей, наш парус надувая!
Уж скоро солнце красное зайдет.
Так растянулась за день наша стая,
Хоть в дрейф ложись, пока не рассветет!
На флагмане уже спускают грот¹,
И, верно, остановимся мы вскоре.
А ведь ушли б на много миль вперед!

¹ Грот — нижний парус на второй от носа мачте корабля.

Вода подобна зеркалу. О горе!
Колод ленивых ждать, когда такое море!

* * *

Встает луна. Какая почь, мой бог!
Средь волн дрожит дорожка золотая.
В такую почь один наш страстный вздох —
И верит вам красotka молодая.
Неси ж на берег нас, судьба благая!
Но Арион ¹нашелся на борту
И так хватил по струнам, запевая,
Так лихо грянул в почь и в темноту,
Что все пустились в пляс, как с милыми в порту.

* * *

Корабль идет меж берегов высоких,
Две части света ² смотрят с двух сторон.
Там — пышный край красавиц чернооких,
Здесь — черного Марокко нищий склон.
Испанский берег мягко освещен,
Видны холмы, под ними лес зубчатый,
А тот — гигантской тенью в небосклон
Вонзил свои береговые скаты
Не озаренные косым лучом Гекаты ³.

* * *

Ночь. Море спит. О, как в подобный час
Мы ждем любви, как верим, что любили,
Что друг далекий ждет и слышит нас,
Хоть друга нет, хоть все о нас забыли!
Нет, лучше сон в безвременной могиле,
Чем юность без любимой, без друзей!
Ах, если сердце мы похоронили,
Тогда зачем и жизнь, что толку в ней!
Кто может возвратить блаженство детских дней!

* * *

Глядишь за борт, следишь, как в глуби водной
Дианы рог сверкающий плывет,
И сны забыты гордости бесплодной,
И в памяти встает за годом год,
И сердце в каждом что-нибудь пайдет,
Что было жизни для тебя дороже,

¹ Арион — древнегреческий поэт, певец и музыкант. В переносном смысле — поэт, певец.

² Европа и Африка, разделенные Гибралтарским проливом.

³ Геката — одно из мифологических имен луны.

И ты грустишь, и боль в душе растет,
Глухая боль... Что тягостней, о боже,
Чем годы вспоминать, когда ты был моложе!

* * *

Лежать у волн, сидеть на крутизне,
Уйти, мечтая, в дикие просторы,
Где жизнь вольна в безлюдной тишине,
Куда ничьи не проникали взоры,
По козьим тропкам забираться в горы,
Где грозен шум летящих в бездну вод,
Подслушивать стихий мятежных споры, —
Нет, одиноким быть не может тот,
Чей дух с природою один язык найдет!

* * *

Зато в толпе, в веселье света мнимом,
В тревогах, смутах, шуме суеты
Идти сквозь жизнь усталым пилигримом
Среди богатств и жалкой нищеты,
Где нелюбим и где не любишь ты,
Где многие клянутся в дружбе ныне
И льстят тебе, хоть, право, их черты
Не омрачатся при твоей кончине, —
Вот одиночество, вот жизнь в глухой пустыне!

* * *

...Но между тем мы долгий путь прошли,
И зыбкий след наш поглотили воды.
Мы шквал, и шторм, и штиль перенесли,
И солнечные дни, и непогоды.
Все, что несут удачи и невзгоды
Жильцам морских крылатых крепостей,
Невольникам изменчивой природы,
Все позади, и вот среди зыбей —
Ура, ура! — земля! Ну, штурман, веселей!

* * *

...Над скалами Албании суровой
Восходит день. Вот Пинд¹ из темных туч,
В тюрбане белом, черный и лиловый,
Возник вдали. На склопах мшистых круч
Селенья бледный освещает луч.
Здесь лютый барс в расщелинах таится,
Орел парит, свободен и могуч.

¹ Пинд — горный хребет в северной Греции.

Здесь люди вольны, точно зверь и птица,
И буря, новый год встречая, веселится.

* * *

И вот где Чайльд один! Пред ним края,
Для христианских языков чужие.
Их красотой, невольный страх тая,
Любуются лишь издали иные.
Однако Чайльд изведаль все стихии,
Не ищет гроз, но встретить их готов.
Желаний чужд, беспечен, и впервые
Дыша свободой диких берегов,
И зной он рад терпеть и холод их снегов.

* * *

...И держит Чайльд в их главный город путь.
Ниинд обогнув, пройдя над Ахероном¹,
На Тефалеп спешит он повернуть.
Там, произвол провозгласив законом,
Тиран², засевший в замке укрепленном,
Страну кровавой подчинил рукой.
И лишь в горах, в селенье отдаленном,
Иное племя гордое порой
Решается восстать и дать насилью бой.

* * *

...В суровых добродетелях воспитан,
Албанец твердо свой закон блюдет.
Он горд и храбр, от пули не бежит он,
Без жалоб трудный выдержит поход.
Он — как гранит его родных высот!
Храня к отчизне преданность сыновью,
Своих друзей в беде не предает
И, движим честию, мщеньем иль любовью,
За нож хватается, чтоб смыть обиду кровью.

* * *

Среди албанцев прожил Чайльд немало.
Он видел их в триумфе бранных дней,
Видал и в час, когда он, жертва шквала,
Спасался от бушующих зыбей.
Тут сердцем черствый мог бы стать черствею,
Но были все дома ему открыты —
Простые люди чтут своих гостей.

Ахерон — древнее название реки Фанариотикос в северной Греции.
Тиран — всемогущий правитель Албании Али-паша.

Меж тем у вас, утонченные бритты,
Так часто не найдешь ни крова, ни защиты!

* * *

Однажды ветром сильным и волной
Корабль Гарольда к Сулии¹ помчало.
Чернели рифы, и ревел прибой,
Но капитан и не искал причала.
Была гроза, и море бушевало,
Однако люди, больше волн и скал,
Боялись тут засады и кинжала,
Который встарь без промаха карал,
Когда незванный гость был турок или галл.

* * *

Но все ж подплыть отважились — и что же?
Их сулиоты в бухту провели
(Гостеприимней шаркуна-вельможи
Рыбак иль скромный труженик земли),
Очаг в хибарке и светец зажгли,
Развесили одежды их сырые,
Радужно угостили, чем могли, —
Не так, как филантропы² записные,
Но как велят сердца бесхитростно-простые.

* * *

...А Чайльда влек уже иной предел —
Уж он мечтал сквозь этот край пустынный
В Илирию³ пройти. Там славных дел
Не воскрешают в памяти руины,
Но и роскошной Аттики⁴ долины
Не так прекрасны, и тебя, Парнас,
Затмили б те могучие вершины,
Когда б не все, чем дорог ты для нас, —
Суровой дикостью тот край чарует глаз.

* * *

Моя Эллада! Красоты гробница!
Бессмертная и в гибели своей,
Великая в паденье! Чья десница
Сплотит твоих сынов и дочерей?

¹ *Сулия* — албанский городок. *Сулиоты* — греко-албанское племя, героически боровшееся с турками за свою независимость.

² *Филантропы* — благотворители в буржуазных странах, занимающиеся оказанием помощи беднякам.

³ *Иллирия* — область на северо-восточном берегу Адриатического моря.

⁴ *Аттика* — область в Греции с главным городом Афины.

Где мощь и непокорство прошлых дней,
Когда в неравный бой за Фермопилы
Шла без надежды горсть богатырей?
И кто же вновь твои разбудит силы
И воззовет тебя, Эллада, из могилы?

* * *

Когда за вольность бился Фразибул¹,
Могли ль поверить гордые Афины,
Что покорит их некогда Стамбул
И ввергнет в скорбь цветущие долины!
И кто ж теперь Эллады властелины?
Не тридцать их² — кто хочет, тот и князь.
И грек молчит, и рабы гнутся спины.
И, под плетью турецкими смирясь,
Простерлась Греция, затоптанная в грязь.

* * *

Лишь красоте она не изменила,
И странный блеск в очах таит народ,
Как будто в нем еще былая сила
Неукротимой вольности живет.
Увы! он верит, что не вечен гнет,
Но веру он питает басней вздорной,
Что помощь иноземная придет
И раздробит ярем его позорный,
И вырвет слово «грек» из книги рабства черной.

* * *

...Нет, Греция, тот разве патриот,
Кто, болтовнею совесть успокоя,
Тирану льстит, покорно шею гнет
И с видом оскорбленного героя
Витийствует и прячется от боя!
И это те, чьих дедов в оны дни
Страшился перс и трепетала Троя!
Ты все им дать сумела, по взгляни:
Не любят матери истерзанной они!

* * *

Когда сыны Лакедемона³ встанут
И возродится мужество Афин,
Когда сердца их правнуков воспрянут

¹ *Фразибул* — афинский политический деятель конца V века до н. э., поборник рабовладельческой демократии.

² В конце V века до н. э. в Афинах было образовано правительство из тридцати человек (так называемое «правительство тридцати тиранов»).

³ *Лакедемон* — Спарта, одна из областей древней Греции.

И жены вновь начнут рождать мужчин,
Ты лишь тогда воскреснешь из руин.
Тысячелетья длится рост державы,
Ее низвергнуть — нужен час один,
И не вернут ей отошедшей славы
Ни дальновидный ум, ни злата звон лукавый.

* * *

...Но и теперь обильна здесь земля
И так же Фебом пламенным согрета,
Оливы пышны, зелены поля,
Багряны лозы, светел мед Гимета ¹,
Как прежде, в волнах воздуха и света
Жужжит и строит влажный сот пчела,
И небо чисто, и роскошно лето.
Пусть умер гений, вольность умерла,—
Природа вечная прекрасна и светла.

* * *

...И вечно для паломников чудесен
И красотой бессмертной велик
Веселый край героев, битв и песен,
Где родился божественный язык,
Что и в пределы Севера проник
И зазвучал, живой и юный снова,
В сердцах горячих, на страницах книг,—
Искусства гордость, мудрости основа,
Богов и светлых муз возвышенное слово.

ИЗ ПЕСНИ ТРЕТЬЕЙ

* * *

Продолжим нить рассказа моего.
Ты, мыслящий над пастью гроба черной
О бренности! Взгляни на прах того,
Кто был как свет, как пламень жизнетворный.
Он здесь рожден ², и здесь, где ветер горный
Бальзамом веет в сердце, он созрел,
К вершинам славы шел тропой неторной
И, чтоб венчать бессмертьем свой удел,—
О глупость мудреца! все отдал, чем владел.

¹ Гимет — гора в Аттике.

² В этой и следующих одиннадцати строфах Байрон пишет о Жан-Жаке Руссо, великом французском просветителе, уроженце Женевы.

* * *

Руссо, апостол роковой печали,
Пришел здесь в мир, злосчастный для него,
И здесь его софизмы¹ обретали
Красноречивой скорби волшебство,
Копаясь в ранах сердца² своего,
Безумье страсти он являл в покровах
Небесной красоты, и от того
Над книгой³, полной чувств и мыслей новых,
Читатель слезы лил из глаз, дотоль суровых.

* * *

Подобна буре страсть его была.
Так дуб стрела сжигает громовая,
Он ею был испепелен дотла,
Он не умел любить, не погибая,
И что же? Не красавица живая,
Не тень усопшей, вызванная сном,
Влекла его, в безумие ввергая, —
Нет, чистый образ, живший только в нем,
Страницы книг его зажег таким огнем.

* * *

Тот пламень — чувство к Юлии прекрасной,
Кто всех была и чище и нежней,
То поцелуев жар, увы, напрасный,
Лишь отклик дружбы находивший в ней,
Но, может быть, в унылые горьких дней
Отрадой мимолетного касанья
Даривший счастье выше и полней,
Чем то, каким, ничтожные созданья,
Мы упиваемся в восторгах обладанья,

* * *

Всю жизнь он создавал себе врагов,
Он гнал друзей, любовь их отвергая,
Весь мир подозревать он был готов.
На самых близких месть его слепая
Обрушивалась, ядом обжигая.
Так светлый разум помрачала тьма.
Но скорбь виной, болезнь ли роковая?
Не может пронизательность сама
Постичь безумие под маскою ума.

¹ *Софизм* — ложно построенное умозаключение.

² Имеется в виду автобиографическое сочинение Руссо «Исповедь».

³ Речь идет о романе Руссо «Новая Элоиза»; *Юлия* — героиня этого романа. Далее, говоря о «двух избранных душах», Байрон подразумевает Юлию и ее возлюбленного Сен-Пре.

* * *

И, молнией безумья озаренный,
Как пифия на троне золотом,
Он стал вещать, и дрогнули короны,
И мир таким запольхал огнем,
Что королевства, рушась, гибли в нем.
Не так ли было с Францией, веками
Униженной, стонавшей под ярмом,
Пока не поднял ярой мести знамя
Народ, разбуженный Руссо с его друзьями ¹.

* * *

И страшен след их воли роковой.
Они сорвали с правды покрывало,
Разрушив ложных представлений строй,—
И взорам сокровенное предстало.
Они, смешав добра и зла начала,
Все прошлое низвергли. Для чего?
Чтоб новый трон потомство основало,
Чтоб выстроило тюрьмы для него
И мир опять узрел насилья торжество.

* * *

Так не должно, не может больше длиться.
Народ восстал, оковы сбросил он,
Но не сумел в свободе утвердиться.
Почувяв силу, властью ослеплен,
Забыл он все — и жалость и закон.
Кто рос в тюрьме, во мраке подземелий,
Не может быть орлу уподоблен,
Чьи очи в небо с первых дней глядели.
Вот отчего он бьет порою мимо цели.

* * *

Чем глубже рана, тем упорней след.
Пускай из сердца кровь уже не льется,
Рубец остался в нем на много лет.
Кто, сломленный, с надеждой расстается —
Замкнет уста, но духом не сдается.
Страсть притаилась и безмолвно ждет.
Отчаянью нет места. Все зачтется
В час торжества. Возмездие придет.
Но милосердьё пусть проверит мести счет.

¹ Французская революция 1789—1794 годов была подготовлена деятельностью великих французских просветителей — Руссо, Дидро, Монтескье, Вольтера и др.

* * *

Леман! ¹ Как сладок мир твой для поэта,
Изведавшего горечь бытия!
От смутных волн, от суетного света
К тебе пришел я, горная струя.
Неси ж меня, бесшумная ладья!
Душа отвергла сумрачное море
Для светлых вод, и, мнится, слышу я,
Сестра ², твой голос в их согласном хоре:
Вернись! Что ищешь ты в бушующем просторе?

* * *

Нисходит ночь. В голубоватой мгле
Меж берегом и цепью гор окрестной
Еще все ясно видно на земле.
Лишь Юра ³, в тень уйдя, стеной отвесной,
Вся черная, пронзила свод небесный.
Цветов неисчислимых аромат
Восходит ввысь. Мелодией чудесной
Разносится вечерний звон цикад,
И волны шепчутся и плещут веслам в лад.

* * *

Недаром здесь Руссо капризный гений
Остановил мечты своей полет
И приютил для чистых наслаждений
Две избранных души. У этих вод
Психеи пояс распустил Эрот ⁴,
Благословив для счастья эти склоны.
Там тишина и нега. Там цветет
Гармония. Над ложем светлой Роны
Там Альп возносятся блистательные троны.

* * *

Лозанна и Ферней! Святой предел,
Где двух титанов обитают тени ⁵,
Где смертных вел тропой бессмертных дел
На штурм небес отважившийся гений.
Здесь разум на фундаменте сомнений

¹ Леман — Женевское озеро в Швейцарии.

² Августа Ли.

³ Юра — горный хребет в Швейцарии.

⁴ Эрот — в древнегреческой мифологии бог любви.

⁵ Байрон говорил о Вольтере и Гиббоне, видном английском историке XVIII века, который одно время жил в Швейцарии, в Лозанне. Ферней — собственное поместье Вольтера близ Женевы.

Дерзнул создать мятежной мысли храм,
И если гром не сжег ее творений,
Так, значит, не впервые небесам
Улыбкой отвечать на все угрозы нам.

* * *

Один из них, Протей ¹, был вечно новый,
Изменчивый, ни в чем не знавший уз.
Шутник, мудрец, то кроткий, то суровый,
Хронист, ученый и любимец муз,
Предписывавший миру мненья, вкус,
Прямой, коварный, добрый, злой, лукавый,
Как ветер вольный, истинный француз,
Смеющийся над всем, любовник славы,
Бичующий глупцов, колеблющий державы.

* * *

Другой — пытлив, медлителен, глубок,
Упорством мысли изощрял сужденья.
Оттачивал иронии клинок,
Отдав труду ночей бессонных бдений,
Насмешкой низвергал предубежденья.
И — бог сарказма! — яростью глупцов
Был ввергнут в ад на муки искупленья, —
Там, если верить рассказам попов,
Для усомнившихся ответ на все готов.

ИЗ ПЕСНИ ЧЕТВЕРТОЙ

* * *

...Я изучил наречия другие,
К чужим входил не чужестранцем я.
Кто пезависим, тот в своей стихии,
В какие ни попал бы он края,
И меж людей, и там, где нет жилья.
Но я рожден на острове свободы
И разума — там родина моя,
Туда стремлюсь! И пусть окончу годы
На берегах других, среди другой природы.

¹ В древнегреческой мифологии морское божество, способное бесконечно менять свой внешний облик. Байрон сравнивает с Протеем Вольтера.

* * *

И мне по сердцу будет та страна,
И там я буду тлеть в земле холодной,—
Моя душа! Ты в выборе вольна!
На родину направь полет свободный,
И да останусь в памяти народной,
Пока язык Британии звучит...

1812—1818

Перевод В. Лезика

КОРСАР

ПОВЕСТЬ

I suoi pensieri in lui dormir non ponno.
Tasso, Gerusalemme Liberata, canto XI.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

... nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria ...
Dante, Inferno, V, 121—123².

1

Над бурной далью темно-синих вод
Царит наш вольный, беспокойный род;
Везде, где ветер, где волна кругом, —
Держава наша, наш свободный дом!
Владеньям нашим нет нигде границ,
Пред нашим флагом все склонились ниц.
Вся наша жизнь — кипение борьбы
И радость переменчивой судьбы.
Кто знает?.. нет, не похотливый раб,
Изнежен роскошью и духом слаб,
Не честолюбец, жаждущий утех,
Чей сон не крепок, чей не весел смех, —
Кто знает, как не тот, кто ликовал,
Встречая грудью разъяренный вал,
Волненье чувств, горячий крови ток,
Знакомый всем скитальцам без дорог?
То чувство делает прекрасным бой,
Опасность — упоительной игрой.
Где трусу — страх, ему — высокий взлет,

¹ В одном вожде заснуть не могут думы.

Tasso, Освобожденный Иерусалим, песнь X.

Торквато Тассо (1544—1595) — последний великий поэт итальянского Возрождения.

²

...тот страдает высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастии...

Данте, Ад, V, 123.

Данте Алигьери (1265—1321) — величайший поэт Италии, автор «Божественной комедии», грандиозной поэмы, задуманной как повествование о странствиях поэта по загробному миру и состоящей из трех частей: «Ад», «Чистилище», «Рай».

Где слабый гибнет, там оно живет,
Живет, в груди взволнованной родив
Надежд и вдохновения прилив.
Коль недруг гибнет — гибель не страшна,
Хоть и скучнее отдыха она.
Мы взяли жизнь — иди же, смерть, сюда!
Что кончится — болезнь или вражда?
Пусть тот, кто, немощью пленен, живет,
Лелея хворь свою из года в год,
Трясаясь в жару, считая каждый вздох.
Ему — постель, а нам — зеленый мох.
Он испускает дух за часом час,
Наш дух мгновенно покидает нас.
Пусть ждет его богатый саркофаг¹
И льстит его костям исконный враг.
У нас скупые слезы — не обман,
Когда хоронит наших океан.
На пиршествах о нас идет рассказ,
И красный кубок ходит в память нас.
Герои над добычей в час побед
Припомнят тех, кого уж больше нет,
Сказав — и омрачится блеск их глаз:
«Как тот, кто пал, смеялся бы сейчас!»

2

Такая речь звучала до утра
На острове Пиратов вокруг костра.
От слов таких шел трепет между скал,
Их звук, как песня, для бойцов звучал!..
На золотом песке они сидят,
Кинжалы точат, мечут банк, едят
И смотрят, взяв оружие свое,
На тусклое от крови лезвие.
Кто чинит лодку — руль или весло,
Кто бродит в думах, опустив чело;
Кто поусердней, ловит птиц в силки
Иль сушит сеть и правит поплавки;
Впиваясь взором в сумрак голубой,
Ждут дальних парусов, несущих бой;
Ведут делам давно минувшим счет,
Гадают, где-то их удача ждет.
У них есть вождь. Добычу делит он..
Никто из них не будет обделен.
Но кто же этот вождь? Известно им,
Что он прославлен и неустрашим.

¹ Саркофаг — каменный гроб или надгробие в форме каменного гроба.

Повелевает он, и сух приказ,
Но безошибочны рука и глаз.
Не делит с ними он веселый смех —
Ему прощают мрачность за успех.
Его не радует стаканов звон,
Ни разу кубка не пригубил он,
Но и простой еды его зато
Не захотел отведать бы никто.
Коренья, черный хлеб, глоток воды,
А летом овощи или плоды —
Такой неслыханно суровый стол
Отшельнику скорей бы подошел.
Так он лишает плоть свою забот,
Но в воздержанье дух его растет.
«Держи на берег!» Держат. «Стой!» Стоят.
«Теперь за мной!» За ним точас спешат.
Он их ведет, спокойный средь побед,
И все послушны, и отказа нет,
А тем, что, сомневаясь, возражат,
Ответ — два слова и надменный взгляд.

3

«Вон — парус! парус! Наконец борьба!
Что говорит подозрная труба?»
Знакомый парус, хоть, увы! не враг,
Высоко вьется ярко-красный флаг.
Да, это наш домой спешащий бриг.
Сильней дуй, ветер! Пусть домчится вмиг!
Он огибает мыс, в родной залив
Влетает, брызгами себя покрыв,
Стремительный и легкий, как стрела!
Широко вскинув белые крыла,
Он по воде несется, как живой,
Готовый к бою с небом и водой.
Кто не поспорит с бурей и огнем,
Чтоб первым стать на корабле своем!

4

Со скрипом якорный ползет канат,
И спущенные паруса лежат,
И видно с берега стоящим там,
Как шлюпки замелькали по волнам.
Взмах весел быстр, размерен и широк,
И вот уж киль ¹ царапает песок.

¹ *Киль* — выступ вдоль дна судна или шлюпки, где соединяются доски обшивки.

О, крик привета! И слова — рекой,
Когда рука встречается с рукой,
Вопрос, стремительный ответ и смех,
И праздник, ожидающий их всех!

5

Толпа растет, и новости текут,
Гул разговоров, хохот там и тут.
И женщин речь тревогою полна,
Звучат мужей и братьев имена.
«О, живы ль наши? с кликами побед
Вернутся ль снова? иль уж многих нет?
Где бой грохочет, где бушует вал,
Как львы дрались они, — скажи, кто пал?
Пусть поскорей обрадуют нас, пусть
Лобзанием рассеют нашу грусть!»

6

«Где вождь? Есть новости издалека.
Свиданья радость будет коротка:
Чудесный миг уж скоро позади.
Скорей, Хуан, к вождю нас проводи!
Устроим пир, когда назад придем,
И все тогда узнают обо всем».
К высокой башне, сумрачной во мгле,
Тропинкой, высеченною в скале,
Где вьется плющ, где дикие цветы
И где ключи, спадая с высоты,
Текут и плещут, как потоки слез,
И пить зовут, с утеса на утес
Они взбираются. Кто, одиночек,
Стоит меж скал и смотрит на восток,
На меч опершись сильною рукой,
Отринувшей утечи и покоя?
«То он, Конрад, задумчив, как всегда.
Хуан, скажи, что мы пришли сюда!
Он видит бриг — дай знать ему тотчас,
Что спешные известия у нас!
Как быть? Ты знаешь сам, что ждет того,
Кто оборвет задумчивость его».

7

Хуан пошел, и ждут они вдаль.
Вождь молча сделал знак, чтоб подошли.
Хуан зовет — идут; на их поклон
Кивнул, но слова не промолвил он.
«Вот письма, вождь, от грека-старика!

Опасность кажется ему близка,
И новости, что он собрал вокруг,
Мы все...» — «Довольно!!» — загремело вдруг.
Они в смущенье отошли гурьбой
И тихо шепчутся между собой,
Украдкой взирая на чтеца,
Чтоб уловить игру его лица.
Но он в волнении, словно им назло,
Гордыни полный, отвернув чело,
Читал письмо. «Таблички мне, Хуан!
Гонзальво где?» —

«На бриге, капитан!» —

«Так, хорошо, снеси приказ ему.
В походе сам участие я приму,
Готовы будьте ж к делу моему!» —
«Сегодня в ночь?» —

«Да, ночь мы подождем!
Свежее ветер вечером, чем днем.
Мой плащ и латы! Через час уйдем!
Надень свой рог, а также посмотри,
Не заржавел ли карабин внутри,
И надо меч мой наточить опять,
Да пусть исправит мастер рукоять.
Последний раз, когда был бой суров,
Меч утомлял меня, а не врагов.
И помни, чтоб с закатом прозвучал
К отплытью в море пушечный сигнал».

8

Они спешат послушно, — снова в путь,
Хотя и не успели отдохнуть.
И все ж они не ропщут, а молчат.
Кто будет спорить, раз сказал Конрад?
Таинственный и мрачный человек,
Не улыбнется, не вздохнет вовек,
При имени его любой храбрец
Бледнеет под загаром, как мертвец,
Он правит, изумляя без конца,
И властным словом леденит сердца.
Но что за власть, чей беззаконный ход
Понятен всем, так всех к себе влечет?
Что отдает их воле одного?
Власть Разума и Мысли торжество!
Удачи блеск, умение в борьбе
Чужую слабость подчинять себе.
Он их руками правит; одному
Их подвиги присвоены ему.

Так было, будет впредь: как крот слепа,
На одного работает толпа.
Но пусть не судит тот, чья доля — труд,
Того, к кому добычи все текут:
Когда б он знал, как этот крест тяжел,
Он горести свои бы предпочел.

9

Поступками на демона похож,
Герой преданий был лицом хорош;
Мы красоты в Конраде не найдем —
Лишь темный взор его горит огнем.
Он крепок, хоть не Геркулес, и стан
Его высок, хоть он не великан,
Но посмотревший на него смущен
Сознанием, что от всех отличен он.
И видят все они, что это так,
Но отчего — им не понять никак.
Лицо обветрено, на белый лоб
Густых кудрей спадает черный сноп,
Надменные мечтанья гордый рот,
Обуздывая, все же выдает.
Хоть ровен голос и спокоен вид,
Но что-то есть, что он в себе таит;
Изменчивость подвижного лица
Порой влечет, смущает без конца,
И кажется, что прячется под ней
Игра глухих, но яростных страстей.
Кто может знать?.. А кто спросить готов?
Угрюмый взгляд не допускает слов.
Не многие способны смельчаки
Открыто посмотреть ему в зрачки.
Когда ему в упор встречать пришлось
Взгляд острый и пронзающий насквозь,
Противника игру он понял вмиг
И взором в душу сам ему проник;
Тот скрытых мыслей утаить не смог,
Но тайны у Конрада не извлек.
Усмешка дьявольская на устах
Внушает бешенство и тайный страх,
А если гневно изогнется бровь,
Беги надежда и прости любовь!

10

Нет на челе преступных дум следов —
В груди ж его мятежный дух суров,
Любовь ярка, но гордость, гнев, обман

Улыбки горькой заволок туман.
Лишь складка губ иль бледность щек и лба
Покажут вдруг, что в нем идет борьба
Глубоких чувств, увидит больше тот,
Кто невидимкой тайно подойдет.
Тогда, сжав руки и подняв глаза,
Он слушает, как в нем растет гроза,
И вздрагивает, если близкий шаг
Непрощеный крадется, словно враг;
Тогда нет маски на лице его,
И чувств свободных крепнет торжество,
Они растут, и жгут, и леденят,
Румянят щеки, зажигают взгляд.
Тогда, прохожий, если сможешь ты
Глядеть, не вздрогнув, — вот его мечты!
Смотри, — на грудь его, как глыбы льда,
Являщей памятью легли года!
Смотри, — но нет на свете мудреца,
Что тайну душ постиг бы до конца.

11

И все ж его природа не звала
Вести преступных, быть орудьем зла.
Он был совсем другим пока на бой
Людей и небо не позвал с собой.
Разочарован в жизни без конца,
С большим умом, с поступками глупца,
И слишком стоек и самолюбив,
Обману обречен и несчастлив,
Он добродетель счел виной всему —
Не тех, кто изменял и лгал ему;
Когда б на лучших расточал дары,
Ту радость знал бы и до сей поры;
Обманут, избегаем все сильнее,
Он с юных лет уж презирал людей
И, гнев избрав венцом своих утех,
Зло нескольких стал вымещать на всех,
Сам зная о себе, что он злодей,
Других считал преступнее и злей.
Про честного он думал: лицемер!
И ставил дерзкого ему в пример.
Он знал, что ненавидим, нелюбим,
Но знал, что враг трепещет перед ним.
Он непонятен был, и дик, и нем,
Не связан чувством никогда ни с кем.
Он удивлял, он был в поступках смел,
Но презирать его никто не смел.

Ты червяка раздавишь, но с тоской
Помедлишь над уснувшею змеей.
Червь погибает, смерть не отомстив,
Змея умрет, но враг не будет жив:
Его петлей опутает она,
Раздавлена, но не побеждена.

12

Но возле сердца, смутно и темно,
Ютилось чувство нежное одно:
Казалась страсть ему в других жалка —
Игра ребенка или чудака,
И все же страсть его мutilа кровь,
И даже в нем она звалась — любовь!
Непобедимый, неизменный зной,
Пылающий для женщины одной.
Он часто видел пленниц молодых,
Их не искал и не бежал от них.
Томились многие в тюрьме его
И не дождались взгляда одного.
Любовь — глубокой нежности полна,
В соблазнах, в горестях закалена,
Крепка в разлуке, вдалеке горда,
Все та же — чудо — долгие года!
Разбитые надежды, злые сны
Ее улыбкою отражены.
Болезнь, тоску иль ярости прилив
Он перед ней скрывает, терпелив,
Спокойно перенести готовый все,
Лишь только бы не огорчить ее;
Бежать не мысля, к бегству не вольна,
Коль есть любовь на свете — вот она!
Он был злодей, — и горестный поток
Упреков мрачных заслужить он мог,
Но добродетель в нем была одна
Сильней злодейства — вечна и нежна.

13

Остановился он, пока отряд
Тропинкою на берег шел назад.
«Как странно! Я не раз бывал в огне,
Но этот бой последним мнится мне.
Так чует сердце! Все ж в нем страха нет,
И в битву я пойду, как для побед.
Навстречу смерти незачем бежать,
Но здесь остаться — значит смерти ждать;
Коль замысел хорош — удача в нем,

И плачущих для тризны мы найдем.
Пусть спят они, и сон их будет тих,
В таких лучах не грело солнце их,
Как эта ночь (но, ветер, дуй сильнее!)
Согреет сонных мстителей морей.
Теперь к Медоре! Сердце сжалось... пусть
Ей будет незаметна эта грусть.
Я смелым был, но и толпа смела!
Ведь, защищаясь, жалит и пчела,
Простая храбрость с зверем нас роднит,
Ее усилья страх десятерит —
Цена ей грош: других я ждал утех,
Уча моих сражаться против всех.
Лить кровь напрасно не давал я им,
Теперь же мы умрем иль победим!
Да будет так — и пусть угаснет свет.
Но их веду и знаю — бегства нет!
Себя я проклиная и виню,
Что в эту я попался западню.
Поставить все на карту? в страшный час
И власть и жизнь — все потерять за раз?
О рок!.. Вيني безумье, а не рок...
Но подождем — еще не вышел срок».

14

Так говорил с собой он; в этот миг
Своей высокой башни он достиг
И замер на пороге — из окна
Струилась песня, бурна и нежна.
Любимый голос сладостно звенел,
И вот слова, что этот голос пел:

«На сердце тайна у меня живет,
Ее я не открою никому.
Когда мы вместе, то она цветет
И снова молча падает во тьму.

Ночной лампы золотая нить, —
Горит в душе моей незримый свет,
И черный мрак не в силах погасить
Его лучей, хоть их почти что нет.

О, не забудь меня! Скажи «прости»,
Но на могиле вспомни иногда.
Лишь одного нет сил перенести —
Тобою быть забытой навсегда.
Пролей, прошу тебя в предсмертный час —

И просьб моих уж не услышишь вновь, —
Единственный, последний, первый раз
Одну слезу за всю мою любовь».

Он преступил порог, прошел портал,
С последним звуком он вошел к ней в зал:
«Моя Медора! песнь твоя грустна!» —
«Конрада нет — невесела она!
Хоть ты не слышишь эту песнь мою,
Все ж душу в ней свою передаю,
Все ж мысль моя в ней царствует, чиста.
Немолчно сердце, хоть молчат уста.
Как часто ночью сны, как злой дурман,
Вдруг окрыляют ветер в ураган,
И легкий бриз, надувший парус твой,
Мне мнится настигающей грозой.
Напев могильный слышит в нем мой страх
Тебе, погибшему в седых волнах;
И я бегу, чтоб посмотреть маяк —
Не погасил ли свет коварный враг.
И долго блещут звезды с высоты,
И будет утро — но далеко ты!
О, как мне сердце ветер леденил,
Для мокрых глаз как день вставал не мил!
Все снова я искала вдалеке
Твой парус, посланный моей тоске.
И наконец — был зноем день томим —
Вдруг парус, но он скоро стал незрим,
Потом другой — и этот был твоим!
Пройдут ли эти дни? Когда-нибудь
Захочешь ли, Конрад, ты отдохнуть?
Ты так богат, и множество домов
Прекраснейших нам предлагают кров.
Ты знаешь, я страшусь не за себя,
Но я дрожу, когда здесь нет тебя,
За эту жизнь, что так мне дорога,
Но от любви бежит на зов врага;
И это сердце, нежное ко мне,
Проводит жизнь и в брани и в огне».

«Да, сердцем изменился я, пойми.
Как червь раздавленный — я мстил, как змий,
Вся радость на земле — в твоих устах
Да слабый луч прощенья в небесах.
Но злоба, что клянешь ты, не тая,
Есть то же чувство, что любовь моя.
Они так связаны, что если я

Мир полюблю, то разлюблю тебя.
Но нет, не бойся! Прошлые года —
Залог любви безмерной навсегда.
Но... пусть слеза не смочит милых глаз. —
Мы расстаемся снова и... сейчас!» —
«Ах, сердце чуяло... уедешь ты...
Так вечно тают сладкие мечты.
Сейчас? возможно ль, — в этот самый миг?..
Но в бухту только что вошел твой бриг;
Другой в отсутствии, а экипаж
Уверен, что ему ты отдых дашь.
Друг! шутишь ты иль хочешь уж сейчас
Разлуки дальней подготвить час?
Ты забавляешься моей тоской,
Но шутки слышать не хочу такой!
Молчи, Конрад! Пойдем со мной! Нас ждут
За трапезой покойный ряд минут.
Тебе готовить яства — легкий труд!
Плоды тебе собирая для стола
И не умея выбрать, я брала
Прекраснейший; я долго вдоль гряды
Искала самой ледяной воды.
О как шербет¹ сегодня сладок твой,
гла он сверкает в вазе снеговой!
Вино тебе не навевает снов:
К нему, как мусульманин, ты суров.
Я не браню тебя, нет! я хвалю
Прекрасную воздержанность твою.
Уж стол накрыт, и лампа зажжена
Серебряная; ночь нам не страшна.
Я девушек своих здесь соберу,
И мы затеем песни иль игру.
Моя гитара сладкие мечты
Тебе навевает, или хочешь ты,
Чтоб повесть Ариосто я прочла,
Как брошена Олимпия была?²
И знай, ты был бы хуже во сто раз,
Чем тот злодей, когда б ушел сейчас.
Тот вождь... Но, помнишь, улыбнулся ты,
Когда, увидев с этой высоты
Скал Ариадны³ дальние черты,

¹ Шербет — прохладительный напиток из фруктового сока и сахара.

² Людовико Ариосто (1474—1533) — один из крупнейших поэтов итальянского Возрождения, автор героико-романтической поэмы «Неистовый Роланд».

³ Ариадна — в древнегреческой мифологии дочь критского царя Миноса; помогла Тезею одержать победу над чудовищем Минотавром, укравшимся в лабиринте.

Сказала я шутя, хоть жег мне грудь
Страх, что случится так когда-нибудь:
«И от меня навек уйдет Конрад!»
И вот он обманул... придя назад».

«Назад — назад, всегда назад к тебе,
Пока он жив, пока не пал в борьбе,
Вернется он — теперь же близок час,
Разлука птицей настигает нас.
Не спрашивай: зачем? куда пути?
Ведь все равно нас оборвет «прости».
Будь время, все б тебе открыл я сам...
Не бойся: этот враг не страшен нам,
Здесь оставляю крепкий гарнизон;
Готов к защите и к осаде он.
Я уезжаю, но не будь скучна:
Средь жен и дев ты будешь не одна.
Когда ж мы снова встретимся, мой друг,
Спокойствие украсит наш досуг.
Но слышу рог! Играй, Хуан, играй!
Дай поцелуй! Еще!.. еще! Прощай!»

Она вскочила, бросилась к нему,
И сердцем погрузился он во тьму,
Не смея прочитав в ее глазах
Тоску, не растворенную в слезах.
Волос упавших светлая волна
Была прелестной дикости полна.
Едва дышала грудь, где он один
Навек всех чувств был полный господин.
Чу! гулкий выстрел возвестил закат!
И проклял солнце в этот миг Конрад.
Он прижимал к себе — опять, опять —
Ту, что его пыталась удерживать.
На ложе спес ее, свою любовь,
Взглянул, как будто не увидит вновь.
Здесь было все, что в жизни он нашел,
Поцеловал, шагнул — как? он ушел?

15

«Ушел? — Не в первый раз уж этот крик
Ей в сердце одинокое проник. —
Ведь он был здесь тому назад лишь миг —
И вдруг...» Она рванулась на порог,
И хлынул слез отверзшийся поток.
Они ей чужды, тяжело их снести,
И все же губ не разомкнет «прости»!

Ведь в этом слове — хоть мы верим, ждем,
Надеемся, — отчаяние в нем.
На строгий мрамор белого чела
Печаль неизгладимая легла.
А взгляд больших влюбленных синих глаз
Застыл недвижно и почти угас.
Вдруг этот взгляд на милого упал.
Как оживился он, как заблестал,
Хоть мрак ресниц, пушистый и густой,
Еще был влажен горькою росой!
«Ушел!» — и руку поднесла к глазам,
И медленно воздела к небесам,
Потом взглянула: океан бурлил,
Был поднят парус. Ей не стало сил!
Пошла от двери, словно с похорон.
«Покинута... И это явь, не сон!»

16

С утеса на утес спешит Конрад,
Он головы не повернет назад.
Он содрогнется, если поворот
Откроет то, что так его влечет:
Пустынный замок там, над крутизной,
Что видит с моря он, спеша домой;
Ее, звезду печали, чьи лучи
Его находят в море и в ночи.
Не должен думать он, что здесь любим, —
Хоть здесь покой, но гибель вместе с ним.
Но раз помедлил он, желанья полн
Отдать все воле случая и волн;
Нет, он разлуку с болью перенес,
Но вождь не знает власти женских слез.
Он видит бриг, он слышит ветра шум,
С усилием отрывается от дум
И снова поспешает дальше; вдруг
Его ушей достиг неясный звук
Тревоги шумной делового дня:
Сигналы, крики, всплески, суетня;
На мачту лезет юнга, якорь стал,
Уж паруса надул попутный шквал,
И с берега приветствуют платки
Всех тех, что скоро будут далеки.
Он видит: алый вымпел вознесен,
И мягкости своей дивится он.
Огонь — в глазах, в груди — безумный зной,
Теперь он тверд и стал самим собой.
Он мчится, он летит — и вскоре бег

Его приводит на песчаный брег.
Он бег сдержал не с тем, чтобы вздохнуть,
Наполнив океанским ветром грудь,
Но чтобы шаг размерен стал опять,
Чтоб пред людьми бегущим не предстать.
Конрад знал тайну, как владеть толпой,
Под маскою скрывая облик свой.
Его сухой, высокомерный вид
Внушает уважение и страшит,
Спокойна поступь и надменен взор —
В них вежливый, но ледяной отпор:
Все к послушанью призывает в нем...
Но он привлечь умеет и добром.
Тому, с кем ласков он, а не суров,
Его слова ценнее всех даров,
И, кажется, из глубины идет
Приветливый и низкий голос тот.
Но ласковым бывает редко он —
Поработать и властвовать рожден,
Считать привыкший в людях с юных дней
Повиновение всего ценней.

17

Охрана здесь на берегу ждала.
Стоял Хуан. «Ну, каковы дела?» —
«На бриге все, и шлюпка у камней
Ждет только вас!..» —
«Мой меч и плащ! скорей!»
Уж к поясу пристегнут крепко меч,
И темный плащ спадает с ловких плеч.
«Позвать мне Педро!» Вот он. И Конрад
Его приветствует, как друг и брат:
«Таблички ты прочтешь! Они важны,
В них указания ценные даны.
Удвоишь стражу и отдашь приказ
Ансельмо, как вернется он, тотчас.
Пройдут три дня, и полдень золотой
Возврат наш озарит!.. Друг, мир с тобой!»
Пирату верному он руку жмет,
Надменный, как всегда, садится в бот,
И весла, погружаясь в глубину,
Свеченьем ярким бороздят волну.
Вот и корабль, на палубе — Конрад;
Свисток свистит: все к парусам спешат.
Как точно слушается бриг руля!
Команду ободряет вождь, хваля.
К Гонзальво взоры обращает он.

Но вдруг он вздрогнул: чем он омрачен?
 Высокий замок перед ним возник,
 И вновь он пережил разлуки миг.
 Медора! смотрит ли на бриг она?
 Любовью к ней его душа полна.
 Но до восхода слишком много дел —
 Он, стиснув зубы, больше не глядел,
 В каюте, сев с Гонзальво у стола,
 Он обсуждает с ним свои дела
 И развивает план свой, горделив,
 При свете лампы карту разложив;
 До поздней ночи разговор течет,
 И времени они забыли счет.
 Меж тем попутный ветер свеж и прям;
 Как сокол, бриг несется по волнам,
 Минует острова, ему пора
 Скорее в порт — задолго до утра.
 Но вот увидели в ночной тиши
 Среди бухты множество галер паши.
 Считают их и видят, что заснул
 Беспечный мусульманский караул,
 Бриг незамеченный их миновал
 И лег в засаду меж высоких скал.
 Его скрывал гранитный черный мыс,
 Чей странный выступ над водой навис.
 Конрад призвал команду — не от сна:
 Всегда готова к подвигам она, —
 И был, над плещущей волной царя,
 Спокоен он, о крови говоря.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

... conosceste i dubiosi desiri?
Dante, Inferno, V, 120¹.

1

Залив Корони от галер пестрит,
 Из окон города свет ламп разлит.
 Затеял нынче пир паша Сеид,
 Тем пиром торжествуя наперед,
 Как он пиратов пленных приведет;
 А в этом поклялся Аллахом он;
 Фирману ² верный, был он принужден

¹ ...тайный зов страстей?
Данте, Ад, V, 120.

² *Фирман* — указ султана, шаха или иного мусульманского правителя.

Стянуть сюда весь флот могучий свой;
 Матросы бродят шумною толпой
 И спорят о призах один с другим,
 Забыв, что враг еще недостижим.
 Сомнений нет, что солнечный восход
 Пиратов побежденными найдет.
 Покуда ж часовые могут спать,
 Когда хотят, и в грезах убивать.
 А у кого велик избыток сил,
 На греках тот свой изливает пыл.
 К лицу герою с чалмоносным лбом
 Кичиться храбростью перед рабом!
 Он грабит дом, но жизнь щадит пока...
 Сегодня милосердная рука
 Не бьет затем, что сила велика,
 Хотя иной уже разить готов,
 Воображая завтрашних врагов.
 Гуляет, буйствует паши оплот.
 Кто хочет жить, смеется с ними тот
 И подает им лучшие блюда.
 Когда уйдут, — их будут клясть тогда.

2

Высоко в зале возлежит Сеид.
 Сонм бородатых шейхов ¹ вкруг сидит.
 Пилав ² доеден, шумный пир затих.
 Паша пьет вина, хоть запрет на них,
 А остальным плодов и ягод сок
 Рабы подносят, как велел пророк ³.
 Дым чубуков струится все сильней,
 И вьется в пляске легкий рой альмей ⁴.
 Заря увидит шейхов на волнах,
 Ночное море им внушает страх;
 Гуляке слаще спать среди перин,
 Чем над ревущей бездною пучин.
 Пируй, а надо драться, так в борьбе
 Корану доверяй, а не себе;
 И все ж так многочисленны войска,
 Что их победа кажется легка.

¹ *Шейх* — старейшина арабского племени, глава мусульманской общины; советник правителя.

² *Пилав* — плов.

³ Согласно Корану, священной книге мусульман, Мухаммед, пророк Аллаха на земле, повелел правоверным мусульманам воздерживаться от алкоголя.

⁴ *Альмея* (альме) — образованная певица и танцовщица, выступавшая на праздниках в домах мусульманской знати.

С поклонами приходит от ворот
 Раб, караулящий наружный вход;
 Сперва коснулся он рукой земли,
 Потом его уста произнесли:
 «Бежавший из пиратского гнезда
 Здесь дервиш; может он войти сюда?»
 Короткий взгляд Сеида он поймал
 И ввел святого человека в зал.
 Ладони дервиш на груди скрестил,
 И слаб был шаг его и взор уныл.
 Его состарил пост, а не года.
 Бескровным сделала его нужда,
 И небесам была посвящена
 Под капюшоном черная копна.
 Скрывали складки рясы стан его
 И грудь, что пела бога одного.
 Выдерживал спокойно взгляды он,
 Его сверлящие со всех сторон
 И жаждущие знать, какую весть
 Паша сейчас позволит произнести.

«Откуда ты?» —

«Меня держал пират,

Но спасся я...» —

«Где и когда ты взят?» —

«Из порта Скаланова на Хиос
 Шел наш корабль; но счастья не принес
 Нам тот поход: товаром овладел
 Пират с командой; плен был наш удел.
 Других богатств я потерять не мог,
 Как лишь свободу выбора дорог.
 Однажды ночью, в душной тишине,
 Рыбачий бот надежду подал мне,
 И я бежал, и здесь укрылся я.
 И кто ж, паша, страшится близ тебя?»

«Ну, что пираты? как у них дела?
 Готова ли к защите их скала?
 Не чуют ли, что пламя навсегда
 Сотрет следы змеиноного гнезда?» —
 «Паша! у пленного печален взгляд,
 И быть шпионом может он навряд.
 Я только слышал, как шумит волна,
 Спасти меня из плена не вольна,
 Я видел блеск сияющего дня,

И был он слишком ярким для меня.
Я знал — чтоб радостным опять мне быть,
Свои оковы должен я разбить.
Но сам судить ты можешь, раз я тут,—
Они опасности совсем не ждут;
Бежать бы рвался ночи я и дни
Напрасно, если б стерегли они;
Но тот, кто не видал, как я бегу,
Беспечно даст приблизиться врагу.
Паша! я слаб и морем утомлен,
Нужна мне пища, нужен крепкий сон.
Позволь уйти мне! Мир тебе! Прости.
Мир всем вокруг! Дай отдых, отпусти!»

«Стой, дервиш! Я не все еще спросил!
Ты слышишь?... Сядь, коль не хватает сил.
Накормит раб тебя и напоит.
Пируем мы, ты тоже будешь сыт.
Поевши, дашь ответ, о чем спрошу,
Полно и ясно — тайн не выношу».
В смущенье все на дервиша глядят.
Он бросил на Диван¹ недобрый взгляд,
И пиршество не правится ему,
И нет в нем уваженья ни к кому.
Как в лихорадке, в нем вскипела кровь,
Но лишь на миг,— он стал спокоен вновь;
Он сел в молчании, и строгий взор
Был полон мира, как и до сих пор.
Пир длился; дервиш отвергал блюда,
Как будто яд подмешан был туда.
Но после дней жестокого поста
Таким бесстрастным был он неспроста!

«Ты болен, дервиш? Ешь... Иль этот дом —
Дом христиан? или враги кругом?
Ты отвергаешь соль — священный знак!
С тобою соль деливший уж не враг:
Враждебные связует племена,
Братает ненавидящих она!»

«Соль приправляет лакомства; еда
Моя — коренья, а питье — вода;
И мой обет и мой закон таков:
Не ем ни среди друзей, ни среди врагов.
Пусть будет странным то, что я скажу,
Но головой своей не дорожу:

¹ *Диван* — совещательный орган при мусульманском правителе, состоящий из шейхов, министров и высших сановников.

За власть твою — нет! за султанов трон
Не стану есть, не преступлю закон.
Когда б его нарушил, то пророк
Не дал бы в Мекку ¹ мне найти дорог».

«Что ж, хорошо! Пути ты ищешь в рай...
Ответь мне только, а затем ступай.
Их сколько?.. Как, уж день?.. иль свет звезды?
Что там за солнце встало из воды?
Туда! Туда! На зарево беды!..
Предательство! Где стража? О пророк!
Пылает весь мой флот, а я далек!
Проклятый дервиш!.. Взять его в тюрьму!..
Так ты шпион! Держите! Смерть ему!»
Поднялся дервиш заодно с огнем.
Была ужасной перемена в нем;
Поднялся дервиш — больше не святой,
А воин вдруг, бросающийся в бой:
Снял капюшон, хламиду ² сбросил с плеч,
Блеснули латы, ярко вспыхнул меч,
Взвилось над шлемом черное перо,
И взгляд зажегся мрачно и остро.
Он адским духом показался им,
Который бьет, но сам неуязвим.
Смятение дикое и темный жар,
Внизу свет факелов,верху пожар,
Крик ужаса и смешанный с ним стон,
Проклятья громкие и ятаганов звон!
И самый воздух адом насыщен!
Рабы, спасаясь, видят, как во сне,
В крови весь берег, океан в огне.
И камнем крик паши идет ко дну:
«Взять дервиша! Держите сатану!»
Их видя ужас, с сердца сбросил тот
Отчаяния неподвижный гнет:
Ведь слишком рано; раньше, чем он ждал,
Пожар зажжен, хоть не был дан сигнал.
Их видя ужас, он свой рог схватил
И коротко, но резко протрубил.
Ему ответили... «Ответ мне мил!
И вашей быстроте не верил я!
И думал — бросили меня друзья».

¹ Мекка — город в западной части Саудовской Аравии, считающийся родиной пророка Мухаммеда; является главным местом паломничества мусульман.

² Хламида — у древних греков мужская одежда, представлявшая собой длинную мантию; длинное, до земли, одеяние.

В его руке мелькает лезвие,
Он мстит за промедление свое;
Их сводит бешенство его с ума,
Хоть он, как перст, один, а их — их тьма.
И множество тюбанов тут и там
Лежат раскрытые пополам.
Сеид, измучен, разъярен, тесним,
Сражаясь, отступает перед ним.
Хоть он и смел, но все ж его страшит
Противника великолепный вид!
И, видя флот, пожаром залитой,
Он, вырвав бороду, бросает бой.
Уже пираты ворвались в гарем¹,
Несутся, смертью угрожают всем.
Рабы бросают меч, моля с тоской
Пощады — тщетно; кровь течет рекой!
Корсары ломаются туда скорей,
Куда звал рог Конрада, где сильней
Стон жертв, где озверевшие мольбы
Свидетельствуют им исход борьбы.
Он перед ними, одинок и смел,
Как тигр насыщенный средь груды тел!
На их привет он кратко отвечал:
«Паше готовлю смерть, но он бежал!
Еще не все доделаны дела:
За флотом — город должно сжечь дотла!»

5

Они хватают факелы в ответ —
Пылает все: дворец и минарет.
В глазах вождя жестокий блеск возник,
Но вдруг погас — внезапный женский крик
Был для него как похоронный звон;
В боях бестрепетный — тут вздрогнул он.
«Они в гареме! Не прощу вину
Тому из вас, кто тронет хоть одну:
Месть рока упадет на наших жен.
Мужчина — враг, пусть будет он сражен,
А нежный пол быть должен пощажён.
Да! Я забыл! Но небеса и ад
Смерть беззащитного нам не простят.
Еще не поздно! Я зову вас всех
Снять с наших душ хотя бы этот грех»,
Взлетел по лестнице и в дверь вошел,
Хоть жег ступни ему горящий пол,

¹ *Гарем* (сераль) — женская половина дома у богатых мусульман в странах Востока, где существовало многоженство.

Хоть черный дым душил, стесняя грудь,
Из зала в зал он пролагал свой путь.
Нашли! Спасли! Несут сквозь гарь и жар
Добычу, полную волшебных чар;
Заботлив каждый; пестует, как друг,
Беспомощной красавицы испуг.
Так вождь умеет умирять их нрав,
Кровавые их руки удержав.
Но кто же та, что он спасать готов
Среди развалин тлеющих столбов?
Любовь приговоренной им души —
Краса гарема и раба паши!

6

Гюльнару он приветствовал едва
И не был щедр на теплые слова.
Покуда доблесть поступала так,
Объятый страхом, отступавший враг,
Погони не увидя за собой,
Замедлил бег и вновь рванулся в бой.
Сеид смотрел, и вдруг он увидел,
Что был отряд корсаров очень мал.
И вспыхнул он: вот что наделал страх
И неожиданность в его рядах!
Аллах! Аллах! Отмщенье возопит!
В слепую ярость вырастает стыд.
Зуб за зуб! Кровь за кровь! Пусть подтвердят,
Что миг удачи повернул назад.
Бежавший — в бой бросается теперь,
Разивший — защищается, как зверь.
Конрад опасность видит, видит он —
Его отряд врагами окружен.
«Сломаем цепь, прорвемся сквозь нее!»
Сомкнулись, бросились — напрасно все.
Сильней теснимы дикою ордой,
Без страха, без надежд кончают бой.
Уж беспорядка их ряды полны:
Они разбиты, смяты, сражены,
Но каждый борется еще, как лев,
И падает на землю, ослабев,
Удары расточая до конца,
И меч блестит в руке у мертвеца!

7

Но прежде чем вернулся враг назад
И с ним сражаться бросился Конрад,
Гарем с Гюльнарой, солнечным цветком,

Доставлен был в магометанский дом
И безопасностью там окружен,
И слезы высохли у дев и жен.
Прелестная Гюльнара смущена;
Припоминая, думает она
О том, каким учтивым был пират,
Как был приветлив голос, мягок взгляд.
Как! тот корсар, запачканный в крови,
Добрее, чем Сеид в часы любви?
Паша, лаская, ждал, чтобы она
Была той ласкою восхищена;
Корсар спасал и говорил тепло,
Как будто быть иначе не могло.
«Мне суетная мысль волнует кровь:
Того вождя хочу увидеть вновь.
Свершил он подвиг смелый и большой,
Спасая жизнь, забытую пашой».

8

Его увидела она: стеснен,
Завидуя убитым, дрался он.
Своих он потерял, но страшно враг
Платил за каждый выигранный шаг.
Упал в крови, но смерти не найдя,
И взяли в плен сраженного вождя
Затем, чтоб искупал вину и жил,
Чтоб месть его терзала свыше сил,
За каплей каплю кровь беря из жил,
Чтоб знал Сеид, жесток, нетороплив,
Что, вечно умирая, все ж он жив.
Победоносный вождь! Как, это он,
Чей взмах руки был только что закон?
Да, он! Обезоруженный стоит,
Но огорчен лишь тем, что не убит.
Ничтожны раны, кровью не истечь,
Он целовать готов разящий меч.
И неужели раны не хотят
Его отправить... в небо или в ад?..
Из всех один неужто не умрет
Он, потерявший им, сраженным, счет?
И он познал все то, что знает тот,
Кого низверг Фортуны поворот.
Гнев победителя сулил ему
Ужасных пыток медленную тьму,
И он страдал; но гордость, что вела
Его ко злу, снимала грусть с чела.
Торжественной суровостью хорош,

Конрад на победителя похож.
Ослаб от битвы, от засохших ран,
Но взор уверен и не согнут стан.
Хоть громко издали его клянет
Забывший страхи прежние народ,
Бойцы к нему почтения полны
И мужеством его удивлены.
А мрачный страж, ведя его в тюрьму,
Присматривался с ужасом к нему,

9

Явился лекарь, чтобы посмотреть,
Что может он еще перетерпеть;
Нашел, что цепь ему не тяжела,
И обещал, что пытка будет зла:
Назавтра солнце, опускаясь в дол,
Увидит казнь сажания на кол,
А утром, начиная новый бег, —
Как эту казнь выносит человек.
Страшней и длительнее пытки нет.
Сверх страшных мук — томящей жажды бред.
Смерть не придет, не сжалится судьба.
Лишь коршуны кружатся вокруг столба.
«Воды! Воды!» Но не омочит рот
И капля влаги: выпив, он умрет.
Вот приговор Конраду! Все ушли,
И он один в оковах и в пыли.

10

Хоть много чувств кипело в нем глухих,
Но он и сам не разбирался в них.
Бывает хаос в сердце и в уме,
Когда все спутано и все во тьме.
Сил потревоженных разорван круг,
И угрызение проснулось вдруг.
Как демон злой, молчавший много лет,
Когда все кончено — дает совет.
Напрасный голос! Разум не смущен,
Тот чужд раскаяния, кто силен!
И даже в час, когда душа полна
И для себя раскрыта вся до дна,
Нет страсти, нету мысли ни одной,
Что остальных затмила бы собой.
Лишь, как на смотр, летит со всех сторон
Живых воспоминаний миллион.
Тщеславие мертво, любовь нема.
И под угрозой честь и жизнь сама;

Восторг иссяк, лишь ненависть жива
К тому, кто не скрывает торжества;
Уныло прошлое, а впереди
Ни злого, ни хорошего не жди!
Дела, слова и мысли, что года
Не вспоминались, выплыли тогда!
То, что казалось просто и светло,
Вдруг преступленьем на сердце легло;
Ужасно зло, сокрытое от глаз,
И тайный грех губителен подчас.
Здесь все, что возмущает, взор страша,—
Как гроб разверстый: голая душа
Во всей печали, — гордость все ж сильна,
И разбивает зеркало она.
Да, гордость скроет, смелость даст отпор.
Все поправимо — только не позор.
Страх знает каждый! Скрыть его от всех —
Хоть ложь, но все-таки похвальный грех.
Не тот, кто чванством потрясает твердь, —
Храбр тот, кто молча принимает смерть
И так привык к «последнему прости»,
Что сам встречает смерть на полпути!

11

В высокой башне, в крепостных стенах,
Конрад сидит, закованный в цепях.
Погиб дворец пашы в пожаре, — тут
И пленник и весь двор нашли приют.
Не кажется Конраду жребий строг;
Казнил Сеида так же, если б мог.
Он в одиночестве — и погружен
В свое былое; но не грустен он.
Одну лишь мысль не смог он перенести:
«О, как Медора примет эту весть?»
Тогда — тогда лишь! — был на все готов
И рвался в исступленье из оков.
Потом нашел забвенье иль покой
И рассмеялся над своей тоской.
«Пусть завтра пытка истерзает грудь, —
Чтоб твердым быть, мне нужно отдохнуть!»
Подполз к матрацу, слабостью томим,
И сны мгновенно овладели им.
Начался бой лишь час тому назад,
И времени не тратил зря Конрад —
Секундам цену знает и злодей,
Свершая преступленье поскорей.
За час один с ним сколько перемен:

Был дервишем, разил, был схвачен в плен,
Смотрел на пламя, слушал ветра гул,
Губил, спасал, попал в тюрьму, уснул.

12

Он спит спокойно, даже иногда
Дыханья нет, — о, если б навсегда!
Он спит. Но кто над этим сном склонен?
Враги ушли, друзей не знает он.
Иль он утешен ангельским гонцом?
То женщина с божественным лицом!
В руке лампада; свет ее прикрыт,
Чтоб вдруг не осветить того, кто спит,
Незримой скорбью истомленных век,
Что, раз открыв, закроет он навек.
Прекрасна, темноглаза и строга,
В кудрях ее сверкают жемчуга,
Легка, как тень, ступни обнажены,
Как снег слепительны, как снег нежны.
Но как сквозь стражу пробралась сюда?
О, женщины бесстрашны иногда,
Когда влечет их жалость и беда!
Гюльнаре не спалось; пока Сеид
Во сне с пиратом пленным говорит,
Она вскочила, взяв кольцо-печать,
Что ей привычно было надевать,
И с ним прошла сквозь непроглядный мрак,
Показывая сонной страже знак.
Они устали, давит тяжесть грудь,
Им, как пирату, хочется уснуть.
Зевая и от холода дрожа,
Не сторожат уж больше сторожа:
Подымутся, посмотрят на печать
И, не спросив: «Зачем?» — уснут опять.

13

Она дивилась: «Спит спокойным сном!
Другие плачут и скорбят о нем,
И мой покой его судьбой смущен,
Зачем внезапно стал мне дорог он?
Да, правда, жизнь мою и честь он спас
И от позора оградил всех нас...
Но думать поздно! Сон его смущен!
Он дышит тяжело... вот проснулся он!»
Он поднял голову и, ослеплен,
Своим глазам сперва не верил он;
Пошевелил рукой, и звон оков

Вернул его в тюрьму из царства снов.
«Что за виденье вижу пред собой?
Неужто так красив тюремщик мой?» —
«Меня не знаешь ты! Суров и смел,
Не много совершил ты добрых дел.
Взгляни и не забудь! Ты спас меня
От ужасов позора и огня!
Зачем к тебе пришла, хоть ночь темна?
Хочу помочь — мне смерть твоя страшна». —
«Красавица, ты будешь здесь одна,
Кому конец мой не зажжет очей.
Победа их!.. пусть пользуются ей!
Но все же их любезность высока:
Прекрасней не встречал духовника». —
Как странно, что в союзе иногда
С веселостью смертельная беда!
Так хочет обмануть себя тоска
Улыбкой, но улыбка та горька.
Мудрейший и прекраснейший идет
С забавной шуткою на эшафот!
Так обмануть не стоит ничего
Сердца людей, — все, кроме одного.
Что б ни было с Конрадом, в этот миг
Смех дико развязал ему язык
И сеть морщин разгладил на челе, —
В последний раз, быть может, на земле.
Смех не к лицу тому, кто жизнь свою
В унынии провел или в бою.

14

«Корсар! ты на смерть осужден! Но я
Перед пашой защитница твоя.
Тебя жалею я, хочу, чтоб жил.
Сейчас для бегства у тебя нет сил.
Но что могу, то сделаю, чтоб скор
Не был бы так твой страшный приговор.
Ты видишь: большего нельзя сейчас,
А неудача гибельна для нас».

«Готов на все! Мне чужды боль и страсть!
Я низко пал, мне ниже не упасть...
Не соблазний, свободою маня:
То недостойно было бы меня.
Ужель бегу, врага не победив,
Из всех моих один останусь жив?
Есть женщина — о ней скорблю душой,
И взор мой увлажняется слезой.

Мне озаряли мрак земных дорог
Мой бриг, мой меч, моя любовь, мой бог,
Покинув бога, я покинут им
И волею его теперь казним.
Не оскорблю молитвой горний трон¹,
Как трус, что молит, страхом удручен.
Я все снесу, и не раздастся стон.
Пусть выбит меч из недостойных рук —
Он был мне верный и надежный друг!
Пусть бриг на дне — лишь о моей любви
Готов молитвы расточать мои.
О! к жизни лишь она меня зовет.
Но смерть моя ей сердце разобьет,
Увянет цвет... Гюльнара, до тебя
Я равных ей не замечал, любя». —
«Другую любишь? Что мне до того?
Что? Ничего!.. навеки ничего...
И все ж... ты любишь! Как счастлива та,
Что верным сердцем верно понята,
Не зная пустоты, грез не тая,
Не мучаясь о вымыслах, как я». —
«Как, ты того ласкаешь, не любя,
Кому я из огня вернул тебя?» —
«Любить пашу? Любить его! О нет!
Старалась прежде я найти ответ
На страсть его, но лед в моей крови.
Я знаю: без свободы нет любви.
А я раба, хоть избрана пашой,
Хоть кажется, что счастлива душой!
Я сердце спрашиваю иногда:
«Ты любишь ли?» — но не ответит: «Да!»
Как выносить ту нежность тяжко мне,
Сражаясь с отвращеньем в глубине,
И, ужас в сердце затаив своем,
От одного скрывать другого в нем!
Берет он руку — ах! мне все равно,
И кровь течет спокойно, холодно;
Отпустит — падает, как не жива,
И ненависти нет, и страсть мертва.
Лобзание не греет мне уста,
Я ледяною дрожью облита.
Когда б я знала чувств горячих пыл,
Быть может, гнев мне сердце обновил,
Но встреч не жду и расстаюсь легко.
Он — здесь, я в мыслях — где-то далеко.

¹ Горний трон — престол бога.

Приходят думы — я боюсь и жду,
Когда до омерзенья я дойду.
Чем быть его женою, — что мне честь! —
Я рабство предпочла бы дальше несть.
Когда б ту страсть развеяли ветра,
Когда б ласкал другую до утра,
Счастливой стала б я — еще вчера!
Коль любящей я буду в эту ночь,
Знай, пленник, — это чтоб тебе помочь.
Я жизнь за жизнь тебе надеюсь дать.
И будешь ты с любимой опять
Делить любовь, которой мне не знать.
Прощай! уж утро! Пусть мне будет ложь
И тяжела — но завтра не умрешь».

15

Прижала к сердцу пленника персты,
И были грустны нежные черты;
Потом исчезла, как чудесный сон.
Была ли здесь? Один ли снова он?
Но на цепях его горит алмаз —
Слеза, пролитая из ясных глаз
Святой и сострадательной тоской,
Граненная нездешнею рукой.

Волнующа, опасна, как гроза,
Пленительная женская слеза!
Оружье слабой женщины, она,
Как щит и меч, спасительно сильна.
Что добродетель перед ней сама,
Раз Мудрость сходит от нее с ума?
Пал целый гордый мир, бежал герой
За робкой Клеопатриной слезой¹.
И многие — не только триумвир —
Земной теряли и небесный мир
И принимали ужас вечной мзды,
Чтоб выручить кокетку из беды!

16

Уж утро. На чертах его немых
Играет луч, но нет надежды в них.
Что ждет его? Быть может, на чело
Опустит ворон черное крыло,

¹ *Юлий Цезарь* («герой») — древнеримский диктатор, участник триум-
вирата; влюбился во время египетского похода в Клеопатру, царицу Египта.

Его сомкнувшимися глазам незрим,
И сядет солнце, и роса, как дым,
Прохладою тумана своего
Все оживит, но только не его!

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

... come vedi, ancor non m'abbandonna,
Dante, Inferno, V, 105¹.

1

Холмы Мореи ² превратив в пожар,
Садится медленно багровый шар;
Нет, здесь не Север, где обвит он мглой,—
Здесь блеск неомраченный и живой!
И желтый луч, пронзая глубину,
Сверкает сквозь зеленую волну.
Эгинских скал позолотив хребет,
Бог радости последний шлет привет;
В родной стране он длит конец зари,
Хоть здесь его разбиты алтари.
Уж тени гор бросают длинный клин
На твой залив, суровый Саламин!
Их арок голубых далекий ряд
Багрянцем зажигает жаркий взгляд,
И краской нежной, видною чуть-чуть,
Бог отмечает свой веселый путь,
Покуда, мрак раскинув в ширину,
За скат Дельфийский не сойдет ко сну.

В такой же вечер так же цвел закат,
Когда — Афины! — умирал Сократ ³.
О, как была страшна ночная тень,
Кончавшая его последний день!
О нет! о нет еще!.. и день не гас,
И долго длился драгоценный час.
Но что лучи тому, чей меркнет взор?
Ему безрадостно сверканье гор.
Заря казалась скудна и тускла,
А прежде Феб не хмурил здесь чела.

¹ ...Этот плен ты видишь нерушимым.
Данте, Ад, V, 105.

² *Морея* — южная оконечность Балканского полуострова.

³ Древнегреческий философ Сократ был приговорен в Афинах к смерти и покончил с собой, выпив яд.

Еще он не зашел за Киферон¹,
А кубок с ядом был уж осушен,—
Бесстрашно тот покинул мир земной,
Кто жил и умер, как никто иной.
Чу! над Гиметом², высока, светла,
Царица ночи медленно взошла.
Предвестник бурь — туманное кольцо —
Не закрывал ей дивное лицо;
Колонна возносила в лунный хмель
Свою сверкающую капитель³,
И, словно разлитой дрожащий свет,
Серп воссиял, венчая минарет⁴,
Густые рощи трепетных олив,
Там, где Кефис⁵ струится, говорлив,
Печальный, черный кипарис, мечеть
И над киоском блестящая медь,
И пальма, чей таинственный шатер
На храм Тезея тени распростер,—
Все чар полно и взоры все влечет,
И лишь бесчувственный здесь не вздохнет.

Опять беззвучно море, присмирив,
Баюкая в груди уснувший гнев,
И волны нежной радугой горят,
То золотой, то изумрудный ряд
Сливая с тенью дальних островов,
Где океан и ласков и суров.

2

Не о тебе пою, но мысль с тобой!
Увидев моря твоего прибой,
Как имя я твое не назову?
Как не отдамся снова волшебству?
Афины! Солнца твоего заход
Кто видел раз, уж не забудет тот.
И сердцем сквозь пространство и года
К Цикладам⁶ я прикован навсегда.
Но не чужда героям ты моим:
Конрадов остров прежде был твоим,
Тебе его с свободой возвратим!

¹ Киферон — горный кряж в Греции.

² Гимет — гора в Аттике.

³ Капитель — верхняя часть колонны.

⁴ Минарет — высокая башня при мечети (мусульманской церкви), с которой муэдзин (священнослужитель) созывает мусульман на молитву.

⁵ Кефис — река в Аттике.

⁶ Циклады — Цикладские острова в Эгейском море.

Закат потух. Последние лучи
 Истаяли, и мечется в ночи
 Медоры сердце, — третий день минул,
 И нет его! ее он обманул!
 А ветер слаб, и ласков моря гул.
 Вернулся бриг Ансельмо; ничего
 Они не знали о судьбе его.
 Когда б Конрад — о, если бы он знал! —
 Один вот этот парус подождал!
 Поднялся сильный бриз. Весь день вдали
 Ей мачты чудились и корабли.
 Гонима нетерпением, она
 К ночному берегу сошла одна
 И там бродила; яростный прибой
 Мочил ее одежды, гнал домой.
 Покинуть берег не хватало сил,
 Ей холод только сердце леденил.
 Уверенность росла, страшней всех мук, —
 Она б сошла с ума, явись он вдруг.

И наконец... потрепанный баркас!
 Гребцы увидели ее тотчас.
 Измучены и скупы на слова,
 Они сказали, что спаслись едва,
 И замолчали, слов не находя,
 Чтобы гадать об участи вождя.
 И что могли сказать? Ведь неспроста
 Им вид Медоры связывал уста.
 Все было ясно! Не склонив чела,
 Она всю тяжесть горя приняла.
 Величье чувств, готовое к борьбе,
 Плоть нежная ее несла в себе.
 Была надежда — плакала она;
 Погибло все, и вот она сильна.
 И эта Сила говорила ей:
 «Уж ничего не может быть страшней!»
 Такой же темной мощностью согрет
 Жестокой лихорадки жаркий бред!
 «Безмолвны вы, но в вашем сердце тьма,
 Не говорите!.. Знаю все сама!
 Хочу спросить... а губы не хотят...
 Скорей ответьте, где лежит Конрад?»

«Не знаем, госпожа! Но говорит
 Товарищ наш, что не был он убит...
 Он был пленен, в крови... но он был жив!»

Она не внемлет: волю сокрушив,
Прорвались чувства, хлынув, как волна.
Ее душа была побеждена:
Она шатается и падает; прибой
Готов ей быть могильной пеленой.
Здесь много грубых рук и мокрых глаз,
И помощь ей оказана тотчас:
Кропят водой, стараются поднять,
И жизнь к ней возвращается опять...
Позвав к ней жен и девушек скорей,
Которые расплакались над ней,
Идут к Ансельмо: будет нелегко
Сказать о том, что было, коротко,

4

Они совет держали меж собой;
Их речь дышала местью и борьбой.
Ни отдыха, ни страха! Как везде,
Был дух Конрада с ними и в беде.
Что б ни было, те, чей был вождь Конрад,
Коль жив — спасут его, коль мертв — отмстят.
Враг, берегись! Еще не сражены
Все, кто храбры и чьи сердца верны.

5

В своем гареме сумрачный сидит
И думает о пленнике Сеид.
И мысль его то в неге, то во тьме:
То близ Гюльнары, то опять в тюрьме,
У ног его рабыня без конца
Готова тень сгонять с его лица.
На взгляд огромных пристальных зрачков
Не отвечает взглядом он, суров.
И кажется, что к четкам он склонен,
Но мысленно терзает жертву он.
«Паша! настал твой час... Какой удар
Тобою нанесен!.. В плену корсар.
И он умрет... он заслужил того.
Но что та смерть для гнева твоего?
Ценой сокровищ эта голова
Могла бы выкуплена быть сперва:
Пиратский клад богат, неоценим.
О, если б, мой паша, владел ты им!
Пиратапустишь, но возьмешь опять.
И трудно ли затравленного взять?
Остатки шайки, коль умрет Конрад,
В другие страны увезут тот клад...»

«Когда б за каплю крови он мне дал
За каждую алмаз или опал,
Когда б за каждый волос вместо мзды
Сияли горы золотой руды
И сказочные клады всех времен
Лежали б здесь, — не откупился б он!
И час бы я не медлил ни один,
Когда б над ним я не был господин.
Я страстно выбираю месть мою
И, долго муча, долго не убью».

«Сеид, твой гнев смягчить я не хочу.
Он слишком справедлив, и я молчу.
Хотелось мне добыть тот ценный клад
Тебе, — отпущен, не уйдет пират,
Бессильный, потерявший мощь и рать:
Прикажешь ты — он будет взят опять». —
«Он будет взят опять... И должен я
Его пустить... когда в руках змея?
Простить врага? Чья просьба? Ах, твоя!..
Ходатай мой прекрасный! хочешь ты
Так отплатить за проблеск доброты,
С какой гяур спасал одну лишь ту,
Чью, верно, он заметил красоту?
Его превозношу за это сам.
Но дай ушко, совет тебе я дам:
Тебе не верю, женщина! От слов
Твоих сомненьям доверять готов.
В его объятьях, бросив свой сераль,
Скажи, мечтала ль ты бежать с ним вдаль?
Ответ не нужен — вижу, как зажег
Преступный пламень бледность этих щек.
Смотри, прекрасная, поберегись,
И не о нем одном теперь молись!
Лишь слово... Нет... молчи на этот раз...
Будь проклят миг, когда тебя он спас
Из пламени, уж лучше б ты... Но нет...
Был без тебя бы горек этот свет.
Обманщица! ты слишком уж смела.
Тебе подрежу быстрые крыла.
Напрасных слов я тратить не люблю,
Но знай, измены я не потерплю!»

Он встал и медленно к дверям пошел,
С угрозой на устах, угрюм и зол.
Ты плохо знаешь женщину, Сеид!
Проклятие ее не устрашит.
Тебе ль представить, было, как она

Бесстрашна в гневе и в любви нежна!
Она обижена: ей невдомек,
Что корень сострадания так глубок.
Сама рабыня, знает всю печаль
Она неволи, пленника ей жаль.
И вот, не думая себя беречь,
Опять о нем она заводит речь,
И вновь свирепствует паша... пока
Не закрадется в сердце к ней тоска.

6

Меж тем страшны, без радостей, без дел,
Тянулись дни и ночи. Он был смел.
Но ужас и сомненья этих дней!
Ведь каждый час мог смерти быть страшней,
Ведь каждый раб, что за стеной прошел,
Мог быть за ним, вести его на кол.
Ведь каждый звук, раздавшийся во мгле,
Мог быть уже последним на земле.
Но дух его, надменен и суров,
Был смерти чужд и к смерти не готов.
Он был измучен, но безмолвно нес
Сомнения ужаснее угроз.
Тревога бури, битвы жаркий шум
Не оставляют времени для дум.
Но, ослабев от непривычных пут,
Стать жертвой настроений и минут,
Припоминать и каяться себе
В своих ошибках и в своей судьбе,
Хоть ничего уж не вернешь назад;
Считать мгновенья, что к концу спешат,
Без друга, кто потом сказать бы мог,
Что перед смертью ты не изнемог,
А черной клеветой вражья рать
Последний час твой рада запятнать;
Ждать мук, которых не страшится честь,
Но телу, может быть, не перенести;
Глубоко знать, что за единый стон
Ты будешь доблести своей лишен;
Жизнь оставляя здесь, взамен не ждать
Небесную скупую благодать,
Эдем неверный, — но земной свой рай
Терять, возлюбленной сказав: «Прощай!» —
Вот мысли, что переносил Конрад, —
Тоску смертельней, чем телесный ад.
И он терпел ее! Хватало ль сил?
Не все ль равно — раз он переносил!

Проходит день — Гюльнара не идет,
 Второй и третий — он напрасно ждет.
 Но все же в том, что он живет еще,
 Угадывает силу чар ее.
 Прошел четвертый день, и ночь пришла.
 Был мрак жесток, была погода зла.
 Как шумом моря наслаждался он!
 Впервые этот шум был так силен...
 И дикий дух, желаний диких полн,
 В ответ на грохот разъяренных волн
 Как часто взнуздывал крылатость ту,
 Как буйную любил он быстроту!
 И каждый всплеск в ушах звучал родным...
 Так близок... но, увы! недостижим.
 Протяжно выла буря; и кругом,
 Все сотрясая, с силой падал гром;
 Но за решеткой молний борозды
 Ему милей полуночной звезды.
 К окошку цепь свою он приволок:
 О, если б смерть найти сейчас он мог!
 К сполохам поднял руку в кандалах,
 Моля, чтоб тело обратили в прах;
 Их призывали и мольбы и сталь —
 Но, не сразив, гроза умчалась вдаль.
 Все тише гул... Как будто страшный стон
 Неверным другом был пренебрежен!

Пробила полночь. Легкий шаг к дверям
 Приблизился... затих... помедлил там.
 Ключ повернулся, загремел засов:
 Она! к ее приходу он готов.
 Как ни погряз в грехах он, в эту тьму
 Прекрасный ангел послан был ему.
 Но изменилась в эти дни она,
 Так стала трепетна и так бледна.
 Был взгляд ее тревожен и несмел,
 Он говорил без слов: «Смерть — твой удел»...
 «Смерть твой удел, и близок страшный час,
 Но все же пытка хуже во сто раз». —
 «Что мне спасенье! так три дня назад
 Я говорил... Не стал другим Конрад!
 Зачем пирата хочешь ты спасти?
 Свой приговор он заслужил нести.
 За все дела, которых и не счесть,

Наградой будет мне Сеида мечь».
«Зачем хочу спасти тебя?.. Тот раз
Меня от страшной участи ты спас.
Ты, как слепой, не видишь ничего,
Коль не узнал волнения моего.
Скажу ль тебе о том, чем вся полна?
О чувствах женщина молчать должна.
Преступный, душу ты смутил мою,
Тебя боюсь.... жалею... и люблю.
Но о другой не говори мне вновь,
Напрасной не зови мою любовь:
Пусть хороша другая и нежна,
Того, что я, не сделала б она.
И разве, сердцем преданным любя,
Покинула б я одного тебя?
Жена корсара!.. Что же господин
Ее скитается всегда один?
Не возражай... теперь не к месту речь:
На волоске висит над нами меч!
Коль не боишься рваться напролом —
То вот тебе кинжал! Встань и пойдем». —
«Да, в кандалах! Пожалуй, слишком тих
Меж спящих сторожей пройду я в них.
Ты не подумала про цепь мою?
И это ли оружие в бою?»

«Неверный... Стражу подкупила я,
Готова к бунту, золотом маня.
Скажу лишь слово — цепи упадут,
Была б я разве без подмоги тут?
Я говорила с ними день и ночь,
Была коварна, чтоб тебе помочь.
...Нет! наказать тирана не грешно.
Конрад! Паша умрет... так быть должно!
Ты содрогаешься? Но как простить?
Я им оскорблена, я жажду мстить,
Он обвинил в неверности меня —
Не изменяла я, обет храня.
Да! Смейся... только в чем моя вина?
Тебя не знала и была верна.
Но так сказал он, ревностью томим,
И над тираном злобным мы свершим
Судьбу, предсказанную им самим.
Меня купив, был щедр он, может быть,
Но сердца моего не смог купить.
Была безропотной — он смел сказать,
Что я с тобой хотела убежать,

Но пусть авгур¹ познает торжество:
Исполнится пророчество его...
Ты жив еще не по моей мольбе:
Готовит он мучения тебе
И мрак отчаянья — своей рабе.
Да, мне грозит он: но, пока влюблен,
Для прихоти меня оставил он;
Когда же чар рассеется туман,
Мешок готов и близок океан!
Что ж? Так и быть игрушкой для глупца,
Покуда краски не сойдут с лица?
Тебя увидела, тебя люблю
И благодарность докажу мою.
Когда бы не грозила мне беда
(Угрозы выполняет он всегда!),
Тебя б спасла, не трогая пашу.
Вот я твоя! тобой одним дышу!
Меня не любишь и не знаешь ты.
То — первый гнев мой... первые мечты...
Ты б не боялся, испытав меня,
Души Востока страстного огня.
Он твой маяк спасения, он тот,
Что в гавани нас к шлюпке приведет,
Но в комнате, там, где наш путь лежит,
Спит — не проснется больше он — Сеид!»

«Гюльнара! до сих пор я сам не знал,
Что так бессилен и так низко пал;
Сеид, мой враг, готовил гибель мне
В открытой, хоть безжалостной войне;
И я пришел на корабле своем,
Чтобы разить разящего мечом;
Мое оружие меч, а не кинжал,
Я спящих никогда не убивал.
И не для этого тебя я спас,
Не дай о том мне пожелеть сейчас.
Теперь прощай! Найди себе покой.
Коротким будет сон последний мой!»

«Сон! сон! А завтра хлынет пот со лба,
И будешь корчиться вокруг столба.
Но взор мой не увидит муки той,
И, если ты погибнешь, — я с тобой!
Жизнь, ненависть, любовь моя, корсар, —
Все на земле решает твой удар!
Как без того бежим мы? Ведь Сеид

¹ *Авгур* — в древнем Риме — жрец, толковавший волю богов по пению и полету птиц; прорицатель, предсказатель.

Догонит нас. И не отмщу обид...
Всю молодость... ужасные года!
Один удар сотрет их навсегда.
Но если только меч ты признаешь,
То женская рука подымет нож.
Корсар! с удачей я вернусь сюда —
Иль мы не встретимся уж никогда,
И завтра солнце, в нашем встав краю,
Увидит саван мой и казнь твою».

9

Исчезла прежде, чем ответил он,
Но он следил за ней, воспламенен;
И, цепи подобрав свои как мог,
Чтобы, звеня, не путались у ног,
Взволнован видом отпертых дверей,
Он бросился в проход, спеша за ней.
Мрак, повороты, и в ночной тиши
Нигде ни лампы, ни живой души.
Вдруг сумеречный свет мелькнул сквозь тьму.
Что обещает этот луч ему?
Он наугад идет... вот холодок
Предутренний ему лицо обжег.
Он — в галерее... перед ним встает,
Уже бледнее, звездный небосвод,
Но он не смотрит даже — огонек
В покое дальнем взор его привлек.
Туда спешит: из двери на него
Струится свет, и больше ничего.
Скользнула тень, во мраке неясна,
Остановилась... дрогнула... Она!
Но нет следов содеянного зла.
«Она убить Сеида не смогла!..»
Но взор ее, исполненный огня,
Внезапно испугался света дня,
Поток волос отбросила она,
Лицо скрывавший, словно пелёпа,
Как будто наклонялась перед тем
Над кем-то, кто ужасен был и нем.
Он видит — чуть заметно и бледно,
Ее рукой оставлено пятно
На лбу, где черная змеится бровь,
Знак преступления — чужая кровь!

10

Он видел битвы... он в тюрьме скорбел,
Угадывая страшный свой удел,

Терпел соблазн и кару, был суров
Под беспросветным бременем оков
И, зная бой, плененье и позор,
Ни перед чем на свете до сих пор
Так не бледнел в ознобе ледяном,
Как перед этим пурпурным пятном.
Неясный знак, почти что ничего —
Но вся краса исчезла для него!
Он часто видел кровь, не дрогнув, — та
Была мужской рукою пролита.

11

«Все кончено! Он лишь вздохнул во сне...
Он мертв... и дорого ты стоил мне.
Теперь слова напрасны все... Прочь!.. прочь!..
Нас ждет баркас... уж миновала ночь...
И пусть примкнет, кто предан мне и смел,
К тем из твоих бойцов, кто уцелел.
А мой поступок объясню потом,
Когда от берега мы отойдем».

12

Ударил в ладоши — и скорей
Бегут и мавр и грек, покорны ей.
Они спешат с него оковы снять.
Как ветер гор, свободен он опять.
Но на душе смертельно тяжело,
Как будто бремя уз туда легло.
В молчании Гюльнарой подан знак,
Открылась дверь, ведущая во мрак.
Они спешат, и вот уж у их ног
Волна ласкает золотой песок.
Конрад — за ними. Равнодушен он
К тому, обманут он или спасен.
Он ко всему готов и терпелив,
Как если бы паша еще был жив.

13

Играет ветер, паруса шуршат,
И погрузился в прошлое Конрад.
Внезапно вырос черной грудой скал
Мыс, где недавно якорь он бросал.
С той ночи минули — так коротки! —
Века злодейства, ужаса, тоски.
Когда ж над мачтою утес навис,
Закрыв лицо, его склонил он вниз
И вспомнил все: Гонзальво, час борьбы,

Свою победу, поворот судьбы,
Но, грустью по возлюбленной томим,
Он поднял взор — убийца перед ним!

14

Гюльнара изнывает оттого,
Что видит отвращение его,
И гаснет жаркий гнев в ее глазах
И в поздних проливается слезах.
Ему сжимает трепетно персты:
«Пусть не простит меня Аллах, но ты...
Что было бы с тобой, когда б не я?
И хоть сейчас не упрекай меня!
О, ночь ужасная! Себя сама
Не узнаю... почти схожу с ума.
Любви не зная, зла не совершив,
Была б чиста, но ты бы не был жив!»

15

Она ошиблась: он ее ни в чем
Не обвинял, вина себя во всем.
В его груди, незримы, глубоки,
Изнемогали мысли от тоски.
А между тем бриз гонит их домой,
Лазурный вал играет за кормой.
Вдруг точкой... бликом... парусом возник
Из дальней мглы вооруженный бриг.
На нем давно заметили баркас
И парусов прибавили тотчас:
И приближается к ним с быстротой
Высокий нос и пушек грозный строй.
Вдруг вспышка! За баркасом взрыв волну,
Шипящее ядро пошло ко дну.
Тогда от дум очнулся вдруг Конрад,
И радостью его зажегся взгляд:
«Мой бриг... мой алый флаг... Кто б думать мог?..
Я на море еще не одинок...»
На бриге узнают сигнал и крик
И плюшку на воду спускают вмиг.
Уж с палубы приветствуют его,
На лицах всех восторг и торжество.
Взволнован каждый и безмерно горд,
Следя, как снова всходит он на борт;
Улыбка раздвигает им уста,
И радость искренняя их проста.
Он, вдруг забыв беду и неуспех,

Как старый вождь приветствует их всех,
Ансельмо руку жмет и уж опять
Готов приказывать и побеждать!

16

Но не один пират был огорчен
Тем, что без боя вождь их возвращен.
Неужто правда женщина могла
Свершить такие смелые дела?
Ее царицей сделают тогда.
Разборчивость Конрада им чужда.
К Гюльнаре взоры их обращены,
Улыбки изумления полны,
И смущена их любопытством та,
Кем кровь была бесстрашна пролита.
Чтоб скрыть лица тревожную игру,
Она спускает легкую чадру
И, руки на груди сложив крестом,
Покорно ждет, что будет с ней потом.
Безумным бешенством иступлена,
В любви, в борьбе чудовищна, нежна,
Все оставалась жепщиной она!

17

Как мог ее не пожалеть Конрад?
Того, что было, не вернуть назад;
Его не смоют слезы тысяч глаз,
И небо покарает в страшный час.
Да! для того, чтоб стал свободен он,
Кровь пролилась, кинжал был занесен,
И отдала она, забывши страх,
Все на земле и все на небесах!
На чернооковую взглянул в упор;
Она печально опустила взор,
Смиренна, и покорна, и слаба.
Подчеркнута тенями бледность лба
И щек — румяно лишь одно
Оставленное мертвецом пятно.
Он сжал ей руку; дрогнула она,
В любви покорна, в ярости страшна.
Он сжал ей руку — и его рука
Уж не была сурова и жестка.
«Гюльнара... Милая!..» Ни слова — нет!
Лишь очи подняла ему в ответ
И молча бросилась ему на грудь!
Ее бесчеловечно оттолкнуть
Не согласилось сердце бы ничье,

И даже он не оттолкнул ее.
Не будь предчувствий у людских сердец,
Пришел бы верности его конец.
Изменой не был поцелуй его,
Он не просил иного ничего.
Второго слабость не смогла украсть
Для губ, чьи вздохи напоила страсть,
Для губ, чей аромат, казалось, был
Навеян взмахами незримых крыл.

18

На дальний остров уж спустилась мгла,
Но им знакома каждая скала.
В их гавани шум, голоса, свистки,
Привычный свет струят к ним маяки,
Навстречу им уже спешат челны,
И прыгают дельфины из волны,
И даже чаек хриплый, резкий стон
Приветствием веселым окрылен!
И каждый луч в решетчатом окне
Им говорит о друге или жене.
О, как очаг священен для того,
Кто с гребней моря смотрит на него!

19

Там, где маяк сияющ и высок,
Конрад Медоры ищет огонек.
Но нет! Как странно: изо всех одно
Ее окошко не освещено.
Как странно: он не встречен в первый раз!
И неужели свет ее угас?
На берег первым мчаться он готов,
Нетерпеливо торопя гребцов.
О, если б крылья сокола иметь,
Чтоб на вершину, как стрела, взлететь!
Но вот передохнуть гребцы хотят.
Их ждать нет сил! Уже в воде Конрад,
До берега добрался вплавь, потом
Наверх тропинкой поспешил бегом.
Вот он у двери... В башне тишина
Глубокая, и ночь вокруг темна.
Он громко постучал, но ничего
Не говорит, что слышали его.
Он постучал слабее, и робка
Была его дрожащая рука.
И кто-то дверь открыл, но не она,

Не та, что так любима, так нужна!
Молчание... и дважды он вопрос
Хотел задать, но все ж не произнес.
Взял факел... — все увидит он сейчас! —
Но уронил его, и тот погас.
Другого не подумал ждать огня,
Как здесь не стал бы ждать прихода дня.
Но в темном коридоре, где он шел,
Далекий свет чертил тенями пол.
И он вошел к ней... и увидел то,
Что сердце знало, страхом облито.

20

Он стал без слов, вперив недвижный взор,
И больше не дрожал, как до сих пор.
Так смотрим мы, боря печаль и бред,
Боясь сознаться, что надежды нет!
Она цвела спокойной красотой,
И смерть оставила ее такой.
И вложены холодные цветы
В холодные и нежные персты.
Казалось, спит она притворным сном,
И было бы смешно рыдать о том.
Скрывали шелк ресниц и холод век
То, перед чем бледнеет человек.
Смерть не жалеет блеска ясных глаз,
И волей смерти разум в них угас.
Пришел закат двух голубых светил;
Но рот еще всю прелесть сохранил.
Вот-вот улыбкой дрогнет уголок,
И лишь на миг так замкнут он и строг..
Но пелена, но каждая из кос —
Ряд светлых и безжизненных волос —
Бывало, разлетались, так легки,
И летний ветер с них срывал венки!..
Все дышит смертью, мрачен облик весь,
Она ничто... Тогда зачем он здесь?

21

Зачем вопросы? Правдою была
Недвижимая мраморность чела.
Не все ль равно, как смерть она нашла?
Его любовь, надежда лучших дней,
Живая радость, всех других нежней,
Единственное в мире, что любил,
Похищено; он это заслужил,
Но он страдал. У праведных есть свет

Спасительный, его у грешных нет.
Гордец, себе избравший здесь, внизу,
Земной восторг и горькую слезу,
Теряет все, лишаясь пустяка.
Но всем потеря радостей горька!
Порою мужественный взор таит
Глухую боль мучительных обид,
И безнадежностью подавлен тот,
Кому улыбка изгибает рот.

22

Тот говорит о муках не легко,
Кто их переживает глубоко.
Без счета мысли сходятся к одной
И замкнуты безвыходной стеной.
Для тайны сердца слов не подберешь,
И многословное страданье — ложь!
Конрад до дна опустошен тоской,
И мертвый в сердце у него покой,
И так он слаб, что взор влажнит слеза,
И горько плачут гордые глаза.
Но малодушная глухой порыв
Вскрывает муки, их не облегчив.
Когда б один он не был, никогда
Не пролилась бы горькая вода.
С разбитым сердцем, без надежд, без сил,
Уйдя отсюда, их он осушил.
Восходит солнце — день Конрада сер!
Приходит ночь — ей нет краев и мер!
Страшнее мрака нет, чем ночь сердец,
И горе — безнадежнейший слепец!
Смотреть боится, прячется во тьму,
И не найти поводыря ему.

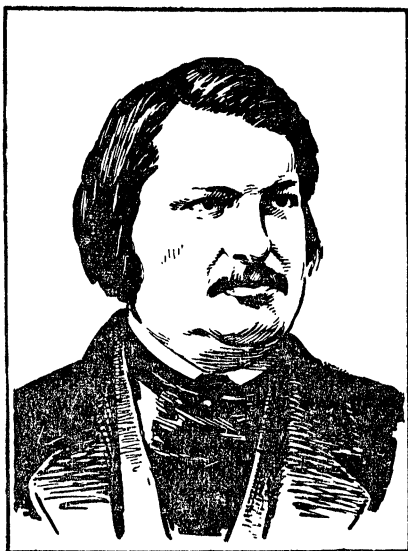
23

Добра не ведав, злу предался он,
Обманут рано, долго обольщен.
Но мысль его, как капля, что течет,
Просачиваясь сквозь пещерный свод,
Свершив свой путь, уж больше не светла,
Но холодом и камнем проросла.
Вдруг молния ударила в утес;
Как он, Конрад грозы не перенес.
Над краем бездны расцветал цветок,
В своей тени утес его берег,
Гром поразил обоих, — и разбит
Лилей цвет и сумрачный гранит.

От молнией сожженного цветка
Не сохранилось даже лепестка;
А где стоял его холодный друг,
Осколки черные лежат вокруг!

24

Уж утро. Кто же грусть его прервет?
Ансельмо на скалу к нему идет.
Там нет его, он не сходил к воде;
До ночи ищут, не найдя нигде.
И снова день, и нет его опять;
Лишь эхо устает им отвечать.
Пядь каждая обыскана земли:
От шлюпки цепь на берегу нашли,
И тотчас вышли в море корабли.
Напрасно все — день катится за днем,
Конрада нет, и нет вестей о нем,
И нет нигде судьбы его следа:
Погиб ли он иль скрылся навсегда?
Пираты плакали о нем одни...
Медоре камень возвели они.
Конраду памятник не водружен:
Кто знает, может быть, не умер он —
Корсар, чье имя воскрешает вновь
Тьму преступлений и одну любовь.

БАЛЬЗАК

Великий французский писатель Оноре Бальзак (Honoré Balzac, 1799—1850) не успел осуществить грандиозного замысла «Человеческой комедии» — эпического цикла, который должен был состоять из ста пятидесяти произведений и стать, по мысли автора, художественным исследованием всей «социальной действительности» его времени. Написано было девяносто шесть произведений: Бальзак подвижнически трудился в течение двадцати лет, не выпуская из пальцев пера по 15—16 часов в сутки. Но и в незавершенном виде «Человеческая комедия» — величайшее создание художественного гения, всеобъемлющая панорама человеческих судеб, отношений, характеров, пристальное исследование жизни французского общества в период от Ватерлоо до революции 1848 года. «Бальзак... в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную историю французского общества, описывая в виде хроники почти год за годом, с 1816 по 1848 г., все усиливающийся напор поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое после 1815 г. перестроило свои ряды и снова, насколько это было возможно, показало образец старинной французской изысканности. Он показывает, как последние остатки этого образцового для него общества либо постепенно гибли под натиском вульгарного богача-выскочки, либо были им развращены», — писал Энгельс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1953, стр. 405).

Бальзак считал, что его задача как художника — проникнуть в самое существо действительности, вы-

явить ее закономерности, ее характерные черты и на основании этого определить законы, этой действительностью управляющие, «уловить скрытый смысл огромного скопища типов, страстей и событий». В соответствии с художественной задачей в «Человеческой комедии» Бальзак выделял три основных раздела. В первый входили «Этюды о нравах», которые, в свою очередь, подразделялись на шесть циклов: сцены частной жизни, сцены парижской жизни, сцены провинциальной жизни и т. д. Этот наиболее обширный раздел составляли произведения, рисующие жизнь, быт и нравы различных слоев французского общества, — «Евгения Гранде» (1833), «Отец Горю» (1834), «Утраченные иллюзии» (1837—1843), «Музей древностей» (1838), «Крестьяне» (1838—1847) и др. Во второй раздел были собраны «Философские этюды», которые должны были обобщить художественные открытия, сделанные в «Этюдах и нравах», выявить закономерности жизни, — «Шагреневая кожа» (1831), «Поиски абсолюта» (1834) и др. Наконец, «Аналитические этюды» должны были формулировать законы, управляющие действительностью. Понять и художественно осмыслить такое огромное количество фактов и жизненного материала Бальзаку помог его богатый опыт, его умение превращать в объект художественного исследования даже собственные неудачи.

Бальзак родился в небогатой разночинной семье и, получив среднее образование в частных парижских школах, поступил в старейший французский университет Сорбонну на отделение права. После окончания университета он, однако, отказался от профессии юриста и заявил родным, что желает стать писателем. В начале 20-х годов он лихорадочно писал романы, от которых впоследствии сам отказывался, — писал «для денег», которых ему, разумеется, не принесли эти ученические поделки в духе модной тогда беллетристики. Бальзак пробовал заняться коммерцией: сделался издателем, затем приобрел типографию. «Дело» потерпело крах, и Бальзак до самой смерти выплачивал долги кредиторам. Вернувшись к литературе, Бальзак в 1829 году опубликовал произведение, сделавшее его имя известным, — роман «Шуаны», первую из написанных им книг «Человеческой комедии». С этого времени Бальзак всецело посвятил себя литературе. Издатели и кредиторы осаждали его денежными требованиями, он в полном смысле слова работал как проклятый. Непосильный труд приблизил смерть великого художника.

Новелла «Гобсек» написана в 1830 году (окончательная редакция — в 1835) и входит в сцены частной жизни «Этюдов о нравах». Образ Гобсека, ростовщика-накопителя, — обобщение наиболее отвратительных черт частно-собственнической психологии. Власть денег над человеком, извращение отношений между людьми в буржуазном обществе раскрыты Бальзаком с выразительностью и точным лаконизмом большого мастера.

В своих политических убеждениях Бальзак был легитимистом, т. е. сторонником монархии. Презирая буржуа, «новый класс», он возлагал надежды на аристократию. Однако в своих художественных выводах Бальзак-писатель часто опровергал Бальзака-легитимиста. «Его великое произведение, — писал Энгельс о «Человеческой комедии», — нескончаемая элегия по поводу непоправимого разложения высшего общества; его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставлял действовать именно тех людей, которым больше всего симпатизировал, — аристократов и аристократок!» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1953, стр. 406). В новелле «Гобсек» Бальзак не только вывел типичного буржуа эпохи накопления капитала, но показал, что дворянство к этой эпохе не приспособлено и обречено на гибель самым ходом истории. Перевела новеллу Н. И. Немчинова.

Произведения Бальзака можно прочитать в издании:

О. Бальзак. Собрание сочинений в 24 томах. М., «Правда», 1960. О жизни и творчестве Бальзака см.:

Стефан Цвейг. Бальзак. М., «Молодая гвардия», 1962. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

Д. Д. Обломиевский. Бальзак. М., Гослитиздат, 1961.

Н. Муравьева. Бальзак. М., Учпедгиз, 1958.

ГОБСЕК

Барону Баршу де Поноэн

*Из всех бывших питомцев Вандомского коллежа, кажется, одни лишь мы с тобой избрали литературное поприще, — недаром же мы увлекались философией в том возрасте, когда нам полагалось увлекаться только страницами *De viris illustribus*¹. Мы встретились с тобою вновь, когда я писал эту повесть, а ты трудился над прекрасными своими сочинениями о немецкой философии. Итак, мы оба не изменили своему призванию. Надеюсь, тебе столь же приятно будет увидеть здесь свое имя, как мне приятно поставить его.*

Твой старый школьный товарищ де Бальзак.

Как-то раз зимою 1829—1830 года в салоне виконтессы де Гранлье до часу ночи засиделись два гостя, не принадлежавшие к ее родне. Один из них, красивый молодой человек, услышав бой каминных часов, поспешил откланяться. Когда во дворе застучали колеса его экипажа, виконтесса, видя, что остались только ее брат да друг семьи, заканчивавшие партию в пикет², подошла к дочери; девушка стояла у камина и как будто внимательно разглядывала сквозной узор на экране, но, несомненно, прислушивалась к шуму отъезжавшего кабриолета³, что подтвердило опасение матери.

— Камилла, если ты и дальше будешь держать себя с графом де Ресто так же, как нынче вечером, мне придется отказать ему от дома. Послушайся меня, детка, если веришь нежной моей любви к тебе, позволь мне руководить тобою в жизни. В семнадцать лет девушка не может судить ни о прошлом, ни о будущем, ни о некоторых требованиях общества. Я укажу тебе только на одно обстоятельство: у господина де Ресто есть мать, женщина, способная проглотить миллионное состояние, особа низкого проис-

¹ «О знаменитых мужах». Сочинение римского историка Корнелия Непота (I век до н. э.).

² Пикет — старинная игра в карты для двух лиц.

³ Кабриолет — легкий двухколесный экипаж.

хождения — в девичестве ее фамилия была Горио, и в молодости она вызвала много толков о себе. Она очень дурно относилась к своему отцу и, право, не заслуживает такого хорошего сына, как господин де Ресто. Молодой граф ее обожает и поддерживает с сыновней преданностью, достойной всяческих похвал. А как он заботится о своей сестре, о брате! Словом, поведение его просто превосходно, но, — добавила виконтесса с лукавым видом, — пока жива его мать, ни в одном порядочном семействе родители не отважатся доверить этому милому юноше будущность и приданое своей дочери.

— Я уловил несколько слов из вашего разговора с мадемуазель де Гранлье, и мне очень хочется вмешаться в него! — воскликнул вышеупомянутый друг семьи. — Я выиграл, граф, — сказал он, обращаясь к партнеру. — Оставляю вас и спешу на помощь вашей племяннице.

— Вот уж поистине слух настоящего стряпчего! — воскликнула виконтесса. — Дорогой Дервиль, как вы могли расслышать, что я говорила Камилле? Я шепталась с нею совсем тихонько.

— Я все понял по вашим глазам, — ответил Дервиль, усаживаясь у камина в глубокое кресло.

Дядя Камиллы сел рядом с племянницей, а г-жа де Гранлье устроилась в низеньком покойном кресле между дочерью и Дервилем.

— Пора мне, виконтесса, рассказать вам одну историю, которая заставит вас изменить ваш взгляд на положение в свете графа Эрнеста де Ресто.

— Историю?! — воскликнула Камилла. — Скорей рассказывайте, господин Дервиль!

Стряпчий бросил на г-жу де Гранлье взгляд, по которому она поняла, что рассказ этот будет для нее интересен. Виконтесса де Гранлье по богатству и знатности рода была одной из самых влиятельных дам в Сен-Жерменском предместье¹, и, конечно, может показаться удивительным, что какой-то парижский стряпчий решился говорить с нею так непринужденно и держать себя в ее салоне запросто, но объяснить это очень легко. Г-жа де Гранлье, возвратившись во Францию вместе с королевской семьей, поселилась в Париже и вначале жила только на вспомоществование, назначенное ей Людовиком XVIII из сумм гражданского листа², положение для нее невыносимое. Стряпчий Дервиль случайно обнаружил формальные неправильности, допущенные в свое время Республикой при продаже особняка Гранлье, и заявил, что этот дом подлежит возвращению виконтессе. По ее поручению он повел процесс

¹ *Сен-Жерменское предместье* — район Парижа, заселенный во времена Бальзака дворянской знатью.

² *Гражданский лист* — денежная сумма, выделяемая государством на содержание монарха и его двора.

в суде и выиграл его. Осмелев от этого успеха, он затеял кляузную тяжбу с убежищем для престарелых и добился возвращения ей лесных угодий в Лиснэ. Затем он утвердил ее в правах собственности на несколько акций Орлеанского канала и довольно большие дома, которые император пожертвовал общественным учреждениям. Состояние г-жи де Гранлье, восстановленное благодаря ловкости молодого поверенного, стало давать ей около шестидесяти тысяч франков годового дохода, а тут подоспел закон о возмещении убытков эмигрантам, и она получила огромные деньги. Этот стряпчий, человек высокой честности, знающий, скромный и с хорошими манерами, стал другом семейства Гранлье. Своим поведением в отношении г-жи де Гранлье он достиг почета и клиентуры в лучших домах Сен-Жерменского предместья, но не воспользовался их благоволением, как это сделал бы какой-нибудь честолубец. Он даже отклонил предложение виконтессы, уговаривавшей его продать свою контору и перейти в судебное ведомство, где он мог бы при ее покровительстве чрезвычайно быстро сделать карьеру. За исключением дома г-жи де Гранлье, где он иногда проводил вечера, он бывал в свете лишь для поддержания связей. Он почитал себя счастливым, что, ревностно защищая интересы г-жи де Гранлье, показал и свое дарование, иначе его конторе грозила бы опасность захиреть, — в нем не было пронырливости истого стряпчего. С тех пор как граф Эрнест де Ресто появился в доме виконтессы, Дервиль, угадав симпатию Камиллы к этому юноше, стал завсегдатаем салона г-жи де Гранлье, словно щеголь с Шоссе д'Антен, только что получивший доступ в аристократическое общество Сен-Жерменского предместья. За несколько дней до описываемого вечера он встретил на балу мадемуазель де Гранлье и сказал ей, указывая глазами на графа:

— Жаль, что у этого юноши нет двух-трех миллионов! Правда?

— Почему «жаль»? Я не считаю это несчастьем, — ответила она. — Господин де Ресто человек очень одаренный, образованный, на хорошем счету у министра, к которому он прикомандирован. Я несколько не сомневаюсь, что из него выйдет выдающийся деятель. А когда «этот юноша» окажется у власти, богатство само придет к нему в руки.

— Да, но вот если б он уже сейчас был богат!

— Если б он был богат?.. — краснея, повторила Камилла. — Что ж, все танцующие здесь девицы оспаривали бы его друг у друга, — добавила она, указывая на участниц кадрили.

— И тогда, — заметил стряпчий, — мадемуазель де Гранлье не была бы единственным магнитом, притягивающим его взоры. Вы, кажется, покраснели, — почему бы это? Вы к нему неравнодушны? Ну, скажите...

Камилла вспорхнула с кресла.

«Она влюблена в него», — подумал Дервиль.

С этого дня Камилла выказывала стряпчему особое внимание, поняв, что Дервиль одобряет ее склонность к Эрнесту де Ресто. А до тех пор, хотя ей и было известно, что ее семья многим обязана Дервилю, она питала к нему больше уважения, чем дружеской приязни, и в обращении ее с ним скользило больше любезности, чем теплоты. В ее манерах и в тоне голоса было что-то, указывавшее на расстояние, установленное между ними светским этикетом. Признательность — это долг, который дети не очень охотно принимают по наследству от родителей.

Дервиль помолчал, собираясь с мыслями, а затем начал так: — Сегодняшний вечер напомнил мне об одной романтической истории, единственной в моей жизни... Ну вот, вы уж и смеетесь, вам забавно слышать, что у стряпчего могут быть какие-то романы. Но ведь и мне было когда-то двадцать пять лет, а в эти молодые годы я уже посмотрелся на многие удивительные дела. Мне придется сначала рассказать вам об одном действующем лице моей повести, которого вы, конечно, не могли знать, — речь идет о некоем ростовщике. Не знаю, можете ли вы представить себе с моих слов лицо этого человека, которое я, с дозволения Академии, готов назвать *лунным ликом*, ибо его желтоватая бледность напоминала цвет серебра, с которого слезла позолота. Волосы у моего ростовщика были совершенно прямые, всегда аккуратно причесанные и с сильной проседью — пепельно-серые. Черты лица, неподвижные, бесстрастные, как у Талейрана¹, казались отлитыми из бронзы. Глаза, маленькие и желтые, словно у хорька, и почти без ресниц, не выносили яркого света, поэтому он защищал их большим козырьком потрепанного картуза. Острый кончик длинного носа, изрытый рябинами, походил на буравчик, а губы были тонкие, как у алхимиков и древних стариков на картинах Рембрандта и Метсу². Говорил этот человек тихо, мягко, никогда не горячился. Возраст его был загадкой: я никогда не мог понять, состарился ли он до времени или же хорошо сохранился и останется моложавым на веки вечные. Все в его комнате было потерто и опрятно, начиная от зеленого сукна на письменном столе до коврика перед кроватью, — совсем как в холодной обители одинокой старой девы, которая весь день наводит чистоту и натирает мебель воском. Зимой в камине у него чуть тлели головни, прикрытые горкой золы, никогда не разгораясь пламенем. От первой минуты пробуждения и до вечерних приступов кашля все его действия были размеренны, как движения маятника. Это был какой-то человек-автомат, которого заводили ежедневно. Если тронуть ползущую по бумаге мокрицу, она мгновенно оста-

¹ *Талейран* (1754—1838) — известный французский дипломат и государственный деятель; прославился своей политической изворотливостью и беспринципностью.

² *Габриэль Метсу* — голландский живописец XVII века, современник Рембрандта, великого голландского художника.

новится и замрет; так же вот и этот человек во время разговора вдруг умолкал, выжидая, пока не стихнет шум проезжающего под окнами экипажа, так как не желал напрягать голос. По примеру Фонтенеля¹, он берег жизненную энергию, подавляя в себе все человеческие чувства. И жизнь его протекала так же бесшумно, как сыплется струйкой песок в старинных песочных часах. Иногда его жертвы возмущались, поднимали неистовый крик, потом вдруг наступала мертвая тишина, как в кухне, когда зарежут в ней утку. К вечеру человек-вексель становился обыкновенным человеком, а слиток металла в его груди — человеческим сердцем. Если он бывал доволен истекшим днем, то потирал себе руки, а из глубоких морщин, бороздивших его лицо, как будто поднимался дымок веселости, — право, невозможно изобразить иными словами его немую усмешку, игру лицевых мускулов, выражавшую, вероятно, те же ощущения, что и беззвучный смех Кожаного Чулка². Всегда, даже в минуты самой большой радости, говорил он односложно и сохранял сдержанность. Вот какого соседа послал мне случай, когда я жил на улице де Грэ, будучи в те времена всего лишь младшим писцом в конторе стряпчего и студентом-правоведом последнего курса. В этом мрачном, сыром доме нет двора, все окна выходят на улицу, а расположение комнат напоминает устройство монашеских келий: все они одинаковой величины, в каждой единственная ее дверь выходит в длинный полутемный коридор с маленькими оконцами. Да это здание и в самом деле когда-то было монастырской гостиницей. В таком угрюмом обиталище сразу угасала бойкая игривость какого-нибудь светского повесы, — еще раньше чем он входил к моему соседу; дом и его жилец были под стать друг другу — совсем как скала и прилепившаяся к ней устрица. Единственным человеком, с которым старик, как говорится, поддерживал отношения, был я. Он заглядывал ко мне попросить огонька, взять книгу или газету для прочтения, разрешал мне по вечерам заходить в его келью, и мы иной раз беседовали, если он бывал к этому расположен. Такие знаки доверия были плодом четырехлетнего соседства и моего примерного поведения, которое по причине безденежья во многом походило на образ жизни этого старика. Были ли у него родные, друзья? Беден он был или богат? Никто не мог бы ответить на эти вопросы. Я никогда не видел у него денег в руках. Состояние его, если оно у него было, вероятно, хранилось в подвалах банка. Он сам взыскивал по векселям и бегал для этого по всему Парижу на тонких, сухопарых, как у оленя, ногах. Кстати сказать, однажды он пострадал за свою чрезмерную осторожность. Случайно у него было при себе золото, и вдруг двойной наполеон-

¹ Фонтенель — французский писатель, автор «Бесед о множественности миров», дожил до ста лет (1657—1757).

² Кожаный Чулок — охотник Натти Бумпо, герой романов Фенимора Купера.

дор каким-то образом выпал у него из жилетного кармана. Жилец, который спускался вслед за стариком по лестнице, поднял монету и протянул ему.

— Это не моя! — воскликнул он, замахав рукой. — Золото! У меня? Да разве я стал бы так жить, будь я богат!

По утрам он сам себе варил кофе на железной печурке, стоявшей в закопченном углу камина; обед ему приносили из ресторации. Старуха-привратница в установленный час приходила прибирать его комнату. А фамилия у него, по воле случая, который Стерн назвал бы предопределением, была весьма странная — Гобсек¹. Позднее, когда он поручил мне вести его дела, я узнал, что ко времени моего с ним знакомства ему уже было почти семьдесят шесть лет. Он родился в 1740 году, в предместье Антверпена; мать у него была еврейка, отец — голландец, полное его имя было Жан-Эстер ван Гобсек. Вы, конечно, помните, как занимало весь Париж убийство женщины, прозванной *Прекрасная Голландка*. Как-то в разговоре с бывшим соседом я случайно упомянул об этом происшествии, и он сказал, не проявив при этом ни малейшего интереса или хотя бы удивления:

— Это моя внучатная племянница.

Только эти слова и вызвала у него смерть его единственной наследницы, внучки его сестры. На судебном разбирательстве я узнал, что Прекрасную Голландку звали Сарра ван Гобсек. Когда я попросил его объяснить то удивительное обстоятельство, что внучка его сестры носила его фамилию, он ответил улыбаясь:

— В нашем роду женщины никогда не выходили замуж.

Этот странный человек ни разу не пожелал увидеть ни одной из представительниц четырех женских поколений, составлявших его родню. Он ненавидел своих наследников и даже мысли не допускал, что кто-либо завладеет его состоянием хотя бы после его смерти. Мать пристроила его юнгой на корабль, и в десятилетнем возрасте он отплыл в голландские владения Ост-Индии, где и скитался двадцать лет. Морщины его желтоватого лба хранили тайну страшных испытаний, внезапных ужасных событий, неожиданных удач, романтических превратностей, безмерных радостей, голодных дней, поспешной любви, богатства, разорения и вновь нажитого богатства, смертельных опасностей, когда жизнь, висевшую на волоске, спасали мгновенные и, быть может, жестокие действия, оправданные необходимостью. Он знал господина де Лалли, адмирала Симеза, господина де Кергаруэза и д'Эстена, байи де Сюффрена, господина де Портандюэра, лорда Корнуэлса, лорда Хастингса, отца Типпо-Саиба и самого Типпо-Саиба². С

¹ Живоглот. Стерн — английский писатель-сентименталист XVIII века, мастер парадокса.

² Де Лалли, адмирал Симез и другие упоминаемые Дервилем лица — военные и политические деятели Франции, Англии и Индии XVIII века.

ним вел дела тот савояр¹, что служил в Дели радже Махаджи-Синдиаху и был пособником могущества династии Махараттов. Были у него какие-то связи и с Виктором Юзом и другими знаменитыми корсарами, так как он долго жил на острове Сен-Тома. Он все перепробовал, чтобы разбогатеть, даже пытался разыскать пресловутый клад — золото, зарытое племенем дикарей где-то в окрестностях Буэнос-Айреса. Он имел отношение ко всем перипетиям войны за независимость Соединенных Штатов. Но об Индии или об Америке он говорил только со мною, и то очень редко, и всякий раз после этого как будто раскаивался в своей «болтливости». Если человечность, общение меж людьми считать своего рода религией, то Гобсека можно было назвать атеистом. Хотя я поставил себе целью изучить его, должен, к стыду своему, признаться, что до последней минуты его душа оставалась для меня тайной за семью замками. Иной раз я даже спрашивал себя, какого он пола. Если все ростовщики похожи на него, то они, верно, принадлежат к разряду бесполох. Остался ли он верен религии своей матери и смотрел на христиан как на добычу? Стал ли католиком, магометанином, последователем брахманизма, лютеранином? Я ничего не знал о его верованиях. Он казался скорее равнодушным к вопросам религии, чем неверующим. Однажды вечером я зашел к этому человеку, обратившемуся в золотого истукана и прозванного его жертвами в насмешку или по контрасту «папаша Гобсек». Он, по обыкновению, сидел в глубоком кресле, неподвижный, как статуя, вперив глаза в выступ камина, словно перечитывал свои учетные квитанции и расписки. Коптящая лампа на зеленой облезлой подставке бросала свет на его лицо, но от этого оно нисколько не оживлялось красками, а казалось еще бледнее. Старик поглядел на меня и молча указал рукой на мой привычный стул.

«О чем думает это существо? — спрашивал я себя. — Знает ли он, что есть в мире бог, чувства, женская любовь, счастье?»

И мне даже как-то стало жаль его, точно он был тяжело болен. Однако я прекрасно понимал, что если у него есть миллионы в банке, то в мыслях он мог владеть всеми странами, которые исколесил, обшарил, взвесил, оценил, ограбил.

— Здравствуйте, папаша Гобсек, — сказал я.

Он повернул голову, и его густые черные брови чуть шевельнулись, — это характерное для него движение было равносильно самой приветливой улыбке южанина.

— Вы что-то хмуритесь сегодня, как в тот день, когда получили известие о банкротстве книгоиздателя, которого вы хвалили за ловкость, хотя и оказались его жертвой.

— Жертвой? — удивленно переспросил он.

¹ Речь идет о выходе из Савойи, Бенуа ле Борнь (1770—1831), нажившем огромное богатство на службе у властителей княжества Дели в Индии.

— А помните, он добился полюбовной сделки с вами, переписал свои векселя на основании устава о неплатежеспособности, а когда его дела поправились, потребовал, чтобы вы скостили ему долг по этому соглашению.

— Да, он хитер был, — подтвердил старик. — Но я его потом опять прищемил.

— Может быть, вам надо предъявить ко взысканию какие-нибудь векселя? Кажется, сегодня тридцатое число.

Я в первый раз заговорил с ним о деньгах. Он вскинул на меня глаза и как-то насмешливо шевельнул бровями, а затем пискливым тихим голосом, очень похожим на звук флейты в руках неумелого музыканта, произнес:

— Я развлекаюсь.

— Так вы иногда и развлекаетесь?

— А по-вашему, только тот поэт, кто печатает свои стихи? — спросил он, пожав плечами и презрительно сощурившись.

«Поэзия? В такой голове?» — удивился я, так как еще ничего не знал тогда о его жизни.

— А у кого жизнь может быть такой блистательной, как у меня? — сказал он, и взгляд его загорелся. — Вы молоды, кровь у вас играет, а в голове от этого туман. Вы глядите на горящие головки в камине и видите в огоньках женские лица, а я вижу только угли. Вы всему верите, а я ничему не верю. Ну что ж, сэкономьте свои иллюзии, если можете. Я вам сейчас подведу итог человеческой жизни. Будь вы бродягой-путешественником, будь вы домоседом и не расстаётесь весь век со своим камельком да со своей супругой, все равно приходит возраст, когда вся жизнь — только привычка к излюбленной среде. И тогда счастье состоит в упражнении своих способностей применительно к житейской действительности. А кроме этих двух правил, все остальные — фальшь. У меня вот принципы менялись сообразно обстоятельствам — приходилось менять их в зависимости от географических широт. То, что в Европе вызывает восторг, в Азии карается. То, что в Париже считают пороком, за Азорскими островами признается необходимостью. Нет на земле ничего прочного, есть только условности, и в каждом климате они различны. Для того, кто волей-неволей применялся ко всем общественным меркам, всяческие ваши нравственные правила и убеждения — пустые слова. Незыблемо лишь одно-единственное чувство, вложенное в нас самой природой: инстинкт самосохранения. В государствах европейской цивилизации этот инстинкт именуется *личным интересом*. Вот поживете с мое, узнаете, что из всех земных благ есть только одно, достаточно надежное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это... золото. В золоте сосредоточены все силы человечества. Я путешествовал, видел, что по всей земле есть равнины и горы. Равнины надоедают, горы утомляют; словом, в каком месте жить — это значения не имеет. А что касается нравов — че-

людей везде одинаков: везде идет борьба между бедными и богатыми, везде. И она неизбежна. Так лучше уж самому давить, чем позволять, чтобы другие тебя давили. Повсюду мускулистые люди трудятся, а худосочные мучаются. Да и наслаждения повсюду одни и те же, и повсюду они одинаково истощают силы: переживает все наслаждения только одна утеха — тщеславие. Тщеславие! Это всегда наше «я». А что может удовлетворить тщеславие? Золото! Потоки золота. Чтобы осуществить наши прихоти, нужно время, нужны материальные возможности и усилия. Ну что ж! В золоте все содержится в зародыше, и все оно дает в действительности.

Одни только безумцы да больные люди могут находить счастье в том, чтобы убивать все вечера за картами в надежде выиграть несколько су. Только дураки могут тратить время на размышления о самых обыденных делах — возляжет ли такая-то дама на диван одна или в приятном обществе и чего у ней больше: крови или лимфы, темперамента или добродетели? Только простофили могут воображать, что они приносят пользу ближним, занимаясь установлением принципов политики, чтобы управлять событиями, которых никогда нельзя предвидеть. Только олухам может быть приятно болтать об актерах и повторять их остроты, каждый день кружиться на прогулках, как звери в клетках, разве лишь на просторстве чуть побольше; рядиться ради других, задавать пиры ради других, похваливаться чистокровной лошадкой или новомодной коляской, которую посчастливилось купить на целых три дня раньше, чем соседу. Вот вам вся жизнь ваших парижан, вся она укладывается в эти несколько фраз, — верно? Но взгляните на существование человека с той высоты, на какую им не подняться. В чем счастье? Это или сильные волнения, подтачивающие нашу жизнь, или размеренные занятия, которые превращают ее в некое подобие хорошо отрегулированного английского механизма. Выше этого счастья стоит так называемая «благородная» любознательность, стремление проникнуть в тайны природы и добиться известных результатов, воспроизводя ее явления. Вот вам, в двух словах, искусство и наука, страсть и спокойствие. Верно? Так вот, все человеческие страсти, распаленные столкновением интересов в нынешнем вашем обществе, проходят передо мною, и я произвожу им смотр, а сам живу в спокойствии. Научную вашу любознательность, своего рода поединок, в котором человек всегда бывает повержен, я заменяю проникновением во все побудительные причины, которые движут человечество. Словом, я владею миром, не утомляя себя, а мир не имеет надо мною ни малейшей власти.

— Да вот послушайте, — заговорил он, помолчав, — я расскажу вам две истории, случившиеся сегодня утром на моих глазах, и вы поймете, в чем мои утехи.

Он поднялся, заложил дверь засовом, подошел к окну, задержал старый ковровый занавес, кольца которого взвизгнули, скользнув по металлическому пруту, и снова сел в кресло.

— Нынче утром,— сказал он,— мне надо было предъявить должникам только два векселя,— остальные я еще вчера пустил в ход при расчетах по своим операциям. И то барыш! Ведь при учете я сбрасываю с платежной суммы расходы по взиманию долга и ставлю по сорок су за извозчика, хотя и не думал его нанимать. Разве не забавно, что из-за каких-нибудь шести франков учетного процента я бегу через весь Париж? Это я-то! Человек, который никому не подвластен и платит налога всего семь франков. Первый вексель, на тысячу франков, учел у меня молодой человек, писанный красавец и щеголь: у него жилетки с искрой, у него и лорнет, и тильбюри, и английская лошадь, и тому подобное. А выдан был вексель женщиной, одной из самых прелестных парижанок, женой какого-то богатого помещика и вдобавок — графа. Почему же ее сиятельство графиня подписала вексель, юридически недействительный, но практически вполне надежный? Ведь эти жалкие женщины, светские дамы, до того боятся семейных скандалов в случае протеста векселя, что готовы бывають расплатиться собственной своей особой, коли не могут заплатить деньгами. Мне захотелось узнать тайную цену этого векселя. Что тут скрывается: глупость, опрометчивость, любовь или сострадание? Второй вексель на такую же сумму, подписанный некоей Фанни Мальво, учел у меня купец, торгующий полотном, верный кандидат в банкроты. Ведь ни один человек, если у него еще есть хоть самый малый кредит в банке, не придет в мою лавочку: первый же его шаг от порога моей комнаты к моему письменному столу изобличает отчаяние, тщетные поиски ссуды у всех банкиров и надвигающийся крах. Я вижу у себя только затравленных оленей, за которыми гонится целая свора займодавцев. Графиня живет на Гельдерской улице, а Фанни Мальво — на улице Монмартр. Сколько догадок я строил, когда выходил нынче утром из дому! Если у этих двух женщин нечем заплатить, они, конечно, примут меня ласковей, чем отца родного. Уж как графиня начнет фокусничать, какую будет комедию ломать из-за тысячи франков! Приветливо заулыбается, заговорит вкрадчивым, нежным голоском, каким любезничает с тем молодчиком, на чье имя выдан вексель, пожалуй, будет даже умолять меня! А я...

Старик бросил на меня холодный взгляд.

— А я непоколебим! — сказал он. — Я появляюсь, как возмездие, как укор совести... Ну, оставим мои догадки. Прихожу.

— Графиня еще не вставала,— заявила мне горничная.

— Когда ее можно видеть?

— Не раньше двенадцати.

— Что ж, графиня больна?

— Нет, сударь, она вернулась с бала в три часа утра.

— Моя фамилия Гобсек. Доложите, что приходил Гобсек.

Я еще раз зайдю в поднебе.

И я спустился по лестнице к выходу, наследив грязными по-

дошвами на ковре, устилавшем мраморные ступени. Я люблю пачкать грязными башмаками ковры у богатых людей — не из мелкого самолюбия, а чтобы дать почувствовать когтистую лапу Неотвратимости. Прихожу на улицу Монмартр, в неказистый дом, отворяю ветхую калитку в воротах, вижу двор — настоящий колодец, куда никогда не заглядывает солнце. В каморке привратницы темно, стекло в окне грязное, как измызганный, засаженный рукав теплого халата, да еще все в трещинах.

— Здесь живет мадемуазель Фанни Мальво?

— Живет, только ее сейчас нет дома. Но если вы насчет векселя, то она оставила для вас деньги.

— Я найду попозже, — сказал я.

Деньги оставлены у привратницы — прекрасно, но мне любопытно посмотреть на самое должницу. Мне почему-то казалось, что это хорошенькая вертихвостка. Ну вот. Утро я провел на бульваре, рассматривал гравюры в окнах магазинов. Но ровно в полдень я уже проходил по гостиной, смежной со спальней графини.

— Барыня только что позвонила, — заявила мне горничная. — Не думаю, чтобы она сейчас приняла вас.

— Я подожду, — ответил я и уселся в кресло.

Открываются жалюзи, прибегает горничная.

— Пожалуйте, сударь.

По сладкому голосу горничной я понял, что хозяйке заплакать нечем. Зато какую же я красавицу тут увидел! В спешке она только накинула на обнаженные плечи кашемировую шаль и куталась в нее так искусно, что под этим покрывалом вырисовывалась вся ее статная фигура. На ней был лишь пеньюар, отделанный белоснежным рюшем¹, — значит, не меньше двух тысяч франков в год уходило на прачку, мастерицу по стирке тонкого белья. Голова ее была небрежно повязана, как у креолки², пестрым шелковым платком, а из-под него выбивались крупные черные локоны. Раскрытая постель была смята, и беспорядок ее говорил о тревожном сне. Художник дорого бы дал, чтобы побыть хоть несколько минут в спальне моей должницы в это утро. Складки занавесей у кровати дышали сладостной негой, сбитая простыня на голубом шелковом пуховике, смятая подушка, резко белевшая на этом лазурном фоне кружевными своими оборками, казалось, еще сохраняли неясный отпечаток дивных форм, дразнивший воображение. На медвежьей шкуре, разостланной у бронзовых львов, поддерживающих кровать красного дерева, блестел атлас белых туфельек, небрежно сброшенных усталой женщиной по возвращении с бала. Со спинки стула свешивалось из-

¹ Пеньюар — утреннее женское платье, род капота; рюш — украшение на платье в виде оборки.

² Креолы — потомки испанских и португальских колонизаторов в странах Латинской Америки.

запачкать лакированных сапожек, расхаживая пешком, важный барин и всякий, кто силится подражать ему, готовы с головой окунуться в грязь. Как раз тут ворота распахнулись, и въехал в кабриолете тот самый молодой щеголь, который учел у меня вексель графини.

— Сударь,— сказал я, когда он выскочил из кабриолета,— вот двести франков, передайте их, пожалуйста, графине и скажите ей, что заклад, который она мне дала, я немножко придержу и недельку он будет в ее распоряжении.

Щеголь взял двести франков, и по губам его скользнула насмешливая улыбка, говорившая: «Ага, заплатила! Ну что ж, отлично!»

И я прочел на его лице всю будущность графини. Этот белокурый красавчик, холодный, бездушный игрок, разорится сам, разорит ее, разорит ее мужа, разорит детей, промотав их наследство, да и в других салонах учинит разгром почище, чем артиллерийская батарея в неприятельских войсках.

Затем я отправился на улицу Монмартр к мадемуазель Фанни. Я поднялся по узкой крутой лестнице на шестой этаж. Меня впустили в квартирку из двух комнат, где все сверкало чистотой, блестяло, как новенький дукат; ни пылинки не было на мебели в первой комнате, где меня приняла хозяйка, мадемуазель Фанни, молоденькая девушка, одетая просто, но с изяществом парижанки; у нее была грациозная головка, свежее личико и приветливый вид; каштановые, красиво зачесанные волосы, спускаясь двумя гладкими полукружиями, прикрывали виски, и это сообщало какое-то тонкое выражение ее голубым глазам, чистым, как кристалл. Солнце, пробиваясь сквозь занавески на окнах, озаряло мягким светом весь ее скромный облик. Вокруг нее стопками лежали раскрытые куски полотна, и я понял, чем она зарабатывала на жизнь: она, конечно, была белошвейкой. Эта девушка казалась феей одиночества.

Я протянул ей вексель и сказал, что приходил утром, но не застал ее.

— А ведь деньги были у привратницы,— сказала она.

Я притворился, что не расслышал.

— Вы, как видно, рано выходите из дому.

— Вообще я очень редко куда выхожу, но, знаете, когда всю ночь просидишь за работой, хочется пойти искупаться.

Я посмотрел повнимательней и с первого взгляда разгадал ее. Передо мной, несомненно, была девушка, которую нужда заставляла трудиться не разгибая спины,— вероятно, дочь какого-нибудь честного фермера: на лице у нее еще виднелись мелкие веснушки, свойственные крестьянским девушкам. От нее веяло чем-то хорошим, по-настоящему добродетельным. Я как будто вступил в атмосферу искренности, чистоты душевной, и мне даже как-то стало легче дышать. Бедная простушка! Она во что-то верила.

над изголовьем ее немудреной деревянной кровати висело распятие, украшенное двумя веточками букса. Я почти умилился. Я готов был предложить ей денег займа всего лишь из двенадцати процентов, чтобы помочь ей купить какое-нибудь прибыльное дело. «Ну нет,—образумил я себя.—У нее, пожалуй, есть молодой двоюродный братец, который заставит ее подписывать векселя и обчистит бедняжку». С тем я и ушел, предостерегая себя от великодушных порывов: ведь мне частенько приходилось наблюдать, что если самому благодетелю и не вредит благодеяние, то для того, кому оно оказано, подобная милость бывает губительной. Когда вы вошли сегодня в мою комнату, я как раз думал о Фанни Мальво,—вот из кого вышла бы хорошая жена, мать семейства. Сравнить только чистую одинокую жизнь этой девушки с жизнью богатой графини, которая уже принялась подписывать векселя, а скоро скатится на самое дно всяких пороков!

Задумавшись, он молчал с минуту, а я в это время разглядывал его.

— А ну-ка, скажите,—вдруг промолвил он,—разве плохие у меня развлечения? Разве не любопытно заглянуть в самые сокровенные изгибы человеческого сердца? Разве не любопытно проникнуть в чужую жизнь и увидеть ее без прикрас, во всей неприкрытой наготе? Каких только картин не насмотришься! Тут и мерзкие язвы, и неутешное горе, тут любовные страсти, нищета, которую подстерегают воды Сены, наслаждения юноши — роковые ступени, ведущие к эшафоту, смех отчаяния и пышные празднества. Сегодня видишь трагедию: какой-нибудь честный труженик, отец семейства, покончил с собою, оттого что не мог прокормить своих детей. Завтра смотришь комедию: молодой бездельник пытается разыграть перед тобой современный вариант классической сцены обольщения Диманша¹ его должником! Вы, конечно, читали о хваленом красноречии новоявленных добрых пастырей² прошлого века? Я много раз тратил время, ходил их послушать. Им удалось кое в чем повлиять на мои взгляды, но повлиять на мое поведение — никогда! — как выразился кто-то. Так знайте же, все эти ваши прославленные проповедники, всякие там Мирабо, Верньо³ и прочие — просто-напросто жалкие заики по сравнению с моими повседневными ораторами. Какая-нибудь влюбленная молодая девица, старик купец, стоящий на пороге разорения, мать, пытающаяся скрыть проступок сына, художник без куска хлеба, вельможа, который впал в немилость и того и гляди из-за беднежьи потеряет плоды своих долгих усилий,— все эти люди

¹ Диманш — действующее лицо из комедии Мольера «Дон Жуан», тип застенчивого кредитора, обезоруженного вежливостью и ласковыми уговорами своего должника.

² Пастырь — наставник, руководитель.

³ Мирабо (1749—1791), Верньо (1753—1793) — деятели Великой французской революции; славились как блестящие ораторы.

иной раз изумляют меня силой своего слова. Великолепные актеры! И дают они представление для меня одного! Но обмануть меня им никогда не удастся. У меня взор, как у господ бога: я читаю в сердцах. От меня ничто не укроется. А разве могут отказать в чем-либо тому, у кого в руках мешок с золотом? Я достаточно богат, чтобы покупать совесть человеческую, управлять всеильными министрами через их фаворитов, начиная с канцелярских служителей и кончая любовницами. Это ли не власть? Я могу, если пожелаю, обладать красивейшими женщинами и покупать нежнейшие ласки. Это ли не наслаждение? А разве власть и наслаждение не представляют собою сущности вашего нового общественного строя? Таких, как я, в Париже человек десять; мы властители ваших судеб — тихонькие, никому неведомые. Что такое жизнь, как не машина, которую приводят в движение деньги? Помните, что средства к действию сливаются с его результатами: никогда не удастся разграничить душу и плотские чувства, дух и материю. Золото — вот духовная сущность всего нынешнего общества. Я и мои собратья, связанные со мною общими интересами, в определенные дни недели встречаемся в кафе «Фемида» возле Нового моста. Там мы беседуем, открываем друг другу финансовые тайны. Ни одно самое большое состояние не введет нас в обман, мы владем секретами всех видных семейств. У нас есть своего рода «черная книга», куда мы заносим сведения о государственном кредите, о банках, о торговле. В качестве духовников биржи мы образуем, так сказать, трибунал священной инквизиции, анализируем самые на вид безобидные поступки состоятельных людей и всегда угадываем верно. Один из нас надзирает за судейской средой, другой — за финансовой, третий — за высшим чиновничеством, четвертый — за коммерсантами. А под моим надзором находится золотая молодежь, актеры и художники, светские люди, игроки — самая занятная часть парижского общества. И каждый нам рассказывает о тайнах своих соседей. Обманутые страсти, уязвленное тщеславие болтливы. Пороки, разочарование, месть — лучшие агенты полиции. Как и я, мои собратья всем насладились, всем пресытились и любят теперь только власть и деньги ради самого обладания властью и деньгами. Вот здесь, — сказал он, поведя рукой, — в этой холодной комнате с голыми стенами, самый пылкий любовник, который во всяком другом месте вскипит из-за малейшего намека, вызовет на дуэль из-за острого словечка, молит меня, как бога, смиренно прижимая руки к груди! Пропливая слезы бешеной ненависти или скорби, молит меня и самый спесивый купец, и самая надменная красавица, и самый гордый военный. Сюда приходит с мольбою и знаменитый художник и писатель, чье имя будет жить в памяти потомков. А вот здесь, — добавил он, прижимая палец ко лбу, — здесь у меня весы, на которых взвешиваются наследства и корыстные интересы всего Парижа. Ну, как вам кажется теперь, — сказал он, повернувшись

ко мне бледным своим лицом, будто вылитым из серебра, — не таятся ли жгучие наслаждения за этой холодной, застывшей маской, так часто удивлявшей вас своей неподвижностью?

Я вернулся к себе в комнату совершенно ошеломленным. Этот высохший старикашка вдруг вырос в моих глазах, стал фантастической фигурой, олицетворением власти золота. Жизнь и люди внушали мне в эту минуту ужас.

«Да неужели все сводится к деньгам?» — думал я.

Помнится, я долго не мог заснуть. Мне все мерещились вокруг груды золота. Да и красавица графиня очень занимала меня. Должен признаться, к стыду моему, что она совсем затмила образ Фанни Мальво, простодушного, чистого создания, обреченного на труд и безвестность. Но утром, в туманных грезах пробуждения, милый девический образ сразу возник передо мной во всей прелести, и я уже думал только о Фанни.

— Не хотите ли выпить стакан воды с сахаром? — спросила г-жа Гранлье, прервав Дервиля.

— С удовольствием, — ответил он.

— Знаете, я не вижу, какое отношение к нам имеет вся эта история, — заметила г-жа Гранлье, позвонив в колокольчик.

— Гром и молния! — воскликнул Дервиль, употребив любимое свое выражение. — Я сейчас сразу прогоню сон от глаз мадемуазель Камиллы, — пусть она знает, что ее счастье совсем еще недавно зависело от папаши Гобсека. Но так как старик на днях умер, дожив до восьмидесяти девяти лет, господин де Ресто скоро вступит во владение превосходным состоянием. Как и почему — это надо объяснить. А что касается Фанни Мальво, то вы ее хорошо знаете. Это моя жена.

— Друг мой, — заметила виконтесса де Гранлье, — вы, по свойственной вам откровенности, пожалуй, признаетесь в этом при двадцати свидетелях!

— Да я готов крикнуть это всему миру! — заявил стряпчий.

— Вот сладкая вода, пейте, милый мой Дервиль. Никогда вы ничего не достигнете, зато будете счастливейшим и лучшим из людей.

— Я, кажется, потерял нить, — сказал вдруг брат виконтессы, пробуждаясь от сладкой дремоты. — Так вы, значит, были у какой-то графини на Гельдерской улице. Что вы там делали?

— Через несколько дней после моего разговора со стариком голландцем, — продолжал свой рассказ Дервиль, — я защитил диссертацию, получил степень лиценциата¹ прав, затем был зачислен в коллегию² стряпчих. Доверие ко мне старого скряги Гобсека очень возросло. Он даже обращался ко мне за советами по

¹ Лицензиат — ученая степень в некоторых странах, средняя между бакалавром и доктором.

² Коллегия — группа лиц, образующих какой-либо административный, распорядительный или совещательный орган.

разным своим рискованным аферам, в которые смело пускался, собрав точные сведения, хотя даже самый искушенный делец считал бы их опасными. К удивлению моему, этот человек, на которого никто ни в чем не мог повлиять, выслушивал мои советы с какой-то почитательностью. Правда, они всегда шли ему на пользу. Но вот, проработав три года в конторе стряпчего, я получил там должность старшего клерка¹ и переехал с улицы де Грэ, так как мой патрон, помимо ста пятидесяти франков жалованья в месяц, давал мне теперь еще стол и квартиру. Какой это был счастливый день для меня! Когда я зашел к старому ростовщику проститься, он не сказал мне ни одного дружеского слова, не выразил никакого сожаления, не пригласил бывать у него, а только бросил на меня взгляд, свой удивительный, необыкновенный взгляд, по которому можно было подумать, что он обладает даром ясновидения. Однако неделю спустя старик сам навестил меня, принес запутанное дело об отчуждении земельного участка и с тех пор по-прежнему стал пользоваться моими безвозмездными советами с такою непринужденностью, как будто платил за них. В конце второго, 1818—1819 года, зимою, мой патрон, большой кутила и расточитель, оказался в стесненных обстоятельствах, вынуждавших его продать контору. Хотя в те времена цены на патент² стряпчего не достигали таких баснословных сумм, как теперь, он запросил за свое заведение немало — сто пятьдесят тысяч франков. Если б деятельному, знающему и толковому стряпчему деверили такую сумму на покупку этой конторы, он мог бы прилично жить на доходы от нее, уплачивать проценты и за десять лет расквитаться с долгом. Но у меня гроша за душой не было, так как отец у меня мелкий провинциальный буржуа. Я седьмой по счету в нашей семье, а из всех капиталистов в мире я был близко знаком только с Гобсеком... Но, представьте, честолубивое желание и какой-то слабый луч надежды внушили мне дерзкую мысль обратиться к нему. И вот однажды вечером я медленным шагом направился на улицу де Грэ. Сердце у меня сильно билось, когда я постучался в двери хорошо мне знакомого угрюмого дома. Мне вспомнилось все, что я слышал от старого скряги в ту пору, когда я и не подозревал, какая мучительная тревога терзает людей, переступающих порог его жилища. И вот теперь я иду проторенной ими дорожкой и буду так же просить, как они. «Ну нет, — решил я, — честный человек должен всегда и везде сохранять свое достоинство. Унижаться из-за денег не стоит. Покажу себя таким же практичным, как он».

Когда я съехал с квартиры, папаша Гобсек снял мою комнату,

¹ Клерк — служащий в конторе, учреждении или предприятии; конторщик, писмоводитель.

² Патент — документ на право заниматься торговлей или какой-либо деятельностью; свидетельство, выдаваемое изобретателю и закрепляющее за ним право на изобретение.

чтобы избавиться от соседей, и велел в своей двери прорезать решетчатое окошечко; меня он впустил только после того, как взглядел в это окошечко мое лицо.

— Что ж,— сказал он пискливым голосом,— ваш патрон продает свою контору?

— Откуда вы знаете? Он никому не говорил об этом, кроме меня.

Губы старика раздвинулись, и в углах рта собрались складки, как на оконных занавесках, но его немую усмешку сопровождал холодный взгляд.

— Только этому я и обязан честью видеть вас у себя,— добавил он сухим тоном и умолк.

Я сидел как потерянный.

— Выслушайте меня, папаша Гобсек,— заговорил я наконец, изо всех сил стараясь говорить спокойно, хотя бесстрастный взгляд этого старика, не сводившего с меня светлых блестящих глаз, смущал меня.

Он сделал жест, означавший: «Говорите!»

— Я знаю, что растрогать вас очень трудно. Поэтому я не стану тратить красноречия, пытаюсь изобразить вам положение нищего клерка, у которого вся надежда только на вас, так как в целом мире ему не найти близкую душу, которой не безразлична его будущность. Но оставим близкие души в покое, дела решаются по-деловому, без чувствительных излияний и всяких нежностей. Положение дел вот какое. Моему патрону контора приносит двадцать тысяч дохода в год; но я думаю, что в моих руках она будет давать сорок тысяч. Я чувствую: вот тут есть кое-что,— сказал я, постучав себя пальцем по лбу,— и если бы вы согласились ссудить мне сто пятьдесят тысяч, необходимые для покупки конторы, я в десять лет расплатился бы с вами.

— Умные речи! — сказал Гобсек и наградил меня рукопожатием. — Никогда еще с тех пор, как я веду дела, ни один человек так ясно не излагал мне цели своего посещения. А какие гарантии? — спросил он, смерив меня взглядом, и тут же сам себе ответил: — Никаких. Сколько вам лет?

— Через десять дней исполнится двадцать пять. Иначе я бы не мог заключать договоры.

— Правильно.

— Ну, так как же?

— Пожалуй!

— Правда? Тогда надо все поскорее устроить, иначе перебьют, дадут дороже!

— Завтра утром принесите метрическую выпись, и мы поговорим о вашем деле. Я подумаю.

Утром, в восемь часов, я уже был у старика. Он взял у меня метрику, надел очки, откашлялся, сплюнул, закутался поплотнее в черную свою крылатку и внимательно прочел всю метрическую

выписать, от первого до последнего слова; повертел ее в руках, поглядел на меня, опять покашлял, заерзал на стуле и сказал:

— Ну что ж, давайте торговаться.

Я затрепетал.

— Я беру за кредит по-разному, — сказал он, — самое меньшее пятьдесят процентов, сто, двести, а когда и пятьсот.

Я побледнел.

— Ну, а с вас по знакомству я возьму только двенадцать с половиной процентов... — Он замаялся. — Нет, не так, — с вас я возьму тринадцать процентов в год. Подойдет вам?

— Подойдет, — ответил я.

— Смотрите. Если много, защищайтесь, Гроций¹ (он иногда в шутку называл меня Гроцием). Я с вас прошу тринадцать процентов — такое уж мое ремесло. Прикиньте — под силу вам столько платить? Я не люблю, когда человек сразу сдается. Еще раз спрашиваю, не много ль это?

— Нет, — ответил я. — Я расплачусь, придется только приналечь на работу.

— Вот оно что! — заметил Гобсек, поглядывая на меня искоса лукавым взглядом. — Значит, клиенты расплатятся?

— Ну нет, черт возьми! — воскликнул я. — Сам расплачусь. Я скорее дам себе руку отрубить, чем стану грабить людей.

— До свидания, — сказал Гобсек.

— Гонорар я буду брать по таксе.

— Таксы нет на некоторые дела — например, на получение отсрочек по платежам, на любовные соглашения. Тут можно брать по две, по три тысячи франков, а то и по шести тысяч в зависимости от важности дела, да еще за переговоры, за разъезды, за составление актов, всяких выписок и за говорильню в суде. Надо только уметь находить такие дела. Я вас буду рекомендовать как очень знающего и толкового стряпчего, стану посылать к вам клиентов, и они потащат к вам столько судебных исков, что ваша адвокатская братия лопнет от зависти. Мои коллеги Вербруст, Пальма, Жигонне поручат вам вести дела об отчуждении земельных участков, а у них таких дел уйма. Значит, у вас будут две клиентуры: одна по наследству от вашего патрона, другую предоставляю вам я. Пожалуй, надо бы взять с вас пятнадцать процентов годовых, я ведь вам полтора ста тысяч даю.

— Хорошо, пусть будет так, но не больше, — сказал я с твердостью, желая показать, что это предел и что дальше я не пойду.

Гобсек смягчился, — он, видимо, был доволен мной.

— За контору я сам уплачу вашему патрону, — сказал он, — я постараюсь добиться солидной скидки и с цены и с суммы залога.

¹ Гроций — известный голландский юрист XVII века.

— Пожалуйста. Обеспечьте себя какими угодно гарантиями.

— А вы мне выдадите после этого пятнадцать векселей, каждый на десять тысяч франков.

— Только надо зарегистрировать эту двойную сделку и...

— Нет! — сердито воскликнул Гобсек, прерывая меня. — Почему я должен доверять вам больше, чем вы мне?

Я промолчал.

— А сверх процентов, — добавил он уже благодушным тоном, — вы будете бесплатно, пока я жив, вести мои дела. Хорошо?

— Согласен, но никаких расходов из своих средств производить я не буду.

— Правильно! — сказал Гобсек. — А кстати, — добавил он с необычным для него ласковым выражением лица, — вы позволите мне навещать вас?

— Всегда буду рад вас видеть.

— Только, знаете, утром это и вам и мне неудобно: у вас свои дела, у меня свои.

— Приходите по вечерам.

— Нет, это тоже не годится, — живо возразил он. — Вам надо бывать в обществе, встречаться с клиентами. А у меня есть приятели, мы проводим вечера в кафе.

«Приятели? Неужели?» — подумал я и сказал: — Знаете что? Будем встречаться за обедом.

— Превосходно! — одобрил Гобсек. — После биржи, в пять часов. Условимся так: я буду приходить к вам два раза в неделю — по средам и субботам. Мы будем беседовать о делах, как друзья. Ого! Я иной раз бываю в веселом расположении духа. Вы угостите меня крылышком куропатки, бокалом шампанского, и мы с вами поболтаем. У меня в запасе уйма занимательных историй, о которых теперь уже можно рассказывать, и вы из них многому научитесь, узнаете людей, особенно женщин.

— Идет! Куропатка и шампанское.

— Смотрите, не роскошествуйте, а то лишитесь моего доверия. Не вздумайте поставить дом на широкую ногу. Наймите старуху кухарку, вот и вся прислуга. Я буду навещать вас, узнавать, в добром ли вы здоровье. Я ведь вложу в вас целый капитал! Хе-хе! Надо же мне, конечно, знать, как идут ваши дела. Ну, до свидания. Приходите под вечер с вашим патроном.

— Разрешите спросить, если вы не сочтете это нескромным любопытством, — сказал я старику, когда он проводил меня до порога, — зачем вам понадобилась моя метрическая выписка?

Жан-Эстер ван Гобсек пожал плечами и, хитро улыбаясь, ответил:

— До чего глупа молодежь! Извольте знать, господин стряпчий, и запомните хорошенько, чтоб вас не провели при случае, — ежели человеку меньше тридцати, то его честность и дарования

еще могут служить в некотором роде обеспечением ссуды. А после тридцати уже ни на кого полагаться нельзя.

И он запер за мною дверь.

Три месяца спустя я стал стряпчим, а вскоре после этого мне посчастливилось, сударыня, выиграть тяжбы о возвращении вам вашей недвижимости. Успех этот принес мне некоторую известность. Хотя мне приходилось выплачивать Гобсеку огромные проценты, я через пять лет уже расквитался с ним полностью. Я женился на Фанни Мальво, которую полюбил всей душой. Сходство нашей с нею участи, трудовая жизнь и успехи еще укрепили наше взаимное чувство. Умер один из ее дядьев, разбогатевший фермер, и она получила по наследству семьдесят тысяч франков — это помогло мне расплатиться с Гобсеком. А с тех пор моя жизнь — непрерывное счастье и благополучие. Больше я о себе говорить не буду: счастливый человек — тема нестерпимо скучная. Вернемся к героям моей истории. Спустя год после покупки конторы я однажды, почти против воли, попал на холостяцкую пирушку. Один из моих приятелей давал обед, проиграв пари молодому франту, светскому льву. Слава господина де Трай, блестящего денди, гремела тогда в салонах.

— Да и теперь еще гремит, — заметил граф де Борн, прерывая стряпчего. — Он неподражаемо носит фрак, неподражаемо правит лошадьми, запряженными цугом¹. А как Максим играет в карты, как он кушает и пьет! Такого изящества манер в целом мире не увидишь. Он знает толк и в лошадях, и в шляпах, и в картинах. Желщины без ума от него. В год он проматывает тысячу, однако ж не слышать, чтобы у него было хоть захудалое поместье или хоть какая-нибудь рента². Это образец странствующего рыцаря нашего времени — странствует же он по салонам, бульварам, бульварам нашей столицы, это своего рода амфибия, ибо в натуре у него мужских черт столько же, сколько женских. Да, граф Максим де Трай — существо самое странное, на все пригодное и никуда не годное, субъект, внушающий и страх и презрение, всезнайка и круглый невежда, способный оказать благодеяние и совершить преступление, то подлец, то само благородство, бретер³, больше испачканный грязью, чем запятнанный кровью, человек, которого могут терзать заботы, но не угрызения совести, которого ощущения занимают сильнее, чем мысли, по виду душа страстная и пылкая, а внутренне холодная как лед — блестящее соединительное звено между обитателями каторги и людьми высшего света. Ум у Максима де Трай незаурядный, из таких лю-

¹ Цуг — запряжка лошадей гуськом, в две или три пары.

² Рента — регулярно получаемый доход с имущества или земель; процент с капитала.

³ Бретёр — человек, ищущий малейшего повода вызвать кого-нибудь на дуэль.

дей иногда выходят Мирабо, Питты, Ришелье, но чаще всего — графы де Хорн, Фукье-Тенвилли и Коньяры¹.

— Так вот, — заговорил Дервиль, внимательно выслушав брата виконтессы, — я много слышал об этом человеке от несчастного старика Горио, одного из моих клиентов, и старательно уклонялся от опасной чести познакомиться с ним, когда встречал его в обществе. Но тут мой приятель так настойчиво звал меня на свой пир, что я не мог отказаться, иначе меня ославили бы ханжой. Вам, сударыня, трудно представить себе, что такое холостяцкий званый обед. Пышность, редкостные блюда, во всем роскошь, как у скряги, вздумавшего из тщеславия на один день пуститься в мотовство. Войдешь — и глаз оторвать не можешь: какой стройный порядок царит на накрытом столе! Сверкает серебро и хрусталь, снежной белизной блещет камчатная скатерть. Словом, жизнь в цвету. Молодые люди очаровательны, улыбаются, говорят тихо, похожи на женихов под венцом, и все вокруг них сияет девственной чистотой. А через два часа... На столе разгром, как на бранном поле после побоища; повсюду осколки разбитых бокалов, скомканные салфетки; на блюдах искромсанные кушанья, на которые противно смотреть; крик, хохот, шутовские тосты, перекрестный огонь эпиграмм и циничных острот, побагровевшие лица, бессмысленно горящие глаза, разнузданная откровенность душевных излияний. Шум поднимается адский: один бьет бутылки, другой затягивает песню, третий вызывает приятеля на дуэль, а те, глядишь, обнимаются или дерутся. В воздухе стоит отвратительный чад, в котором смешалась целая сотня запахов, и такой рев, как будто кричат сто голосов разом. Никто уже не замечает, что он ест, что пьет и что говорит; один молчит угрюмо, другие болтают без умолку, а кто-нибудь, точно сумасшедший, твердит все одно и то же слово, равномерно гудит, как колокол; иные пытаются командовать этим сумбуром, самый искушенный предлагает поехать в зланные места. Если бы трезвый человек вошел сюда в это время, он, наверное, подумал бы, что попал на вакханалию². И вот в таком диком угаре господин де Трай попытался заручиться моим расположением. Я еще кое-что соображал и держался настороже. Зато он казался вдребезги пьяным, хотя в действительности был в полном рассудке и думал только о своих делах. Уж не знаю, как это случилось, но он совсем меня околдовал, и в девять часов вечера, выходя из гостиной

¹ *Вильям Питт-младший (1759—1806)* — премьер-министр Англии, непримиримый враг французской революции. *Герцог Арман-Эммануэль Ришелье* — французский министр при Реставрации. *Граф Антуан Хорн* был в 1720 году колесован за убийство, совершенное в целях ограбления. *Фукье-Тенвиль* — общественный обвинитель революционного трибунала французской революции, беспощадно боровшийся с врагами. *Коньяр* — авантюрист, глава бандитской шайки, выдававший себя за графа.

² *Вакханалия* — в древней Греции празднество в честь бога вина Вакха; дикий разгул, оргия.

де Гриньона, я пообещал, что завтра утром свезу его к Гобсеку. Этот златоуст де Трай сумел просто с волшебной ловкостью опутать меня своими речами, ввертывая в них, и всегда очень к месту, такие слова, как «честь», «благородство», «графиня», «порядочная женщина», «добродетель», «несчастье», «отчаяние» и так далее. Утром, проснувшись, я попытался вспомнить, что я наговорил вчера, и с трудом мог собраться с мыслями. Наконец я припомнил, что, кажется, дочь одного из моих клиентов попала в беду и может лишиться доброго имени, уважения и любви супруга, если нынче утром до двенадцати часов не достанет пятидесяти тысяч франков. Тут были замешаны и карточные долги, и счета каретника, и какие-то растраты... Мой обаятельный собутыльник заверял меня, что эта дама довольно богата и за несколько лет сумеет бережливостью возместить урон, который нанесла своему состоянию. И только тут я понял, почему мой приятель так настойчиво приглашал меня к себе. Но признаюсь, к стыду своему, мне и на ум не приходило, что сам Гобсек был весьма заинтересован в примирении с блистательным денди. Едва я успел встать с постели, явился господин де Трай.

— Граф,— сказал я, когда мы обменялись обычными любезностями,— я, право, не понимаю, зачем вам нужно, чтобы я привел вас к Гобсеку,— ведь он самый учтивый и самый безобидный из всех ростовщиков. Он вам даст денег, если они есть у него,— вернее, если вы представите ему достаточные гарантии.

— Господин Дервиль,— ответил де Трай,— я не намерен насильно требовать от вас этой услуги, хотя вчера вы обещали мне оказать ее.

«Гром и молния! — мысленно воскликнул я. — Неужели я дам этому человеку повод думать, будто я не умею держать слово!»

— Вчера я имел честь объяснить вам, что очень некстати поссорился с папашей Гобсеком,— заметил де Трай.— Ведь во всем Париже, кроме него, не найдется такого финансиста, который в конце месяца, пока не подведен баланс, может выложить в одну минуту сотню тысяч. Вот я и попросил вас помирить меня с ним. Но не будем больше говорить об этом...

И господин де Трай, посмотрев на меня с учтиво-оскорбительной усмешкой, направился к двери.

— Я поеду с вами к Гобсеку,— сказал я.

Когда мы приехали на улицу де Грэ, денди все озирался вокруг с таким странным, напряженным вниманием и взгляд его выражал такую тревогу, что я был поражен. Он то бледнел, то краснел, то вдруг желтизна проступала у него на лице, а лишь только он завидел подъезд Гобсека, на лбу у него заблестели капельки пота. Когда мы выскочили из кабриолета, из-за угла на улицу де Грэ завернул фиакр¹. Ястребиным своим взором моло-

¹ Фиакр — наемный экипаж.

дой щеголь сразу разглядел в уголке кареты женскую фигуру, и на его лице вспыхнула почти звериная радость. Он подозвал проходившего мимо мальчишку и поручил ему подержать лошадь. Мы поднялись по лестнице и вошли к старику дисконтеру¹.

— Господин Гобсек, — сказал я, — вот я привел к вам одного из самых близких моих друзей. (Бойтесь его как дьявола, — шепнул я на ухо старику.) Надеюсь, по моей просьбе вы возвратите ему доброе свое расположение (за обычные проценты) и выручите его из беды (если это вам выгодно).

Господин де Трай низко поклонился ростовщику, сел и, приговаривая выслушать его, принял изящно-угодливую позу царедворца, которая пленила бы кого угодно; но мой Гобсек сидел в кресле у камелька все так же неподвижно, все такой же бесстрастный. Он походил на статую Вольтера² в перистиле³ Французской комедии⁴, освещенную вечерними огнями. В качестве приветствия он лишь слегка приподнял истрепанный картуз, всегда покрывавший его голову, и мелькнувшая полоска голого черепа, желтого, как старый мрамор, довершила это сходство.

— Деньги у меня есть только для моих постоянных клиентов, — сказал он.

— Так вы, значит, очень разгневались, что я к другим пошел разоряться? — улыбнувшись, отозвался граф.

— Разоряться? — с иронией переспросил Гобсек.

— Вы хотите сказать, что у кого в кармане свистит, тому и разоряться нечего? А вы попробуйте-ка сыскать в Париже человека с таким вот солидным капиталом, как у меня! — воскликнул этот фат и, встав, повернулся на каблуках. Шутовская его выходка, имевшая почти серьезный смысл, нисколько, однако, не расшевелила Гобсека.

— А кто у меня самые закадычные друзья? — продолжал де Трай. — Господа Ронкероль, де Марсе, Франкессини, оба Ванденеса, Ажуда-Пинто — словом, самые блестящие в Париже молодые люди. Я неизменный партнер за карточным столом одного принца и хорошо известного вам посланника. Я собираю доход в Лондоне, в Карлсбаде, в Бадене, в Бате⁵. Великолепный промысел! Разве не верно?

— Верно.

¹ Дисконтером именуется в буржуазном банковом деле лицо, занимающееся досрочным учетом, т. е. оплатой до срока векселей и вообще долговых обязательств с вычетом следуемых по векселю процентов и комиссионных.

² Вольтер (1694—1768) — великий французский просветитель, писатель и философ.

³ Перистиль — крытая галерея между рядом колонн и стеной здания.

⁴ Французская комедия — знаменитый французский театр.

⁵ Карлсбад (ныне Карловы Вары), Баден, Бат — знаменитые курортные места в Европе.

— Вы со мной обращаетесь, как с губкой, черт подери! Даете мне пропитаться золотом в светском обществе, а в трудную для меня минуту возьмете да выжмете. Но смотрите, ведь и с вами то же самое случится. Смерть и вас выжмет, как губку.

— Возможно.

— Да если б не расточители, что бы вы делали? Мы с вами друг для друга необходимы, как душа и тело.

— Правильно.

— Ну, дайте руку, помиримся, папаша Гобсек. И проявите великодушие, если все это возможно, верно и правильно.

— Вы пришли ко мне,— холодно ответил ростовщик,— только потому, что Жирар, Пальма, Вербруст и Жигонне по горло сыты вашими векселями и всем их навязывают, даже с убытком для себя в пятьдесят процентов. Но выложили-то они вам, по всей вероятности, только половину номинала, значит, векселя ваши и двадцати пяти процентов не стоят. Нет, нет. Слуга покорный! Куда это годится! — продолжал Гобсек. — Разве можно ссудить хоть грош человеку, у которого долгов на триста тысяч франков, а за душой ни сантима. Третьего дня на балу у барона Нусингена вы проиграли в карты десять тысяч.

— Милостивый государь,— ответил граф, с редкостной наглостью смерив его взглядом,— мои дела вас не касаются. Долг платежом красен.

— Верно.

— Мои векселя всегда будут оплачены.

— Возможно.

— И в данном случае весь вопрос сводится для вас к одному: могу я или не могу представить вам достаточный залог под ссуду на ту сумму, которую я хотел бы занять.

— Правильно.

С улицы донесся шум подъезжавшего к дому экипажа.

— Сейчас я принесу вам кое-что, и вы, думается мне, будете вполне удовлетворены, — сказал де Трай и выбежал из комнаты.

— О сын мой! — воскликнул Гобсек, вскочив и пожимая мне руку. — Если заклад у него ценный, ты спас мне жизнь! Ведь я чуть не умер. Вербруст и Жигонне вздумали сыграть со мной шутку. Но благодаря тебе я сам нынче вечером посмеюсь над ними.

В радости этого старика было что-то жуткое. Впервые он так ликовал при мне, и как ни мимолетно было это мгновение торжества, оно никогда не изгладится из моей памяти.

— Сделайте мне одолжение, побудьте тут, — добавил Гобсек. — Хотя при мне пистолеты и я уверен в своей меткости, потому что мне случалось и на тигра ходить и на палубе корабля драться в абордажной схватке не на живот, а на смерть, а все-таки я побаиваюсь этого элегантного мерзавца.

Он подошел к письменному столу и сел в кресло. Лицо его вновь стало бледным и спокойным,

— Так, так! — сказал он, повернувшись ко мне. — Вы, конечно, увидите сейчас ту красавицу, о которой я когда-то рассказывал вам. Я слышу в коридоре шаги аристократических ножек.

В самом деле, молодой франт вошел, ведя под руку даму, и я сразу узнал в ней одну из дочерей старика Горио, а по описанию Гобсека — ту самую графиню, в чью опочивальню он проник однажды. Она же сначала не заметила меня, так как я стоял в оконной нише и тотчас повернулся лицом к стеклу.

Войдя в сырую и темную комнату ростовщика, графиня бросила недоверчивый взгляд на Максима де Трай. Она была так хороша, что я, невзирая на все ее прегрешения, пожалел ее. Видно было, что сердце у нее щемит от ужасных мук, и ее гордое лицо с благородными чертами искажала плохо скрытая боль. Молодой щеголь стал ее злым гением. Я подивился прозорливости Гобсека, — уже четыре года назад он предугадал судьбу этих двух людей по первому их векселю. «Вероятно, это чудовище с ангельским лицом, — думал я, — властвует над ней, пользуясь всеми ее слабостями — тщеславием, ревностью, жаждой наслаждений, светской суетностью».

— Да и самые добродетели этой женщины, несомненно, были его оружием! — воскликнула виконтесса. — Он пользовался ее преданностью, умел разжалобить до слез, играл на великодушии, свойственным нашему полу, злоупотреблял ее нежностью и очень дорого продавал ей преступные радости.

— Должен вам признаться, — заметил Дервиль, не понимая знаков, которые делала ему г-жа Гранлье, — я не оплакивал участи этого несчастного создания, пленительного в глазах света и ужасного для тех, кто читал в ее сердце, но я с отвращением смотрел на ее молодого спутника, сущего убийцу, хотя у него было такое ясное чело, румяные, свежие уста, милая улыбка, белоснежные зубы и ангельский облик. Оба они в эту минуту стояли перед своим судьей, а он наблюдал за ними таким взглядом, каким, верно, в шестнадцатом веке старый монах-доминиканец¹ смотрел на пытки каких-нибудь двух мавров в глубоком подземелье святейшей инквизиции.

— Сударь, — заговорила графиня срывающимся голосом, — можно получить вот за эти бриллианты полную их стоимость, оставив, однако, за собою право выкупить их? — И она протянула Гобсеку ларчик.

— Можно, сударыня, — вмешался я, выходя из оконной ниши.

Графиня быстро повернулась в мою сторону, вздрогнула, узнав меня, и бросила мне взгляд, который на любом языке означает: «Не выдавайте».

¹ *Доминиканцы* — католический монашеский орден, основанный в XIII веке, которому папа римский поручил руководство инквизицией.

— У нас, юристов, такая сделка именуется «условной продажей, с правом последующего выкупа», и состоит она в передаче движимого или недвижимого имущества на определенный срок, по истечении коего собственность может быть возвращена владельцу при внесении им покупщику обусловленной суммы.

Графиня вздохнула с облегчением. Максим де Трай нахмурился, видимо, опасаясь, что при такой сделке ростовщик даст меньше, ибо ценность бриллиантов неустойчива. Гобсек молча схватил лупу и принялся рассматривать содержимое ларчика. Проживи я на свете еще сто лет, мне не забыть этой картины. Бледное лицо его разругалось, глаза загорелись каким-то сверхъестественным огнем, словно в них отражалось сверкание бриллиантов. Он встал, подошел к окну и, разглядывая драгоценности, подносил их так близко к своему беззубому рту, словно хотел проглотить их. Он бормотал какие-то бессвязные слова, доставал из ларчика то браслеты, то серьги с подвесками, то ожерелья, то диадемы¹, поворачивал их, определяя чистоту воды, оттенок и грань алмазов, искал, нет ли изъяна. Он вытаскивал их из ларчика, укладывал обратно, опять вынимал, опять поворачивал, чтобы они заиграли всеми таившимися в них огнями. В эту минуту он был скорее ребенком, чем стариком, или, вернее, он был и ребенком и стариком.

— Хороши! Ах, хороши! Такие бриллианты до революции стоили бы триста тысяч! Чистейшей воды! Несомненно, из Индии — из Голконды или из Висапуре. Да разве вы знаете им цену? Нет, нет, во всем Париже только Гобсек сумеет их оценить. При Империи запросили бы больше двухсот тысяч, чтобы сделать на заказ такие уборы. — И с досадливым жестом он добавил: — А нынче бриллианты падают в цене, с каждым днем падают! После заключения мира Бразилия наводнила рынок алмазами, хоть они и желтоватой воды, не такие, как индийские. Да и дамы носят теперь бриллианты только на придворных балах. Вы, сударыня, бываєте при дворе?

И, сердито бросая эти слова, он с невыразимым наслаждением рассматривал бриллианты один за другим.

— Хорош! Без единого пятнышка! — бормотал он. — А вот на этом точка! А тут трещинка! А этот — красавец! Красавец!

Все его бледное лицо было освещено переливающимися отблесками алмазов, и мне пришли на память в эту минуту зеленоватые старые зеркала в провинциальных гостиницах, тусклое стекло которых совсем не отражает световых бликов, а смельчаку, дерзнувшему поглядеться в них, преподносит образ человека, умирающего от апоплексического удара.

— Ну, так как же? — спросил граф, хлопнув Гобсека по плечу.

¹ *Диадема* — женское украшение с драгоценными камнями в форме небольшой открытой короны.

Старый младенец вздрогнул. Он оторвался от любимых игрушек, положил их на письменный стол, сел в кресло и вновь стал только ростовщиком, учтивым, но холодным и жестким, как мраморный столб.

— Сколько вы желали бы занять?

— Сто тысяч. На три года, — ответил граф.

— Что ж, можно, — согласился Гобсек, осторожно доставая из шкапулки красного дерева свою драгоценность — неоценимые, точнейшие весы. Он взвесил бриллианты, определяя на глаз (бог весть как!) вес старинной оправы. Во время этой операции лицо его выражало и ликование и стремление побороть его. Графиня словно оцепенела, погрузившись в раздумье; и я порадовался за нее — мне казалось, что эта женщина увидела вдруг, в какую глубокую пропасть она скатилась. Значит, совесть еще не совсем заглохла в ее душе и, может быть, достаточно только некоторого усилия, достаточно лишь протянуть сострадательно руку, чтобы спасти ее. И я сделал попытку.

— Это ваши собственные бриллианты, сударыня? — спросил я.

— Да, сударь, — ответила она, надменно взглянув на меня.

— Пишите акт о продаже с последующим выкупом, болтун, — сказал Гобсек и, встав из-за стола, указал мне рукой на свое кресло.

— Вы сударыня, вероятно, замужем? — задал я второй вопрос.

Графиня нетерпеливо кивнула головой.

— Я отказываюсь составлять акт! — воскликнул я.

— Почему это? — спросил Гобсек.

— Как «почему»? — возмутился я и, отведя старика к окну, вполголоса сказал: — Замужняя женщина во всем зависит от мужа, сделка будет признана незаконной, а вам не удастся сослаться на свое неведение, раз налицо будет акт. Вам придется предъявить эти бриллианты, так как в акте будут указаны их вес, стоимость и грань.

Гобсек прервал меня кивком головы и повернулся к двум преступникам:

— Он прав. Условия меняются. Восемьдесят тысяч наличными, а бриллианты останутся у меня, — добавил он глухим и тоненьким голоском. — При сделках на движимое имущество собственность лучше всяких актов.

— Но... — заговорил было де Трай.

— Соглашайтесь или берите обратно, — перебил его Гобсек и протянул ларчик графине. — Я не хочу рисковать.

— Гораздо лучше для вас броситься к ногам мужа, — шепнул я графине.

Ростовщик понял по движению моих губ, что я сказал, и бросил на меня холодный взгляд.

Молодой щеголь побледнел как полотно. Графиня явно колебалась. Максим де Трай подошел к ней, и, хотя он говорил очень тихо, я расслышал слова: «Прощай, добрая Анастази. Будь счастлива. А я... Завтра я уже избавлюсь от всех забот».

— Сударь! — воскликнула графиня, быстро повернувшись к Гобсеку. — Я согласна, я принимаю ваши условия.

— Ну, вот и хорошо! — отозвался старик. — Трудно вас уломать, красавица моя. — Он подписал банковский чек на пятьдесят тысяч и вручил его графине. — А вдобавок к этому, — сказал он с улыбкой, очень похожей на вольтеровскую, — я в счет остальной платежной суммы дам вам на тридцать тысяч векселей, самых бесспорных, самых для вас надежных. Все равно что золотом выложу эту сумму. Граф де Трай только что сказал мне: *«Мои векселя всегда будут оплачены»*, — добавил Гобсек, подавая графине векселя, подписанные графом, опротестованные накануне одним из собратьев Гобсека и, вероятно, проданные за бесценок.

Максим де Трай разразился рычаньем, в котором явственно прозвучали слова: «Старый подлец!»

Гобсек и бровью не повел, спокойно достал из картонного футляра пару пистолетов и холодно сказал:

— Первый выстрел за мной, по праву оскорбленной стороны.

— Максим! — тихо вскрикнула графиня. — Извинитесь. Вы должны извиниться перед господином Гобсеком.

— Сударь, я не имел намерения оскорбить вас, — пробормотал граф.

— Я это прекрасно знаю, — спокойно ответил Гобсек. — В ваши намерения входило только не заплатить по векселям.

Графиня встала и, поклонившись, выбежала, видимо, охваченная ужасом. Графу де Трай пришлось последовать за ней, но на прощанье он сказал:

— Если вы хоть словом обмолвитесь обо всем этом, господа, прольется ваша или моя кровь.

— Аминь! — ответил ему Гобсек, пряча пистолеты. — Чтобы пролить свою кровь, надо ее иметь, милый мой, а у тебя в жилах вместо крови — грязь.

Когда хлопнула наружная дверь и оба экипажа отъехали, Гобсек вскочил с места и, приплясывая, закричал:

— А бриллианты у меня! А бриллианты-то мои! Великолепные бриллианты! Дивные бриллианты! И как дешево достались! А-а, господа Вербруст и Жигонне! Вы думали поддеть старика Гобсека? А я сам вас поддел! Я все получил сполна! Куда вам до меня! Мелко плаваετε! Какие у них глупые будут рожи, когда я расскажу нынешнюю историю между двумя партиями в домино!

Эта свирепая радость, это злобное торжество дикаря, завладевшего блестящими камешками, ошеломили меня. Я остолбенел, онемел.

— Ах, ты еще тут, голубчик! Я и забыл совсем. Мы нынче пообедаем вместе. У тебя пообедаем, — я ведь не веду хозяйства, а все эти рестораны с их подливками да соусами, с их винами — сущие душегубы. Они самого дьявола отравят.

Заметив, наконец, выражение моего лица, он сразу вернулся к холодной бесстрастности.

— Вам этого не понять, — сказал он, усаживаясь у камина, где стояла на жаровне жестяная кастрюлька с молоком. — Хотите позавтракать со мною? — добавил он. — Пожалуй, и на двоих хватит.

— Нет, спасибо, — ответил я. — Я всегда завтракаю в полдень.

В эту минуту в коридоре послышались чьи-то торопливые шаги.

Кто-то остановился у дверей Гобсека и яростно постучал в них. Ростовщик направился к порогу и, поглядев в окошечко, отпер двери. Вошел человек лет тридцати пяти, вероятно, показавшийся ему безобидным, несмотря на свой гневный стук.

Посетитель одет был просто, а наружностью напоминал покойного герцога Ришелье. Это был супруг графини, и вы, вероятно, встречали его в свете: у него была, прошу извинить меня за это определение, вельможная осанка государственных мужей, обитателей вашего предместья.

— Сударь, — сказал он Гобсеку, к которому вернулось все его спокойствие, — моя жена была у вас?

— Возможно.

— Вы что же, сударь, не понимаете меня?

— Не имею чести знать вашу супругу, — ответил ростовщик. — У меня нынче утром перебивало много народу — мужчины, женщины, девицы, похожие на юношей, и юноши, похожие на девиц. Мне, право, трудно...

— Шутки в сторону, сударь! Я говорю о своей жене. Она только что была у вас.

— Откуда же мне знать, что эта дама — ваша супруга? Я не имел удовольствия встречаться с вами.

— Ошибаетесь, господин Гобсек, — сказал граф с глубокой иронией. — Мы однажды утром встретились с вами в спальне моей жены. Вы приходили взимать деньги по векселю, по которому она никаких денег не получала.

— А уж это не мое дело разузнавать, какими ценностями ей была возмещена эта сумма, — возразил Гобсек, бросив на графа ехидный взгляд. — Я учел ее вексель при расчетах с одним из моих коллег. Кстати, позвольте заметить вам, граф, — добавил Гобсек без малейшей тени волнения, неторопливо засыпав кофе в молоко, — позвольте заметить вам, что, по моему разумению, вы не имеете права читать мне нотации в собственном моем доме. Я, сударь, достиг совершеннолетия еще в шестьдесят первом году прошлого века.

— Милостивый государь, вы купили у моей жены по крайне низкой цене бриллианты, не принадлежащие ей, это фамильные драгоценности.

— Я не считаю себя обязанным посвящать вас в тайны моих сделок, но скажу вам, однако, что, если графиня и взяла у вас без спросу бриллианты, вам следовало предупредить письменно всех ювелиров, чтобы их не покупали,— ваша супруга могла продать бриллианты по частям.

— Сударь! — воскликнул граф. — Вы ведь знаете мою жену!

— Верно.

— Как замужняя женщина она подчиняется мужу.

— Возможно.

— Она не имела права распоряжаться этими бриллиантами.

— Правильно.

— Ну, так как же, сударь?

— А вот как! Я знаю вашу жену, она подчинена мужу, — согласен с вами; ей еще и другим приходится подчиняться, — но *ваших бриллиантов я не знаю*. Если ваша супруга подписывает векселя, то, очевидно, она может и заключать коммерческие сделки, покупать бриллианты или брать их на комиссию для продажи. Это бывает.

— Прощайте, сударь! — воскликнул граф, бледнея от гнева. — Существует суд.

— Правильно.

— Вот этот господин, — добавил граф, указывая на меня, — был свидетелем продажи.

— Возможно.

Граф направился к двери.

Видя, что дело принимает серьезный оборот, я решил вмешаться и примирить противников.

— Граф, — сказал я, — вы правы, но господин Гобсек не виноват. Вы не можете привлечь его к суду, оставив вашу жену в стороне, а этим процессом будет опозорена не только она одна. Я стряпчий и, как должностное лицо, да и просто как порядочный человек, считаю себя обязанным подтвердить, что продажа произведена в моем присутствии. Но я не думаю, что вам удастся расторгнуть эту сделку как незаконную, и нелегко будет установить, что проданы именно ваши бриллианты. По справедливости вы правы, но по букве закона вы потерпите поражение. Господин Гобсек человек честный и не станет отрицать, что купил бриллианты очень выгодно для себя, да и я ко долгу и по совести засвидетельствую это. Но если вы затеете тяжбу, исход ее крайне сомнителен. Советую вам пойти на мировую с господином Гобсеком. Он ведь может доказать на суде свою добросовестность, а вам все равно придется вернуть сумму, уплаченную им. Согласитесь считать свои бриллианты в залоге на семь, на восемь месяцев, даже на год, если раньше этого срока вы не в состоянии вернуть

деньги, полученные графиней. А может быть, вы предпочтете выкупить их сегодня же, предоставив достаточные для этого гарантии?

Ростовщик преспокойно макал хлеб в кофе и завтракал с полнейшей невозмутимостью, но, услышав слова «пойти на мировую», бросил на меня взгляд, говоривший: «Молодец! Ловко пользуешься моими уроками!» Я ответил ему взглядом, который он прекрасно понял: «Дело очень сомнительное и грязное, надо вам немедленно заключить полюбовное соглашение». Гобсек не мог прибегнуть к запирательству, зная, что я скажу на суде всю правду. Граф поблагодарил меня благосклонной улыбкой. После долгих обсуждений, в которых хитростью и алчностью Гобсек заткнул бы за пояс участников любого дипломатического конгресса, я составил акт, где граф признавал, что получил от Гобсека восемьдесят пять тысяч франков, включая в эту сумму и проценты по ссуде, а Гобсек обязывался при уплате ему всей суммы долга вернуть бриллианты графу.

— Какая расточительность! — горестно воскликнул муж графини, подписывая акт. — Как перебросить мост через эту бездонную пропасть?

— Сударь, много у вас детей? — серьезным тоном спросил Гобсек.

Граф от этих слов вздрогнул, как будто старый ростовщик, словно опытный врач, сразу нащупал больное место. Он ничего не ответил.

— Так, так, — пробормотал Гобсек, поняв его угрюмое молчание. — Я вашу историю наизусть знаю. Эта женщина — демон, а вы, должно быть, все еще любите ее. Понимаю! Она даже и меня в волнение привела. Может быть, вы хотите спасти свое состояние, сберечь его для одного или для двух своих детей? Советую вам: бросьтесь в омут светских удовольствий, играйте для виду в карты, проматывайте деньги да почаще приходите к Гобсеку. В светских кругах будут называть меня жидом, эффиопом, ростовщиком, грабителем, говорить, что я разоряю вас. Мне наплевать! За оскорбление обидчик дорого заплатится! Ваш покорный слуга прекрасно стреляет из пистолета и владеет шпагой. Это всем известно. А еще советую вам — найдите надежного друга, если можете, и путем фиктивной продажной сделки передайте ему все свое имущество. Как это у вас, юристов, называется? Фидекомис¹, кажется? — спросил он, повернувшись ко мне.

Граф был весь поглощен своими заботами и, уходя, сказал Гобсеку:

— Завтра я принесу вам деньги. Держите бриллианты наготове.

¹ *Фидекомис* — юридический акт, по которому одно лицо передает другому имущество во временное пользование для передачи его в дальнейшем третьему лицу.

— По-моему, он глупец, как все эти порядочные люди, — прерительно бросил Гобсек, лишь только мы остались одни.

— Скажите лучше — как люди, захваченные страстью.

— А за составление закладной пусть вам заплатит граф, — сказал Гобсек, когда я прощался с ним.

Через несколько дней после этой истории, открывшей мне мерзкие тайны светской женщины, граф утром явился ко мне.

— Сударь, — сказал он, войдя в мой кабинет. — Я хочу посоветоваться с вами по очень важному делу. Считаю своим долгом заявить, что я питаю к вам полное доверие, и надеюсь доказать это. Ваше поведение в процессах госпожи де Гранлье выше всяких похвал. (Вот видите, сударыня, — заметил стряпчий, повернувшись к виконтессе, — услугу я оказал вам очень простую, а сколько раз был за это вознагражден...) — Я почтительно поклонился графу и ответил, что только выполнил долг честного человека.

— Так вот, сударь. Я тщательно навел справки о том странном человеке, которому вы обязаны своим положением, — сказал граф, — и из всех моих сведений видно, что этот Гобсек — философ из школы циников. Какого вы мнения о его честности?

— Граф, — ответил я, — Гобсек оказал мне благодеяние... Из пятнадцати процентов, — добавил я смеясь. — Но его скупость все же не дает мне права слишком откровенничать о нем с незнакомым мне человеком.

— Говорите, сударь. Ваша откровенность не может повредить ни ему, ни вам. Я отнюдь не надеюсь встретить в лице этого ростовщика ангела во плоти.

— У папаши Гобсека, — сказал я, — есть одно основное правило, которого он придерживается в своем поведении. Он считает, что деньги — это товар, который можно со спокойной совестью продавать, дорого или дешево, в зависимости от обстоятельств. Ростовщик, взимающий большие проценты за ссуду, по его мнению, такой же капиталист, как и всякий другой участник прибыльных предприятий и спекуляций. А если отбросить его финансовые принципы и его рассуждения о натуре человеческой, которыми он оправдывает свои ростовщические ухватки, то я глубоко убежден, что вне этих дел он человек самой щепетильной честности во всем Париже. В нем живут два существа: скряга и философ, подлое существо и возвышенное. Если я умру, оставив малолетних детей, он будет их опекуном. Вот, сударь, каким я представляю себе Гобсека на основании личного своего опыта. Я ничего не знаю о его прошлом. Возможно, он был корсаром; возможно, блуждал по всему свету, торговал бриллиантами или людьми, женщинами или государственными тайнами; но я глубоко уверен, что ни одна душа человеческая не получила такой жестокой закалки в испытаниях, как он. В тот день, когда я принес ему свой долг и расплатился полностью, я с некоторыми ри-

торическими предосторожностями спросил у него, какие соображения заставили его брать с меня огромные проценты и почему он, желая помочь мне, своему другу, не позволил себе оказать это благодеяние совершенно бескорыстно. «Сын мой, я избавил тебя от признательности, я дал тебе право считать, что ты мне ничем не обязан. И поэтому мы с тобой лучшие в мире друзья». Этот ответ, сударь, лучше всяких моих слов нарисует вам портрет Гобсека.

— Мое решение бесповоротно, — сказал граф. — Потрудитесь подготовить все необходимые акты для передачи Гобсеку прав на мое имущество. И только вам, сударь, я могу доверить составление встречной расписки, в которой он заявит, что продажа является фиктивной, даст обязательство управлять моим состоянием по своему усмотрению и передать его в руки моего старшего сына, когда тот достигнет совершеннолетия. Но я должен сказать вам следующее: я боюсь хранить у себя эту расписку. Мой сын так привязан к матери, что я и ему не решусь доверить этот драгоценный документ. Я прошу вас взять его к себе на хранение. Гобсек на случай своей смерти назначит вас наследником моего имущества. Итак, все предусмотрено.

Граф умолк, и вид у него был очень взволнованный.

— Приношу тысячу извинений, сударь, за беспокойство, — заговорил он наконец, — но я так страдаю, да и здоровье мое вызывает у меня сильные опасения. Недавние горести были для меня жестоким ударом, боюсь, что мне недолго жить, и решительные меры, которые я хочу принять, просто необходимы.

— Сударь, — ответил я, — прежде всего позвольте поблагодарить вас за доверие. Но, чтоб оправдать его, я должен указать вам, что этими мерами вы совершенно обездолите... ваших младших детей, а ведь они тоже носят ваше имя. Пускай жена ваша грешна перед вами, все же вы когда-то ее любили, и дети ее имеют право на известную обеспеченность. Должен заявить вам, что я не соглашусь принять на себя почетную обязанность, которую вам угодно на меня возложить, если их доля не будет точно установлена.

Граф вздрогнул, слезы выступили у него на глазах, и он сказал, крепко пожав мне руку:

— Я еще не знал вас как следует. Вы и причинили мне боль и обрадовали меня. Да, надо определить в первом же пункте встречной расписки, какую долю выделить этим детям.

Я проводил его до дверей моей конторы, и мне показалось, что лицо у него просветлело от чувства удовлетворения справедливым поступком. Вот, Камилла, как молодые женщины могут по наклонной плоскости скатиться в пропасть. Достаточно иной раз кадрили на балу, романса, спетого за фортепиано, загородной прогулки, чтобы за ними последовало непоправимое несчастье. К нему стремятся сами, послушавшись голоса самонадеянного

тщеславия, гордости, поверив иной раз улыбке, поддавшись опрометчивому легкомыслию юности! А лишь только женщина перейдет известные границы, она неизменно попадает в руки трех фурий¹, имя которых — позор, раскаяние, нищета, и тогда...

— Бедняжка Камилла, у нее совсем слипаются глаза, — заметила виконтесса, прерывая Дервиля. — Ступай, детка, ложись. Нет надобности пугать тебя страшными картинами, ты и без них останешься чистой, добродетельной.

Камилла де Гранлье поняла мать и удалилась.

— Вы зашли немного далеко, дорогой Дервиль, — сказала виконтесса. — Поверенный по делам — это все-таки не мать и не проповедник.

— Но ведь газеты в тысячу раз более...

— Дорогой мой! — удивленно сказала виконтесса. — Я, право, не узнаю вас! Неужели вы думаете, что моя дочь читает газеты? Продолжайте, — добавила она.

— Прошло три месяца после утверждения купчей на имущество графа, перешедшее к Гобсеку...

— Можно теперь называть графа по имени — де Ресто, раз моей дочери тут нет, — сказала виконтесса.

— Прекрасно, — согласился стряпчий. — Прошло много времени после этой сделки, а я все не получал того важного документа, который должен был храниться у меня. В Париже стряпчих так захватывает поток житейской суеты, что они не могут уделять делам своих клиентов больше внимания, чем сами их доверители, — за отдельными исключениями, которые мы умеем делать. Но все же как-то раз, угощая Гобсека обедом у себя дома, я спросил его, когда мы встали из-за стола, не знает ли он, почему ничего больше не слышно о господине де Ресто.

— На то есть основательные причины, — ответил он. — Граф при смерти. Душа у него нежная. Такие люди не умеют совладать с горем, и оно убивает их. Жизнь — это сложное, трудное ремесло, и надо приложить усилия, чтобы научиться ему. Когда человек узнает жизнь, испытывает ее горести, фибры сердца у него закаляются, окрепнут, а это позволяет ему управлять своей чувствительностью. Нервы тогда становятся не хуже стальных пружин — гнутся, а не ломаются. А если вдобавок и пищеварение хорошее, то при такой подготовке человек будет живуч и долготелен, как кедры ливанские, действительно великолепные деревья.

— Неужели граф умрет? — воскликнул я.

— Возможно, — заметил Гобсек. — Дело о его наследстве — лакомый для вас кусочек.

Я посмотрел на своего гостя и сказал, чтобы прощупать его намерения:

¹ Фурии — в древнеримской мифологии богини мщения и кары.

— Объясните вы мне, пожалуйста, почему из всех людей только граф и я вызвали в вас участие.

— Потому что вы одни доверились мне без всяких хитростей.

Хотя этот ответ позволял мне думать, что Гобсек не злоупотребит своим положением, даже если встречная расписка исчезнет, я все-таки решил навестить графа. Сославшись на какие-то дела, я вышел из дому вместе с Гобсеком. На Гельдерскую улицу я приехал очень быстро. Меня провели в гостиную, где графиня играла с младшими своими детьми. Когда лакей доложил обо мне, она вскочила с места, пошла было мне навстречу, потом села и молча указала рукой на свободное кресло у камина. И сразу же она как будто прикрыла лицо маской, под которой светские женщины так искусно прячут свои страсти. От пережитых горестей красота ее уже поблекла, но чудесные черты лица не изменились и свидетельствовали о былом его очаровании.

— У меня очень важное дело к графу; я бы хотел, сударыня, поговорить с ним.

— Если вам это удастся, вы окажетесь счастливее меня, — заметила она, прерывая мое вступление. — Граф никого не хочет видеть, с трудом переносит визиты врача, отвергает все заботы, даже мои. У больных странные причуды. Они, как дети, сами не знают, чего хотят.

— Может быть, наоборот, — они, как дети, прекрасно знают, чего хотят.

Графиня покраснела. Я же почти раскаивался, что позволил себе такую реплику в духе Гобсека, и поспешил переменить тему разговора.

— Но как же, — спросил я, — разве можно оставлять больного все время одного?

— Около него старший сын, — ответила графиня.

Я пристально поглядел на нее, но на этот раз она не покраснела; мне показалось, что она твердо решила не дать мне проникнуть в ее тайны.

— Поймите, сударыня, — снова заговорил я, — моя настойчивость вовсе не вызвана нескромным любопытством. Дело касается очень существенных интересов...

И тут же я прикусил язык, почувствовав, что пошел по неверному пути. Графиня тотчас воспользовалась моей оплошностью.

— Интересы мужа и жены нераздельны. Ничто не мешает вам обратиться ко мне...

— Простите. Дело, которое привело меня сюда, касается только графа, — смело возразил я.

— Я прикажу передать о вашем желании поговорить с ним.

Однако учтивый ее тон и любезный вид, с которым она это сказала, не обманули меня, — я догадался, что она ни за что не допустит меня к своему мужу.

Мы еще немного поговорили о самых безразличных вещах, и я в это время наблюдал за графиней. Но, как все женщины, составив себе определенный план действий, она скрывала его с редкостным искусством, представляющим собою высшую степень женского вероломства. Страшно сказать, но я всего опасался с ее стороны, даже преступления. Ведь в каждом ее жесте, в ее взгляде, в ее манере держать себя, в интонациях голоса сквозило, что она знает, какое будущее ждет ее. Я простился с ней и ушел... А теперь я расскажу вам заключительные сцены этой драмы, добавив к тем обстоятельствам, которые выяснились со временем, кое-какие подробности, разгаданные проницательным Гобсеком и мною самим. С той поры как граф де Ресто, по видимости, закрылся в вихре удовольствий и принялся проматывать свое состояние, между супругами происходили сцены, скрытые от всех, — они дали графу основания еще больше презирать жену. А когда он тяжело заболел и слег, проявилось все его отвращение к ней и к младшим детям: он запретил им входить к нему в спальню, и если запрет пытались нарушить, это вызывало такие опасные для его жизни припадки, что сам врач умолял графиню подчиниться распоряжениям мужа. Графиня де Ресто видела, как все семейное состояние — поместья, фермы, даже дом, где она живет, — уплывает в руки Гобсека, казавшегося ей сказочным колдуном, пожирателем ее богатства, и она, несомненно, поняла, что у мужа есть какой-то умысел. Де Трай, спасаясь от ярых преследований кредиторов, путешествовал по Англии. Только он мог бы раскрыть графине глаза, угадав тайные меры, подсказанные графу ростовщиком в защиту от нее. Говорят, она долго не давала свою подпись, а это, по нашим законам, необходимо при продаже имущества супругов. Но граф все же добился ее согласия. Графиня воображала, что муж обращает свое имущество в деньги и что пачечка кредитных билетов, в которую оно превратилось, хранится в потайном шкафу у какого-нибудь нотариуса или в банке. По ее расчетам, у господина де Ресто должен был находиться на руках документ, который дает старшему сыну возможность защитить свои права на причитающуюся ему долю наследства. Поэтому она решила установить строжайшее наблюдение за спальней мужа. В доме она была полновластной хозяйкой и все подчинила своему женскому шпионству. Весь день она безвыходно сидела в гостиной перед спальней графа, прислушиваясь к каждому его слову, к малейшему движению, а на ночь ей тут же стлали постель, но она почти не смыкала глаз. Врач был всецело на ее стороне. Ее показная преданность мужу всех восхищала. С врожденной хитростью вероломного существа она скрывала истинные причины отвращения, которое выказывал ей муж, и так замечательно разыгрывала скорбь, что стала, можно сказать, знаменитостью. Некоторые блюстительницы нравственности даже находили, что она искупила свои грехи. Но все время у нее пе-

ред глазами стояли картины нищеты, угрожавшей ей, если она потеряет присутствие духа. И вот эта женщина, изгнанная мужем из комнаты, где он стонал на смертном одре, очертила вокруг него магический круг. Она была и далеко от него и вместе с тем близко, лишена всех прав и вместе с тем всемогуща, притворялась самой преданной супругой, но стерегла час его смерти и свое богатство, словно то насекомое, которое роет в песке норку, изогнутую спиралью, и, притаившись на дне ее, поджидает намеченную добычу, прислушиваясь к падению каждой песчинки. Самому суровому моралисту поневоле пришлось бы признать, что графиня оказалась страстно любящей матерью. Говорят, смерть отца послужила ей уроком. Она обожала детей и стремилась скрыть от них свою беспутную жизнь; нежный их возраст легко позволял это сделать и внушить им любовь к ней. Она дала им превосходное, блестящее образование. Признаюсь, я с некоторым восхищением и жалостью относился к этой женщине, за что Гобсек еще недавно подтрунивал надо мною. В ту пору графиня уже убедилась в подлости Максима де Трай и горькими слезами искупала свои прошлые грехи. Я уверен в этом. Меры, которые она принимала, чтобы завладеть состоянием мужа, конечно, были гнусными, но ведь их внушала ей материнская любовь, желание загладить свою вину перед детьми. Да и очень возможно, что, как многие женщины, пережившие бурю страсти, она теперь искренне стремилась к добродетели. Может быть, только тогда она и узнала ей цену, когда пожала печальную жатву своих заблуждений. Всякий раз, как ее старший сын Эрнест выходил из отцовской комнаты, она подвергала его допросу, хитро выпытывала, что делал граф, что говорил. Мальчик отвесал с большой охотой, приписывая все ее вопросы нежной любви к отцу. Мое посещение всполошило графиню: она увидела во мне орудие мстительных замыслов мужа и решила не допускать меня к умирающему. Я почуял недоброе и горячо желал добиться свидания с господином де Ресто, так как беспокоился о судьбе встречных расписок. Я боялся, что эти документы попадут в руки графини, она может предъявить их, и тогда начнется нескончаемая тяжба между нею и Гобсеком. Я уже хорошо знал характер этого ростовщика и был уверен, что он не отдаст графине имущества, переданного ему графом, а в тексте встречных расписок, которые привести в действие мог только я, имелось много оснований для судебной кляузы. Желая предотвратить это несчастье, я вторично пошел к графине.

— Я заметил, сударыня, — сказал Дервиль виконтессе де Гранлье, принимая таинственный тон, — что существует одно моральное явление, на которое мы в житейской суете не обращаем должного внимания. По своей натуре я склонен к наблюдениям и в дела, которые мне приходилось вести, особенно если в них разгорались человеческие страсти, всегда как-то невольно-

вносил дух анализа. И знаете, сколько раз я убеждался в удивительной способности противников разгадывать тайные мысли и намерения друг друга. Иной раз два врага проявляют такую же прозорливость, такую же силу внутреннего зрения, как двое влюбленных, читающих в душе друг у друга. И вот, когда мы вторично остались с графиней с глазу на глаз, я сразу понял, что она ненавидит меня, и угадал — почему, хотя она прикрывала свои чувства самой милой обходительностью и радушием. Ведь я оказался случайным хранителем ее тайны, а женщина всегда ненавидит тех, перед кем ей приходится краснеть. Она же догадалась, что если я и был доверенным лицом ее мужа, то все же он еще не успел передать мне свое состояние. Я избавлю вас от пересказа нашего разговора в тот день, замечу лишь, что он остался в моей памяти как одно из самых опасных сражений, которые мне приходилось вести в своей жизни. Эта женщина, наделенная от природы всеми чарами искуственности, проявляла то уступчивость, то надменность, то приветливость, то доверчивость; она даже пыталась разжечь во мне мужское любопытство, заронить любовь в мое сердце и покорить меня, — она потерпела поражение. Когда я собрался уходить, глаза ее горели такой лютой ненавистью, что я содрогнулся. Мы расстались врагами. Ей хотелось уничтожить меня, я же чувствовал к ней жалость, а для таких натур, как она, это равносильно нестерпимому оскорблению. Она почувствовала эту жалость под учтивой формой последних моих фраз, сказанных на прощанье. Я дал ей понять, что, как бы она ни изощрялась, ее ждет неизбежное разорение, и, вероятно, ужас охватил ее.

— Если б я мог поговорить с графом, то по крайней мере судьба ваших детей...

— Нет! Тогда я во всем буду зависеть от вас! — воскликнула она, прервав меня презрительным жестом.

Раз борьба между нами приняла такой открытый характер, я решил сам спасти эту семью от ожидавшей ее нищеты. Для такой цели я готов был, если понадобится, пойти даже на действия юридически незаконные. И вот что я предпринял. Я возбудил против графа де Ресто иск на всю сумму его фиктивного долга Гобсеку и получил исполнительный лист. Графине, конечно, пришлось скрывать от света судебное решение: оно давало мне право после смерти графа опечатать его имущество. Затем я подкупил одного из слуг в графском доме, и этот человек обещал вызвать меня, когда его хозяин будет при последнем издыхании, хотя бы это случилось в глухую ночь. Я решил приехать неожиданно, запугать графиню угрозой немедленной описи имущества и таким путем спасти документ, хранившийся у графа. Позднее я узнал, что эта женщина рылась в Гражданском кодексе, прислушиваясь к стонам умирающего мужа. Ужасную картину увидели бы мы, если б могли заглянуть в души наследников, обсту-

пающих смертное ложе. Сколько тут козней, расчетов, злостных ухищрений — и все из-за денег! Ну, оставим эти подробности, довольно противные сами по себе, хотя о них нужно было сказать, так как они помогут вам представить себе страдания этой женщины, страдания ее мужа и приоткроют завесу над скрытыми семейными драмами, похожими на их драму. Граф де Ресто два месяца лежал в постели, запершись в спальне, примирившись со своей участью. Смертельный недуг постепенно разрушал его тело и разум. У него появились причуды, которые иногда овладевают больными и кажутся необъяснимыми, — он запрещал прибирать в его комнате, отказывался от всех услуг, даже не позволяя перестилать постель. Крайняя его апатия запечатлелась на всем: мебель в комнате стояла в беспорядке, пыль и паутина покрывали даже самые хрупкие, изящные безделушки. Человеку, когда-то богатому и отличавшемуся изысканными вкусами, как будто доставляло удовольствие плачевное зрелище, открывавшееся перед его глазами в этой комнате, где и камин, и письменный стол, и стулья были загромождены предметами ухода за больным, где всюду видпелись всякие грязные пузырьки, с лекарствами или пустые, разбросанное белье, разбитые тарелки, где перед камином валялась грелка без крышки и стояла ванна с невылитой минеральной водой. В каждой мелочи этого безобразного хаоса чувствовалось крушение человеческой жизни. Готовясь удушить человека, смерть проявляла свою близость в вещах. Дневной свет вызывал у графа какой-то ужас, поэтому решетчатые ставни всегда были закрыты, и в полумраке комната казалась еще угрюмее. Больной сильно исхудал. Казалось, только в его блестящих глазах еще теплится последний огонек жизни. Что-то жуткое было в мертвенной бледности его лица, особенно потому, что на впалые щеки падали длинные прямые пряди непомерно отросших волос, которые он ни за что не позволял подстричь. Он напоминал фанатиков-пустынников. Горе угасило в нем все человеческие чувства, а ведь ему еще не было пятидесяти лет, и было время, когда весь Париж видел его таким блестящим, таким счастливым!

Однажды утром, в начале декабря 1824 года, Эрнест, сын графа, сидел в ногах его постели и с глубокой грустью смотрел на отца. Граф зашевелился и взглянул на него.

— Болит, папа? — спросил Эрнест.

— Нет, — ответил граф с душераздирающей улыбкой. — *Все вот тут и вот тут, у сердца!*

И он коснулся своей головы исхудалыми пальцами, а потом с таким страдальческим взглядом прижал руку к впалой груди, что сын заплакал.

— Почему же Дервиль не приходит? — спросил граф своего камердинера, которого считал преданным слугой, меж тем как этот человек был всецело на стороне его жены. — Как же это,

Морис! — воскликнул умирающий и, приподнявшись, сел на постели; казалось, сознание его стало совершенно ясным. — За последние две недели я раз семь, не меньше, посылал вас за моим поверенным, а его все нет. Вы что, шутите со мной? Сейчас же, сию минуту поезжайте и привезите его. Если вы не послушаетесь, я встану с постели, я сам поеду...

— Графиня, — сказал камердинер, выйдя в гостиную, — вы слышали, что граф сказал? Как же теперь быть?

— Ну, сделайте вид, будто отправляетесь к этому стряпчему, а вернувшись, доложите графу, что он уехал из Парижа за сорок ле на важный процесс. Добавьте, что его ждут в конце недели.

«Больные никогда не верят близости конца. Он будет спокойно дожидаться возвращения своего поверенного», — думала графиня. Накануне врач сказал ей, что граф вряд ли протянет еще сутки. Через два часа, когда камердинер сообщил графу неутешительное известие, тот пришел в крайнее волнение.

— Господи, господи — шептал он. — На тебя все мое упование!

Он долго глядел на сына и, наконец, сказал ему слабым голосом:

— Эрнест, мальчик мой, ты еще очень молод, но у тебя чистое сердце, ты поймешь, как свято обещание умирающему отцу... Чувствуешь ли ты себя в силах соблюсти тайну, сохранить ее в душе так крепко, чтобы о ней не узнала даже мать? Во всем доме я теперь только тебе одному верю. Ты не обманешь моего доверия?

— Нет, папа.

— Так вот, Эрнест, я тебе сейчас передам запечатанный конверт; он адресован Дервилю. Сбереги его, спрячь хорошенько, — пусть никто не подозревает, что он у тебя. Незаметно выйди из дому и опусти его в почтовый ящик на углу.

— Хорошо, папа.

— Могу я положить на тебя?

— Да, папа.

— Подойди, поцелуй меня. Теперь мне не так тяжело будет умереть, дорогой мой мальчик. Лет через шесть, через семь ты узнаешь, какая это важная тайна, ты будешь вознагражден за свою понятливость и за преданность отцу. И ты увидишь тогда, как я любил тебя. А теперь оставь меня одного на минутку и никого не пускай ко мне.

Эрнест вышел в гостиную и увидел, что там стоит мать.

— Эрнест, — прошептала она, — поди сюда. — Она села и, притянув к себе сына, крепко прижав его к груди, поцеловала с нежностью. — Эрнест, отец сейчас говорил с тобой?

— Да, мама.

— Что ж он тебе сказал?

— Не могу пересказывать это, мама.

— Ах, какой ты у меня славный мальчик! — воскликнула графиня и горячо поцеловала его. — Как я рада, что ты умеешь молчать. Всегда помни два самых главных для человека правила: не лгать и быть верным своему слову.

— Мапочка, какая ты хорошая! Ты-то уж, конечно, никогда в жизни не лгала! Я уверен.

— Нет, Эрнест, иногда я лгала. Я изменила своему слову, но в таких обстоятельствах, которые сильнее всех законов. Послушай, Эрнест, ты уж большой и умный мальчик, ты, верно, замечаешь, что отец отталкивает меня, гнушается моими заботами. А это несправедливо. Ты ведь знаешь, как я люблю его.

— Да, мама.

— Бедный мой мальчик, — сказала графиня, проливая слезы. — Всею виной злые люди, они оклеветали меня, задались целью разлучить твоего отца со мною, оттого что они корыстные, жадные. Они хотят отнять у нас все наше состояние и присвоить себе. Если б отец был здоров, наша размолвка скоро бы миновала, он добрый, он любит меня, он понял бы свою ошибку. Но болезнь помрачила его рассудок, предубеждение против меня превратилось у него в навязчивую мысль, в какое-то безумие. И он вдруг стал оказывать тебе предпочтение перед всеми детьми, — это тоже доказывает умственное его расстройство. Ведь ты же не замечал до его болезни, что он Полину и Жоржа любил меньше, чем тебя. Все теперь зависит у него от болезненных капризов. Его нежность к тебе могла внушить ему странные замыслы. Скажи, он дал тебе какое-нибудь распоряжение? Ангел мой, ведь ты не захочешь разорить брата и сестру, ты не допустишь, чтобы твоя мама, как нищенка, молила о куске хлеба! Расскажи мне все...

— А-а! — закричал граф, распахнув дверь.

Он стоял на пороге полуголый, иссохший, худой, как скелет. Сдавленный его крик потряс ужасом графиню, она остолбенела, глядя на мужа; этот изможденный бледный человек казался ей выходцем из могилы.

— Вам мало, что вы всю жизнь мою отравили горем, вы мне не даете умереть спокойно, вы хотите развратить душу моего сына, сделать его порочным человеком! — кричал он слабым, хриплым голосом.

Графиня бросилась к ногам умирающего, страшного, почти уродливого в эту минуту последних волнений жизни; слезы текли по ее лицу.

— Пожалейте! Пожалейте меня! — стонала она.

— А вы меня жалели? — спросил он. — Я дозволил вам промотать все ваше состояние, а теперь вы хотите и мое состояние пустить по ветру, разорить моего сына!

— Хорошо! Не щадите, губите меня! Детей пожалейте! — молила она. — Прикажите, и я уйду в монастырь на весь свой вдо-

вий век. Я подчинюсь, я все сделаю, что вы прикажете, чтобы искупить свою вину перед вами. Но дети!.. Пусть хоть они будут счастливы... Дети, дети!..

— У меня только один ребенок! — воскликнул граф, в отчаянии протягивая иссохшие руки к сыну.

— Прости! Я так раскаиваюсь, так раскаиваюсь, — вскрикивала графиня, обнимая худые и влажные от испарины ноги умирающего мужа.

Рыдания не давали ей говорить, горло перехватило, у нее вырывались только невнятные слова.

— Вы раскаиваетесь?! Как вы смеете произносить это слово после того, что сказали сейчас Эрнесту! — ответил умирающий и оттолкнул ее ногой.

Она упала на пол.

— Озяб я из-за вас, — сказал он с каким-то жутким равнодушием. — Вы были плохой дочерью, плохой женой, вы будете плохой матерью...

Несчастная женщина лишилась чувств. Умирающий добрался до постели, лег и через несколько часов потерял сознание. Пришли священники причастить его. В полночь он скончался. Объяснение с женой лишило его последних сил. Я приехал в полночь вместе с Гобсеком. Благодаря смятению в доме мы без помехи прошли в маленькую гостиную, смежную со спальней покойного, и увидели плачущих детей; с ними были два священника, оставшиеся, чтобы провести ночь возле тела. Эрнест подошел ко мне и сказал, что его мать пожелала побыть одной в комнате умершего.

— Не входите туда! — сказал он, и меня восхитили его тон и жест, который сопровождал эти слова. — Она молится...

Гобсек засмеялся характерным своим беззвучным смехом, но меня так взволновало скорбное и негодующее выражение лица этого юноши, что я не мог разделять иронии старого ростовщика. Увидев, что мы все-таки направились к двери, мальчик подбежал к порогу и, прижавшись к створке, крикнул:

— Мама, к тебе пришли эти гадкие люди!

Гобсек отбросил его, точно перышко, и отворил дверь. Какое зрелище предстало перед нами! В комнате был подлинный разгром. Графиня стояла неподвижно, растрепанная, с выражением отчаяния на лице, и растерянно смотрела на нас сверкающими глазами, а вокруг нее разбросано было платье умершего, бумаги, скомканные тряпки. Ужасно было видеть этот хаос возле смертного ложа. Лишь только граф испустил дыхание, его жена взломала все шкафы, все ящики письменного стола, и ковер вокруг нее густо устилали обрывки разорванных писем; пикатунки были сломаны, портфели разрезаны — везде шарили ее дерзкие руки. Возможно, ее поиски сначала были бесплодными, но сама ее поза, ее волнение навели меня на мысль, что в конце концов она обнаружила таинственные документы. Я бросил взгляд на постель и

чутьем, развившимся в привычных стряпчему делах, угадал все, что произошло. Труп графа де Ресто лежал ничком, головой к стене, свесившись за кровать, презрительно отброшенный, как одип из тех конвертов, которые валялись на полу, ибо и он теперь был лишь ненужной оболочкой. Его окоченевшее тело, раскинувшее руки и ноги, застыло в ужасной и нелепой позе. Несомненно, умирающий прятал встречную расписку под подушкой, надеясь, что таким способом до последней своей минуты уберезет ее от посягательства. Графиня догадалась, где хранились бумаги, да, впрочем, это можно было понять и по жесту мертвой руки с заостренными скрюченными пальцами. Подушка была сброшена, и на ней еще виднелся след женского ботинка. А на ковре, у самых ног графини, я увидел разорванный пакет с гербовыми печатями графа. Я быстро подобрал этот пакет и прочел сделанную на нем надпись, указывающую, что содержимое его должно быть передано мне. Я посмотрел на графиню пристальным, строгим взглядом, как следователь, допрашивающий преступника.

В камине догорали листы бумаги. Услышав, что мы пришли, графиня бросила их в огонь, ибо увидела в первых строках имущественных распоряжений имена своих младших детей и вообразила, что уничтожает завещание, лишающее их наследства, меж тем как наследство им обеспечивалось по моему настоянию. Смятение чувств, невольный ужас перед совершенным преступлением помрачили ее рассудок. Она видела, что поймана с поличным; быть может, перед глазами ее возник эшафот, и она уже чувствовала, как палач выжигает ей клеймо раскаленным железом. Она молчала и, тяжело дыша, глядела на нас безумными глазами, выжидая наших первых слов.

— Что вы наделали! — воскликнул я, выхватив из камина клочок бумаги, еще не тронутый огнем. — Вы разорили своих детей! Ведь эти документы обеспечивали им состояние...

Рот у графини перекосялся, казалось, с ней вот-вот случится удар.

— Хе-хе! — проскрипел Гобсек, и возглас этот напоминал скрип медного подсвечника, передвинутого по мраморной доске.

Помолчав немного, старик сказал мне спокойным тоном:

— Уж не думаете ли вы внушить графине мысль, что я не являюсь законным владельцем имущества, проданного мне графом? С этой минуты дом его принадлежит мне.

Меня точно обухом по голове ударили, я онемел от мучительного изумления. Графиня подметила удивленный взгляд, который я бросил на ростовщика.

— Сударь! Сударь! — бормотала она, не находя других слов.

— У вас фидеикомис? — спросил я Гобсека.

— Возможно.

— Вы хотите воспользоваться преступлением графини?

— Верно,

Я направился к двери, а графиня, упав на стул у постели покойника, залилась горючими слезами. Гобсек пошел за мною следом. На улице я молча повернул в другую сторону, но он подошел ко мне и, бросив на меня глубокий взгляд, проникавший в самую душу, крикнул тоненьким, пронзительным голосом:

— Ты что, судить меня берешься?

С этого дня мы виделись редко. Особняк графа Гобсек сдал внаймы; лето проводил по-барски в его поместьях, держал там себя хозяином, строил фермы, чинил мельницы и дороги, сажал деревья. Однажды я встретился с ним в одной из аллей Тюильри.

— Графиня ведет жизнь просто героическую, — сказал я ему. — Она всецело посвятила себя детям, дала им прекрасное воспитание и образование. Старший сын — премилый юноша.

— Возможно.

— Послушайте, разве вы не обязаны помочь Эрнесту?

— Помочь Эрнесту? — переспросил Гобсек. — Нет, нет! Несчастье — лучший учитель. В несчастье он многому научится, узнает цену деньгам, цену людям — и мужчинам и женщинам. Пусть поплавает по волнам парижского моря. А когда станет искусным лодчманом, мы его в капитаны произведем.

Я простился с ним, не желая вникать в смысл этих загадок. Хотя мать внушала господину де Ресто отвращение ко мне и он совсем не склонен был обращаться ко мне за советами, я на прошлой неделе пошел к Гобсеку, решив рассказать ему о любви Эрнеста к Камилле и поторопить его выполнить свои обязательства, так как молодой граф скоро достигнет совершеннолетия. Старика я застал в постели: он уже давно был болен и доживал последние дни. Мне он сказал, что даст ответ, когда встанет на ноги и будет в состоянии заниматься делами, — несомненно, он не желал расставаться с малейшей частицей своих богатств, пока еще в нем тлеет хоть искра жизни. Другой причины отсрочки не могло быть. Я видел, что он болен гораздо серьезнее, чем это казалось ему самому, и довольно долго пробыл у него — мне хотелось посмотреть, до каких пределов дошла его жадность, превратившаяся на пороге смерти в какое-то сумасшествие. Не желая видеть по соседству посторонних людей, он теперь снимал весь дом, жил в нем один, а все комнаты пустовали. В его спальне все было по-старому. Ее обстановка, хорошо мне знакомая, нисколько не изменилась за шестнадцать лет — каждая вещь как будто сохранялась под стеклом. Все та же привратница, преданная ему старуха, по-прежнему состояла его доверенным лицом, вела его хозяйство, докладывала о посетителях, а теперь, в дни болезни, ухаживала за ним, оставляя своего мужа-инвалида стеречь входную дверь, когда поднималась к хозяину. Гобсек был очень слаб, но все же принимал еще некоторых клиентов, сам получал доходы, но так упростил свои дела, что для управления ими вне стен комнаты ему достаточно было изредка посылать с поручениями инва-

лида. При заключении договора, по которому Франция признала республику Гаити¹, Гобсека назначили членом комиссии по оценке и ликвидации владений французских подданных в этой бывшей колонии и для распределения между ними сумм возмещения убытков, ибо он обладал большими сведениями по части старых поместий в Сан-Доминго, их собственников и плантаторов. Изобретательность Гобсека тотчас подсказала ему мысль основать посредническое агенство по реализации претензий бывших землевладельцев и их наследников, и он получал доходы от этого предприятия наравне с официальными его учредителями Вербрустом и Жигонне, не вкладывая никаких капиталов, так как его познания являлись сами по себе достаточным вкладом. Агентство действовало не хуже перегонного куба, вытягивая прибыли из имущественных претензий людей несведущих, недоверчивых или знавших, что их права являются спорными. В качестве ликвидатора Гобсек вел переговоры с крупными плантаторами, и каждый из них, стремясь повысить оценку своих земель или поскорее утвердиться в правах, делал ему подарки сообразно своему состоянию. Взятки эти представляли нечто вроде учетного процента, возмещавшего Гобсеку доходы с тех долговых обязательств, которые ему не удавалось захватить; затем через агенство он скупал по дешевке обязательства на мелкие суммы, а также те обязательства, владельцы которых спешили реализовать их, предпочитая получить немедленно хотя бы незначительное возмещение, чем ждать постепенных и ненадежных платежей Республики. В этой крупной афере Гобсек был ненасытным удавом. Каждое утро он получал дары и алчно разглядывал их, словно министр какого-нибудь набоба², обдумывающий, стоит ли за такую цену подписать помилование. Гобсек принимал все, начиная от корзинки с рыбой, преподнесенной каким-нибудь бедняком, и кончая пачками свечей — подарком людей скуповатых, брал столовое серебро от богатых людей и золотые табакерки от спекулянтов. Никто не знал, куда он девал все эти подношения. Все доставляли ему на дом, но ничего оттуда не выносили.

— Ей-богу, по совести скажу, — уверяла меня привратница, моя старая знакомая, — сдается мне, он все это глотает, да только не на пользу себе — исхудал, высох, почернел, будто кукушка на моих стенных часах.

Но вот в прошлый понедельник Гобсек прислал за мной инвалида, и тот, войдя ко мне в кабинет, сказал:

— Едемте скорее, господин Дервиль. Хозяин последний счет подводит, пожелтел, как лимон, торопится поговорить с вами. Смерть уже за глотку его схватила, в горле хрип клочечет.

¹ Франция признала независимость Гаити в 1825 году.

² *Набоб* — высокий титул индийской знати.

Войдя в комнату умирающего, я, к удивлению своему, увидел, что он стоит на коленях у камина, хотя там не было огня, а только большая куча золы. Он слез с кровати и дополз до камина, но ползти обратно уже не было у него сил и не было голоса позвать на помощь.

— Старый друг мой,— сказал я, поднимая его и помогая добраться до постели.— Вам холодно? Почему вы не велите затопить камин?

— Мне вовсе не холодно,— сказал он.— Не надо топить, не надо. Я ухажу, голубчик,— промолвил он, помолчав, и бросил на меня угасающий, тусклый взгляд.— Куда ухажу — не знаю, но ухажу отсюда. У меня уж *карфология*¹ началась,— добавил он, употребив медицинский термин, что указывало на полную ясность сознания.— Мне вдруг почудилось, будто по всей комнате золото катится, и я встал, чтобы подобрать его. Куда же теперь все мое добро пойдет? Казне я его не оставляю; я завещание написал. Найди его, Гроций. У Прекрасной Голландки осталась дочь. Я как-то раз встретил ее вечером на улице Вивьен. Хорошенькая, как купидон. У нее прозвище — Огонек. Разыщи ее, Гроций. Я тебя душеприказчиком назначил. Бери тут все, что хочешь, кушай — еды у меня много. Паштеты из гусиной печёнки есть, мешки кофе, сахару. Ложки есть золотые. Возьми для своей жены сервиз работы Одио. А кому же бриллианты? Ты нюхаешь табак, голубчик? У меня много табака, разных сортов. Продай его в Гамбург, там в полтора раза дороже дадут. Да, все у меня есть, и со всем надо расстаться. Ну, ну, папаша Гобсек, не трусь, будь верен себе...

Он приподнялся на постели; его лицо четко, как бронзовое, вырисовывалось на белой подушке. Протянув иссохшие руки, он вцепился костлявыми пальцами в одеяло, будто хотел за него удержаться, взглянул на камин, такой же холодный, как его металлический взгляд, и умер в полном сознании, явив своей привратнице, инвалиду и мне образ настороженного внимания, подобно тем старцам древнего Рима, которых Летьер изобразил позади консулов на своей картине «Смерть детей Брута».

— Молодцом рассчитался, старый сквалыга! — по-солдатски отчеканил инвалид.

А у меня все еще звучало в ушах фантастическое перечисление богатств, которое я слышал от умершего, и я невольно посмотрел на кучу золы в камине, увидев, что к ней устремлены его застывшие глаза. Величина этой кучи поразила меня. Я взял каминные щипцы и, сунув их в золу, наткнулся на что-то твердое, — там лежала грудка золота и серебра, вероятно, его доходы за время болезни. У него уже не было сил припрятать их получше, а недоверчивость не позволяла отослать все это в банк.

¹ *Карфология* — бессознательное движение рук у умирающего.

— Бегите к мировому судье! — сказал я инвалиду. — Надо тут немедленно все опечатать.

Вспомнив поразившие меня последние слова Гобсека и то, что мне говорила привратница, я взял ключи от комнат обоих этажей и решил осмотреть их. В первой же комнате, которую я отпер, я нашел объяснение его речам, казавшимся мне бессмысленными, и увидел, до чего может дойти скупость, превратившаяся в безотчетную, лишенную всякой логики страсть, примеры которой мы так часто видим в провинции. В комнате, смежной со спальней покойного, действительно оказались и гниющие паштеты, и груды всевозможных припасов, даже устрицы и рыба, покрывшаяся пухлой плесенью. Я чуть не задохся от смрада, в котором слились всякие зловонные запахи. Все кишело червями и насекомыми. Подношения, полученные недавно, лежали вперемешку с ящиками различных размеров, с цибиками чаю и мешками кофе. На камине в серебряной суповой миске хранились накладные различных грузов, прибывших на его имя в портовые склады Гавра: тюков хлопка, ящиков сахара, бочонков рома, кофе, индиго¹, табака — целого базара колониальных товаров! Комнату загромождала дорогая мебель, серебряная утварь, лампы, картины, вазы, книги, превосходные гравюры без рам, свернутые трубкой, и самые разнообразные редкости. Возможно, что не вся эта груда ценных вещей состояла из подарков, — многие из них, вероятно, были невыкупленными зкладами. Я видел там ларчики с драгоценностями, украшенные гербами и вензелями², прекрасные камчатные скатерти и салфетки, дорогое оружие, но без клейма. Раскрыв какую-то книгу, казалось, недавно вынимавшуюся из стопки, я обнаружил в ней несколько банковых билетов по тысяче франков. Тогда я решил внимательно осмотреть каждую вещь, вплоть до самых маленьких, все перевернуть, исследовать половицы, потолки, стены, карнизы, чтобы разыскать золото, к которому питал такую алчную страсть этот голландец, достойный кисти Рембрандта. Никогда еще в своей юридической практике я не встречал такого удивительного сочетания скупости со своеобразием характера. Вернувшись в спальню умершего, я нашел на его письменном столе разгадку постепенного скопления всех этих богатств. Под пресс-папье лежала переписка Гобсека с торговцами, которым он обычно продавал подарки своих клиентов. Но оттого ли, что купцы не раз оказывались жертвами уловок Гобсека, или оттого, что он слишком дорого запрашивал за съестные припасы и за вещи, ни одна сделка не состоялась. Он не желал продавать накопившуюся у него снедь в магазин Шеве, потому что Шеве требовал тридцатипроцентной скидки. Он торговался

¹ Индиго — ценная синяя краска, получаемая из некоторых растений или химическим путем.

² Вензель — начальные буквы имени и фамилии (или имен и фамилий), переплетенные таким образом, чтобы образовать узор.

из-за нескольких франков, а в это время товар портился. Серебро не было продано, потому что Гобсек отказывался взять на себя расходы по доставке. Мешки кофе залежались, так как он не желал скинуть на утруску. Словом, каждый предмет сделки служил ему поводом для бесконечных споров — несомненный признак, что он уже впал в детство и проявлял то дикое упрямство, что развивается у всех стариков, одержимых какой-либо страстью, пережившей у них разум. И я задал себе тот же вопрос, который слышал от него: кому же достанется все это богатство?.. Вспомнив, какие странные сведения он дал мне о своей единственной наследнице, я понял, что мне придется вести розыски во всяких значных местах Парижа и отдать огромное богатство в руки какой-то непотребной женщины. Но прежде всего знайте, что в силу совершенно бесспорных документов граф Эрнест де Ресто на днях вступил во владение состоянием, которое позволит ему жениться на мадемуазель Камилле да еще выделить вполне достаточный капитал матери и брату, а сестре дать приданое.

— Хорошо, дорогой Дервиль, мы подумаем, — ответила г-жа де Гранлье. — Господину де Ресто нужно быть очень богатым, чтобы такая семья, как наша, согласилась породниться с его матерью. Не забывайте, что мой сын рано или поздно станет герцогом де Гранлье и объединит состояние двух ветвей нашего рода. Я хочу, чтобы зять был ему под пару.

— А вы знаете, — спросил граф де Борн, — какой герб у Ресто? Четырехчастное червлёное поле с серебряной полосой и черными крестами. Очень древний герб.

— Это верно, — подтвердила виконтесса, — к тому же Камилла может и не встречаться со своей свекровью, нарушительницей девиза на этом гербе — *Res tuta*¹.

— Госпожа де Босеан принимала у себя графиню де Ресто, — заметил старик дядюшка.

— О, только на раутах!² — возразила виконтесса.

¹ «Надежность» (лат.)

² *Raut* — торжественный званый вечер, большей частью строго официального характера.

СОДЕРЖАНИЕ

Шекспир.	3
Гамлет.	5
История сюжета (5). Время и место действия (5). Действующие лица (6). Акт I (6). Акт II (39). Акт III (66). Акт IV (98). Акт V (122).	
Мольер.	151
Скупой.	153
Действующие лица (153). Действие первое (153). Действие второе (166). Действие третье (177). Действие четвертое (187). Действие пятое (195).	
Мещанин во дворянстве.	205
Действующие лица комедии (205). Действующие лица балета (205). Действие первое (206). Действие второе (212). Действие третье (224). Действие четвертое (245). Действие пятое (255).	
Гёте.	262
Фауст. Часть I.	265
Легенда о докторе Фаусте (Историческая справка) (265). Посвящение (266). Пролог в театре (267). Пролог на небесах (273). Сцена 1. (276). Сцена 2. У городских ворот (289). Сцена 3. Кабинет Фауста (300). Сцена 4. Кабинет Фауста (310). Сцена 5. Погреб Ауэрбаха в Лейпциге (327). Сцена 6. Кухня ведьмы (340). Сцена 7. Улица (351). Сцена 8. Вечер (354). Сцена 9. Гулянье (358). Сцена 10. Дом соседки (360). Сцена 11. Улица (368). Сцена 12. Сад (370). Сцена 13. Беседка (376). Сцена 14. Лес и пещера (377). Сцена 15. Ком-	

ната Гретхен (382). Сцена 16. Сад Марты (383). Сцена 17. У колодца (388). Сцена 18. У городской стены (390). Сцена 19. Ночь. Улица перед домом Гретхен (391). Сцена 20. Собор (397). Сцена 21. Вальпургиева ночь (399). Сцена 23. Пасмурный день. Поле (414). Сцена 24. Ночь. Открытое поле (416). Сцена 25. Тюрьма (417).

Стендаль. 426

Ванина Ванини, или Некоторые подробности о последней венте карбонариев, раскрытой в Папской области. 428

Байрон. 449

Лирика. 452

Отрывок (452). Лакин-и-Гар (452). Строки, адресованные преподающему Дж. Т. Бичеру... (453). «Хочу я быть ребенком вольным...» (454). Стихи, написанные под старым вязом на кладбище в Харроу (456). Расставание (457). В альбом (458). «Тех дней забыть мне не дано...» (458). Песня греческих повстанцев (459). Ода авторам билля против разрушителей станков (460). На вопрос о происхождении любви (461). Из «Еврейских мелодий». «Она идет во всей красе...» (461). «Душа моя мрачна...» (462). «Ты плачешь...» (462). «Ты кончил жизни путь, герой!..» (463). Солнце бессонных (463). Из «Оды с французского» (464). Прости (464). Прометей (467). Стансы к Августе (468). Стансы (469). Песня для луддитов (470). «Не бродить уж нам ночами...» (470). Стансы (471). Эпиграммы. Эпитафия Вильяму Питту (471). На смерть поэта Джона Китса (471). На самоубийство британского министра Кэстльри (472). Из дневника в Кефалонии (472). Последние слова о Греции (473).

Паломничество Чайльд Гарольда. 474

Из песни первой (474). Из песни второй (493). Из песни третьей (502). Из песни четвертой (506).

Корсар. Повесть. 508

Песнь первая (508). Песнь вторая (522). Песнь третья (536).

Бальзак. 553

Гобсек. 555

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

для 8—9 классов средней школы

Составитель

Владимир Андреевич Скороденко

Редактор

П. Ф. Роцин

Художник

Л. С. Муравьев-Моисеенко

Художественный редактор

А. В. Сафонов

Технические редакторы

Т. Н. Зыкина, Е. В. Богданова

Корректоры

А. П. Родионова, А. А. Рукосуева

Сдано в набор 9/VI-1971 г. Подписано в печать 9/XI-1971 г. 60×90¹/₁₆. Типогр. № 2. Печ. л. 38,0. Уч.-изд. л. 28,78. Тираж 450 тыс. экз. План 1972 г.

Издательство «Просвещение» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Саратовский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
Заказ № 759.

Цена без переплета 72 коп., переплет 10 коп.

Цена 82 коп.

Созданием файла в формате DjVu
занимался ewgeniy-new
(июнь 2015)